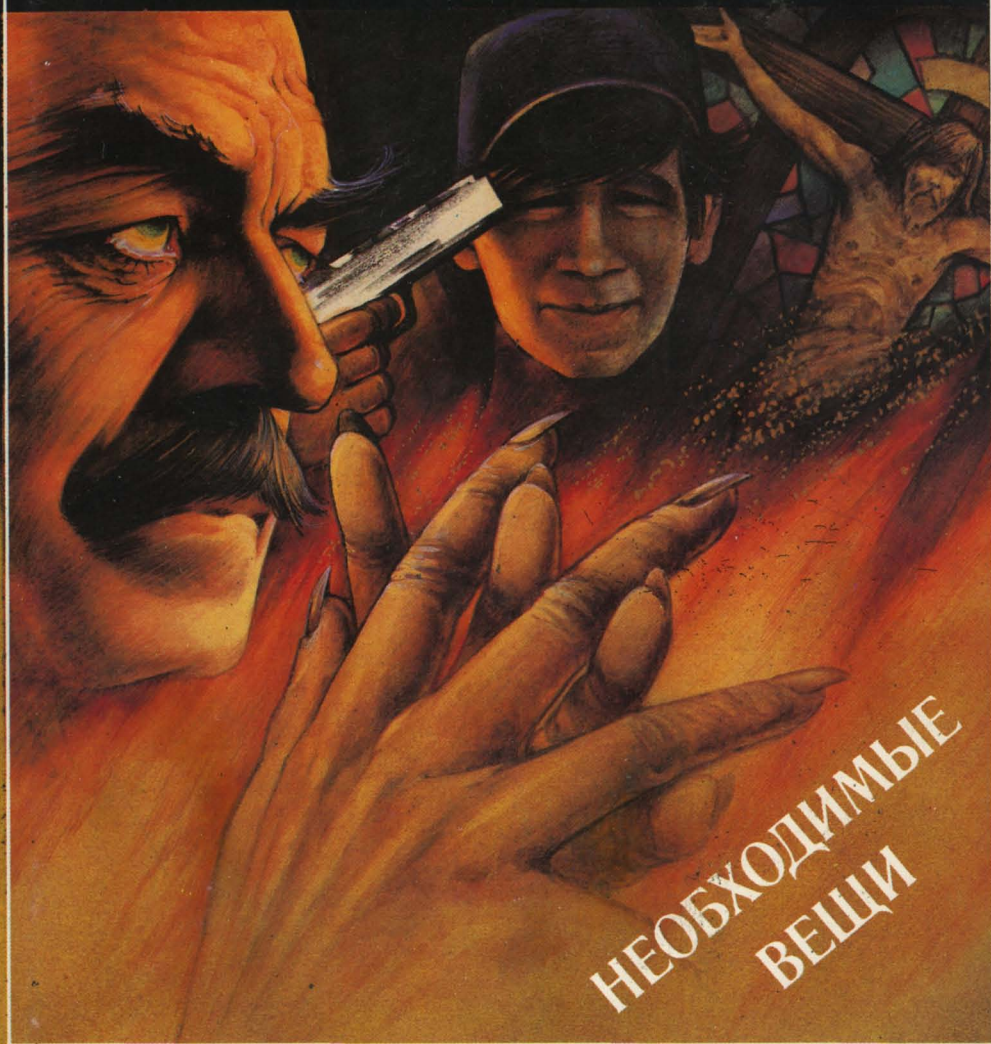

СТИВЕН КИНГ

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

НЕОБХОДИМЫЕ
ВЕЩИ

**МАСТЕРА
ОСТРОСЮЖЕТНОЙ
МИСТИКИ**

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

С т и в е н К и н г

НЕОБХОДИМЫЕ ВЕЩИ

Львов
СИГМА
1995

Мастера остросюжетной мистики

Выпуск 29

Stephen King

NEEDFUL THINGS

Стивен Кинг

НЕОБХОДИМЫЕ ВЕЩИ: роман

Copyright © 1979 by Stephen King..

ISBN 0-451-14732-8

НЕОБХОДИМЫЕ ВЕЩИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уверен, вы здесь когда-то были. Уверен. Я никогда не забываю лиц. Идите сюда, позвольте мне пожать вашу руку. И сказать вам кое-что: я узнал вас по походке даже раньше, чем хорошенько разглядел лицо. Вы не могли выбрать более удачный день для возвращения в Кастл Рок. И действительно, где может быть лучше в это время? Охотничий сезон на носу, скоро эти глупцы начнут палить из-за деревьев по всему, что движется... а потом пойдет снег с дождем, но это потом. А пока — октябрь, а в Кастл Роке мы разрешаем октябрю оставаться столько, сколько он пожелает.

Я просто убежден, что это самое прекрасное время года. Весна здесь прекрасна, но я всегда отдаю предпочтение октябрю. О западной части штата Мэн просто забывают как только кончается лето. И все покидают свои дачные домики на берегу озера и снова возвращается в Нью-Йорк и Массачусетс. Местные жители наблюдают за их приездом и отъездом — здравствуйте, здравствуйте, до свидания, до свидания, до свидания. Хорошо, когда они приезжают, потому что они привозят с собой свои городские доллары, но хорошо также, когда они уезжают, потому что они увозят с собой городскую нервозность.

Вот об этом-то я и хочу поговорить с вами — вы можете присесть рядом со мной? Вот здесь на подмостках сцены будет удобно. Солнечное тепло и свет освещают все вокруг, так что нам все хорошо будет видно. Только остерегайтесь заноз. Это работа Хью Прайста, но Хью уже не сможет выполнить ее. Вы же знаете, что он пьет. Из этого никто не делает секрета. Секреты умеют хранить и хранят в Кастл Роке, но чтобы сохранить эту тайну, нужно очень сильно потрудиться, а почти все хорошо знают, что Хью не любит работать.

Вы спрашиваете, что там наклеено? Ах, это! Ну, что же, это тоже своего рода работа. Этими листовками обклеен весь город. Думаю, что Ванда Хэмфил (ее муж заведует рынком) сама наклеила большую часть из них. Можете сорвать одну со столба и передать мне. Не бойтесь, — их никто не просил наклеивать эти листовки у эстрады оркестра в городском парке.

Страшная жара! Вот взгляните на эту листовку. «ИГРА В КОСТИ И ДЬЯВОЛ» — напечатано прямо вверх большими красными дымящимися буквами. Как будто это послание из ада. Тот, кто не знает наш маленький сонный городишко, может подумать, что это явное преувеличение. Но вы уже знаете, на что способен

такой городок. И уже в этот раз Преподобный Вилли, наверное, получит чувствительный удар. Несомненно. Разные церкви в маленьких городках... надеюсь, что нет необходимости рассказывать вам, что это такое. Они существуют друг с другом, но они никогда не примиряются. До поры до времени все мирно и спокойно. А потом возникают ссоры из-за пустяков.

Довольно-таки большая ссора на этот раз, и очень много тяжелых переживаний. Видите ли, католики решили организовать казино в здании Дочерей Изабеллы. А доходы должны пойти на ремонт церкви. Миленькая церквушка — вы проезжали мимо нее, если ехали со стороны Кастл Вью.

Идея о Казино Найт принадлежала Отцу Бригхэму, а Дочери Изабеллы стали настоящими воплощениями этой идеи в жизнь, Бэтси особенно. Я думаю, что ей понравилась мысль о том, как она в своем черном обтягивающем платье будет крутить колесо рулетки и произносить: «Делайте ставки, дамы и господа, пожалуйста, делайте ставки». Но я думаю, что им всем понравилась эта идея. Это только пустяковые, безобидные ставки, но это почти безгрешное дело.

Однако, Преподобный Вилли не находил это таким уж безвредным, тоже самое считали и его прихожане. Преподобный Вильям Роуз и Отец Бригхэм всегда недолюбливали друг друга. (Именно Отец Бригхэм начал называть Преподобного Роуза «Пароход Вилли», и Преподобный Вилли узнал об этом).

Между двумя этими служителями бога и раньше пробегали искры, но дело Казино разожгло еще больше, чем искру, я думаю, что это можно даже назвать сплошным огнем. Когда Вилли услышал, что католики собираются устроить игорный дом, он чуть не пробил потолок своей маленькой острой головы. Он заплатил за листовки «ИГРА В КОСТИ И ДЬЯВОЛ» из своего кармана. После этого единственным местом, где католики и баптисты разговаривали друг с другом, была колонка писем в нашей маленькой еженедельной газете, где они напыщенно и бессвязно посылали друг друга к черту.

Посмотрите вниз и вы поймете, о чем я говорю. Это Нэни Робертс, которая только что вышла из банка. Она хозяйка кафе «Завтрак Нэни», и я готов поклясться, что она самая состоятельная персона с тех пор, как Хлопушка отправился на большой блошинный рынок на небесах. Она ярая баптистка с тех самых времен, когда Гектор еще был щенком. А с другой стороны идет Ал Джендрон. Он такой приверженец католицизма, что даже Папа Римский покраснеет в его присутствии, ирландец Джон Бригхэм его лучший друг. А теперь посмотрите внимательнее! Видите, как они воротят носы? Ну разве это не скетч? А? Я ставлю сто долларов против одного, что когда они проходят мимо друг друга, температура подскакивает градусов на двадцать. Как любила повторять моя мама — люди развлекаются, как только могут.

А теперь посмотрите сюда. Видите эту патрульную машину, стоящую на обочине рядом с видео-салонем? Это Джон Ля Пуан за рулем. Подразумевается, что он должен следить за скоростью проезжающих машин; центр города — это зона, где скорость ограничена, особенно, когда в школе заканчиваются уроки. Но если вы

присмотритесь повнимательнее, то вы увидите, что он разглядывает вынутую из бумажника фотографию. Я не могу разглядеть ее отсюда, но я знаю это также хорошо, как девичью фамилию своей матери. Это фото сделал Энди Клаттербарк: Салли Рэтклифф и Джон на ярмарке в Фрайурге. С тех пор прошел где-то год. На фотографии Джон обнимает ее за плечи, а она держит игрушечного медведя, которого он выиграл для нее в тире. Они такие влюбленные, что не могут оторваться друг от друга. Но это было тогда, а теперь Салли Рэтклифф помолвлена с Лестером Праттом. Он ярый баптист, как и она. Джон до сих пор не может оправиться от шока после их разрыва. Видите, как он вздыхает? Только человек, который все еще любит (или думает, что он влюблен), может так тяжело вздыхать.

Проблемы и конфликты в основном возникают по самым простым поводам. Позвольте же привести пример. Видите мужчину, поднимающегося по лестнице здания муниципалитета? Нет, не того, что в костюме, это Дэнфорд Китон, председатель городского управления. Я имею в виду другого парня, уставшего от работы. Это Энди Вобертон, ночной сторож здания муниципалитета. Понаблюдайте за ним несколько минут и посмотрите, что он делает. Вот? Видите, как он остановился на верхней ступени и всматривается вдаль? Я могу поставить двести долларов против вашего одного, что он ищет взглядом салон Суако. Суако принадлежит Сонни Джекет, и между ними были стычки, когда Энди купил у него машину два года назад.

Я хорошо помню эту машину. Это была «хонда цивик», совсем обычная, но она была особенной для Энди, потому что это была его первая машина, какую он когда-либо имел в жизни. Но Сонни не только плохо сделал свою работу, но и обдурил его при сделке. Это версия со стороны Энди, Вобертон просто сгущает краски, чтобы не платить по счету — это точка зрения Сонни. Вы же знаете, как это происходит?

Итак, Сонни Джекет и Энди Вобертон подали заявление в исковый суд. Были крики сначала в зале заседаний, затем в коридоре. Энди сказал, что Сонни назвал его «черномазым тупицей», а Сонни ответил, что он не называл его «черномазым», а все остальное правда. В конце концов, никто из них не был удовлетворен. Судья присудил Энди уплатить пятьдесят баксов, на что Энди ответил, что это слишком много, а Сонни сказал, что это слишком мало. А затем, и это вы тоже знаете, в новой машине Энди загорелась электропроводка, после чего автомобиль Энди пригоден только для свалки, и теперь Энди водит олдсмобиль 81 года, у которого капает масло. Энди никогда не оставляет мысль, что Сонни Джекет знает намного больше об этом пожаре, чем говорит.

Люди развлекаются, как только могут. Такова жизнь в маленьком провинциальном городишке, как его не назови — Пэйтон Плейс, Гравер Корнерс или Кастл Рок, это просто люди, которые едят пироги и пьют кофе и сплетничают друг о друге. Вот Слоппи Додд с его одиночеством, потому что другие ребята издеваются над его заиканием. Это Миртл Китон, и если она выглядит немного озадаченной, как будто она совсем не понимает, где находится, так это все из-за ее мужа (приятеля, которого вы только что видели на ступеньках муниципалитета), который не находит себе места по-

следние полгода. Видишь, какие опухшие у нее глаза? Я думаю, что она плакала, а может быть, плохо спала, а может быть, и то и другое вместе.

А вот идет Ленора Поттер в магазин «Вестерн Авто», чтобы узнать, прибыли ли специальные удобрения. Несомненно, что эта женщина уделяла больше внимания цветам на ее лужайке и семидесятидолларовой завивке, сделанной в Бостоне. Ее считают заносчивой, скажу вам по секрету, раз мы сидим здесь на этих солнечных подмостках, и я считаю, что это правда.

Вы можете сказать, что все, как обычно, но не все проблемы в Кастрл Роке обыденны; и я прямо хочу вам об этом сказать. Никто не забыл Френка Додди, который сошел с ума двенадцать лет назад и убил столько женщин, и никто не забудет бешеную собаку, которая загрызла Джо Калебера и одну чудачковатую старушку. Собака также убила старину Шерифа Джорджа Баннермана. Сейчас на его месте работает Алан Пэнгборн. Он хороший человек, но никогда не займет место Большого Джорджа в сердцах горожан.

Не было ничего необычного и в том, что произошло с «Хлопушкой» Джержинальдом Мериллом, — Хлопушка был старым скрягой, который содержал магазин старья. Он назывался «Эспориум Галориум». Стоял этот магазинчик как раз там, где сейчас пустырь. Он давным-давно сгорел, но в городе еще есть люди, помнящие его (или говорящие, что помнят), которые после нескольких бутылок пива в «Захмелевшем Тигре» расскажут вам, что это был не просто пожар, уничтоживший «Эспориум Галориум» и унесший жизнь Хлопушки Мерилла.

Его племянник по кличке Туз говорит, что нечто странное случилось с дядей перед пожаром — что-то напоминающее «мерцающую зону». Конечно, Туза не было тогда рядом, он отсиживал 4-летний срок в тюрьме за нарушение общественного порядка в ночное время. (Люди всегда знали, что Туз Мерилл добром не кончит. Когда он еще учился в школе, то был самым ужасным хулиганом, когда-либо рождавшимся в этом городе. Все дети перебегали на другую сторону, когда они видели приближающегося к ним Туза в кожаной курточке, сплошь и рядом украшенной цепями и молниями). Однако ему, действительно, казалось странным то, что случилось с его дядей, а может быть, это просто разговоры за чашечкой кофе и куском яблочного пирога «У Нэни». Здесь все точно так, как и в том месте, где вы родились.

Люди спорят о религиях, люди несут факелы, люди хранят секреты или недовольство... и даже о привидениях, как в случае смерти Хлопушки, рассказывают только для того, чтобы рассеять скуку серого дня.

Кастрл Рок все же хорошее место для рождения и жизни, как говорит надпись при въезде в город. Солнце ярко освещает озеро и листья на деревьях, а в ясный погожий денек можно видеть окрестности даже до Вермонта с вершины Кастрл Вью. Люди, приезжающие на лето, спорят о статьях, напечатанных в газетах, иногда они дерутся в «Захмелевшем Тигре» в пятницу и субботу вечером (а иногда и два дня подряд), но отдыхающие всегда возвращаются домой, а драки всегда заканчиваются. Рок всегда был тихим местеч-

ком, но вы же знаете, что мы иногда говорим сгоряча. Мы говорим: «Я покончу с этим». Генри Бьюфорду, например, надоело, что Хью Прайст разбивает у него в заведении проигрыватель, когда напивается... и Генри покончит с этим. Вилма Ежик и Нэтти Кобб ненавидят друг друга до потери пульса... но Нэтти покончит с этим (возможно), а сумасшествие — это просто образ жизни Вилмы Ежик. Шериф Пэннборн все еще тоскует по своей жене и младшему сыну, которые преждевременно ушли из жизни, и это была действительно трагедия, но он, конечно, со временем ее преодолеет. Артрит у Полли Чалмерс никак не излечивается, он даже обостряется постепенно, и она никак не может покончить с ним. И так далее и тому подобное.

Мы постепенно набиваем себе шишки, но все идет своим чередом. Почти всегда шло до последнего времени. Но мне нужно открыть вам настоящий секрет, мой друг; именно для этого я позвал вас, когда увидел, что вы вернулись в город. Я думаю, что несчастье, настоящее несчастье, приближается. Я чувствую его запах, как грозу, приходящую не вовремя. Она разорвет небо миллиардами молний. Споры между католиками и баптистами по поводу Казино Найт, деги, третирующие Слоппи за его заикание, печаль шерифа Пэннборна... Я думаю, что все это цветочки по сравнению с тем, что грядет.

Видите вот то здание на Мэйн-стрит, расположенное напротив пустого места, где когда-то стоял «Эспориум Галориум»? У него еще такой зеленый навес над витриной? Да, именно это. На всех окнах спущены жалюзи, потому что оно еще не открыто. «НЕОБХОДИМЫЕ ВЕЩИ», — гласит вывеска. Что бы это значило? Я не знаю, но кажется, что именно отсюда исходят зловещие токи.

Прямо отсюда.

Взгляните еще раз на улицу. Видите вон того мальчика? Того, который идет рядом со своим велосипедом и выглядит, как будто он самый счастливый мальчишка на свете? Понаблюдайте за ним. Я думаю, что он и начнет все это.

Нет, я же не знаю этого наверняка... Но наблюдайте за ним. И задержитесь немного в городе, хорошо? Иногда бывают плохие предчувствия. А когда что-то, действительно, случается, говорят, что это было предзнаменованием.

Я знаю этого ребенка — того, кто ведет велосипед. Может быть, и ты знаешь его. Его имя Брайан, фамилии не помню. Его отец занимается ремонтом и изготовлением дверей в Оксфорде или Южном Париже.

Наблюдайте за ним. Наблюдайте за всем, что здесь происходит. Вы здесь уже были однажды, но скоро здесь все изменится.

Я знаю это.

Я это чувствую.

Над городом сгущаются тучи.

Приближается буря.

Часть I ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ

Глава 1

1

Открытие нового магазина в таком маленьком городке, как Кастл Рок, — всегда большое событие.

Правда, для одиннадцатилетнего Брайана Раска оно не значило так много, как для некоторых других, например, для его матери.

Он слышал, как она в течение месяца обсуждала это событие со своей лучшей подружкой Майрой Эванс по телефону (он бы не назвал все эти телефонные разговоры сплетнями, так как мама всегда говорила, что сплетни — это грязное дело, и она ими не занимается).

Первые рабочие, появившиеся возле старого здания, где последнее время размещалась Западная компания недвижимости штата Мэн и страховая компания, как раз к началу занятий в школе, с тех пор там и занимались строительными работами. Мало кто в городе представлял себе, что именно они строят; первым делом они установили в проеме стены большую витрину, а потом намылили ее мылом. Две недели назад на двери под пластиковым прикрытием появилась табличка:

СКОРО СОСТОИТСЯ ОТКРЫТИЕ!

«НЕОБХОДИМЫЕ ВЕЩИ»

НОВЫЙ ТИП МАГАЗИНА

«Вы не поверите своим глазам»

— Это будет еще один антикварный магазин, — сказала Майре мама Брайана.

Разговаривая по телефону, Кора Раск откинулась на кушетке, держа трубку в одной руке, а второй отправляя себе в рот вишни в шоколаде и успевая в то же время следить по телевизору за сериалом «Санта-Барбара».

— Всего лишь какой-нибудь антиквариат с подделками под американскую мебель прошлого столетия и с заплесневелыми старыми, крючковатыми телефонами. Вот увидишь.

Этот разговор произошел вскоре после того, как в магазине установили новую витрину и намылили ее мылом, а его мама говорила с такой уверенностью, что Брайан решил, что тема исчер-

пана. Однако для его мамы не существовало темы, которую можно было бы полностью исчерпать. Ее предположения и прогнозы были такими же бесконечными, как проблемы, над которыми упорно билась героиня «Санта-Барбары».

На прошлой неделе верхняя строка объявления на двери магазина была заменена новой:

**«ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ
СОСТОИТСЯ 9 ОКТЯБРЯ.
ПРИВОДИТЕ СВОИХ ДРУЗЕЙ».**

Новый магазин не интересовал Брайана в такой степени, как его маму и некоторых учителей; он слышал их разговоры об этом в учительской средней школы города Кастл Рока, когда наступила его очередь быть посыльным. Но Брайану было уже одиннадцать лет, и, как всех здоровых мальчиков его возраста, его интересовало все новое. Кроме того, его заинтриговало название магазина: «Необходимые вещи» — что бы это могло означать? По дороге из школы во вторник он обратил внимание на изменение первой строки объявления на магазине. Вторники были для Брайана долгожданными днями. Дело в том, что он родился с «заячьей губой», и хотя, когда ему было семь лет, с ним поработал хирург, все же ему надо было посещать логопеда. Всем, кто его спрашивал об этом, он с неизменной стойкостью отвечал, что ему противно ходить к логопеду, но это было не так. Он был глубоко и безнадежно влюблен в мисс Рэтклифф и с нетерпением ждал целую неделю того момента, когда увидит ее в кабинете логопеда после школы. Ему казалось, что школьные часы по вторникам тянутся тысячей лет, а в последние два часа занятий он ощущал приятный холодок в желудке.

В классе кроме него занимались еще четыре мальчика, но никто из них не был из его района. Он был рад этому обстоятельству. После часа, проведенного с мисс Рэтклифф, он чувствовал себя слишком возбужденным, чтобы с кем-либо общаться по дороге. Ему нравилось поздно возвращаться, толкая свой велосипед перед собой (ему не хотелось ехать на нем) и мечтать о ней в то время, как вокруг него кружились желтые и золотистые листья в нежарких лучах заходящего октябрьского солнца.

Его путь пролегал по центру города через три квартала по улице Мэйн-стрит и, когда, проходя мимо нового магазина, он увидел на табличке приглашение на торжественное открытие, он прижался носом к стеклу, пытаясь узнать, чем же заменены стоявшие в окружении желтых стен тяжеловесные столы съехавших отсюда клерков по недвижимости и страховых агентов. Его любопытство не было однако удовлетворено. За стеклом была опущена штора, и Брайан ничего не увидел, кроме своего лица и сложенных рупором ладоней.

Четвертого октября, в пятницу, еженедельник Кастл Рока под названием «Свисток» напечатал рекламное объявление нового магазина. Оно было обведено волнистой чертой, а ниже красовались два ангелочка, дующие в длинные трубы.

Реклама сообщала то же самое, что и табличка на двери магазина: название магазина — «Необходимые вещи», он откроется в десять часов утра 9 октября и, конечно: «Вы не поверите своим

глазам». И ни малейшего намека на то, какие товары будут в магазине.

Эта газетная реклама, по-видимому, сильно раздосадовала Кору Раск. Во всяком случае, она позвонила Майре утром в субботу.

— Я поверю своим глазам, уверяю тебя, — сказала она, — когда увижу эти допотопные кровати с клеймом «Рочестер, Нью-Йорк» под рамой. И это клеймо увидит каждый, если не поленится нагнуть голову и взглянуть под перину. Вот тогда я вполне поверю своим глазам.

Майра что-то говорила в ответ, Кора слушала, выживая орешки из кулька и быстро отправляя их в рот.

Брайан и его маленький братишка Шон, сидя на полу гостиной, смотрели телевизионные мультики. Брайан не слишком сильно был увлечен похождениями голубых человечков и одним ухом прислушивался к телефонному разговору.

— Во-о-от именно! — отреагировала Кора Раск с еще большей уверенностью на очередное колкое замечание Майры Эванс относительно магазина — высокие цены и заплесневелые старинные телефоны.

Вчера, в понедельник, после школы, Брайан катался на велосипеде со своими друзьями в центре города. Они проезжали новый магазин с противоположной стороны улицы, и Брайан заметил, что кто-то днем укрепил над витриной темно-зеленый навес. Посредине навеса белыми буквами было написано «НЕОБХОДИМЫЕ ВЕЩИ». Полли Чалмерс, владелица швейной мастерской «Шьем для Вас» стояла на тротуаре, опустив руки на свои шикарные стройные бедра, и смотрела на новый навес со смешанным чувством удовлетворения и восхищения.

Брайан, который немного разбирался в навесах, был очень удивлен. Это единственный настоящий навес на всей Мэйн-стрит и он придает новому магазину неповторимый вид. Слово «изощренный» не входило в рабочий лексикон Брайана, но он сразу понял, что второго такого магазина в Кастл Роке нет. С этим навесом магазин можно было показывать в любом телешоу. Стоящий через дорогу магазин «Вестерн Авто» выглядел безвкусно, и новый магазин от этого только выигрывал.

Когда он пришел домой, его мама, как всегда, полулежала на софе, смотрела «Санта-Барбару», поела пирожные и запивала их диетической Кока-Колой. Его мама обычно пила диетическую содовую воду, когда смотрела телевизор после обеда. Брайан не понимал, зачем она это делает, но он подумал, что задавать вопрос на эту тему опасно. Она могла даже накричать на него за это, а когда его мама начинала кричать, нужно было спасаться бегством.

— Привет, ма! — сказал он, бросая книги на столик и вынимая молоко из холодильника.

— Угадай, что случилось? На новом магазине повесили навес!

— Кто повесился? — ее голос выплывал из гостиной.

— Навес, — сказал он. — На новом магазине.

Она села, нашла дистанционный пульт и выключила звук. А на экране Эл и Корина продолжали решать свои проблемы в их любимом ресторане «Санта-Барбара», но теперь суть этих проблем мог понять только глухонемой.

— Что? — спросила она. — На магазине «Необходимые вещи»?

— Угу, — промычал Брайан и отпил немного молока.

— Не чавкай, — сказала она, — засовывая себе в рот остаток пирожного — это отвратительно. Сколько раз я тебе говорила об этом!

«Почти столько же раз, сколько ты советовала не разговаривать с полным ртом», — подумал Брайан, но промолчал. Он с раннего возраста научился сдерживать свой язык.

— Извини, мам.

— Что за навес?

— Зеленый.

— Прессованный или из алюминия?

Брайан, отец которого был агентом компании Дик Перри по установке ограждений и дверей в Южном Париже, прекрасно понимал, о чем она спрашивает. Но если бы речь шла о таких навесах, которые упомянула мама, он не стал бы даже о нем вспоминать. Навесы из алюминия и прессованного металла были по 10 центов за дюжину. Они красовались над окнами доброй половины домов в Кастл Роке.

— Ни тот ни другой, — ответил Брайан. — Он матерчатый. Это тент. Он выступает настолько, что тень падает до самой земли. И он круглый, вот такой. — И Брайан свел перед собой руки в полукруге (но сделал это осторожно, чтобы не пролить молоко).

— Название магазина напечатано большими буквами по краю навеса. Это высший класс!

— Ах, чтоб мне провалиться!

Этой фразой Кора обычно выражала высшую степень своего возбуждения. Брайан на всякий случай сделал шаг в сторону.

— Как ты думаешь, ма, что это значит? Может быть, они хотят открыть там ресторан.

— Я не знаю, — ответила Кора и потянулась за телефоном на край стола.

Ей пришлось сдвинуть кошку, телепрограмму и бутылку «Кока-Колы», чтобы добраться до аппарата.

— Но все это подозрительно.

— Мам, что значит «Необходимые вещи»?

— Теперь не мешай мне, Брайан, мама занята. В хлебнице бутерброды с сосисками, бери, если хочешь. Но возьми только один, чтобы не испортить аппетит перед ужином.

Она уже набирала номер Майры, и вскоре они с энтузиазмом принялись обсуждать информацию о зеленом навесе над новым магазином.

Брайан не хотел бутерброд. Он сильно любил свою маму, но иногда, видя, как она поглощает пищу, он терял аппетит. Брайан уселся за кухонный столик, открыл задачник и стал выполнять домашнее задание: он был трудолюбивым и сознательным мальчиком, и математика оставалась единственным предметом, по которому он не успел сделать домашнее задание в школе. Когда он методически перемещал запятую в десятичных дробях, до него донеслись обрывки разговора. Мама снова рассказывала Майре, что у них скоро появится еще один магазин с пузырьками вонючих духов

и картинами чьих-то умерших родственников и что торговать такими вещами — это просто позор.

— Сейчас появилось слишком много людей, — сказала Кора, — у которых основной жизненный принцип — это урвать как можно больше денег и удрать. Когда она говорила о навесе над витриной магазина, казалось, что кто-то специально задался целью ее обидеть и прекрасно с этой целью справился.

Брайан сосредоточенно выводил на бумаге круги карандашом и напряженно думал о том, что его мама когда-нибудь проникнет в тайну нового магазина. Она любопытна и настойчива, поэтому скоро все узнает. И тогда раскроет ему этот большой секрет, а если ей будет не до Брайана, он сам сможет проникнуть в эту тайну, подслушав один из ее вечерних телефонных разговоров с Майрой.

Но как оказалось впоследствии, Брайану удалось узнать о «Необходимых вещах» намного больше и гораздо раньше, чем его матери или Майре или кому-либо еще в Кастл Роке.

2

Он едва мог крутить педали своего велосипеда по дороге домой из школы в тот вечер накануне открытия магазина «Необходимые вещи». Он был погружен в сладкий сон наяву (но у него не вырвали бы ни единого слова об этом сне, если бы даже угрожали раскаленными углями или укусом тарантула), в котором просил Мисс Рэтклифф пойти с ним на ярмарку округа Кастл, и она согласилась.

— Спасибо, Брайан, — говорит мисс Рэтклифф и Брайан видит слезинки благодарности в уголках ее синих глаз — таких темных, что они похожи на море в шторм.

— А мне последнее время... было так грустно. Понимаешь, я потеряла свою любовь.

— Я помогу вам забыть его, — говорит Брайан, его голос суров и нежен одновременно, — если будете называть меня просто Брай.

— Спасибо тебе, — шепчет она и затем, придвинувшись к нему так близко, что он ощущает запах ее духов — этот сказочный аромат лесных цветов, она говорит:

— Спасибо тебе... Брай, а поскольку сегодня вечером мы с тобой не учитель и ученик, а просто юноша и девушка, можешь назвать меня... Салли.

Он берет ее за руку, смотрит в глаза.

— Я уже не ребенок, — говорит он, — я помогу тебе забыть его, Салли.

Кажется, ее загипнотизировали его слова и его мужественность. «Пусть ему только одиннадцать», думает она, «но он более мужчина, чем Лестер!» Ее рука сжимает его руку. Их лица все ближе... и ближе...

— Нет, — шепчет она и ее глаза становятся такими широкими и такими близкими, что он тонет в них.

— Не нужно, Брай... не делай этого.

— Все в порядке, крошка, — говорит он и прижимается губами к ее губам. Через несколько мгновений она отстраняется от него и что-то нежно шепчет.

— Эй, дубина, куда едешь!

Выброшенный из своих грез, Брайан видит, что он едва не наехал на грузовик Хью Прайста.

— Извините, мистер Прайст, — сказал Брайан, сильно краснея.

Хью Прайст был ничтожеством, которое может наброситься на кого угодно. Он работал в департаменте общественных работ и славился самым скверным характером в Кастл Роке. Брайан пристально следил за ним в этот момент, и, если бы Прайст начал вылезать из своего грузовика, Брайан был готов вскочить на велосипед и со скоростью света помчаться по Мэйн-стрит. Ему совсем не улыбалась перспектива пролежать целый месяц в больнице только потому, что он мечтал попасть на окружную ярмарку вместе с мисс Рэтклифф.

Но между коленями Хью Прайста была зажата бутылка пива, а по радио пел Хэнк Вильямс и ему было гораздо приятнее сидеть в кабине, чем выбивать дурь из мальчишки на дороге.

— Смотри, у меня, — сказал он, прикладываясь к бутылке и мрачно поглядывая на Брайана. — В следующий раз я не буду тормозить. Я тебя просто перееду, и пикнуть не успеешь.

Он включил скорость и уехал. Брайана охватило острое желание (хорошо, что лишь на короткое время) крикнуть ему вслед: «Чтобы ты провалился!» Он подождал, пока оранжевый грузовик Прайста не завернет за угол Линден-стрит, и продолжил свой путь. Его грезы о мисс Рэтклифф были, увы, нарушены. Хью Прайст вернул его к реальности. Мисс Рэтклифф еще не поссорилась со своим женихом Лестером Праттом; она все еще носила маленькое кольцо с бриллиантом и все еще ездила в голубом «мустанге» Лестера, пока ее собственная машина находилась в ремонте.

Брайан видел мисс Рэтклифф и мистера Пратта прошлым вечером, когда они вместе с группой молодых людей на нижней Мэйн-стрит наклеивали на телефонные столбы плакаты «ИГРА В КОСТИ И ДЬЯВОЛ». Они пели церковные гимны. Брайан увидел также, что после них на этом месте появилась группа католиков, которые срывали плакаты. Это было довольно забавно... но будь Брайан постарше, он сумел бы защитить плакаты, которые наклеивала мисс Рэтклифф своими благословенными руками.

Брайан думал о ее темно-синих глазах и ее длинных ногах балерины и испытывал удивление и досаду при мысли о том, что в январе она собирается изменить свое милое имя Салли Рэтклифф на Салли Пратт, которое ассоциируется у Брайана с толстой леди, спотыкающейся при подъеме на лестнице.

Ну что же, думал он, медленно двигаясь по Мэйн-стрит, может быть, она изменит еще свое решение. В этом нет ничего невозможного. Или Лестер Пратт попадет в автодорожную аварию, либо у него появится опухоль мозга или что-то в этом роде. Может оказаться даже, что он наркоман. Мисс Рэтклифф никогда не выйдет замуж за наркомана. Эти мысли принесли Брайану какое-то странное успокоение, но они не отменяли того факта, что Хью Прайст самым грубым образом оборвал его дневные грезы как раз перед достижением апогея (он целовал мисс Рэтклифф и даже коснулся ее правой груди, когда они оказались в туннеле любви на ярмарке).

И все же это была совершенно дикая мысль: одиннадцатилетний мальчик берет с собой учительницу на окружную ярмарку. Мисс Рэтклифф прекрасна, но она уже старая. Она как-то сказала детям, что в ноябре ей будет двадцать четыре. Брайан снова аккуратно сложил свои грезы, как человек, складывающий вчетверо ценный документ, и засунул их на верхнюю полку своего сознания, где они лежали раньше. Он приготовился сесть на велосипед и проехать на нем остаток пути.

Но в этот момент он находился напротив нового магазина, и что-то привлекло его взгляд к вывеске на двери. Она опять была несколько изменена. Он внимательно посмотрел на нее. Висевшая ранее надпись:

**«ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ 9-го ОКТЯБРЯ
ПРИВОДИТЕ СВОИХ ДРУЗЕЙ!»**

исчезла, и ее место заняло краткое слово, написанное красными буквами на белом фоне

ОТКРЫТО, и это было все, о чем оно говорило. Брайан стоял с зажатой между ногами велосипедом и смотрел на это слово, а его сердце забилось сильнее.

— Ты ведь не собираешься заходить сюда, не так ли? — спросил он себя. — Я имею в виду, что даже, если он действительно открыт, ты же не зайдешь туда, правильно?

— Почему бы и нет? — ответил себе он. — Ну... потому что витрина еще покрыта мылом, штора на стеклянной двери опущена. Допустим, если ты войдешь туда, с тобой ничего не случится. Ничего, конечно. А вдруг владелец магазина Норман Бейтс или кто-нибудь на него похожий, он одет в старое тряпье и убивает кинжалом своих посетителей? Правильно?

— Ну хорошо, забудь об этом, — говорила пугливая часть его существа, хотя ее слова звучали так, как будто бы она уже знала, что проиграла. В этом было что-то забавное.

Затем Брайан подумал, как он расскажет обо всем маме. Он просто беззаботно скажет:

— Кстати, ма, ты знаешь этот новый магазин «Необходимые вещи»? Так вот, он открыт сегодня с утра. Я заходил туда и посмотрел там кое-что.

Она бы спешно нажала кнопку на дистанционном пульте телевизора, чтобы он замолк и... поверите ли! Она захотела бы все услышать от него своими ушами! Эта мысль слишком много значила для Брайана. Он поставил свой велосипед на откидную подножку и медленно вошел в тень навеса, он почувствовал, что здесь под тентом прохладнее градусов на десять, и приблизился к двери «Необходимых вещей».

Когда он дотронулся до большой старомодной латунной дверной ручки, он вдруг подумал, что новая табличка на двери вывешена по ошибке. Возможно, ее приготовили на завтра, и кто-то случайно прикрепил ее сегодня. Он не услышал ни единого звука из-за опущенной шторы. Как будто внутри не было ни души.

Но раз уж он зашел так далеко, почему бы не повернуть ручку двери. Зашелка отошла назад, и дверь «Необходимых вещей» открылась.

Внутри было тускло, но не темно. Брайан мог видеть светильники, установленные на направляющих устройствах (он был знаком с ними, так как помогал когда-то отцу работать в компании Дик Перри). Некоторые светильники горели. Их свет был направлен на стеклянные шкафы, предназначенные для демонстрации экспонатов. Эти шкафы, стоящие в большой комнате, были в основном пустыми. Только в некоторых из них свет выхватывал отдельные предметы.

Пол, который в бытность здесь конторы по нежизнелюбимости и страховой компании, не был ничем покрыт, сейчас был застлан от стены до стены богатым ковром цвета бургундского вина. Стены были выкрашены в матово-белый цвет. Одного тона со стенами был поток света, проникающий в комнату через намыленное окно витрины. «И все же это ошибка, — подумал Брайан. — Ведь сюда еще не завезены товары. Тот кто, повесил на дверь табличку ОТКРЫТО, точно также по ошибке оставил входную дверь открытой. Самое лучшее, что можно сделать в этих обстоятельствах, это закрыть ее снова, вскочить на велосипед и укатить».

И все же ему, не хотелось уходить. В конце концов он действительно может осмотреть магазин изнутри. Когда мама услышит об этом, она будет расспрашивать его целый вечер. Загвоздка заключалась лишь в том, что он никак не мог понять, что же в действительности он здесь видит. Здесь было полдюжины предметов под стеклянными колпаками, и на них был направлен свет точечных светильников, возможно, это пробные образцы, но он не мог разобрать, чем они были на самом деле. Но все же он мог понять, чем они не были. Это не были поддельные старинные кровати и заплеванные телефоны.

— Алло! — сказал он неопределенно, все еще стоя в дверях, — здесь есть кто-нибудь?

Он готов был схватиться за ручку двери и снова закрыть ее с обратной стороны, когда услышал голос:

— Я здесь.

Высокая фигура, а сперва она показалась невероятно высокой, вышла из дверей между стеклянными шкафами. Эта дверь была замаскирована темной вельветовой занавеской. Брайана мгновенно охватил чудовищный страх. Затем, когда на лицо незнакомца упал слабый свет, страх немного рассеялся. Это был довольно пожилой мужчина с добрым лицом. Он смотрел на Брайана с интересом и нескрываемым удовольствием.

— Дверь была не заперта, — начал Брайан — и я думал...

— Конечно она не заперта, — сказал высокий человек, — я решил открыть магазин сегодня днем... как бы для предварительного ознакомления. И ты мой первый посетитель. Входи свободно и поделись своим юным счастьем.

Он улыбнулся и протянул руку. Его улыбка была заразной. Брайан внезапно проникся симпатией к хозяину «Необходимых вещей». Чтобы позвать протянутую ему руку, Брайану пришлось переступить порог, и он сделал это несколько не опасаясь. Дверь

закрылась за ним и защелка сама сработала. Брайан этого не заметил. Его гораздо больше занимали глаза высокого человека, они были темно-синие, точно такого же оттенка, как у мисс Салли Рэтклифф. Они могли бы быть отцом и дочерью.

Рукопожатие незнакомца было сильным и уверенным, но не болезненным, и в то же время в нем было что-то неприятное. Что-то... скользкое, что-то тяжелое.

— Рад с вами познакомиться, — сказал Брайан.

Эти темно-синие глаза выделялись на его лице, как семафоры в сумерках на железной дороге.

— Я тоже рад, — сказал высокий человек.

Вот так Брайан Раск раньше всех в Кастл Роке познакомился с владельцем «Необходимых вещей».

4

— Меня зовут Лиленд Гаунт, — сказал высокий человек, — а ты...

— Брайан. Брайан Раск.

— Очень хорошо, мистер Раск. И поскольку ты мой первый посетитель, полагаю, ты заслуживаешь специального приза. Ты получишь любую вещь, которую только пожелаешь.

— Хорошо, спасибо, мистер Гаунт, — сказал Брайан, — но не думаю, что смогу купить в таком магазине хоть одну вещь. До пятницы я не получу денег на обед и...

Он опять подозрительно посмотрел на стеклянные шкафы.

— Здесь так мало вещей. Наверное, тут выставлены еще не все товары.

Гаунт улыбнулся. Он обнажил кривые зубы с желтым оттенком, но несмотря на это его улыбка показалась Брайану очаровательной. И опять Брайан почувствовал, как будто его кто-то заставляет улыбнуться в ответ.

— Да, — сказал Лиленд Гаунт, — еще не все. Большинство моих, как ты говоришь, товаров прибудет сегодня вечером. Но у меня здесь все же есть несколько интересных вещичек. Посмотри вокруг, мой юный друг. Мне хотелось бы узнать твое мнение, если пока у тебя нет ничего другого. Я думаю у тебя есть мама, не так ли? Конечно, есть. Такой красивый молодой человек наверняка не сирота. Я прав?

Брайан, все еще улыбаясь, кивнул головой.

— Конечно, мама сейчас дома.

Внезапно к нему пришла новая мысль.

— Хотите, я приведу ее сюда?

И в тот же момент он пожалел о своем предложении. Он не хотел приводить сюда свою мать. Завтра мистер Гаунт со своим магазином будет принадлежать всему городу. А сегодня его мама и Майра Эванс вместе с остальными женщинами Кастл Рока начнут с пристрастием расспрашивать у него о том, что он видел, и он будет самым знаменитым человеком в Кастл Роке.

Брайан предположил, что к концу месяца, может быть даже недели, мистер Гаунт перестанет быть диковинкой в городе, но

сейчас он принадлежит Брайану Раску и никому больше, и Брайан хотел, чтобы все оставалось так, как есть. Поэтому он обрадовался, когда мистер Гаунт поднял вверх руку (его пальцы были чрезвычайно узкими и длинными, причем средний и указательный пальцы, как заметил Брайан, были одинаковой длины) и покачал головой.

— Совсем не нужно, — сказал он. — Этого я как раз не хочу. Она, без сомнения, захочет привести с собой подругу, не так ли?

— Да, — отвечал Брайан, думая о Майре.

— Возможно, что она приведет с собой двух или трех подруг. Нет лучше не надо, Брайан, могу я так тебя называть?

— Конечно, — ответил Брайан, несколько озадаченно.

— Спасибо. А ты можешь называть меня мистером Гаунтом, потому что я по отношению к тебе старший и вышестоящий.

— Конечно...

Брайан не был уверен, что понял слова «старший и вышестоящий», но ему нравилось слушать мистера Гаунта, а глаза у мистера Гаунта были действительно так выразительны, что Брайан не мог оторваться от них.

— Да, так-то лучше, — мистер Гаунт потер руки и при этом раздался шипящий звук.

Брайан не проявил особого интереса к этому звуку, который был очень похож на шипение змеи перед броском.

— Ты расскажешь все своей маме, а, возможно, даже покажешь ей то, что купишь у меня, если решишься.

Брайан обдумывал, стоит сказать мистеру Гаунту, что у него в кармане девяносто один цент, но потом решил, что не стоит.

— А она расскажет своим друзьям, а те своим... понимаешь Брайан? Ты мне сделаешь лучшую рекламу, чем любая местная газета. И даже если бы я нанял тебя ходить по улицам, обернутым в рекламные щиты моего магазина, лучше бы не получилось.

— Хорошо, если вы так говорите... — согласился Брайан.

Он не имел понятия о том, как можно обернуть человека в рекламные щиты, но он был уверен, что не даст себя ни во что заворачивать. «Это просто смешно, если посмотреть на эти товары, — подумал он, — и здесь вообще не на что смотреть». Он был слишком вежлив, что бы это добавило даже мысленно.

— Ну что ж, давай приступим к осмотру! — сказал мистер Гаунт, жестом приглашая подойти к стеклянным шкафам.

Брайан заметил, что мистер Гаунт одет в длиннополый красный вельветовый пиджак. Он подумал, что это настоящий смокинг, как в рассказах о Шерлоке Холмсе, которые ему давно доводилось читать. Пиджак был очень изящный.

— Будь моим гостем, Брайан!

Брайан медленно подошел к стеклянному шкафу возле двери. Он оглянулся, уверенный, что мистер Гаунт следует за ним, но мистер Гаунт все еще стоял на месте и смотрел на него с кривой усмешкой. Казалось, что он прочел мысли Брайана и понял, что Брайану очень не хотелось, чтобы хозяин магазина стоял у него за спиной, когда он, Брайан, рассматривает выставленные экспонаты. Брайан считал, что все владельцы магазинов страшно боятся, как бы вы что-нибудь не разбили или не стянули, или то и другое.

— Не спеши, — сказал мистер Гаунт, — делать покупки — это значит получать удовольствие, если он не спешит, или вызывать боль в нижних отделах позвоночника, если он спешит.

Брайана удивило употребление в речи мистера Гаунта «он» вместо «вы» и он спросил:

— Вы приехали откуда-то с другого континента?

Этот оборот речи Брайану приходилось слышать во время показа по телевизору постановки одного британского театра, которую мама смотрела исключительно потому, что это была любовная история.

— Я, — сказал мистер Гаунт, — из Эйкрона.

— Это в Англии?

— Это в Огайо, — значительно сказал мистер Гаунт и обнажил в лучезарной улыбке два ряда своих сильных и неправильных зубов.

Эти два ряда зубов показались Брайану такими же забавными, как рекламные строчки на экране во время показа телешоу. И вообще все, что здесь сейчас происходило, создавало у него ощущение, что он сам попал в телешоу, которое хотя и загадочно, но совсем не опасно. Брайан расхохотался. На мгновение он подумал, что мистер Гаунт воспринял этот смех как бестактность (возможно, из-за того, что мама всегда обвиняла Брайана в бестактности, он решил, что живет в огромной и почти невидимой паутинке, сотканной из общественного этикета), но владелец магазина присоединился к его смеху. Оба они хохотали, и Брайан не мог припомнить, когда еще он так весело проводил время, как в этот день.

— Продолжай осмотр, — сказал мистер Гаунт, сделав приглашающий жест рукой.

— Разные истории мы будем рассказывать друг другу в следующий раз, Брайан. И Брайан смотрел. В самом большом стеклянном шкафу было только пять предметов, хотя в нем вполне могло уместиться еще двадцать. Одним из предметов была курительная трубка. Другим фотография Элвиса Пресли с красным шарфом на шее и в белом комбинезоне с тигром на спине. Король (так его всегда называла мама) подносил микрофон к своим надутым губам. Третьим предметом была поляроидная фотокамера. Четвертым — отполированный камень с выемкой посередине, которая была заполнена маленькими кристалликами; они ослепительно переливались в свете верхнего точечного светильника. И, наконец, пятым предметом была простая деревянная щепка длиной и толщиной с указательный палец Брайана.

Он указал на камень с выемкой:

— Это кристаллы, не так ли?

— О, у тебя хорошие познания в геологии, молодой человек.

— Это именно они. У меня мало указательных табличек для моих экспонатов, они еще не распакованы, как и большая часть моих товаров. Мне придется поработать как дьяволу, чтобы подготовиться к завтрашнему открытию.

Но в его голосе совсем не слышалось беспокойства, и он казался совершенно довольным, оставаясь стоять в расслабленной позе.

— Что это? — показал Брайан на щепку.

Брайану показалось, что все эти вещи действительно очень странный товар для магазина в маленьком городке. Он испытывал

сильную симпатию к Лиленду Гаунту, но если остальные его вещи похожи на эти, то мистеру Гаунту не придется долго заниматься своим бизнесом в Кастл Роке. Если вы собираетесь продавать такой товар, как курительные трубки и фотографии Элвиса Пресли, и деревянные щепки, то Нью-Йорк для этого более подходящее место... Так, во всяком случае, казалось Брайану на основании просмотренных им кинокартин.

— Ах, это, — сказал мистер Гаунт, — это интересный предмет! Давай я его тебе покажу! — он пересек комнату, подошел к стеклянному шкафу, вытащил из кармана большую связку ключей и выбрал один из них почти мгновенно. Он открыл дверцу шкафа и осторожно вытащил щепку.

— Протяни руку, Брайан.

— Э... Может быть лучше не надо, — сказал Брайан.

Как уроженец штата, где туризм — главный бизнес, он побывал в нескольких магазинах с сувенирами и на каждом из них ему бросались в глаза таблички, на которых была напечатана такая маленькая поэма: «Очаровательные на вид (восхитительные на ощупь), но если вы их разобьете, то они считаются проданными». Он представил себе ужас на лице мамы, когда она узнает, что он поломал эту щепку, или как там она называется. И мистер Гаунт уже не улыбающийся, говорит ему, что цена этой вещи пятьсот долларов.

— Почему же нет? — спросил мистер Гаунт, приподняв брови — но фактически только одну бровь; брови у него были мохнатые и срослись в одну линию на переносице.

— Я, наверное, бестактный?

— Чепуха, — отвечал мистер Гаунт, — я сразу узнаю бестактных мальчиков, когда их вижу. Ты не из их числа.

Он положил щепку на раскрытую ладонь Брайану. Брайан посмотрел на нее с некоторым удивлением; он даже не осознавал, что его ладонь раскрыта, пока не увидел на ней щепку.

На ощупь она была совсем не похожа на дерево, скорее на...

— Она похожа на камень, — с сомнением произнес он и поднял глаза на мистера Гаунта.

— И на дерево, и на камень, — пояснил мистер Гаунт. — Это окаменевшая щепка.

— Окаменевшая? — поразился Брайан.

Он внимательно посмотрел на щепку и провел по ее поверхности пальцем. Она была гладкая и шероховатая одновременно и не вызвала слишком приятных ощущений.

— Она должно быть старая?

— Ей свыше двух тысяч лет, — серьезно сказал мистер Гаунт.

— Вот это да! — воскликнул Брайан. Он подпрыгнул и едва не уронил щепку. Он зажал ее в кулак, чтобы она не выскользнула... и мгновенно его охватило странное чувство отрешенности. Внезапно он почувствовал — что? Головокружение? Нет, не головокружение, а отдаленность. Как будто часть его существа покинула его тело и унеслась куда-то вдаль.

Он видел мистера Гаунта, смотрящего на него с веселым любопытством. И вдруг ему показалось, что глаза мистера Гаунта

увеличились до размера чайных блюдец. И все же потеря ориентации не пугала, а скорее возбуждала его; и это было приятнее, чем ощущение гладкой поверхности щепки, до которой он дотронулся пальцем.

— Закрой глаза! — сказал мистер Гаунт, — и скажи мне, что ты чувствуешь.

Брайан закрыл глаза и некоторое время стоял, не двигаясь, с вытянутой правой рукой, в кулаке которой была зажата щепка. Он не видел, как на мгновение верхняя губа мистера Гаунта по-собачьи приподнялась, обнажив кривые зубы, в гримасе, выражавшей то ли удовольствие, то ли недоброе предчувствие. Он смутно ощущал покачивание, как будто пол под ним плавно колебался. Слышался резкий и легкий звук — хлоп... хлоп... хлоп... Он понял, к чему относился этот звук. Это была...

— Лодка! — крикнул он в восхищении, не открывая глаз. — Я чувствую, что я на борту лодки.

— Ты действительно это чувствуешь? — спросил мистер Гаунт, и его голос донесся до Брайана из невероятной дали. Его ощущения усиливались; теперь он чувствовал, что будто бы плывет вперед по огромным спокойным волнам; он слышал отдаленные крики птиц и более близкие звуки, исходящие из животных: мычание коровы, пение петуха и низкое сердитое завывание кота — ни одного звука ярости или злобы, скорее, это была тоска. В течение этого мгновения он почти осязал дерево (дерево, частью которого была щепка в его кулаке, он был уверен в этом) под ногами. И понял, что на самих ногах у него не спортивные туфли, а что-то наподобие сандалий.

А затем это видение стало исчезать, превращаясь в маленькую яркую точку как ту, что появляется и пропадает на экране после выключения телевизора. Он открыл глаза взволнованный и потрясенный.

Его кулак со щепкой был так сильно сжат, что ему пришлось напрячь все свои пальцы, чтобы они разжались, при этом суставы заскрипели, как ржавые дверные петли.

— Эй, приятель, здорово, правда? — весело спросил мистер Гаунт и снял щепку с ладони Брайана с бесстрашием врача, вытаскивающего занозу. Он положил щепку на место в стеклянный шкаф и запер дверцу.

— Здорово, — согласился Брайан, и у него перехватило дыхание. Он наклонился и через стекло посмотрел на щепку. Его правую ладонь пощипывало. Все эти переживания: палубная качка, глухие удары в борт тяжелых волн, ощущение досок под ногами — остались с ним, хотя он думал (с чувством сожаления), что они пройдут, как проходят мечты.

— Ты знаком с историей о «Ноевом Ковчеге»? — поинтересовался мистер Гаунт.

Брайан нахмурился. Он был вполне уверен, что эта история из Библии. Но он имел обыкновение пропускать воскресные проповеди и прогуливать вечерние классы по изучению Библии по четвергам.

— Это, по-моему, о лодке, которая сделала кругосветное путешествие за восемьдесят дней?

Мистер Гаунт снова улыбнулся.

— Что-то наподобие этого, Брайан. Очень похоже. Кстати, установлено, что эта щепка от «Ноева Ковчега» и, хотя во всем мире, возможно, насчитывается четыреста тысяч людей, которые пытаются продавать кусочки истинного Креста, но я могу с уверенностью сказать, что этой щепке более двух тысяч лет, потому что она датировалась по полураспаду углерода, и она попала сюда из Святой земли, хотя, была найдена не на горе Арарат, а на горе Борам.

Большую часть этого сообщения Брайан просто пропустил мимо ушей, но самый важный факт не ускользнул от его внимания.

— Две тысячи лет! — воскликнул он. — А вы уверены?

— Я, действительно, уверен, — сказал мистер Гаунт. — У меня есть свидетельство Массачусетского технологического института по датированию этой вещи с помощью метода радиоуглеродного анализа и это свидетельство, конечно, прилагается к экспонату.

На мгновение он бросил задумчивый взгляд на щепку под стеклом, а затем посмотрел своими ослепительно-синими глазами в газельи глаза Брайана. И снова Брайана пронзил этот взгляд.

— И потом, гора Борам расположена менее, чем в тридцати километрах от Арарата по прямой линии, а в описаниях мировой истории допускались куда более серьезные ошибки, чем при определении конечного местоположения Ковчега, особенно, в бесписьменный период, не так ли?

— Да, — ответил Брайан, — логично.

— К тому же, если эту вещь держать в руке, она производит довольно странный эффект. Ты со мной согласен?

— Полагаю, что так.

Мистер Гаунт улыбнулся и потрепал волосы мальчика, ослабляя свои чары.

— Ты мне нравишься, Брайан. Хотелось бы, чтобы у всех моих посетителей было бы столько же любознательности, как у тебя. Если бы все были похожи на тебя, это намного облегчило бы жизнь такого мелкого торговца, как я.

— Сколько... сколько стоит такая вещь? — спросил Брайан.

Он указал на щепку под стеклом пальцем, который слегка дрожал. Он только теперь начал понимать, как глубоко задело его все пережитое им за эти короткие мгновения. Это можно было сравнить только с тем впечатлением, которое возникает, когда подносишь к уху морскую раковину и слышишь стереофонический шум океана. Ему очень хотелось, чтобы мистер Гаунт снова разрешил ему подержать чудесную щепку, на этот раз, может быть, чуть подольше, но он не знал, как об этом попросить мистера Гаунта, а тот больше не предлагал.

— Сию минуту, — сказал мистер Гаунт, касаясь пальцами подбородка и озорно поглядывая на Брайана. — В случае этой вещицы, как и большинства других, действительно интересных товаров, цена зависит от покупателя. От того, сколько покупатель готов заплатить. Сколько ты готов заплатить, Брайан?

— Я не знаю, — сказал Брайан, думая о девяносто одном центе в кармане, и вдруг выпалил: — Много!

Мистер Гаунт откинул назад голову и откровенно рассмеялся. Глядя на него, Брайан заметил, что первоначально он ошибся, посчитав, что у мистера Гаунта седые волосы. Теперь он видел, что

серебрятся только его виски. Брайан решил, что в тот самый первый момент их встречи такой эффект возник от освещения.

— Ну хорошо, это страшно интересно, Брайан, но мне действительно предстоит масса дел до десяти часов утра завтра и поэтому...

— Да, конечно, — согласился Брайан, вспомнив о том, что должен иметь хорошие манеры. — Я тоже должен идти. Извините, что задержал вас.

— Нет, нет, ты не понял меня.

Мистер Гаунт положил свои длинные пальцы на руку Брайана. Брайан резко отдернул руку, и тут же испугался, что может показаться бестактным, но ничего не мог с собой поделать. Пальцы мистера Гаунта были жесткие, сухие и чем-то неприятные. Они не очень сильно отличались на ощупь от этого куска окаменевшего дерева, который, как предполагалось, попал сюда из «Ноева Ковчега» или Бог его знает откуда. Но мистер Гаунт отнесся очень серьезно к инстинктивному движению Брайана. Он вел себя так, как будто это он, а не Брайан нарушил правила этикета.

— Я имел ввиду, что мы должны приступить к делу. Я думаю, не имеет смысла показывать тебе все вещи, которые я успел распаковать, их не очень много, и ты уже посмотрел на те из них, которые выставлены под стеклом. Я хорошо знаю свой товар, даже без инвентарного списка, и, возможно, у меня есть кое-что, о чем ты мечтаешь, Брайан. Итак, о какой вещи ты мечтаешь?

— Ура! — воскликнул Брайан.

Существовали тысячи вещей, о которых он мечтал, и вот неожиданно перед ним так откровенно поставили труднейшую проблему: выбрать одну вещь из тысячи, наиболее желанную.

— Лучше не раздумывать слишком долго над своим выбором, — сказал мистер Гаунт. Его голос звучал неторопливо, но глаза внимательно следили за выражением лица Брайана. — Когда я спрашиваю: «Брайан Раск, что ты хочешь больше всего на свете в данный момент?», что ты мне ответишь? Быстро!

— Сэнди Коуфакса, — мгновенно выпалил Брайан.

Он не осознавал, что ладонь его правой руки раскрылась, когда снова увидел на ней эту щепку; не представлял он и то, что скажет в ответ на прямой вопрос мистера Гаунта, пока не услышал свои собственные слова: «Сэнди Коуфакс». Но в тот самый момент, когда он их услышал, он понял, что его ответ был точным и совершенно правильным.

5

— Сэнди Коуфакс? — задумчиво произнес мистер Гаунт. — Как интересно.

— Но мне нужен не сам Сэнди Коуфакс, а его открытка, где он в бейсбольной форме.

— Открытка фирмы «Топпс» или «Флиирс»? — спросил мистер Гаунт.

Брайан никогда бы не поверил, что этот и без того хороший вечер может стать еще лучше. Это было удивительно и по-настоящему изумляло его.

— «Топпс».

— Думаю, что ты интересуешься открыткой, на которой Коуфакс изображен, когда он был начинающим игроком в бейсбол, — сказал мистер Гаунт печально. — Боюсь, что здесь я не смогу тебе помочь, хотя...

— Нет, — ответил Брайан, — мне не нужны открытки 1954 и 1956 годов, я хочу только одну открытку. У меня осталась от папы коллекция бейсбольных открыток за 1956 год, и я ее пополняю. Это приятное занятие. Ценятся сейчас только несколько открыток: Ал Калине, Мел Парнелл, Рой Компанелла и еще несколько звезд бейсбола. У меня их уже больше пятидесяти, включая Ал Калине. Он стоил тридцать восемь баксов. Я выкосил не одну лужайку, чтобы заработать на него.

— Я верю, — сказал, улыбаясь, мистер Гаунт.

— Но вот, я и говорю, что почти все открытки 56-го года стоят от пяти до десяти долларов. Но Сэнди Коуфакс в хорошем состоянии стоит девяносто и даже сто баксов. В тот год он не был большой звездой, но потом, конечно, он стал большой звездой. Это случилось, когда доджеры были еще в Бруклине. Все их тогда называли Да Бамс. Так мне рассказывал папа.

— Твой отец прав на двести процентов, — сказал мистер Гаунт. — Я думаю, у меня есть одна вещь, которая сделает тебя очень счастливым, Брайан. Подожди здесь.

Он скрылся в дверях за занавеской, оставив Брайана стоять возле стеклянного шкафа, внутри которого размещалась щепка, поляроид и фотография Элвиса Пресли, Короля. Брайан нетерпеливо переминался с ноги на ногу, сгорая от ожидания. Он призывал себя к сдержанности, даже в том случае, если мистер Гаунт найдет открытку Сэнди Коуфакса, и даже, если это будет фото фирмы «Топпс» 50-х годов, пусть даже 55-го или 57-го года. А вдруг мистер Гаунт действительно найдет такую редкость, как открытка Сэнди 56-го года? Но какой прок от этого Брайану? Если у него в кармане меньше доллара?

Ничего, подумал Брайан. Я хотя бы смогу на него посмотреть. За просмотр денег не берут, не так ли. Это было еще одно любимое выражение его мамы.

Из комнаты за занавешенной дверью слышался шум переставляемых ящиков.

— Одну минуту, Брайан, — раздался громкий голос мистера Гаунта, в котором слышалась одышка. — Я уверен, что она в коробке из-под обуви...

— Не беспокойтесь из-за меня, мистер Гаунт! — прокричал Брайан в ответ, по-сумасшедшему надеясь в душе, что мистер Гаунт побеспокоится до последней степени, чтобы найти нужную открытку.

— Возможно, эта коробка еще в дороге вместе с остальным грузом, — сказал мистер Гаунт нерешительным тоном. У Брайана упало сердце. Затем из комнаты послышалось. — Но я был уверен... Пстой! Вот же она. Именно она!

Сердце Брайана встрепенулось, как птица. Оно взмыло вверх и сделало отчаянный кульбит. Из-за занавески появился мистер Га-

унт. Его волосы были растрепаны, а на лацкане смокинга красовалось большое пятно пыли. В руках он держал коробку из-под спортивной обуви. Он поставил ее на прилавок и снял крышку. Брайан стоял слева от мистера Гаунта и смотрел. В коробке было полно открыток с бейсбольными звездами, открытки были вложены в прозрачные конверты, точно такие, какие Брайан видел в магазине бейсбольных открыток в Северном Конвее, Нью Хэмпшир.

— Я считал, что этот инвентарный список здесь, но не повезло, — сказал мистер Гаунт. — Но я могу обойтись и без него. Как я тебе сказал, ключ успеха в этом бизнесе — пробовать всего понемножку. Я уверен, что видел ее здесь...

Он принялся перебирать открытки в коробке из-под обуви. Брайан молча и удивленно наблюдал за мельканием открыток. Тот, кто содержал магазин открыток в Нью Хэмпшире имел, по словам папы, просто хорошенький набор старых фотографий для деревенской ярмарки, который не шел ни в какое сравнение с тем, что находилось в этой замечательной коробке. Здесь были открытки, рекламирующие жевательный табак с изображенными на них Тайем Коббом и Пайем Трэйнором, рекламирующие сигареты с Бэйб Рут и Доном Димаджио, и большим Джорданом Келлером, и даже с Диссенем, который играл за «Вайт Соке» в 40-х годах. МОЛОДЫЕ УШЛИ НА ВОЙНУ! провозглашали многие открытки. И вот промелькнуло широкое важное лицо над фирменной рубашкой клуба из Питтсбурга.

— Бог мой, уж не Вагнер ли это? — прошептал Брайан. Его сердце забилось как канарейка, которая случайно залетела к нему в горло и билась как в силке. — Это самая редкая открытка во Вселенной.

— Да, да, — рассеянно произнес мистер Гаунт.

Его длинные пальцы быстро перебирали открытки — зажатые в прозрачных конвертах лица героев великого и ушедшего Золотого Века, о котором этот мальчик только мечтал в своих сладких грезах.

— Всего понемногу — вот в чем секрет успеха, Брайан. Разнообразие, удовольствие, развлечения, исполнение... как прекрасна жизнь благодаря этому... Я не даю советы, но лучше бы тебе запомнить это, Брайан... А теперь посмотрим где-то здесь... ах, вот!

Он вытянул открытку из середины коробки, как маг во время фокуса и торжествующе вручил ее Брайану. Это был... Сэнди Коуфакс. Это была открытка фирмы «Топпс» 1956 года! И она была подписана. «Моему хорошему другу Брайану с наилучшими пожеланиями. Сэнди Коуфакс» — прочитал Брайан хриплым шепотом. И больше не мог сказать ни слова.

6

Он поднял голову и посмотрел на мистера Гаунта, его рот беззвучно шевелился. Мистер Гаунт улыбался.

— Я не подsunул эту открытку и это не фокус, это просто совпадение, Брайан... но очень удачное совпадение. Как ты думаешь?

Брайан все еще не мог говорить и ограничился лишь кивком головы. Пластиковый конверт с его драгоценным содержанием отягощал его руку.

— Вытрани открытку, — ободрил его мистер Гаунт.

Когда Брайан наконец обрел дар речи, его голос зазвучал, как надтреснутый фальцет старого инвалида.

— Я не смею...

— Ну, что ж, тогда это сделаю я, — сказал мистер Гаунт.

Он взял у Брайана конверт, приоткрыл его край, поддел ногтем открытку и вынул ее. Затем он вложил ее в руку Брайану. Он увидел небольшие вмятинки на поверхности открытки. Они были сделаны шариковой ручкой Сэнди Коуфакса, который написал свое имя... их имена. Подпись Коуфакса была очень похожа на напечатанное на открытке его имя, за исключением того, что напечатанное имя читалось как Сэнфорд Коуфакс, а автограф читался как Сэнди Коуфакс. Кроме того, автограф был в тысячу раз ценнее, потому что он был настоящим. Сэнди Коуфакс держал открытку и оставил на ней след своей живой руки и своего волшебного имени. Но на ней было и другое имя — имя Брайана. Какой-то мальчик с таким же именем стоял на краю поля перед игрой, а Сэнди Коуфакс, настоящий Сэнди Коуфакс, молодой и сильный, у которого впереди были еще годы славы, взял предложенную ему открытку, распространив, возможно, запах сладкой розовой жвачки, и написал на ней свое имя... и мое тоже, подумал Брайан.

И вдруг оно снова нахлынуло. То чувство, которое охватило его, когда он держал в руке щепку из окаменевшего дерева. Только на этот раз оно было сильнее и ярче.

Сладкий запах свежескошенной травы на игровом поле, тяжелый привкус пепла, крики и смех на площадке, где разбирают биты.

— Хеллоу, мистер Коуфакс, вы не могли бы подписать вашу открытку для меня?

Узкое лицо, карие глаза, темноватые волосы, съехавшая набок бейсболка. Он потирает рукой лоб, поправляет на голове бейсболку.

— Конечно, малыш. — Он берет открытку. — Как тебя зовут?

— Брайан, сэр — Брайан Раск.

«Чирк-чирк-чирк» — по открытке. Магия запечатленного вдохновения.

— Ты будешь играть в бейсбол, когда вырастешь, Брайан?

Вопрос звучал заученно, и задавал он его, не отрывая лицо от открытки, которую держал в своей большой правой руке и подписывал своей победоносной левой рукой.

— Да, сэр.

— Начинай с азов.

И отдает открытку.

— Да, сэр!

Но вот он уже удаляется. Переходит на ленивый бег по свежескошенной траве, подпрыгивая вместе с сопровождающей его тенью.

— Брайан? Брайан?

Длинные пальцы щелкали под его носом — пальцы мистера Гаунта. Брайан вышел из своего оцепенения и увидел обращенные на него удивленные глаза мистера Гаунта.

— Ты здесь, Брайан?

— Извините, сэр, — сказал Брайан и покраснел.

Он понял, что должен вернуть открытку. Отдать ее и убраться отсюда. Но он был не в силах с ней расстаться. Мистер Гаунт сверлил

его глазами и, казалось, доставал до самого мозга, и в который раз Брайан снова не смог отвести свой взгляд.

— Итак, — мягко сказал мистер Гаунт. — Допустим, ты — покупатель. Только допустим. Сколько бы ты заплатил за эту открытку?

У Брайана перехватило дух от отчаяния.

— Все, что у меня есть, я...

Левая рука мистера Гаунта торжественно поднялась вверх.

— Ш-ш-ш, — сказал он строго, — прикуси язык! Покупатель не должен говорить продавцу, сколько у него денег. И чтобы поторговаться, ты можешь даже показать продавцу свой кошелек и вывернуть наизнанку карманы, если же ты не умеешь врать, стой спокойно! Это первое правило честной торговли, мой мальчик.

И опять глаза мистера Гаунта — такие большие и темные.

Брайан чувствовал, что погружается в них.

— Цена открытки состоит из двух частей, Брайан. Половина... на половину. Одну половину нужно платить наличными, а другую своими делами. Ты меня понимаешь?

— Да, — сказал Брайан.

Он опять был далеко, очень далеко от Кастр Рока, от «Необходимых вещей», даже от самого себя. Единственной реальностью в этой дали были темные широкие глаза мистера Гаунта.

— Цена наличными за эту открытку Сэнди Коуфакса 1956 года с его автографом составляет восемьдесят пять центов, — сказал мистер Гаунт. — Как, по-твоему, это честно?

— Да, — сказал Брайан.

Его голос был слабый и отчужденный. Он чувствовал, что исчезает куда-то и достигает состояния, когда теряется ясность ума.

— Хорошо, — ласковым голосом произнес мистер Гаунт. — Пока наша торговля идет хорошо. А что касается второй части цены, то есть твоих дел, то... знаешь ли ты женшину по имени Вилма Ежик?

— Вилму? Конечно, — откликнулся Брайан из обступающей его темноты. — Она живет в нашем квартале.

— Да, надеюсь, она там живет, — согласился мистер Гаунт. — Слушай внимательно, Брайан.

Брайан понял только, что мистер Гаунт собирается что-то сказать ему, но больше ничего не помнил.

7

В следующий момент до Брайана дошло, что мистер Гаунт вежливо выпроваживает его на улицу Мэйн-стрит, говоря, как он рад был с ним познакомиться и прося его рассказать маме и всем своим друзьям, что его здесь хорошо приняли и вели с ним честную игру.

— Обязательно, — пообещал Брайан.

Он чувствовал смущение... Но в то же время он чувствовал себя очень хорошо, как будто только что проснулся после освежающего дневного сна.

— Приходи еще, — сказал мистер Гаунт, прежде чем закрыть за ним дверь.

Теперь на двери магазина была повешена табличка
ЗАКРЫТО.

Когда в небольшом городке Новой Англии открывается небольшой магазин, местные жители — хотя и провинциалы во многих других проявлениях — демонстрируют космополитизм, с которым редко могут соперничать большие города. В Нью-Йорке или Лос-Анжелесе открытие новой галереи может привлечь кучку возможных патронов или просто зевак; на открытие нового клуба может даже выстроиться очередь, за которой наблюдает полицейский кордон со всей своей амуницией, включая теле- и фотокамеры; перед показом новой пьесы в театре на Бродвее слышатся возбужденные голоса театралов, обрекая пьесу на заведомый успех или на катастрофический провал.

Когда в небольшом городке Новой Англии открывается новый магазин, перед входной дверью в назначенный час редко собирается толпа и тем более выстраивается очередь. Когда навесы под витринами приподняты, двери открыты и объявлено, что фирма готова приступить к своему бизнесу, клиенты мало-помалу стекаются сюда тонкими струйками, что непременно покажется постороннему наблюдателю признаком равнодушия... и, возможно, плохим предзнаменованием для владельца предприятия и его процветания.

То, что кажется отсутствием интереса, часто маскирует ревностные ожидания и даже еще более ревностные наблюдения. (Кора Раск и Майра Эванс были не единственными женщинами в Кастр Роке, которые в течение нескольких недель до открытия висели на телефоне, судача о «Необходимых вещах»). Однако этот интерес и ожидания не могли изменить консервативных нравов маленького городка. Некоторые вещи здесь просто невозможны, особенно в компактных анклавах, где живут янки, к северу от Бостона. Эти общины, существующие девять месяцев в году, до наплыва туристов, в основном замыкаются в себе, и здесь считается дурным тоном проявлять слишком много интереса и делать это слишком быстро, либо каким-то образом показывать, что испытываешь более чем мимолетный интерес, если можно так выразиться.

Осмотр вновь открывающейся лавки в маленьком городишке и посещение социально престижного званного вечера в большом городе является таким видом жизненной активности, который вызывает сильное волнение среди возможных участников и требует соблюдения до странности схожих, не выражаемых словами и непреложных правил. И первое среди них заключается в том, что никто не должен приходить первым. Естественно, кто-то должен нарушить это кардинальное правило, иначе вообще никто не придет, но новый магазин, например, во время первого открытия скорее всего простоят без посетителей добрых двадцать минут, после замены таблички ЗАКРЫТО на табличку ОТКРЫТО, причем можно без риска выиграть пари, что первое посещение будет групповым: либо пара, либо трое, но более вероятно — четверо женщин.

Второе правило состоит в том, что пришедшие покупатели демонстрируют такую исключительную вежливость, которая граничит с ледяным презрением. Третье заключается в том, что (по

крайней мере, во время первого посещения) никто не должен расспрашивать владельца магазина о его предыстории или вызывать его на откровенность. Четвертое правило заключается в том, что никто не должен приносить поздравительный подарок, особенно такой липкий, как домашний торт или пирог. И последнее правило, такое же обязательное, как первое: не следует уходить последним.

Этот величественный гавот, который можно было бы назвать танцем женских вопросов, продолжается от двух недель до двух месяцев. Но весь этот ритуал полностью отменяется, если свой бизнес открывает не приезжий, а кто-нибудь из местных жителей города. В этом случае открытие напоминает церковный ужин в старые добрые времена, неофициальный, оживленный и довольно тусклый. Но, когда новый бизнесмен приехал издалека (это слово в таких случаях всегда произносится так, как будто оно начинается с большой буквы), танец женских вопросов будет таким же непреложным, как факт смерти или сила всемирного тяготения. Когда испытательный период заканчивается (по этому поводу никто не дает объявлений в газете, но как-то об этом все узнают), происходит одно из двух: либо процесс купли-продажи входит в свое русло, и довольные покупатели приносят запоздалые поздравления, либо новый бизнес лопается. В городках наподобие Кастл Рока мелкие предприятия оказывались банкротами за несколько недель или месяцев до того момента, когда их злополучные хозяева сами узнавали об этом. В Кастл Роке была, по крайней мере, одна женщина, которая не играла по этим правилам. Это была Полли Чалмерс, которая держала швейную мастерскую. Большинство жителей и не ожидало от нее нормального поведения: она считалась эксцентричной.

Полли ставила массу проблем перед самозванными общественными судьями Кастл Рока. Только в одном пункте не было всеобщего единодушия: была ли Полли из их города, или она была издалека. Она, правда, родилась и выросла здесь, но в возрасте восемнадцати лет, будучи беременной от связи с Дюком Шихеном, она покинула город в 1970 году. Один раз она была здесь с кратким визитом перед тем, как остаться здесь окончательно в 1987 году. Этот ее краткий визит в 1975 году был связан со смертью от рака ее отца. После этого ее мать Лорен Чалмерс получила сердечный приступ, и Полли пришлось остаться, чтобы ухаживать за матерью.

В 1976 году мать умерла после второго сердечного приступа, и Полли снова уехала, на этот раз навсегда — к такому выводу пришли все в городе. И когда в 1981 году скончалась последняя из Чалмерсов, старая тетушка Эвви, и Полли не присутствовала на похоронах, этот вывод окончательно подтвердился. И все же через четыре года она вернулась и успешно открыла свою швейную мастерскую. По всей видимости, она воспользовалась деньгами тетушки Эвви. Кому же еще могла эта сумасшедшая старуха оставить свое состояние?

Алчные участники человеческой комедии (а их было большинство в городе) были уверены, что со временем им откроется секрет успеха Полли. Но в случае с Полли много было неясного. И это раздражало.

Она провела несколько лет в Сан-Франциско, и это все, что было известно. Чуть больше о своей своенравной дочери знала Лорен Чалмерс. Училась ли Полли в школе здесь или где-то еще? Она вела

свой бизнес так, как будто закончила специальные курсы, но никто не мог утверждать этого наверняка. Когда вернулась, она была одинока. Но была ли она замужем в течение того периода, который она провела между Тогда и Теперь? Этого также никто не знал. Знали только, что она так и не вышла замуж за Шихена — он поступил на службу в Военно-морской флот, а потом торговал недвижимостью где-то в Нью Хэмпшире. И почему она осталась здесь после всех этих лет?

Большинство интересовались, был ли у нее ребенок? Сделала ли она аборт? Или ребенок умер. Жив ли он сейчас? И ходит ли в школу, и пишет ли случайные письма матери? Этого тоже никто не знал. И это незнание вызывало досаду. Ей уже было под сорок, и своим бизнесом в городе она занималась уже четыре года, и никто даже не знал пол ребенка, из-за которого она покинула их город.

Как раз недавно Полли Чалмерс еще раз продемонстрировала городу свою эксцентричность: она стала появляться в компании Алана Пэнгборна, шерифа города Кастл Рока, который похоронил свою жену и младшего сына лишь полтора года назад. Такое поведение было не только скандальным, но определенно эксцентричным, и поэтому никто не удивился, когда все увидели, что Полли Чалмерс марширует по тротуару Мэйн-стрит от своей двери к двери «Необходимых вещей» в две минуты одиннадцатого, в то утро, 9 октября. Они даже не удивились тому, что в своих облаченных в перчатки руках она несла фирменную коробку, в которой мог быть только торт. Это было, как потом говорили, вполне на нее похожее.

2

С витрины «Необходимых вещей» было смыто мыло, и в ней было выставлено около дюжины разных предметов: часы, изделия из серебра, картины, симпатичный триптих, как будто ждущий, что кто-то заполнит его любимыми фотографиями. Полли посмотрела на эти вещи с одобрением, а затем подошла к двери, на которой красовалась табличка ОТКРЫТО. Когда она вошла в дверь, над ее головой звякнул колокольчик — он был установлен еще во время пробного визита Брайана.

В магазине стоял запах новых ковров и свежей краски. Он был залит солнцем. Когда она оглядывалась по сторонам, в голове у нее промелькнула мысль:

«Это удача. Никто не переступал порог магазина, кроме меня, а это уже удача, редкая удача».

Однако такие поспешные выводы были не в ее духе, как и мгновенное одобрение витрины, но выводы эти были сделаны, и этого факта нельзя было отрицать.

Над демонстрационными шкафами склонился высокий человек. Когда зазвонил колокольчик, он поднял голову и улыбнулся ей.

— Здравствуйте, — сказал он.

Полли была практичной женщиной с трезвым умом, поэтому то мгновенное замешательство, которое она испытала, встретившись с взглядом высокого человека, было само по себе неожиданностью для нее.

«Я знаю его», — была ее первая мысль, когда замешательство прошло. «Я встречалась с ним раньше. Где?»

На самом деле, она никогда не видела его раньше и поняла это через мгновение. Она предположила, что имеет дело с феноменом «дежа вю», то есть с тем чувством ложного воспоминания, которое время от времени поражает почти каждого и которое дезориентирует, являясь одновременно таким мечтательным и таким прозаическим.

Она на мгновение остолбенела и смогла только криво улыбнуться ему. Затем левой рукой перехватила коробку с тортом, и резкая боль пронзила два раза ее руку, достигнув запястья. Как будто в нее вонзились зубья большой хромированной вилки. Это был артрит, и он издевался над ней, как сукин сын, по крайней мере, он помог ей сосредоточиться, и она заговорила без заметной паузы... (только ей показалось, что высокий человек все-таки заметил паузу). У него были яркие глаза газели, и он глядел так, будто бы от них ничего не ускользает.

— Привет, — сказала она. — Меня зовут Полли Чалмерс. Я держу свейную мастерскую через две двери от вас. Я подумала, раз мы соседи, я могу прийти и сказать вам «Добро пожаловать в Кастр Рок» перед тем, как сюда хлынет толпа.

Его лицо озарилось улыбкой. Она почувствовала на своих губах ответную улыбку, хотя ее левая рука страшно болела. Если бы я не любила Алана, думала она, я бы пала к ногам этого человека. «Ведите меня в спальню Мастер, я пойду без сопротивления». Она представила себе, сколько женщин будут жадно пялить на него глаза. Она заметила, что он не носит обручального кольца — костер в ее душе разгорелся еще сильнее.

— Рад познакомиться с вами, миссис Чалмерс, — сказал он, выходя вперед. — Я Лиленд Гаунт.

Он подошел к ней и протянул правую руку, а затем слегка нахмурился, когда увидел, что она отступила на шаг в сторону.

— Сожалею, — сказала она, — но я не здороваюсь за руку. Не считите меня невежливой, у меня артрит.

Она поставила коробку с тортом на ближайший стеклянный шкаф и подняла кисти рук в перчатках. Левая кисть была чуть больше правой.

Некоторые женщины в городе думали, что Полли гордится своей болезнью. Чем же еще объяснить, что она не упускает случая продемонстрировать ее? Правда была прямо противоположной. Хотя Полли не была тщеславной женщиной, она заботилась о своей внешности и, конечно, уродливость рук ее не беспокоила. Она стремилась показать их при знакомстве как можно быстрее, и при этом каждый раз в ее сознании мелькала мысль: «Ну вот, с этим покончено. И не будем к этому возвращаться, а поговорим теперь о чем-нибудь другом, более важном».

Люди обычно чувствовали некоторый дискомфорт, когда она показывала им свои руки. С Гаунтом это было не так. Он схватил двумя руками ее руку и потряс ее. Ей могло бы показаться это чрезмерной фамильярностью для первого знакомства, но не показалось. Его жест был дружелюбным, быстрым, забавным. Даже через перчатки его руки показались ей сухими и несколько неприятными.

— Вам, наверное, трудно заниматься швейным делом при таких обстоятельствах, миссис Чалмерс? Как вы справляетесь?

Очень мало людей спрашивали ее об этом, и за исключением Алана никто не задавал ей этот вопрос с такой откровенностью.

— Я занималась шитьем полный рабочий день, пока могла это делать, — сказала она. — Я стойко переносила боль. А теперь полдюжины девушек работают на меня неполный день, а я в основном занимаюсь дизайном. И теперь у меня лучшие времена.

Это было неправдой, но она считала, что такая ложь не повредит. Она говорила это только для того, чтобы представить себя в лучшем свете.

— Итак, я рад, что вы зашли. Я признаюсь вам: у меня патологический случай, связанный со страхом сцены.

— Неужели? Почему?

Она была не так поспешна с выводами о людях, как с выводами о местах и событиях, поэтому она была поражена и даже встревожена тем, как быстро и естественно почувствовала родственную душу в этом человеке, которого видела лишь минуту.

— Я все время думаю, что делать, если за весь день никто не придет.

— Они придут, — сказала она. — Они обязательно захотят посмотреть на ваши вещи: кажется, никто не имеет понятия о том, чем вы торгуете. Но что более важно, они хотят на вас посмотреть. Именно так в таких маленьких городишках, как наш Кастл Рок...

— Никто не хочет показать, что он чего-то сильно желает, — закончил он за нее. — Я знаю это по своему опыту. Мой рациональный ум говорит мне, что вы абсолютно правы, но другой голос внутри меня постоянно твердит: «Они не придут Лиленд, о-о-о нет, они не придут».

Она засмеялась, вдруг вспомнив, что испытывала то же самое при открытии своей мастерской.

— Но что это? — спросил он, дотрагиваясь рукой до ее коробки.

И она заметила то, что Брайан Раск уже видел: указательный и средний пальцы его руки были одинаковой длины.

— Это торт. И если я хоть немного знаю этот город, то могу сказать, что это единственный торт, который вы за сегодня получите.

Он улыбнулся ей с явным удовольствием.

— Я очень благодарен Вам, миссис Чалмерс. Я тронут.

И она, которая никогда и никого не просила называть ее по имени при первой встрече или даже при коротком знакомстве (и которая подозрительно относится ко всем: клеркам по недвижимости, страховым агентам, перекупщикам машин, — кто присваивал себе это право без разрешения), поразила сама себе, когда услышала, что с ее губ срываются слова:

— Если мы будем соседями, то зовите меня Полли.

Торт был дьявольски хорош, как убедился Лиленд Гаунт, приоткрыв крышку коробки и понюхав ее содержимое. Он попросил ее остаться тоже попробовать кусочек торта. Полли возражала, Гаунт настаивал.

— Вам придется нанять администратора для вашей мастерской, — сказал он, — и поскольку в ближайшие полчаса никто не станет переступать мой порог из-за страха нарушить протокол, я бы хотел задать вам массу вопросов о жизни в вашем городе.

И она согласилась остаться.

Он скрылся за дверью с занавеской, и она услышала, что он поднимается вверх по лестнице, чтобы принести тарелки и вилки. В это время Полли посмотрела на выставленные предметы.

На стене у входной двери висела табличка, где указывались часы работы магазина — с десяти часов утра до пяти дня по понедельникам, средам, пятницам и субботам. Он будет закрыт «за исключением дней работы по заявкам» по вторникам и четвергам до наступления лета, то есть, подумала Полли с внутренней ухмылкой, до того времени, когда сюда снова нагрянут туристы с пачками долларов.

Она решила, что «Необходимые вещи» — это антикварный магазин, причем высшего разряда, как ей показалось после беглого осмотра, но после более внимательного ознакомления с выставленными на продажу товарами она поняла, что магазин нельзя так просто отнести к этой категории.

Все те предметы, которые были выставлены здесь во время визита Брайана, оставались на месте, но к ним было добавлено еще сорок—пятьдесят. На одной из белых стен висел ковер, который мог составить целое состояние — это был турецкий ковер старых времен. В одном из шкафов стоял набор оловянных солдатиков, возможно, представляющих антикварный интерес, но Полли знала, что такие вещи могут производить в Гон-конге.

Товары были самыми разнообразными. Между фотографией Элвиса Пресли, глядящего на вас с достоинством, которое на любом карнавале в Америке можно было купить за четыре доллара девятью центов, и обычным флюгером с американским флагом находился абажур из флорентийского стекла, который, наверняка, стоил восемьсот долларов и вполне мог продаваться за пять тысяч. Расплющенный и непритязательный чайник стоял в окружении великолепных кукол, и она даже не могла приблизительно сказать, сколько стоят эти французские штучки.

Далее был виден набор открыток, рекламирующих табак и бейсбольных звезд, веер из макулатурных журналов тридцатых годов, ламповый радиоприемник пятидесятых годов бледно-розового цвета, который получил в те времена повсеместное одобрение применительно к предметам домашнего обихода, если не к политике. Большинство предметов, хотя и не все, были снабжены указательными табличками

«ТРЕХКРИСТАЛЬНАЯ ЖЕОДА, АРИЗОНА» — было написано на одной, «НАБОР РАЗВОДНЫХ ГАЕЧНЫХ КЛЮЧЕЙ» — на другой. Перед щепкой, которая так поразила Брайана, красовалась табличка «ОКАМЕНЕВШЕЕ ДЕРЕВО ИЗ СВЯТОЙ ЗЕМЛИ». Табличка перед рекламными открытками и макулатурными журналами гласила: «ДРУГИЕ ВЕЩИ ПО ЗАКАЗУ».

Она заметила, что все предметы, независимо от их ценности, не были снабжены указателями цен.

Гаунт вернулся, держа в руках две маленькие простые тарелки, нож для торта и пару вилок.

— Там наверху страшный беспорядок, — сказал он, снимая крышку коробки, положив ее обратной стороной на стеклянный шкаф, чтобы она не оставила отпечатка.

— Со временем я сниму комнату, но пока не прибыли две вещи, я живу здесь. Все они прибывают в картонных коробках. Боже, как мне надоело их распаковывать, я их уже ненавижу. Что вы скажете об этом?

— Я думаю, это не относится к этой коробке с тортом, — сказала Полли.

— Хорошо, — радостно воскликнул Гаунт, положив на одну тарелку толстый кусок шоколадного торта. — Этот кусок мой. Я положу такой же для вас.

— Чуть потоньше, пожалуйста.

— Тоньше не получается, — сказал он и отрезал более узкий кусок торта. — У него небесный аромат. Спасибо еще раз, Полли.

— О, не стоит благодарности.

Он аппетитно пахнул, а она не была на диете. Но ее первоначальный отказ его попробовать был вызван не только вежливостью первой встречи. В последние три недели в Кастл Роке стояло жаркое бабье лето, но в понедельник похолодало, и изменение температуры сильно отразилось на состоянии суставов ее пальцев. Она не могла не видеть, что болезнь прогрессировала. А с сегодняшнего утра она почувствовала себя гораздо хуже и боялась, что руки могут ее подвести.

Теперь она сняла перчатки и попробовала согнуть правую кисть. Острая боль пронзила руку до локтя. Сжав губы, она еще раз согнула пальцы. Боль почувствовалась, но на этот раз не такая сильная. Она немного отдохнула. По-видимому, на этот раз обойдется. Она осторожно взяла вилку и, стараясь сгибать пальцы как можно меньше, подцепила кусочек торта. Когда Полли поднесла его ко рту, она заметила, что Гаунт смотрит на нее с симпатией. «Сейчас он будет сочувствовать, подумала она, мрачнея, и начнет рассказывать об артрите у его дедушки. Или у его бывшей жены. Или еще у кого-нибудь».

Но Гаунт не сочувствовал. Он взял кусочек торта и сделал комические глаза.

— Вам нужно заниматься не швейным делом, а открыть ресторан.

— О, это не я делала его. Но я передам ваш комплимент моей экономке Нэтти Кобб.

— Нэтти Кобб, — повторил он задумчиво, отрезая еще один кусок торта.

— Да, вы ее знаете?

— О, сомневаюсь, — он говорил с видом человека, которого только что вернули к реальности. — Я никого не знаю в Кастл Роке.

Он наблюдал за ней краешком глаза.

— А нельзя ли ее нанять на работу ко мне?

— Нет, — смеясь, ответила Полли.

— Я собираюсь спросить вас об агентах по недвижимости, — сказал он. — Кому можно здесь доверять?

— О, все они воры, а Марк Хоупвэл, возможно, не лучше.

Он сдержал улыбку и поднес ко рту руку, чтобы задержать падающие крошки. Потом он закашлялся, и, если бы не боль в суставах, она похлопала бы его по спине. Несмотря на то, что она видела его впервые, он ей нравился.

— Извините, — сказал он, еще покашливая, — вы говорите, что все они воры?

— Абсолютно.

Если бы она была женщиной другого рода, она держала бы многие факты при себе и сама стала бы задавать Гаунту интересные вопросы. Почему он приехал в Кастл Рок? Где он был до этого? Надолго ли он решил здесь остаться? Есть ли у него семья? Но она не была такого рода женщиной, и поэтому она удовлетворялась ответами на вопросы, которые задавал он, тем более, что эти вопросы не касались ее. Он хотел все знать о городе: какое уличное движение на Мэйн-стрит зимой и где можно купить маленькую печку, и уровень страховых отчислений, и сотни других вещей.

Он с серьезным видом записывал в книжку все имена, которые она упоминала.

Она посмотрела на свою пустую тарелку. Ее пальцы еще болели, но все же ей было легче, чем ранним утром. Она вспомнила, что не хотела из-за этого приходить сюда. А теперь она была рада, что пришла.

— Я должна вас покинуть, — сказала она, посмотрев на часы. — Розали подумает, что я умерла.

Они встали, Гаунт аккуратно сложил тарелки и накрыл крышкой коробку с тортом.

— Я верну ее, как только торт закончится, хорошо?

— Отлично.

— Вероятно, вы получите ее назад завтра днем, — сказал он важно.

— Можете так не спешить, — сказала она Гаунту, когда тот провожал ее до дверей. — Мне было очень приятно с вами познакомиться.

— Спасибо за визит, — сказал он.

На мгновение ей показалось, что он намерен взять ее за руку, и она почувствовала страх при мысли о его прикосновении — глупо, конечно, но он не сделал этого.

— Я приготовился к жуткому дню сегодня, а вы сделали его праздником.

— У вас все будет в порядке.

Полли открыла двери, но остановилась. Она не задавала ему вопросов, но один ей все же хотелось задать и любопытство взяло верх.

— Скажите, почему ваши вещи без ценников?

Он улыбнулся.

— Это своего рода каприз. Я всегда считал, что самая эффективная торговля — это торговля по мелочам. Думаю, что в моем последнем воплощении я был богатым торговцем коврами где-то на

Ближнем Востоке в Ираке, например, хотя сейчас я о себе бы этого не сказал.

— Значит, вы назначаете такую цену, которую рынок в состоянии выдержать? — спросила она слегка раздраженно.

— Можно сказать и так, — согласился он с серьезным видом. И снова ее поразили его глубокие газельи глаза, странные и красивые. — Я устанавливаю цену в зависимости от спроса.

— Я понимаю.

— В самом деле?

— Да... думаю, что да. Очевидно, этим объясняется название магазина.

Он улыбнулся.

— Вполне возможно.

— Ну хорошо, желаю вам удачного дня, мистер Гаунт.

— Можно просто Лиленд или Ли.

— Тогда Лиленд. А вы не боитесь, что у вас не будет отбоя от покупателей? Я думаю, вам стоит нанять охранника, чтобы выпроваживать их в конце дня.

— Вы думаете? Это будет замечательно.

— До свидания.

— Чао! — сказал он и закрыл за ней дверь.

Он наблюдал через стекло двери, как Полли Чалмерс шла по улице, поглаживая руки, которые были так безобразны по сравнению с остальной частью ее фигуры — подтянутой и красивой, если не великолепной.

Гаунт расплылся в улыбке, которая, обнажив неровные зубы, превратилась в хищный оскал.

— Ты сделаешь то, что надо, — раздался его мягкий голос в пустом магазине. — Ты сделаешь это.

5

Предсказание Полли полностью сбылось. К концу дня почти все женщины Кастр Рока, по крайней мере те, кто что-то значили в жизни города, и несколько мужчин побывали в «Необходимых вещах», чтобы бегло просмотреть выставленные товары. Почти все они старались уверить Гаунта, что зашли сюда на минутку, потому что им надо куда-то спешить.

Стэфани Бонсан, Синтия Роуз Мартэн, Барбара Минер и Франсэ Рантье были первыми. Синтия Роуз, Бабе и Фрэнси пришли сюда вместе через десять минут, после того как из нового магазина вышла Полли (новость об этом быстро разлетелась по телефону и из уст в уста).

Стэффи и ее подруги осматривали товары. Они охали и ахали. Они уверяли Гаунта, что спешат попасть на игру в бридж (забыв ему сказать, что она начинается в два часа). Фрэнси спросила его, откуда он приехал. Гаунт ответил, что из Эйкрона, штат Огайо. Стэффи спросила, давно ли он занимается антикварным бизнесом. Гаунт ответил, что не считает свой бизнес полностью антикварным. Синти хотела знать, долго ли Гаунт живет в Новой Англии. Он ответил, что некоторое время.

Все четверо пришли позже к единодушному мнению, что магазин интересный — так много странных вещей! Но поговорить с владельцем магазина так и не удалось. Он был таким же молчаливым, как Полли Чалмерс. Бабе напомнила им о том, что все они знали:

— Полли пришла сюда первой и принесла торг. Синти Роуз заинтересовалась странной вазой и спросила мистера Гаунта, сколько она стоит.

— А сколько вы думаете? — спросил он, улыбаясь.

Она кокетливо ответила ему улыбкой.

— О, — сказала она. — Вы так ведете дела, мистер Гаунт!

— Да, именно, — согласился он.

— Тогда вы потеряете больше, чем выиграете, имея дело с янки, — сказала Синти Роуз.

— Посмотрим, — сказал он. Тон его голоса был дружелюбным, но несколько вызывающим.

Синти Роуз продолжала смотреть на вазу. Стэффи шептала ей что-то на ухо. Синти кивнула:

— Семнадцать долларов, — сказала она, обращаясь к Гаунту.

Ваза выглядела на все пятьдесят долларов, и она прикинула, что в антикварном магазине в Бостоне она стоила бы сто восемьдесят долларов.

Гаунт поднес руку к подбородку (Брайан Раск узнал бы этот жест).

— Думаю, что я бы отдал ее за сорок пять, — сказал он с некоторым сожалением.

Глаза Синти Роуз заблестели. Появился шанс. Ваза была для нее лишь предлогом, чтобы поговорить с загадочным мистером Гаунтом.

Теперь она присмотрелась к вазе поближе и поняла, что это хорошая работа, которая неплохо бы смотрелась в ее спальню комнате.

Цветы на боках вазы удачно гармонировали с обоями ее спальни.

Когда мистер Гаунт говорил ей о цене, которая была ей вполне доступна, она еще не осознала, что хочет эту вазу больше всего на свете.

Она посовещалась с подругами.

Гаунт наблюдал за ними и улыбался.

Над входной дверью зазвенел колокольчик и вошли еще две дамы.

В «Необходимых вещах» начался первый деловой день

Когда члены бридж-клуба вышли через десять минут из «Необходимых вещей», Синти держала за ручки свою сумку для покупок, в которой лежала завернутая старинная ваза. Она купила ее за тридцать один доллар плюс налог. Это были почти все ее деньги на булавки, но она была так счастлива, что почти мурлыкала.

Обычно после таких импульсивных покупок ее грызли сомнения и мучил стыд за себя, так как она была уверена, что ее надули, но сегодня такого чувства у нее не возникало. Это была такая сделка, где она оказалась на высоте. Мистер Гаунт пригласил ее снова,

уверяя, что у него есть еще точно такая же ваза, которая вскоре, может быть даже завтра, поступит в продажу. Та ваза, что она купила, будет хорошо смотреться в гостиной, а если она купит вторую, то поставит обе вазы на камин, и это будет потрясающе.

Трое ее подруг тоже считали, что она сделала правильно, хотя они были раздосадованы, что так мало удалось узнать о мистере Гаунте, их мнение о нем было в целом довольно высокое.

— У него очень красивые зеленые глаза, — мечтательно сказала Фрэнси Пелетье.

— А они зеленые? — спросила Синти, слегка вздрогнув. Сама она считала, что они у него серые. — Я не заметила.

7

В этот же день Розали Дрейк из швейной мастерской заглянула в новый магазин во время своего перерыва в сопровождении Нэтти Кобб, экономки в доме Полли. В магазине бродило несколько женщин, а в дальнем углу двое школьников копались в комиксах и удивлялись тому, как много здесь книг, которые они хотели приобрести для своих будущих коллекций. Они надеялись купить их по сходной цене. Цену можно было узнать, только спросив о ней мистера Гаунта, так как на пластиковых конвертах, где помещались комиксы, не было соответствующих наклеек.

Розали и Нэтти поздоровались с мистером Гаунтом, и Гаунт передал через Нэтти благодарность Полли за торт. Его глаза следили за Нэтти, которая задумчиво смотрела на образцы флорентийского стекла. Он оставил Розали, рассматривающую фотографию Элвиса Пресли, рядом со щеткой из Святой Земли и подошел к Нэтти.

— Вам нравится флорентийское стекло, миссис Кобб? — мягко спросил он.

Она слегка подпрыгнула. Нэтти Кобб имела лицо и застенчивые манеры женщины, которая подпрыгивает, услышав рядом с собой незнакомый голос; она нервно улыбнулась ему.

— Я миссис Кобб, мистер Гаунт, хотя мой муж умер много лет назад.

— Мне очень жаль это слышать.

— Не стоит вспоминать. Это было четырнадцать лет назад. Давно. Да, у меня есть небольшая коллекция флорентийского стекла.

При его приближении она вздрогнула, как мышь при приближении кота.

— Я не могу себе позволить покупку таких красивых вещей. Они симпатичные.

— Не беспокойтесь. Я вам кое-что расскажу, — успокоил ее мистер Гаунт. — Я купил много флорентийского стекла, и оно не столь дорогое, как вы думаете. У меня есть еще более красивые образцы. Хотите прийти завтра и посмотреть на них?

Она опять подпрыгнула и сделала шаг в сторону, как будто он предложил ей прийти завтра, чтобы ущипнуть ее несколько раз за заднее место... пока она не закричит.

— О, не думаю... В четверг я работаю... вы знаете... у Полли... по четвергам всегда много работы...

— Вы уверены, что не сможете заглянуть? — уговаривал он. — Полли сказала, что вы приготовили торт?

— Он вам понравился?

Ее глаза говорили, что она ожидает от него отрицательного ответа.

— Он был чудесный, — успокаивающе проговорил мистер Гаунт. — Я вспомнил о тортах, которые в детстве готовила мне мама... Это было так давно.

Это была та струнка, которую можно было задеть у Нэтти. Нэтти горячо любила свою мать, хотя ей порой доставалось от мамы, которая частенько колотила ее с похмелья.

— Ну что ж, хорошо, — сказала она. — Я рада, что торт вам понравился. Это была идея Полли. Она самая лучшая женщина в мире.

— Да, — согласился он, — после моего знакомства с ней, я понял это.

Он посмотрел на Розали Дрейк, но та все еще рассматривала экспонаты.

Он повернулся к Нэтти:

— Мне кажется, я вам должен кое-что.

— О, нет, — сказала Нэтти, снова испугавшись. — Вы мне не должны абсолютно ничего, мистер Гаунт.

— Пожалуйста, приходите. Я вижу, вам понравилось флорентийское стекло... и я верну вам коробку из-под торта.

— Хорошо, я думаю, что могла бы заскочить в перерыв.

— Прекрасно, — сказал он и быстро покинул ее, прежде чем она успела передумать.

Он подошел к школьникам и спросил их, что они делают. Они показали ему несколько старых комиксов, а через несколько минут они вышли из магазина радостные, с книгами в руках.

Не успела за ними закрыться дверь, как на пороге появилась Кора Раск и Майра Эванс. Они осмотрелись кругом, их глаза были, как у белок в сезон собирания орехов, и сразу подошли к стеклянному стенду с фотографией Элвиса. Они склонились над экспонатом, демонстрируя ягоды шириной в два топорища.

Гаунт, улыбаясь, наблюдал за ними.

Колокольчик над дверью опять зазвучал. Вновь прибывшая была такой же комплекции, как Кора Раск, но Кора была полной и рыхлой, а эта женщина выглядела сильной, как может выглядеть сильный лесоруб с пивным брюхом. К ее блузе была приколотая большая белая пуговица, на которой красными булавками было написано:

«КАЗИНО НАЙТ — ТОЛЬКО ДЛЯ ЗАБАВЫ»

Ее лицо выражало все очарование лопаты для снега. Ее волосы с безжизненным оттенком коричневого цвета были покрыты платком, завязанным под ее широким подбородком. Она остановилась в дверях и некоторое время рассматривала интерьер магазина. Своими маленькими, глубоко посаженными глазами, которые бежали, как у ковбоя, ворвавшегося в салун через двустворчатую дверь и готового устроить пальбу из своей пушки. Затем она вошла вовнутрь.

Мало кто из посетителей удостоил ее вниманием. Только Нэтти Кобб посмотрела на нее с необычным выражением отвращения и ненависти одновременно и быстро отошла от флорентийского стекла.

Вновь прибывшая заметила это движение Нэтти и окинула ее презрительным взглядом.

Колокольчик над дверью звякнул, когда Нэтти покинула магазин.

Мистер Гаунт наблюдал за этой сценой с большим интересом. Он подошел к Розали и сказал:

— Боюсь, миссис Кобб ушла без вас.

Розали удивилась, а затем увидела женщину с белой пуговицей из казино, которая рассматривала турецкий ковер на стене с видом ценителя живописи в галерее. Ее руки упирались в широкие бедра.

— О... — сказала Розали. — Извините. Я действительно должна уйти.

— Между двумя этими женщинами любовь и не пробегала, — заметил мистер Гаунт.

Розали рассеянно улыбнулась.

Гаунт посмотрел на вновь прибывшую.

— Кто она? — спросил он у Розали.

— Вилма Ежик, — ответила она. — Извините, я должна догнать Нэтти. Она сильно взвинчена, понимаете?

— Конечно, — сказал он, провожая ее к выходу, и про себя добавил: «Вы все такие».

Кора Раск дотронулась до его руки и спросила:

— Сколько стоит фотография Короля?

Лиленд Гаунт направил на нее свою ослепительную улыбку.

— Что ж, поговорим об этом. Сколько, по-вашему, она стоит?

Глава 3

1

Новый магазинчик Кастрл Рока был закрыт уже часа два, когда Алан Пэнгборн медленно катил до Мэйн-стрит к зданию муниципалитета, в котором размещались офис шерифа и полицейский участок. Он ехал за рулем неприметного «форда», выпуска 1986 года. Это был семейный фургон с прицепом. Алан был слегка навеселе, хотя и выпил только пива, но его сильно развезло. Он бросил взгляд на вывеску магазина «Необходимые вещи» и одобрительно заметил темно-зеленый тент магазина, нависающий над улицей, как в свое время отметил это Брайан Раск. Он почти ничего не знал о таких вещах, но считал, что внешний вид магазинов придает улице респектабельный вид, да и всему городу в целом. Жаль, что большинство владельцев магазинов на Мэйн-стрит абсолютно об этом не заботились.

Алан не имел ни малейшего представления о том, что продается в новом заведении, куда еще с самого утра собиралась отправиться Полли, но кажется, что это был один из тех милых уютных французских ресторанчиков, куда можно привести девочку твоей мечты и, проворковав с ней половину вечера, уговорить ее лечь в постель. Алан забыл о магазине «Необходимые вещи», как только

тот скрылся из виду. Он проехал два квартала вниз, завернул в узкий проезд между приземистым кирпичным зданием муниципалитета и белым строением городского треста водоснабжения. В этом месте проезд был разрешен только служебному транспорту. Здание муниципалитета напоминало перевернутую букву Г. Рядом была расположена стоянка автомобилей, напоминавшая по форме ангела, распростершего крылья. Три отделения принадлежали конторе шерифа. В одном из них припарковал свой старенький жужжащий «фольксваген» Норрис Риджвик. Алан припарковался в другом отделении, выключил фары и мотор, притронулся к дверце машины.

Депрессия, подбиравшаяся к нему также, как подбираются волки, окружающие лагерный костер, в приключенческих книжках, которые он так любил читать в детстве, внезапно свалилась на него. Он вышел из машины, привалился спиной к колесу прицепа в надежде, что она пройдет. Он провел целый день в Окружном суде Портленда. Все эти долгие, томительные часы он давал показания по четырем судебным разбирательствам. Округ включал в себя четыре района: Йорк, Кемберленд, Оксфорд и Кастл. Из всех законников, служивших в этих районах, пожалуй, только Алан Пэнтборн терпеть не мог поездки. Поэтому трое окружных судей как могли старались сгруппировать дела так, чтобы Алан приезжал раз или два в месяц. Именно это дало ему возможность проводить гораздо больше времени в своем округе, который он был призван защищать, вместо того, чтобы мотаться по дороге между Кастл Роком и Портлендом. Однако после таких вот судебных дней, он чувствовал себя, как школяр, вышвырнутый из аудитории, где он только что пытался сдать труднейший экзамен. Лучше всего было бы немного промочить горло, да и Гарри Кросс и Джордж Кромптон настаивали, чтобы он присоединился к ним. Разумеется, что у них была причина, чтобы напиться: в их районах всюду орудовала хорошо организованная банда ночных грабителей. Но если копнуть чуточку глубже, то все они считали, что пропустить рюмочку другую в конце трудного дня — было именно то, в чем они так нуждались.

А теперь он сидел за рулем того, что когда-то называлось семейным автомобилем, пожиная плоды, посеянные по собственной воле. Голова немного побаливала, его тошнило. Но то, что творилось у него на душе, не шло ни в какие сравнения с надоедливой головной болью и тошнотой. Привет! весело зазвучало у него в голове. Это я, Алан! Рад тебя видеть! Догадываешься кто это? Ничего, трудный день уже на исходе, а Анни и Тод мертвы! Помнишь тот субботний вечер, когда Тод разлил молоко на переднее сиденье? Прямо на то место, где сейчас стоит твой кейс? А ты на него еще тогда наорал? Да! Не забыл об этом? Или забыл? Ладно, ничего Алан, потому что я здесь, чтобы напомнить тебе! Напомнить тебе об этом! Напомнить о многом. Он приподнял свой кейс и уставился на сиденье. Да, пятно было там, и, конечно же, он кричал тогда на Тода. Тод, почему ты всегда такой неуклюжий? Что-то вроде этого, ничего особенного, но совершенно не то, что можно сказать, если знаешь, что жить твоему ребенку осталось меньше месяца.

Вся эта история не стоила выведенного яйца. Тем более, что их машина вообще никогда не отличалась особой чистотой. Тогда они

провели целый день с гостями жены и младшего сына, разъезжая на машине. Он наклонился и открыл бардачок, чтобы достать свою записную книжку, всегда находившуюся при нем, даже когда он ездил в Портленд по судебным разбирательствам. Это было нерушимое правило. Он заглянул в нее. Его рука скользнула по какому-то предмету, похожему на цилиндр, и тот упал на пол салона. Алан кинул записную книжку на кейс и наклонился, чтобы поднять то, что выпало из бардачка. Он поднял сверкнувший предмет и очень долго разглядывал его, чувствуя, как застаревшая боль утраты и печали пронзает его. У Полли артритом были поражены руки, а у него эта болезнь, казалось, поселилась прямо в сердце. И кто мог сказать, кому из них было хуже. Банка принадлежала Тоду, конечно же ему, кто еще, несомненно, поселился бы в магазине «Развлекательная новинка», если бы ему только позволили. Мальчик был помещен на всех этих дешевых трюках и розыгрышах, колдовских снадобьях, которые здесь продавались: игрушечные свистки, чихательные порошки, очки от дождя, мыло, после использования которого руки приобретали цвет вулканической лавы. Эта вещьца все еще здесь. Уже девятнадцать месяцев, как они умерли, а она еще здесь. Как, черт побери, я смогу забыть это? Боже правый? Алан вертел круглую банку в руках, вспоминая, как мальчик просил у него разрешения купить на свои карманные деньги именно эту штуку, и как он сам возражал, приводя в доказательство поговорку своего отца: глупец и деньги — несовместимы. И как Анни успокаивала его в своей обычной мягкой манере.

Послушайте мистер Маг-недоучка, вещающий, как пуританин. Мне это нравится! Где бы вы думали он подцепил это врожденное чувство любви ко всем отсебятинам, хитростям и розыгрышам. Никто в моей семье в жизни не держал портрет Гаудини, да еще и в рамочке, уж ты мне поверь. Неужели ты хочешь рассказать нам, что ты никогда не покупал всякую чепуху в бурные дни своего детства? Что ты не умирал бы от желания заполучить змею в консервной банке из-под орехов, и разыграть парочку простофиль, если бы тебе, конечно, попалась бы такая штучка на глаза?

Охая и ахая, он все больше и больше становился похожим на напыщенного пустозвона. В конце концов ему пришлось прикрыть рот рукой, чтобы скрыть глупую улыбку замешательства. Анни все же увидела ее. Анни всегда все видела. Это был ее особый дар... и это не раз выручало его. Ее неповторимое чувство юмора и интуиция всегда были лучше, чем у него. Острее.

Пусть он ее купит, Алан, детство бывает только однажды. К тому же это так забавно.

И Тод купил. А через три недели после этого Тод разлил молоко на сиденье, а спустя еще четыре недели он был мертв! Представляете? Время лечит, не так ли, Алан! Но не волнуйся, не переживай, потому что я буду напоминать тебе! Да, сэр! Я не позволю тебе забыть, потому что это моя работа, и я ее выподню.

На банке была надпись: «Очень вкусные орехи». Алан открутил крышку, и пять футов зеленой змеи, втиснутой в банку, вырвались наружу; она ударилась об окно и рикошетом упала к нему на колени. Алан смотрел на нее, в голове у него зазвучал смех умершего сына,

он заплакал. В его слезах не было драматизма; они были беззвучными и опустошающими. Казалось, что эти слезы сближают его с теми, кого он так любил; слезам никогда не будет конца. Их было слишком много, но как только вы начинали расслабляться и думать, что больше не осталось слез, что все связи разорваны, они появлялись снова. И снова. И снова...

Почему он позволил Тоду купить эту дурацкую игрушку? Почему она до сих пор в этом дурацком бардачке? И почему он все время думает об этом дурацком фургоне?

Он вытащил носовой платок из заднего кармана брюк и вытер слезы с лица, затем очень медленно засунул змею — просто кусок дешевой гофрированной бумаги с металлической пружинкой внутри — обратно в баночку из-под орехов. Алан завинтил крышку и задумчиво подбросил банку на ладони. Надо выбросить эту глупую вещь.

Но он не мог сделать этого. По крайней мере, не сегодня. Он засунул банку — последнюю шутку, которую Тод когда-либо купил в самом лучшем (по его мнению) магазине в мире, — обратно в бардачок, захлопнув его, затем снова взялся за ручку дверцы, захватил кейс и вышел из машины.

Он сделал глубокий вдох в надежде, что воздух раннего летнего вечера сможет помочь ему. Но нет. Он только почувствовал одуряющий запах гнилого дерева и химикалий, который постоянно исходил от бумажной фабрики в Румфорде, расположенной миль на тридцать севернее. Он позвонит Полли и спросит у нее разрешения зайти; может быть, это хоть немного развеет его тоску.

Кстати, Алан, активизировался внутренний голос, ты помнишь, каким счастливым сделала его эта змея? Он опробовал ее действие на ком только мог; это чуть не довело Норриса Риджвика до сердечного приступа, а ты смеялся так, что чуть не напустил в штаны. Помнишь? Но разве он не был таким замечательным, таким прелестным. А Анни — помнишь, как она смеялась, когда ты рассказывал ей об этом? Она тоже была такой замечательной и великолепной, правда ведь? Конечно, она не была уже такой очаровательной в самом конце, и совсем уж не такой великолепной, но ты даже этого не заметил, правда? Потому что ты так хотел поймать свою собственную рыбку. Например, дело Тэда Бьюмонта: ты, действительно, не мог выкинуть это из головы, что случилось в доме около озера, и как это все закончилось, как он напивался и звал тебя. А потом его жена забрала детей и ушла от него... К этому еще можно прибавить то повседневное обычное дерьмо, которое и составляет твою работу. Ты был занят по горло, слишком занят, чтобы видеть, что ты творишь под твоим собственным носом. Очень плохо, что ты не смог понять этого. А если бы сумел, как знать, может быть, они все еще были бы живы? Есть нечто, о чем ты не имеешь права забыть, поэтому я буду постоянно напоминать тебе, снова и снова. Хорошо? Ладно!

На кузове машины, прямо над бензобаком, была длинная царапина. Появилась ли она до того, как Анни и Тод погибли, или после того? Он не мог вспомнить точно, да это и не имело большого значения. Он провел пальцами по царапине и снова напомнил себе,

что нужно отогнать машину к Сонни в Сунако и оценить ее. Но, с другой стороны, зачем лишние хлопоты? Почему бы просто не отвезти эту дурацкую тачку в Оксфорд к Гарри Форду и не поменять ее на что-нибудь поменьше. Пробег у машины еще сравнительно небольшой, так что можно будет сделать вполне приличный обмен.

Но Тод пролил молоко на переднее сиденье? Недовольно заворчал внутренний голос. Он сделал это, когда еще был жив, Алан, старина! И Анни...

— Заткнись, — сказал Алан.

Он подошел к зданию и остановился. Припаркованный рядом красный «кадиллак» был так близко, что входная дверь могла оставить вмятину на боку, если ее распахнуть настежь. Ему не нужно было смотреть на номерной знак, чтобы знать что там написано: Пират номер один. Он задумчиво провел рукой по малиновой поверхности машины, затем вошел в здание.

2

Шейла Бригхэм сидела в стеклянном кубе диспетчерской, развлекаясь чтением журнала «Пипл» и отхлебывая из бутылочки Кока-колу. Помещение, где располагалась контора шерифа и полицейский участок Кастрл Рока, напоминало бы пустыню, если бы не одинокая фигура Норриса Риджвика. Норрис сидел за клавиатурой старенькой пишущей машинки, работая над докладом с таким остервенением, с таким захватывающим вниманием, с каким только он мог выполнять бумажную работу. Остановившимся взглядом он смотрел на машинку, затем внезапно наклонился вперед, как человек, которому двинули кулаком в живот, и ударял по клавишам. Он оставался в таком согнутом положении очень долго, внимательно читая то, что уже напечатал, тихонько постанывая. Затем слышалось: «Клик! Клик! Клик!». Звук используемого Норрисом корректора, исправляющего ошибки (он приводил в негодность одну такую ленту за неделю), потом Норрис распрямлялся. После этого следовала значительная пауза, а затем весь цикл повторялся снова. Через час с небольшим Норрис бросит готовый отчет в корзинку для входящих документов Шейле. Раз или два в неделю эти отчеты бывали даже вразумительными. Норрис поднял глаза и улыбнулся Алану, пересекающему это стойло для быков.

— Привет, босс, как оно, ничего?

— Нормально, Портленд не предвидится еще недельки две или три. А здесь все в порядке?

— Да, все, как обычно. Ты знаешь, Алан, у тебя глаза красные, как у кролика. Ты что, снова курил этот мерзкий табак? — Алан кисло улыбнулся. — Я пропустил парочку рюмок с парочкой полицейских, а после этого тридцать миль продирался сквозь людскую толпу. У тебя под рукой есть аспирин?

— Всегда, — ответил Норрис. — Ты же знаешь.

Нижний ящик его письменного стола представлял собой аптечный склад в миниатюре. Норрис выдвинул ящик, порылся в нем, извлек оттуда гигантских размеров бутылку с малиновыми пилюлями, несколько мгновений изучал этикетку, потряс головой, кинул

бутылку обратно в ящик и порылся там еще немного. Наконец он с важным видом извлек флакон с аспирином.

— У меня есть небольшое задание для тебя, — произнес Алан, беря пузырек и вытряхивая две таблетки себе на ладонь.

Вместе с пилюлей высыпалось очень много белого порошка, и он поймал себя на мысли о том, почему этот аспирин всегда так крошится. Еще немного и он сойдет с ума.

— Алан, у меня еще есть чем заняться, и — остынь, — Алан подошел к автомату с газированной водой и подставил бумажный стаканчик. «Плям-плям-плям» — послышалось из автомата, когда он набирал стакан.

— Все, что от тебя требуется, — это пересечь комнату и открыть дверь, через которую я вошел. Это так просто, что даже ребенок сможет это сделать, правда?

— Что?

— Только не забудь свою книжку со штрафными листками, — произнес Алан, проглатывая аспирин. Норрис Риджвик сразу же стал серьезным. — Твоя лежит на столе рядом с твоим кейсом. — Я знаю. Там она и останется лежать, по крайней мере, сегодня вечером.

Норрис долго его разглядывал. В конце концов он спросил.

— Пират?

Алан кивнул — Пират. Он снова поставил свою машину в неполюженном месте. Я уже сделал ему последнее предупреждение.

Председатель городского правления Кастр Дэнфорд Пират Третий был известен под кличкой «Пират» всем, кто знал его... но служащие муниципалитета, которые не хотели вылететь с работы, называли его Дэн или мистер Пират. Только Алан, который занимал выборную должность, осмелился назвать его Пират прямо в лицо, и он дважды сделал это, каждый раз, когда он был очень зол. Однако он надеялся, что сделает это снова. Дэн Пират был человеком, с которым, как выяснилось, очень легко испортить отношения.

— Давай! — сказал Норрис. — Ты это сделаешь, Алан, хорошо?

— Не могу. У меня с ним назначена встреча на следующей неделе.

— Он и так уже меня ненавидит, — болезненно поморщился Норрис. — Я знаю это.

— Пират ненавидит всех, кроме своей жены и матери, — сказал Алан, — и я даже не уверен насчет его жены, но факт остается фактом, я предупредил его, по крайней мере, раз десять за последний месяц относительно парковки машины в неполюженном месте и сейчас я собираюсь вырвать у него деньги.

— Нет, ты собираешься вырвать у меня работу. Вот что это значит, Алан. Честно.

Норрис Риджвик выглядел, как наглядное приложение к надписи «вот что происходит, когда с хорошими людьми случаются плохие вещи».

— Расслабься, — сказал Алан. — Ты прикрепляешь пятидолларовую штрафную квитанцию на ветровое стекло его машины. Он приходит ко мне и требует твоего уничтожения.

Норрис застонал.

— Я отказываюсь. Затем он просит меня разорвать квитанцию. Я тоже отказываюсь. Затем, завтра после обеда, после того, как у него будет достаточно времени, чтобы все это обдумать, я смягчаюсь. И когда я прихожу на назначенную встречу, он относится ко мне благосклонно.

— Да. Но что он будет должен мне?

— Норрис, ты хочешь новое оружие или нет?

— Да, — а как насчет факса? Мы мечтаем о факсе уже года два. «Да!» — с фальшивой веселостью закричал внутренний голосок. — «Ты начал мечтать об этом, когда Анни и Тод были еще живы. Алан! Помнишь об этом? Помнишь то время, когда они были живы?»

— Я понимаю, — сказал Норрис. Он взял свою чековую книжку с печалью и смирением, написанным на лице.

— Молодчина, — ответил Алан с теплотой, которую он вовсе не ощущал.

— Я еще немного побуду в офисе.

3

Он закрыл дверь и набрал номер Полли.

— Алло? — послышалось в трубке, и он сразу понял, что не будет рассказывать ей о депрессии, которая неотступно преследовала его. У Полли свои проблемы сегодня вечером. Одно-единственное слово рассказало ему о том, как она себя чувствует. Звук Л был слегка смазан. Это случилось только тогда, когда она принимала перкодан. И, возможно, даже больше, чем одну таблетку. — А она пила перкодан только тогда, когда боли были очень сильными. Но она никогда не рассказывала об этом. Алану казалось, что она со страхом ждет того дня, когда перкодан уже не будет действовать.

— Как поживаешь, милая, — спросил он, откидываясь в кресле и прикладывая руку к глазам. Аспирин не помогал. Может быть мне спросить ее о перкодане, пронеслось у него в голове.

— Хорошо.

Он слышал, как осторожно и тщательно она говорит, перебираясь от одного слова к другому, как женщина, переходящая ручеек по узенькой дощечке.

— А как ты? По-моему ты устал.

— Суд меня всегда выматывает. Он отбросил мысль о встрече с ней. Она скажет: конечно, Алан, и она будет рада видеть его, почти также рада, как и он, но сегодня вечером это будет для него непосильным бременем. Я хочу пораньше пойти домой и завалиться спать. Ты не будешь возражать, если я не приду?

— Нет, милый. Будет даже лучше, если ты не придешь.

— Что, очень плохо сегодня.

— Бывало и хуже, — тщательно произнесла Полли.

— Это не то, о чем я спрашиваю.

— Нет, не так уж и плохо.

«Твой собственный голос выдает тебя, моя дорогая», — подумал он.

— Ладно. Что там насчет ультразвуковой терапии, о которой ты мне говорила. Что-нибудь выяснилось?

— Было бы прекрасно, если бы я могла позволить себе провести месяца полтора в клинике Майо — а вдруг, — но я не в состоянии. И не рассказывай мне, что ты можешь, Алан, потому что я уже устаю называть тебя обманщиком.

— Кажется, ты говорила, что-то о Бостонской больнице.

— В следующем году, — ответила Полли. — Они собираются начать применение ультразвукового лечения в следующем году, может быть.

Наступила пауза. И он уже собирался попрощаться, когда она снова заговорила. Теперь голос ее звучал немного веселее.

— Утром я забежала в новый магазин. Я попросила Нэтти испечь торт и отнесла его. Глупо, конечно. Дамы никогда не носят выпечку на открытие. Так уж заведено.

— Как он выглядит? Что там продается?

— Всего понемногу. Если тыставишь мне пистолет к виску, я скажу, что это антикварная лавка, но это очень пренебрежительное название. Ты должен сам заглянуть туда.

— Ты видела хозяина?

— Мистер Лилэнд Гаунт, из Акрона, Огайо, — произнесла Полли с улыбкой в голосе. — По-моему, он будет центром внимания в высшем обществе Кастр Рока в этом году — это мое предсказание.

— Как он тебе показался?

Когда она снова заговорила, улыбка в ее голосе ощущалась еще явственнее.

— Послушай, Алан, я буду честной — я тебя люблю и я надеюсь, что ты меня тоже, но...

— Это действительно так, — сказал он. Головная боль немного прошла. Он сомневался, что таблетки Норриса Риджвика сотворили это маленькое чудо.

— Но он заставил мое сердце биться быстрее. И ты бы видел Розали и Нэтти, когда они вернулись оттуда.

— Нэтти?

Он убрал ноги со стола и встал.

— Нэтти же боится собственной тени!

— Да. Но Розали попросила ее пойти с ней в город. — Ты знаешь, что эта милая старушка никуда не выходит одна. — И я спросила Нэтти, когда она вернулась домой после обеда, что она думает о мистере Гаунте. Алан, ее тусклые глаза просто засияли. У него есть флорентийское стекло! Прекрасное флорентийское стекло! И он даже пригласил меня зайти завтра еще раз, чтобы посмотреть на другие экземпляры.

— Кажется, что это самая длинная тирада, которую Нэтти произнесла за последние четыре года. Поэтому я сказала: Это так мило с его стороны, Нэтти? А она ответила: Да. И знаешь что? Я обязательно пойду!

Алан рассмеялся от всей души.

— И, если уж Нэтти захотела пойти куда-нибудь без дуэньи, ты обязательно должен проверить его. Парень, наверное, волшебник. И что самое удивительное, — он некрасивый. По крайней мере не похож на кинозвезду, но у него самые прекрасные в мире глаза. Они освещают все лицо.

— Смотри мне, — проворчал Алан. — Не буди во мне ревность. Она засмеялась.

— Я не думаю, что у тебя есть повод для беспокойства. Но ты знаешь, Розали сказала, что Вилма Ежик пришла в магазин, когда Нэтти была там.

— Что-нибудь случилось? Они разговаривали?

— Нет. Нэтти пронзила миссис Ежик взглядом, а та скривила губы и Нэтти выбежала вон. Вилма Ежик звонила тебе последнее время насчет собаки Нэтти?

— Нет, — ответил Алан. — Для этого нет причин. Я проезжал возле дома Нэтти несколько ночей подряд. Собака больше не лает. Просто она тогда была щенком, Полли. А теперь она подросток, и потом у нее такая хорошая хозяйка. Как она назвала собаку?

— Райдер.

— Да, Вилме Ежик придется найти другой предмет для ссоры, потому что Райдер вышел из расчета. И я не сомневаюсь, что она найдет. Женщины, подобные Вилме, всегда находят повод для скандала. И собака тут абсолютно ни при чем; Вилма была единственным человеком по соседству, кто жаловался. Это из-за Нэтти. Такие люди, как Вилма, всегда ищут слабину в других, а у Нэтти Кобб очень много слабых мест.

— Да, — печально и задумчиво произнесла Полли. — Ты знаешь, что Вилма Ежик как-то позвонила ей и сказала, что если Нэтти не заставит собаку замолчать, она придет и перережет щенку горло?

— Да, — спокойно произнес Алан. — И я знаю, что Нэтти рассказала тебе об этом, но я также знаю, что Вилма сильно напугала Нэтти, и что с Нэтти... не все в порядке. Я не говорю, что Вилма Ежик не способна на такой звонок, но вполне может быть, что это просто произошло у Нэтти в воображении.

То, что с Нэтти не все в порядке, было понятно и так. Не нужно было говорить об этом что-то еще; они оба прекрасно знали, о чем они говорят. После многих лет кромешного ада жизни с жестоким и грубым человеком, который унижал ее так, как только мужчина может унизить женщину, Нэтти Кобб воткнула вилку в горло своему мужу, когда он спал. Она провела пять лет в Джонипер Хил в клинике для душевнобольных. Ее прислали работать к Полли по реабилитационной программе и, как считал Алан, никто не мог помочь ей лучше Полли. Значительное улучшение состояния Нэтти подтверждало его мнение. А два года назад Нэтти переехала в свой собственный маленький домик на Форт-стрит совсем рядом с центром.

— Действительно, с Нэтти не все в порядке, — сказала Полли, — но ее реакция на мистера Гаунта просто поразительна. Он действительно очень милый.

— Мне нужно самому увидеть его, — решил Алан.

— Расскажешь мне, что ты думаешь. И обязательно проверь его газелью глаза.

— Сомневаюсь, что они произведут на меня такое же впечатление, как на тебя, — сухо заметил Алан.

Она снова рассмеялась, но в этот раз смех ее звучал немножко натянуто.

— Попробуй заснуть.

- Хорошо. Спасибо, что позвонил, Алан.
- Пока, — он помолчал. — Я люблю тебя, милая.
- Спасибо, Алан, — я тоже люблю тебя. Спокойной ночи.
- Хороших снов.

Он повесил трубку, развернул лампу так, что она отбрасывала свет на стену, закинул ноги на стол и сложил руки вместе перед грудью, как во время молитвы. Он вытянул указательные пальцы, и на стене зашевелил ушками зайчик. Алан просунул большие пальцы между указательными, и зайчик на стене зашевелил носом. Алан заставил зайчика прыгать, потом он превратился в слона, трубящего в хобот. Руки Алана двигались легко и проворно, он почти не замечал создаваемых ими животных; это была его старая привычка, его способ медитации.

Он думал о Полли, Полли и ее бедных руках. Что же делать?

Если бы это была только проблема денег, он мог бы затащить ее в палату клиники Майо уже завтра днем и закрыть ее там. Он сделал бы это, даже если бы нужно было надеть на нее смирительную рубашку или напичкать седативными таблетками, чтобы доставить ее туда.

Но не в деньгах дело. Способ лечения ультразвуком прогрессирующего артрита только разрабатывался. Вполне возможно, что он будет таким же эффективным, как вакцина Салка, но может оказаться и несостоятельным, как френология. В любом случае ничего нельзя было сделать прямо сейчас. Шанс был один из тысячи. И не из-за потери денег он переживал, а из-за разбитых в прах надежд Полли.

Ворона, такая же живая, как в мультфильмах Диснея, медленно пролетела над дипломом полицейской академии. Ее крылья увеличились, и она превратилась в доисторического птеродактиля. Треугольная голова вертелась из стороны в сторону, пока она долетела до границы света.

Дверь открылась. Скорбное, похожее на морду бассет-хаунда, лицо Норриса Риджвика просунулось в комнату. — Я сделал это, Алан, — произнес он тоном человека, сознающего в убийстве нескольких маленьких детишек.

— Хорошо, Норрис, — ответил Алан. — Не заикливайся на этом. Норрис посмотрел на него влажными глазами и задумчиво кивнул. Он взглянул на стену.

— Покажи Пирата, Алан.

Алан усмехнулся, потряс головой и потянулся к лампе.

— Давай, — одобрительно подбодрил его Норрис. — Я прикрепил штрафной талончик к его чертовой машине — я заслужил это. Покажи Пирата, Алан, пожалуйста. Это придаст мне силы.

Алан взглянул через плечо Норриса, там никого не было, затем он снова сжал руки. И на стене появился тучный мужчина, важно вышагивая в круге света, потряхивая брюхом. Он остановился, чтобы подтянуть штаны, и пошел дальше с гордо поднятой треугольной головой.

Норрис счастливо рассмеялся смехом ребенка. На секунду Алан вспомнил Тода, но усилием воли подавил в себе это воспоминание. Это было слишком для одного вечера, Боже правый.

— Боже, это убьет меня, — сказал Норрис, все еще продолжая смеяться. — Ты родился слишком поздно, Алан, ты бы мог сделать карьеру в шоу Эда Салливана.

— Давай, уходи, — сказал Алан.

Все еще смеясь, Норрис закрыл дверь.

Алан сделал Норриса, тощего и слегка самоуверенного, идущего по стене, потом выключил лампу и вытащил потрепанную записную книжку из заднего кармана брюк. Он перелистал ее, пока не нашел чистую страничку, и написал: «Необходимые вещи». Ниже добавил: «Лиленд Гаунт, Кливленд, Огайо». Так, что ли? Нет. Он вычеркнул Кливленд и вписал Акрон. Кажется, я действительно, схожу с ума. На третьей строчке он написал: «Проверить».

Он снова засунул записную книжку в карман, чтобы идти домой, но вместо этого включил лампу. И снова по стене маршировал парад теней: львы и тигры, мишки и жирафы. И снова депрессия окутала его с головы до ног. Голосок вел разговоры об Анни и Тоде. И все-таки Алан Пэнгборн начал прислушиваться к нему. Он делал это помимо своей воли... но все с нарастающим вниманием...

4

Полли лежала на кровати и, когда она закончила разговор с Аланом, она повернулась налево, чтобы повесить трубку. Трубка выпала из рук и отскочила на пол. Корпус телефона медленно скользил по ночному столику, собираясь, очевидно, присоединиться к другой половинке. Она потянулась к нему и ударилась рукой о край столика. Ужасная боль пронзила ее руку и пробежала по нервам, боль добралась до самого плеча. Чтобы не заплакать, она закусила губу.

Корпус телефона упал с края стола, в трубке слышалось жужжание. Казалось, что целый рой насекомых носился по комнате. Она думала о том, как же ей подобрать телефон этими клешнями, которые она убаюкивала на своей груди. Она не могла двигать пальцами, только нажимать, как женщина, играющая на аккордеоне. Даже такую простую вещь, как поднять телефон, упавший на пол, она не могла сделать. Это было уже слишком, и слезы потекли по ее лицу. Боль снова проснулась, развернулась с полной силой, выкручивая руки, особенно ту, которую она ударила. Она лежала на кровати, уставившись в потолок невидящими глазами, и всхлипывала.

«О, я отдала бы все на свете, чтобы освободиться от этого, — думала она. — Я отдала бы все, все, все».

5

К десяти часам осеннего вечера Мэйн-стрит была абсолютно пуста. Фонари отбрасывали круги белого света на тротуары и на фронтоны домов деловой части города, уменьшая все, делая пустынный район похожим на декорацию. Так и кажется, что одинокая фигура, одетая во фрак и цилиндр — Фрэд Астер, или, может быть, Джин Келли, — появятся и будут танцевать от одного пятна к

другому, напевая о том, как одинок мужчина, когда его любимая девушка покинула его, а все бары закрыты. Затем, с другой стороны Мэйн-стрит, появится другая фигура — Джинджер Роджерс или, может быть, Сид Чаррис, одетая в вечернее платье. Она будет двигаться, танцуя, навстречу Фрэду (или Джину), напевая о том, как одиноко чувствует себя девушка, когда ее любимый парень изменил ей. Они увидят друг друга, приостановятся, а потом вместе будут танцевать перед зданием банка или салона «Шьем для Вас».

А вместо этого появился Хью Прайст.

Он абсолютно не был похож ни на Фрэда Астера, ни на Джина Келли, и не было девушки на другом конце улицы, идущей навстречу романтической любви. Он был пьян. Он упорно напивался в «Захмелевшем Тигре» с четырех часов дня. С этой точки зрения, даже ходьба для него была пыткой, не говоря уже о танцевальных па. Он шел медленно, переходя от одной лужи к другой. Его тень двигалась по стенам парикмахерской, автомобильного салона, магазина проката видеоаппаратуры. Он слегка покачивался, и его покрасневшие глаза тупо смотрели вперед, а жирное брюхо выглядело из-под потной голубой футболки. Спереди был нарисован большой москит, и написаны слова: «Птица штата Мэн».

Его грузовик так и остался стоять позади бара. Хью Прайст был обладателем бесчисленного количества штрафных талончиков за нарушение правил вождения машины. А последнее лишило его права вождения автомобиля на шесть месяцев. — Этот выродец Пират со своими друзьями Фуллертоном и Семьюэлсом и сучий сын Вильямс вполне ясно дали ему понять, что их терпению пришел конец. Еще один штраф, и они лишат его прав, а тогда он потеряет работу, но это не заставило Хью перестать пить — никакая сила в мире не могла сделать это. Но он принял твердое решение: не пить за рулем. Ему был пятьдесят один год, и уже поздно было менять работу, особенно с репутацией водителя-пьянчужки, которая тянулась за ним, как консервная банка, привязанная к кошачьему хвосту.

Вот почему сегодня вечером он шел домой пешком. А дорога была чертовски длинна.

Когда Хью проходил мимо «Закусочной Нэни», начал моросить мелкий дождь. Это отнюдь не подняло ему настроения.

Он спрашивал у Бобби, который всегда проезжал рядом с домом Хью, собирается ли он проскочить к «Тигру» сегодня вечером на рюмочку бренди. Бобби Дугас сказал:

— Обязательно, Хьюберт, — Бобби всегда называл его Хьюберт, — возможно я загляну туда около семи.

Поэтому Хью, уверенный, что его подвезут, если он наберется, заглянул в «Тигр» в пять минут четвертого и напился. И что же? Нет Бобби Дугаса, черт возьми. Потом восемь, и девять, и пол десятого... а его все нет.

Без двадцати десять Генри Бьюфорд, хозяин «Захмелевшего Тигра» предложил Хью положить яйцо на ботинок и раздавить его, превратиться в дерево, стать амебой и разделиться или, другими словами, уматывать. Хью был оскорблен. Правда, он разбил проигрыватель, но эта чертова пластинка с голосом Родни Кровела все время заедала.

— А что мне еще было делать, просто сидеть и слушать это? — вопрошал Хью. — Ты должен был убрать эту пластинку, и все. Парни, которые поют, как он, просто дураки.

— Да, ты уже набрался, — ответил Генри, — тебе уже давно пора идти. Тебе нужно немножко освежиться.

— А что, если я откажусь, — настаивал Хью.

— Тогда я позову шерифа Пэнгборна, — спокойно заметил Генри. Другие завсегдатаи «Захмелевшего Тигра», их было не так уж и много сегодняшним вечером, с интересом слушали эту перепалку. Мужчины с осторожностью относились к Хью Прайсту, особенно, когда он был навеселе. Но он не собирался завоевывать приз на самого популярного парня Кастл Рока.

— Мне это не нравится, — продолжал Генри, — но я это сделаю, Хью. Я до чертиков устал от того, что ты разбиваешь проигрыватель.

Хью удержался, чтобы не сказать: «Тогда следующий раз я набью тебе морду, ты, срань болотная. Потом он представил этого жирного сучьего сына Пирата, вручающего ему штраф за драку в этой чертовой забегаловке. Конечно, штраф придет по почте, как всегда, такие свиньи, как Пират, никогда сами не пачкают рук».

— Ладно, — сказал он. — Мне это абсолютно не нужно.

Он предусмотрительно отдал ключи Генри, когда зашел в бар в шесть часов и восемнадцать бутылок пива назад.

— Нет, — Генри вытер руки полотенцем и уставился на Хью. — Нет? Какого черта ты говоришь нет?

— Я считаю, что ты слишком пьян, чтобы вести машину. Я знаю это. А когда ты проснешься завтра утром, ты тоже это поймешь.

— Послушай, — терпеливо произнес Хью. — Когда я давал тебе эти проклятые ключи, я думал, что меня подвезут домой. Бобби Дугас сказал, что он заглянет сюда на пару стаканчиков, и не моя вина, что этот выродок так и не появился.

Генри вздохнул.

— Я все понимаю, но это не мои проблемы. Меня посадят в тюрьму, если ты кого-нибудь переедешь. Сейчас ты не задумываешься над этим. И не надо делать из меня дурака, приятель. Никто другой в этом мире не сделает это для тебя.

Хью охватило чувство негодования, возмущения. Он поискал ключи, висевшие на стенке как раз под плакатом: «Если вам не нравится наш город, то посмотрите в расписание поездов». Он испугался, когда почувствовал, что на глаза наворачиваются слезы.

Генри окинул взглядом других посетителей бара.

— Эй, может быть, кто-нибудь из вас хочет сложить голову в тюрьме.

Мужчины молча смотрели вниз. Кто-то хрустел пальцами. Чарли Фортинг направился в туалет, тщательно обходя углы. Никто не ответил.

— Вот видишь, — спросил Хью. — Отдай мне ключи.

Генри отрицательно покачал головой. Если ты хочешь заходить сюда и дальше, сегодня ты пойдешь пешком.

— О'кей! Я пойду.

Хью напоминал ребенка, надувшего губы, готового закатить истерику. Он пересек зал, сжав руки в кулаки. Он ждал, что

кто-нибудь засмеется, он почти надеялся на это. И тогда бы он разнес это заведение в пух и прах, но стояла мертвая тишина, и только Реба Макэнтайер завывала что-то об Алабаме.

— Ты можешь забрать свои ключи завтра, — крикнул ему вслед Генри.

Хью ничего не ответил. С большим усилием он удержался, чтобы не наподдать этому проклятому проигрывателю, попавшемуся ему по дороге. Так и не подняв голову, он вышел в темноту. Туман перешел в моросящий дождик, и Хью казалось, что морось перейдет в проливной дождь к тому времени, когда он доберется домой. Такова его доля, он упрямо шел вперед, почти совсем не качаясь (на воздухе он немного протрезвел), внутри у него все бушевало, и он желал, чтобы ему попался хоть кто-нибудь, на ком можно было бы выместить свое настроение. Даже небольшая стычка сойдет. Он вспомнил о ребенке, который перебежал дорогу перед его грузовиком днем, и пожалел, что он не переехал этого щенка. Все равно это было бы не по его вине. В его время дети смотрели, куда идут.

Он пересек пустое пространство, где когда-то стояло сгоревшее здание, «Шьем для Вас», магазин аппаратуры... А затем он прошел мимо «Необходимых вещей». Он взглянул на витрину, оглянулся назад. Еще мили полторы ходьбы и, может быть, он еще успеет дойти домой до того, как совсем промокнет под дождем. А затем внезапно остановился.

Ноги пронесли его мимо нового магазина. Ему пришлось вернуться. Единственный огонек горел над витриной, бросая мягкий свет, освещая вещи, выставленные здесь. Свет также падал на его лицо, которое удивительно изменилось. Внезапно Хью стал выглядеть, как уставший маленький мальчик, которому давно пора спать, как мальчик, который только что увидел то, что он хотел бы получить на Рождество, то, что он обязательно должен получить на Рождество, потому что все остальные подарки в мире ничего не стоят. В центре витрины, обрамленный двумя вазами (горячо любимое Нэтти Кобб флорентийское стекло, хотя Хью ничего и не знал об этом, да даже и не пытался узнать) был выставлен хвост.

Это был лисий хвост.

Он снова очутился в 1955 году, когда он только что получил права и ехал на спортивные соревнования в стареньком «форде» своего отца. Был теплый, не по сезону ноябрьский денек, достаточно теплый, чтобы опустить брезентовый навес (особенно если вы находитесь в компании молодых людей с горячей кровью, готовых, желающих и способных навести порядок даже в аду), а в машине таких было шестеро. Питер Дойун прихватил с собой бутылку виски, Перри Комо настраивал радио, Хью Прайст сидел за белым рулем, а на радиоантенне развивался великолепный переливающийся лисий хвост, как раз такой, как тот, на который он смотрел в магазинное стекло.

Глядя на этот великолепный хвост, он вспоминал и думал о том, что это единственная цель в его жизни.

Он вспомнил, как он отказался от виски, когда подошла его очередь. Он был за рулем, а за рулем пить нельзя, потому что ты

отвечаешь за жизнь других. И он вспомнил еще одно: свою уверенность в том, что переживает лучшие часы и лучшие дни своей жизни.

Память удивила и поразила его своей чистотой и ясным восприятием душистого аромата сжигаемых листьев, ноябрьского солнца, поблескивающего на фарах. А теперь, глядя на лисий хвост, выставленный в витрине «Необходимых вещей», он был поражен тем, что это действительно были лучшие дни в его жизни. Один из последних дней до того, как пьянство крепко схватило его гибкой рукой, превратив в странную противоположность короля Мидаса. Все, к чему бы он ни притрагивался, с этого момента превращалось в дерьмо.

Внезапно он подумал: «Я могу изменить это!» Мысль пришла с пронзающей чистотой. «Я могу начать сначала. Но разве это возможно? Да. Я думаю, что иногда это можно сделать. Я мог бы купить этот лисий хвост и прицепить к антенне моего «бьюика». Они будут смеяться. Эти парни будут смеяться. Какие парни? Генри Бьюфорд? Этот маленький ссыкун Бобби Дугас? Ну и что? Хрен с ними. Купить этот лисий хвост, привязать его на антенну и... — и поехать. Поехать куда?

Ну хотя бы, для начала, на встречу солдат в четверг вечером в Грин парке.

На какое-то мгновение такая возможность оглушила и ошеломила его, точно также, как взволновала бы приговоренного к пожизненному заключению возможность открыть тюрьму ключами, оставленными охранником в дверях камеры.

Несколько мгновений он даже видел себя, собирающего доллар к доллару, день за днем и месяц за месяцем. Никакого «Захмелевшего Тигра». Это уже хуже, но также не нужно будет больше платить штрафов за нарушение правил, а это не так уж и плохо.

В этот момент, разглядывая лисий хвост в витрине «Необходимых вещей», Хью смог увидеть будущее. В первый раз за эти годы он думал о будущем. И этот великолепный рыжий мех с белым кончиком, развивающимся как победный флаг.

Но действительность все разрушила. И действительность пахла дождем и дымом, грязной одеждой. Для него уже не будет лисьего хвоста. Никаких встреч с бывшими сослуживцами, будущего, ничего. Ему было пятьдесят один, а в таком возрасте очень странно мечтать о будущем. Когда человеку пятьдесят один год, ему остаются только воспоминания.

Если бы магазин был открыт, он бы все-таки зашел в него в любом случае. Провалиться ему на этом самом месте, если он этого не делает. Он зашел и спросил бы, сколько стоит это чудо. Но было уже десять часов, Мэйн-стрит была уже пуста, а когда он проснется завтра утром, чувствуя, как кто-то стучит отбойным молотком по голове, он забудет об этом прекрасном хвосте с его переливающимися сверкающими красками.

Однако он все еще медлил, дотрагиваясь грязными мозолистыми пальцами к стеклу, как ребенок, заглядывающий в окно магазина игрушек. Уголки его рта тронула улыбка. Улыбка очень мягкая, и она совершенно не шла к выражению его лица. Где-то далеко раздался гудок автомобиля. Этот грубый звук прорезал дождливый ночной воздух, и Хью пришел в себя.

Плевать. Какого черта ты думаешь об этом?

Он отвернулся от окна и снова направился к дому, конечно, если можно было так назвать двухкомнатную нору с дровяным сарайчиком. Когда он проходил под навесом, то взглянул на дверь... И снова остановился.

На вывеске было написано:

ОТКРЫТО.

Как в тумане, Хью протянул руку и нажал на ручку. Она легко поддалась. Где-то впереди зазвенел маленький серебряный колокольчик. Казалось, что звук шел из невообразимых глубин. Посреди магазина стоял мужчина. Он энергично стряхивал пыль щеточкой из перьев. Он повернулся к Хью, когда зазвенел колокольчик. Казалось, что он не был удивлен, увидев человека, стоявшего в дверях в десять минут одиннадцатого. Единственная вещь, которая поразила Хью в этом мужчине, были глаза. Они были черными, как у индуса.

— Вы забыли перевернуть вашу табличку, приятель, — услышал свой голос Хью.

— Ничего подобного, — вежливо ответил мужчина, — я не очень хорошо сплю, у меня бессонница. И иногда я работаю по ночам. Никогда не знаешь, когда такой приятель, как вы, может остановиться... И заинтересоваться чем-нибудь. Не хотите ли войти и посмотреть?

Хью Прайст вошел, и дверь за ним закрылась.

6

— У вас здесь есть лисий хвост, — начал Хью, затем остановился, откашлялся и начал снова. Слова напоминали хриплое и непонятное бормотание. — В витрине я видел лисий хвост.

— Да, красивый, не правда ли?

Теперь он держал щетку перед собой, и его черные глаза разглядывали Хью с интересом поверх перьев, которые прикрывали нижнюю половину его лица. Хью не мог видеть его рот, но ему казалось, что человек улыбается. Он всегда чувствовал себя неловко, когда люди, особенно те, которых он не знал, насмехались над ним. Тогда у него появлялось желание подраться. Однако сегодня вечером эта улыбка его не раздражала.

— Конечно, — согласился Хью, — он красивый. У моего папы был автомобиль с таким же самым привязанным к антенне хвостом, давно, когда я был еще ребенком. Очень многие люди в этом городишке не могут поверить, что я когда-то был ребенком, таким же, как и все.

Конечно, глаза мужчины все также смотрели в глаза Хью. С ними происходили странные вещи. Казалось, что они увеличиваются. Хью никак не мог отвести от них глаза. Слишком долгий взгляд тоже вызывал в нем желание завязать драку. Но сегодня вечером это ему не мешало.

— Я всегда думал, что лисий хвост — самая прекрасная вещь в мире.

— Конечно.

Владелец «Необходимых вещей» молчал, разглядывая Хью Прайста своими черными глазами.

— В любом случае, я хочу купить его. Вы мне его продадите?

— Конечно, — Лиленд Гаунт произнес это слово в третий раз.

Хью почувствовал облегчение и внезапное растекающееся по телу счастье. Он сразу же поверил, что все будет хорошо — это было чистой воды безумие; он был должен деньги каждому в Кастл Роке и в трех близлежащих городах. Он был на грани потери своей работы, его «бьюик» работал на честном слове, но все же он это сделает.

— Сколько? — спросил он и панически испугался той суммы, которую мог назвать продавец. А что, если он не сможет насобирать такую сумму? Но хуже, если он где-нибудь достанет деньги завтра или послезавтра, чтобы выяснить, что приятель уже продал хвост.

— Ну, это зависит...

— Зависит? Зависит от чего?

— От того, сколько бы вы хотели заплатить?

— Вытащи все из кармана, Хью, прямо сейчас. Вот на этот стол.

«Разве я назвал ему свое имя?»

Хью не мог вспомнить, чтобы он называл свое имя. Как в тумане, он вывернул свои карманы. Он выложил складной ножик, зажигалку, сигареты, доллар и пятьдесят центов вместе с табачной крошкой на стол. Монеты звякнули о стекло.

Мужчина склонился и внимательно изучил содержимое. Затем он отодвинул нож, зажигалку, сигареты и взял только деньги.

Хью наблюдал за этим без удивления. Он стоял молча, как электрическая игрушка без батареек, пока высокий мужчина подходил к витрине и вернулся с мехом лисы. Он положил его на тощую кучку мелочи, которую Хью выложил из кармана. Медленно Хью протянул руку и погладил мех. Он был прохладным; искрился, как искрит прозрачная осенняя ночь.

— Хорош? — спросил хозяин.

— Хорош, — согласился Хью и сделал попытку забрать лисий хвост.

— Не делай этого, — резко сказал владелец, и Хью сразу же отдернул руку. Он посмотрел на Гаунта с чувством горькой обиды.

— Мы еще не договорились.

Хью согласился. Меня гипнотизируют, подумал он, провалиться мне на этом самом месте, если этот приятель меня не гипнотизирует. Впрочем, это не так уж важно. Это было даже... приятно.

Он снова достал свой кошелек, двигаясь медленно, как под водой.

— Оставь это, ты, глупец, — бесстрастно сказал мистер Гаунт, откладывая в сторону свою щетку.

— Почему это люди думают, что все ответы лежат у них в кошельках? — ворчливо произнес мужчина.

— Я не знаю, — ответил Хью. Он никогда не думал об этом раньше. — Это выглядит немного глупо.

— Ужасно, — прошептал Гаунт. Его голос начал приобретать неприятные обрывистые интонации, как у человека, который либо очень устал, либо очень зол. Он устал; у него был длинный

выматывающий день. Много было сделано, но работа только началась. — Просто ужасно, преступно, глупо. Знаешь ли ты что-нибудь об этом, Хью. Мир полон нуждающихся людей, которые не понимают, что все, абсолютно все покупается и продается, конечно, если вы хотите заплатить за это. Они едва осмеливаются думать об этом, да еще и гордятся своим здоровым цинизмом. Знаешь, дерзость — это здорово! Абсолютно... здорово!

— Здорово! — механически согласился Хью.

— За вещи, в которых люди действительно нуждаются, невозможно заплатить деньгами, вынутыми из бумажника. Даже самый толстый бумажник не стоит пота, стекающего по телу рабочего. Абсолютно здорово! А души? Если бы я брал по центу, Хью, каждый раз, когда я слышу, как кто-то говорит: «Я бы продал душу дьяволу за то-то и то-то», я смог бы купить Эмпайер Стейт Билдинг! — Он склонился, обнажая неровные зубы в презрительном оскале. — Скажи мне, Хью, зачем мне нужна твоя душа? Что мне с ней делать?

— Возможно, ничего, — голос его доносился как бы издалека. Казалось, что он раздается из глубокой, темной расщелины. — Я не думаю, что моя душа в хорошем состоянии в эти дни.

Мистер Гаунт неожиданно расслабился и выпрямился. — Достаточно обмана и полуправды. Хью, ты знаешь женщину по имени Нэтти Кобб?

— Сумасшедшую Нэтти? Да ее весь город знает. Она убила своего мужа.

— Так только говорят. А теперь послушай меня, Хью. Слушай меня внимательно. А после этого ты сможешь забрать свой лисий хвост и идти домой.

Хью Прайст слушал внимательно.

Снаружи лил дождь и завывал ветер.

7

— Брайан, — резко вскрикнула мисс Рэтклифф. — Что это такое, Брайан Раск? Я от тебя такого не ожидала. Иди сюда! Прямо сейчас.

Он сидел на задней скамейке комнаты, где у них проходили занятия с логопедом. И он сделал что-то неправильно — ужасное, судя по звуку голоса мисс Рэтклифф. Он не знал, что же сделал такого ужасного, пока не поднялся. Потом увидел, что он голый. Ужасающая волна стыда охватила его. Он также почувствовал возбуждение. Когда он посмотрел вниз, на свой пенис, и увидел, что он начинает подниматься, то забеспокоился и заволновался.

— Иди сюда! Я сказала!

Он медленно прошел вперед, пока другие — Салли Майерс, Дони Франке, Нонни Мартин и бедняжка Слоппи Додд, таращились на него.

Мисс Рэтклифф стояла перед партой, уперев руки в бока, с горящими глазами и великолепным облаком темных волос, развивающихся вокруг ее головы.

— Ты плохой мальчик, Брайан, очень плохой.

Он бессловесно кивнул головой, но его пенис продолжал поднимать головку, и казалось, что была, по крайней мере, одна его часть,

которая ничего не имела против того, чтобы быть плохой. Какое удовольствие быть плохим. Она вложила кусочек мела ему в руку. Он ощутил, как электрический заряд пробежал по его руке, когда она прикоснулась к нему. Теперь, — строго произнесла мисс Рэтклифф, — ты обязан написать пятьсот раз: «Я ЗАПЛАЧУ ЗА ФОТОГРАФИЮ СЭНДИ КОУФАКСА».

— Да, — мисс Рэтклифф.

Он начал писать, поднимаясь на цыпочки, чтобы достать до верха доски, ощущая теплый воздух на голой попе. Он дописал Я ЗАПЛАЧУ, когда почувствовал, как мягкая нежная рука мисс Рэтклифф обхватила его за возбужденный член и начала нежно на него давить. Какое-то мгновение ему казалось, что он умрет, настолько ему было хорошо.

— Продолжай писать, — зловеще произнесла она, — а я буду продолжать то, что я делаю.

— Мм..мис, Рэ-Рэ-Рэтклифф, а как же насчет моих У-У-Уп-ражений? — спросил Слоппи Додд.

— Заткнись или я оторву тебе голову, — произнесла мисс Рэтклифф. — Попищи у меня еще, гаденьш.

Она продолжала сжимать член Брайана, пока говорила. Сейчас он уже стонал. Это было ужасно, он знал это, но ему было так хорошо. Он ощущал истинное благоговение. Казалось, что именно это ему и нужно. Затем он оглянулся, и уже не мисс Рэтклифф стояла у него за спиной, а большое круглое бледное лицо Вилмы Ежик с темно-коричневыми глазами, похожими на две изюминки, торчащие из куска теста.

— Он заберет ее обратно, если ты не заплатишь, — сказала Вилма, — и это еще не все, мерзавчик. Он...

8

Брайан Раск вскочил с такой внезапностью, что чуть не упал с кровати на пол, а его тело было покрыто потом, сердце бешено колотилось в груди, а пенис был похож на маленький твердый сучок, спрятанный в пижаме.

Он сел, весь дрожа всем телом. Первым желанием было открыть рот и позвать мать, как он делал это, когда был маленьким и ему снились кошмары. Потом он понял, что больше уже не малыш. Ему было одиннадцать, и это совсем не тот сон, о котором можно рассказать маме.

Он снова лег, широко раскрыв глаза, уставившись в темноту. Он взглянул на циферблат часов, стоящих на столе рядом с кроватью. Было четыре минуты первого. Он мог слышать звук дождя, бьющегося о стекло окна его спальни, завывание ветра за окном.

«Мое фото. Пропало мое фото Сэнди Коуфакса».

Оно не пропало. И он знал это. Но он прекрасно понимал, что не сможет заснуть до тех пор, пока не проверит, что оно еще здесь, вложенное в альбом, где он держал коллекцию фотографий спортсменов-чемпионов с 1956 года. Вчера он смотрел на нее перед тем, как пойти в школу, и сделал это снова, когда вернулся домой. И вечером, после ужина, он отказался играть со Стэнли Даунсоном во

дворе, чтобы еще раз посмотреть на нее. Он сказал Стэнли, что ему нужно идти купаться, и взглянул на нее еще один разочек перед тем, как лечь в постель, и выключил свет. Он понимал, что у него это превращается в манию. Но признание этого факта не могло остановить его.

Он выскользнул из кровати, не замечая, что весь покрылся гусиной кожей, и что холодный ветер обвеваает тело, и что его пенис упал.

Он подошел к шкафу. На постели осталась мокрая от пота вмятина. Большая книга лежала сверху шифоньера, в луче света, отбрасываемого уличным фонарем. Он снял ее, открыл и быстро перелистал листы с кармашками для фотографий. Он увидел фото Мела Парнела, Витти Форда и Уорена Спанна — сокровища, с которыми он когда-то так носился, посмотрел на них мельком, его охватил панический страх. Когда он дошел до пустых листов в конце альбома, так и не увидев Сэнди Коуфакса. Потом он понял, что просто-напросто в спешке перевернул несколько листов сразу. Он вернулся назад и, конечно же, он был здесь. Это лицо, эти загадочно улыбающиеся притягательные глаза, выглядывающие из-под козырька кепки.

«Моему другу Брайану с наилучшими пожеланиями. Сэнди Коуфакс». Он провел пальцем по надписи. Губы его дрогнули. Он успокоился... или почти успокоился. Фотография не была еще совсем его. Это было, как... испытание. Было кое-что, что он должен был сделать до того, как она действительно будет его. Брайан не был совсем уверен, но знал, что с таким сном, который только что ему приснился, нужно что-то делать. И он был уверен, что он будет знать, когда время

(завтра? Позже?)

придет.

Он захлопнул альбом. «КОЛЛЕКЦИЯ БРАЙАНА. НЕ ТРОГАТЬ!» — аккуратно написано на обложке. Он положил его обратно на шкаф, а после этого лег в постель.

Только одна вещь в обладании фотографией Сэнди Коуфакса тревожила его. Он хотел показать ее отцу. Придя домой из «Необходимых вещей», он представил себе, как он покажет фото ему. Он, Брайан, изысканно скажет: «Слышь, пап, я сегодня наткнулся на карточку 1956 года в новом магазине. Хочешь посмотреть? Папа, конечно, согласится, идя с ним в комнату просто для того, чтобы доставить ему удовольствие, но как засияют его глаза, когда он увидит, на что повезло наткнуться Брайану! А когда он посмотрит на подпись!»

Да, он будет поражен и удивлен, конечно. Может быть, он даже одобрительно похлопает Брайана по спине.

А что потом? Потом начнутся вопросы, и в этом была... и в этом заключалась вся проблема. Его отец захочет знать, откуда он получил фотографию — это во-первых, а во-вторых, откуда он взял деньги, чтобы купить эту карточку, которая была: а) редкая, б) в отличном состоянии и в) с автографом. Напечатанная подпись на карточке читалась как Сэнфорд Коуфакс, это было настоящее имя легендарного защитника. В автографе же было написано: Сэнди

Коуфакс. И в этом странном, иногда таком дорогом мире коллекционеров фотографий бейсбольных кумиров такая надпись могла поднять цену фотографии до 150 долларов.

Брайан пытался найти возможный ответ.

— Я купил ее в новом магазине «Необходимые вещи». Дядька продал мне ее по действительно низкой цене... Он сказал, что это может заинтересовать людей приходить в его магазин, если они узнают, что у него очень низкие цены.

Все это было неплохо, но даже ребенок, покупающий взрослый билет, чтобы пройти в кинотеатр и посмотреть фильм с надписью «Только для взрослых», знает, что одного билета недостаточно. Когда вы говорите, что кто-то дал вам действительно хорошую вещь за пустячок, люди всегда заинтересовываются. Слишком заинтересовываются. Да?

Сколько он из тебя выбил? Тридцать? Сорок процентов? Может быть, он отдал ее тебе за полцены, но все равно это стоит шестьдесят или семьдесят баксов, Брайан. Я знаю, что в твоей копилке нет таких денег.

— Слушай... Я заплатил меньше, папа.

— О'кей. Скажи мне, сколько ты заплатил?

— Хорошо... Восемьдесят пять центов.

— Он продал тебе подписанную фотографию Сэнди Коуфакса на таких неравных условиях, за восемьдесят пять центов?

И вот тут начинаются настоящие проблемы. Какие проблемы?

Он точно не знал. Но будет ссора. Он был уверен в этом. Его обвинят в чем-нибудь, может быть, папа, а мама — это уж точно.

Они могут попытаться заставить его вернуть эту фотографию. Но он не мог этого сделать ни в коем случае. Она была не просто подписана — она была подписана Брайану.

Невозможно.

Черт, он даже не мог показать ее Стэну Доусону, когда тот зашел к нему, чтобы поиграть, хотя он не очень хотел. Стэн мог испортить ему всю игру. Стэн собирался остаться на ночь у них в пятницу, и Брайану было очень легко представить, как Стэн говорит его отцу: «Мистер Раск, как вам понравилась фотография Сэнди Коуфакса. Клево, неправда ли? Классно, да?» То же самое могло случиться и с другими его друзьями. Брайан открыл для себя великую правду маленького городка: многие секреты, а, в действительности, важные, значительные секреты не могут быть рассказаны, потому что новость распространяется слишком быстро.

Он оказался в странном и очень неудобном положении. Он обладает великолепной вещью, но не может показать ее никому. Это испортило ему радость, но в то же время это давало ему какую-то тайную, скупую радость, удовлетворение. Он наслаждался, пожирая карточку глазами. И открыл для себя еще одну великую правду: наслаждение в одиночестве несет особое наслаждение. Это было так, как будто одна часть его открытой и доброй души разрушилась и осветилась каким-то особенным черным светом, который одновременно разрушал и освещал все, что было спрятано там. И он вовсе не собирался расставаться с этим ни за что. Никогда.

«Тогда тебе лучше все-таки расплатиться за нее», — зашептал голос в его сознании.

Он расплатится без проблем. Он не думал, что то, что он должен сделать, было очень хорошо, но он был уверен, что в этом нет ничего особенно ужасного. Просто...

«Просто шутка», — нашептывал ему голосок. И он увидел глаза мистера Гаунта — темно-голубые, как море в погожий денек, и удивительно спокойные. Вот и все. Просто маленький розыгрыш.

Да, просто шутка. Что бы это ни было.

Без проблем. Он еще глубже зарылся под одеяло, повертелся, закрыл глаза и сразу же стал засыпать.

Что-то прижало к нему, как это бывало, когда они с братом во сне прижимались друг к другу. Мистер Гаунт как-то сказал: «Ты будешь самым лучшим объявлением, чем те, что когда-либо появлялись в местных газетах». Но все же он не сможет показать эту прекрасную карточку, которую он купил. И если эта мысль не стала для него, одиннадцатилетнего мальчика, который бездумно перебежал дорогу перед машиной Хью Прайста, не стала понятной, то она была очевидной для такого товарища, как мистер Гаунт.

Ну что ж, может быть. А может быть, и нет. Взрослые думают не так, как дети. И, кроме того, у него было фото, не так ли? И оно лежало у него в альбоме там, где и должно быть, правда ведь?

Ответ на оба вопроса был — да. И поэтому Брайан перестал об этом думать и заснул под шум дождя и неугомонного ветра, стонущего в водосточных трубах.

Глава 4

1

Дождь прекратился только днем в четверг, и где-то в половине одиннадцатого, когда Полли выглянула из окна «Шьем для Вас» и увидела Нэтти Кобб, тучи только начинали рассеиваться. Нэтти несла свернутый зонтик, украдкой скользила по Мэйн-стрит с сумочкой, зажатой в руке, как будто она ожидала, что пасть какого-то нового урагана сможет открыться прямо за ее спиной.

— Как твои руки сегодня, Полли? — спросила Роза Лидрейк.

Полли молча вздохнула. Алан уже задавал ей такой вопрос вчера днем, только в более настойчивой форме. Она пообещала встретиться с ним за чашечкой кофе в «Завтраках Нэни» около трех. Невозможно обмануть людей, которые уже давно тебя знают. Они заметят бледность лица и темные круги под глазами, но что более важно — они увидят твой затравленный взгляд.

— Сегодня намного лучше, спасибо, — ответила она. Это было преувеличением; лучше, но намного ли лучше? Ха-ха.

— Я думаю, что это из-за дождя...

Это непредсказуемо, когда они начинают болеть. Как будто в них вселился дьявол. Но не думай об этом, Розали, иди сюда скоренько, посмотри в окно. Кажется, что мы будем свидетелями маленького чуда.

Розали присоединилась к Полли как раз вовремя, чтобы увидеть маленькую, крадущуюся фигурку с зонтиком. Зонтик был плотно зажат в руке, возможно, для того, чтобы использовать его как дубинку, судя по тому, как она его держала. Фигурка приближалась к навесу «Необходимых вещей».

— Неужели это Нэтти? — Розали почти задохнулась от удивления. — Это действительно она, Боже, она входит!

Но на какую-то секунду показалось, что предсказание Розали не сбудется. Нэтти подкралась к двери... Затем отскочила назад. Она мяла зонтик в руках и смотрела на вывеску «Необходимые вещи», как будто это была змея, собирающаяся укусить ее.

— Давай, Нэтти, — мягко произнесла Полли. — Сделай это, дорогая!

— Возможно, что на двери висит табличка ЗАКРЫТО, — предположила Розали. — Она мне сказала, что она обязательно придет туда снова, и потом я же знаю, как она любит флорентийское стекло, но я никогда серьезно не думала, что она сможет сделать это.

— Она попросила у меня разрешения уйти из дома в обеденный перерыв, чтобы иметь возможность зайти в это, как она называет, «новое местечко» и забрать мою коробку для тортов, — пробормотала Полли.

Розали кивнула.

— В этом вся Нэтти. Она даже спрашивает у меня разрешения сходить в туалет. Мне показалось, что одна ее часть надеялась, что я откажу ей. Но другая ее часть хотела, чтобы я согласилась.

Глаза Полли неотрывно следили за жестокой борьбой, происходящей в сорока ярдах от магазина. Они смотрели на мини-войну между Нэтти Кобб и Нэтти Кобб. Если Нэтти пересилит себя и войдет, то каким это будет сдвигом для нее!

Полли почувствовала ноющую, обжигающую боль в руках, посмотрела вниз и увидела, что она сжимает руки. Она с силой разжала ладони и опустила руки по бокам.

— Это не из-за коробки для тортов и не из-за флорентийского стекла, — сказала Розали. — Это из-за него.

Полли взглянула на нее. Розали рассмеялась и вспыхнула. — О, я, конечно, не говорю, что Нэтти в него влюбилась или что-то в этом роде, но ее глаза так сияли, когда мы выходили с ней из магазина. Он был так добр к ней, Полли. Вот и все. Честен и добр.

— Многие люди относятся к ней хорошо, — сказала Полли. — Алан даже меняет свои манеры, когда общается с ней, чтобы ничем ее не обидеть и не испугать, но она все время избегает его.

— Наш мистер Гаунт обладает особой добротой, — произнесла Розали просто и, как в подтверждение этого, они увидели, как Нэтти схватила дверную ручку и повернула ее.

Она открыла дверь и встала на проходе, сжимая зонтик, как будто все силы, которые она так долго копила, покинули ее. Полли почувствовала внезапную уверенность, что Нэтти захлопнет дверь и пустится наутек. Ее руки, болящие или неболящие, сжались в кулаки.

— Давай, Нэтти. Давай. Войди. Не упusti свой шанс. Приобщись снова к миру.

Затем Нэтти улыбнулась, очевидно, в ответ кому-то, кого ни Полли, ни Розали не могли видеть. Она опустила зонтик... и вошла внутрь. И дверь захлопнулась за ней.

Полли повернулась к Розали и была тронута, увидев слезы в ее глазах. Две женщины посмотрели друг на друга, а затем, смеясь, обнялись.

— Вот и выход, Нэтти! — сказала Розали.

— Два ноль в нашу пользу! — согласилась Полли, и солнце прорезало тучи в ее мыслях на два часа раньше, чем это произошло в небе над Кастр Роком.

2

Пять минут спустя Нэтти Кобб сидела на одном из плюшевых с высокой спинкой стульев, которые мистер Гаунт расставил вдоль одной из стен своего магазина. Ее зонтик и сумочка лежали, забытые на полу. Мистер Гаунт сидел рядом с ней, его руки сжимали ее руки, его пронзительные глаза вглядывались в тусклые глаза Нэтти. Абажур из флорентийского стекла стоял рядом с коробкой для тортов Полли Чалмерс на одной из витрин. Абажур был прекрасной, великолепной вещью и мог быть продан за триста долларов или даже больше в Бостонской антикварной лавке; Нэтти Кобб, однако, только что купила его за десять долларов и сорок центов — все, что было у нее в кошельке, когда она вошла в магазин. Красивый или не очень абажур был забыт в этот момент, как и зонтик.

— Я сделаю это, — говорила она. Она разговаривала, как во сне. Она слегка пошевелила руками, как будто хотела покрепче сжать руки мистера Гаунта. Он сделал ответное пожатие, и легкая улыбка удовольствия пробежала у него по лицу.

— Да, все правильно. Это действительно только незначительная услуга. Вы, конечно же, знаете мистера Китона?

— О да, — прошептала Нэтти. — Рональда и его сына Дэнфорда. Я знаю их обоих. Кого из них вы имеете в виду?

— Младшего, — постукивая пальцами по ее ладони, ответил мистер Гаунт. (Ногти были желтоваты и очень длинные). — Председателя городского управления.

— За спиной они называют его Пират, — хихикнула Нэтти. Звук получился грубый низкий, немного истерический, но Лиленд Гаунт не выглядел встревоженным. Наоборот, звук ее смеха, казалось, доставлял ему удовольствие.

— Его так называют с самого детства.

— Я хочу, чтобы вы со мной окончательно рассчитались за абажур, подшутив над Пиратом.

— Подшутив? — встревожилась Нэтти.

Гаунт улыбнулся.

— Просто безобидная шалость. И он никогда не узнает, что это сделали вы. Он будет думать, что это кто-то другой.

— Ох! — Нэтти посмотрела на абажур из флорентийского стекла, и на секунду что-то покорило ее — жадность или, может быть, просто желание удовольствия. — Хорошо...

— Все будет в порядке, Нэтти. Никто даже не узнает... а у вас будет абажур.

Нэтти говорила медленно и задумчиво.

— Мой муж всегда жестоко разыгрывал меня. Может быть, это даже приятно разыгрывать других. Она посмотрела на него, и теперь то, что бросилось ей в глаза, встревожило ее. Только, если это не причинит ему вреда. Я не желаю ему зла. Вы же знаете, что я убила своего мужа.

— Это не ранит его, — мягко ответил Гаунт, поглаживая руку Нэтти. — Это не сильно ранит его. Я просто хочу, чтобы вы кое-что оставили у него дома.

— Но как же я смогу попасть к нему домой?

— Вот.

Он положил какой-то предмет ей на руку. Ключ. Она зажала его в ладони.

— Когда? — спросила Нэтти. Мечтательным взглядом она посмотрела на абажур.

— Скоро. Он отпустил ее руки и встал. — А теперь, Нэтти, я просто обязан упаковать этот прекрасный абажур для вас. Мистер Маркин собирается зайти ко мне в лавку, чтобы взглянуть на — Он взглянул на часы. — Боже, через пятнадцать минут! Но я так и не рассказал вам, как я был рад, что вы решили зайти. Только избранные понимают красоту флорентийского стекла в наши дни, тогда как основная масса — просто перекупщики с калькуляторами вместо сердец.

Нэтти тоже встала и посмотрела на абажур мягким взглядом влюбленной женщины. Нервное возбуждение, с которым она входила в магазин, почти исчезло.

— Он выглядит замечательно, правда?

— Очень милый, — мягко согласился мистер Гаунт. — Я не могу сказать вам... не могу даже выразить... как я счастлив знать, что у него будет достойный дом, место, где кто-то будет не просто стирать с него пыль по средам, а годы спустя неосторожно разобьет его на маленькие кусочки, соберет осколки и, не задумываясь, выкинет их в мусорное ведро.

— Я никогда так не сделаю! — испуганно вскрикнула Нэтти.

— Я знаю это, — сказал мистер Гаунт. — Именно это очаровательно в вас, Нэттиция.

Нэтти изумленно взглянула на него.

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

— У меня нюх на имена. Я никогда не забываю имен и лиц. — Он зашел за занавеску, прикрывающую внутреннюю часть магазина. Когда он вернулся, то держал тонкий кусок картона в одной руке и целый ворох бумаг в другой. Он положил бумагу на коробку для тортов и превратил картон в коробку, как раз подходящую по размерам для абажура.

— Я знаю, что вы будете прекрасным охранником той вещи, которую вы купили. Именно поэтому я продал ее вам.

— Правда? Я думала... мистер Китон... и розыгрыш...

— Нет, нет, нет! — произнес мистер Гаунт, смеясь и хмурясь одновременно. — Каждый способен на розыгрыш! Люди любят

розыгрыши! Но объединить людей с вещами, которые они любят и в которых они нуждаются... это уже совсем другое. Иногда, Нэтти-ция, я думаю то, что я действительно продаю, — это счастье... Что вы об этом думаете?

— Конечно, — согласилась Нэтти. — Я знаю, что вы сделали меня счастливой. Очень счастливой.

Широко улыбаясь, он показал изогнутые, кривые зубы. Хорошо, это хорошо! Мистер Гаунт осторожно вложил абажур в чехол, закрыл коробку и заклеил ее цветной лентой. Ну, вот так-то! Еще один удовлетворенный покупатель нашел свою необходимую вещь!

Он пододвинул к ней коробку. Нэтти взяла ее. И как только ее пальцы соприкоснулись с его, она почувствовала внезапное отвращение, хотя всего несколько минут назад она сжимала его руки с такой силой, даже обожанием. Но прелюдия сейчас уже казалась туманной и нереальной. Он поставил коробку для тортов на белый сверток. Внутри нее что-то лежало.

— Что это?

— Записка для вашей хозяйки, — ответил мистер Гаунт. Тревога сразу же отразилась на лице Нэтти.

— Это обо мне?

— Боже правый, нет! — Гаунт засмеялся, и Нэтти сразу расслабилась. Когда он смеялся, невозможно было не доверять или сопротивляться мистеру Гаунту. — Позаботься о своем абажуре, Нэтти-ция, и приходи снова.

— Обязательно, — ответила Нэтти, но это был просто ответ вежливости.

Сердцем она чувствовала (это тайное вместилище, где потребности и страхи постоянно толкнутся вместе, как пассажиры в переполненном вагоне метро), что абажур был единственной ценностью, которую она могла бы купить в «Необходимых вещах».

Это была великолепная вещь, именно та, которую она всегда хотела; единственная, которая была необходима ей, чтобы дополнить ее коллекцию. Она собиралась рассказать мистеру Гаунту, что ее муж, возможно, был бы жив, если бы он не разбил абажур из флорентийского стекла, так похожий на этот, четырнадцать лет назад и что это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения. Он переломал ей почти все кости во время их совместной жизни, но она позволила ему жить. А в конце концов он разбил то, в чем она действительно нуждалась, и она лишила его жизни.

Она решила не рассказывать об этом мистеру Гаунту. Он выглядел как человек, знающий обо всем.

3

— Полли, Полли, она выходит! — Полли отошла от манекена, на котором она медленно и аккуратно подрубала платье, и поспешила к окну. Она и Розали стояли бок о бок, глядя, как Нэтти выходит из «Необходимых вещей» в состоянии, которое можно описать — на седьмом небе от счастья. Ее сумочка была зажата под одной рукой, зонтик под другой, а в руках она несла коробку для тортов, сверху которой балансировал квадратный белый сверток.

— Может быть, мне пойти помочь ей? — спросила Розали.

— Нет. — Полли протянула руку и мягко остановила ее. — Лучше не надо. Я думаю, что она только засмущается.

Они смотрели на Нэтти, переходившую улицу. Она больше не бежала, как если бы за ней гналось чудовище; сейчас она шла почти спокойно.

«Нет, — подумала Полли. — Нет, не то. Это больше похоже на... парение».

Внезапно в ее голове родилась такая странная связь, ассоциация, что она засмеялась.

Розали удивленно подняла глаза.

— Что случилось?

— Посмотри на выражение ее лица, — сказала Полли, следя за тем, как Нэтти медленно и задумчиво пересекает Мэйн-стрит.

— Что ты имеешь в виду?

— Она похожа на женщину, которая только что переспала с мужчиной три раза подряд.

Розали покраснела, еще раз взглянула на Нэтти и просто застонала от смеха. Полли ей вторила. Они держали друг друга за руки, раскачивались из стороны в сторону и дико смеялись.

— Вот здорово, — сказал Алан Пэнгборн, входя в салон. — Леди так смеются по утрам! Слишком рано для шампанского. Почему вы так смеетесь?

— Четыре! — выкрикнула Розали, сумасшедше хихикая. Слезы струились по ее щекам. — Четыре ноль в нашу пользу!

А затем они снова рассмеялись, раскачиваясь из стороны в сторону, умирая от смеха в то время, как Алан стоял и наблюдал за ними, засунув руки в карманы форменных штанов, рассеянно улыбаясь.

4

Норрис Риджвик приехал в контору шерифа в обычной одежде без десяти двенадцать, насвистывая веселенький мотивчик. Он должен был дежурить с двенадцати до девяти часов вечера, именно такие дежурства ему нравились. Пусть кто-нибудь другой разбирается в дорожных катастрофах, происходящих на шоссе и дорогах, принадлежащих их округу, после того, как подвыпившие посетители разъезжаются домой из закрытых баров в час ночи; конечно, он тоже может делать это, делал это столько раз, но его уже тошнило от этого. Его тошнило даже тогда, когда жертвы были живы и бегали вокруг него, выкрикивая, что они не позволят подвергать себя унижительной процедуре тестирования на алкоголь, они знают свои конституционные права.

В таких случаях у Норриса всегда случалось расстройство желудка. Шейла Бригхэм любила подшучивать над ним, говоря, что он похож на заместителя Энди в телевизионном шоу «Двойные вершины», но Норрис знал, что он не был на него похож. Заместитель Энди орал от ужаса, когда видел мертвых людей. Норрис не кричал. Он спокойно смотрел на них.

Норрис посмотрел на афишу, затем увидел Энди Клаттербарка и Джона Ля Пуана, патрулирующих в дневные часы. День был многообещающим. Риджвик забрал свою форму из химчистки и теперь собирался переодеться прямо в конторе шерифа, не тратя время на поездку домой.

На пакете с его формой была прикреплена записка: «Эй, Барни, ты должен мне пять долларов двадцать пять центов. Не оттягивай с платежом, а то ты будешь самым печальным и глупым человеком, который когда-либо рождался под солнцем». Она была подписана: «Клатт». Хорошее настроение Норриса не было испорчено даже такой запиской. Шейла Бригхэм была единственным человеком в конторе шерифа, которая считала, что Норрис похож на того парня из дурацкого шоу. (Норрис считал, что она была единственной в департаменте, кроме него, конечно, которая смотрела этот фильм). Другие помощники — Джон Ля Пуан, Сит Томас, Энди Клаттербарк, звали его Барни, как героя в старом шоу Энди Гриффита. Иногда это раздражало его, но не сегодня. Четыре дня сумасшедшей работы и три дня отдыха. Несколько беззаботно проведенных дней вырисовывались перед ним в радужной перспективе. Иногда жизнь так прекрасна.

Он вытащил пять долларов и еще один из бумажника и положил их на стол Клатта. «Эй, Клатт! Живи пока», — нацарапал он на листке, подписался и положил листок сверху денег. Потом он вытащил форму из пакета, в который ее положили в химчистке, и пошел в туалет. Переодеваясь, он насвистывал, затем одобрительно кивнул, глядя на свое отражение в зеркале. Он был Квадратный Парнишка. Честное слово. Стопроцентный громила. Злодеям Кастр Рока лучше убираться к чертям собачьим, когда он появится на...

Он заметил какое-то движение позади себя в зеркале, но прежде чем он повернул голову, его схватили, скрутили и засунули лицом в писсуар. Головой он ударился об стену, кепка слетела, а потом он увидел пылающее злостью и ненавистью лицо Дэнфорда Китона.

— Какого черта ты сделал это, Риджвик? — спросил он.

Норрис совсем забыл о бумажке, которую он засунул под дворники «кадиллака» Китона прошлым вечером. А теперь воспоминания вернулись к нему.

— Отстань от меня! — промычал он. Он пытался произнести это с негодованием, но голос изменил ему, и у него вырвался только испуганный писк. К лицу прилила кровь. Когда он бывал зол или испуган — а сейчас случилось и то и другое — он краснел, как девушка. Китон, который был выше Норриса на пять дюймов и весил больше на сто фунтов, ткнул помощника носом еще раз в раковину, а потом позволил ему распрямиться. Он вытянул штрафную квитанцию из кармана и помахал ею перед носом Норриса.

— Это твое имя на этой проклятой штучке или нет? — требовал он ответа, так, будто Норрис отрицал что-то.

Норрис Риджвик прекрасно знал, что это была его подпись. Криво написанная, но хорошо узнаваемая, и эта квитанция была вырвана из его штрафной книжки.

— Вы припарковали машину в неподобающем месте, — сказал он, отступая от стены и потирая затылок. — Пусть у меня вырвут глаз, если здесь не будет шишки. В то время, как первоначальный испуг (а Пират все-таки подмял его, это невозможно отрицать) проходил, в нем разрастался гнев.

— Где?

— В неподобающем месте, — выкрикнул Норрис. — И даже больше. Именно Алан сказал мне выписать этот штраф. — Он хотел продолжить, но не смог. Зачем давать этой жирной свинье карты в руки? Тебя же предупреждали раньше, Пир... Дэнфорд? И ты прекрасно это знаешь.

— Как ты меня назвал? — зловеще спросил Дэнфорд Китон. Огромные красные пятна ярости расцвели у него на щеках.

— Этот штраф действителен, — сказал Норрис, не обращая внимания на последние слова. — И, по-моему, тебе лучше заплатить. Да ты еще и счастливчик к тому же. Я не буду привлекать тебя к ответственности за нападение на офицера полиции!

Дэнфорд засмеялся. Звук глухо отскочил от стен.

— Я не вижу здесь никакого полицейского. Я вижу маленький кусок дерьма, похожий на отбивную котлету.

Норрис нагнулся и подобрал кепку. Внутренности дрожали от напряжения. Дэнфорд Китон был очень опасным противником — и его злость переходила в глубокую ярость. У него тряслись руки, но, однако, он заставил себя спокойно надеть кепку на голову.

— Ты можешь обсудить это с Аланом, если хочешь...

— Я обсужу это с тобой!

— Но я с тобой уже поговорил. Будь уверен, что ты заплатишь штраф в течение тридцати дней, Дэнфорд, или мы придем и арестуем тебя.

Норрис выпрямился во весь рост и добавил.

— Мы знаем, как найти тебя.

Он пошел к выходу. Китон, чье лицо сейчас выглядело похожим на солнечный закат после взрыва атомной бомбы, шагнул вперед, чтобы перекрыть ему выход. Норрис остановился и ткнул в него пальцем.

— Если ты дотронешься до меня, я посажу тебя в тюрьму, Пират. Я сделаю это.

— Вот как, — произнес Китон странным беззвучным голосом.

— Вот так. Ты уничтожен. Считаю, что тебя уже нет. Снимай эту форму и начинай подыскивать другую ра...

— Нет, — раздалось позади них. И оба они оглянулись.

Алан Пэннборн стоял в дверях туалетной комнаты. Китон сжал руки в жирные белые кулаки.

— А ты не вмешивайся в это.

Алан вошел, позволяя двери медленно закрыться за собой.

— Нет, — повторил он. — Именно я приказал Норрису выписать этот штраф, я также сказал ему, что я отменю свое приказание перед назначенной встречей. Это всего пятидолларовый штраф, Дэн. Какой дьявол в тебя вселился?

Голос Алана звучал озадаченно. И он, действительно, чувствовал себя загнанным в тупик. Пират никогда не был добродушным

человеком, даже в свои лучшие дни, но взрыв такого гнева, как этот, переходил все границы, даже для него. С конца лета, казалось, что он держал себя в руках, и никто не видел его бушующим.

— Ничего в меня не вошло, — грубо ответил Китон и откинул назад волосы рукой. Норрис почувствовал легкое удовлетворение, замечая, что у Китона дрожат руки.

— Я просто чертовски устал от таких самоуверенных типов, как этот ублюдок... Я пытаюсь так много сделать для этого города, черт, я так стараюсь для этого города... И я так устал от постоянных гонений... — На мгновение он замолчал. Что-то захрипело в его жирном горле. А затем он выкрикнул: — Он назвал меня Пират! Ты же знаешь, как я к этому отношусь!

— Он извинится, — спокойно сказал Алан. — Ты сделаешь это, Норрис?

— Я не знаю, что я сделаю, — ответил Норрис. Его голос дрожал, внутри у него все урчало, и он все еще был зол. — Я знаю, что ему это не нравится, но дело в том, что он вывел меня из себя. Я просто стоял здесь и смотрел в зеркало, проверяя, правильно ли завязан мой галстук, когда он схватил меня и шмякнул об стену. Я очень сильно разбил себе голову. Господи, Алан, я даже не понимал, что говорил.

Алан перевел глаза на Китона.

— Это правда?

Глаза Китона вылезали из орбит.

— Я был сумасшедшим, — сказал он, и в устах такого человека, как Китон, это прозвучало, как спонтанное косвенное извинение. Он взглянул на Норриса, чтобы убедиться, понял ли это его помощник. Кажется, он понял, это было хорошо; это уже большое достижение в ликвидации последствий взрыва химической бомбы. Алан немного расслабился.

— Можем ли мы считать этот инцидент исчерпанным? — спросил он обоих мужчин. — Просто небольшая беседа, а сейчас мы уйдет отсюда.

— Я согласен, — произнес Норрис после минутного размышления. Алан был тронут. Норрис был худой, тощий, у него была ужасная привычка оставлять пустые банки из-под сока в патрульной машине, и его доклады были просто ужасными... Но у него было такое отзывчивое сердце. Он отступил не потому, что он боялся Китона. Если жирный председатель городского управления думал так, то он глубоко ошибался.

— Я сожалею, что я назвал вас Пиратом, — сказал Норрис. Конечно, он совсем не сожалел об этом. Но не будет ничего страшного, если он скажет, что сожалеет. Так он считал.

Алан посмотрел на громоздкого мужчину в кричащем спортивном костюме и рубашке для гольфа, открывающей его жирную шею. — Дэнфорд?

— Все нормально, ничего не было, — произнес Китон. Он разговаривал таким высокомерным тоном, что Алан почувствовал, как знакомая волна неприязни окатила его с ног до головы. Где-то внутри него заворочался глупый крокодилий голос подсознания, произносивший слова тихо, но отчетливо. — Почему же ты не

нападаешь, Пират? Почему ты не сделаешь всем нам одолжение и не убьешь нас до смерти?

— Хорошо, — сказал он. — Очень хорошая мысль.

— Если, — произнес Китон, поднимая палец.

Алан удивленно поднял брови.

— Если?

— Если мы сможем решить вопрос со штрафом. — Он протянул его Алану, зажав его между двумя пальцами, как будто это был кусок грязной бумаги, которой вытирали сомнительное пятно.

Алан вздохнул.

— Пройдите в мой офис, Дэнфорд. Там мы сможем поговорить об этом. — Он взглянул на Норриса. — У тебя дежурство?

— Правильно, — ответил Норрис. В желудке все еще урчало. Его хорошее настроение улетучилось, возможно, до конца дня, и все из-за этой жирной свиньи. А Алан собирался простить ему штраф. Он все прекрасно понимал — политика, но это вовсе не значило, что это ему нравилось.

— Ты что, хочешь участвовать в обсуждении? — спросил Алан. Ответ был настолько прямой, что означал, что ему пора сматывать-ся. А Китон в это время стоял и сердито смотрел на них обоих.

— Нет, — сказал Норрис. — Всему свое время. Поговорим позже, Алан.

Он вышел из туалета, не удостоив Китона взглядом, проходя мимо. Хотя Норрис и не знал этого, Китон сдерживался, почти героически, от попытки наподдать этому костлявому идиоту по заднице, чтобы помочь ему выйти.

Алан посмотрел на свое отражение в зеркале, давая Норрису время спокойно уйти, пока Китон стоял возле двери, бросая косые взгляды на него. Затем Алан вышел в камеру предварительного заключения вместе с разъяренным Китоном.

Маленький опрятный мужчина в кремовом костюме сидел на одном из двух стульев возле двери его кабинета, отрешенно читая большую книгу в кожаном переплете, которая могла быть только Библией. Сердце Алана ушло в пятки. Он был почти уверен, что ничего еще более неприятного уже не произойдет этим утром — через две или три минуты будет полдень, поэтому эта мысль казалась почти логичной, но он ошибся.

Преподобный Вильям Роуз закрыл свою Библию, обложка которой подходила под цвет его костюма, и поднялся со стула.

— Шеф, э-э, Пэнгборн, — произнес он. Преподобный Роуз был одним из тех ярых баптистов, которые начинали растягивать слова, когда они находились в состоянии религиозного возбуждения.

— Позвольте ли вы мне поговорить с вами?

— Извините, Преподобный Роуз, минут через пять. Мне нужно решить один вопрос.

— Это, э-э-э, крайне важно.

«Провалиться бы тебе на этом месте, — подумал Алан. — Это дело тоже очень важное, пять минут».

Он открыл дверь и ввел Китона в кабинет до того, как Преподобный Вилли, как любил называть его Отче Бригхэм, успел что-нибудь произнести.

— Наверное, это насчет казино, — сказал Китон после того, как Алан закрыл дверь своего кабинета. — Попомните мои слова. Отче Джон Бригхэм — бычьеголовый ирландец, но он не выдерживает никакого сравнения с этим приятелем. Роуз невероятно надменный индюк.

— Садитесь, Дэнфорд.

Китон сел. Алан обошел вокруг стола, взял штрафной талон и разорвал его на маленькие кусочки, затем выбросил их в мусорную корзину. Вот так. Теперь все в порядке?

— О'кей, — сказал Китон и собрался встать.

— Нет, еще минуточку внимания.

Кустистые брови Китона поползли вверх по его высокому розовому лбу, превращаясь в грозовую тучу.

— Пожалуйста, — добавил Алан. Он присел в свое вращающееся кресло. Его руки соединились и попытались сделать черного дрозда. Алан поймал их за этим занятием и плотно прижал к крышке стола.

— У нас назначена встреча в комитете по распределению фондов на следующей неделе, где будет обсуждаться проблема госбюджета на этот год, — начал Алан.

— Чертовски правильно, — громыхнул Китон.

— А это дело политики, — продолжил Алан. — Я это знаю так же хорошо, как и вы. Только что я порвал штрафной талончик чисто из политических соображений.

Китон ухмыльнулся.

— Вы уже достаточно долго живете в городе, чтобы разобраться, что к чему. Рука руку моет.

Алан поерзал на стуле. Раздались скрипящие ноющие звуки — звуки, которые он иногда слышал в своих снах после долгого и тяжелого дня. Кажется, что один из таких дней был именно сегодня.

— Да, — сказал он. — Рука руку моет. Но только пока.

Брови снова сошлись вместе.

— Что это значит?

— Это значит, что есть места, даже в таких маленьких городках, где политике приходит конец. Вы должны помнить, что я не назначенное должностное лицо. Член городского правления может контролировать денежные средства, но меня выбрали избиратели. И они выбрали меня для того, чтобы я защищал их, предохранял их и контролировал соблюдение закона. Я дал клятву и я попытаюсь выполнять ее.

— Вы мне угрожаете? Потому что, если вы... — Только шумное дыхание вырвалось из его груди. Нависло молчание, но Дэнфорд Китон подпрыгнул так, как будто бы его укусила оса. Его глаза моментально расширились, а руки вцепились в белые подлокотники кресла.

Алан снова почувствовал удивление. Китон ведет себя, как привидение в гневе. Какая дьявольщина с ним происходит?

Первый раз он поймал себя на мысли, что, может быть, Дэнфорд Китон, который был председателем городского управления Кастл

Рока еще задолго до того, как Алан услышал название этого местечка, был замешан в чем-то не совсем честном.

— Я не угрожаю вам. — Китон снова начал расслабляться. Но осторожно. Как будто он боялся, что у него снова может вырваться этот шумный вздох, выдающий его чувства.

— Это хорошо, потому что проблема даже не в капиталовложениях, шериф Пэнгборн. Совет управляющих также, как и трое окружных уполномоченных, имеет право назначать или снимать помощников шерифа. Среди многих других прав, одобрений и запретов мне кажется, что вы знаете об этом.

— Вы блефуете.

— Так было всегда, — согласился Китон. Из внутреннего кармана он достал дорогую сигару. Он зажал ее между пальцами, надрывая целлофановую обложку.

— Но это вовсе не значит, что все останется по-прежнему.

«Интересно, кто кому угрожает сейчас», — подумал, но не сказал Алан.

Вместо этого он отклонился на спинку стула и посмотрел на Китона. Их взгляды встретились на несколько секунд, затем Китон отвел глаза и начал снимать целлофановую обертку.

— В следующий раз, если вы оставите машину в неподобающем месте, я оштрафую вас лично, и этот штраф вы обязаны будете заплатить, — сказал Алан. — А если вы поднимите руку на какого-нибудь моего помощника еще раз, я обвиню вас в нападении на должностное лицо. Это будет именно так, независимо от того, какие так называемые права одобрения есть у членов городского управления. Потому что политика меня не касается. Вам это понятно?

Китон долго разглядывал сигару, будто медитируя на нее, затем он взглянул на Алана, и его глаза превратились в маленькие узкие бойницы. На лице Китона отразился гнев настолько явственно, что Алан подумал, что на лице было написано что-то еще. Ему показалось, что это был страх. Увидел ли он это? Почувствовал ли? Он не знал. Да это было неважно, но то, что Китон боялся... это имело большое значение. Это имело огромное значение.

— Вы поняли? — повторил он.

— Да, — сказал Китон. Он резко сорвал целлофан со своей сигары и швырнул его на пол. Он засунул сигару в рот и заговорил сквозь зубы.

— А вы поняли меня?

Стул заквакал и заскрипел, когда Алан подвинулся вперед. Он открыто посмотрел на Китона.

— Я понял то, что вы мне сказали, но я уверен, что мы так и не поняли друг друга, Дэнфорд. Мы никогда не станем лучшими друзьями — вы и я.

— Это уж точно, — произнес Китон, откусывая кончик сигары.

На какое-то мгновение Алану показалось, что он тоже бросит его на пол, и он уже приготовился к этому — политика — но Китон повернул кончик в руке, а затем швырнул в чистую пепельницу, стоящую на столе.

— Но у нас будут хорошие деловые отношения, всегда. Что-нибудь не так? Если что-нибудь не так, я могу помочь.

— Все нормально, — сказал Китон, резко поднимаясь. Он снова был зол — и даже больше, чем просто зол.

Алан почти видел, как этот поток выходит из его глаз. — Это как раз то, отчего я так устал... Преследование.

Уже второй раз он употребил это слово. Алану оно казалось странным, режущим слух. Да и вообще, он считал весь их разговор неприятным.

— Хорошо, вы знаете, где меня можно найти, — сказал Алан.

— Конечно, знаю! — ответил Китон и направился к двери.

— И пожалуйста, Дэнфорд, помните о месте стоянки.

— Плевать я хотел на это, — сказал Китон и захлопнул дверь.

Алан долго сидел за столом, глядя на закрытую дверь, с озабоченным выражением на лице. Затем он обошел стол, подобрал разорванный целлофановый цилиндр, лежащий на полу, выбросил его в мусорное ведро и пошел к двери, чтобы пригласить Преподобного Вилли войти.

6

— Мистер Китон выглядел довольно расстроенным, — сказал Роуз. Он аккуратно усадил себя на стул, который только что освободил председатель горуправления. Брезгливо посмотрел на кончик сигары, торчащий из пепельницы, а потом аккуратно положил белую Библию на свои необъятные колени.

— Очень много назначено встреч в следующем месяце или что-то в этом роде, — пробурчал Алан. — Я думаю, что это напряжение, характерное для всех руководящих лиц.

— Да, — согласился Преподобный Роуз. — Иисус сказал нам... «Воздавайте должное Кесарю, а Богу — Божье».

— Ага, — ответил Алан. Внезапно он пожалел, что у него нет сигареты. Что-нибудь типа Лаки Страйк, Пел Мел. — Чем я могу помочь вам, Преподобный Роуз? — Он ужаснулся, когда понял, что он только что чуть не назвал его Преподобный Вилли.

Роуз снял свои круглые очки без оправы, протер их, а затем снова водрузил на место, пряча под ними два маленьких красных пятна на переносице. Его черные волосы, уложенные при помощи того самого сорта бриолина, запах которого был знаком Алану, но он не мог вспомнить название, поблескивали в свете флуоресцентной лампы, свисающей с потолка.

— Я пришел к вам насчет одобрения деятельности казино, объявленного Отцом Джоном Бригхэмом, — наконец-то, Преподобный Роуз выдавил это из себя. — Если вы помните, шеф Пэнгборн, я приходил к вам не так давно, сразу же после того, как я услышал эту ужасную весть о том, что вы отказались санкционировать это событие во имя, э-э-э, справедливости.

— Преподобный Роуз, если вы позволите...

Роуз величественно поднял руку и засунул ее в карман пиджака. Он вытащил оттуда небольшую книжку. С замирающим сердцем Алан увидел, что это была сокращенная версия Кодекса законов штата Мэн.

— А теперь я пришел снова, — произнес Преподобный Роуз звонким голосом, — требовать, чтобы вы запретили деятельность этого заведения не только во имя соблюдения приличий, но и во имя закона!

— Преподобный Роуз...

— Это глава 24, раздел 9, параграф 2 Кодекса законов штата Мэн, — перебил его Преподобный Роуз. Щеки его горели, и Алан осознал, что единственной вещью, которую он умудрился сделать за эти несколько минут, была замена одного сумасшедшего на другого. — Особенно это касается, э-э-э, — читал Преподобный Роуз. (Его голос звучал, как с кафедры проповедника, так хорошо знакомый большинству благоговеющих перед ним верующих), — азартных игр, ранее упомянутых в главе 23 Кодекса, э-э-э, где делаются ставки на деньги. Игры такого рода должны быть признаны незаконными.

Он захлопнул Кодекс и посмотрел на Алана. Его глаза сияли.

— Должны быть признаны незаконными! — выкрикнул он.

Алан почувствовал желание взойти к небу руки и молиться, э-э-э, Иисусу! Когда желание прошло, он сказал:

— Я знаком с этими главами Кодекса, которые относятся к азартным играм, Преподобный Роуз. Я перечитал их еще раз после вашего первого визита ко мне. И я показал их Мартину Альберту, который отвечает за то, чтобы в заведениях города соблюдался закон. По его мнению, глава 24 не подходит для определения деятельности казино, — он помолчал, затем добавил: — И я должен сказать вам, что это также и мое мнение.

— Невероятно! — брызгая слюной, выкрикнул Роуз. — Они предлагают превратить Дом Божий в логово, в притон, и вы говорите мне, что это законно?

— Также законно, как и игра в бинго.

— Это, э-э-э, не бинго! Это, э-э-э, рулетка! Эти жетоны вместо денег! Эти, — голос Преподобного Роуза дрожал, — эти игральные кости!

Алан заметил, что его руки пытались сделать еще одну птицу, но и в этот раз он плотно прижал их к коленям. Альберт Мартин написал прошение Джину Таерну, генеральному прокурору штата, ответ был тот же самый. Мне очень жаль, Преподобный Роуз. Я знаю, что это оскорбляет вас. А что касается меня, то в мои обязанности входит забота о детях на велосипедах. Я бы запретил деятельность казино, если бы я был вправе. В демократическом государстве иногда нам приходится мириться с вещами, которые мы не одобряем или не любим.

— Но это же азартные игры! — сказал Пред. Роуз, и в его голосе слышалась настоящая боль. — Это игра на деньги. Как это может быть законным, когда Кодекс, в частности, говорит...

— То, как они делают это, в общем-то не игра на деньги. Каждый участник платит взнос при входе, взамен ему выдается равное количество игровых жетонов. В конце вечера призы — не деньги, а призы выставляются на продажу. Видеомагнитофон, микроволновая печь, набор китайского фарфора и другие такие же вещи. — И поразмыслив немного, он добавил. — Я думаю, что начальный взнос может даже быть конечным.

— Это греховно, отвратительно, — произнес Преп. Роуз. Кровь отлила от его лица. Его ноздри дрожали.

— Это моральное осуждение, но не законное. Это происходит по всей стране.

— Да, — подтвердил Преп. Роуз. Он встал, держа Библию перед собой, как щит. — Это делается католиками. Католики любят азартные игры. Я намерен положить конец этому, шеф Пэнгборн. С вашей помощью или нет.

Алан тоже поднялся.

— Несколько секунд Преподобный Роуз. Я шериф Пэнгборн, а не шеф. И я не могу советовать, что вам произносить с кафедры проповедника, также как и Отцу Бригхэму, когда он ведет службу в своей церкви, или дочерям Святой Изабеллы, так как они не запрещены законами штата, но я могу посоветовать вам быть осторожным и подумать о моем предупреждении.

Роуз холодно взглянул на него.

— Что вы подразумеваете?

— Я думаю, что вы расстроены. Плакаты, которые ваши люди расставили вокруг города, не вызывают у меня возражений и письма в газету тоже, но существует граница, которую вы не должны нарушать. Мой совет вам — оставить дело казино в покое.

— Когда, э-э-э, Иисус увидел проституток и ростовщиков, э-э-э, в храме, он не стал советоваться с каким-либо написанным сводом законов, шериф. Когда Иисус увидел этих злых мужчин и женщин, оскверняющих Дом Божий, э-э-э, он не стал думать ни о какой запретной линии. Наш господь сделал то, э-э-э, что считал нужным и правильным!

— Да, — спокойно ответил Алан. — Но вы не Господь Бог.

Роуз рассматривал его некоторое время. Глаза его сверкали, как газовые рожки. Алан подумал: «О-ля-ля! Да он совсем чокнутый».

— До свидания, шеф Пэнгборн, — холодно произнес Роуз.

В этот раз Алан не стал утруждать себя, исправляя его. Он только кивнул, протянув ему руку, прекрасно зная, что она не будет пожата. Роуз повернулся и зашагал к двери, все также держа Библию у груди.

— Оставьте их в покое, Преподобный Роуз, хорошо? — бросил ему вслед Алан.

Роуз не повернулся и не заговорил. Большими шагами он подошел к двери и с грохотом закрыл ее так, что задрожали стекла.

Алан снова сел за стол и прижал подушечки пальцев к вискам.

Через несколько секунд в двери показалась голова Шейлы Бригхэм.

— Алан?

— Он ушел? — спросил Алан не поднимая глаз.

— Проповедник?

— Да.

Он выскочил отсюда, как мартовский ветер.

— Элвис покинул здание, — глухо прошептал Алан.

— Что?

— Не обращай внимания. Он взглянул на нее. Мне нужны сильнодействующие таблетки. Ты не можешь поискать в шкафчике и принести, Шейла.

Она улыбнулась.

— Почти ничего нет. Я боюсь, что шкаф пуст. Может быть подойдет чашечка кофе?

Он откинулся на спинку. Начинался день и, возможно, что он будет лучше, чем это утро. Должен быть.

— Принеси.

— Да, — она закрыла дверь и, наконец-то, Алан выпустил свои руки из тюрьмы. Вскоре целая стая дроздов летала по стене в солнечном луче, падающем из окна.

7

По четвергам вторая часть дня в средней школе Кастл Рока была отведена для занятий трудом. Так как он был отличником и не был вовлечен в школьную деятельность до самых зимних игр, Брайану Раску позволялось уходить раньше из школы в этот день.

В этот четверг он был за школьной оградой почти одновременно со звонком шестого урока. В его портфеле лежали не только книги, но и дождевик, который мать заставила надеть его утром, и теперь рюкзак комично выпячивался у него на спине. Он быстро ехал, сердце бешено колотилось у него в груди. Ему нужно что-то сделать. Небольшая услуга, которую нужно оказать. Действительно, небольшая забавная услуга. Теперь он знал, что должен сделать. Осознание этого пришло к нему четко, когда он дремал на уроке математики.

Когда Алан въехал на Кастл Хилл, солнце проглянуло сквозь лохматые облака впервые за весь день. Он посмотрел налево и увидел тень мальчика, едущего на велосипеде.

— Ты должен поторопиться, если хочешь успевать за мной. У меня очень много работы.

Брайан проехал по деловому району через Мэйн-стрит, даже не взглянув на «Необходимые вещи», слегка притормаживая на перекрестках, дожидаясь нужного света, а потом поспешил дальше. Когда он добрался до перекрестка Понд (это была его улица) и Форт-стрит, он повернул направо, вместо того, чтобы ехать дальше по Понд-стрит домой. На перекрестке Понд и Виллоу-стрит он повернул налево. Виллоу-стрит шла параллельно Понд-стрит. Задворки домов двух улиц располагались напротив друг друга, разделенные в лучшем случае заборами.

Пит и Вилма Ежик жили на Виллоу-стрит.

Здесь нужно быть очень осторожным. Но он знал, как быть осторожным; он все это хорошо продумал в уме по дороге из школы, и решение пришло к нему очень быстро, так, как будто оно давно было там, как осознание того, что он должен был сделать.

Дом Ежиков был нем, и подъездная дорожка пуста. Но это вовсе не говорило о том, что он находился в безопасности. Брайан знал, что Вилма работает, по крайней мере, полдня в супермаркете на 117-м шоссе, потому что он видел ее там за кассой с ее неизменным платочком, обвязанным вокруг головы, но это вовсе не означало, что она и сейчас была на работе. Маленький побитый ягуар, на

котором она ездила, мог быть поставлен в гараж, и он мог его не видеть.

Брайан подъехал к подъездной дорожке, слез с велосипеда и снял свой рюкзачок. Он ощущал биение своего сердца даже в ушах. Казалось, что оно вот-вот выпрыгнет из горла. Оно стучало, как тысяча барабанов. Он подошел к входной двери, повторяя свою роль, которую он должен будет разыграть, если окажется, что миссис Ежик все-таки дома.

— Здравствуйте, миссис Ежик, меня зовут Брайан Раск, я живу рядом с вами. Я хожу в среднюю школу, и очень скоро мы собираемся продавать журнальные подписки. Поэтому мы собираем информацию и расспрашиваем население о том, хотят ли они подписаться на журналы? Я могу прийти попозже, когда захвачу с собой формуляры. Тому, кто продаст больше всего подписок, будут вручены призы.

Это выглядело достаточно достоверно, когда он обдумывал этот план. Также это выглядело и сейчас. Но он все равно побаивался. Минуту он постоял на крыльце, прислушиваясь к звукам внутри дома. Радио, телевизор, включенный на один из каналов (это не может быть «Санта-Барбара»; время ее показа наступит только через несколько часов), а возможно, и тишина. Он ничего не услышал, но это означало не больше, чем пустая подъездная дорожка.

Брайан дернул за звонок. Где-то в глубинах дома он услышал: «Динь-дон!». Он стоял на крыльце, ожидая и оглядываясь, видит ли его кто-нибудь. Но Виллоу-стрит была абсолютно пуста. И перед домом Ежиков был забор. Это было хорошо. Когда вам нужно (дело)

сделать что-нибудь, что люди — ваши папа или мама, например, — не одобряют, забор — это как раз то, что нужно. Прошло полминуты, никто не подошел. Не так уж и плохо... Но еще лучше чувствовать себя в абсолютной безопасности, чем потом жалеть об этом. Он снова дернул за звонок, на этот раз дважды. Теперь он услышал из глубин дома: «Динь-дон, динь-дон!».

Никого.

Отлично! Все складывалось просто великолепно. Самое страшное и ужасное было позади.

Страшное или не страшное, но Брайан не удержался от того, чтобы еще раз не оглянуться по сторонам. Очень быстро в этот раз. Он увидел велосипед, валяющийся на дорожке. Брайан вернулся к велосипеду и затащил его во двор. Потом он вернулся в сад позади дома. Его сердце стучало чаще, чем когда-либо. Он испугался звука своего собственного сердца. Он надеялся, что если миссис Ежик вернется садить лук или еще что-нибудь, его голос не дрогнет, когда он расскажет ей о подписке на журналы. Но если дрогнет, она может заподозрить его во лжи. А это вело к таким проблемам, неприятностям, о которых он даже не хотел и думать.

Он остановился рядом с домом. Теперь он мог видеть их сад, но не весь, а только половину. Неожиданно он почувствовал, что в том, что он собирается сделать, нет ничего забавного. Это показалось ему подлостью — не больше чем это, но и не меньше. Боязливый голосок

внезапно заговорил с ним. Почему бы просто не сесть на велик, Брайан, и не поехать домой, и не выпить молока, и хорошенько все это обдумать.

Да. Кажется это очень хорошая мысль, очень здравая мысль. Он уже начал разворачиваться... но затем перед ним стала картина, которая подействовала на него сильнее, чем голос. Он увидел длинную черную машину, «кадиллак» или «линкольн», подъезжающую к его дому. Дверца открылась, и мистер Лиленд Гаунт вышел из нее. Только на нем уже не было больше смокинга, как на Шерлоке Холмсе. На мистере Гаунте, который сейчас большими шагами пересекал воображение Брайана, был надет устрашающе черный костюм — костюм распорядителя похорон, и его лицо больше не выглядело дружелюбным. Его темно-голубые глаза потемнели от гнева, а губы растянулись над неровными зубами, но не в улыбке. Его длинные худые ноги, как ножницы, отсекали дорожку, ведущую к входной двери их дома, а тень, начинавшаяся от его каблуков, была похожа на палача в фильме ужасов. Когда он подойдет к двери, он не станет нажимать на звонок, о, нет. Он просто толкнет ее, а если мама Брайана попадется на его пути, он оттолкнет ее в сторону, а если папа попытается задержать его, он сшибет его с ног одним ударом, а если маленький брат Брайана, Шон, попытается помешать ему, он просто вышвырнет его из дома. Большими шагами он поднимется наверх, выкрикивая имя Брайана так, что розы на обоях будут дрожать от страха, когда тень этого палача будет пробегать по ним.

«Он обязательно найдет меня», — подумал Брайан. Его лицо, пока он стоял около стены дома Ежиков, стало маской испуга. Даже если я попытаюсь спрятаться, это не поможет мне. Даже если я уеду в Бомбей, он меня найдет, а тогда он — Брайан — попытается стереть эту картину, но не мог. Он видел увеличивающиеся глаза мистера Гаунта, превращающиеся в голубую бездну, какую-то ужасную вечность. Он видел длинные руки мистера Гаунта с их странно ровными пальцами, превращающиеся в клешни, как будто бы они опускались ему на плечи и он ощущал кожей, всем телом эти ползущие отвратительные прикосновения. Он слышал крик мистера Гаунта.

— У тебя есть моя вещь, Брайан, и ты еще не заплатил за нее!

— Я отдам ее назад! — услышал, как он сам визжит в это подвижное горящее лицо. — Пожалуйста, о, пожалуйста! Я отдам ее обратно, только не убивайте меня!

Брайан пришел в себя такой же ошеломленный, как и в тот момент, когда он вышел из «Необходимых вещей» во вторник после обеда. Но теперь его чувства не были такими приятными, как тогда.

Он не хотел возвращать фотографию Сэнди Коуфакса — вот в чем было дело.

Он не хотел возвращать, потому что она была его.

8

Майра Эванс подошла к навесу «Необходимых вещей» как раз в тот момент, когда сын ее лучшей подруги решительно вошел во двор Вилмы Ежик. Майра оглянулась. Сперва назад, а затем через

Мэйн-стрит. Ее взгляд был даже более тайным, чем взгляд Брайана, когда он оглядывал Виллоу-стрит.

Если Кора, которая действительно была ее лучшей подругой, действительно узнает, что она была здесь, и тем более зачем, она больше никогда не захочет разговаривать с Майрой, потому что Кора тоже хотела эту фотографию.

«Не думай об этом», — пронеслось у Майры в голове. Она вспомнила две поговорки. И обе очень подходили в этом случае. Кто не успел — тот опоздал. Меньше знаешь — крепче спишь.

И все-таки Майра надела большие солнечные очки прежде чем пойти в центр. Береженого Бог бережет — был еще один ценный совет.

Сейчас она медленно продвигалась к двери и изучала надпись, висевшую там:

**«ПО ВТОРНИКАМ И ЧЕТВЕРГАМ —
ТОЛЬКО ПО ПРИГЛАШЕНИЯМ».**

У Майры не было приглашения. Она пришла сюда спонтанно, в порыве. Побудительной причиной стал Корин звонок минут двадцать назад.

— Я думала об этом целый день! Мне просто необходимо иметь Его, Майра. Я смогу купить Его в среду, но у меня только четыре доллара в кошельке, и я не совсем уверена, что он принимает оплату чеками. Ты знаешь, как это неприятно, когда у тебя не принимают чек. Я до сих пор казню себя, я целую ночь не сомкнула глаз. Я знаю, что ты подумаешь, что это очень глупо, но это правда.

Майра не думала, что это очень глупо, потому что знала, что это правда. Она тоже ни на секунду не заснула прошлой ночью. И очень глупо со стороны Кору считать, что эта фотография будет принадлежать ей просто потому, что она первой увидела ее, как будто это давало ей какую-то привилегию.

— Я не думаю, что она увидела ее первой, — прошептала Майра тихим голосом. — Я думаю, что это я увидела ее первой.

Вопрос, кто увидел эту уникальную фотографию первой, был очень спорным. Что было бесспорным, так это то чувство, испытываемое Майрой, когда она представляла, как придет домой к Коре и увидит эту фотографию Элвиса, висящую над камином как раз между керамической фигуркой Элвиса и фарфоровыми безделушками? Когда она думала об этом, желудок Майры поднимался прямо куда-то под сердце и застыл там, колотясь, как мокрая тряпка. Точно так же она чувствовала себя первую неделю войны с Ираком.

Это было неправильно. У Кору так много хороших вещей Элвиса, и она даже видела Элвиса однажды на концерте. Это было в Портленде, за год или даже чуть больше до того, как Король был отозван на небеса к своей горячо любимой матери.

— Эта фотография должна быть моя, — бормотала она и, собирая все свое мужество, постучала в дверь.

Дверь открыли почти до того, как она нажала на ручку, и сутулый мужчина почти накатился на нее, выходя оттуда.

— Простите, — пробормотал он, не поднимая голову, и она с трудом осознала тот факт, что это был мистер Константины, фармацевт из аптеки Лявердьер. Он поспешно перебежал улицу, зажав

в руке маленький запакованный сверток, не глядя ни направо, ни налево. Когда она повернулась, мистер Гаунт стоял на пороге, одобительно улыбаясь ей карими глазами.

— У меня нет приглашения... — тихонько прошептала она.

Брайан Раск, который вырос, привыкнув слышать, как Майра говорит о всех вещах тоном абсолютного авторитета и уверенности, не узнал бы этот голос ни за что на свете.

— Вы получаете его сейчас, дорогая леди, — сказал мистер Гаунт, улыбаясь и отходя в сторону. — Добро пожаловать, входите свободно, вы осчастливите меня своим присутствием! После еще одного последнего взгляда вокруг, убедившего ее в том, что поблизости никого из знакомых нет, Майра Эванс влетела в магазинчик.

Дверь захлопнулась позади нее.

Костлявая рука, такая же белая, как рука трупа, появилась во мраке, отыскивала шнурок колокольчика, свисающего вниз, и растворилась.

9

Брайан не осознавал, что он сдерживает дыхание до тех пор, пока оно не вырвалось у него в длинный свистящий звук.

Во дворе у Ежиков никого не было.

Вилма, несомненно ободренная улучшением погоды, развесила стирку перед уходом на работу, или куда там она еще пошла. Белье развешалось на трех веревках на солнце и освежающем ветерке. Брайан подошел к черному ходу и стал вглядываться в окно, сделав руки козырьком, чтобы отблеск солнечного света в стекле не мешал ему. Он вглядывался в пустынную кухню. Он захотел постучать, но решил, что это был бы просто еще один способ увильнуть от того, зачем он пришел сюда. На кухне никого не было. Самым лучшим было выполнить свое дело, а потом убраться восвояси.

Он медленно спустился по ступеням в сад. Веревки с грузом рубашек, брюк, нижнего белья, простынями, наволочками были натянуты слева, а направо был маленький садик, с которого все овощи, за исключением нескольких тыкв, были уже убраны. В дальнем конце был забор из сосновых досок. С другой стороны, Брайан знал, жили Февверхилсоны только в четырех домах от его собственного.

Вчерашний дождь превратил сад в болото; большинство оставшихся тыкв наполовину погрузились в лужи. Брайан нагнулся, набрал пригоршню темно-коричневого навоза, а затем подошел к бельевым веревкам; коричневая жижа стекала по его пальцам.

На веревке, находящейся ближе к саду, висели простыни. Они были еще влажные, но быстросохнущие на легком ветерке. Они производили ленивые хлопающие звуки. Они были чистые, девственно белые.

— Ну, давай, — зашептал голос мистера Гаунта, сделай это, Брайан, совсем, как Сэнди Коуфакс, — сделай это!

Брайан отвел руки за спину, обратив ладони к небу. Он рад, что он не обманулся. Это уже начинало выглядеть занимательно. Он

набрал целые пригоршни. Грязь расплзлась по забору, а грязные коричневые ошметки отскочили на белые вздымающиеся волнами простыни. Она стекала с них журчащими клейкими струями.

Он снова вернулся в сад, набрал еще две пригоршни и швырнул их в простыни. Вернулся, взял еще и тоже бросил. Какое-то бешенство обрушилось на него. Он деловито бегал туда и обратно, беря грязь, а затем швыряя ее.

Казалось, что он может заниматься этим весь день, если бы кто-то не спугнул его пронзительным криком. Сперва он подумал, что это кричат ему. Он сгорбился, и ужасающий визг прекратился. Затем он понял, что это была миссис Февверхилсон. Она кричала на свою собаку по ту сторону забора.

Но все равно ему пора сматываться отсюда. И быстро. Он постоял минуту, как будто оценивая свою работу, и почувствовал внезапную дрожь стыда и беспокойство.

Простыни защитили большую часть одежды, но сами были облеплены грязью полностью. Было видно только несколько нетронутых белых заплат, как будто специально оставленных, чтобы напомнить, какого цвета они были первоначально.

Брайан посмотрел на свои руки, на которых засыхала грязь. Затем он поспешил к углу дома, где была колонка. Когда он нажал ручку, холодная струя воды полилась из крана. Он сунул руки под струю и, как сумасшедший, стал тереть их друг об друга. Он мыл их, пока не сошла вся грязь, выковыривал ее из-под ногтей бездумно. Он даже отстирал манжеты рубашки под колонкой. Выключил колонку, направился к своему велосипеду, вывел его на подъездную дорожку. Он чуть не потерял сознание, когда увидел маленький желтый компактный автомобиль около дома, но это был цивик, а не ягуар. Он пронесся, не снижая скорости, мимо. Его водитель не обратил никакого внимания на мальчика с красными обветренными руками на подъездной дорожке. Маленького мальчика, на чьем лице огромными буквами было написано одно слово — «ВИНОВЕН!»

Когда машина проехала, Брайан оседлал свой велосипед и с бешеной скоростью стал нажимать на педали. Он не остановился, пока не добрался до своего дома. На его руках не было грязи, но они зудели и... они все еще были красными.

Когда он вошел, мама крикнула из гостиной.

— Это ты, Брайан?

— Да, ма.

То, что он сделал в саду Ежиков, уже виделось ему как что-то, что он делал во сне. И действительно, мальчик, стоящий здесь в такой солнечной чистой кухне, мальчик, который шел сейчас к холодильнику и брал молоко, не мог быть тем мальчиком, который окунал руки по самые кисти в грязь в саду Вилмы Ежик, а затем швырял эту грязь на чистые простыни снова, и снова, и снова...

Это не мог быть он.

Он налил себе стакан молока, изучая свои руки, пока делал это. Они были чистыми. Красными, но чистыми. Он поставил молоко обратно. Сердце вернулось к своему нормальному ритму.

— Ты хорошо провел день в школе, Брайан? — раздался голос Кори.

— Все было нормально.
— Ты не хочешь посмотреть телевизор со мной? Через несколько минут будет «Санта-Барбара».
— С удовольствием, — ответил он. — Но сначала я хочу подняться наверх на несколько минут.
— Не оставляй наверху стакан из-под молока. Он засохнет и никогда не отмоется в посудомойке!
— Я принесу его вниз, ма.
— Хорошо!

Брайан поднялся наверх и провел около получаса, разглядывая фотографию Сэнди Коуфакса. Когда Шон вошел спросить его, не хочет ли он сходить с ним в магазин, Брайан захлопнул альбом с фотографиями бейсболистов и приказал Шону выйти из его комнаты и не возвращаться до тех пор, пока тот не научится стучать в дверь, когда она закрыта. Он слышал всхлипывания Шона в коридоре, но совсем не испытывал к нему жалости.

В конце концов должны же существовать какие-то манеры.

10

Король стоял, широко расставив ноги. Его голубые глаза сияли. Колокольчики на его белом костюме позванивали. Сверкали фальшивые бриллианты под вспышками прожекторов. Пряди иссиня-черных волос спадали на его лоб. Микрофон возле рта, но не так близко, что Майра не может увидеть изгиб его полных губ. Она может видеть все. Она в первом ряду.

И внезапно, когда вступила ритм-группа, он вскинул руку, протягивая ее к НЕЙ, как Брут Спрингстин (который никогда в жизни не станет Королем, как бы он ни старался), протягивает свою руку к той девчонке в фильме «Танцы с волками». Она была так ошеломлена, что какое-то мгновение не могла ничего делать. Слишком ошеломлена, чтобы двигаться, а затем чьи-то руки толкнули ее вперед, и ЕГО руки обняли ее за талию, и ЕГО руки тянули ее на сцену. Она могла вдыхать ЕГО запах, смесь пота, английской кожи и горячего чистого дыхания.

А секундой позже Майра Эванс уже в объятиях Элвиса Пресли. Ткань его костюма скользит под ее руками. Руки, обнимающие ее, мускулистые, сильные. Это лицо, ЕГО лицо, лицо Короля в нескольких дюймах от нее. Он танцует с ней — они вдвоем: Майра Джозефина Эванс из Кастл Рока, Мэн и Элвис Арон Пресли из Мемфиса, Тенесси! Они танцуют, плотно прижавшись друг к другу, на просторной сцене перед четырьмя тысячами вопящих поклонников, как в старом припеве 50-х годов: «Пусть будет рок... Всегда пусть будет рок...» Его бедра прижаты к ее. Она может чувствовать свернутое кольцом напряжение в центре его наготы, прижимающееся к ее животу. Потом он кружит ее. Ее юбка взвивается вверх, открывая ее ноги, вплоть до кружевных трусиков. Ее рука кружится вокруг его, как ось ступицы, а затем он снова притягивает ее к себе, и его рука скользит вниз до ее округленных ягодиц, плотно прижимая ее к себе. На какое-то мгновение она смотрит вниз и там за и под ослепительным светом рампы она видит Кору Раск, смотрящую

— Сорок долларов, — выкрикнула она.

Он рассмеялся и покачал головой.

— Пятьдесят!

— Смешно! Должно быть, вы не очень хотите получить эту фотографию, Майра?

— Хочу! — Слезы начали капать из уголков ее глаз. Они бежали по щекам, смешиваясь с потом. — Хо-чу!

— Хорошо, — сказал он. — Вы хотите — я допускаю тот факт, что вы хотите ее. Но нужна ли она вам, Майра. Действительно ли она нужна вам?

— Шестьдесят. Это все, что у меня есть.

— Майра, неужели я выгляжу, как ребенок.

— Нет.

— Я думаю, что да. Я уже старый человек — старше, чем вы можете себе представить. Я прожил очень много лет, но я думаю, что вы считаете меня ребенком, способным поверить женщине, которая живет в новеньком великолепном домике рядом с Кастл Вью, что у нее есть только шестьдесят долларов.

— Вы не понимаете! Мой муж...

Мистер Гаунт встал, все еще держа фотографию. В комнате больше не было улыбающегося мужчины, который стоял на пороге и приглашал ее войти.

— У вас не было приглашения, Майра, правда ведь? Нет. Я встретился с вами только лишь по доброте душевной. Но сейчас я боюсь, что мне придется попросить вас уйти.

— Семьдесят, семьдесят долларов!

— Вы испытываете мое терпение. Пожалуйста, уйдите.

Майра упала перед ним на колени. Она рыдала хриплыми паническими слезами. Она обхватила его икры, как будто бы пресмыкалась перед ним.

— Пожалуйста, пожалуйста, мистер Гаунт. Мне просто необходимо иметь эту фотографию. Я должна... Она для меня... Вы не поверите, что она для меня значит!

Мистер Гаунт взглянул на фотографию Элвиса, и внезапно гримаса отвращения исказила его лицо.

— Я не думаю, что я хотел бы знать, — ответил он. — Она выглядит слишком... потной.

— Но если она будет стоить больше, чем семьдесят долларов, мне придется выписать чек. Чак узнает об этом. Он захочет знать, на что я истратила деньги. И если я скажу ему, он...

— Это, — сказал мистер Гаунт, — не мои проблемы. — Я — владелец магазина, а не адвокат. — Он смотрел на нее сверху вниз, разговаривая с макушкой ее потной головы. Я уверен, что кто-нибудь еще — миссис Раск, например, сможет позволить себе купить эту довольно-таки уникальную и почти самую последнюю фотографию мистера Пресли.

При упоминании имени Кори Майра вскинула голову. Ее глаза лихорадочно заблестели, сверкая черными точками из глубоких впадин. Ее зубы обнажились, она зарычала. В это мгновение ее взгляд стал почти безумным.

— Вы продадите это ей? — зашипела она.

— Я верю в честную торговлю, — сказал мистер Гаунт. — Именно это принесло могущество нашей стране. Я действительно хочу, чтобы вы ушли, Майра. Ваши руки просто истекают потом. И мне придется сдавать эти брюки в химчистку. И даже после этого я не уверен...

— Восемьдесят, восемьдесят долларов.

— Я продам ее вам за двойную цену, — сказал мистер Гаунт. — Стр шестьдесят долларов, — он оскалился, обнажая свои большие кривые зубы.

— И, Майра, ваш личный чек вполне подходит для расплаты.

Она издала вопль отчаяния. — Я не могу, Чак убьет меня.

— Возможно, — сказал мистер Гаунт. — Но вы будете умирать от сжигающей вас неразделенной любви.

— Тысяча, — заскулила Майра, снова обхватывая его ноги руками, как будто он пытался уйти от нее.

— Пожалуйста, тысяча долларов.

— Тысяча сорок, — подытожил Гаунт. — Это мое последнее предложение.

— Хорошо, — Майра задыхалась от страстного желания. — Хорошо, я заплачу.

— Но вам придется выполнить кое-какую еще работу, конечно, — произнес мистер Гаунт, ухмыляясь.

Она взглянула на него, широко открыв рот.

— Что вы сказали? — прошептала она.

— Возьми в рот, — выкрикнул он. — Удовлетвори меня. Открой этот великолепный, набитый металлом ротик и плотно обхвати мой член.

— О, Боже! — Майра застонала.

— Как хотите, — сказал мистер Гаунт, начиная поворачиваться. Она схватила его за ноги прежде чем он успел уйти. Минуту спустя ее дрожащая рука начала расстегивать ширинку.

Он позволил ей делать это несколько мгновений, затем его лицо искривилось и, отталкивая ее руки, он сказал.

— Забудь об этом. Оральный секс меня не возбуждает.

— Что?

— Ничего, Майра, — он сунул ей фотографию. Она вцепилась в нее и спрятала ее на груди. — Однако есть еще одно дело.

— Какое? — прошипела она.

— Знаете ли вы человека, который содержит бар на другой стороне Медного моста?

Она начала качать головой, в глазах снова промелькнула тревога.

— Генри Бьюфорда?

— Да. Кажется, у него еще есть заведение, которое называется «Захмелевший Тигр». Очень интересное название.

— Ну, я не знаю его, но я знаю, кто он такой. — Она никогда в жизни не была в «Захмелевшем Тигре», но она также хорошо знала владельца бара, как впрочем, и других жителей в городка.

— Да, его. Я хочу, чтобы вы сыграли маленькую шутку над мистером Бьюфордом.

— Что? Какая шутка?

Гаунт наклонился, обхватил потную липкую руку Майры и помог ей встать на ноги.

— То, — сказал он, — о чем мы с вами сможем поговорить, пока вы будете выписывать чек, Майра. — Он улыбнулся, и все его очарование снова появилось на лице. Его карие глаза сияли.

— Между прочим, не хотели бы вы, чтобы я завернул вашу покупку?

Глава 5

1

Алан вошел в «Закусочную Нэни» и остановился, разыскивая взглядом Полли: он сразу же увидел, что боль все еще не отпустила — такая сильная, что вынудила ее принять перкодан днем, а это случалось крайне редко. Он узнал об этом даже до того, как она заговорила — глаза выдавали ее. Этот особый блеск был уже хорошо знаком ему... Но он совершенно ему не нравился. И вряд ли когда-нибудь сможет понравиться. Он подумал, и уже не впервые, не становится ли Полли наркоманкой? В ее случае он считал, что эта зависимость была просто побочным эффектом, то что ожидалось, замечалось, но все же не шло ни в какое сравнение с основной проблемой — тем, что Полли жила с постоянной болью, какую он, возможно, даже не мог себе представить.

Но в его голосе не слышалась тревога, когда он спросил:

— Как дела, дорогая?

Она улыбнулась:

— Ты знаешь, день был очень интересным. О-ч-ч-чень... интересным, как говорили крутые ребята в старом фильме. Алан, а кто это?

Он повернулся в направлении взгляда как раз вовремя, чтобы увидеть женщину с прямоугольным свертком в руках, проходившую мимо окна «Закусочной»; ее глаза были устремлены вперед, не замечая окружающего. Встречный мужчина должен был отскочить в сторону, чтобы она не сбила его с ног. Алан быстренько прокрутил длинный список имен и фамилий, который он держал в голове, и нашел то, что искал.

— Эванс. Мейбл или Мэвис или что-то в этом роде. Ее мужа зовут Чак Эванс.

— Она выглядит так, как будто только что накурилась марихуаны, — сказала Полли. — Я ей завидую.

Нэни Робертс собственной персоной вышла, чтобы обслужить их. Она принадлежала к «Армии христиан-баптистов», возглавляемых Вильямом Роузом, и сегодня она прицепила над левой грудью маленький желтый значок. Это был уже третий по счету, который Алан видел после обеда, и он рассчитывал, что вскоре увидит еще больше. На значке был изображен игровой автомат в черном круге, перечеркнутый красным. На значке ничего не было написано; но и без слов он вполне красноречиво говорил об отношении человека, носящего его к Казино Найт.

Нэни была женщиной средних лет, с необъятной грудью и милым-премилым лицом, которое сразу же вызывало у вас воспоминания о маме и яблочном пироге. И пироги в ее заведении были просто замечательными, особенно тот — с целой горой ванильного мороженого, тающего на вершине. Но нельзя было судить о Нэни по внешнему виду, и большинство деловых людей, которые имели с ней дело, пришли к заключению, что они жестоко ошибались, делая это. За милым, улыбающимся лицом был спрятан работающий компьютер, а за материнской грудью скрывалась расчетная книжка, занимая то место, где должно находиться сердце. Нэни была собственницей чуть ли не половины Кастрл Рока, включая, по крайней мере, пять деловых зданий на Мэйн-стрит, а сейчас строилось еще одно, и Алан подозревал, что она была самой состоятельной персоной в городе.

Она напомнила ему о хозяйке публичного дома, которую он арестовывал когда-то в Атике. Женщина предложила ему взятку, а когда он отказался, то она честно попыталась выбить ему мозги из головы птичьей клеткой. А хозяин, старый говорящий попугай, который иногда задумчиво и угрюмо произносил: «Я трахал твою маму, Фрэд», находился в это время внутри клетки. Иногда, когда Нэни Робертс хмурилась, Алан чувствовал, что и она способна сделать то же самое. Он находил вполне естественным то, что Нэни, которой в общем-то и не нужно было работать, а только считать денежки, утруждает себя, обслуживая шерифа округа. Это был личный контакт, который очень много значил.

— Привет, Алан, — произнесла она, — сколько лет, сколько зим. Где вы пропадали?

— Там и сям, — ответил Алан, — занят делами.

— Но все же не нужно забывать старых друзей, — произнесла Нэни, сияя материнской улыбкой. Нужно очень хорошо изучить Нэни, отметил про себя Алан, чтобы заметить, что улыбка не затрагивает ее глаз. — Наведывайтесь к нам почаще.

— Гляди-ка, я же здесь, — пошутил Алан.

Нэни взорвалась смехом, таким громким и жизнерадостным, что посетители, сидевшие в противоположном углу, с удивлением оглянулись. А позже, пронеслось у Алана в голове, они будут рассказывать своим друзьям, что видели, как Нэни Робертс и шериф ворковали, как лучшие друзья.

— Кофе, Алан?

— С удовольствием!

— А, может быть, кусочек пирога к кофе? Домашние яблоки из сада Мак Шерри. Только вчера сорваны.

По крайней мере, она хоть не говорит, что они сорваны ее собственными руками, подумал Алан.

— Нет, спасибо.

— Точно не хочешь? А вы, Полли?

Полли отрицательно покачала головой.

Нэни пошла готовить кофе.

— А ты ее не очень-то жалуешь, правда? — тихонько спросила у него Полли.

Он был удивлен, услышав это — нравится не нравится, он не мыслил такими категориями.

— Нэни? Да нет, почему же. Просто мне хотелось бы знать, что собой представляет тот или другой человек в действительности.

— И что они действительно хотят?

— Ну, это чертовски трудно, — произнес он, смеясь. — Мне было бы достаточно знать, на что они способны.

Она улыбнулась — он любил, когда она улыбалась — и сказала:

— Так ты скоро превратишься в великого философа, Алан Пэн-гборн.

Он дотронулся до ладони руки, затянутой перчаткой, и улыбнулся в ответ.

Нэни вернулась с чашечкой кофе и сразу же ушла. Единственное, что можно о ней сказать, подумал Алан, так это то, что она прекрасно знает, когда и что нужно делать или сказать. И ведь далеко не каждый способен на это.

— А теперь, — сказал Алан, отхлебывая кофе, — расскажи мне о своем очень интересном дне.

Она в подробностях рассказала ему о том, как она с Розали Дрейк утром видели Нэтти Кобб и как Нэтти пыталась зайти в «Необходимые вещи», и как она в конце концов собрала все свое мужество и все-таки вошла.

— Это очень хорошо, — сказал он, и действительно так считал.

— Да, но это еще не все. Когда она вышла, то в руке у нее была покупка. Представляешь, она что-то купила! Я никогда не видела ее такой веселой и такой, такой жизнерадостной, как сегодня. Да, именно жизнерадостной. Ты же знаешь, какая она всегда подавленная?

Алан кивнул.

— На щеках у нее горел румянец, а волосы были слегка растрепаны, и, определенно, она несколько раз рассмеялась.

— А ты уверена, что они там занимались только делом? — заметил Алан и завращал глазами.

— Не будь дураком, — произнесла Полли таким тоном, как будто сама не говорила Розали то же самое.

— В любом случае, она подождала, пока ты уйдешь, а потом вошла и показала нам свою покупку.

— Ты знаешь, что у нее есть небольшая коллекция флорентийского стекла?

— Нет. Веришь ты в это или нет, но есть некоторые вещи, ускользнувшие из моего поля зрения.

— У нее их что-то около дюжины. Большая часть досталась ей от матери. Она говорила мне, что их было больше, но некоторые разбились. Ей очень нравится то, что у нее есть, а он продал ей самое великолепное флорентийское стекло, которое я когда-либо видела. Сначала я даже думала, что это Тиффани. Но, конечно же, это был не он — не мог быть, Нэтти за всю жизнь не скопить денег, чтобы купить настоящего Тиффани, но вещичка действительно хороша.

— Сколько она заплатила?

— Я не спросила об этом. Но держу пари, что она бы могла отдать все.

Он нахмурился:

— А ты уверена, что ее не обдурили?

— О, Алан, почему ты всегда такой подозрительный? Может быть, Нэтти многого не понимает, но она прекрасно разбирается в флорентийском стекле. Она сказала, что это была очень удачная сделка; возможно, так оно и есть на самом деле. Она чувствовала себя такой счастливой.

— Это здорово. Совсем как «Лотерейный Билетик».

— Что, что? Не поняла.

— Это название одного магазинчика в Атике, — задумчиво произнес он. — Давным-давно, я тогда был еще ребенком. Просто «Лотерейный Билетик».

— А ты получил свой выигрыш?

— Не знаю. Я никогда туда не заходил.

— Ладно, — сказала она, — а вот наш мистер Гаунт, по-видимому, считает, что у него есть такой билетик для меня.

— Что ты имеешь в виду?

— Нэтти принесла мою коробку для тортов, а внутри нее лежала записка. От мистера Гаунта.

Она пододвинула свою сумочку к нему поближе.

— Взгляни — сегодня я не в силах расстегнуть замок.

Не глядя на сумочку, он спросил:

— Очень больно, Полли?

— Очень, — ответила она просто. — Иногда у меня бывали сильные боли, но я не собираюсь тебя обманывать; никогда не было хуже. Всю эту неделю, как только погода переменялась.

— Может быть, тебе сходить к доктору Ван Аллену?

Она вздрогнула.

— Нет, не сейчас, мне нужно передохнуть. Каждый раз, когда боли становятся такими сильными, что кажется, еще одно мгновение — и я сойду с ума, боль отступала. По крайней мере, так было всегда. Но я боюсь кажется, что однажды облегчение не наступит, просто не захочет наступить. Если мне не полегчает к понедельнику, я пойду к врачу. Но все, что она сможет сделать для меня — выписать лекарство. Но я не хочу превратиться в ненужный хлам и отступить, я смогу выстоять, Алан.

— Но...

— Хватит, — мягко остановила она его. — Достаточно для одного раза, ладно?

Он неохотно рассмеялся.

— Посмотри на записку. Она такая милая и... такая изысканная.

Он открыл замочек сумочки и увидел тонкий конверт, лежащий сверху ее чековой книжки. Алан взял его. Бумага была дорогая, хорошо пахнущая. «Мисс Полли Чалмерс» было написано на конверте таким старомодным почерком, что он напоминал вещицу из антикварной лавки.

— Этот стиль называется «медная тарелка», — усмехаясь, сказала она. — Мне кажется, что им перестали пользоваться задолго до эпохи динозавров.

Он вытащил из конверта единственный стандартной формы листок. Вверху угла было отпечатано:

«Необходимые вещи» Кастл Рок, Мэн, Лиленд Гаунт, владелец.

Записка, написанная от руки, была не столь формальной, как надпись на конверте, но стиль и почерк все также сохраняли свое старомодное качество.

Дорогая Полли!

Еще раз благодарю Вас за изумительно вкусный торт. Это мой самый любимый, и он был действительно просто замечательным! Также благодарю Вас за Вашу заботу и внимательность. Вы прекрасно поняли, как я нервничал и переживал в день открытия, особенно, когда сезон уже закончен.

У меня есть одна вещь, правда, она еще не находится в моем магазине, но вместе с другим товаром она уже в пути, которая, как я надеюсь, может заинтересовать Вас. Пока я не хочу говорить больше; мне просто хотелось, чтобы вы сами взглянули на нее. Это не больше, чем безделица, но я думал о ней с самого момента Вашего ухода, а моя интуиция редко подводила меня. Я ожидаю ее прибытия уже в пятницу или субботу. Если у Вас будет возможность, то почему бы Вам не взглянуть днем в субботу? Я буду в магазине целый день, делая опись товаров, и буду рад показать ее Вам; я не хочу больше говорить об этом сейчас; эта вещица сама за себя все скажет. По крайней мере позвольте мне отблагодарить Вас за любезность, оказанную Вами, чашечкой чая! Надеюсь, что Нэтти не разочаровалась в своем новом абажуре. Она очень милая и, кажется, что он ей очень понравился.

Искренне Ваш Лиленд Гаунт.

— Бесподобно! — сказал Алан, всовывая письмо обратно в конверт и возвращая его на свое место в ее сумочке. — Ты все еще собираешься посетить его?

— С такой подготовкой, да еще увидев абажур Нэтти, как же я могу отказаться? Ну, конечно же, я заскочу к нему... если только мои руки не будут так болеть. А ты не хочешь пойти, Алан? Может быть у него и для тебя есть что-нибудь?

— Может быть. Но, возможно, мне предстоит война с Патриотами. А они надеются одержать победу.

— Ты выглядишь усталым, Алан. У тебя такие круги под глазами.

— У меня был один из самых трудных дней. Он начался для меня прямо с того, что мне пришлось разнимать Председателя городского совета и одного из моих подчиненных, чтобы они не расквасили себе носы прямо в туалете.

Полли спросила с интересом:

— О чем это ты говоришь?

Он рассказал ей о скандале, произошедшем между Китонем и Риджвиком, заканчивая описанием того, как странно вел себя Китон: произнесенное им слово «преследования» вспоминалось ему в течение всего дня.

— Итак? — спросил он напоследок. — Что ты думаешь об этом?

— Я думаю, что пройдут еще годы, прежде чем ты узнаешь все, что мне необходимо знать о жителях Кастрл Рока. Возможно, это также относится и ко мне: я отсутствовала достаточно долго и я не рассказываю о том, где я была и чем я занималась, и я знаю, что в

городе есть много людей, которые не доверяют мне. Но ты накапливаешь сведения и ты их запоминаешь. Знаешь, каким мне показался наш городок, когда я вернулась домой?

Он заинтересованно кивнул головой. Полли совсем не была похожа на женщину, живущую прошлым.

— Это походило на то, что если бы начать вникать в многосерийный фильм, мыльную оперу после долгого перерыва. Даже если не смотреть его несколько лет, все равно вы узнаете людей, и все их проблемы становятся сразу же понятными, потому что они никогда существенно не меняются. Смотреть такой спектакль — это все равно что всунуть ноги в старые, разношенные тапочки.

— О чем это ты?

— У каждого местного жителя есть своя предыстория, о которой ты еще ничего не знаешь. Ты ведь не знаешь, что дядя Дэнфорда Китона находился в клинике для душевнобольных одновременно с Нэтти?

— Нет.

Она кивнула.

— Когда ему было лет сорок или что-то около этого, у него стали появляться психические расстройства. Моя мама всегда говорила, что Билл Китон — шизофреник. Я не знаю, точен ли этот термин, или мама чаще всего слышала его по телевизору, но определенно с ним было не все в порядке. Я помню, что часто видела, как он хватал за грудки какого-нибудь прохожего и начинал рассказывать ему о чем попало: о национальных долгах, о том, что Джон Кеннеди был коммунистом, и я не знаю, о чем еще. Я была тогда совсем маленькой девочкой. И я боялась. Однако, Алан, я знала об этом. А иногда он брел по улице, низко опустив голову и разговаривая сам с собой, бормоча и выкрикивая что-то одновременно. Мама сказала мне, что я ни в коем случае не должна разговаривать с ним, когда он ведет себя подобным образом, даже когда мы встречались с ним по дороге в церковь. А в конце концов он попытался застрелить свою жену. Или что-то в этом роде, ты же знаешь, как сильно изменяется смысл, когда слух переходит из уст в уста. Возможно, что он только помахал револьвером перед ее носом. Но что бы он там ни сделал, этого было достаточно, чтобы посадить его в тюрьму. В городе говорили об этом, а когда слухи поутихли, они упрятали его в сумасшедший дом.

— Он все еще там?

— Он умер. Состояние его ума ухудшалось очень быстро. К моменту смерти он был уже полностью невменяем. Что-то в этом роде.

— Господи!

— Но это еще не все. Рони Китон, брат Била Китона и отца Дэнфорда, провел четыре года, в середине семидесятых, в клинике для душевнобольных в Вирджинии. А сейчас он находится в частной лечебнице. И была еще двоюродная бабушка или кузина — я не совсем уверена, кто именно, которая в пятидесятых совершила самоубийство после какого-то скандала. Я точно не знаю из-за чего, но как-то слышала, что женщин она любила немного больше, чем мужчин.

— То есть, ты хочешь сказать, что это у них наследственное.

— Нет, — ответила Полли. — Я не акцентирую на этом внимание. Просто я знаю из жизни маленького городка то, что тебе неизвестно, вот и все. А делать выводы — это работа полиции.

Она произнесла последнюю фразу с такой важностью, что Алан рассмеялся, однако он все равно чувствовал внутреннее беспокойство. Могло ли безумие переходить по наследству? В университете на лекциях по психологии его учили, что это все бабушкины сказки. А спустя годы, когда он обучался в полицейской академии, лектор сказал им, что это действительно так, или хотя бы в отдельных случаях: некоторые умственные болезни прослеживаются в генеалогическом древе семьи так же четко, как, например, голубые глаза или рождение двойняшек. Одним из приводимых им примеров был алкоголизм. Говорил ли он что-нибудь о шизофрении: Алан не мог вспомнить. Это было так давно.

— Полагаю, что мне лучше начать расспрашивать о Пирате, — сказал Алан. — Знаешь, Полли, мысль о том, что председатель городского совета Кастл Рока вполне может оказаться человеком, держащим гранату в руке, отнюдь не улучшает моего настроения.

— Ну, я думаю, что до этого дело не дойдет. Скорее всего это не тот случай. Я просто подумала, что ты должен знать об этом. Люди будут отвечать на вопросы... если только ты знаешь, какие вопросы нужно задавать. А если не знаешь, то они будут добродушно наблюдать, как ты бегаешь по кругу и блуждаешь в трех соснах, но никогда ничего не скажут.

Алан ухмыльнулся. Это была правда.

— Но ты не вышла до конца, Полли, — после того, как Пират ушел, меня посетил Преподобный Вилли. Он...

— Ш-ш-ш, — Полли так зашипела, что Алан испуганно замолчал. Она оглянулась, чтобы убедиться, что никто не подслушивает их разговор, потом опять повернулась к Алану. — Иногда ты меня просто удивляешь. Если ты не станешь осмотрительнее, ты будешь вычеркнут из списков избирателей через два года... а потом ты будешь стоять, беспомощно улыбаясь, и говорить: «Что, ну что случилось?» Ты должен быть осторожным. Если Дэнфорд Китон — ручная граната, то этот человек — ракетная установка.

Он подошел к ней поближе и сказал:

— Он вовсе не ракетная установка, а приторно добродетельный напыщенный болван, вот кто он такой.

— Казино?

Он кивнул.

Она положила свою руку поверх его.

— Бедняжка, а на поверхности все выглядит так спокойно и благопристойно, правда?

— Это всегда так.

— Он ушел от тебя разъяренным?

— Да еще как, — заметил Алан. — Это у меня был уже второй разговор с милейшим Преподобным о законности легального существования казино. Кажется, что мне предстоит еще не одна схватка, прежде чем католики...

— Но ведь он же маленький самоуверенный болван? — спросила она ровным тихим голосом. Лицо у нее становилось серьезным, но глаза искрились.

— Да. А теперь эти значки. Это новый намек.

— Значки?

— Перечеркнутые игровые автоматы вместо улыбающихся лиц. Один из таких значков носит Нэни. Интересно, чья это идея?

— Возможно, что Дона Хэмфила. Он не только образцовый баптист, но член комитета республиканской партии штата. Так что он кое-что знает о том, как надо проводить компании протеста, но держу пари, что он вскоре поймет, что намного труднее изменить общественное мнение, когда замешана религия. — Она сжала его руку. — Не принимай все так близко к сердцу, Алан. Будь терпелив. Жди. Это то, что составляет большую часть жизни в Кастл Роке: сохранение спокойствия и ожидание случая для нанесения удара из-за спины. Да?

Улыбаясь, он посмотрел на нее, вытянул руки и обнял ее... но очень осторожно. Так осторожно.

— Да, — ответил он. — Не составить ли вам компанию сегодня вечером, миледи?

— О, Алан, не знаю...

— Никаких ударов и шлепков, — заверил он ее. — Я разведу огонь, мы будем сидеть перед ним, а ты, развлекая меня, милая, сможешь вытащить из городского клозета на свет божий еще парочку человек.

Полли слабо улыбнулась.

— Мне кажется, что за последние шесть или семь месяцев ты почти всех изучил, включая и меня. Но если ты хочешь продолжить обучение в Кастл Роке, то тебе следует записаться в друзья к старушке Ленни Партридж... или к ней. — Она кивнула в сторону Нэни и слегка понизила голос. — Разница между Ленни и Нэни, — произнесла она, — в том, что Ленни нравится просто знать, а Нэни Робертс использует свои знания.

— Что это значит?

— Это значит, что она...

Алан задумчиво смотрел на нее. Он никогда не видел ее в таком настроении, анализирующем, разговорчивом и подавленном одновременно. И первый раз с того самого момента, как они стали друзьями, а затем и любовниками, он не понимал, кого же он слушает — Полли Чалмерс... или таблетки.

— Я думаю, что сегодня вечером лучше побыть в одиночестве, — произнесла она с внезапной решительностью. — Я не очень-то хорошая собеседница, когда чувствую себя вот так. Я вижу это по твоему лицу.

— Полли, но это неправда.

— Я собираюсь пойти домой, принять горячую ванну. Я не собираюсь больше пить кофе. Я хочу отключить телефон, рано лечь в постель, и есть шансы, что когда я проснусь утром, то буду чувствовать себя как новорожденная. А затем, может быть, мы сможем, ну... ты же знаешь. Никаких ударов и немного шлепков.

— Я волнуюсь за тебя, — сказал он.

Ее рука мягко коснулась его.

— Я знаю, — сказала она. — Это не может помочь мне, но я ценю твою заботу, Алан. Больше, чем ты думаешь

2

Хью Прайст слегка притормозил, проезжая мимо «Захмелевшего Тигра» по дороге домой... но потом снова прибавил скорость. Он приехал домой, оставил свой «бьюик» на подъездной дорожке и вошел в дом.

У него было две комнаты: в одной он спал, а в другой занимался всем остальным. Колченогий стол, уставленный алюминиевыми тарелками с остатками застывшей еды (почти все они были утыканы сигаретными бычками), стоял в центре комнаты. Он подошел к открытому чулану, поднялся на цыпочки и пошарил на верхней полке. На секунду ему показалось, что лисий хвост исчез, что кто-то пришел и украл, слямзил его, панический ужас обжег его огнем. Затем его рука наткнулась на мягкий шелк меха, вздох облегчения вырвался из его груди. Почти весь день он думал о хвосте.

Большую половину дня он думал о лисьем хвосте, о том, как он прикрепит его к антенне своего «бьюика» и как он будет весело развиваться там. Он почти собрался прикрепить его утром, но все еще шел дождь, и мысль о том, что хвост может превратиться в мокрую облезлую тряпку, не понравилась ему. А теперь он вытащил сверкающий мех, пнул ногой пустую банку из-под сока, попавшуюся ему на пути, и осторожно провел пальцами по великолепной поверхности хвоста. Боже, как он прекрасен!

Он вошел в гараж, который так был набит всяким хламом, что его машина не въезжала туда, наверное, с 1984 года, и разыскал кусок крепкой проволоки. Он решил: сперва он прикрепит хвост к антенне, потом поужинает, а потом он поедет на встречу бывших сослуживцев в Грин парк, которая была назначена на семь часов в здании Американского Легиона. Возможно, что было поздно начинать новую жизнь... но никогда не поздно попытаться найти хоть какой-то выход.

Он быстро обмотал проволоку вокруг толстенького конца хвостика и начал прикручивать второй конец проволоки к антенне, но его пальцы, двигавшиеся так уверенно и проворно вначале, начали замедлять свой ход.

Он чувствовал, как его уверенность постепенно тает, оставляя вместо себя пустоту, а на ее место прокрадываются сомнения.

Он увидел себя, паркующегося на стоянке Американского Легиона, и это было хорошо. Он представил себя, идущего на встречу, и это тоже было нормально. Но затем он увидел какого-то ребенка, похожего на того придурка, который вчера перебежал дорогу перед его грузовиком, идущего мимо здания Легиона, пока он сам находится внутри, и говорил, что его зовут Хью Пи, и он окончательно спился. Что-то попадает мальчику на глаза — вспышка ярко-оранжевого в бело-голубом свете неоновых ламп, освещающих стоянку. Парнишка подходит к «бьюику» и изучает лисий хвост... дотрагивается до него, а потом дергает за кончик. Он оглядывается, вокруг

никого нет, и быстренько откручивает хвост. Хью увидел этого мальчика, идущего в местный видеосалон и рассказывающего своим друзьям:

— Эй, смотрите-ка, что я раздобыл на стоянке Легионеров. Неплохо, правда?

Хью почувствовал, как неимоверный гнев закрадывается к нему в душу, как будто это было не просто плодом его воображения, но произошло на самом деле. Он легонько ударил по хвосту, взгляделся в сгущающиеся сумерки раннего вечера в надежде увидеть целую толпу проворных мальчишек, уже толпящихся в дальнем углу Каст Хилл Роуд, так и ждущих, когда он выйдет перекусить, чтобы спокойно забрать его лисий хвост.

Нет. Лучше было никуда не ходить. Для современных детей нет ничего святого. Они могут украсть что угодно, воруя просто так, ради забавы. Побалуется день или два, потом потеряют к предмету всякий интерес и выкинут его в канаву или на свалку. Картина — а это была очень ясная картина, почти видение его любимого меха, лежащего в грязном овраге, мокнувшего под дождем, теряющего свой цвет среди обрывков газет и использованных пивных банок, наполнила Хью чувством невыразимой тоски.

Нужно быть сумасшедшим, чтобы так рисковать.

Он раскрутил проволоку, которой хвост был привязан к антенне, снова занес его в дом и положил его на верхнюю полку кладовки. Но теперь он закрыл дверь кладовки, однако задвижка не закрылась.

Нужно купить замок, подумал он. Дети могут залезть куда угодно. Никто теперь не уважает законы. Абсолютно никто.

Он подошел к холодильнику, вытащил банку пива, посмотрел на нее несколько мгновений, затем поставил ее обратно. Пиво — даже четыре или пять банок — не помогут ему восстановить душевное равновесие. Он открыл один из нижних ящиков буфета, порывлся среди хлама и нашел полбутылки виски, которую он держал на всякий случай. Хью наполнил стакан наполовину, немного подумал, потом долил до самого верха. Он выпил его двумя глотками, ощутил разливающееся по телу тепло и снова наполнил стакан до краев. У него немного поднялось настроение, он почувствовал себя более расслабленно. Он посмотрел на кладовку и улыбнулся. Там мех был в безопасности, и будет еще в большей безопасности, как только он купит крепкий замок фирмы «Пэдлок» и повесит его на кладовку. В безопасности. Как хорошо, когда у вас есть вещь, которую вы действительно хотите иметь и без которой вы не сможете прожить, но гораздо лучше, когда она находится в безопасности. Это лучше всего.

Затем он задумчиво улыбнулся.

Разве ты для этого купил его? Неужели для того, чтобы держать его на верхней полке за закрытой дверью?

Он сделал еще один медленный глоток. «Ладно, — подумал он, — может быть это не так уж и хорошо, но это все-таки лучше, чем если его украдет какой-то проворный парнишка».

— Все-таки, — произнес он вслух, — сейчас уже не 1955 год. Сейчас совсем другое время.

Он кивнул, чтобы поддержать свои мысли. Но мысли не оставляли его. Что же хорошего делает этот лисий хвост? Что хорошего для него или хотя бы для кого-нибудь?

Но два или три стаканчика сделали свое дело. После этих двух или трех стаканчиков то, что он спрятал этот хвост, казалось ему абсолютно правильным, самым разумным решением в мире. Он решил не ужинать; такое разумное решение заслуживало награды: еще один стаканчик.

Он снова наполнил стакан, уселся на один из табуретов с цилиндрическими стальными ножками и закурил сигарету.

И когда он сидел здесь, выпивая и стряхивая пепел в одну из грязных застывших тарелок, он совершенно забыл о лисьем хвосте, его мысли витали вокруг Нэтти Кобб. Сумасшедшей Нэтти. Ему нужно было разыграть Сумасшедшую Нэтти. Может быть, на следующей неделе, а может быть, и на этой... но скорее всего, что на этой неделе. Мистер Гаунт сказал, что он не тот человек, который тратит время впустую, и Хью хотел, чтобы это было именно так.

Он с нетерпением ожидал этого. Это развеет его скуку.

Он пил, курил и, когда, наконец, свалился на мятые простыни своей низкой кровати, на его лице была улыбка.

3

Рабочий день Вилмы Ежик в универмаге Хэмпфил закончился, когда универмаг закрылся в семь часов. Она подъехала к подъездной дорожке своего дома в семь пятнадцать. Мягкий свет пробивался из-за задернутых шторок на гостиную. Она вошла вовнутрь и принялась. Она ощутила запах макарон и сыра. Ну что ж... не так уж и плохо.

Пит растянулся на тахте, сняв туфли, смотря «Колесо фортуны». Местная газета «Геральд-пресс» лежала у него на коленях.

— Я прочитал твою записку, — сказал он, быстро поднялся и отложил газету в сторону. — Я все сложил в кастрюлю. К семи тридцати будет готово.

Он посмотрел на нее честными и слегка встревоженными карими глазами. Как собака, которая горит желанием угодить. Пит Ежик был рано и хорошо обучен тому, что ему нужно делать по дому. Конечно, у него бывали свои промахи, но это было уже давно, когда она приходила и заставляла его лежащим в обуви на тахте или осмелившимся закурить трубку в доме, и в августе пошел бы снег, если бы он вдруг попробовал не закрыть крышку унитаза, выходя из туалета.

— Ты собрал стирку?

Смешанное выражение замешательства, вины и удивления появилось на его круглом, открытом лице.

— Боже! Я зачитался и забыл. Я сделаю это сейчас. — Он стал нашивать свои туфли.

— Ничего, — произнесла она, направляясь на кухню.

— Вилма, я сам сделаю это!

— Не утруждай себя, — язвительно ответила она. — Я не хочу отрывать тебя от газеты или от телевизора только лишь потому,

что я простояла за кассой целых шесть часов. Лежи, Питер, отдыхай.

Ей не нужно было оборачиваться, чтобы проверить его реакцию; после семи лет семейной жизни она искренне считала, что Питер Майк Ежик не является для нее тайной. Его лицо выражало боль и расстроенность.

Он постоит немного, когда она уйдет, выглядя, как мужчина, только что вышедший из ванны и не могущий даже вспомнить, вытерся ли он; а потом он пойдет накрывать на стол. Он будет задавать ей много вопросов о ее рабочем дне в универмаге, внимательно слушать ее ответы и не прерывать рассказами о своей работе в Вильям-Брауне, в большом агентстве по недвижимости в Оксфорде, где он работал. И это очень устраивало Вилму, так как она находила его работу самым скучным предметом в мире. После ужина он без напоминаний уберет со стола, и ОНА будет читать газету. Он все будет делать сам, потому что он забыл собрать белье.

Она не имела ничего против того, чтобы собрать белье самой — действительно, она очень любила запах белья, которое провело целый счастливый день, подсыхая на солнце, но у нее не было никакого намерения спускать это Питеру с рук. Это был ее маленький секрет.

И таких секретов у нее было множество, и причина им была одна: на войне нужно использовать свои преимущества. Иногда вечером, когда она приходила домой, и сражалась с ним час, а то и два прежде чем принуждала Питера сдаваться полностью, загоняя вглубь его белые флажки своими красными на карте сражений. Сегодня сражение было выиграно раньше, чем за две минуты после ее прихода домой, и это очень нравилось Вилме.

Она верила всей душой, что замужество — самая смертельная схватка длиной в жизнь, такое долгое предприятие, откуда заложникам нет выхода. Ни одна уступка не может быть сделана, ни одна часть семейного ландшафта не оставлена не сожженной, такие легкие победы в конце концов уничтожали вкус победы. Но это время еще не пришло, когда она вышла к бельевым веревкам с корзиной на левой руке, ее сердце пело.

Она прошла половину двора, прежде чем растерянно остановиться. Где же простыни?

Она легко бы увидела их, большие белые прямоугольники, развевающиеся в темноте. Но их нигде не было. Уж не улетели ли они? Нелепо! Сегодня днем был легкий ветерок, но не шторм. Может быть, их кто-нибудь украл?

Затем порыв воздуха пронесся через сад, и она услышала громкие, лениво хлопающие звуки. Хорошо, они были где-то... здесь. Когда ты являешься старшей дочерью крупнейшего католического клана, состоящего из тринадцати детей, ты прекрасно знаешь, как развешанное на веревке белье хлопает на ветру. Но звук этот был какой-то не такой. Он был слишком тяжелым.

Вилма сделала еще один шаг вперед. Ее лицо, всегда такое озабоченное, немного потемнело. Наконец, она смогла увидеть простыни... или то, что должно было быть простынями. Но они были темными.

Она сделала еще один маленький шажок, и ветерок опять пролетел по саду. В этот раз формы хлопнули на нее, постукивая, и прежде чем она успела отдернуть руку, что-то тяжелое и жидкое ударило ее. Что-то липкое забрызгало ей щеки, что-то плотное и мокрое прижалось к ней. Ей показалось, что жидкая клейкая рука попыталась схватить ее.

Она вовсе не была той женщиной, которая визжала при виде мышки, но сейчас она заорала и выронила бельевую корзину. Снова раздались мокрые хлопающие звуки, и она попыталась увернуться от этих предметов, неясно вырисовывающихся перед ней. Она задела лодыжкой плетеную бельевую корзину и упала на одно колено. Только счастливая звезда и молниеносная реакция спасли ее от падения во весь рост.

Тяжелая мокрая вещь пускала слюни ей на спину; густая жидкость стекала с обеих сторон ее шеи. Вилма снова закричала и поползла от веревок на четвереньках. Волосы выбились у нее из-под платка, который она носила повязанным вокруг головы, и шекотали. Она ненавидела это чувство... но даже больше: она ненавидела этот хлопающий звук.

Кухонная дверь распахнулась, и встревоженный голос Пита пронесся по двору:

— Вилма? Вилма, с тобой все в порядке?

Позади ее хрюкало — ужасный звук, похожий на хрип. В соседнем дворе дурацкая собака Хаверхиллов начала истерично завывать — гав! гав! гав! — и это не улучшило ее настроения.

Она поднялась с колен и увидела Пита, осторожно спускающегося по ступеням с крыльца.

— Вилма? Ты упала? Тебе не больно?

— Да! — бешено заорала она. — Да, я упала! Да, со мной все в порядке! Включи, наконец-то, этот проклятый свет!

— Ты сильно ударилась?

— Да включишь ли ты, наконец-то, этот чертов СВЕТ! — свирепо прокричала она и провела руками по пальто. Оно покрылось холодной грязью.

Сейчас она была в таком бешенстве, что ощущала свой собственный пульс, как яркие вспышки света перед глазами... злилась она прежде всего на себя саму за то, что была напугана. Уже во второй раз.

— Гав! Гав! Гав!

Чертова собака в соседнем дворе подтрунивала над ней.

Боже, она ненавидела собак, особенно голосистых.

Фигура Пита растворилась на крыльце. Дверь открыта, его рука скользнула внутрь, и загорелся фонарь, заливая ярким светом весь двор.

Вилма оглядела себя и увидела широкие коричневые полосы, пересекающие ее новое демисезонное пальто. Она вскинула руки и увидела, что они тоже грязные. Теперь она могла чувствовать, как липкие струйки стекают по ее спине.

— Грязь!.. — Она остолбенела от удивления — настолько сильного, что даже не была уверена, что она говорит вслух. Кто мог содейть подобное? Кто посмел сделать это с ней?

— Что ты сказала, дорогая? — спросил Пит.

Он приблизился к ней; но сейчас он предусмотрительно остановился подальше. На лице Вилмы было выражение, которое Питер Ежик находил особенно опасным: было похоже, что у нее под кожей было растревожено целое гнездо змей.

— Грязь! — вопила она, вытягивая руки в его сторону... на него. Коричневые струи стекали с ее пальцев. — Грязь, я сказала грязь!

Пит посмотрел на веревки, окончательно начиная понимать, в чем дело. У него отвисла челюсть. Вилма повернулась в направлении его взгляда. Фонарь, висящий над дверью кухни, освещал бельевые веревки и сад с безжалостной четкостью, освещая все, что должно быть освещено. Простыни, которые она вывесила такими чистыми, теперь свисали с веревок унылыми мокрыми кусками. Они были не просто заляпаны грязью: они были полностью покрыты ею, забро-нированы.

Вилма бросилась в сад и увидела глубокие ямы, откуда набиралась грязь. Она увидела протоптанные во дворе дорожки, по которым злодей ходил к простыням и возвращался за своим грузом.

— Черт побери! — завизжала она.

— Вилма... пойдем, милая, в дом, и я...

Питер замолчал, потом облегченно вздохнул, как будто что-то осенило его. — Я приготовлю чай.

Вилма добралась до самой вершины своего голосового диапазона, а из-за забора залаял пес, гав-гав-гав. О, она так ненавидела собак! Они доводили ее до бешенства, эти проклятые голосистые собаки!

Гнев переполнил ее, и она атаковала простыни, хватала их и бросала на землю. Ее пальцы задели веревку, и она зазвенела, как лопнувшая струна. Простыни, висевшие на ней, падали на мокрую нишу земли. Закатив глаза, как ребенок в истерике, Вилма оступилась и свалилась на груды простыней. Из ее груди вырвался пронзительный крик, она подскочила, размазывая ручейки грязи по чулкам. Это было последней каплей. Она открыла рот и выплеснула свой гнев. О, она найдет того, кто сделал это! Да, обязательно найдет! Уж вы поверьте! А потом она...

— У вас все в порядке, миссис Ежик? — это раздался встревоженный голос миссис Хаверхилл.

— Да, черт побери, мы пьем «стерно» и смотрим телевизор, не могли бы вы заткнуть глотку вашей дурацкой собаке? — стервозно заорала Вилма.

Она поднялась с заляпанных грязью простыней, задыхаясь от злости, мокрые волосы прилипли к пылающему лицу. Она чертовски больно ударилась. Эта собака сводит ее с ума. Проклятая собака...

В голове у нее что-то хлопнуло.

Собаки.

Проклятые голосистые собаки.

Кто живет совсем рядом на Форд-стрит?

Поправка: Какая сумасшедшая с проклятой голосистой собакой по кличке Райдер живет совсем рядом?

Ну, конечно же, Нэтти Кобб, вот кто.

Собака пролаяла всю весну.

Эти щенки так скулят, что вы ощущаете этот звук всей кожей; Вилма позвонила Нэтти и сказала, что если ее собака не заткнется, то она позаботится о том, чтобы собака замолчала.

Через неделю все еще не было никакого улучшения (по крайней мере такого, какое Вилма захотела бы признать), она снова позвонила Нэтти и сказала, что, если она не успокоит собаку, она, Вилма, вызовет полицию. И, когда на следующий вечер этот проклятый щенок снова начал лаять и скулить, она сделала это.

Примерно через неделю после этого Нэтти показалась в универсаме (в отличие от Вилмы, Нэтти была человеком, который сперва прокрутит в уме поступки, обдумает их хорошенько, прежде чем действовать). Она встала в очередь к кассе, за которой сидела Вилма, хотя она и не собиралась ничего купить.

Когда подошла ее очередь, она произнесла слабым голосом:

— Ты перестанешь терроризировать меня и Райдера, Вилма Ежик. Он маленький послушный щенок, и тебе лучше оставить нас в покое.

Вилма, всегда готовая к борьбе, не ожидала нападения на рабочем месте. Но она оживилась.

— Послушай-ка, ты еще не знаешь, что такое проблемы. Но если ты не заставишь заткнуться эту проклятую собаку, то узнаешь, где раки зимуют.

Нэтти Кобб побледнела, но она сдержалась, так сильно зажав в руке сумочку, что проступили жилы. Она сказала:

— Я предупреждаю вас. — А затем поспешила к выходу.

— Ого, кажется, напустила в штаны! — весело прокричала Вилма ей вслед (вкус борьбы всегда приводил ее в хорошее расположение духа), но Нэтти даже не обернулась, только еще быстрее побежала к выходу.

После этого собака умолкла. Это даже разочаровало Вилму, потому что эта весна была довольно-таки скучная. Пит не подавал никаких признаков восстания, заканчивалась сырая зима, а прозрачная зелень деревьев только еще больше подчеркивала подавленное состояние души Вилмы. Что ей действительно было необходимо, чтобы добавить красок остроты в ее жизнь, так это небольшой скандалчик. Сначала ей даже показалось, что сумасшедшая Нэтти Кобб с успехом заполнит пустоту, но с собакой, не нарушающей тишины, Вилме пришлось подыскать другой объект для нападков.

Но однажды милейшим вечером собака снова залаяла. Щенок только гавкнул пару раз, но Вилма поспешила к телефону и позвонила Нэтти, она даже пометила ее телефонный номер в телефонном справочнике на тот случай, если подвернется подходящая возможность.

Она не стала терять время на всякие любезности, а начала с места в карьер.

— Говорит Вилма Ежик, дорогая. Я звоню для того, чтобы сказать вам, что если вы не заткнете пасть своей собаки, то я сделаю это сама.

— Он уже замолчал! — выкрикнула Нэтти. — Я забрала его в дом, как только услышала. Оставьте меня и Райдера в покое! Я

предупреждаю Вас! Если вы не отстанете от нас, то очень об этом пожалеете!

— Просто помни, о чем я тебе сказала, — ответила ей Вилма. — Я долго терпела. В следующий раз, как только он начнет лаять, я не буду надоедать полиции. Я приду сама и перережу его проклятое горло. — Она повесила трубку прежде чем Нэтти смогла ответить. Главным правилом в боевых операциях с врагом (родственниками, соседями, друзьями) было то, что за нападающим должно было остаться последнее слово.

После этого собака больше не лаяла. Ну, может быть, она и подавала голос, но Вилма, по крайней мере, этого не слышала, да и не так уж она ей мешала, по правде говоря, и, кроме того, у Вилмы была более интересная стычка с женщиной, держащей «Салон красоты» в Кастл Роке. Вилма почти забыла о Райдере и Нэтти.

Но, может быть, Нэтти не забыла о ней. Вилма как раз вчера встретилась с Нэтти в новом магазине. И если взглядом можно было убить, подумала Вилма, я давно бы уже лежала на полу мертвая.

Стоя рядом с грязными, изничтоженными простынями, она вспомнила взгляд ненависти и страха, искажавший лицо этой суки, как скривились ее губы, приоткрывая на какое-то мгновение зубы. Вилме очень хорошо была знакома гримаса ненависти, и именно ее она распознала вчера на лице Нэтти.

Я предупредила Вас... вы пожалеете.

— Вилма, пойдем в дом, — сказал Пит. Он заботливо обнял ее за плечи.

Она сбросила его руку:

— Оставь меня в покое.

Пит на шаг отступил назад. Казалось, что он хотел пожать кому-то руку, но не осмеливался.

Может быть, она тоже забыла, подумала Вилма. По крайней мере, до вчерашней встречи в магазине. А может быть, она задумала это заранее

(Я предупредила Вас).

своими поехавшими мозгами, а эта встреча решила все дело.

В последнюю секунду она стала совершенно уверенной, что Нэтти была единственной, кто точил на нее зуб последние несколько дней. В городе было достаточно людей, которые не любили ее, но шутку подобного рода, коварную и безумную, могла сотворить только Нэтти; она так взглянула на нее вчера. Это безумный взгляд страха

(вы пожалеете)

и ненависти. Она сама напоминала собаку, достаточно храбрую, чтобы укусить жертву, как только та повернется к ней спиной.

Да, но конечно же, это Нэтти Кобб.

Чем больше Вилма думала об этом, тем увереннее она становилась. И действие было непростительным. Не потому, что она испортила простыни. И не потому, что это была подлая шутка. И даже не потому, что это был поступок человека со свихнутыми мозгами.

Это было непростительно, потому что Вилма испугалась.

Правда, только на мгновение, когда мокрые коричневые предметы хлопали в темноте ей на лицо, обдавая ее холодным, как рука какого-то монстра... но даже одной-единственной секунды страха было больше, чем достаточно.

— Вилма, — произнес Пит, и она повернула к нему свое плоское лицо. Ему не понравилось выражение лица, освещаемого фонарем: мокрое, покрытое разводами грязи. Ему не понравился огонь бешенства в ее глазах.

— Милая! С тобой все в порядке?

Она прошагала мимо, абсолютно не обращая на него внимания. Пит затрусил за ней, когда она вошла в дом... к телефону.

4

Нэтти сидела в гостиной с Райдером на коленях и новым абажуром из флорентийского стекла, когда раздался телефонный звонок. Было без двадцати восемь. Она подскочила и плотнее прижалась к себе абажур, глядя на телефон со страхом и недоверием. У нее появилась внезапная уверенность — глупо, конечно, но она никак не могла себя отучить от чувства, что это было какое-то Должностное Лицо, звонившее ей, чтобы сообщить, что она должна вернуть абажур, что он принадлежит кому-то еще, что такая великолепная вещь просто никак не может оказаться в ее собственности, что даже сама мысль об этом выглядит смешной.

Райдер поднял морду, как будто спрашивал, собирается она отвечать или нет, затем снова положил морду на лапы.

Нэтти аккуратно отставила абажур в сторону и взяла трубку. Возможно, что ей просто звонит Полли, чтобы узнать, смогла ли она что-нибудь купить на обед в универмаге вчера утром по дороге на работу.

— Алло, резиденция Кобб, — сухо произнесла она. Всю свою жизнь она боялась какого-нибудь Должностного Лица, и она считала, что лучшим способом побороть такой страх было самой разговаривать, как какое-то Должностное Лицо. Это не развеивало страх, но, по крайней мере, держало его в рамках.

— Я знаю, что ты сделала, ты, сумасшедшая сука! — заорал на нее голос. Это было так неожиданно, как айсберг для корабля.

Дыхание застряло у нее в горле, либо в ужасе застыло, а сердце пыталось выскочить из груди. Райдер вопросительно взглянул на нее.

— Кто... Кто...

— Ты прекрасно знаешь, кто, — сказал голос и, конечно, Нэтти знала. Это была Вилма Ежик. Это была дьяволица, проклятая женщина.

— Он не лаял! — голос Нэтти был пронзительным, тонким, визжащим, как у человека, только что опустившим баллончик с гелием. — Он уже совсем вырос и теперь не лает! Он сидит у моих ног!

— Ты хорошо провела время, швыряясь грязью в мои простыни, ты, отродье? — Вилма задыхалась от гнева. — Эта сумасшедшая притворяется, что речь все еще идет о собаке.

— Простыни? Какие простыни? Я... Я... — Нэтти посмотрела на флорентийское стекло, как будто набиралась от него силы. — Оставь меня в покое! Это ты сумасшедшая, а не я!

— Я собираюсь проучить тебя за это. Никто не приходил в мой двор и швырял грязью в мое белье, когда меня нет дома. Никто. НИКТО! Понятно? Это доходит до твоих сдвинутых мозгов? Ты не будешь знать, где и когда и как, но я... собираюсь... ПРОУЧИТЬ тебя. Ты понимаешь?

Нэтти плотно прижала к уху трубку. Ее лицо смертельно побледнело. Зубы были плотно сжаты, а щеки вздулись и опали, как будто она перегоняла маленький шарик.

— Оставь меня в покое или ты пожалеешь, — завопила она своим тоненьким голоском. Райдер теперь стоял, наострив уши, глаза его тревожно сверкали. Он чувствовал тревогу в комнате. И громко залаял. Нэтти его даже не услышала. — Ты пожалеешь! Я... Я знаю людей! Людей при власти! Я знаю их очень хорошо! Это не пройдет тебе даром!

Медленно произнося слова голосом, который был таким низким и угрожающим, Вилма сказала:

— Пусть меня раздерут на части, если это не самая крупная ошибка в твоей жизни. — За этим последовал гудок.

— Ты не посмеешь, — завопила Нэтти. Слезы катились по ее щекам, слезы ужаса и бессильного гнева. — Ты не посмеешь, ты, дрянь! Я... Я...

Послышался еще один гудок. За ним последовали гудки телефонной линии.

Нэтти повесила трубку и застыла в немом молчании на стуле почти на три минуты, уставившись в пространство. Затем она начала рыдать. Райдер снова залаял и положил лапы на краешек ее стула. Нэтти склонилась к нему и зарылась в его мех. Райдер лизнул ее щеки.

— Я не позволю обидеть тебя, Райдер, — сказала она.

Она вдыхала чистое тепло, исходявшее от собаки, пытаясь найти в этом успокоение.

— Я не позволю этой дрянной, дрянной женщине обидеть тебя. Она вовсе не Должностное Лицо. Она просто дрянь, и если она попытается обидеть тебя... или меня... она пожалеет.

Наконец она распрямилась, отыскала платочек и промокнула глаза. Она была измучена... но она чувствовала, как в ней закипает гнев. То же самое она чувствовала перед тем, как воткнуть вилку в горло мужа.

Она сняла абажур из флорентийского стекла со стола и нежно обняла его.

— Если она заметит что-нибудь, то она пожалеет, сильно пожалеет, — сказала Нэтти.

Она так и сидела с Райдером у ее ног и абажуром на коленях долго, очень долго.

Норрис Риджвик медленно ехал в патрульной машине вниз по Мэйн-стрит, оглядывая здание на западной стороне улицы. Его смена должна была скоро закончиться, и он был рад этому. Он вспоминал, что у него было хорошее настроение сегодня утром до того, как этот гудок напал на него; вспоминал себя, стоящим перед зеркалом в туалете, поправляющим кепку и с удовлетворением думающим, что он выглядит, как Громила. Он мог вспомнить это, но память была расплывчатая и туманная, как старая фотография 19-го века. С того момента, когда Китон схватил его, все смешалось у него в голове.

Он позавтракал в «Вечернем Куд-Кудахе» на 119-й дороге цыпленком. Обычно еда была там очень вкусной, но в этот раз у него случилось несварение желудка, да еще проколол шину. Около трех часов он наскочил на гвоздь рядом со старым домом Калеберов, и ему пришлось заменять шину. Он вытер руки о перед свежей, только что выстиранной форменной рубашки, не думая о том, что он делает, желая только одного: вытереть пальцы, чтобы ему было удобнее закручивать болты; он оставил четыре грязных блестящих полосы. Пока он растерянно разглядывал их, в животе у него снова заурчало, и ему пришлось поспешить в кусты. Забавно было смотреть на эту спешку, с которой он пытался стянуть штаны, чтобы не напустить в них. Это состязание Норрис выиграл... но ему не нравился вид этих маленьких кустиков, которые он выбрал для своей цели. Возможно, это было убийственным итогом этого сумасшедшего дня.

Норрис медленно проезжал мимо зданий центрального района городка: «Норвежский банк», «Западные авто», «Завтраки Нэни», Черная дыра на месте, где когда-то стоял дворец «Шьем для всех», «Необходимые вещи»...

Норрис резко нажал на тормоз и остановился. Он заметил что-то поражающее в витрине «Необходимых вещей».

Вещи или воспоминания.

Он заглянул в зеркало обзора, но Мэйн-стрит была пустынна. Светофор в дальнем конце Делового квартала внезапно погас и оставался темным несколько секунд, пока внутри переключались реле. Затем загорелся желтый свет и начал вспыхивать и гаснуть. Уже девять часов.

Норрис снова огляделся и выглянул из машины. Он посмотрел на радио, хотел набрать: «10-22». Полицейский покинул машину, но потом передумал. Он собирался только взглянуть на витрину. Он увеличил громкость радио и подъехал поближе к окну, прежде чем выйти наружу.

Ты не видел того, о чем ты подумал, убеждал он сам себя. Одергивая брюки, переходя через тротуар. Невозможно. Сегодня день разочарований, а не открытий. Это просто чья-то старая удочка «Зebro» и катушка.

Но нет. Рыболовная удочка в витрине «Необходимых вещей», выставленная среди других предметов, определенно не могла быть фирмы «Зebro». Она была фирмы «Базун». Он не видел такую со дня смерти своего отца — шестнадцать лет назад. Тогда Норрису

было четырнадцать лет и ему нравился «Базун» по двум причинам: за то, чем она была, и за то, что стояло за ней.

Чем она была? Просто самой лучшей рыболовной удочкой в мире, вот и все.

Что стояло за ней? Хорошие времена. Все так просто. Хорошие времена, которые хуленый мальчишка по имени Норрис Риджвик проводил со своим стариком. Хорошее время, когда они пробрались через деревья к какому-нибудь ручейку на окраину городишки, хорошее время, проведенное в их лодчонке посредине Кастл озера, когда все вокруг было белым от тумана, поднимающегося небольшими колоннами от озера и отгораживающего их в собственном маленьком мирке. Мирке, созданном только для приятелей. В каком-то другом мире мамы скоро начнут готовить завтрак, и это тоже был хороший мир, но он не мог, конечно же, сравниться с этим. Ни один другой мир не мог быть таким прекрасным до него или после.

После инфаркта отца удочка «Базун» и катушка исчезли. Он помнит свои поиски в гараже после похорон. Он искал на чердаке и даже в камерке маминной и папиной спальни. (Хотя он знал, что его мама скорее позволила бы Генриху Риджвику хранить там слона, чем удочку), но она исчезла. Норрис всегда подозревал дядю Фила. Несколько раз он набирался мужества, чтобы спросить, но каждый раз, когда наступал решающий момент, он отступал.

Сейчас, разглядывая удочку и катушку, которые могли быть именно теми, он позабыл о Пирате Китоне первый раз за весь день. Его переполняли воспоминания: его отец сидит на корме, ящичек с принадлежностями между ног, передавая «Базун» Норрису, чтобы налить себе чашечку кофе из большого красного термоса. Он даже мог ощутить запах кофе, горячий и приятный, он мог почувствовать запах отцовского одеколона «Южный джентльмен».

Внезапно застарелая боль разлилась по всему его существу, и он страстно захотел увидеть отца. После всех этих лет старая боль скрутила его, такая же сильная, как в тот день, когда мать вернулась домой из больницы, взяла его за руки и сказала:

— Теперь нам нужно мужаться, Норрис.

Лампочка в витрине ярко поблескивала на металле катушки, и вся старая любовь, потемневшая от времени, снова обрушилась на него золотым потоком. Норрис смотрел на удочку и думал о запахе кофе, идущего от большого красного термоса с красными полосами, и о спокойствии широкого озера. В мыслях он снова ощущал в руках поверхность удилища и медленно поднял руку к глазам.

— Офицер? — спросил спокойный голос.

Норрис вскрикнул и отскочил от витрины. Ему даже показалось, что он сейчас напустит в штаны — замечательный конец чудесного дня. Затем спазм прошел, и он оглянулся. В дверях магазина стоял высокий мужчина в твидовом пиджаке, с улыбкой смотря на него.

— Я вас напугал? — спросил он. — Я очень сожалею.

— Нет, — сказал Норрис и даже попытался сам улыбнуться. Его сердце бешено колотилось.

— Ну... разве что чуть-чуть. Я разглядывал эту удочку и вспоминал ушедшие дни.

— Она прибыла только сегодня, — ответил мужчина. — Она старая, но в очень хорошем состоянии. Вы знаете, это «Базун». Не очень распространенная, но хорошо известная среди серьезных рыболовов.

— Это японская, — произнес Норрис. — Я узнаю. Мой отец пользовался именно такой.

— Неужели? — мужчина расплылся в улыбке. Обнажившиеся зубы были кривыми, но Норрис все равно нашел его улыбку приятной. — Это совпадение, не так ли?

— Конечно, — согласился Норрис.

— Меня зовут Лиленд Гаунт. Это мой магазин. — Он указал рукой.

Минутное отвращение содрогнуло Норриса, как будто эти длинные пальцы схватили его руку. Рукопожатие Гаунта длилось секунду, но как только оно закончилось чувство неприязни прошло. Норрис отнес его за счет своего желудка, все еще переваривающего завтрак.

— Я могу продать вам удочку по очень низкой цене, — произнес мистер Гаунт. — Почему бы вам не зайти, помощник Риджвик? Мы сможем это обсудить.

Норрис немного подумал. Он не называл имени этому старому ворону, он был уверен в этом. Он открыл рот, чтобы спросить, откуда он знает, а потом закрыл. Он носил маленькую табличку со своим именем сверху нагрудного знака. Ну, конечно же, он прочитал ее.

— Вообще-то я не могу, — сказал он и ткнул пальцем через плечо на патрульную машину. Он слышал работающее радио, хотя оно не издавало ни звука: у него не было вызовов. — Я на дежурстве. С девяти я уже свободен, но пока я нахожусь в машине.

— Это займет лишь минуту, — лъстиво произнес мистер Гаунт. Его глаза весело разглядывали Норриса. — Когда я решаю иметь дело с человеком, помощник Риджвик, я не теряю времени даром. Особенно, когда такой человек охраняет бизнес по ночам.

Норрис хотел сказать Гаунту, что девять часов вечера трудно назвать ночью и что защита личного имущества граждан в таком маленьком сонном городишке, как Кастл Рок, вряд ли можно назвать делом особой трудности. Затем он снова взглянул на удочку и катушку, и его старая печаль, удивительно сильная и новая, прокатилась по нему. Он подумал о походе на озеро с такой удочкой в выходные дни с баночкой червей и большим термосом свежего кофе «От Нэни». Будет похоже, что он снова вместе со стариком.

— Ладно...

— О, входите, — пригласил Гаунт. — Если я смогу продать что-нибудь после закрытия, то и вы сможете сделать маленькую покупку, находясь на дежурстве. И потом, помощник Риджвик, я не думаю, что кто-то собирается ограбить банк сегодня вечером.

Норрис взглянул на банк, освещаемый вспышками желтого света, и рассмеялся.

— Я тоже сомневаюсь.

— Ну что?

— Хорошо, — сказал Норрис. — Но мы не сможем заключить сделку за пару минут. Мне придется пойти на компромисс.

Лиленд Гаунт стонал и смеялся одновременно.

— Кажется, что я слышу мягкий звук моих выворачиваемых карманов, — сказал он. — Пройдемте, помощник Риджвик, — это займет у нас пару минут.

— Решительно, мне бы очень хотелось купить именно эту удочку, — признался Норрис. Это было плохим началом торговли, и он знал об этом, но не смог удержаться.

— Вот вы и сделаете это, — ответил мистер Гаунт. — Я собираюсь предложить вам самую лучшую в вашей жизни сделку, помощник Риджвик.

Он впустил Норриса внутрь и закрыл за ним дверь.

Глава 6

1

Вилма Ежик не так хорошо знала своего мужа, как думала.

В четверг вечером, ложась спать, первым делом, которое она планировала совершить в пятницу утром, было пойти домой к Нэтти Кобб и Позаботиться обо Всем. Ее частые ссоры иногда просто развеивались, как туман, но в данном случае она не могла оставить это просто так, именно Вилма была тем человеком, который выбирал место состязания и оружие. Первым правилом ее боевого стиля жизни было Всегда оставлять за собой последнее слово. Вторым было: Всегда нападать первой. Это нападение первой было именно тем, что она называла Позаботиться обо Всем, и она рассчитывала разобраться с Нэтти побыстрее. Она сказала Питеру, что она просто хочет проверить, сколько раз ей нужно будет повернуть голову сумасшедшей суке, прежде чем она оторвется от тела.

Она ожидала, что проведет большую часть ночи без сна, туго натянутая, как тетива лука; так случалось уже не раз. Но вместо этого она провалилась в сон меньше, чем через десять минут после того, как она легла, а когда она проснулась, то чувствовала себя посвежевшей и удивительно спокойной. Сидя на кухне за кухонным столом, в халате, в пятницу утром, она решила, что было еще слишком рано заботиться о вещах. Она до смерти напугала Нэтти по телефону вчера вечером; находясь в состоянии такого сумасшествия, она все же не упустила шанса сделать это. Только совершенно бесчувственный человек мог оставить все, как есть.

Почему бы просто не позволить Мисс Умственная Болезнь-91 еще немного пожить на этом свете. Позволить ей проводить бессонные ночи, раздумывая, в каком направлении и на что упадет Гнев Вилмы. Сделать несколько наступлений, возможно, еще несколько телефонных звонков. Когда она отхлебывала кофе (Пит сидел за столом напротив нее, боязливо наблюдая за ней поверх газеты), ей показалось, что, если Нэтти действительно свихнулась умом, как говорят все, ей, может быть, вовсе не придется заботиться о вещах.

Это могла быть одна из тех редких okazji, когда Вещи Сами Позаботятся о Себе. Эта мысль показалась ей такой ободряющей, что она даже позволила Питеру поцеловать себя, когда он забирал свой дипломат и собирался выходить на работу.

Мысль о том, что этот испуганный мышонок — ее муж, может подмешивать успокаивающие таблетки ей в питье, никогда не приходила Вилме в голову. Но тем не менее это было именно то, что Питер Ежик сделал и даже не в первый раз.

Вилма знала, что она может обвести своего мужа вокруг пальца, но она даже не догадывалась, что он может сделать то же самое с ней. Он не просто жил в вечном страхе перед ней, он жил в благоговейном страхе, как живут туземцы где-нибудь в тропиках, страшась и благоговей перед Великой Горой Бога-Громовержца, который мог спокойно размышлять и раздумывать над их солнечными жизнями в течение многих лет и даже поколений, прежде чем внезапно извергнуться в убийственной тираде горящей лавы.

Такие туземцы, реальные или гипотетические, несомненно, имели свои собственные ритуалы, чтобы умиротворить это грозное божество. Возможно, это и не очень помогало, когда гора просыпалась и взрывалась потоками огня и гнева на их деревни, но все-таки это действовало ободряюще на состояние их ума, когда гора была спокойной. У Питера Ежика не было никаких ритуалов, при помощи которых он мог бы творить богослужения Вилме; он использовал более прозаические средства. Успокаивающие таблетки вместо богослужения, например.

Он записался на прием к Рэю Ван Аллену — единственному семейному врачу Кастл Рока и сказал ему, что он нуждается в каком-нибудь средстве, которое поможет снять чувство беспокойства. У него очень напряженный график рабочего дня, сказал он Рэю, и когда его поручения увеличиваются, все труднее и труднее становится для него не думать о проблемах, связанных с работой. И в конце концов он решил, что пришло именно то время, когда ему необходимо проконсультироваться с доктором насчет какого-нибудь средства, которое поможет смягчить углы.

Рэй Ван Аллен ничего не знал о настоящем раскладе дел, но он прекрасно представлял себе, на что может быть похожа жизнь с Вилмой. Он считал, что Пит Ежик был бы менее встревожен, если бы он никогда не покидал свой офис, но конечно это было не его дело. Он выписал ксанакс по рецепту и пожелал Питеру счастья и удачи. Он верил, что если Питер собирается и дальше идти по жизненной дороге в паре с таким чудовищем, ему очень понадобится и то и другое. Пит пользовался ксанаксом, но не злоупотреблял им, так же он не рассказал об этом Вилме — она могла бы закатить ему скандал, если бы узнала, что он УПОТРЕБЛЯЕТ НАРКОТИКИ. Он аккуратно спрятал рецепт в дипломат, хранящий бумаги, совершенно не интересующие Вилму. Он принимал 5 или 6 таблеток в месяц, большинство из них в дни перед началом приступов бешенства у Вилмы.

Затем, прошлым летом, у Вилмы была война с Генриеттой Лонгмен, владелицей Салона Красоты на Кастл Хилл. Поводом стала испорченная химия. Между ними произошла перепалка, а

затем они продолжили на следующий день в универмаге, а через неделю орали друг на друга на Мэйн-стрит. И все это вылилось в очень крупную ссору.

После этого Вилма металась по дому, как львица в клетке, ругаясь и крича, что она проучит эту суку и что она собирается уложить ее в больницу.

— Ей самой понадобится «Салон Красоты», — выдавливала Вилма сквозь плотно сжатые зубы. — Я с ней рассчитаюсь. Я пойду туда завтра. Я Пойду туда и Позабочусь Обо Всем.

Пит с растущей тревогой понял, что это не просто разговоры; Вилма действительно собиралась сделать это. И только Богу было известно, какую дикую штуку она могла выкинуть. Он увидел Вилму, запикивающую голову Генриетты в чан с едкой жидкостью, которая сделает женщину такой же лысой, как Шиннед О'Коннер на всю оставшуюся жизнь.

Он надеялся, что за ночь гнев, возможно, уляжется, но когда Вилма проснулась следующим утром, она была даже еще злее. Он думал, что такое невозможно, но так оно и было. Темные круги под глазами говорили о бессонно проведенной ночи.

— Вилма, — тихо сказал он, — мне кажется это не очень хорошая идея идти в Салон Красоты сегодня. Я уверен, что если ты обдумаешь это...

— Я обдумала все прошлой ночью, — ответила Вилма, обжигая его пугающим взглядом, — и я решила, что, когда я покончу с ней, она больше никогда не сможет сжечь корни еще чьих-нибудь волос. Но, когда я разберусь с ней, ей будет нужна собака поводырь, чтобы найти дорогу в туалет, а если ты будешь мешать мне, Пит, вы оба можете купить своих чертовых собак, чтобы они присматривали за вами.

В отчаяние, даже не веря, что это сможет помочь, но не в состоянии придумать что-нибудь еще, чтобы предотвратить приближающуюся катастрофу, Пит Ёжик вытащил флакончик из внутреннего кармана своего дипломата и подмешал таблетку ксанакса Вилме в кофе. И ушел на работу.

Это было первое причастие.

Целый день он провел в агонии и пришел домой, ужасаясь от мысли, что он может увидеть там (перед его взором постоянно возникали картины мертвой Генриетты Лонгмен и Вилмы в тюрьме). Он очень обрадовался, когда увидел мурлыкающую что-то себе под нос Вилму на кухне.

Пит глубоко вздохнул, убрал эмоциональный щит и спросил, что случилось с миссис Лонгмен.

— Она не открывает Салон до обеда, а к этому времени я уже не чувствовала такой злости, — сказала Вилма. — Но я все-таки пошла туда, чтобы разобраться с ней — я же пообещала себе сделать это. И ты знаешь, она предложила мне стаканчик шерри и сказала, что она хочет вернуть мне мои деньги!

— Ха! Великолепно! — радостно произнес Пит... Вот так и закончилось дело Генриетты. Несколько дней он провел в ожидании, что гнев Вилмы вернется, но он не вернулся, по крайней мере, не был нацелен в этом направлении.

Он хотел посоветовать Вилме пойти к доктору Ван Аллену и взять у него рецепт на транквилизаторы, но после длительного размышления отбросил эту идею. Вилма сотрет его в порошок, если он предложит ей УПОТРЕБЛЯТЬ НАРКОТИКИ. УПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИКОВ было для дураков, и транквилизаторы для слабонервных придурков. Она может противостоять жизни с открытыми глазами, благодарю покорно. И, кроме того, подытожил Пит, истина была такова: Вилма любила быть сумасшедшей. Вилма в ярости была настоящей Вилмой, Вилмой, вдохновленной высокими целями, и он любил ее — также, как туземцы того гипотетического тропического острова, несомненно, любят свою Великую Гору-Громовержца. Его страхи только укрепляли любовь; она была ВИЛМОЙ, силой, и он пытался отклонить ее с собственной орбиты только тогда, когда боялся, что она может повредить себе... а значит и ему.

Он подмешивал ей ксанакс только три раза. Третий — и самый ужасный — был Вечер Грязных Простыней. Он все-таки уговорил ее выпить чашечку чая, а когда она согласилась, наконец-то (после краткого, но удовлетворительного диалога с Сумасшедшей Нэтти Кобб), он сделал ей крепкий чай и кинул туда не одну, а две таблетки ксанакса. Он немного успокоился, когда увидел ее на следующее утро.

Это были те вещи, о которых Вилма Ежик, уверенная в своей власти над разумом мужа, не знала; и это было то, что удержало Вилму от того, чтобы заехать на ягуаре прямо в дом Нэтти и обезглавить ее (или попытаться) в пятницу утром.

2

Не то, чтобы Вилма забыла о Нэтти или простила ей, или засомневалась в том, кто же в действительности совершил акт вандализма по отношению к ее простыням; никакие таблетки на свете не могли сделать этого.

Как только Пит ушел на работу, Вилма села в машину и медленно поехала вниз по Виллоу-стрит. Она повернула направо на Форд-стрит и проехала на очень медленной скорости мимо аккуратенького маленького домика Нэтти Кобб. Ей показалось, что одна из занавесок дрогнула, и это было хорошее начало, но только начало.

Она объехала квартал вокруг (минуя дом Раска на Понд-стрит, даже не взглянув), мимо своего собственного дома на Виллоу и на Форд-стрит еще раз. Теперь она дважды нажала на сигнал ягуара, приближаясь к дому Нэтти, и затем остановилась на секунду.

Занавеска снова вздрогнула. Ошибки быть не могло. Женщина смотрела на нее. Вилма подумала о ней, спрятавшейся за занавеской, виновато дрожащей от страха, и наслаждалась представлением об этом даже больше, чем тем, которое стояло перед ее глазами, когда она ложилась спать, тем, где она пыталась оторвать этой сумасшедшей суке голову, как в фильме «Экзарсист».

— Ку-ку, я тебя вижу, — зловеще произнесла она, когда занавеска задернулась. — Не думай, что я не могу.

Она еще раз объехала квартал и остановилась возле дома Нэтти во второй раз, нажимая на сигнал, чтобы отметить свой приезд. В этот раз она простояла почти 5 минут; занавески дернулись дважды, а потом, удовлетворенная, она уехала.

Дурочка проведет остаток дня, высматривая меня, подумала она, останавливая машину на подъездной дорожке около своего дома. Она побоится даже нос высунуть.

Вилма вошла внутрь с легким сердцем и плюхнулась на диван, рассматривая каталог. Вскоре она весело заказывала три комплекта новых простыней — белые, желтые и голубые.

3

Райдер сидел на ковре, посреди гостиной и смотрел на хозяйку. Потом он тяжело вздохнул, как будто бы напоминая Нэтти, что рабочий день уже начался, а она итак опаздывает на полчаса. Сегодня она собиралась пропылесосить комнаты на втором этаже у Полли, и должен был прийти мужчина из телефонной компании с новыми аппаратами, у которых были большие отверстия на диске. Предполагалось, что они более удобные в употреблении для людей с артритом, как у Полли.

Но как она могла выйти?

Эта сумасшедшая полячка была где-то рядом, разъезжая на своем маленьком автомобиле. Нэтти сидела в кресле, держа абажур на коленях. Она держала его на коленях с того самого момента, как сумасшедшая полячка проехала мимо ее дома в первый раз. Затем она вернулась, останавливаясь и нажимая на гудок. Когда она уехала, Нэтти подумала, что это уже все — женщина вернулась в третий раз. Нэтти была уверена, что ненормальная полячка попытается войти. Она села на стул, прижимая к себе одной рукой абажур, а другой Райдера, раздумывая о том, что ей делать, если ненормальная полячка попытается — как ей защитить себя. Она не знала.

В конце концов она насобираала достаточно мужества, чтобы еще раз выглянуть из окна; сумасшедшая полячка уже уехала. Первое чувство облегчения сменилось страхом. Она боялась, что эта ненормальная разъезжает по улицам, ожидая, когда Нэтти выйдет из дома, но еще больше она боялась, что сумасшедшая полячка придет сюда после ее ухода.

Что она может ворваться внутрь, увидеть ее прекрасный абажур и разбить его на тысячи маленьких осколков.

Райдер снова заскулил.

— Я знаю, — сказала она голосом, напоминающим стон. — Я знаю.

Ей нужно было уходить, она отвечала за многое и она знала, кому она обязана. Полли Чалмерс была так добра к ней и именно Полли написала рекомендацию, которая дала ей возможность обратиться из больницы для душевнобольных, и именно Полли подписала заемный кредит в банке для покупки дома. И если бы не Полли, чей отец был лучшим другом ее отца, она до сих пор бы снимала комнату по ту сторону Медного моста.

Но что, если она уйдет, а сумасшедшая полячка вернется?

Райдер не сможет защитить абажур, он был храброй, но всего лишь маленькой собакой. Ненормальная полячка может убить его, если он попытается остановить ее. Нэтти почувствовала, что ее мозги, решающие эту ужасную дилемму, поехали. Она снова застонала.

И внезапно, как бы смилостивившись, ей в голову пришла мысль.

Она встала, все еще баюкая абажур на руках, перешла в гостиную, затененную опущенными шторами. Она прошла через кухню и открыла дверь в дальнем углу. Там был сарай, примыкающий к одной из стен дома. Тени от поленницы и других предметов, хранящихся здесь, расплывались в темноте. Единственная лампочка свисала с потолка. Здесь не было никакого выключателя; что бы она загорелась, приходилось просто ввинчивать ее в патрон. Она потянулась к лампе... потом засомневалась, если эта ненормальная полячка затаится во дворе, она сразу увидит свет. А если она увидит свет, она будет точно знать, где искать нэттин абажур из флорентийского стекла.

— О нет, так легко ты меня не получишь, — сказала она, сдерживая дыхание. — О нет, Вилма Ежик, я не тупица, ты знаешь. Я предупреждала тебя об этом.

Прижав абажур к животу левой рукой, правой Нэтти пыталась сгрести паутину с единственного окна сарая. Затем она выглянула во двор; ее взгляд перебежал от одного пятна к другому. Она оставалась в таком положении почти минуту, во дворе не было никакого движения, и на секунду ей показалось, что она видит ненормальную полячку, затаившуюся в дальнем левом углу двора, но более пристальное разглядывание показало, что это только тень от дуба. Нижние ветки перевешивались из соседнего двора. Они слегка шевелились на ветру и именно поэтому их тень напомнила на какое-то мгновение сумасшедшую женщину (чтобы быть совсем уж точной, сумасшедшую полячку).

Райдер заскулил позади нее. Она оглянулась и увидела его стоящим в дверном проеме — черный силуэт с поднятой головой.

— Я знаю, — сказала она. — Я знаю, мальчик, но мы собираемся провести ее. Она думает, что я глупая. Но я смогу обвести ее вокруг пальца.

Ее глаза привыкли к сумраку, и она решила, что нет вовсе никакой необходимости вкручивать лампочку. Она поднялась на цыпочки и долго нащупывала ключ на дверной притолоке, пока пальцы, наконец-то, не наткнулись на ключ, который закрывал и открывал большой буфет, стоящий слева. Ключ, открывающий выдвижные ящики, давным-давно потерялся, но ничего страшного — Нэтти нашла то, что искала.

Нэтти открыла дверцы буфета и поместила абажур из флорентийского стекла внутри, между пыльными коробками и мышеловками.

— Он заслуживает находиться в лучшем месте, и я знаю это, — мягко сказала она Райдеру. — Но здесь он в безопасности, а это очень важно.

Она вставила ключ в замочную скважину, повернула его, затем подергала дверцы. Они были плотно закрыты, очень плотно, и сразу же она почувствовала, как огромный камень свалился с ее души. Она снова подергала дверцу шкафа и кинула ключ в карман халата. Когда она пойдет домой к Полли, она повесит его на шнурок на шею. Она сделает это в первую очередь.

— Ко мне, — сказала она Райдеру, завивавшему хвостом.

Возможно, он почувствовал, что кризис миновал.

— Я позаботилась о нем, малыш, а теперь я должна идти на работу! Я опаздываю!

Когда она надевала пальто, телефон начал звонить. Нэтти сделала к нему два шага и остановилась.

Райдер сердито гавкнул и посмотрел на нее. Неужели ты не знаешь, что ты должна делать, когда звонит телефон, спрашивал он глазами. Даже я знаю это, а я всего лишь собака.

— Я не хочу, — произнесла Нэтти.

— Я знаю, что ты сделала, ты, сука ненормальная, я знаю, что ты сделала и я... собираюсь... **РАЗДЕЛАТЬСЯ С ТОБОЙ!**

— Я не хочу брать трубку. Я иду на работу. Это она сумасшедшая, а не я. Я ничего ей не сделала! Абсолютно ничего!

— Гав! — подтвердил Райдер.

Телефон перестал звонить.

Нэтти слегка расслабилась, но ее сердце все еще сильно билось в груди.

— Ты хороший мальчик, — сказала Нэтти, потрепав его по спине.

— Я приду поздно, потому что я поздно ухожу. Но я люблю тебя, и если ты будешь помнить об этом, ты будешь умничкой весь день.

Это был прощальный ритуал, так хорошо знакомый Райдеру, и он завивал хвостом. Нэтти открыла дверь и огляделась по сторонам, прежде чем выйти. Она чуть не потеряла сознание, когда увидела ярко-желтую вспышку, но это была не машина сумасшедшей полячки. Просто какой-то мальчик оставил свой велосипед на подъездной дорожке.

Нэтти закрыла за собой дверь, обошла вокруг дома, чтобы удостовериться, закрыта ли дверь сарая. Она была закрыта. Она направилась к дому Полли, сумочка висела у нее на руке, а глазами она отыскивала машину ненормальной полячки (она пыталась решить, что ей делать, если она увидит ее: спрятаться ли ей за забор или просто замереть на месте). Она уже была в конце квартала, когда вспомнила, что не проверила так тщательно, как должна была, входную дверь. Она растерянно посмотрела на часы и вернулась. Она проверила входную дверь. Дверь была плотно закрыта. Нэтти вздохнула с облегчением и решила, что ей необходимо проверить замок на двери дровяного сарая тоже.

— Береженного и бог бережет, — пробормотала она и пошла в обход дома.

Ее рука замерзла, пока она дергала дверную ручку дровяного сарая.

В доме снова звонил телефон.

— Она сумасшедшая, — простонала Нэтти. «Я же ничего не сделала!»

Дверь сарая была закрыта, но она стояла здесь, пока телефон не смолкнул. Потом она снова направилась на работу с сумочкой, висящей у нее на руке.

4

В этот раз она прошла почти два квартала, прежде чем уверенность в том, что она не закрыла входную дверь, вернулась к ней, мучая ее. Она знала, что она закрыла, но она боялась, что не сделала этого.

Она нерешительно остановилась возле голубого почтового ящика на углу Форб и Диконесс Вэй. Она почти решила удрать, когда увидела, как желтая машина проехала через перекресток, но это не была машина сумасшедшей полячки, это был «форд», но, возможно, это было предзнаменование. Она быстренько побежала обратно к своему дому и снова проверила обе двери. Закрыты. Она дошла до конца дорожки, прежде чем ей пришла мысль еще раз проверить двери буфета и удостовериться, что они также закрыты.

Она знала, что они закрыты, но она боялась, что они не закрыты.

Она открыла входную дверь и вошла в дом. Райдер прыгал вокруг нее, сильно вилая хвостом, и она провела рукой по его шерсти, но только один раз. Ей нужно закрыть дверь, потому что сумасшедшая полячка может прийти когда угодно, в любое время.

Она захлопнула входную дверь, закрыла задвижку и прошла в сарайчик. Дверца шкафа была закрыта, конечно. Она вернулась в дом и постояла на кухне. Она начала думать, что она сделала какую-то ошибку и дверца буфета в действительности не была закрыта. Может быть, она недостаточно плотно прикрыла дверцы, чтобы быть уверенной на сто процентов. Может быть, они просто открыты. Она вернулась, чтобы снова проверить и, когда она дергала дверцы, начал звонить телефон. Она поспешила в дом, зажав ключ от буфета в потной правой руке. Она содрала кожу на голени о стул и вскрикнув от боли.

Когда она добралась до гостиной, телефон уже замолчал.

— Я не могу идти на работу сегодня, — пробормотала она. — Я должна... должна...

(стоять на страже)

Вот именно, она должна стоять на страже.

Она схватила телефон и быстро набрала номер, быстрее, чем ее мысли начали грызть ее так, как Райдер грыз резиновые игрушки.

— Алло? — сказала Полли. — Это салон «Шьем для Вас».

— Привет, Полли, это я.

— Нэтти, с тобой все в порядке?

— Да, но я звоню из дома, Полли. У меня расстройство желудка.

Сейчас это не было ложью.

— Я хотела бы узнать, могу ли я взять выходной, я знаю, что нужно пропылесосить комнаты наверху... и должен прийти мужчина из телефонной компании, но...

— Все в порядке, — сразу ответила Полли, — рабочий не придет до двух, а я собираюсь уйти домой рано. У меня слишком сильно болят руки, чтобы долго работать. Я открою ему сама.

— Если я вам очень нужна, я могу...

— Нет, действительно, — мягко заверила ее Полли, и Нэтти почувствовала, что слезы набегают ей на глаза. Полли такая добрая.

— У тебя сильные боли, Нэтти? Может быть, лучше вызвать доктора Ван Аллена?

— Нет, это просто спазмы. Все будет хорошо, если я смогу прийти днем, я приду.

— Чепуха, — быстро произнесла Полли, — ты не брала выходной с тех пор, как начала работать у меня. Ложись в постель и постарайся заснуть, и предупреждаю: если ты придеешь, я отошлю тебя домой.

— Благодарю вас, Полли, — сказала Нэтти.

Слезы навертывались ей не глаза.

— Вы очень добры ко мне.

— Я должна идти, Нэтти, — посетители. Ложись в постель. Я позвоню тебе вечером, чтобы узнать, как твои дела.

— Спасибо.

— Всегда рада тебя видеть. Пока.

— Пока, — сказала Нэтти и повесила трубку.

Она сразу же подошла к окну и отдернула занавески. Улица была пуста сейчас. Она вернулась в сарай, открыла ключом буфет и вытащила абажур. Чувство спокойствия и легкости пришло к ней, как только она потрогала его руками. Она занесла абажур в кухню, вымыла его теплой мыльной водой и насухо вытерла.

Она открыла один из кухонных ящичков и вытащила большой нож. Она принесла нож и абажур в затененную гостиную и села. Она просидела так все утро на стуле, не сгибая спины — абажур на коленях, а нож для разделки мяса зажат в правой руке.

Телефон звонил дважды.

Нэтти не брала трубку.

Глава 7

1

Пятница 11 октября был победным днем для самого нового магазина Кастл Рока, особенно, когда утро уступило дорогу дню, и люди начали получать деньги по чекам. Деньги в руке были стимулом для похода в магазин; особенно для тех, кто уже заглядывал сюда в среду. Было очень много людей, конечно, которые верили, что мнение других не является достаточным основанием для визита в новый магазин в первый день открытия. Но их было меньшинство. И маленький серебряный колокольчик на входной двери «Необходимых вещей», позванивал непрерывно весь день.

Еще больше товара было доставлено в лавку со среды. Для тех, кто интересовался такими вещами, тяжело было поверить, что

товары вообще доставлялись — никто не видел грузовиков. Да это и не имело большого значения, каким образом прибывают товары. В пятницу в «Необходимых вещах» было намного больше товара; вот, что было важно.

Куклы, например, или красивые деревянные игрушки. Был один уникальный набор шахмат... фигурки, изображающие животных, были вырезаны из хрусталя, какой-то примитивной, но удивительно талантливой рукой, бегущие жирафы, носороги с низкоопущенными головами, шакалы вместо пешек, львы вместо королей, изящные леопарды вместо королев. Там было ожерелье из черного жемчуга, очевидно, очень дорогое — его цену так никто и не осмелился спросить (по крайней мере, не сегодня) — на его красоту было больно смотреть. И несколько посетителей «Необходимых вещей» ушли домой, чувствуя меланхолию и странное безумие, вызываемое образом жемчужного ожерелья, сверкающего в темноте, черное на черном. О нем мечтали все женщины.

Там были марионетки. Там была шарманка, старая и вся покрытая орнаментом — мистер Гаунт сказал, что она играет что-то необыкновенное, если ее открыть, правда он не мог вспомнить, что именно, и она оставалась закрытой. Он считал, что покупатель может найти умелца, который сделает для нее ключ; он сказал, что есть еще несколько старичков в округе, которые могут это сделать. Несколько раз его спрашивали: примет ли он назад шарманку, если покупатель все-таки откроет крышку и обнаружит, что музыка ему не по вкусу. Мистер Гаунт улыбался и показывал на новое объявление на стене. На нем было написано: **«ПОКУПКИ НЕ ОБМЕНИВАЮТСЯ И ДЕНЬГИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ»**.

— Что это значит? — спросила Люсиль Данхент.

Люсиль работала официанткой У Нэни и заглянула сюда со своей подругой Роуз Элен Майерс во время обеденного перерыва.

— Это значит, что, если ты купишь свинью в мешке, ты оставишь себе свинью, а он оставит себе мешок, — сказала Роуз Элен.

Она увидела, что мистер Гаунт услышал ее слова (а она могла поклясться, что она видела его в другом конце магазина минуту назад), и она покраснела.

Мистер Гаунт, однако, только рассмеялся.

— Все правильно, — сказал он ей, — это именно то, что оно обозначает!

Старый револьвер с длинным стволом, с карточкой, на которой можно было прочесть: **«НЕД БАНТЛАЙН, СПЕЦИАЛЬНЫЙ»**; кукольный мальчик с рыжими деревянными волосами, с веснушками и остановившейся дружественной улыбкой (**ПРОТОТИП БУРАТИНО** было написано на карточке); коллекция антикварных открыток, наборы ручек и карандашей; льняные платочки; чучела животных. Казалось, что здесь были вещи на любой вкус и, хотя на них не было ни одного ценника, на любой кошелек.

Мистер Гаунт отлично потрудился сегодня. Большинство предметов, которые он продал, были отличного качества, но они не были уникальными. Однако он продал большое количество специальных вещей, и все эти покупки происходили, когда в магазине был единственный покупатель.

— Когда дела идут медленно, я работаю без отдыха, — сказал он Салли Рэтклифф, учительнице Брайана Раска (логопеду), дружелюбно улыбаясь. — Когда я работаю без отдыха, то иногда я рискую. Плохо для продавца, но просто отлично для покупателя.

Мисс Рэтклифф была набожной последовательницей баптистской секции Преподобного Роуза и встретила здесь свою невестку Лестер Прет, и в придачу к значку, выражающему протест против Казино Найт, на ее платье висел еще один: «Я ОДНА ИЗ СПАСЕННЫХ! А ВЫ?» Кусочек дерева, на котором была вывешена табличка: «ОКАМЕНЕЛОСТЬ ИЗ СВЯЩЕННОЙ ЗЕМЛИ», сразу же привлекла ее внимание, и она не стала возражать, когда мистер Гаунт вытащил ее из ящичка и положил ей в руку. Она заплатила за нее семнадцать долларов и пообещала сыграть маленькую шутку над Франком Джевитом, директором средней школы Кастл Рока. Она вышла из магазина через пять минут после своего прихода, рассеянно смотря по сторонам. Мистер Гаунт предложил завернуть ее покупку, но мисс Рэтклифф отказалась, говоря, что она хочет ощущать ее руками. Глядя на нее, когда она вышла из дверей, казалось, что она не ступала по земле, а парила в небесах.

2

Зазвонил серебряный колокольчик.

Вошла Кора Раск, горящая желанием купить фотографию Короля, и ужасно расстроилась, когда мистер Гаунт сказал ей, что фото уже продано. Кора захотела узнать, кто купил его.

— Сожалею, — сказал мистер Гаунт, но женщина была из другого штата, на автомобиле были номера Оклахомы.

— Я просто умру, — выкрикнула Кора, разозленным голосом.

Она даже не представляла, насколько сильно она хотела обладать этой фотографией до того, как мистер Гаунт сказал ей о том, что фото уже нет. Генри Джендрон и его жена Иветта были в это время в магазине, и мистер Гаунт попросил Кору подождать минутку, пока он их обслужит. Он надеялся, что у него есть кое-что, могущее вызвать такой же или даже больший интерес. После того, как он продал Джендронам игрушечного медвежонка, подарок для их дочери — и проводил их до двери, он спросил, может ли Кора подождать еще немного, пока он разыщет кое-что на складе. Кора ждала, но без какого-либо интереса или реальной надежды. Она была очень подавлена. Она видела сотни фотографий Короля, возможно, даже тысячи. В ее коллекции их было очень много, но именно эта казалась... какой-то особенной. Она ненавидела женщину из Оклахомы.

Затем мистер Гаунт вернулся со склада с маленькой коробочкой из шуру ящерицы. Он открыл ее и показал Коре очки с линзами темно-дымчатого цвета. Дыхание замерло у нее в груди. Правая рука поднялась к трепещущей шее.

— Неужели это... — начала она, но больше не смогла произнести ни слова.

— Солнечные очки Короля, — согласился мистер Гаунт. — Одни из шестидесяти, но должен вам сказать, что эти были его любимыми.

Кора купила эти очки за девятнадцать долларов и пятьдесят центов.

— Я бы хотел узнать кое-что у вас, — мистер Гаунт смотрел на Кору мерцающими глазами. — Давайте назовем это услугой.

— Узнать что-то? — с сомнением спросила Кора. — О чем узнать?

— Взгляните в окно, Кора.

Кора сделала то, о чем ее попросили, но не отняла руки от очков. Напротив стоял автомобиль. Алан Пэнгборн, стоя на тротуаре, разговаривал с Биллом Фулertonом.

— Видите вы этого приятеля? — спросил мистер Гаунт.

— Билла Фул...

— Ну что вы, — сказал мистер Гаунт. — Другого.

— Шерифа Пэнгборна?

— Да, его.

— Да, я его вижу, — Кора чувствовала изумление и скуку.

Голос Гаунта, казалось, раздавался откуда-то издалека. Она никак не могла перестать думать о своей покупке — великолепных солнцезащитных очках. Ей поскорее хотелось добраться домой и примерить их... Но она никуда не могла уйти, пока ей не позволят этого, потому что сделка не была завершена, пока мистер Гаунт не скажет об этом.

— Он похож на человека, которого трудно уговорить. А что вы думаете о нем, Кора?

— Он очень крутой. Конечно, он никогда не будет таким, каким был старый шериф Джордж Банермен — так говорит мой муж — но он шустрый, как хлыст.

— Правда? — голос мистера Гаунта просто изводил ее. Его глаза превратились в щелки, он не сводил взгляда с Алана Пэнгборна. — Хотите ли вы узнать секрет, Кора? Мне не очень нравятся крутые люди, и я ненавижу трудные сделки. Я не доверяю людям, которые всегда хотят во всем разобраться и ищут трещинки на поверхности. А вы?

Кора ничего не ответила. Она стояла с коробочкой, в которой лежали очки Короля, и тупо смотрела в окно.

— Если бы мне понадобился человек, который бы наблюдал за шерифом Пэнгборном, кого бы вы мне посоветовали, Кора?

— Полли Чалмерс, — голосом наркомана сказала Кора. — Кажется, у них роман.

Гаунт сразу же отрицательно покачал головой. Он не сводил глаз с шерифа, который подходил к полицейской машине, бросая взгляды на «Необходимые вещи».

— Это не пройдет.

— Может быть, Шейла Бригхэм, — засомневалась Кора. — Она работает диспетчером в конторе у шерифа.

— Неплохая мысль, но она тоже не подходит. Шейлу очень трудно уговорить. В каждом городе, к несчастью, есть несколько таких человек.

Мысли Кору были затуманены.

— Эдди Вобертон? — спросила она наконец. — Он главный швейцар в здании муниципалитета.

Лицо Гаунта вспыхнуло.

— Швейцар! Да, великолепно! Действительно, великолепно!

Он наклонился к Коре и запечатлел поцелуй на ее лице. Она отвернулась, скорчив гримасу, тщательно вытирая место поцелуя. Непонятный звук вырвался у нее из груди. Но Гаунт этого, кажется, не заметил. Его лицо просто расплылось в сияющей улыбке.

Кора вышла, все еще вытирая щеку тыльной стороной руки, когда Стэфани Бонсенд и Синти Роуз Мартин из клуба «Улица пыльного моста» входили. Кора почти наткнулась на Стэфани Бонсенд в спешке. Она просто сгорала от нетерпения, как можно быстрее добраться до дома, прийти домой и примерить эти очки. Но, прежде чем она сделает это, она вымоет лицо с мылом и сотрет этот отвратительный поцелуй. Она чувствовала, что то место, к которому он прикоснулся, просто горит.

За дверью звякнул серебряный колокольчик.

3

Пока Стэфани стояла около витрины, увлеченная разглядыванием смещающихся цветных осколков старинного калейдоскопа, который она обнаружила здесь, Синти Роуз подошла к мистеру Гаунту и напомнила ему слова, которые он сказал ей в среду:

— Возможно, у него есть ваза, которая составит пару той, что она купила раньше.

— Хорошо, — сказал мистер Гаунт, загадочно улыбаясь. — Возможно, у меня есть такая. Вы можете избавиться на несколько минут от своей подруги? Синти Роуз попросила Стэфани пойти к Нэнни и заказать ей кофе, а она скоро подойдет. Стэфани ушла, но выражение ее лица было растерянным.

Мистер Гаунт зашел в комнату позади магазина и вышел с вазой в руках. Она не просто подходила к другой по стилю; она была идентична ей.

— Сколько? — спросила Синти Роуз, лаская изгиб вазы дрожащей рукой. Она вспомнила, что была удовлетворена сделкой, которую она совершила в среду. Тогда он только насаживал крючок, а теперь он ее подсек. Эта ваза не станет сделкой в тридцать один доллар; теперь он выжмет из нее все, но ей так хотелось иметь ее для симметрии на каминной полочке в гостиной. Она страстно желала этого. Она не поверила своим ушам, когда мистер Гаунт сказал:

— Это моя первая рабочая неделя, почему бы мне не продать две вазы по одной цене? Вот, моя милая, наслаждайтесь ею.

Она была настолько шокирована, что почти выпустила вазу из рук на пол, когда он протянул ее ей.

— Что? Кажется, вы сказали...

— Вы поняли меня абсолютно верно, — произнес он, и неожиданно она почувствовала, что не может отвести взгляд от его глаз. «Френси ошибалась, описывая его глаза», — смутно пронеслось у нее в голове. «Они вовсе не зеленые. Они серые, темно-серые».

— Однако нужно решить еще один вопрос.

— Какой?

— Вы знаете шерифа по имени Норрис Риджвик?

Зазвенел серебряный колокольчик.

Эверет Франкел, который работал с доктором Ван Алленом, купил трубку, на которую Браиан Раск обратил внимание в свой прошлый визит в «Необходимые вещи», за двенадцать долларов и обещание подшутить над Салли Рэтклифф. Бедный старина Слоппи Додд, заика, который вместе с Брайаном по вторникам занимался у логопеда, купил оловянный чайничек, подарок на день рождения своей маме. Это стоило ему семьдесят один цент и обещание, данное с легкостью, что он подшутит над приятелем Салли, Лестером Праттом. Мистер Гаунт сказал Слоппи, что даст ему несколько предметов, которые будут нужны ему, чтобы подшутить над Лестером, когда придет время, и Слоппи ответил, что это будет:

— О-о о-чень хо-хо-хо-рошо.

Джун Гавенокс, жена одного из самых процветающих молочных фермеров, купила шикарную вазу за девяносто семь долларов и обещание подшутить над Отцом Бригхэмом. А вскоре после ее ухода мистер Гаунт попросил кого-то проделать подобную выходку с Преподобным Вилли.

Это был насыщенный плодотворный день, и когда мистер Гаунт окончательно повесил табличку ЗАКРЫТО на окно и опустил жалюзи, он был уставшим, но довольным. Дел было много, и он боялся только одного, чтобы шериф Пэнгборн не помешал ему. Все было хорошо. Открытие было самой приятной частью его операции. Но он всегда волновался, а иногда даже рисковал. Возможно, что он ошибается насчет Пэнгборна, но Гаунт привык доверять своим чувствам в таких вопросах, а Пэнгборн был похож на человека, которого нужно было основательно прощупать, по крайней мере, до тех пор, пока он не будет готов вести переговоры с шерифом на собственных условиях. Мистер Гаунт признал, что у него была очень насыщенная неделя и что будет очень много фейерверков, когда она закончится.

Очень много.

4

Было четверть седьмого вечера, пятница, когда Алан свернул на подъездную дорожку домика Полли и заглушил мотор. Она стояла в дверях, ожидая его, и тепло поцеловала. Он заметил, что она надела перчатки даже для такого короткого выхода на холод, и нахмурил брови.

— Уже не так болят, — сказала она. — Сегодня вечером немного лучше. Ты принес цыпленка.

Он протянул ей белый пакет с жирными пятнами.

— Ваш покорный слуга, дорогая.

Она отвесила ему легкий поклон:

— И ваша.

Она взяла у него сумки и провела его на кухню. Он выдвинул стул, развернул его и сел так, чтобы наблюдать за ней, пока она

снимала перчатки и выкладывала цыпленка на стеклянную тарелку. Он купил цыпленка в «Вечернем Куд-Кудахе». Название было ужасное, но цыпленок был просто великолепен. Единственной проблемой с едой на вынос, если вы живете в двадцати милях, было то, что она остывала... И он считал, что именно для этой цели были изобретены микроволновые печи. Он был убежден, что фактически микроволновые печи служили только трем достойным целям: приготовлению кофе, приготовлению воздушной кукурузы и разогреванию пищи на вынос из заведений типа «Вечерний Куд-Кудак».

— Они правда лучше? — спросил он у нее, когда она засунула цыпленка в духовку и нажала на соответствующие кнопки. Не было необходимости быть более точным, они оба знали, о чем идет речь.

— Совсем ненамного, — подтвердила она, — но я совершенно уверена, что вскоре они будут намного лучше. Я уже ощущаю горячее покалывание в ладонях, а с этого обычно и начинается улучшение.

Она подняла их. Сначала она была до боли ошеломлена своими искривленными, уродливыми руками, и до сих пор это смятение не исчезло, и прошло немало времени прежде чем она стала воспринимать его заботу как частицу любви к ней. Для него по-прежнему эти руки были неподвижными и неуклюжими, словно одетыми в невидимые перчатки, перчатки, сшитые грубым и равнодушным портным, которые надел их на нее и навечно приштопал к ее запястьям.

— Тебе сегодня не пришлось принимать таблетки?

— Только раз. Утром.

На самом деле она приняла их три — две утром и одну в обед, и боль ненамного стала слабее, чем вчера. Она боялась, что покалывание, о котором она говорила, было плодом ее тоскующего по избавлению воображения. Она не любила лгать Алану: она верила, что любовь и ложь несовместимы, а если и да, то очень ненадолго. Но она итак слишком долго была одна, и часть ее существа все еще не оставлял страх перед его непрестанной заботой. Она доверяла ему, но все же боялась позволить ему узнать слишком много. Она знала, что он все больше склонялся к мысли о необходимости лечения в клинике Майо, и узнай он, насколько сильна была боль на этот раз, он стал бы еще настойчивее.

Но она не хотела, чтобы эти проклятые руки стали самой важной частью их любви... и она тоже боялась возможных результатов консультации в таком заведении, как Майо. Она могла жить с болью; но она не была уверена, сможет ли жить без надежды.

— Вытащи, пожалуйста, картошку из духовки, — попросила она. — Я хочу перед ужином позвонить Нэтти.

— Что с Нэтти?

— Сама не знаю. Сегодня она не пришла. Хочу узнать — не заболела ли она дизентерией. Розали говорит, что ее полно кругом, а Нэтти ужасно боится врачей.

И Алан, который больше знал о том, что и как думает Полли Чалмерс, о чем она сама могла догадываться, подумал: «Ты только послушай, милая, кто говорит», — в то время, как она направлялась

к телефону. Он был полицейским. И он не мог избавиться от привычки за всем наблюдать, даже когда не был на службе; она была автоматической. Он даже не пытался избавиться от нее. Если бы он был более наблюдательным в последние месяцы жизни Анни, она и Тод могли бы до сих пор быть живы.

Он обратил внимание на перчатки, когда Полли шла к двери. Он заметил, что она стянула перчатки зубами, а не сняла их руками одну за другой, что, казалось, было проще. Он наблюдал за ней и тогда, когда она укладывала цыпленка на тарелку, и обратил внимание, как едва заметная гримаса исказила ее лицо, когда она поднимала тарелку и ставила ее в духовку. Это были плохие признаки. Он подошел к двери, ведущей из кухни в гостиную, чтобы понаблюдать, насколько уверенно и свободно она будет набирать телефонный номер. Это был самый надежный способ, по которому он определял, насколько мучительной была ее боль. И здесь, наконец-то, он увидел хороший признак — скорее то, что он принял за хороший признак.

Она набрала номер телефона Нэтти быстро и уверенно, и так как она была в другом конце комнаты, он просто не мог увидеть, что этот аппарат, как и все другие в доме, был заменен еще раньше тем же днем на аппарат другого типа — с увеличенными дырками на диске. Он вернулся в кухню, все же наострив одно ухо на разговор в гостиной:

— Здравствуй, Нэтти?... Я уже думала, что бесполезно... Я тебя разбудила?... Да... Угу... Да, ну и как?... Ну и хорошо. Я все время думала о тебе!.. Нет, с ужином порядок, Алан привез зажаренного цыпленка из того заведения «Вечерний Куд-Куд», что в Оксфорде. Да, так оно и было, правда?

Алан достал большую плоскую тарелку из одного из шкафчиков над разделочной доской и подумал: Она говорит неправду насчет рук. Неважно, насколько умело она обращается с телефоном — с ними так же плохо, как и в прошлом году, если не хуже.

Мысль о том, что она лгала ему, не очень пугала его; его представление об искажении правды было немного более гибким, чем у Полли. Взять к примеру ребенка. Она родила его в начале 1971 года, семь месяцев или что-то около того спустя, как уехала из Кастл Рока на автобусе компании Грейхаунд. Она рассказала Алану, что ребенок, мальчик по имени Келтон — умер в Денире в возрасте трех месяцев. Синдром Внезапной детской смерти — СВДС, этого самого страшного кошмара для всякой молодой матери. Это была в высшей степени правдоподобная история, и у Алана не было никаких сомнений насчет того, что Келтон Чалмерс умер. Оставалась всего-навсего одна проблема с версией Полли: это была неправда. Алан — полицейский, и он распознавал ложь мгновенно.

(за исключением тех случаев, когда Анни лгала ему).

Да, он так считал. За исключением того случая, когда Анни лгала ему. Ты вовремя заметил это исключение для протокола.

Что говорило ему о том, что Полли говорит неправду? Может быть, частый трепет век над слишком расширенными, слишком прямоглядящими глазами? То, как она постоянно поднимает руку,

чтобы потеребить мочку левого уха? То, как она меняет положение ног, то вскидывая ногу на ногу, то опуская ее, что служит в знакомой детской игре сигналом «Я привираю».

Все эти признаки и ни один из них. В основном это — зуммер, который начинает звучать внутри, так как зуммер детектора металла в аэропорту начинает звенеть, когда пытается пройти какой-нибудь парень с металлической пластинкой в черепе.

Ложь ни злила, ни беспокоила его. Есть люди, которые лгут, чтобы чего-то добиться. Люди, которые лгут, чтобы укрыться от боли. Люди, которые лгут оттого, что концепция говорить правду органически чужда им. Но есть люди, которые лгут, ожидая, когда наступит время, чтобы сказать правду. Он считал, что ложь Полли о Келтоне относится к последнему виду лжи, и он был согласен ждать. Придет время, и она решится раскрыть ему все свои тайны. Спешка ни к чему.

Спешка ни к чему: даже эта мысль казалась роскошью.

Ее голос — низкий, спокойный, обращенный каким-то образом к нему, плыл из гостиной комнаты — он тоже казался роскошью. Он еще не преодолел того чувства вины, которое испытывал, когда бывал здесь, знал, где хранятся тарелки и кухонная утварь.

Он вытащил картофелины. Микроволновка еще какое-то время сигнализала.

— Я могу заглянуть к тебе попозже, если ты хочешь, а сейчас я должна идти, Нэтти.

— Все в порядке, — закричал Алан. — Я взял это под контроль. Я полицейский, леди!

— Но ты позвони, если что-нибудь будет нужно. Ты уверена, что с тобой все в порядке сейчас?.. Если что-то нужно, ты ведь мне скажешь, Нэтти?.. Хорошо... Что?.. Нет, просто спрашиваю... Тебе тоже... Спокойной ночи, Нэтти.

Когда она вернулась, он уже вытащил цыпленка на стол и теперь чистил одну картофелину на тарелке.

— Алан, моя душенька! Не нужно было это делать!

— Верный вам ваш покорный слуга, прекрасная дама.

Он понял еще одну вещь: когда у Полли случилось такое с руками, вся жизнь превратилась для нее в цепочку маленьких, адских сражений; обыденные мелочи обыденной жизни превратились в цепочку ужасных препятствий, которые нужно было преодолевать, и наказанием за неудачные попытки было не только отчаяние, но и боль. Загрузить посудомойку. Сунуть растопку в камин. Манипуляции с вилкой, чтобы очистить картофелину.

— Садись, — сказал он, — покудахчем.

Она разразилась смехом и обняла его. Она прижала к спине не руки, а внутреннюю сторону предплечий, обратил на это внимание неусыпный наблюдатель. Но менее беспристрастная часть его сознания заметила, как ее исполненное готовности тело прильнуло к нему, и он ощутил приятный запах ее шампуня.

— Ты мой самый дорогой человек, — тихо сказала она.

Он поцеловал ее, в начале нежно, а затем с силой. Его руки соскользнули с пояса на припухлость ее ягодиц. Ткань ее старых джинсов была такой мягкой и гладкой, словно шкурка крота.

— Спокойно, дружище, — наконец, сказала она. — Вначале ужин — затем объятия.

— Это приглашение?

Если с руками не лучше, подумал он, она ответит невнятно.

— Чистойшей воды, — сказала она, и Алан сел удовлетворенный. Временно.

5

— Эл приедет домой на выходные? — спросила Полли, когда они убрали со стола. Другой сын Алана, оставшийся в живых, учился в Мильтонской Академии, что к югу от Бостона.

— У-гу, — ответил Алан, выскребая остатки с тарелок.

Полли сказала, и не совсем случайно:

— Я просто подумала, что занятий в понедельник нет, потому что День Колумба...

— Он едет к Дорфу в Кейп Код, — сказал Алан. — Дорф — это Карл Дорфман, его приятель по комнате. Эл звонил в этот вторник и спросил, можно ли поехать туда на три дня. Я сказал добро, все в порядке.

Она прикоснулась к его руке, и он оглянулся на нее.

— Сколько в этом моей вины, Алан?

— Сколько какой твоей вины? — спросил он, непритворно улыбаясь.

— Ты знаешь, о чем я говорю; ты — хороший отец, и ты не глуп. Сколько раз Эл был дома с тех пор, как начались занятия в школе?

Вдруг Алан понял, на что она намекает, и, почувствовав облегчение, улыбнулся ей.

— Всего раз, — сказал он, — и только потому, что ему нужно было поговорить с Джимми Кетлином, его давним приятелем с предпоследнего курса нашей школы, он когда-то давал ему компьютер напрокат. Он не мог ввести некоторые отборные программы в свой новенький Коммодор 64, который я купил ему на день рождения.

— Вот видишь. Вот о чем я говорю, Алан. Он думает, что я слишком рано пытаюсь занять место его матери, и...

— Вот здорово, — сказал Алан. — И как долго ты вынашиваешь эту идею, что Эл смотрит на тебя, как на злую мачеху?

Она хмуро свела брови.

— Я надеюсь, что ты меня извинишь за то, что я не нахожу эту мысль такой смешной, какой, очевидно, она кажется тебе.

Он нежно взял ее ниже плеч и поцеловал уголок ее губ.

— Я вовсе не нахожу это смешным. Но бывают мгновения — я только что думал об этом — когда я чувствую, как это странно — быть рядом с тобой. И кажется, что это слишком скоро. Это не так, но иногда так кажется. Ты знаешь, о чем я говорю?

Она утвердительно кивнула головой. Ее нахмуренный лоб немного разгладился, но еще не совсем.

— Конечно, я знаю, герои фильмов и телевизионных сериалов немного дольше впечатляюще чахнут, не так ли?

— Именно так. В кино ты получаешь много страданий и драгоценное маленькое горе. Потому что горе — слишком неподдельно. Горе... — Опустив руки, он медленно взял тарелку и стал вытирать ее насухо. — Горе грубо.

— Да.

— Поэтому иногда я чувствую себя виноватым, да...

Он был угрюмо удивлен теми оборонительными нотками, которые проскользнули в его голосе.

— Частично потому, что, кажется, я слишком легко отделался, но это не так. Эта мысль, что я мало страдал, почти не покидает меня, не могу этого отрицать, но, к моей чести, я знаю, что это ерунда... потому, что часть меня, и большая часть меня, по-прежнему страдает.

— Ты должен быть добр, — тихо сказала она. — До странности экзотично и волнующе несговорчиво.

— Да, по-моему, так. Что касается Эла, он с этим справляется по-своему. Хорошо, даже очень — достаточно хорошо, чтобы я, как отец, мог гордиться им. Ему по-прежнему очень не хватает матери, но если он и тоскует, а я, по-моему, не могу быть полностью уверенным в этом, так он тоскует по Тоду. Но твоя идея, что он не показывается потому, что не одобряет тебя... или нас... она сбилась с пути.

— Я рада этому. Ты даже не представляешь, какое облегчение ты мне доставил. Но все же, кажется.

— Как-то не совсем верно?

Она утвердительно кивнула головой.

— Я знаю, что ты имеешь в виду. Но детское поведение, даже если оно нормально на 98,6 %, всегда кажется взрослым не совсем правильным. Мы забываем, как легко они исцеляются и как быстро они изменяются. Эл отдаляется. От меня, от старых приятелей, вроде Джимми Кетлина, от самого Рока. Он отделяется, вот и все. Словно ракета, в которой включается стартовый двигатель третьей ступени. Дети так делают всегда, и, наверное, всегда родители с грустью удивляются этому.

— Все-таки, кажется, рано, — тихо сказала Полли. — В семнадцать, кажется, рано отдаляться.

— На самом деле рано, — сказал Алан. Он заговорил чуть ли не со злостью в голосе. — Он потерял и мать и брата в какой-то дурацкой катастрофе. Развалилась его жизнь, развалилась моя жизнь. И мы держались друг друга так, как, по-моему, все отцы и сыновья делают в подобных ситуациях, пытаюсь собрать вместе как можно больше кусков. И я думаю, у нас это неплохо получилось, но я был бы слепцом, если бы не видел, что многое изменилось. Моя жизнь здесь, Полли, в Роке. Его нет больше здесь. Я думал, что, может быть, он снова вернется, но я предположил, что, может быть, он хотел бы перевестись этой осенью обратно, в школу Рок, он так на меня посмотрел, что я сразу же отказался от этой мысли. Но ему не хочется возвращаться сюда потому, что здесь слишком много воспоминаний. Я думаю, это изменится... со временем... но пока я не хочу его подталкивать. Договорились?

— Договорились, Алан.

— Гм-гм-м-м?

— Ты скучаешь по нему, правда?

— Да, — быстро согласился Алан, — каждый день.

Он с ужасом обнаружил, что вот-вот расплачется. Он отвернулся и открыл первую попавшуюся дверку кухонного шкафа, пытаясь взять себя в руки. Проще всего это будет сделать, если перевести разговор на другую тему, и побыстрее.

— Как там Нэтти? — спросил он и с облегчением услышал, что его голос звучит нормально.

— Она говорит, что к вечеру ей стало лучше, но она очень долго не отвечала на звонок — мне представлялось, что она лежит на полу, без сознания.

— Она, наверное, спала.

— Сказала, что нет, и по голосу было не похоже. Ты ведь знаешь, каким голосом говорят люди, когда их будит телефон.

Он кивнул утвердительно. Это было до боли знакомо полицейскому. Он множество раз сам звонил, нарушая чей-то сон, и получал телефонные звонки.

— Она сказала, что пересматривала старое тряпье своей матери в дровяном сарае, но...

— Если у нее дизентерия, то, наверное, ты позвонила, когда она восседала на троне и не хотела признаться в этом, — сказал Алан сухо.

Она задумалась над этими словами, а затем разразилась смехом.

— Готова биться об заклад, что так оно и было. Это в ее духе.

— Ну, конечно, — ответил он. Алан заглянул в раковину, затем вытащил пробку. — Милая, мы все помыли.

— Спасибо, Алан, — она чмокнула его в щеку.

— О, да ты посмотри, что я нашел, — сказал Алан. Он провел рукой за ее ухом и вытащил пятидесятицентовую монету. — Вы всегда храните там подобные вещи, моя красавица?

— Как ты это делаешь? — спросила она, глядя на полдоллара с неподдельным изумлением.

— Делаю, что? — спросил он.

Пятидесятицентовик, казалось, проплыл по слегка шевелящимся костяшкам его правой руки.

Он заложил монету между третьим и четвертым пальцами и повернул руку ладонью вверх. Когда он снова повернул руку ладонью вниз, монета исчезла.

— Думаешь, может быть, мне лучше убежать и пристать к цирковой труппе? — спросил он ее.

Она улыбнулась.

— Нет. Оставайся здесь, со мной. Алан, неужели ты думаешь, что я настолько глупа, чтобы так беспокоиться о Нэтти?

— Нет, — ответил Алан. Он засунул левую руку, ту самую, куда он приложил пятидесятицентовую монету, в карман брюк, вытащил ее уже пустой и схватил кухонное полотенце. — Ты вытащила ее из дурдома, дала ей работу, помогла ей купить дом. Ты чувствуешь ответственность за нее, и я думаю, что до какой-то степени ты права. Если бы ты не беспокоилась о ней, тогда я бы забеспокоился о тебе.

Она взяла последний стакан с посудосушки. Алан увидел внезапный испуг на ее лице и понял, что она не может его удержать, хотя стакан был почти сухим. Он быстро упал на колени, протягивая руку. Движение было выполнено с таким изяществом, что Полли показалось это чуть ли не танцевальным па. Стакан выскользнул и прямым попаданием упал на его руку, которую он держал ладонью вверх на высоте не более восемнадцати дюймов над полом.

Боль, терзавшая ее всю ночь, и сопутствующий ей страх, что Алан заметит, насколько сильной она была, внезапно исчезла под захлестнувшей ее волной желаний, которое своей внезапностью и остротой более чем ошеломило ее; оно ее испугало. И само желание было не совсем скромное, не правда ли? То, что она чувствовала, было проще, чувство, которое по своему оттенку было сродни первобытному. Это было вожделение.

— Ты двигаешься словно котяра, — сказала она, когда он выпрямился. Хрипло звучал ее голос, звуки немного сливались. Она все еще видела, с какой грацией он согнул ноги, узел длинных мышц между бедрами, гладкое полукружие одного яичка.

— Как может такой большой человек, как ты, двигаться с такой быстротой?

— Я не знаю, — ответил он и бросил на нее удивленный и озадаченный взгляд. — Что-то не так, Полли? Ты странно выглядишь. У тебя кружится голова?

— Да, — сказала она, — я чувствую, что сейчас просто умру от желания.

И тогда только он понял, что с ним было точно такое.

Не было правильного, не было неправильного. Было только это.

— Посмотрим, так ли это, — сказал он и подался вперед с такой же грацией, с той же невероятной скоростью, которую трудно было заподозрить, увидев его вышагивающим неторопливой походкой по Мэйн-стрит. — Давай-ка просто посмотрим.

Левой рукой он поставил стакан на доску в то время, как правая его рука скользнула у нее между ног, не успела она и опомниться.

— Алан, что ты дел... — И затем, когда он с нежностью нажал на ее клитор, делается превратилось в делаах! ешь, он приподнял ее с легкостью и удивительной силой.

Она обвила его шею руками, будучи осторожной даже в такой любовный момент и держась за него предплечьями; ее руки торчали за его спиной точно пучки палок, но они внезапно остались единственными неподвижными частями ее тела. Все остальное тело, казалось, таяло:

— Алан, отпусти меня!

— И не подумаю, — ответил он, поднимая ее еще выше.

Его свободная рука скользнула между лопатками, когда она стала съезжать, и прижала Полли к нему. И вдруг она ощутила, как раскачивается вперед, назад на его руке, просунутой между ног, словно девочка на палке с лошадиной головой, и он раскачивал ее, и она чувствовала себя, словно на удивительных камнях, ее ноги овеивает ветер, а вздымающиеся волосы достают звезды.

— Алан...

— Держитесь крепче, прекрасная леди, — произнес он и засмеялся, словно она была не тяжелее перышка. Она прогнулась назад,

утопая во все нарастающем возбуждении и почти не осознавая, что сидит на его уверенной руке, зная только одно, что он не позволит ей упасть. Затем он снова переместил ее вперед в то время, как одной рукой он массировал ее спину, а другой рукой выполнял какие-то вещи внизу; вещи, о которых она даже не задумывалась, и вот она снова перекатилась назад, в исступлении произнося его имя.

Оргазм пронзил ее, подобно разрывной пуле, разлетающейся в две стороны в центре ее тела. Ее ноги раскачивались то вперед, то назад в шести дюймах над полом (один туфель слетел с ноги и, пролетев всю кухню, опустился в другом конце), ее голова запрокинулась назад и ее темные волосы, ниспадавшие водопадом, шкелотали его руку, и, когда она была на вершине наслаждения, он поцеловал ее в любимую белую полоску шеи.

Он опустил ее... затем быстро подхватил, удерживая от падения, потому что ее ноги подкосились.

— Боже мой, — произнесла она и стала тихо смеяться. — Боже мой, Алан. Я уже никогда не отстираю эти джинсы.

Это ему показалось необычайно смешным, и он согнулся пополам, смеясь. Он обрушился на кухонный стул, вытянув ноги перед собой и завывал, держась за живот. Она шагнула к нему, он обхватил ее, усадил ее к себе на колени и потом вдруг встал, держа ее на руках.

Она снова ощутила, как головокружительная волна чувства и жажды захлестнула ее, но теперь это чувство было более ясным, более определенным. Теперь, подумала она, теперь это — желание. Я так сильно желаю этого мужчину.

— Отнеси меня наверх, — сказала она. — Если не можешь так далеко, то отнеси меня на кушетку. Если не можешь до кушетки, то люби меня прямо здесь, на кухонном полу.

— По-моему, я могу тебя донести, по крайней мере, до гостиной, но не далее, — сказал он. — Как ваши руки, моя красавица?

— Какие руки? — спросила она сонным голосом и закрыла глаза.

Она сосредоточилась на ничем не омраченной радости этого мгновения, путешествуя сквозь время и пространство в его руках, вовлекаемая в космические глубины и окруженная его силой. Она прижалась лицом к его груди, и, когда он положил ее на кушетку, она опрокинула его на себя... на этот раз при помощи своих рук.

6

Они пробыли на кушетке почти час, затем в душе, она не знала, как долго — пока исскающий поток горячей воды не выгнал их оттуда. Затем они были в ее постели, где она лежала неподвижно, слишком уставшая и слишком удовлетворенная, чтобы что-либо делать.

Она отрицала, что будет любить его этой ночью, но скорее для того, чтобы утолить его страсть, но она вовсе не ожидала прилива подлинного желания со своей стороны. Она, конечно же, не ожидала той цепочки взрывов, которая состоялась этой ночью... и она была рада.

Она чувствовала, как боль вновь начинает давать о себе знать, но сегодня ночью ей не понадобится перкодан, чтобы уснуть.

— Ты просто фантастический любовник, Алан!

— Ты тоже!

— Взаимно, — сказала она и положила голову ему на грудь.

Она слышала, как его сердце мерно отстукивало где-то там, словно говоря, эй-погодите, или что-то вроде того, что на этом ночная работа для тебя и хозяина не закончена. Она снова подумала — и не без слабого отголоска накатившей на нее перед этим необузданной страсти — о том, каким он был быстрым, каким сильным. Она знала его с тех пор, как Анни пришла работать к ней, и он был ее любовником в течение последних пяти месяцев, и она никогда, до этой ночи, не знала, как быстро он может двигаться. Словно все его тело участвовало в каком-то варианте фокуса, или картине для животных-теней, о которых знали почти все дети в городе и спрашивали его, покажет ли он эти тени. Это было неправдоподобно... и это было замечательно.

Она чувствовала, что уже уплывает в волнах сна. Нужно спросить его, собирается ли он остаться на ночь; если да, то пусть поставит свою машину в гараж — Кастл Рок был маленьким городком и в нем было много злых языков, готовых сплетничать — но, казалось, не стоило так беспокоиться. Алан уж позаботится. Алан, она уже начинала так думать, всегда позаботится.

— Какие-нибудь новые выходки со стороны Пирата или Преподобного Вилли? — спросила она сонным голосом.

Алан улыбнулся.

— Затишье на обоих фронтах, по крайней мере, в данный момент. Я ценю мистера Китона и Преподобного Роуза тем больше, чем меньше я их вижу, и если пользоваться этим стандартом, то этот день был просто великолепным.

— Это хорошо, — пробормотала она.

— Да, но я знаю кое-что получше.

— Что?

— Норрис снова в хорошем настроении. Он купил удочку с катушкой у твоего друга, мистера Гаунта, и теперь все его разговоры об одном — о том, что он едет на рыбалку в эти выходные. Думаю, что он отморозит там свою задницу — даже ту маленькую, что у него есть — но если Норрис счастлив, я счастлив тоже. Мне было дьявольски жаль его, когда Китон подмочил ему вчера парадное настроение. Люди смеются над Норрисом из-за его худобы и какой-то странности. За последние три года он вырос в славного стража порядка в маленьком городке. И его чувства так же уязвимы, как и чувства любого другого человека. И нет его вины в том, что он выглядит, как сводный брат Дон Кихота.

— М-м-м...

Уплывает. Уплывает в ласковые потоки тьмы, где нет боли. Полли отключилась от реальности и, когда сон уносил ее, на какое-то мгновение на ее лице появилось выражение удовольствия, подобно кошащему.

К Алану сон приходил дольше.

Вернулся внутренний голос, но в нем уже не было прежнего оттенка деланного веселья. Теперь он звучал вопрошающе и почти потерянно.

— Где мы, Алан? — спросил он. — Может быть, не та комната? Не та женщина? Не та постель? Кажется, я уже ничего не понимаю.

Алан внезапно почувствовал жалость к тому голосу. Это было жалостью к себе, потому что никогда еще голос не был так похож на его собственный, как сегодня. Ему вдруг показалось, что голос хотел говорить так же мало, как и он сам, остальная часть его — Алан, существующий сегодня, и Алан, планирующий будущее, — хотела слушать его. Это был голос долга, голос горя. И по-прежнему это был голос вины.

Чуть меньше двух лет назад у Анни Пэнгборн начались головные боли. Они были несильные, или так она говорила; она так же неохотно говорила о них, как и Полли о своем артрите. И вот однажды, когда он брился, это было в самом начале 1990 года, должно быть, тогда он заметил, что крышечка на флаконе аспирина трех семейных размеров, который стоял рядом с раковиной в ванной, не закрыта. Он попытался было закрыть флакон... но остановился.

Он взял пару таблеток аспирина из этого флакона, вмещающего двести пятьдесят капсул, в самом конце прошлой недели. Тогда она была только начатой. Теперь он был почти пуст. Он быстро вытер с лица остатки крема для бритья и отправился в «Шьем для Вас», где Анни работала у Полли Чалмерс со дня открытия. Он забрал свою жену с работы на чашечку кофе и... несколько вопросов. Он спросил ее об аспирине. Он помнит, что был тогда немного напуган.

(Всего лишь немного, скорбно согласился внутренний голос).

Но всего лишь немного, потому что никто не принимает сто девяносто таблеток за одну неделю, никто. Анни сказала ему, что он глупенький. Она вытирала стойку рядом с раковиной и опрокинула флакон. Крышечка не сидела плотно, и почти все пилюли высыпались в раковину. Они начали растворяться, и она выбросила их.

Так она сказала.

Но он полицейский и, даже будучи не на службе, он не мог избавиться от автоматической привычки наблюдать, которая пришла к нему вместе с территорией. Он не мог включить детектор лжи. Если вы наблюдаете за людьми, которым задаете вопросы, по-настоящему наблюдаете, то вы почти всегда узнаете, когда они лгут. Алан однажды опрашивал человека, который всякий раз, когда говорил неправду, ковырялся ногтем большого пальца в глазном зубе. Рот нагромождал ложь; а тело, казалось, было обречено говорить правду. Поэтому он протянул руки над столом «У Нэни», где они сидели, сжал ее руки в своих и попросил ее говорить правду. И когда она, после недолгого колебания, рассказала ему, что да, боли немного усилились, что да, она принимает немало аспирина, но она не приняла всех пилюль, которых не доставало, что флакон на самом деле опрокинулся в раковину, он ей поверил. Он попался

на самый древний, ставший книжным, трюк, один жулик называл его Остановись и переключись: если ты лжешь, и тебя на этом поймали, то делай задний ход и говори полуложь. И если бы он наблюдал за ней попристальной, то он бы понял, что Анни по-прежнему кривит душой. И он бы заставил ее признаться в том, что казалось ему просто невозможным, но что, как теперь он верил, было правдой: что ее головные боли были настолько мучительными, что ей приходилось принимать не менее двадцати таблеток аспирина в день. И если бы она в этом призналась, то он бы еще до конца недели отправился с ней в неврологический центр в Портленде или Бостоне.

Но она была его женой, и в те дни он был менее наблюдательным, когда находился не на службе.

Он удовлетворился тем, что записал ее на прием к Рей Ван Аллену, и она побывала на приеме. Рей ничего не обнаружил, и Алан не держал на него зла за это. Рей прогнал обычные тесты по рефлексии, заглянул в ее глаза при помощи своего надежного офтальмоскопа, проверил, не двоится ли у нее в глазах, и отправил в областной центр сделать снимки. Однако он не заказал сканирование КЭТ, и когда Анни сказала, что головные боли прошли, Рей поверил ей. Алан думал, что, может быть, он был прав, поверив ей. Он знал, что врачи так же тонко чувствуют ложь на языке тела, как и полицейские. Ведь больные, также, как и подозреваемые, склонны лгать, и подталкивает их к этому одно и то же чувство: обычный страх. И когда Рей смотрел Анни, он был на работе. Так, может быть, за это время, когда Алан сделал свое открытие, и Анни пошла на прием к доктору Ван Аллену, головная боль прошла. Вероятно, она прошла. Позже, в своем доме на Кастл Вью, долго беседуя со стаканом бренди, Рей сказал Алану, что очень часто симптомы появляются и исчезают, в тех случаях, когда опухоль расположена высоко на стержне мозга.

— Очень часто опухоли на стержне сопровождаются апоплексическими ударами. Если бы с ней был удар, то, может быть... — он пожал плечами.

Да, может быть. А, может быть, один человек по имени Тэд Бьюмонт был негласным соучастником в смерти его жены и сына, но в душе Алан не мог ни в чем обвинять и его, Тэда.

Не все, что происходит в маленьких городишках, становится известным его жителям, несмотря на то, что их уши наострены, а их языки энергично болтают. В Кастл Роке все знали о Фрэде Додде, полицейском, который сошел с ума и убил женщин в тот день шерифа Баннермана, и все знают о Куйо, который пришел в ярость на городской дороге номер три, и они знали, что на берегу озера сгорел дотла дом летом 1989 года, дом Тэда Бьюмонта, романиста и местной знаменитости, но они не знали обстоятельств того пожара, то, что до этого Тэда Бьюмонта преследовал человек, который на самом деле не был человеком, а созданием, которому, возможно, и имени нет. Однако Алан Пэнгборн знал эти вещи, и они время от времени преследовали его во сне. Все это было в прошлом к тому времени, когда Алан осознал, как головные боли терзают Анни... в прошлом, но не совсем. Благодаря телефонным звонкам Тэда спяну

Алан поневоле стал свидетелем того, как разрушалась его семья и как постепенно он терял свой рассудок. Однажды, в приемной какого-то доктора, Алан прочитал статью о черных дырах — огромные космические пустоты, которые сродни водоворотам антиматерии, засасывающим с невероятной проворностью все, что попадает в пределы их досягаемости.

В конце лета и осенью 1989 года дело Бьюмонта стало личной черной дырой для Алана. Были дни, когда он задавал себе вопросы о самых элементарных вещах реального мира и не знал, есть ли им объяснение. Были ночи, которые он напролет проводил с открытыми глазами, пока рассвет не окрашивал восток, боясь уснуть, боясь, что увидит во сне надвигающийся на него черный Торнадо с разлегшимся монстром за рулем и наклейкой на заднем бампере Сукин сын благородного происхождения. В те дни он с трудом сдерживался от крика, когда ему на глаза попадался воробей, сидящий на перилах крыльца или прыгающий на лужайке. Если бы его спросили, Алан ответил бы: «Когда началась беда с Анни, он был не в себе». И не просто не в себе; где-то в глубинах своего сознания он вел отчаянную борьбу за свой рассудок. Сукин сын благородного происхождения — как это возвращалось к нему. Как это преследовало его. Это и воробы.

Он по-прежнему был не в себе в тот мартовский день, когда Анни и Тод сели в их старенький скаут, которым они обычно пользовались для непродолжительных поездок по городу, и направились на рынок в Хэмфиле. Алан вновь и вновь прокручивал в памяти ее поведение в то утро, и не мог найти в нем ничего странного, ничего необычного. Он был в своем кабинете, когда они вышли. Он выглянул в окно возле стола и помахал на прощание. Тод прежде чем сесть в машину, помахал ему в ответ. Это был последний раз, когда он их видел живыми. Проехав три мили по дороге сто семнадцать и не доезжая одной мили до Хэмфила, скаут внезапно съехал с дороги на высокой скорости и врезался в дерево. Полиция штата, будучи на месте катастрофы, установила, что Анни, обычно очень осторожная за рулем, ехала со скоростью не менее семидесяти миль в час. На Тоде был пристегнут ремень безопасности, на Анни — нет. Она, наверное, скончалась в тот момент, когда пробила лобовое стекло головой, оставаясь в салоне одной рукой и ногой. Тод, скорее всего, был еще жив, когда взорвался поврежденный бензобак. Это угнетало Алана больше всего. То, что его десятилетний сынишка, который был автором юмористической астрологической колонки в школьной газете затем, чтобы вступить в Малую Лигу, скорее всего, был еще жив. Что он, наверное, сгорая заживо, пытался растегнуть защелку на ремне.

Было вскрытие. Вскрытие показало опухоль головного мозга. Она, как сказали Алану, была маленькая. Размером не больше арахисовой грозди. Так они сказали.

Доктор, производивший вскрытие, не сказал Алану, что ее можно было удалить, стоило лишь ее продиагностировать: это проглядывало на несчастном лице Рея и опущенных глазах. Ван Аллен сказал, что он был уверен, что, если бы с ней был апоплексический удар, он бы насторожил их и подвел к настоящей причине, случись он только

раньше. Он пронзил ее тело словно электрический шок, заставляя ее нажать на педаль газа и потерять контроль. Он сказал это Алану не по своей воле, он сказал это потому, что Алан безжалостно его опрашивал, и потому, что Ван Аллен видел, что, несмотря на невыносимое свое горе, Алан хотел знать правду... или как можно большую ее часть, доступную тем, кто не был с ней в машине в тот день.

— Пожалуйста, — сказал Ван Аллен, быстро и по-доброму касаясь руки Алана. — Произошел ужасный случай, но он уже произошел. Нужно отвлечься от этого. У тебя есть другой сын, и он нуждается в тебе так же, как и ты в нем. Тебе нужно отвлечься и заняться своими делами.

Он попытался. Мистический ужас, дела с Тодом Бьюмонтом, дела с (воробышки, воробышки летают)

птицами, начал блекнуть, и он честно попытался сложить свою прежнюю жизнь — теперь он вдовец, полицейский в провинциальном городишке, отец мальчика-подростка, который подрастал и слишком быстро выросл... не из-за Полли, но из-за катастрофы. Из-за этой ужасной, вводящей в оцепенение травмы. Сын, у меня есть одна ужасная новость; тебе нужно взять себя в руки... И он, конечно, заплакал, а задолго до этого уже начал плакать Эл, тоже.

Тем не менее они принялись за восстановительную работу, и все еще делали ее. Сейчас дела намного лучше... но два обстоятельства по-прежнему преследуют его.

Первое — это огромный флакон аспирина, который опустел почти за неделю.

Другое — тот факт, что Анни не была пристегнута ремнем.

Но Анни всегда пристегивала ремень.

После трех недель мучительных и бессонных ночей он все же записался на прием к невропатологу в Портленде, хотя ничего уже нельзя было изменить. Он отправился туда, потому что тот, возможно, сможет лучше ответить на вопросы, которые нужно было задать Алану, и потому что он уже устал вытягивать щипцами ответы один за другим из Рея Ван Аллена. Доктора звали Скоупс, и впервые за свою жизнь Алан прикрылся работой. Он сказал, что у него были вопросы, которые имели отношение к одному расследованию, проводимому полицией. Доктор подтвердил основные подозрения Алана: да, люди, страдающие головными опухолями, иногда подвержены срывам, не поддающимся логическому объяснению, и иногда они направлены на самоубийство. Когда человек с мозговой опухолью совершает самоубийство, он зачастую это делает, подчиняясь импульсу и не раздумывая. У него обычно уходит не более одной минуты, а то и несколько секунд.

— Может такой человек за одно покончить с кем-то? — спросил Алан.

Скоупс сидел за своим столом, откинувшись на спинку стула и опираясь головой на переплетенные на затылке руки, и он не мог видеть рук Алана, которые были так крепко сжаты между коленями, что пальцы побелели.

— О, да, — сказал Скоупс. — Это довольно частое явление в подобных случаях: опухоли в районе стержня мозга часто являются

причинами таких поступков, которые, несомненно, можно расценить, как совершенные в состоянии психоза. Не исключен вывод, что тяжелобольному человеку представляется, что страдания, которые он испытывает, с ним разделяют любимые им люди, либо все человечество в целом; есть и другие соображения. Люди, любимые тяжелобольным человеком, не захотят без него жить, когда он умрет. Скоупс упомянул Чарльза Уитмена, скаута из организации «Орлы», который взобрался на верхушку техасской башни и убил более дюжины человек, прежде чем покончить с собой, и школьную учительницу по замене в Иллиноисе, которая убила несколько студентов, прежде чем отправиться домой и пустить себе пулю в лоб. В обоих случаях вскрытие показало опухоль мозга. Таков был возможный рисунок поведения, но он не может быть криминальным во многих случаях, даже в большинстве случаев. Мозговые опухоли иногда проявляются в странных немислимых симптомах; иногда они вовсе никак не проявляются, невозможно сказать наверняка.

Невозможно. Поэтому оставь это.

Хороший совет, но его трудно проглотить. Из-за флакона с аспирином. Из-за пристегнутого ремня.

В основном это был ремень, постоянно маячивший в углу сознания Алана маленьким черным облачком, которое постоянно нависало. Она никогда не ездила, не пристегнув ремень. Даже если ей нужно было проехать на квартал ниже и вернуться. Хотя на Тоде, как всегда, ремень был. Может, это имело какое-то значение?

Если она решилась, спустя некоторое время, как она вывела машину в последний раз из подъездной аллеи, убить себя и забрать с собой Тода, стала бы она настаивать, чтобы Тод тоже расстегнул ремень? Даже измученная, отчаявшаяся, в полном смятении... Она не захотела бы, чтобы Тод страдал, не так ли?

Невозможно сказать наверняка. Оставь это.

Все же даже сейчас, лежа в постели с Полли, рядом со спящей Полли, он понимал, что ему трудно принять этот совет. Его мозг постоянно возвращался к этому, как щенок, вцепившийся маленькими острыми зубками в старый потрепанный кусок сыромятной кожи.

И всегда в этот момент его посещал образ, кошмарный образ, который в конце концов заставил его броситься к Полли Чалмерс, потому что Полли была той женщиной, которая была ближе к Анни, чем любая другая женщина в городе — и, если учесть, то дело Бьюмонта и тот психический урон, которое оно понесло Алану, Полли, наверное, было чем-то большим для Анни, чем он сам в последние месяцы ее жизни.

Это был образ Анни, непристегнутой, которая изо всех сил жмет на педаль газа и снимает руки с руля. Снимает потому, что им нужно сделать другое дело за оставшиеся несколько секунд.

Снимает их для того, чтобы расстегнуть ремень на Тоде тоже.

Вот этот образ: Скаут, мчащийся по дороге, делая все семьдесят миль в час, внезапно съезжающий вправо, съезжающий на деревья под белым мартовским небом, обещающим дождь, в то время, как Анни борется, чтобы расстегнуть ремень Тода, и Тод, визжащий от страха, борется с ее руками. Он видит любимое лицо Анни, превра-

щающееся в маску ведьмы, видит вытянутое от ужаса лицо Тода. Иногда он пробуждался ночью весь в липком холодном поту и звенящим в ушах голосом Тода: «Деревья, мамочка! Осторожно, деревья!». Поэтому однажды он перед закрытием отправился к Полли и спросил ее, не может ли она зайти к нему на чашечку кофе, или, если ей так неудобно, можно ли ему зайти к ней.

Сидя в своей кухне (той кухне, подтверждающе звучал внутренний голос) с чашкой чая для нее и чашечкой кофе для себя, он начал говорить медленно, спотыкаясь на каждом слове, о своем ночном кошмаре.

— Мне нужно знать, если можно, были ли у нее такие периоды депрессии или нелогичного поведения, о которых я либо не знал, либо не замечал, — сказал он. — Мне нужно знать, были ли...

Он замолчал, почувствовав на мгновение свою беспомощность. Он знал, какие слова нужно было сказать, но становилось все труднее и труднее их произносить. Словно тот канал, соединяющий его смятенный, страждущий мозг и его рот, становятся все уже и мельче, и вот-вот прекратится течение его мыслей, слов.

Он сделал огромное усилие и стал продолжать.

— Мне нужно знать, было ли что-нибудь, что указывало на ее мысли о самоубийстве. Потому что, как вы знаете, умерла не только Анни. С нею умер Тод, и если были... признаки. Я имею в виду признаки... которых я не замечал, то на мне тоже лежит ответственность за его жизнь. Именно это, я чувствую, должен знать.

Он замолчал. Его сердце глухо стучало в груди. Он провел рукой по лбу, и с небольшим удивлением обнаружил, что его рука стала мокрой от пота.

— Алан, — сказала она, и положила руку ему на запястья. Ее голубые глаза смотрели в упор. — Если бы я увидела подобные признаки и никому не сказала бы об этом, моей вины было бы не меньше, чем твоей. Ты, кажется, весь груз хочешь взвалить на себя?

Он в изумлении уставился на нее, он это помнил. Полли давно заметила в поведении Анни что-то неладное, чего он не заметил; в своих размышлениях он зашел уже так далеко. И та мысль, что замеченные странности в поведении накладывают ответственность, чтобы что-либо сделать, никогда до того момента не приходила ему в голову.

— Ты не заметила? — спросил он.

— Нет. Я снова и снова прокручиваю все в своей памяти. Я вовсе не хочу облегчить твою горе и потери, но ты не единственный человек, который испытывает подобные чувства, и ты не единственный человек, который занимается душекопанием после того происшествия. Я снова и снова возвращалась в памяти к тем последним неделям, и, испытывая головокружение, восстанавливала ситуации и разговоры теперь уже в свете результатов вскрытия. Я делаю это сейчас, немного в ином свете, когда ты мне сказал о том флаконе с аспирином. И ты знаешь, что я обнаружила?

— Что?

— Ровным счетом ничего, — сказала она без прежнего напора, но это прозвучало до странности убедительно. — Совершенно ничего. Иногда я помню ее немного бледной. Я помню, как пару раз я

замечала, что она разговаривает сама с собой, подрубая юбки или распаковывая свертки ткани. Это самое эксцентричное, что я могу вспомнить, и я себя даже не раз винила, а ты?

Алан утвердительно кивнул головой.

— В основном она всегда была такой, какой я ее помню с первых дней нашей встречи: бодрая, готовая всегда прийти на помощь... была хорошим другом.

— Но...

Ее рука по-прежнему лежала у него на запястье: она немного сжала ее.

— Нет, Алан. Никаких но. Рей Ван Аллен тоже делает это, ты знаешь — пробежки по утрам в понедельник, по-моему, так это называется? Ты его обвиняешь? Как ты чувствуешь, нужно ли его винить за то, что он пропустил опухоль?

— Нет, но...

— А меня? Я работала с ней каждый день, бок о бок большую часть времени: в десять мы вместе пили кофе, в полдень мы вместе обедали. Со временем мы стали очень откровенны друг с другом, мы узнали и полюбили друг друга, Алан. Я знаю, что она тебе нравилась и как товарищ, и как любовница, и я знаю, что она любила сыновей. Но, если она медленно приближалась к самоубийству из-за своей болезни... этого я не знала. Так скажи мне — ты меня винишь? — и ее чистые голубые глаза посмотрели откровенно и вопрошающе в его глаза.

— Нет, но...

Рука снова сжалась легко, но повелевающе.

— Я хочу тебя спросить об одном. Это важно, поэтому хорошенько подумай.

Он утвердительно кивнул головой.

— Рэй был ее врачом, и если бы что-то было не так, он бы заметил. Я была ее подругой, и если что-то и было, я не заметила этого. Ты был ее мужем, и если что-то и было, то ты тоже не заметил. Ты думаешь, что это все конец цепочки, но это не так.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Кто-то был рядом с нею, — сказала Полли. — Кто-то, кто был ближе, чем кто-либо из нас, я думаю.

— О ком ты говоришь...

— Алан, что сказал Тод?

Он смотрел на нее непонимающими глазами. Ему казалось, что она произнесла какое-то странное слово.

— Тод, — сказала она, в ее голосе прозвучало нетерпение. — Тод, твой сын. Тот, который будит тебя по ночам. Ведь это он, не так ли? Не она, а он.

— Да, — сказал Алан. — Он.

Его голос прозвучал высоко, срываясь, совсем не похоже на его собственный, и Алан почувствовал, как что-то шевельнулось в нем, что-то большое и существенное. Даже сейчас, лежа в постели рядом с Полли, он со сверхъестественной четкостью вспомнил тот момент у кухонного стола: ее рука лежит на его запястье в полоске косых лучей склоняющегося к закату солнца, ее волосы с красивыми золотыми нитями, ее светлые глаза, ее мягкая настойчивость.

— Она заставляла Тода лезть в машину, Алан? Он толкался? Кричал? Дрался с ней?

— Нет, конечно, нет, ведь она была его м...

— Чья была мысль, чтобы Тод поехал с ней на базар в тот день? Ее или его? Ты можешь вспомнить?

Он собирался сказать нет, но вдруг он вспомнил. Их голоса, доносящиеся из гостиной, в то время, как он сидел за столом и просматривал окружные приказы об арестах.

— Собираюсь съездить на рынок. Тод, ты не хочешь поехать?

— А можно мне будет посмотреть новые вещи или записи?

— Я думаю, что да. Спроси у отца, не нужно ли ему чего-нибудь.

— Это было ее желанием, — сказал он Полли.

— Ты уверен?

— Да, но она спросила его. Она не сказала ему.

Это нечто внутри, это существенное нечто, по-прежнему двигалось. Оно упадет, подумал он, и выверотит добрый кусок земли, потому что оно пустило корни и в ширь и в глубину.

— Он боялся ее?

Теперь она подвергла его перекрестному допросу, так как он поступал с Рей Ван Алленом, но он, казалось, был беспомощен, чтобы остановить ее. И он не был уверен, что он хочет это сделать. Что-то в этом было, это точно. Что-то такое, что никогда не приходило к нему в голову за все те длинные ночи. Что-то такое, еще живое.

— Тод боялся Анни?

— Господи, нет.

— Даже в последние месяцы своей жизни?

— Нет.

— Последние недели?

— Полли, тогда я был не в состоянии наблюдать за чем-либо. Произошла эта вещь с Тэдом Бьюмонтом, писателем... эта сумасшедшая вещь...

— Ты хочешь сказать, что был настолько слеп, что не замечал ни Анни, ни Тода в доме, или, может быть, ты мало бывал дома?

— Нет... Да... Я хочу сказать, конечно, что я был дома, но...

Он испытывал странное чувство, будучи мишенью этих частых, как пулеметная очередь, вопросов. Словно Полли накачала его новокаином, а затем стала делать то же, что и боксер с тренировочной грушей. А существенное нечто, чем бы оно ни было, по-прежнему двигалось, перекатывалось по краю, где сила гравитации перестает его удерживать, а наоборот, тянет его вниз.

— Тод подходил к тебе и говорил: «Боюсь маму?»

— Нет...

— Тод подходил к тебе, чтобы сказать: «Папа, по-моему, мама хочет себя убить и взять меня за компанию?».

— Полли, это смешно! Я...

— Он подходил?

— Нет!

— Он даже ни разу не сказал, что она как-то смешно себя ведет или говорит?

— Нет...

— А Эл был в школе, да?

— Какое это имеет отношение...

— У нее в гнезде остался один ребенок. Когда ты уходил, работал, их в гнезде было только двое. Она ужинала с ним, помогала делать домашнее задание, смотрела с ним телевизор...

— Читала ему, — сказал он.

Его голос прозвучал нечетко, странно. Он с трудом узнал его.

— Она, наверное, была первым человеком, которого он видел по утрам и последним человеком, которого он видел по вечерам перед сном, — сказала Полли. Ее рука лежала у него на запястье. Ее глаза строго смотрели в его глаза. — Если кто-либо и мог заметить приближение этого, то это был человек, который умер вместе с ней. А тот человек не произнес ни слова?

Вдруг нечто внутри упало. Мускулы на его лице запрыгали. Он почувствовал, как это происходит — словно множество нитей были приклеены к этому нечто в самых разных местах и теперь каждую эту нить тянет чья-то нежная, но настойчивая рука.

Горячая волна прихлынула к его горлу и попыталась перекрыть его. Горячая волна прихлынула к его лицу. Его глаза наполнились слезами; Полли Чалмерс увеличилась вдвое, задрожала, а затем рассыпалась на множество призм из света и образов. Его грудь тяжело вздымалась, но казалось в легкие не может набраться воздух. Его рука повернулась с той редкой стремительностью, присущей ему, и тяжело упала на ее руку — ей, наверное, было очень больно, но она не издала ни звука.

— Я не могу без нее! — закричал он Полли, и невыносимо огромное, мучительное рыдание разорвало его слова на два выдоха. — Я не могу без них обойтись; Господи, я просто не могу без них.

— Я знаю, — спокойно сказала она. — Я знаю, вот из-за чего все это, не так ли? Из-за того, что ты не можешь без них.

Он начал плакать. Эл первые две недели плакал каждую ночь, и Алан всегда был рядом тогда, чтобы поддержать его и утешить, насколько это было в его силах. Теперь он плакал. Рыдания подхватили его и понесли: у него не было сил, чтобы остановить их, либо приглушить их. Он не мог умерить свое горе, и, наконец, он с глубоким внутренним облегчением обнаружил, что в этом не было никакой необходимости.

Ничего не видя перед собой, он отодвинул чашку в сторону, услышал, как она ударилась об пол в каком-то другом мире и разбилась там на осколки. Он опустил свою горячую и пульсирующую, словно в лихорадке, голову на стол, накрыл ее руками и рыдал.

В какой-то момент он почувствовал, как она приподняла его голову своими прохладными руками, и прижала ее к животу. Так она и держала его, а он все плакал и плакал.

Ее рука медленно соскальзывала с его груди. Он осторожно ее передвинул, зная, что малейший толчок рукой разбудит ее. Глядя в потолок, он думал, может Полли намеренно спровоцировала

прилив его страданий в тот день. Скорее всего, да, потому что знала, либо интуитивно почувствовала, что ему в большей степени нужно излить свое горе, чем найти ответы на вопросы, которых тогда почти не было.

Так это у них начиналось, хотя он даже не считал это началом, а скорее концом чего-то.

С того момента до того дня, когда он, наконец, набрался решимости и пригласил ее пообедать с ним, он часто вспоминал выражение ее голубых глаз и ощущение ее руки на своем запястье. Он вспоминал о той легкой напористости, с которой она подводила его к мыслям, которые он либо вообще игнорировал, либо не замечал. И с того времени он относился к смерти Анни, испытывая новую палитру чувств; как только тот камень, блокировавший дорогу между ним и его горем, был сдвинут, эти другие чувства хлынули бурным потоком. Основным и самым мучительным из них была ужасная злоба на нее за то, что она скрывала болезнь, от которой можно было излечиться... и из-за того, что она взяла с собой их сына в тот день. Он говорил о некоторых своих чувствах Полли в «Березах» прохладным, пропитанным дождем, апрельским вечером.

— Ты перестал думать об этом как о самоубийстве и теперь думаешь, как об убийстве, — сказала она. — Вот почему ты злишься, Алан.

Он потряс головой и начал говорить, но она облокотилась о стол и в тот же момент прижала свой искривленный палец к его губам.

— Ш-ш-ш, ты.

И этот жест настолько ошеломил его, что он в самом деле замолчал.

— Да, — сказала она. — На этот раз я не собираюсь тебя допрашивать — прошло много времени с тех пор, как я обедала с мужчиной в последний раз, и мне сейчас слишком хорошо, чтобы я сама стала исполнять роль мисс Главный Прокурор. Но люди не злятся на других людей, по крайней мере так, как ты, за то, что они попали в автокатастрофу, если это не случилось из-за халатности. Если Анни и Тод умерли из-за того, что подвели тормоза скаута, то ты можешь винить себя за то, что не проверил их, либо ты можешь возбудить уголовное дело против Сонни Джекета за небрежную работу, когда она была у него в ремонте в последний раз, но не следует винить ее. Не правда ли?

— Наверное, да.

— Я знаю, что да. Но, может быть, случилось что-то другое, Алан. Ты знаешь, что это не мог быть апоплексический удар прямо за рулем, ведь доктор Ван Аллен говорил тебе об этом. А тебе никогда не приходила в голову мысль, что она свернула из-за оленя? Что-то очень простое вроде этого?

— Приходила. Олень, птица или идущая навстречу по ее полосе машина.

— Да. Но ремень...

— Забудь ты об этом проклятом ремне, — она произнесла это с такой вдохновенной горячностью, что люди, сидящие за соседними столиками, оглянулись. — Может быть, у нее был приступ головной боли, и она забыла пристегнуть ремень именно в тот день, но это

вовсе не значит, что она намеренно разбила машину. И головной болью — одним из ее страшных приступов — можно объяснить, почему Тод был пристегнут. Но это тоже неважно.

— Но что же тогда?

— То, что есть слишком много «может быть», которые подливают масла в огонь твоей злости. И даже, если самая страшная из твоих догадок верна, ты никогда об этом не узнаешь, не так ли?

— Да.

— Даже если бы ты знал... — Она посмотрела на него немигающими глазами, между ними на столе горела свеча. В ее пламени ее глаза были темно-синими, он видел, как в них горит по искорке. — Да, мозговая опухоль — это тоже случай. И здесь нет виновных, Алан, нет — как ты там называешь на своей работе — нет нарушителей. Пока ты это не примешь, шанса не будет.

— Какого шанса?

— Нашего шанса, — сказала она спокойным голосом. — Ты мне очень нравишься, Алан, и я еще недостаточно стара, чтобы рискнуть, но я уже недостаточно молода, чтобы иметь печальный опыт того, куда могут завести меня сочувствия, если я не возьму их под контроль. И я не позволю им пойти настолько далеко, пока ты не оставишь Анни и Тода в покое.

Он смотрел на нее, не проронив ни слова. А она смотрела на него серьезными глазами, сидя за ужином в старой загородной гостинице, и на ее гладкой щеке и левой брови мерцал оранжевый отблеск огня. Снаружи ветер под небесами выдувал одну и ту же ноту на своем тромбоне.

— Я сказала слишком много? — спросила Полли. — Если да, то отвези меня, пожалуйста, домой, Алан. Я также не могу смущаться, как и говорить начистоту.

Он быстро протянул свою руку над столом и прикоснулся к ее руке.

— Нет, ты сказала не слишком много, Полли. Мне нравится слушать, как ты говоришь.

Тогда она улыбнулась, эта улыбка осветила ее лицо.

— Тогда у тебя есть шанс, — сказала она.

Так это началось для них. Они не чувствовали своей вины в том, что встречались, но они знали, что должны быть осторожны.

И не только потому, что это был маленький городишко, и он был на выборной должности, и ей нужно было благоволение общества, чтобы ее дело было на плаву, но потому, что оба признавали возможность вины. Никто из них не был слишком стар, чтобы рисковать, казалось, но вместе с тем, никто из них не был слишком молод, чтобы быть беззаботным. Нужно было принимать меры предосторожности.

Тогда, в мае, он впервые полюбил ее, и она рассказывала ему о всех годах между Тогда и Теперь... Ту историю, которой он не совсем доверял, ту историю, которую она вновь расскажет ему, он был убежден, в один прекрасный день, но уже не глядя на него в упор, и ее левая рука не будет постоянно теребить мочку левого уха. Он знал, насколько трудно ей было сказать, что она ему уже рассказала, и что он был согласен ждать полный рассказ. Пришлось согласиться,

потому что нельзя было забывать о мерах предосторожности. И этого было достаточно, вполне достаточно, чтобы полюбить ее тем сонным летом штата Мэн, уплывающим мимо них в прошлое.

Теперь, глядя в потолок с рисунком жатой фольги, в темноту ее спальни, он подумал, что, может быть, вновь поговорит о женитьбе. Однажды, в августе, он уже попытался, и она сделала тот же жест своим пальцем.

— Ш-ш-ш, ты.

Он подумал...

Но нить его сомнения наяву прервалась, и он плавно соскользнул в сон.

9

Он видел во сне, как делает покупки в чудовищных размеров магазине, как он бредет по бесконечно длинному проходу, который в перспективе сужается и превращается в точку. Там было все, все, что он когда-либо хотел купить, но не мог себе этого позволить, — и ручные часы, регистрирующие кровяное давление, настоящая мягкая фетровая шляпа от Аберкромби и Фитч, восьмимиллиметровая камера, сотни других вещей — но кто-то был у него за спиной, сразу за плечом, но он не мог увидеть, кто.

Он был знаком Алану. Он принадлежал тому манерному развезжающему на торнадо сукиному сыну Джорджу Старку.

— Мы называем этот магазин Эндсвилль (предел желаний), — произнес тот же голос, — потому что это то место, где оседают все товары и услуги.

Алан увидел, как большая змея — она походила на питона с головой гремучей змеи, выползла из отдела с компьютерами «Аппл», которые были помечены: «Для общественного пользования». Он бросился в бегство, но внезапно рука без линий на ладони схватила его и остановила.

— Ну перестань, — сказал голос урезонивающе. — Возьми, что хочешь. Возьми все, что хочешь... и заплати за это.

Но все, что он ни брал, внезапно превращалось в обугленный и оплавленный замок ремня.

Глава 8

1

У Дэнфорда Китона не было опухоли мозга, у него была ужасная головная боль. Когда рано утром в субботу он сидел в своем кабинете, на столе, рядом с книгой бухгалтерских отчетов городских налогов за 1982-1989 годы, была разложена корреспонденция — письма из Бюро по налогообложению штата Мэн и ксерокопии писем, которые он написал в ответ.

Боль начиналась с ушей. Он знал это, но ничего не мог поделать.

Китон вчера поздно поехал в Льюинстон и вернулся в Кастр Рок около половины первого вечера и остаток дня, до самой ночи, провел, безостановочно измеряя свой кабинет шагами, пока его жена спала наверху под воздействием транквилизаторов. Он заметил, что его взгляд все чаще останавливается на маленьком встроенном в угол его кабинета шкафчике. Там на верхней полке хранились свитера. Большинство свитеров были старыми и проеденными молью. Под ними лежала деревянная шкатулка, которую сделал его отец задолго до того, как Алцгеймер навис над ним тенью, забирая у него все его навыки и память. В шкатулке лежал револьвер.

Китон все чаще ловил себя на мысли о револьвере. Не для себя, нет, по крайней мере, не в первую очередь. Для Них. Преследователей.

В четверть шестого он ушел из дома и поехал по тихим улочкам к зданию муниципалитета. Эдди Вобертон с метлой в руках и «Истер-филдом» в зубах (золотая медаль Святого Кристофера, которую он купил в «Необходимых вещах» за день до этого, была надежно спрятана под его голубой униформой) проследил, как он поднимается на второй этаж по ступеням. Ни одного слова не было произнесено между двумя мужчинами. Эдди уже привык за последний год к появлению Китона во внеурочные часы, а Китон уже давно перестал замечать Эдди.

Сейчас Китон, борясь с желанием просто порвать их на кусочки и разбросать по комнате, собирал все бумаги вместе и рассортировывал. Корреспонденцию из Бюро по налогообложению — в одну папку, свои собственные ответы — в другую. Он хранил эти письма в нижнем ящике несгораемого сейфа — в ящике, ключ от которого был только у него.

В конце большинства писем стояли пометки: Д.К./Ш.Л.

Д. К. был, конечно, Дэнфорд Китон, а Ш. Л. — Ширли Лоуренс, его секретарь, которая записывала под диктовку и печатала корреспонденцию. Однако, несмотря на подпись, Ширли не печатала ни один из его ответов на письма из Бюро.

Мудрее было бы сохранять кое-какие вещи в секрете.

Одна фраза попала ему на глаза, когда он сортировал письма: «...и изучая примеры компенсации рабочим за последний квартал 1987 года, у нас возникли серьезные вопросы относительно...»

В папку.

А затем другая: «Поверьте, что ваша просьба о пересмотре... кажется преждевременной».

Они проплывали мимо него, наполняя его чувством вышедшего из-под контроля кружения в карнавальном хороводе.

«... Вопросы о фондах для этих...»

«... мы не нашли записей...»

«... распределение фондов штата не были адекватно оформлены...»

«... затерянный расходно-приходный чек должен быть...»

«... просьба заполнить документацию по расходам...»

И наконец, это последнее, которое пришло вчера, которое в свою очередь заставило его поехать в Льюинстон вчера вечером, куда он поклялся никогда больше не приезжать во время лошадиных скачек.

Китон пробежал по письму взглядом. В висках у него стучало, и голова раскалывалась; большая капля пота медленно скатилась у него по спине. Под глазами у него были темные мученические круги. Холодная боль притаилась у него во рту.

**«БЮРО ПО НАЛОГООБЛОЖЕНИЮ
АУГУСТА, МЭН 04330»**

Надпись ниже печати штата издевалась над ним, и приветствие, которое было холодным и формальным предупреждало:

Председателю городского правления Кастр Рока.

И все. Там уже не было «Дорогой Дэн», или «Дорогой мистер Китон». Не было там же и пожеланий его семье в конце письма. Письмо было таким же холодным и оплакивающим,

Они хотели бы проверить городские книги. Все городские книги отчетов. Запись городских налогов, запись о федеральных доходах, запись о городских расходах, записи расходов на ремонт дорог, муниципальный бюджет, даже записи финансовых расходов по государственной экспериментальной ферме.

Они хотели видеть все, и они хотели получить документы к 17 октября. До этого срока оставалось всего пять дней.

Они.

Письмо было подписано казначеем штата, ревизором штата, и что было более зловещим — генеральным прокурором — самым высокопоставленным полицейским штата Мэн. И подписи были сделаны лично от руки, а не напечатаны.

— Они, — прошептал Китон, разглядывая письмо. Он зажал письмо в кулак и стиснул зубы.

— Онииинии!

Он отшвырнул письмо на стопку других и закрыл папку. На обложке папки было аккуратно написано: «КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ, БЮРО ПО НАЛОГООБЛОЖЕНИЮ, МЭН». Китон уставился на закрытую папку. Потом он вытащил ручку, и сверху большими кривыми буквами написал

«БЮРО КАКИ, МЭН!»

Он разглядывал надпись несколько мгновений, а потом снизу дописал

«ГЛАВНОЕ БЮРО ДЕРЬМА!»

Он держал ручку в кулаке, затем кинул ее на пол. Она приземлилась, издавая звякающие звуки.

Китон захлопнул еще одну папку, которая содержала копии писем, написанные им лично (и к которым он всегда добавлял инициалы своего секретаря), письма, которые он сочинял длинными бессонными ночами, письма, доказывающие бесполезность затеи. Вена пульсировала у него на лбу.

Он встал, взял две папки и положил их в верхний ящик, закрыл их и проверил, хорошо ли они закрыты. Затем подошел к окну и долго смотрел на спящий город, глубоко дыша и стараясь успокоить себя. Они добрались до него. Преследователи. Он в тысячный раз поймал себя на мысли, кто же в первую очередь мог направить Их на него. Если бы он мог обнаружить этого человека, этого грязного Главного Преследователя. Китон вытащил бы револьвер из шкапулки, спрятанной под старыми свитерами, и разделался с ним. Однако

он не сделал бы этого сразу. О нет. Он бы выкроил немного времени и заставил бы этого грязного подонка спеть Национальный Гимн, прежде чем убить его.

Его мысли вернулись к костлявому полицейскому. Риджвик. Может быть, это он? Он не выглядит достаточно смышленным... но, пожалуй, достаточно решительным. Пэнгборн приказал Риджвику прикрепить штрафной талончик к его «кадиллаку», но, кажется, это было неправдой. И в туалете, когда Риджвик назвал его Пиратом, в его глазах было насмешливое выражение. Был ли Риджвик на службе, когда начали приходить первые письма из Бюро по налоغو-обложению? Китон был уверен, что был. Сегодня он просмотрит запись по трудоустройству и удостоверится в этом.

Как там насчет самого Пэнгборна?

Он действительно был достаточно умным, и он ненавидел Дэн-форда Китона (как и Они все; разве Они не ненавидели его?), и Пэнгборн знает многих людей из Аугусты. Он хорошо знает Их. Черт, да он же каждый день разговаривает с Ними по телефону. Телефонные счета даже по государственной линии были ужасными.

А может быть, это они вместе? Пэнгборн и Риджвик? Вместе замешаны в деле?

Если это ты, Пэнгборн, то ты пожалеешь об этом. А если это вы оба, вы оба пожалеете. Его руки сами собой сжались в кулаки. Я никогда не забуду вам этого преследования.

Его аккуратно обстриженные ногти оставили ранки на ладонях. Он даже не заметил крови, когда она начала сочиться. Может быть, это Риджвик? Может быть, Пэнгборн, может быть, Мелисса Клаттербарк, эта фригидная сука, из городской ревизионной комиссии, может быть, Билл Флиртон, заместитель председателя городского управления (он точно знал, что Фулerton мечтал занять его кресло и не успокоится, пока не сделает это)...

А может быть, все они.

Все они.

Китон тяжело вздохнул, оставляя туманное пятно на оконном стекле. Вопрос был в том, что же ему делать теперь? От сегодняшнего дня и до 17 октября, что же ему делать?

Ответ был прост: он не знал.

2

Жизнь Дэнфорда Китона, молодого мужчины, была вся раскрашена белыми и черными полосами, и ему это вполне нравилось. Он ходил в Высшую школу Кастл Рока и подрабатывал в семейной автомастерской неполный рабочий день, когда ему было четырнадцать лет. «Китон Шевроле» был одним из самых старых акционеров с правом голоса в Новой Англии и был ключевым камнем финансовой структуры Китона. Это была довольно солидная структура, по крайней мере, до последнего времени.

Последние четыре года в Высшей школе для всех он был Пиратом. Он окончил курсы по менеджменту, завоевал солидную ступень Б, а также стипендию и уехал учиться в бизнес-колледж в Бостон.

Там он был среди первых и последние три курса сдал экстерном. Когда он вернулся в Кастл Рок, он быстренько уяснил, что дни Пирата закончились.

Он прекрасно жил до их поездки со Стивом Фразье в Льюинстон лет девять или десять назад. Тогда-то у него и возникли проблемы; именно тогда его чистенькая черно-белая жизнь стала заполняться серыми тонами.

Он никогда не играл на деньги — ни как Пират из В.Ш.К.Р., ни как Дэн из Бизнес-колледжа, ни как мистер Китон из «Китон Шевроле» и председатель городского управления. Китон знал, что никто из его семьи не играл на деньги. Ничего подобного он не мог припомнить. В семье не существовало никаких табу насчет этого, никаких «этого делать не следует», но никто и не делал этого. Китон никогда не держал пари или чего-то в этом роде до первой поездки в Льюинстон на бега со Стивом Фразье. Он никогда не держал пари, да и не нуждался в них. Бега в Льюинстоне разрушили все, в чем когда-либо нуждался Дэнфорд Китон.

Он был третьим председателем городского управления. Стив Фразье, теперь уже пять лет как в могиле, был председателем городского управления в Кастл Роке. Китон и Фразье «проезжали вверх по городу» (поездки в Льюинстон всегда проходили по этому маршруту) вместе с Батчем Нидью, надзирателем социальных служб округа, и Гарри Семьюэлсом, который будет членом городской управы большую часть своей сознательной жизни и, возможно, так и умрет в этой должности. Поводом для поездки послужила конференция всех должностных лиц округа штата. На ней обсуждались новые законы о разделе государственных доходов штата, и именно государственные доходы создали для него большинство проблем. Без них Китону нужно было бы давно вырыть себе могилу. А с ними он мог пользоваться чужими долларами.

Это была двухдневная конференция. А в перерыве вечером Стив предложил пойти немного поразвлечься в большом городе. Билл и Гарри отказались. Китону тоже не светила перспектива провести вечер со Стивом Фразье — он был толстым, лысым, вспыльчивым человеком.

Однако он пошел. Он надеялся уйти, если Стив предложит провести вечер в путешествии по трущобам. Все-таки Стив был председателем городского управления. Гарри Сэмьюэлс мог быть удовлетворен, проведя остаток жизни вторым, третьим, четвертым уполномоченным. Билл Нидью сказал, что он собирается подать в отставку после окончания срока его полномочий... но у Дэнфорда Китона были свои планы, а Фразье, толстый он или нет, мог ему открыть многие двери.

Итак, они вышли и направились сперва в Холли. «РАЗВЛЕКАЙТЕСЬ В ХОЛЛИ!» — Прочитали они на вывеске над дверями, и Фразье действительно развлекался, надираясь виски с содовой, одобрительно посвистывая девушкам из стриптиза, которые были в основном толстыми, старыми и всегда очень медлительными. Все они казались Китону неживыми. Он помнит, что думал об этом на протяжении всего вечера.

Затем они отправились на ипподром, и здесь все переменялось.

Они пришли, когда начался уже пятый забег, и Фразье притянул, чуть ли не за уши, упирающегося Китона к окошечку кассы, где делались ставки.

— Стив, я ничего не понимаю в этом.

— Это не имеет значения, — счастливо ответил Фразье, дыша парами шотландского виски прямо Китону в лицо. — Мы выиграем сегодня вечером, Пират. Я чувствую это.

Китон не имел ни малейшего представления о том, как нужно делать ставки, и с трудом понимал объяснения Стива.

Подойдя к окошечку он сунул туда пятидолларовую бумажку и сказал:

— Номер четыре.

— Победитель, место или шоу? — спросили его.

Но Китон не знал, что ответить.

Внутри кабинки он увидел поразительную вещь. Три клерка считали и связывали огромные пачки купюр, больше, чем Китон когда-либо видел в своей жизни сразу и в одном месте.

— Победитель, место или шоу? — повторили ему вопрос. — Поторопись, приятель, это не общественная библиотека.

— Победитель, — ответил Китон.

Он абсолютно не знал, что значат все эти слова, но слово «победитель» он прекрасно понимал.

Ему вручили билет и три доллара сдачи — один и два. Китон с интересом разглядывал два доллара, пока Фразье делал ставки. Он знал, что были такие вещи, как двухдолларовые бумажки, конечно, но он никак не думал, что когда-нибудь увидит одну из них. На ней был изображен Томас Джефферсон. Интересно. В общем-то все было интересным — запах лошадей, овса, попкорна, жареных орехов, толпы суетящихся людей, атмосфера опасности. Место было тормозящее и отталкивающее одновременно. Ему уже раньше было знакомо это чувство бьющей ключом жизни, но впервые он ощущал его действие на целой толпе народа. Дэнфорд «Пират» Китон, редко признающий себя причастным к чему-либо, окружил себя частью этого. Очень большой частью.

— Это намного лучше, чем Холли, — сказал он, когда Фразье присоединился к нему.

— Да, скачки просто великолепны. Они не могут заменить другие развлечения. Давай лучше пойдем к перилам, — предложил Фразье. — На какую лошадь ты поставил?

Китон не помнил. Он посмотрел на свой билет. Номер четыре.

— Место или шоу?

— М-м, победитель.

Фразье добродушно покачал головой и похлопал его по плечу.

— Победитель — это для простачков, Пират. Но ты научишься. И он научился.

Где-то раздался громкий звонок, заставивший Китона вздрогнуть. Раздался голос: «Забег начался!», заглушающий громкоговорители на ипподроме. Громовой ропот пронесся над толпой, и Китон неожиданно почувствовал, будто электрический ток пронзил его тело. Фразье схватил Китона за руку и потащил через толпу. Они протиснулись к ограде где-то в двадцати ярдах от финишной черты.

Сейчас репортер называл номера лошадей.

— Номер семь — по первой дорожке; номер восемь — по второй; номер один — по третьей...

Как только дали старт, номер восемь начал теснить номер семь. Номер семь перешла на галоп, и номер восемь отстал от нее. В это же время номер один начал продвигаться вперед — Китон увидел это даже раньше, чем диктор сообщил об этой новости по громкоговорителю, а потом почувствовал, как Фразье толкнул его и услышал:

— Это твоя лошадь, Пират! Это твоя лошадь, и она имеет шанс!

Когда лошади промчались к финишу, к тому месту, где стояли Китон и Фразье, вся толпа начала оглушительно орать и свистеть. Китон чувствовал, как его пронизывает электрическим потоком, не искрами, а именно потоком. Он начал скандировать вместе с ними, на следующий день он так охрип, что мог разговаривать только шепотом.

— Абсолют! (Так звали его лошадь), — орал он, — давай, Абсолют, давай быстрее!

— Рысью, — произнес Фразье, так смеясь, что слезы стекали по его щекам. — Давай, сукин сын, рысью. Это то, что ты имел в виду, Пират.

Китон даже не обратил внимания на эти слова. Он был в другом мире. Он посылал мысленные приказы Абсолюту, телепатически передавая ему свои силы.

— Сейчас ведет Филд, за ним Как Дела. Как Дела и Филд, — выкрикивал голос из репродуктора. — А вот теперь вперед вырывается Абсолют...

Лошади промчались, вздымая целые клубы пыли. Абсолют бежал рысью, устремившись полностью вперед; он обошел Как Дела и Филда, который выбивался из последних сил. Абсолют пришел первым.

— Я получу обратно мои деньги? — озабоченно спросил Китон.

— Пират, ты получишь намного больше. Ставка на Абсолюта была тридцать к одному.

Прежде чем уйти с ипподрома, Китон выиграл триста долларов. Вот так зародилась его мания.

3

Он снял пальто с вешалки, стоявшей в углу его кабинета, надел его, собираясь уходить, затем остановился, держась рукой за дверную ручку. Он обвел комнату взглядом. Напротив окна на стене висело зеркало. Китон смотрел на него очень долго, затем подошел к нему. Он слышал о том, как Они используют зеркала — не вчера ведь родился.

Он встал напротив, игнорируя отражение налитых кровью глаз и бледного лица. Потрогал щеки рукой, сузил глаза, глядя в фотокамеру, находящуюся за зеркалом. Глядя на Них.

Он ничего не увидел.

Постояв, он отошел, безразлично потеряв стекло манжетой пальто, и вышел из кабинета. Ничего. Однако это не означало, что Они

не придут, не снимут зеркало и не вставят другое, через которое можно вести наблюдение из соседней комнаты. Шпионство было вторым занятием Преследователей. Теперь ему придется каждый день проверять зеркало.

— Но я могу, — сказал он пустому коридору. — Я могу делать это. Поверьте мне.

Эдди Вобертон подметал пол в вестибюле и не взглянул на Китона, когда тот вышел на улицу.

Его машина была припаркована, но ему не хотелось садиться за руль. Он знал, что если он устанет, то оставит «кадиллак» перед витриной какого-нибудь магазина. Разбираясь в путанице своих мыслей, он шел скорее от дома, чем в направлении к нему. Было семь пятнадцать утра, суббота, и он был просто человеком, идущим по маленькому деловому кварталу Кастл Рока.

Его мысли возвратились к первому вечеру, проведенному на ипподроме. Казалось, что он не сделал никакой ошибки. Стив Фразье проиграл тридцать долларов и сказал, что после девятого забега он уходит. Китон захотел остаться еще. Он даже не заметил, когда Фразье ушел. Он только помнил, как было здорово, что не было рядом человека, который толкал бы его под локоть и говорил:

— Пират, то, Пират, это.

Он ненавидел клички, и, конечно же, Стив знал об этом — именно поэтому он и называл его так.

На следующей неделе он снова приехал и проиграл на шестьдесят долларов больше, чем выиграл в прошлый раз, но он не думал об этом. Но в тоже время он часто думал об огромном количестве наличных денег, это не были деньги в прямом смысле этого слова: деньги были только символом, о котором можно было поговорить, предмет, который подтверждает, что вы действительно были здесь, что были вы здесь кратковременно, и это только часть грандиозного спектакля. То, о чем он действительно думал, так это об огромном пронзительном волнении, которое сотрясало толпу после начала забега. Его волновали выкрики толпы по мере приближения лошадей к финишу. Это так полно было насыщено жизнью, что становилось опасным.

Китон решил, что ему лучше не участвовать в этом. Вся его жизнь была уже тщательно спланирована. Он собирался стать председателем городского управления Кастл Рока, когда Стив Фразье окончательно уйдет в отставку, а лет этак через шесть или семь после этого собирался выставить свою кандидатуру в Палату Представителей штата. А после этого... кто знает? Государственная служба вполне доступна для человека с амбициями, возможностями... и здравомыслием.

С бегами у него возникли настоящие проблемы. В начале он даже не обратил на них внимание. Но очень скоро они дали о себе знать. Ипподром был местом, где люди платили свои деньги за билеты... и отбрасывали в сторону здоровый смысл. Китон видел слишком много безумства в своей собственной семье, чтобы спокойно принимать то предписание, которое таил в себе для него Льюинстон со своими скачками. Это была официальная сторона медали. Ловушка со спрятанными зубами, заряженный пистолет со взведенным курком.

Когда он приезжал, он не мог уйти, пока не закончится последний заезд. Но он пытался. Один раз даже пошел к выходу, но что-то в его голове, что-то сильное, беспощадное, возмутилось, восстало и заставило повернуть обратно. Китон испугался, что этот монстр может проснуться полностью. Лучше его не тревожить.

И три года он не тревожил его. Потом, в 1984 году, Стив Фразье ушел в отставку, и Пират был избран председателем городского управления. Вот тогда-то у него и возникли основные проблемы.

Он отправился на ипподром, чтобы отметить свою победу, и, отмечая победу, он решил довести дело до конца. Он сделал очень крупные ставки и проиграл сто шестьдесят долларов за один вечер (на следующий день он сказал жене, что проиграл только сорок), конечно, это было не по доходам, но не больше, чем он мог себе позволить.

Через неделю он приехал снова, собираясь отыграть деньги назад, и почти сделал это. Почти — вот ключевое слово. А еще неделю спустя он проиграл сто десять долларов. Это была достаточно большая сумма, и он не мог снять ее со счета Миртл так, чтобы она не заметила, поэтому... поэтому он позаимствовал немного из городской казны, чтобы покрыть свои расходы. Сто долларов. Каплю в море.

После этой точки события нарастали, как снежный ком. У ямы были скользкие края. Раз уж вы увязли одной ногой, то и вторая завязнет. Конечно, можно приложить всю энергию, чтобы зацепиться за край ямы, но это только оттянет последний момент. Последней точкой, после которой уже не стало пути назад, было лето 1989 года. Бега были каждый вечер в то лето, и Китон посещал их регулярно со второй половины июля и весь август. Миртл даже начала думать, что поездки на ипподром — это просто отговорки, на самом деле он просто встречается с другой женщиной.

Когда же Миртл узнала, что причиной поездок были только скачки, она даже успокоилась. Он уезжал из дома, где исполнял роль тирана, к тому же он не очень проигрывал, думала она, потому что это не слишком отражалось на их чековой книжке. Просто у Дэнфорда появилось хобби, которое развлекало его.

Всего лишь лошадиные бега, думал Китон, когда шел вниз по Мэйн-стрит, глубоко засунув руки в карманы. Он рассмеялся странным диким смехом, который заставил бы людей оглядываться, если бы на улице кто-нибудь был. Миртл всегда проверяла банковские счета. Мысль, что Дэнфорд вполне может растратить долгосрочные счета, которые были основой их материального положения, никогда не приходила ей в голову. Осознание того факта, что «Китон Шевроле» находился на грани краха, принадлежало одному лишь Дэнфорду.

Миртл проверяла только банковские счета и расходы по хозяйству. Он тратил.

Когда дело касается растраты, то такие люди справляются с этой задачей лучше всего... но сколько веревочке ни виться, а концу все равно быть. Конец веревки Китона начал появляться осенью 1990 года. Он старался сводить концы с концами, как только мог, надеясь поправить финансовое положение игрою на бегах. К тому времени

он нашел букмекера, который помог ему делать более крупные ставки, чем те, которые были дозволены официально.

Однако он не перестал проигрывать.

А уже этим летом преследование началось по-серьезному. До этого Они просто играли с ним. А теперь Они были настроены решительно, и День Армагеддона наступит для него не позднее, чем через неделю.

Я найду на них управу, думал Китон. Со мной еще не покончено. У меня еще есть парочка фокусов в запасе.

Однако он не знал, что ему делать. В этом была вся проблема.

Ничего. Выход есть. Я знаю, что выход есть...

На этом его мысли прервались. Он стоял перед новым магазином «Необходимые вещи», и то, что он увидел на витрине, выветрило все его мысли из головы на несколько мгновений. Это была прямоугольная картонная коробка, ярко окрашенная, с картинкой на крышке. Карточная игра, предположил он. Но это была игра в лошадиные бега, и он мог поклясться, что рисунок, на котором две упряжки приближались к финишной черте, голова к голове, изображал Льюинстонский ипподром. Если это были нарисованы не его главные трибуны, то он просто обезьяна.

Игра называлась «ВЫИГРЫШНЫЙ БИЛЕТ».

И Китон простоял почти пять минут, разглядывая коробку, загипнотизированный, как ребенок, играющий на компьютере. Затем, медленно, он прошел под зеленым навесом к двери посмотреть, работает ли магазин в субботу. На двери висела табличка, на которой написано было только одно слово:

ОТКРЫТО.

Китон посмотрел на нее, подумав, совсем как Брайан Раск до него, что ее просто забыли убрать. Магазины на Мэйн-стрит не открывались в семь часов утра в Кастл Роке, а уж тем более в субботу. Но тем не менее он подергал ручку. Она мягко поддавалась.

Когда он открыл дверь, маленький серебряный колокольчик зазвенел у него над головой.

— Вообще-то это не игра, — говорил Лиленд Гаунт через пять минут, — вы ошибаетесь, думая так.

Китон сидел в плюшевом кресле с высокой спинкой, где Нэтти Кобб, Синти Роуз Мартин, Эдди Вобертон, Эверет Франкел, Майра Эванс и множество других жителей городка сидели до него в течение этой недели. Он пил очень хороший кофе. Гаунт настоял, чтобы он выпил чашечку, а сейчас Гаунт аккуратно снимал коробку с витрины. Он был в пиджаке винного цвета, аккуратно причесанный. Он сказал Китону, что часто работает в необычные часы, потому что у него бессонница.

— С тех пор, когда я был еще юношей, — сказал он, издавая хриплый смешок, — а это было очень давно.

Гаунт выглядел очень свежо, только вот его глаза — они покраснели, как будто красный был их естественным цветом.

Теперь он принес коробку и поставил ее на столик рядом с Китоном.

— Меня притянула коробка, — пояснил он, — похоже, что на ней изображен Льюинстонский ипподром. Я бываю там иногда.

— Вы любите рисковать? — с улыбкой спросил Гаунт.

Китон хотел сказать, что он никогда не делает ставки, но передумал. Улыбка была не просто дружественная; это была улыбка сочувствия, и он неожиданно почувствовал, что находится в обществе товарища по несчастью.

Это чувство пропало, когда он пожимал руку Гаунту; при рукопожатии его окатила волна отвращения такая сильная, что вызвала мускульный спазм. В этот момент ему даже показалось, что он отыскал своего Главного Преследователя.

— Мне знакомы условия игры на скачках, — сказал он.

— Печально, но мне тоже, — ответил Гаунт.

Его покрасневшие глаза уставились на Китона, и между ними возникло полное взаимопонимание... или Китону это только показалось.

— Я играл почти на всех ипподромах, от Атлантического океана до Тихого, и я вполне уверен, что на одной из коробок изображен Летарк Парк в Сан-Диего. К сожалению, этот ипподром уже закрыт. Сейчас там идет строительство жилого массива.

— О, — издал звук Китон.

— Но позвольте мне показать вам этот. Кажется, он вас заинтересует.

Гаунт открыл коробку и осторожно вытащил оловянные беговые дорожки длиной около трех футов на подставке и шириной около полутора футов. Это напомнило Китону дешевые японские игрушки, которые были у него, когда он был ребенком, сразу после войны. На треке было восемь отделений и восемь маленьких оловянных лошадок стояло у стартовой линии. На каждой лошадке сидело восемь оловянных всадников.

Китон радостно улыбнулся. Он впервые улыбнулся за многие недели, и эта улыбка не шла к общему выражению его лица.

— Но вы еще ничего не видели, — возразил Гаунт, улыбаясь в ответ. — Эта малышка была сделана в 1930 или 1935 годах, мистер Китон, — настоящая старушка. Но это не просто игрушка, навязываемая покупателям.

— А что же?

— Вы слышали что-нибудь об Оиджи?

— Конечно. Кажется, это касается спиритуализма.

— Вот именно. Во времена Застоя было много людей, считающих, что «Выигрышный Билет» — дело рук Оиджи.

Их взгляды встретились, Гаунт дружелюбно улыбался, и Китон был просто не в состоянии отвести глаза, точно так же, как он не мог уйти с бегов до окончания последней скачки, как бы он ни пытался.

— Глупо, не правда ли?

— Да, — ответил Китон.

Но ему это совсем не казалось странным. Это казалось ему вполне... вполне... вполне разумным.

Гаунт вытащил из коробки маленький оловянный ключик.

— Каждый раз выигрывают разные лошади. Внутри есть какой-то механизм. Примитивный, но достаточно интересный. А теперь посмотрите.

Он вставил ключик в щелочку на одну из сторон платформы, на которой стояли оловянные лошадки, и повернул ключ. Послышались слабые щелчки, позвякивания, вздохи. Гаунт вытянул ключ.

— Какой ваш номер, — спросил он.

— Пятый, — ответил Китон.

Он нагнулся вперед, его сердце набирало обороты. Это было глупо, но он снова почувствовал, как старое возбуждение охватывает его.

— Хорошо, я выбрал шестой номер. Сделаем ли мы ставки, просто так, для интереса?

— Обязательно. Сколько?

— Не деньги. Дни, когда я заключал пари на деньги, закончились давным-давно, мистер Китон. Это самое неинтересное дело. Давайте так: если выиграет ваша лошадь, я сделаю все, что бы вы не просили. А если моя, то сделаете вы. А если выиграет какая-нибудь другая лошадь, то никто никому не должен. Хорошо? Вы готовы?

— Давайте, — сдерживая дыхание, сказал Китон и низко склонился над оловянным ипподромом.

Его кулаки были зажаты между коленями. Прозвучал тихий металлический щелчок.

— Они на старте, — тихонько прошептал Гаунт.

Зубчики и колесики, расположенные под беговыми дорожками, начали свою работу. Лошади выехали за стартовую черту. Сначала они двигались медленно, раскачиваясь из стороны в сторону, потом продвигались рывками, но когда они перешли на второй круг, то начали набирать скорость.

Впереди была лошадь под номером два, за ней — номер семь. Другие значительно уступали им.

— Давай, пятый! — тихонько выкрикнул Китон. — Давай, пятый, пошевеливайся, ты, сука!

Как будто услышав его, маленькая оловянная лошадка начала вырываться вперед. Она обогнала номер семь. Номер шесть, выбранная Гаунтом, тоже начинала пошевеливаться. Билет Победителя подпрыгивал на маленьком столике. Он мелькал перед лицом Китона, как луна в полнолунии. Капли пота скатились по фигурке жокея на номере три, как будто он был живым человеком. Но и его лошадь была просто взмыленной.

На третьем круге номер семь промчался быстрее и обогнал номер два. Но пятерка Китона не отставала. Да и номер шесть Гаунта шел у них по пятам. Эта четверка оторвалась от остальных лошадей, не оставляя им шанса на победу.

— Давай, ты, тупица! — вопил Китон. Он совершенно забыл, что это были просто кусочки олова, напоминающие лошадей. Он забыл, что он находился в магазине у человека, с которым раньше никогда не встречался. Его захватило сумасшествие скачек.

— Давай, давай! Обставь их, сука! Вперед! Обставь их!

Теперь номер пять догоняла лидера... и даже вырвалась вперед. Лошадь Гаунта догоняла ее, когда лошадь Китона пересекла финишную черту, Победитель.

Завод заканчивался, но большинство лошадей все-таки добежали круг и вернулись к старту, когда завод окончательно закончился.

— Фу! — сказал Китон и почесал бровь. Он был абсолютно выжат. Он чувствовал себя намного лучше, чем все это долгое, долгое время. — Было просто здорово!

— Да, действительно, — согласился Гаунт.

— В старые времена умели делать вещи.

— Да, — улыбаясь, согласился Гаунт. — Кажется, вы выиграли, мистер Китон.

— Да забудьте — это было просто забавой.

— Ничего подобного. Джентльмен всегда платит по своим счетам. Просто предупредите меня за день или два перед тем, как прийти описывать мое имущество, как они говорят.

Прежде, чем описывать имущество.

Все рухнуло. Описывать имущество! Они сделают это! Они! В четверг Они придут к нему домой... и что тогда? Что тогда?

Образ черных газетных заголовков прыгал у него перед глазами.

— Хотите узнать, как серьезные игроки использовали эту оловянную игрушку в 30-х годах? — мягко спросил мистер Гаунт.

— Конечно, — ответил Китон, совсем не думая об этом... пока не поднял голову. Затем их взгляды снова встретились, и мысль об использовании детской игрушки в целях узнать победителя уже не казалась ему странной.

— Понимаете, они брали газету с объявлениями о заездах и проигрывали все заезды один за одним на этой доске. Они давали лошади в каждом заезде клички из газет — они делали это, притрагиваясь к каждой лошади и одновременно произнося ее кличку, а затем заводили игрушку. Таким образом, проигрывались все заезды — восемь, десять, двенадцать и т.д. Затем они шли на ипподром и ставили на лошадей, которые выиграли дома.

— И это срабатывало? — спросил Китон. Ему показалось, что его голос раздается откуда-то из другого места. Очень далекого. Казалось, что из глаз Лиленда Гаунта. Чувство было странное, но довольно приятное.

— Кажется, да. Возможно, что это просто глупые предрассудки, но... хотите купить эту игрушку и испытать ее лично? — спросил Гаунт.

— Да, — ответил Китон.

— Вы человек, которому просто необходимо выиграть, правда, Дэнфорд?

— И больше чем один раз. Сколько?

Лиленд Гаунт рассмеялся.

— О, нет. Со мной такое не пройдет. Теперь, когда я ваш должник! Я предлагаю вам вот что — откройте бумажник и вытащите оттуда первую попавшуюся бумажку. Я уверен, что этого будет достаточно.

Китон открыл бумажник и вытащил бумажку, не отрывая взгляда от лица Гаунта, и, конечно, на ней был изображен Томас Джефферсон — бумажку, приведшую его к краю пропасти.

Движением фокусника Гаунт заставил бумажку исчезнуть и сказал:

— Есть еще один вопрос.

— Какой?

Гаунт наклонился вперед, посмотрел на Китона откровенным взглядом и прикоснулся к его колену.

— Мистер Китон, вы знаете о... Них?

Китон закашлялся.

— Да, — прошептал он. — Боже, да.

— Этот городок просто набит Ими, — продолжал Гаунт таким же тихим конфиденциальным тоном. — Просто кишмя кишит. Я открыл магазин меньше чем неделю назад, но и то знаю об этом. Кажется, Они наблюдают и за мной. Я даже уверен в этом. Мне может потребоваться ваша помощь.

— Конечно же, — произнес Китон. Теперь он говорил немного громче. — Клянусь, я помогу вам чем только смогу!

— Вы случайно встретились со мной, и вы ничего не должны мне...

Китон, который уже считал Гаунта своим лучшим другом за последние десять лет, хотел протестовать. Но Гаунт остановил его движением руки.

— И вы даже представления не имеете, сработает ли эта штучка, которую я продал вам или это еще одна несбывшаяся надежда... которая превратится в какой-то кошмар, мучающий вас по ночам, если вы верите в это, — у меня особый дар убеждения. Но я верю только в удовлетворенность покупателя, только довольного покупателя, мистер Китон. Я занимаюсь торговлей уже много лет, и я создал себе репутацию только на довольных покупателях. Поэтому возьмите игрушку. Если она будет работать на вас — хорошо. А если не будет, то пожертвуйте ее кому-нибудь или просто выкиньте на свалку. Сколько вы за нее отдали? Два бакса?

— Два бакса, — согласился Китон.

— Но если она сработает и у вас не будет больше проблем с финансами, навестите меня снова. Мы посидим, выпьем кофе, совсем как сегодня утром, и поговорим о Них.

— Зашло уже слишком далеко, чтобы просто вложить деньги в казну, — произнес Китон чистым, но отрешенным голосом, как разговаривают люди во сне. — Слишком много пятен, чтобы их можно было вытереть за пять дней.

— За пять дней много может измениться, — задумчиво произнес Гаунт. Он поднялся, двигаясь очень грациозно. — Впереди у вас длинный день... впрочем, как и у меня.

— Но Они, — запрестовал Китон. — А как же Они?

Гаунт положил свою длинную костлявую руку на плечо Китона, и даже в таком заторможенном состоянии Китон почувствовал, как заурчало у него в животе от этого прикосновения.

— Мы разберемся с Ними позже. Не беспокойтесь об этом, — сказал Гаунт.

— Джон, — позвал Алан, когда Джон Ля Пуан проскользнул в контору шерифа. — Рад тебя видеть!

Была суббота, десять тридцать утра, и контора шерифа Кастр Рока была как всегда пуста. Норрис где-то рыбачил, Ситон Томас уехал в Сэнфорд навестить двух своих сестер, Шейла Бригхэм была на собрании Общества Сестер Святого Духа, помогая своему брату писать еще одно письмо в газету, объясняющее безвредную сущность Казино Найт.

Отец Бригхэм также хотел, чтобы это письмо отразило его уверенность в том, что Вильям Роуз просто сумасшедший. Никто, конечно, не мог прийти и просто сказать такую вещь, и уж конечно, не через газету — но Отец Джон и Сестра Шейла старались сделать все возможное, чтобы их поняли. Эдди Клаттербарк был где-то на дежурстве, как считал Алан. До появления Джона единственным человеком, находившимся в здании муниципалитета, был Эдди Вобертон.

— Что случилось, шеф? — спросил Джон, усаживаясь на край стола Алана.

— Субботним утром? Ничего особенного. Но посмотри на это. — Алан расстегнул правый манжет рубашки цвета хаки и закатил рукав. — Отметь тот факт, что моя рука никогда не отрывается от запястья.

— А-га, — сказал Джон. Он вытащил пакетик фруктового сока, надорвал его и начал пить.

Алан показал ему пустую правую ладонь, затем повернул ее и сжал в кулак. Он просунул в кулак указательный палец левой руки и вытащил оттуда кусочек шелка. Он взглянул на Джона.

— Не плохо, а?

— Если это шарфик Шейлы, то она будет расстроена, найдя его помятым и пахнущим твоим потом, — сказал Джон. Непохуже было, чтобы он верил в чудеса.

— Это не моя вина. Она оставила его на столе, — ответил Алан. — Кроме того, волшебники не потеют. А теперь скажи: «Хей и абракадабра!»

Он засунул шарфик Шейлы в кулак, драматически подул на него. Шарфик профланировал по воздуху и приземлился на пишущей машинке, смахивая на яркую бабочку. Алан посмотрел на Джона и вздохнул.

— Не так уж и здорово.

— Чисто сделано, — сказал Джон. — Но я видел этот фокус уже несколько раз. Раз тридцать или даже сорок.

— Что ты такое говоришь, Джон? Это не так уж и плохо для какого-то занюханного полицейского.

Джон рассеянно посмотрел на него:

— Не видел, шеф, извините.

— Бесполезно, — сказал Алан. — Но я работаю над вариациями, Джон. Надеюсь, что тебе понравится.

— А-га, Алан. Ты все еще хочешь, чтобы я проверил те ванне комнаты в новом ресторанчике на Ривер Роуд?

— Все еще хочу.

— Почему мне всегда достается самая дерьмовая работа? Почему Норрис не может...

— Норрис проверял туалетные комнаты в «Счастливых путешественниках» в июле и августе, — сказал Алан. — А в июне я делал это. А теперь просто твоя очередь, Джони. Я также хочу, чтобы ты взял пробы воды. Возьми для этого несколько специальных пробирок, которые они присылают из Аугусты. Их еще целое море в том самом ящичке в коридоре. Кажется, я видел их где-то там.

— Хорошо, — ответил Джон, — ты получишь их. Но в случае риска, как в прошлый раз, я за себя не отвечаю.

— Ладно, но мы уже говорили об этом с владельцем ресторана. Это тебе о чем-нибудь говорит?

— Это говорит мне лишь о том, что я не смогу купить гамбургер в новом ресторанчике, даже если буду помирать с голоду.

— Правильно! — воскликнул Алан. Он встал из-за стола и похлопал Джони по плечу. — Надеюсь, что мы прикроем лавочку этого вонючего сукиного сына до того, как количество кошачьего и собачьего населения Кастл Рока начнет катастрофически уменьшаться.

— Это не очень умно, Алан.

— Ничего подобного. Это Тимми Биггон. Возьми образцы воды, а я передам их на санитарную станцию в Аугусте сегодня вечером.

— Чем ты занят сегодня днем?

— Прямо сейчас я собираюсь заглянуть в «Необходимые вещи», — ответил Алан, расправляя рукав и застегивая манжет. — Я хочу встретиться с мистером Лилендом Гаунтом. Он произвел огромное впечатление на Полли, и судя по тому, что я слышал от окружающих, она не единственная, кто восхищается им. Ты видел его?

— Еще нет, — ответил Джон. Они пошли к дверям. — Однако я проходил мимо магазинчика несколько раз. Интересный выбор вещей на витрине.

Они прошли мимо Эдди, который вытирал большую бутылку тряпкой, вытащенной из кармана. Он не посмотрел на Алана и Джона, когда они проходили мимо. Казалось, что он был поглощен своей собственной Вселенной. Но как только входная дверь захлопнулась за ними, Эдди Вобертон поспешил в диспетчерскую и снял трубку телефона.

6

— Хорошо... да... да... Я понимаю.

Лиленд Гаунт стоял за кассой, прижимая к уху трубку беспроводного дистанционного телефона. Улыбка, такая же тонкая, как полоска молодого месяца, искривляла его губы.

— Спасибо, Эдди. Большое спасибо.

Гаунт подбежал к занавеске, которая отгораживала магазин от помещения, находящегося за ним.

Он просунул половину туловища за занавес и склонился. Когда он вынырнул из-за занавеса, в руках он держал табличку.

— Теперь ты можешь идти домой, Эдди... да... ты можешь быть уверен, что я не забуду. Я никогда не забываю людей и обязанности, Эдди, и эта одна из причин, почему я особенно не люблю, когда мне напоминают. До свидания.

Он нажал на кнопку КОНЕЦ, не дожидаясь ответа, убрал антенну, опустил телефон в карман пиджака. Жалюзи были опущены. Мистер Гаунт встал между жалюзи и стеклом и убрал табличку, на которой было написано:

ОТКРЫТО.

Он заменил ее другой, той, что взял в дальней комнате, затем подошел к тонированному окну посмотреть на приближение Алана Пэнгборна. Пэнгборн заглянул в окно, через которое смотрел Гаунт несколько минут назад, он даже прижался лицом к стеклу на несколько минут. Хотя Гаунт стоял как раз напротив него, шериф не видел его.

Мистеру Гаунту не понравилось выражение лица Пэнгборна. Он лучше читал по лицам, чем запоминал их, и выражение этого лица было угрожающим. Оно внезапно изменилось, глаза слегка расширились, губы поджались. Гаунт почувствовал безотчетный страх. Он видит меня, подумал он.

Хотя, конечно, это было невозможно. Шериф отошел на полшага назад и... рассмеялся. Гаунт сразу же понял, что произошло, но это не повлияло на его отношение к Пэнгборну.

— Уходи отсюда, шериф, — прошипел он. — Уходи и оставь меня в покое.

7

Алан стоял, долго вглядываясь в тонированное стекло-витрину. Он поймал себя на размышлениях о том, из-за чего, собственно, весь шум. Прежде чем пойти к Полли домой вчера вечером, он разговаривал с Розали Дрейк, и она отзывалась о «Необходимых вещах» как о северном близнеце Тиффани, но китайский сервиз в витрине не выглядел вещью, из-за которой стоит вскакивать среди ночи и бежать писать письмо матери об этом, — в конце концов он был даже не очень хорошего качества. Несколько тарелок были с отбитыми краями, и трещинка пробежала как раз посередине одной из них.

Ну ладно, подумал Алан, каждому свое. Похоже, что этому китайскому фарфору лет сто, но я слишком глуп, чтобы разбираться в этом. Он поставил ладони козырьком к витринному стеклу, пытаясь разглядеть что-нибудь внутри, но там не на что было смотреть — свет был выключен и магазин был пуст. Потом ему показалось, что он увидел чью-то тень: странного, прозрачного человека, кого-то недоброжелательно смотрящего на него. Он отступил на полшага назад, прежде чем понял, что это просто отражение его собственного лица, и смущенно улыбнулся своей ошибке.

Он подошел к двери. Жалюзи были опущены, на двери висела табличка, написанная от руки:

«УЕХАЛ В ПОРТЛЕНД
ПОЛУЧАТЬ ТОВАРЫ.
ПРОСТИТЕ ЗА БЕСПОКОЙСТВО.
ПРИХОДИТЕ ПОЗЖЕ».

Алан достал бумажник из заднего кармана, вытащил визитку и на обратной стороне написал краткое послание:

*Уважаемый мистер Гаунт!
Я заходил субботним утром,
чтобы поприветствовать Вас в
нашем городке. Жаль, что не застал Вас.
Надеюсь, что Вам нравится в Кастл Роке.
Я заеду к Вам в понедельник. Может быть,
мы выпьем с Вами по чашечке кофе.
Если у Вас возникнут какие-нибудь
проблемы, то мои телефоны —
домашний и рабочий — на обратной
стороне визитки.
Алан Пэнгборн.*

Он всунул карточку в дверь, снова взглянул на витрину, удивляясь, что кому-то могут понадобиться разбитые тарелки. Когда он смотрел, странное чувство охватило его — чувство, что за ним наблюдают. Алан обернулся и никого не увидел, кроме Лестера Пратта. Лестер разговаривал по телефону и совершенно не смотрел в его сторону. Алана передернуло, он повернул голову к зданию муниципалитета. Понедельник был хорошим днем для встречи с Лилендом Гаунтом, очень хорошим днем.

8

Мистер Гаунт проследил за ним, пока Алан не скрылся из виду, затем подошел к двери и взял карточку, которую оставил Алан. Он внимательно прочитал напечатанное на обеих сторонах и начал улыбаться. Шериф собирается заскочить в понедельник. Это очень удачно, потому что мистер Гаунт считал, что когда наступит понедельник, у шерифа Кастл Рока будет слишком много других дел. Слишком много других забот. И это было очень хорошо, потому что он уже встречался раньше с мужчинами подобного типа, с такими людьми лучше не иметь дела. Такие люди, как Пэнгборн, видели слишком много.

— Кое-что случится с вами, шериф, — сказал Гаунт. — Кое-что, что сделает вас даже более опасным. Это написано у вас на лице. Но что за выражение было у вас на лице? Увидели ли вы что-то или, может быть, поняли, а может, и то и другое?

Он выглянул на улицу, его губы шевелились, открывая неровные зубы. Тихо и спокойно разговаривал он с тем, кто был самым лучшим слушателем уже долгое время.

— Я дам тебе кое-какое представление о комнатных фокусах, мой дорогой друг. Тебе нравятся фокусы. Я собираюсь показать тебе

парочку новых трюков, прежде чем покину город. Уверен, что они заинтересуют и развлекут вас.

Он покрутил в руках визитную карточку Алана, потом смял ее. Когда карточка была скатана в маленький шарик, язычок голубого пламени вырвался между указательным и средним пальцами. Он разжал ладонь, и хотя от пальцев поднимался дым, от карточки не осталось никакого следа — даже пепла.

— Скажи: «Хей и абракадабра», — тихонько произнес Гаунт.

9

Миртл Китон в первый раз за день подошла к дверям кабинета своего мужа и прислушалась. Когда она проснулась около девяти часов утра, Дэнфорд уже заперся в своем кабинете. Сейчас, в час дня, он все еще был там, за закрытой дверью. Когда она спросила его, не хочет ли он позавтракать, он ответил, чтобы она убиралась, он занят.

Она подняла руку, чтобы снова постучать... и замерла. Она слегка вытянула голову. Из-за двери доносился шум — скрип и позвякивание. Они напомнили ей звуки, издаваемые часами с кукушкой, которые принадлежали ее матери.

Она тихонько постучала.

— Дэнфорд?

— Уходи! — голос его был взволнованным, но она не поняла, что было причиной его волнения: возбуждение или гнев.

— Дэнфорд, с тобой все в порядке?

— Да, черт побери! Уходи! Я скоро выйду!

Громыхающий и предостерегающий. Предостерегающий и громыхающий. Звук был похож на шум миксера. Она надеялась, что с Дэнфордом не случился нервный припадок. В последнее время он вел себя довольно-таки странно.

— Дэнфорд, хочешь, я схожу в булочную и куплю горячих пончиков?

— Да! — выкрикнул он. — Да! Да! Пончиков! Туалетной бумаги! Что угодно, только уходи! Куда угодно, за чем угодно! Только оставь меня в покое!

Она еще немного постояла. Хотела еще раз постучать, но передумала. Она больше не была уверена, что ей интересно узнать, чем же занимается Дэнфорд в своем кабинете, и даже не знала, хочет ли, чтобы он открыл дверь.

Она обулась, надела теплое пальто — было солнечно, но довольно прохладно — и направилась к машине. Она поехала в «Крестьянские обеды», находившиеся в конце Мэйн-стрит, и купила дюжину пончиков — с медом для себя и шоколадным кремом для Дэнфорда. Она надеялась, что это поднимет его расположение духа — сама она очень любила шоколад.

На обратном пути она взглянула на витрину магазина «Необходимые вещи». То, что она увидела, заставило ее нажать на тормоза обеими ногами. Если бы кто-нибудь ехал за ней следом, обязательно случилась бы катастрофа.

В витрине стояла самая великолепная кукла в мире.
Конечно, жалюзи были снова подняты, и на вывеске можно было прочитать:
ОТКРЫТО.
Конечно.

10

Полли Чалмерс провела субботний день самым необычным для себя образом: совсем ничего не делая. Она сидела у окна в плетеной качалке, аккуратно положив руки на колени, наблюдая за редкими прохожими. Перед уходом на дежурство Алан позвонил ей и сказал, что не застал Лиленда Гаунта, спросил, как у нее дела и не нужно ли ей что-нибудь. Она ответила, что с ней все в порядке, что ей ничего не нужно.

Оба эти утверждения были ложью: она плохо себя чувствовала и ей нужно было несколько вещей. Лекарство от артрита возглавляло список.

Нет, Полли, то, что тебе действительно необходимо, так это немного храбрости. Столько, чтобы пойти к мужчине, которого ты любишь и сказать: «Алан, я хочу рассказать тебе правду о тех годах, когда меня не было в Кастл Роке, и я не хочу больше врать тебе о том, что случилось с моим сыном. Я хочу попросить у тебя прощения и рассказать правду».

Легко сказать, но трудно сделать, когда ты смотришь в глаза любимому человеку или когда пытаешься подыскать ключ, который смог бы открыть сердце, не разбив его на тысячи мелких кровотокающих осколков.

Боль и ложь; ложь и боль. Два предмета, вокруг которых вращалась ее жизнь в последнее время.

— Как ты сегодня, Полли?

— Хорошо, Алан. Хорошо.

На самом деле она боялась. В этот момент ее руки не так уж сильно болели, она почти хотела, чтобы это было так, потому что боль, даже самая сильная, все-таки была лучше, чем ожидание ее.

Почти сразу после полудня она ощутила теплое покалывание — почти вибрацию — в кистях рук. Оно образовало круги вокруг суставов и у основания большого пальца, она чувствовала это пощипывание под каждым ноготком. С ней такое бывало уже, и она знала, что это значит. Кажется, с ней произойдет то же самое, что и с тетей Бэтти, которая тоже болела артритом.

— Когда по моим рукам начинает пробегать электрический ток, я всегда знаю, что пора начинать высиживать цыплят, — говорила тетя Бэтти, а теперь Полли пыталась высидеть своих цыплят, только вот безуспешно.

По улице прошли два мальчика, пиная футбольный мяч. Тот, который справа — самый младший Лавэ, — ударил по мячу, и тот взвился вверх, а потом запрыгал по лужайке перед домом Полли. Мальчик заметил ее, сидящую перед окном, когда бежал за мячом, и помахал ей рукой. Полли подняла руку вверх, чтобы помахать в ответ... и почувствовала, как боль медленно растекается по всей

руке. Потом боль утихла и осталось только электрическое пощипывание. Это было похоже на затишье перед грозой.

Боль сама выберет свое время; с этим ничего нельзя было поделать. Ложь, которую она рассказала Алану о Келтоне... была совсем другим делом. И, думала она, была правда не то чтобы страшной, шокирующей... и не то чтобы он не подозревал, не догадывался, что она лжет. Он знал. Я видела это по его лицу.

Так почему же это так трудно, Полли? В чем дело?

Частично из-за артрита, а частично из-за того, что она все чаще и чаще прибегала к использованию сильнодействующих лекарств — все это вместе взятое подменяло истинный взгляд на вещи, ставило все с ног на голову. А потом у Алана была своя боль... и он говорил об этом прямо и честно. Он рассказывал ей об этом без минутного колебания.

Его переживания по поводу той автомобильной катастрофы, которая унесла жизни Анни и Тода, были смешанными и угнетающими, окруженные неприятным (и пугающим) клубком отрицательных эмоций, но он все равно раскрылся перед ней. Он сделал это, потому что хотел выяснить, было ли ей известно об умственном состоянии Анни, о котором он не знал... но он сделал это еще и потому, что честная игра и внутренняя открытость были составными частями его натуры. Что он подумает о ней, когда узнает, что она не всегда могла играть честно, его сердце, как и ее руки, слишком рано покрылись ржавчиной.

Она поерзала в кресле. Я должна рассказать ему — раньше или позже я должна. И нельзя объяснить, почему это так трудно, почему я обманула его. Конечно, я не убивала своего сына...

Она вздохнула — звук был скорее похож на всхлип — и изменила положение. Она поискала взглядом мальчиков с мячом, но они уже ушли. Полли поудобнее устроилась в кресле и закрыла глаза.

11

Она была не первой девушкой, которая оказывалась «в интересном положении» после непродолжительных, но бурных свиданий, и уж, конечно, не первой, которая ссорилась из-за этого с родителями или родственниками. Они хотели, чтобы она вышла замуж за Тома Шихана по прозвищу Герцог, за парня, от которого она ждала ребенка. Она сказала, что не сделает этого, даже если Герцог будет единственным мужчиной на земле. Это было правдой, но ее гордость не позволила ей признаться, что это он не хочет жениться на ней — его близкий друг сообщил ей, что он уже делает панические приготовления, чтобы отправиться служить во флот, как только ему исполнится восемнадцать... а это будет через шесть недель.

— Давай говорить откровенно, — сказал Ньютон Чалмерс и окончательно разорвал последнюю связующую нить между собой и дочерью. — Он был достаточно хорош, чтобы таскаться с ним, но недостаточно пригоден, чтобы выйти замуж — правильно я тебя понял?

Тогда она попыталась убежать из дому, но мама поймала ее. Если она не выйдет замуж за этого парня, говорила ей Лорен Чалмерс спокойным, сладким, самоуверенным голосом, который в юности доводил Полли чуть ли не до сумасшествия, то они отошлют ее к тете Саре в Миннесоту. Она сможет пробыть в Сант-Клаузе до рождения ребенка, а потом отдать его на усыновление.

— Знаю, почему вы хотите, чтобы я уехала, — говорила Полли. — Это из-за двоюродной бабушки Эвелин, ведь так? Вы боитесь, что если она узнает о моем грехе, то не оставит вам завещание? Это все из-за денег, правда? Это не забота обо мне. Я вас абсолютно не волную...

За слащавым голоском Лорен Чалмерс скрывался вспыльчивый характер. И она сломала тоненький мостик взаимопонимания, залепив дочери звонкую пощечину.

Итак, Полли пришлось убежать. Это было давным-давно — в июле 1970 года.

Она остановилась в Денвере и работала там почти до самых родов; ее ребенок появился в благотворительной больнице. Пациентки называли ее пристанищем для нищих. Она совсем уже решилась отказаться от ребенка, но что-то — может быть просто прикосновение к нему, когда сиделка принесла крошку на кормление — изменило ее планы.

Она назвала мальчика Келтоном, в честь дедушки по отцовской линии. Решение оставить ребенка немного пугало ее, потому что она была практичной, благоразумной девушкой, и ничто не противоречило этому образу вплоть до событий последнего года. Во-первых, практичная разумная девушка зачала ребенка до свадьбы, а практичные благоразумные девушки просто не совершают таких поступков. А потом она убежала и родила ребенка в городе, в котором она раньше даже никогда не бывала. А в завершение всего, практичная благоразумная девушка решила оставить ребенка и взять его с собой в будущее, которое было покрыто мраком.

В конце концов она не отказалась от ребенка не назло и не вопреки, никто не мог ее упрекнуть в этом. Она была просто удивлена появлением переживаний любви, такого простого, такого сильного и незабываемого чувства.

Она поехала дальше. Нет, они поехали дальше. Она перепробовала множество работ. Наконец они остановились в Сан-Франциско, где все пошло было своим чередом. В самом начале лета 1971 года здесь было полным-полно странных чудачков, последователей течения хиппи.

Как в песне Скотта Маккензи о Сан-Франциско, которая была очень популярна в те годы, лето было просто предназначено для любви. Полли Чалмерс, которая не имела ни малейшего представления о хиппи, тосковала по любви.

Дом, в котором она жила вместе с Келтоном, был просто набит обтрепанными парнями, которые носили пацифистские знаки вокруг шеи и покрытые грязью кроссовки. Наиболее частыми посетителями их квартала были полицейские. Очень много полицейских и нельзя было назвать их свиньями прямо в лицо; полицейские тоже хотели любви.

Полли обратилась за пособием, но оказалось, что она слишком мало живет в Калифорнии, чтобы получать пособие — она надеялась, что сейчас все изменилось, но в 1971 году очень трудно было самостоятельно прожить матери-одиночке, впрочем, как и в любом другом месте. Она обратилась в Детский Фонд и ждала, надеялась на ответ. Келтон никогда не забывал о еде, но самой ей приходилось сосать лапу, тощая молодая женщина, часто голодная и вечно дрожащая от страха, молодая женщина, которую бы с трудом узнали старые знакомые. Воспоминания о трех годах на Западном побережье, воспоминания, хранящиеся где-то на задворках памяти, как старая одежда на чердаке, измененные и доведенные до гротеска, стали ее ночными кошмарами.

И не из-за них ли она отказывалась рассказывать Алану о тех годах? Может быть, она просто не хотела вытаскивать их на свет? Она была не единственным человеком, страдающим от ночных кошмаров, вызванных ее гордостью, ее упрямым нежеланием попросить помощи и извращенным лицемерием того времени, провозглашающего триумф свободной любви и одновременно клеймящего незамужних матерей с детьми, ставящего их вне рамок общественной морали, а также из-за Келтона. Келтон стал заложником ее удачи, когда она в отчаянии крутила по беговой дорожке своей убогой жизни.

Ужасным было то, что ее положение медленно улучшалось. Весной 1972 года ей была начислена государственная помощь, первое пособие она должна была получить в текущем месяце, и она планировала перебраться в другое, лучшее место, когда случился пожар.

Ей позвонили в столовую, где она работала, в Норвиль. Повар, который постоянно норовил залезть ей под юбку, звал ее несколько раз к телефону, прежде чем она очнулась от своих мыслей.

Он повторял снова и снова:

— Полли, это полиция. Они хотят поговорить с тобой. Полли, это полиция. Они хотят поговорить с тобой.

И они действительно хотели поговорить с ней, потому что они нашли обгоревшее тело молодой женщины и ребенка на третьем этаже. Они обгорели до неузнаваемости. Они знали, кто был этот ребенок, а если Полли нет на работе, тогда понятно, кто эта женщина.

Через три месяца после смерти Келтона она пошла на работу. Одиночество было настолько сильным, что она почти помешалась, таким глубоким и полным, что она даже не вполне осознавала, насколько сильно она страдает. Потом она написала домой, сообщая отцу и матери только то, что она в Сан-Франциско, что у нее родился мальчик и что этого мальчика уже больше нет. Она не вдавалась в подробности, как будто боялась чего-то. Возвращение домой не входило в ее планы, по крайней мере не сейчас, но ей начало казаться, что если она не восстановит некоторые старые связи, более ценная часть ее начнет умирать по кусочкам, как умирает цветущее дерево во время продолжительной засухи.

Ее мать сразу ответила ей на почтовый ящик, который Полли указала в обратном адресе, умоляя ее вернуться в Кастл Рок... вернуться домой. Она выписала чек на семьсот долларов.

В квартире, где жила Полли со времени смерти Келтона, было очень тепло, и когда ее вещи были уже наполовину собраны, она решила выпить холодной воды. Пока она пила, вдруг она осознала, что решила поехать домой просто потому, что ее мама просила, почти умоляла об этом. Она вовсе не собиралась возвращаться, это было ошибкой.

Полли села на низкую узенькую кровать одинокой женщины и задумалась. Потом она порвала чек и написала матери письмо. Оно было не больше чем на страничку, но ей понадобилось почти четыре часа, чтобы справиться с этой задачей.

«Я хочу вернуться, или хотя бы попытаться, но не хочу вытаскивать из земли старые кости и горевать над ними, если я вернусь, — написала она. — Я даже не знаю, действительно ли я хочу начать новую жизнь на старом месте, но это возможно для любого, и я хочу попробовать. В связи с этим у меня появилась мысль: давайте немного просто попереписываемся. Ты и я, я и папа. Я давно пришла к выводу, что на бумаге труднее обидеть, поэтому давай побеседуем таким образом некоторое время, прежде чем встретиться».

Они переписывались почти шесть месяцев, и однажды январским днем 1973 года мисис и мистер Чалмерс появились у ее дверей с сумками в руках. Они остановились в отеле Марка Хопкинса, сказали они, и не уедут домой без нее.

Полли обдумала их слова, переходя от эмоции к эмоции: злость, что они оказались такими своевольными, грустное удивление от того, что их своеволие было таким милым и наивным, паника от того, что вопросы, которые она так тщательно избегала в письмах, всплывут на поверхность.

Она пообещала пойти пообедать с ними, но не больше — другие решения подождут. Ее отец сказал, что заказал комнату в отеле только на одну ночь.

— Вам лучше продлить срок, — ответила Полли.

Она хотела как можно больше разужать, прежде чем принять окончательное решение, нужен был более откровенный разговор, чем в письмах. Но первый вечер был единственным вечером, которым они располагали. Это был последний вечер, когда она видела своего отца здоровым и сильным, и большую часть времени она ссорилась с ним.

Старые аргументы, которых так легко избежать в письмах, начались еще до того, как был выпит первый бокал вина. Это были отдельные выстрелы, но после выпитых ее отцом бокалов, они превратились в непрерывный огненный шквал. Он высек искру, что они оба понимают, что Полли уже выучила свой урок, и пришло время похоронить прошлое. Миссис Чалмерс подлила масла в огонь, разговаривая своим холодным притворным голоском.

— А где же ребенок, дорогая? Хотя это ты можешь нам сказать? Я надеюсь, что ты отдала его в приют?

Полли очень хорошо были знакомы эти голоса и то, что стоит за ними. Ее папа заметил, что он возьмет ее под контроль, в любом случае контроль быть обязан. Ее мама ответила, что она выражает свою любовь единственно знакомым ей образом — требуя информа-

ции. Оба голоса, такие знакомые, такие любимые и презираемые разбудили в ней старую злость.

Они ушли из ресторана, так и не досидев до середины обеда, а на следующий день миссис и мистер Чалмерс улетели в штат Мэн одни.

После трехмесячного молчания переписка вновь возобновилась. Мама написала первой, извиняясь за тот ужасный вечер. Приглашения приехать домой не было. Это удивило Полли... и наполнило ее глубоким сознанием тревоги и беспокойства. Она почувствовала, что мать полностью отказалась от нее. Это было глупо, но от понимания этого чувство тревоги не прошло.

«Надеюсь, что ты лучше разберешься в проблеме, — писала мать. — Твоему отцу и мне очень тяжело принять это, потому что мы все еще считаем тебя маленькой девочкой. Кажется, он испугался, когда увидел, что ты такая красивая и совсем уже взрослая. И ты не должна осуждать его за те действия — у него опять начал болеть желудок. Врачи говорят, что причиной является желчный пузырь, и как только он согласится на операцию, он поправится, но я переживаю за него».

Полли ответила также примирительно. Ей было легче это сделать именно теперь, когда она начала посещать бизнес-курсы и отложила мысли о возвращении в Мэн на неопределенное время.

А затем, почти в самом конце 1975 года, пришла телеграмма. Она была очень краткой:

«У ТВОЕГО ОТЦА РАК. ПОЖАЛУЙСТА, ПРИЕЗЖАЙ ДОМОЙ. ЛЮБЛЮ. МАМА».

Он был еще жив, когда Полли приехала к нему в больницу. Старые воспоминания окружили ее. Те же самые мысли возникали у нее с каждым новым поворотом дороги, пробегающей по холмам западного района штата Мэн. Последний раз я видела это, когда была ребенком!

Ньютон Чалмерс лежал в отдельной палате, то приходя в себя, то теряя сознание. Весь он был опутан трубочками, соединенными с системами, поддерживающими его жизнь.

Он умер через три дня. Она собиралась вернуться в Калифорнию сразу же, так как считала, что ее дом теперь там, но через четыре дня после похорон отца с матерью случился сердечный приступ.

Полли переехала домой. Она ухаживала за матерью следующие три с половиной месяца и каждую ночь ей снился Норвиль, повар из «Вашего лучшего ужина». Норвиль появлялся в ее снах снова и снова, держа в руках телефон с табличкой «СМЕРТЬ ОТ НЕСЧАСТЬЯ» — на спине.

— Полли, это полиция, — сказал Норвиль. — Они хотят поговорить с тобой. Полли, это полиция. Они хотят поговорить с тобой.

Ее мать уже встала с постели и начала поговаривать о продаже дома и переезде в Калифорнию к Полли (этого она никогда бы не сделала, но Полли не мешала ей мечтать — она стала взрослее и добрее), когда случился второй приступ. И сырым мартовским днем 1976 года Полли обнаружила себя на кладбище рядом с двоюродной бабушкой Эвелин смотрящей на гроб, который стоял рядом со свежей могилой отца.

Его тело пролежало в земле всю зиму, ожидая, когда земля достаточно осядет, чтобы можно было поставить памятник. Такое стечение обстоятельств не смог бы выдумать ни один писатель. Держа на вершине последнего пристанища Ньютона Чалмерса еще не вырос, земля была сырая, и могила от этого выглядела особенно голой. Полли перевела взгляд с гроба матери на могилу отца. «Получилось так, как будто он только и ждал ее, чтобы быть достойно похороненным», — подумала Полли.

Когда отслужили молебен, тетя Эвви отозвала ее в сторону. Последняя живая родственница Полли стояла рядом с похоронным эскортом. Тошная, прямая старуха, одетая в черное мужское пальто и странно веселенькие красные галоши, с сигаретой, торчащей из уголка рта. Она чиркала спичкой, пытаясь прикурить сигарету, когда Полли подошла. Тетушка глубоко затянулась, а затем выпустила дым в холодный весенний воздух. Ее трость (простая камышовая трость, которую она приобрела тысячу лет назад) была зажата между коленями.

Сейчас, сидя в кресле-качалке, которая, несомненно, была бы тетушкой одобрена, Полли подсчитала, что тогда тете Эвви было лет под восемьдесят восемь, она дымила как паровоз и выглядела так же, как и в те времена, когда Полли была маленькой девочкой, ожидающей конфетку из нескончаемых запасов, хранящихся в ее карманах. Очень многое изменилось в Кастл Роке за время ее отсутствия, но только не тетушка Эвви.

— Ну вот, с этим покончено, — сказала она прокуренным до хрипоты голосом. — Оба в земле, Полли. Мать и отец. Оба.

Полли разрыдалась. Сначала ей показалось, что тетушка Эвви хочет ее успокоить. Полли всегда содрогалась от прикосновений старухи — она не хочет, чтобы ее успокаивали.

И ей не нужна забота. Эвелин Чалмерс никогда не была женщиной, верящей, что тоску по умершим можно успокоить, может быть, она вообще считала, что даже сама мысль об успокоении была иллюзорной. В любом случае, она курила и ждала, когда рыдания Полли перейдут в всхлипывания и она возьмет себя в руки.

Дождавшись этого, тетушка Эвви спросила:

— Твой парнишка — о котором так много было шуму — он умер?

Хотя Полли ревностно оберегала эту тему ото всех, она кивнула.

— Его звали Келтон.

— Хорошее имя, — сказала тетушка Эвви. Она выкинула потухшую сигарету. — Я сразу поняла это, еще в первую нашу встречу после твоего возвращения домой. Увидела в твоих глазах.

— Был пожар, — сказала Полли, глядя на нее снизу вверх. У нее был платочек, но такой мокрый, что стал абсолютно бесполезным, она положила его в карман пальто и вытерла ладошкой слезы, которые катились по ее щекам, как у маленькой девочки, которая упала с велосипеда и разбила коленку. — Молодая женщина, которую я наняла, чтобы присмотреть за ним, тоже сгорела.

— Хочешь узнать секрет, Триша? — спросила тетушка Эвви.

Полли кивнула головой и даже немного улыбнулась. Ее настоящее имя было Патриция, но с самого рождения она для всех была Полли. Для всех, кроме тетушки Эвви.

— Малыш Келтон мертв... а ты нет, — тетушка Эвви вытянула вперед палец и ткнула Полли в грудь, чтобы подчеркнуть свои слова. — Ты нет. А поэтому, что ты собираешься делать?

Полли помолчала.

— Я собираюсь вернуться в Калифорнию, — наконец сказала она. — Это пока все, что я могу сделать.

— Да, и это неплохо для начала. Но недостаточно. — А затем тетушка Эвви сказала то, о чем скажет сама Полли несколько лет спустя, когда она пойдет обедать с Аланом. — Ты не калека, Триша. Ты это понимаешь?

— Я... я не знаю.

— Вовсе нет. Пока ты не поймешь этого, неважно, куда ты поедешь или что будешь делать. У тебя не будет шанса.

— Какого шанса? — удивленно спросила Полли.

— Твоего шанса. Твоего шанса жить своей жизнью. А сейчас ты похожа на женщину, которая живет с привидениями. Не все верят в привидения, но я верю. Ты знаешь, как они выглядят, Триша?

Полли медленно покачала головой.

— Мужчины и женщины, которые не могут расстаться с прошлым, — сказала тетушка Эвви. — Вот кто настоящие привидения. А не они.

Она указала рукой на гроб, который стоял рядом со свежей могилой.

— Мертвые мертвы. Мы похоронили их, там они и останутся.

— Я чувствую...

— Конечно, — сказала тетушка Эвви. — Конечно, ты чувствуешь. А они нет. Твоя мать и мой племянник не чувствуют. Твой ребенок, тот, который умер тогда, когда тебя не было рядом, он не чувствует. Ты понимаешь меня?

Она понимала. Только не совсем.

— Ты ведь не хочешь остаться здесь, Полли, — по крайней мере сейчас? Возвращайся туда, где ты была раньше, или поезжай куда-нибудь в новое место — Склят Лейк, Гонолулу, Багдад, куда угодно. Это не имеет значения, потому что рано или поздно ты захочешь вернуться назад. Я знаю, это место принадлежит тебе и ты принадлежишь этому месту. Это написано на каждой черточке твоего лица, в твоей манере разговора, даже в том, как ты щуришь глаза, когда смотришь на человека, которого ты никогда не встречала раньше. Кастл Рок был создан для тебя, а ты для него. Не нужно спешить. Поезжай куда хочешь. Но поезжай туда живой, Триша. Не будь привидением. Будет лучше, если ты не вернешься сюда никогда, чем превратиться в одно из них.

Старуха оглянулась по сторонам, ее голова склонилась к трости.

— В этом чертовом городишке уже и так достаточно привидений, — сказала она.

— Я попытаюсь, тетушка Эвви.

— Да, я знаю, что ты сможешь. Попытаться — это было рождено вместе с тобой. Ты была чистым ребенком, хорошеньким, но ты не была счастливым ребенком. Счастье для дураков. Это все, на что они могут надеяться, бедняжки. Меня удивляет, что ты до сих пор все такая же чистая и светлая, а это очень важно. Я думаю, что ты

выберешься. — А затем быстро, почти сдержанно. — Я люблю тебя, Триша Чалмерс. Всегда любила.

— Я тоже люблю вас, тетушка Эвви.

Затем женщины обнялись. Полли вдохнула хорошо знакомый запах тетушки Эвви и снова заплакала.

Когда они шли обратно, тетушка Эвви засунула руку в карман. Полли ожидала, что тетушка вытащит платочек из кармана удивленно подумав, что за все эти долгие годы она впервые увидит тетушку плачущей. Но нет. Вместо платочка тетушка Эвви вытащила только одну конфетку, совсем как в те времена, когда Полли Чалмерс была маленькой девочкой.

— Хочешь конфетку, милая? — спросила она.

12

Начали сгущаться сумерки.

Полли потянулась в кресле, чувствуя, что почти заснула. Она ушибла одну руку, и острая боль пронзила ее, прежде чем ей на смену пришло неприятное покалывание. Будет хуже. Позже ночью или завтра боль будет очень сильной.

«Не обращай внимание на то, что ты не можешь изменить. Полли. Но есть, по крайней мере, одна вещь, которую ты можешь изменить, должна изменить. Тебе нужно рассказать Алану правду о Келтоне. Ты должна перестать прятать это привидение в своем сердце».

Но другой голос заговорил в ответ — злой, пугающий, кричащий голос. Голос гордости. И она была просто поражена его силой, его убежденностью, что не стоит выкапывать старые времена, старую жизнь ни для Алана, ни для кого-нибудь другого. И прежде всего, короткая жизнь ее ребенка и его несчастная смерть не должны быть отданы на растерзание городским сплетницам.

«Как это глупо, Триша! — зазвучал голос тетушки Эвви, которая тоже давно уже умерла. — Что плохого будет в том, если Алан действительно узнает, как на самом деле умер Келтон? Что такого, что городские сплетницы узнают об этом? Думаешь, кто-нибудь будет думать об этом? Не терзай себя — это старые новости. Не стоит внимания, даже за чашечкой кофе «У Нэни».

Может быть, и так... но это принадлежало ей, только ей. В его жизни и в его смерти он был только ее. И она тоже была ее, не мамина и не папина, не Герцога Шихана. Она принадлежала себе. Та испуганная, одинокая девочка, которая стирала свои трусики над обшарпанной раковиной каждый вечер, потому что у нее было только три пары, та испуганная девочка, которая с холодом в сердце ожидала, что что-нибудь случится, та девочка, которая иногда стояла перед окном, смотрела на далекие звезды, прижимала руки к горячему лбу и плакала — эта девочка была ее. Память о том, как она темной ночью, прижимая Келтона к груди, бродила по чужому городу, — была ее. Выплаканные ею слезы, сводящая с ума тишина, длинные туманные вечера в закуской, когда она старалась избежать приставаний Норвила, стыд, независимость, которая

досталась ей так тяжело... все это было ее и не должно принадлежать городу.

Полли, вопрос не в том, что это принадлежит городу, ты знаешь об этом. Вопрос в том, что принадлежит Алану?

Она раскачивалась в кресле вперед-назад, даже не сознавая, что это был жест отрицания. Ей казалось, что она провела слишком много бессонных ночей, чтобы отдать внутренний мир без борьбы. Со временем она расскажет Алану все, но время еще не пришло.

Определенно нет... особенно когда ее руки говорили ей, что через несколько дней она будет не в состоянии думать о чем-то другом, кроме них.

Зазвонил телефон. Может быть, это Алан вернулся с дежурства и звонит. Полли поднялась и подошла к телефону. Она осторожно взяла трубку двумя руками, готовая сказать ему то, о чем бы он хотел услышать. Голос тетушки Эвви попытался вмешаться, попытался сказать, что это плохой поступок, детская самоуверенность, возможно даже опасное поведение. Но Полли грубо прикрикнула на этот голос.

— Алло? — весело спросила она. — О, привет, Алан! Как ты? Хорошо?

Она выслушала его, потом улыбнулась. Если бы она посмотрела на свое отражение в зеркале, она бы увидела там женщину, которая собирается расплакаться... но она не посмотрела.

— Хорошо, Алан, — сказала она. — Просто отлично.

13

Подошло время отправляться на ипподром.

Почти.

— Давай, — прошептал Дэнфорд Китон. Пот стекал по его лицу, как масло. — Давай, давай, давай!

Он сидел, склонившись над «Билетом Победителя». Он все убрал со стола, освободил место для него и весь день провел, играя с ним. Он начал со старых сводок призеров скачек дерби. Он выиграл не менее двух дюжин дерби, давая оловянным лошадкам имена так, как научил его мистер Гаунт. И оловянные лошадки, которым давались имена победителей из книги, приходили к финишу первыми. Это случалось каждый раз. Это было удивительно, настолько удивительно, что только к четырем часам вечера он осознал, что провел день, проигрывая скачки давно минувших дней, в то время как этим вечером ему предстояли новые бега в Льюинстоне.

Нужно было делать деньги.

За последний час сегодняшняя льюинстонская газета «Дейли Сан» со сведениями о бегах лежала слева от «Билета Победителя». Справа лежал листок бумаги, который он вырывал из записной книжки. Список, составленный Китоном, гласил:

1-й забег: Базуна Джоан.

2-й забег: Филли Делодил.

3-й забег: Таммис Вондер.

4-й забег: Айм Эмейдз.

5-й забег: Бай Джорд.

6-й забег: Пани Бой.
7-й забег: Каспо Гром.
8-й забег: Делайторул Сан.
9-й забег: Тико-Тико.

Было только пять часов, но Дэнфорд Китон уже проиграл последнюю скачку сегодняшнего вечера. Лошади бегали по треку. Одна из них обогнала всех других и пересекла финишную черту.

Китон схватил газету с объявлением. Его лицо просто сияло.

— Малабар! — выкрикнул он и потряс кулаками в воздухе. В одном из них был зажат карандаш. — Это Малабар! Тридцать к одному! Тридцать к одному! Боже, Малабар!

Он нацарапал кличку на листке. Через пять минут игра была закрыта в шкафчике его кабинета, и Китон направился к «кадиллаку».

Глава 9

1

В воскресенье утром в четверть десятого Нэтти Кобб натянула на себя пальто и быстро его застегнула. Выражение мрачной решительности было написано на ее лице. Она стояла на кухне. Райдер сидел на полу, глядя на нее с таким видом, словно хотел спросить, неужели она на самом деле собирается довести дело до конца.

— Да, я на самом деле собираюсь, — сказала она ему.

Райдер застучал хвостом о пол, словно хотел сказать, что знает, что у нее это получится.

— Я приготовила замечательную ласагну и собираюсь отнести ее Полли. Мой абажур заперт в шкафу, и я знаю, что он заперт, и мне не нужно постоянно бегать проверять, потому что я хорошо запомнила. Эта сумасшедшая полячка не сделает из меня невольницы в моем собственном доме. Если я увижу ее на улице, она свое получит! Я ее предупреждала.

Она должна была выйти. Должна, она это знала. Она не выходила из дома два дня и вдруг поняла, что чем дольше будет откладывать, тем труднее ей будет это сделать. Чем дольше она будет сидеть в своей гостиной с опущенными шторами, тем труднее ей будет поднять их вновь. Она почувствовала, как давнишний смутный ужас закрадывается в ее мысли.

И вот сегодня она встала рано утром — в пять часов! И приготовила Полли чудесную ласагну, именно такую, как любит, положила побольше шпината и грибов. Правда, грибы были консервированные, потому что она не осмелилась пойти на рынок вчера вечером, но все равно, подумала она, получилось очень вкусно. Теперь она сидела на столе, верх сковороды был прикрыт алюминиевой фольгой.

Она взяла ее и зашагала через гостиную к входной двери.

— Будь умницей, Райдер. Я вернусь через час. А если Полли угостит меня кофе, то, может, чуть позже. Но со мной все будет в

порядке. Мне совершенно незачем беспокоиться. Я и пальцем не прикоснулась к простыням этой сумасбродной польки, а если она пристанет ко мне, то я ей задам чертей.

Райдер залаял в ответ, показывая, что он все понял и верит ей.

Она открыла дверь, выглянула и не увидела ничего подозрительного. Форд-стрит была пустынна — такими бывают все улицы маленьких городков ранним воскресным утром. Вдалеке один церковный колокол призывал на службу баптистов преподобного Роуза, другой созывал католиков отца Брайена.

Собрав все мужество, Нэтти вышла в залитое солнечным светом воскресное утро; поставила сковороду с ласагной на ступеньки, прикрыла дверь и заперла ее. Потом она вытащила ключ и почесала им предплечье, оставляя тонкую алую царапину. Наклоняясь, чтобы взять сковородку, вновь подумала: «не успеешь ты пройти и половину квартала, а может, и того раньше, ты вдруг начнешь думать, что действительно не заперла дверь. Но ты заперла. Ты даже поставила на крыльцо ласагну, чтобы сделать это. А если ты по-прежнему не веришь, то возьми и посмотри на свою руку и вспомни, что ты сделала царапину своим собственным ключом... после того, как закрыла им дверь. Вспомни об этом, Нэтти, и все будет в порядке, когда сомнения начнут одолевать тебя».

Это была замечательная мысль, и оцарапать руку ключом тоже было замечательной мыслью. Эта алая отметина была чем-то конкретным, и впервые за последние два дня (и в основном бессонные ночи), Нэтти по-настоящему почувствовала себя лучше. Она уверенно зашагала к тротуару с высоко поднятой головой и так плотно сжав губы, что они почти исчезли с лица. Дойдя до тротуара, она посмотрела в обе стороны, проверяя, нет ли маленькой желтой машины сумасбродной полячки. Если она ее увидит, то просто подойдет и скажет, чтобы та оставила ее в покое. Однако никаких признаков машины не было. Единственной машиной был старый оранжевый грузовик, припаркованный на улице, но и тот был пуст.

Это хорошо.

И Нэтти на всех парусах направилась к дому Полли Чалмерс, а когда сомнения одолели ее, то вспомнила, что абажур из флорентийского стекла заперт, Райдер на страже, входная дверь под замком. Особенно последнее. Входная дверь заперта, и в доказательство этого ей стоило только посмотреть на исчезающую красную отметину на руке.

И Нэтти зашагала с высоко поднятой головой и, дойдя до перекрестка, зашла за угол, даже не обернувшись.

2

Как только рехнувшаяся баба исчезла из виду, Хью Прайст выпрямился и сел за руль городского служебного оранжевого грузовика, который он увел с опустевшей служебной стоянки в семь часов утра (он залег на сиденье, как только увидел, что сумасшедшая выходит из дома). Он поставил рычаг переключения скоростей в нейтральную позицию, и грузовик медленно и бесшумно скатился под углом к дому Нэтти Кобб.

Звонок в дверь разбудил Полли и вывел из неопределенного состояния, которое было скорее не сном, а какой-то наркотической дремой, осаждаемой видениями. Она села в постели и увидела, что на ней домашний халат. Когда она его надела? Какое-то время она ничего не могла вспомнить, и это испугало ее. Она стала вспоминать. Боль, которую она ждала, прибыла точно по графику, эта ужасная артритическая боль, худшего она не испытывала за всю свою жизнь. Боль разбудила ее в пять. Она вошла в туалет справить малую нужду и вдруг обнаружила, что не может даже оторвать туалетную бумагу от рулона, чтобы промокнуть себя. Затем она приняла таблетку, надела халат и села на стул у окна спальни, ожидая, когда таблетка сработает. В какой-то момент она, наверное, стала засыпать и легла в постель.

Ей казалось, что руки — серые керамические фигурки, которые поставили в печь и обожгли до такой степени, что они вот-вот треснут. От боли ее бросало то в жар, то в холод. Боль впиалась в ее плоть, подобно сложным хитросплетениям отравленных проводов.

В отчаянии она держала руки перед собой, руки пугали — ужасные, изувеченные. Внизу вновь раздался звонок. Полли вскрикнула обезумевшим от боли голосом.

Она вышла на лестничную площадку, держа перед собой руки, словно собака, которая служит на задних лапах, чтобы получить конфетку.

— Кто там, — крикнула она вниз. Ее голос был грубым, охрипшим от сна. На языке был такой вкус, словно им вытирали коробок для кошачьих отпращиваний.

— Это Нэтти! — донесся голос снизу. — С тобой все в порядке, Полли?

Нэтти. Господи, что здесь делает Нэтти ранним воскресным утром, когда еще не рассвело?

— Отлично! — отозвалась она. — Сейчас что-нибудь накину на себя. Открой своим ключом, дорогая!

Услышав, как ключ Нэтти загремел в замке, Полли поспешила обратно в спальню. Она взглянула на часы, которые стояли на столике возле кровати, и увидела, что рассвет наступил несколько часов тому назад. Но она вернулась не для того, чтобы надеть что-то на себя: для Нэтти сойдет и домашний халат. Нет, ей нужно принять таблетку. Никогда, никогда еще за свою жизнь она не нуждалась в таблетке так, как сейчас.

Она даже не подозревала, насколько тяжело ее состояние, пока не попыталась взять одну таблетку. Таблетки, вернее капсулы, лежали в комнате на маленькой стеклянной тарелочке на полочке декоративного камина. Руку она смогла запустить в тарелочку, но вдруг обнаружила, что не может захватить пальцами таблетку. Ее пальцы, казалось, были щипчиками какого-то механизма, который намертво заклинило оттого, что его долго не смазывали.

Она сделала еще одну попытку, концентрируя всю свою волю на том, чтобы сомкнуть пальцы на одной из желеобразных капсул.

Почти незаметное перемещение пальцев вызвало новый взрыв страданий. И все. Она издала тихий бормочущий звук, в котором были боль и отчаяние.

— Полли? — прозвучал озабоченно голос Нэтти, теперь уже у лестницы, внизу.

Пусть люди в Кастр Роке считают Нэтти полоумной, подумала Полли, что касается ее, Полли, которая вдруг испытала на себе превратности судьбы, то она так не считала. Долго. Она довольно долго общалась с ней, чтобы рассеять все сомнения... и она так ее любила.

— Полли? С тобой на самом деле все в порядке?

— Не поднимайся, дорогая! — отозвалась Полли, пытаясь придать голосу силу и принужденность.

Убрав руку со стеклянного блюдечка, она склонилась над ним, мысленно обращаясь к Богу: «Пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы она не поднялась. Сделай так, чтобы она не увидела, как я это делаю».

Она наклонила голову над блюдечком, как собака, которая собирается напиться из миски, и высунула язык. Боль, стыд, ужас, но более всего отчаяние, все муки отчаяния охватили ее. Она прижала язык к одной таблетке, та приклеилась. И спрятала его в рот, теперь уже не как собака, а как муравьед, который смакует вкусную личинку, и проглотила.

И когда таблетка с трудом продвигалась вниз по горлу, она вновь подумала: «Я бы все отдала, чтобы избавиться от этого. Все-все на свете».

4

Хью Прайсту вообще редко снились сны; и все же в эти дни он скорее не засыпал, а просто впадал в бессознательное состояние. Но прошлой ночью ему приснился сон просто высший класс. Сон рассказал ему обо всем, что он должен был знать, и обо всем, что он должен был сделать.

Ему приснилось, что он сидит за кухонным столом, пьет пиво и смотрит шоу-игру под названием «Распродажа века». И все вещи, которые распродают, он видел в магазине «Необходимые вещи».

У всех соревнующихся из ушей и уголков глаз сочится кровь. Они смеются, но выглядят напуганными.

Вдруг он слышит, как из шкафа приглушенный голос начинает звать его:

— Хью! Хью! Выпусти меня, Хью!

Голос доносится из шкафа. Он туда идет, открывает дверцу и уже собирается пристукнуть любого, кто бы там внутри ни оказался. Но там нет никого; только гора наваленных вместе ботинок, шарфов, пальто, рыболовных принадлежностей и два ружья.

— Хью!

Он смотрит вверх, потому что голос доносится с полки. Это лисий хвост. Это лисий хвост разговаривает. И Хью сразу же узнает этот голос. Это голос Лиленда Гаунта.

Он снимает хвост, наслаждаясь прикосновением к его плюшевой мягкости, фактурой, напоминающей немного шелк, немного шерсть, но на самом деле ни то, ни другое, а что-то таинственное, особое.

— Спасибо, Хью, — говорит лисий хвост. — Здесь действительно душно. И на полке ты еще оставил старую трубку. А она так воняет. Фу!

— Хочешь перебраться в другое место? — спросил Хью. Он чувствовал себя глупо, разговаривая с лисьим хвостом даже во сне.

— Нет, я уже привык. Но мне нужно с тобой поговорить. Тебе нужно кое-что сделать, помнишь? Ты обещал.

— Сумасшедшая Нэтти, — согласился он, — мне надо сыграть шутку с сумасшедшей Нэтти.

— Верно, — говорит лисий хвост, — и тебе нужно это сделать, как только ты проснешься. Теперь слушай.

И Хью слушает

Лисий хвост рассказал ему, что в доме Нэтти никого, кроме собаки, не будет, но теперь, когда Хью действительно там, он решает, что разумнее будет постучать в дверь. Он так и делает. Он слышит, как внутри, приближаясь, застучали когти о деревянный пол, но ни звука больше. Он снова стучится на всякий случай. В ответ раздается только строгий лай по другую сторону двери.

— Райдер? — спрашивает Хью. Лисий хвост сказал ему, что так зовут собаку. Хью думает, что это неплохое имя, хоть и женщина, которая его придумала, не умнее кекса.

Снова раздался лай, на этот раз не такой строгий.

Он достает колючку с ключами из нагрудного кармана клетчатой охотничьей курточки, в которую он одет, и внимательно изучает его. У него уже давно этот ключ. Он даже не помнит, от каких дверей некоторые ключи. Но четыре ключа — это отмычки, их легко узнать по длинным стержням, именно эти ему нужны.

Хью быстро оглядывается, видит, что на улице так же пусто, как и тогда, когда он приехал, и начинает один за другим подбирать ключи.

Когда Нэтти увидела белое, как мел, опухшее лицо Полли с измученными глазами, то все ее собственные страхи, которые по пути сюда вгрызались в нее словно острые зубы ласки, были позабыты. Не нужно было даже смотреть на руки Полли, которые она держала на уровне талии (даже опущенными, она испытывала невыносимую боль), чтобы понять, как ее дела.

Ласатна без всяких церемоний была поставлена на столик возле лестницы. Нэтти не оглянулась бы, даже если бы она упала вверх дном. Той нервной женщины, которую Кастл Рок привык видеть на своих улицах, женщины, которая словно торопится спрятаться от какого-то несчастья, даже если она идет просто на почту, уже не было. Вместо нее была другая Нэтти; Нэтти — Полли Чалмерс.

— Идем, — сказала она быстро. — В гостиную. Я надену перчатки.

— Нэтти, со мной все в порядке, — сказала Полли слабым голосом. — Я только приняла таблетку, и я уверена, что через несколько минут...

Но Нэтти, приобняв ее рукой, провела Полли в гостиную.

— Что ты сделала? Может быть, ты спала на них?

— Нет, это меня разбудило бы. Просто это... — она засмеялась. Это был слабый смущенный звук. — Это просто боль. Я знала, что сегодня будет плохо, но я и представления не имела, насколько плохо. А термоперчатки не помогают.

— Иногда помогают. Ты же знаешь, что иногда они помогают. А сейчас посиди здесь.

Тон Нэтти не терпел никаких возражений. Она постояла рядом с Полли, пока та не села в кресло. Затем она пошла в ванну за перчатками. Полли забросила их еще год тому назад, но Нэтти, казалось, относилась к ним чуть ли не с суеверным почтением. Версия куриного супа Нэтти, как их однажды назвал Алан, и они обе тогда рассмеялись.

Полли сидела. Ее руки покоились на подлокотниках кресла, словно куски выброшенного на берег сплавного леса, и с тоской смотрела на кушетку в другом конце комнаты, на которой она и Алан занимались любовью в пятницу ночью. Тогда ее руки совсем не болили, и казалось, что это было чуть ли не тысячу лет тому назад.

И она вдруг подумала, что удовольствие, каким бы оно ни было глубоким, это призрачная эфемерная вещь. Может быть, любовь и заставляет мир вращаться, но она была уверена, что именно крики тяжелораненых и глубоко пораженных недугом заставляют оборачиваться Вселенную вокруг огромного стеклянного стержня своей оси.

«Ах ты, глупая кушетка, — подумала она. — Ах ты, глупая, пустая кушетка, зачем ты мне сейчас нужна?»

Вернулась Нэтти с термоперчатками. Они были похожи на стеганные перчатки-печи, соединенные изолированным проводом. С тыльной стороны левой рукавицы змейкой извивался шнур с вилкой.

Полли всюду видела рекламу перчаток в «Образцовом ведении домашнего хозяйства». Она сделала запрос в Национальный Артритный Фонд по номеру 800 и получила ответ, что действительно в некоторых случаях перчатки приносят временное облегчение. Когда она показала объявление доктору Ван Аллену, то он повторил свою припевку, которая успела ей надоесть еще два года назад:

— Во всяком случае больно от этого не будет.

— Нэтти, я уверена, что через несколько минут...

— Ты почувствуешь себя лучше, — закончила Нэтти. — Конечно, будет лучше. Может быть, и не без их помощи. Поддержи руки, Полли.

Полли уступила и подняла руки. Разводя перчатки за края, Нэтти открыла их и осторожно натянула со сноровкой специалиста бомбового экипажа, укрывающего пакеты С-4 одеялом из запалов. Ее прикосновения были полны нежности, почти сострадания. Сама Нэтти не очень-то верила в то, что перчатки хоть сколько-нибудь помогут... но, очевидно, участие и забота Нэтти, должны возыметь свое действие.

Нэтти взяла вилку, стала на колени и воткнула ее в розетку на плинтусе возле стула. Перчатки начали тихонько жужжать, и первые потоки сухого тепла стали поглаживать кожу на руках Полли.

— Ты слишком добра ко мне, — сказала Полли тихим голосом. — Ты знаешь это?

— Иначе не могло бы и быть, — ответила Нэтти. — Никогда.

Ее голос был немного сиплым, а глаза излучали влажное сияние.

— Полли, не мне вмешиваться в твои дела, но я просто не могу больше молчать. Тебе нужно что-то делать с руками. Нужно. Дальше так продолжаться не может.

— Я знаю, дорогая, я знаю. — Полли стоило огромных усилий взбираться по стене отчаяния, которая выстроилась в ее сознании.

— Почему ты зашла, Нэтти? Ведь не для того, чтобы поджарить мои руки?

Нэтти просияла.

— Я приготовила ласагну для тебя.

— Да? Ах, Нэтти, не нужно было!

— Не нужно? Я так не думаю. Я думаю, что ты не станешь готовить сегодня, а может быть, и завтра тоже. Я только поставлю ее в холодильник.

— Спасибо. Огромное тебе спасибо.

— Я рада, что приготовила ее. А теперь, когда я вижу тебя, я вдвойне рада этому.

Дойдя до двери в холл, она оглянулась. Полоска солнечного света упала на ее лицо, и в этот момент Полли могла бы заметить несколько измученный и уставший вид Нэтти, но она испытывала слишком сильную боль.

— Ты теперь не двигайся!

Полли неожиданно разразилась смехом, удивляя и себя и Нэтти.

— Я не могу! Я в капкане!

В кухне слышно было, как дверь холодильника открылась; это Нэтти спрятала в него ласагну. Затем она крикнула:

— Приготовить кофе? Ты не хочешь выпить чашечку? Я бы помогла тебе.

— Да, — ответила Полли, — это было бы хорошо.

Сейчас перчатки жужжали еще громче. Они были очень теплые и то ли на самом деле помогали, то ли это таблетка подключилась к той, которая в пять часов никак не подействовала. Скорее всего, это общее действие двух таблеток, подумала она.

— Но если ей доведется вернуться, Нэтти...

Нэтти появилась в дверном проеме. Она взяла в кладовке ее фартук и надела его, в одной руке она держала старый оловянный кофейник. Она ни за что не взяла бы новую кофеварку «Тошиба» с цифровым управлением... и нужно отдать ей должное. То, что получалось у нее в обычном оловянном кофейнике, было намного лучше.

— Я не могу придумать лучшего места, куда пойти, чем сюда, — сказала она. — Кроме того, ведь дом заперт и Райдер на страже.

— Я не сомневаюсь, — произнесла, улыбаясь, Полли. Она очень хорошо знала Райдера. Он весил все двадцать фунтов и подставлял свой живот, чтобы его почесали, всякому, кто приходил в дом — будь то почтальон, или служащий, снимающий показания счетчика, или торговец вразнос.

— Я думаю, что она все-таки оставит меня в покое, — сказала Нэтти. — Я предупредила ее. Я ее давно не вижу и ничего не слышала о ней, я так думаю, что до нее наконец-то дошло, что я не говорю пустые слова.

— Предупредила кого? О чем? — спросила Полли, но Нэтти уже вышла, а Полли действительно была привязана к сиденью терморепчатками.

К тому времени, когда Нэтти вернулась с кофейным подносом, перкодан уже начал свое действие, и она совсем забыла о странной реплике Нэтти... но ничего удивительного в этом не было. Нэтти довольно часто бросала странные реплики.

Нэтти положила сливки и сахар в кофе Полли и поднесла чашку к ее губам так, чтобы она смогла пить. Они болтали обо всем понемногу, и очень скоро разговор зашел, конечно же, о новом магазине. Нэтти вновь рассказала ей о покупке абажура из флорентийского стекла, но уже не с таким захватывающим дух описанием подробностей, не придавая этому событию в своей жизни уже такое важное значение.

Но это заставило Полли вспомнить о своем — о записке, которую положил мистер Гаунт в коробку из-под торта.

— Чуть не забыла. Мистер Гаунт просил меня зайти к нему в магазин сегодня днем. Он сказал, что у него есть вещица, которая может вызвать у меня интерес.

— Но ты ведь не пойдешь, правда? С такими больными руками?

— Может, и пойду. Мне уже лучше, я думаю, что перчатки на этот раз действительно помогли немножко. И мне нужно что-то делать, — она посмотрела на Нэтти чуть ли не умоляюще.

— Да... может, и так, — вдруг Нэтти пришла в голову мысль. — Ты знаешь, я могла бы пойти мимо магазина по дороге домой и попросить его зайти к тебе домой!

— О нет, Нэтти, тебе совсем не по пути!

— Подумаешь, один-два квартала! — и Нэтти бросила в сторону Полли хитрый взгляд, который ей внушила ее безмерная преданность. — Кроме того, может, у него есть еще что-нибудь из флорентийского стекла. Денег у меня на покупку не хватит, но ведь он этого не знает, а за то, чтобы посмотреть, не платят деньги, правда?

— Но просить его прийти сюда...

— Я объясню ему, что с тобой, — сказала Нэтти решительным тоном. — К тому же бизнесмены довольно часто демонстрируют свой товар на дому, если товар стоит того, вот как.

Полли посмотрела на нее с восхищением и любовью.

— Ты знаешь, Нэтти, когда ты здесь, ты совсем другая.

Нэтти с удивлением посмотрела на нее.

— Неужели?

— Да.

— Какая?

— Очень хорошая. Не обращай внимания. Если приступ не повторится, то я, может быть, захочу выйти из дому сегодня днем. Но если ты действительно будешь случайно проходить мимо «Необходимых вещей»...

— Да, буду, — в глазах Нэтти засветилась плохо скрываемая решительность. Теперь, когда ей в голову пришла эта мысль, она вцепилась в нее изо всех сил. Ее помощь Полли всегда благотворно влияла на ее нервы, вне всяких сомнений.

— И если случится, что он на месте, дай ему мой номер телефона, пусть он мне позвонит. Я смогу узнать, подходит ли мне та вещьца, которую он хочет мне продать. Ты могла бы это сделать?

— Будь в этом уверена, — сказала Нэтти. Она поднялась с кофейным подносом в руках и отнесла его в кухню, сняла фартук и повесила его на крючок кладовой, вернулась в гостиную, чтобы снять термоперчатки. Она уже успела надеть пальто. Полли снова поблагодарила ее — и не только за ласагну. Ее руки все еще очень болели, но боль уже была терпимой. Она снова могла шевелить пальцами.

— Ты более чем гостеприимна, — сказала Нэтти. — А ты знаешь, ты действительно выглядишь лучше, к тебе снова возвращается твой цвет лица. Я испугалась, когда, войдя, я увидела тебя в первый раз. Может, еще чем-нибудь помочь, пока я не ушла?

— Нет, думаю, что не надо.

Она смогла протянуть свои руки и слегка сжать руки Нэтти ладонями, которые до сих пор были розовыми и теплыми от перчаток.

— Я невероятно рада, что ты пришла ко мне, дорогая.

В те редкие мгновения, когда Нэтти улыбалась, она улыбалась всем лицом; казалось, словно солнце разрывало затянувшееся тучами небо в хмурое утро.

— Я люблю тебя, Полли.

Полли растроганно ответила.

— И я тебя люблю тоже, Нэтти.

Нэтти ушла. Это был последний раз, когда Полли видела ее живой.

5

Замок входной двери дома Нэтти Кобб было открыть не сложнее, чем коробку с леденцами. Первая же отмычка, которую взял Хью, повернулась после того, как он немного повертел и потряс ею в скважине. Хью открыл дверь.

На полу в холле сидела маленькая желтая собачка с белым нагрудничком. Она всего лишь раз залаяла, когда оказалась на залитом солнечным светом пятачке и на нее упала большая тень Хью.

— Ты, наверное, и есть Райдер, — произнес он тихим голосом, запихивая руку в карман.

Собака снова залаяла и быстро перевернулась на спину, расслабив все четыре лапы.

— Ты подумай, какой умник! — сказал Хью.

Райдер застучал хвостом о деревянный пол, очевидно, в знак согласия. Хью закрыл дверь и присел на корточки рядом с собакой. Одной рукой он почесал правую сторону груди собачки в том

волшебном месте, которое каким-то образом было связано с правой задней лапой, заставляя ее часто вытягиваться.

Другой рукой он вытащил из кармана швейцарский армейский нож.

— Ах, ну какой же ты хороший парень! — напевал вполголоса Хью. — Какой же ты хороший парень!

Он перестал чесать собаку и достал другой рукой из кармана рубашки клочок бумаги. На нем старательным почерком школьника было выведено послание, которое ему дал лисий хвост — Хью сел за кухонный стол и написал его перед тем как одеться, чтобы не забыть ни единого слова.

«Никто не смеет пачкать грязью мои чистые простыни. Я тебя предупреждала, что доберусь до тебя».

Он вытащил штопор, который был спрятан в одной потайной щели ножа и наколол на него записку. Затем он поперекидывал в руке нож и сжал кулак так, что штопор торчал между указательным и средним пальцами его мощной правой руки. Он снова стал почесывать Райдера, который все также лежал на полу, жизнерадостно глядя на Хью.

«Умный, как коп», — подумал Хью.

— Да! Ну не наилучший ли ты в мире, старина? — спрашивал Хью, почесывая собаку.

Теперь по воздуху периодически плыли две задние лапы. Казалось, что Райдер вращает педали невидимого велосипеда.

— Так и есть! Так и есть! А знаешь ли ты, что у меня есть? У меня есть лисий хвост! Да, у меня есть!

Хью держал штопор с наколотой запиской над белым нагрудником на шее Райдера.

— А еще ты знаешь? Я не отступлю!

Он с силой опустил правую руку. Левая рука, которой он только что чесал собаку, теперь прижимала его к полу, в то время как он дважды повернул штопор. Брызнула струей теплая кровь, омывая обе его руки. Собака быстро забилась о пол и затем замерла. Больше она уже не залает своим строгим голосом.

Хью выпрямился, его сердце тяжело стучало. Ему вдруг стало очень плохо от того, что он сделал — чуть ли не больно. Может, она и полоумная, а может, и нет, но она одна, одна-одинешенька на всем белом свете, а он только что убил ее единственного друга.

Он вытер свою окровавленную руку о рубашку. Пятно было незаметно на темной шерсти. Он не смог оторвать глаз от собаки. Он сделал ЭТО. Да, он сделал это и знал это, но он не мог в это поверить. Казалось, что он был в каком-то трансе, что-то вроде этого.

Внезапно зазвучал внутренний голос, тот, который говорил иногда ему о встрече ветеранов. Да, но я думаю, со временем ты почти сможешь заставить себя поверить в это. Но ни в каком чертовом трансе ты не был; ты знал, что ты делаешь. И почему.

Его начала охватывать паника. Нужно убираться отсюда. Он начал медленно отступать по коридору и вдруг, издав хрипящий вопль, побежал к закрытой входной двери. Он стал на ощупь за спиной искать дверную ручку и наконец нашел ее. Он повернул ее,

открыл дверь и выскользнул из дома полоумной Нэтти. Он стал дико озира́ться вокруг, думая, что уже половина города собралась здесь и смотрит на него строгими, осуждающими глазами. Но на всей улице никого, кроме едущего на велосипеде ребенка, не было. Из корзины детского велосипеда под странным углом торчал маленький холодильник для пикников «Плеймейт».

Проезжая мимо, ребенок удосужил Хью Прайста всего одним взглядом, и когда он проехал, вдали плыл только церковный звон колоколов... на этот раз они созывали методистов.

Хью поспешил по тротуару. Он приказывал себе не бежать, но все равно к грузовику он уже приближался рысцой. Он распахнул дверь, скользнул за руль и ткнул в щель ключ зажигания. Он попытался это сделать три или четыре раза, но все не мог попасть этим ключом. Ему пришлось взяться левой рукой за правую, чтобы унять дрожь и наконец-то вставить его куда нужно. На бровях засверкали крошечные капельки пота.

Он много раз переживал тяжкое похмелье, но так паршиво он никогда себя еще не чувствовал, казалось, что он оправляется от чего-то типа малярии.

Грузовик завелся с ревом и облачками голубого дымка. Нога Хью соскользнула с педали, и грузовик, дважды дернувшись от бордюра, замер. Хрипло дыша, Хью снова завел грузовик и быстро покатыл прочь.

К тому времени, когда он добрался до стоянки (она по-прежнему была пустыня) и пересел в свой старый с вмятинами «бьюик», он совсем позабыл о Райдере и о том страшном, что он сделал штопором. У него была другая, намного важнее этой, забота. На обратном пути на стоянку его охватила лихорадочная уверенность: пока его не было, кто-то пробрался в его дом и украл его лисий хвост.

Возвращаясь домой, Хью выжимал более шестидесяти миль в час, он остановил машину в десяти сантиметрах от покосившегося крыльца, в клубах пыли и под градом гравия, перепрыгивая через две ступеньки, взбежал на крыльцо. Он ворвался в дом, подбежал к шкафу и распахнул дверь. Встав на цыпочки, он начал дрожащими от волнения руками ощупывать верхнюю полку.

Вначале он ничего кроме голого дерева не нащупал. Хью стал всхлипывать в бешенстве и испуге. Затем его левая рука утонула в том грубом плюше, который не был ни мешком, ни шерстью, и на него снизошло огромное чувство умиротворения и покоя. Это была словно пища для голодающего, словно отдых для уставших... словно хинин для пораженных малярией. Барабанная дробь стокатто стала постепенно успокаиваться в его груди. Он вытащил лисий хвост из его потайного места и сел за кухонный стол. Он разостлал его на своих мясистых ногах и стал обеими руками поглаживать мех.

Так он сидел более трех часов.

Мальчик, которого Хью видел на велосипеде и которого он не узнал, был Брайаном Раском. Прошлой ночью Брайан тоже видел сон и спешил выполнить свое собственное поручение.

Во сне вот-вот должен был начаться седьмой матч Чемпионата Мира — какой-то древний чемпионат, может, еще в эпоху Элвиса, с извечным апокалиптическим соперничеством, живым воплощением бейсбольных божеств, доджеры против янки. Сэнди Коуфакс разминался для игры с доджерскими задницами. Одновременно он разговаривал с Брайаном Раском, тот стоял рядом с ним между линиями нападающих. Сэнди Коуфакс описывал ему в подробностях то, что он должен был сделать. Все было ясно, он поставил все точки над «и». Никаких проблем.

Проблема была вот в чем: Брайан не хотел делать этого. Он чувствовал себя букашкой, которая спорит с ходячей бейсбольной легендой Сэнди Коуфаксом, но тем не менее он пытался поспорить.

— Вы не понимаете, мистер Коуфакс, — говорил он. — Я должен был сыграть шутку с Вилмой Ежик, и я так и сделал. Я уже это сделал.

— Ну и что? — спросил Сэнди Коуфакс. — Что толку, малец?

— Но мы ведь так и договаривались: восемьдесят пять центов и одна шутка?

— Ты в этом уверен, малец? Одна шутка? Ты уверен? Он говорил тебе что-то типа: «Не более одной шутки»? В самом деле что-нибудь такое?

Брайан не мог точно вспомнить, но чувство, что так оно и было, нарастало в нем. Нет... не совсем то. Пойман. Как мышь с куском сыра.

— Вот что я тебе скажу, малец. Даю...

Он прервался и издал тихое — «ух!» — делая сильный бросок мячом. Раздался звук выстрелившего ружья мяча у перчатки пойманного его игрока. Рассеялось облачко пыли от рукавиц, и Брайан понял с внезапным отвращением, что он знал те беспокойные голубые глазки, которые глядели на них сквозь маску пойманного мяч игрока. Это глаза мистера Гаунта.

Сэнди Коуфакс поймал ответный мяч мистера Гаунта, затем взглянул на Брайана карими навывкате глазами:

— Дело было так, как я сказал, малец.

Глаза Сэнди Коуфакса были вовсе не карими; Брайан это увидел во сне; они также были голубыми, что вполне понятно, поскольку Сэнди Коуфакс тоже был мистером Гаунтом.

— Но...

Коуфакс-Гаунт поднял руку в перчатке.

— Вот, что я тебе скажу, малец. Я ненавижу это слово. Я думаю, что это наихудшее слово в любом другом языке. Ты знаешь, что такое задница, малец? Это место, из которого лезет дерьмо.

Человек в старомодном спортивном костюме бруклинских доджеров спрятал в рукавицу бейсбольный мяч и повернулся лицом к Брайану. Да, это был мистер Гаунт, и Брайан почувствовал, как страх отвратительной ледяной рукой сжимает его сердце.

— Да, я сказал, чтобы ты сыграл шутку с Вилмой Ежик, это верно, но я никогда не говорил тебе, что это будет одна-единственная шутка, которую я захочу, чтобы ты сыграл с ней. Это ты так решил, малец. Ты мне веришь или будем дальше прокручивать нашу беседу?

— Я вам верю, — сказал Брайан. Он чувствовал, что вот-вот разрыдается. — Я вам верю, но...

— Что я тебе только что сказал об этом слове, малец?

Брайан опустил голову и проглотил застрявший в горле комок.

— Ты еще узнаешь, что такое торговаться, — сказал Коуфакс-Гаунт. — Ты и все остальные в Кастл Роке. Это одна из причин, почему я сюда приехал — провести семинар на тему «Об искусстве торговли». Был один такой парень в городе, по имени Мерилл, который знал толк в этом деле, но его давно уж нет, и не найти.

Он усмехнулся, показывая большие неровные зубы Лиленда Гаунта на длинном, с тяжелой печатью думы, лице Сэнди Коуфакса.

— Что касается слова «сделка», то я, Брайан, могу преподать первоклассный урок на эту тему.

— Но, — слово вырвалось изо рта Брайана прежде, чем он мог его остановить.

— Никаких но на этот счет, — сказал Коуфакс-Гаунт. Он наклонился вперед. Он сурово смотрел на Брайана из-под козырька бейсбольной кепки. — Мистер Гаунт знает лучше. Ты это можешь повторить, Брайан.

Горло Брайана заработало, но в холостую. Он чувствовал, что вот-вот из глаз польются жгучие, обильные слезы.

Большая, холодная рука опустилась на плечо Брайана и сжала его.

— Посмотри!

— Мистер Гаунт, — чтобы произнести эти слова, Брайану снова пришлось проглотить комок в горле. — Мистер Гаунт знает лучше.

— Вот это верно, малец. Это совершенно верно. А это значит, что ты сделаешь так, как я сказал... или...

Брайан собрал всю свою волю и сделал последнюю попытку.

— А что, если я все-таки скажу «нет»? Что, если я скажу «нет» потому, что я не понял, как вы их там называете... условия.

Коуфакс-Гаунт достал мяч из перчатки и сжал ее в руке.

Маленькие капельки крови стали выступать на швах.

— Ты действительно не можешь сказать «нет», Брайан, — сказал он спокойным голосом. — Уже не сможешь. Как же так, ведь это седьмой матч Чемпионата Мира. Все цыплятки уже пошли домой жариться, а тебе пора выбирать: либо пап, либо пропал. Оглянись вокруг. Ну, давай же, посмотри хорошенько!

Брайан оглядел все вокруг и ужаснулся, увидев, что поле Эббетс битком забито, люди стоят уже в проходах... и он знал их всех. Он видел среди них маму и папу с маленьким братом Шоном в ложе с табличкой «Ложа для военнослужащих». Его класс по терапии речи, с одного фланга которого сидела мисс Рэтклифф, а с другого, ее большой друг, немой мистер Пратт, сидел на первом ряду, попивая Королевскую Коронную Колу и жуя хот-дог. Во втором ряду сидел весь шерифский отдел Кастл Рока, попивая пиво из бумажных стаканчиков с изображением соперников мисс Рейнольд в этом году. Он увидел весь свой класс по воскресной школе, городской совет, Майру и Чака Эвансов, своих теток, дядей, кузенов и кузин. А там, за третьим рядом, он увидел Сонни Джекета, и когда Коуфакс-Гаунт бросил кровотокающий мяч и снова раздался звук выстрелившего

ружья в перчатках поймавшего мяч игрока, то Брайан увидел, что на этот раз за маской было лицо Хью Прайста.

— Беги-ка ты, маленький приятель, — сказал Хью, делая ответный бросок. — И поживее.

— Видишь ли, малец, это уже не вопрос бейсбольного билетки, — сказал Коуфакс-Гаунт за его спиной. — И ты это понимаешь, не правда ли? Когда ты забросал грязью простыни Вилмы, ты уже что-то начал делать. Так бывает, когда парень начинает орать в теплый зимний день, бросая вызов. Теперь твой выбор прост. Ты либо продолжаешь... либо остаешься здесь и тебя хоронят.

И во сне Брайан наконец-то начал плакать. Он понял, да он хорошо понял, что теперь уже слишком поздно что-либо менять.

Гаунт сжал мяч. Еще больше крови полилось, и кончики его пальцев вонзились в белую мякоть поверхности.

— Если ты не хочешь, чтобы весь Кастрл Рок узнал, что ты бросил вызов, Брайан, лучше делай то, что я тебе говорю.

Брайан зарыдал еще громче.

— Когда имеешь дело со мной, — сказал Гаунт, размахиваясь для броска, — нужно помнить две вещи: мистер Гаунт знает лучше... и сделка не закончена, пока мистер Гаунт не скажет, что сделка закончена.

Он сделал сложную, закрученную подачу Сэнди Коуфакса, которую было почти невозможно отразить (по крайней мере, таково было скромное мнение отца Брайана), и когда на этот раз мяч попал в перчатки Хью Прайста, то он взорвался. Кровь, волосы и разорванные куски мяса разлетелись в ярком свете солнечного осеннего дня. И Брайан проснулся, рыдая в подушку.

7

И теперь он отправился делать то, что сказал ему мистер Гаунт. Уйти было совсем нетрудно; он просто сказал матери и отцу, что этим утром он не пойдет в церковь, потому что у него болит живот (и это не было ложью). Как только они ушли, он начал свои приготовления.

Он с трудом нажимал на педали велосипеда, еще труднее было сохранять равновесие из-за этого холодильничка для пикников «Плеймейт» в корзине. Было очень тяжело, и к тому времени, когда он добрался до дома Вилмы Ежик, он взмок от пота и задыхался. На этот раз не было никаких колебаний, не было звонка в дверь, заранее продуманной истории. Здесь никого не было. Сэнди Коуфакс-Лиленд Гаунт сказал ему во сне, что Ежик надолго задержится после одиннадцатичасовой обедни, чтобы обсудить предстоящие торжества в Казино, а затем отправится к своим друзьям. Брайан верил ему. Все, что он сейчас хотел, это быстрее покончить с этим ужасным делом. А как только он это сделает, он поедет домой, поставит велосипед и весь остаток дня проведет в постели.

Обеими руками он вытащил из корзины велосипеда тяжелый холодильник для пикников и поставил его на траву. Он был за оградой, и никто не мог его увидеть. То, что он сотворит, наделает

много шума, но Коуфакс-Гаунт велел ему не беспокоиться об этом. Он сказал, что большинство людей, которые жили на этой улице, были католики и многие ходят не на одиннадцатичасовую обедню, а на восьмичасовую, а затем отправляются по своим воскресным делам. Брайан не знал, правда это или нет.

Он знал наверняка две вещи: мистер Гаунт знает лучше, и сделка не закончена, пока мистер Гаунт не скажет, что она закончена.

А это и была сделка.

Брайан открыл холодильник «Плеймейт». У него было около дюжины камней приличных размеров. Каждый был обернут листом из школьной тетради Брайана и стянут одной или двумя резинками. На каждом листе большими буквами было написано:

**«Я ГОВОРИЛА ТЕБЕ ОСТАВИТЬ МЕНЯ
В ПОКОЕ. ЭТО МОЕ ПОСЛЕДНЕЕ
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ».**

Брайан взял один камень и пошел по лужайке. Приблизившись к большому окну гостиной Ежиков не менее чем на десять футов (в начале 60-х, когда этот дом строился, окно называлось витражом), он размахнулся и, поколебавшись всего одну секунду, с силой бросил камень, подобно Сэнди Коуфаксу, начинавшему игру на седьмом матче Чемпионата Мира. Раздался оглушительный и совсем неумзыкальный звон, за которым послышался гром угодившего в ковер и затем покотившегося по полу гостиной камня.

Этот звук возымел странное действие на Брайана. Всякие страхи оставили его, и недовольство этим вторым заданием, которое даже в самой бредовой фантазии нельзя было назвать шуткой, тоже испарилось. Звук рассыпающегося со звоном стекла подействовал на него возбуждающе... То же он чувствовал, когда днем мечтал о мисс Рэтклифф. Мысли были, конечно, бредовые, сейчас он понимал это, но в этом не было ничего бредового. Это было настоящим.

Кроме того, ему показалось, что сейчас он, больше чем кто бы то ни было, хотел заполучить пригласительный билет на матч с Сэнди Коуфаксом. Вдруг ему стало понятно одно: чем больше человек владеет чем-либо, тем больше он хочет сохранить это для себя.

Брайан взял еще два камня и подошел к разбитому витражу. Он заглянул внутрь и увидел брошенный им камень, который лежал на пороге двери из гостиной в кухню. Он выглядел там совсем неуместным, словно резиновый член на церковном алтаре или роза, лежащая на двигателе трактора. Одна резинка, которая скрепляла бумагу и камень, порвалась, но другая была в порядке. Взгляд Брайана сместился влево и он уставился на телевизор «Сони».

Брайан размахнулся и бросил. Камень прямым попаданием угодил в телевизор. Последовал глухой удар, вспышка, и на ковер посыпалось стекло. Телевизор сдвинулся на своей подставке, но не свалился.

— Швырни в него еще разок! — пробормотал Брайан, переходя на странный придушенный смех.

Другой камень он бросил в группу керамических безделушек, стоящих на столе возле дивана, но не попал. С глухим звуком камень ударился об стену и отколол кусок штукатурки.

Брайан схватил «Плеймейт» за ручку и поволок его к боковой части дома. Он разбил два окна в спальней, с тыльной стороны дома. Потом бросил камень размером с буханку в застекленную верхнюю половину кухонной двери, сквозь проделанную дыру бросил еще несколько камней. Он разбил на осколки миксер, который стоял на разделочной доске. Другой камень разбил стекло микроволновой печи и застрял внутри.

— Брось-ка третий раз! Садись, малец! — закричал Брайан и так засмеялся, что чуть не намочил штаны.

Когда троица камней улеглась, он закончил обход дома. «Плеймейт» заметно полегчал; теперь он мог его нести в одной руке. Оставшимися тремя камнями он разбил окна подвала, стекла которых опрокинули цветы Вилмы и срезали несколько цветущих соцветий. Сделав это, он закрыл холодильник, решив что пора отправиться домой.

В соседнем доме жила семья Мислабурски. Когда Брайан выезжал на велосипеде из подъездной аллеи к дому Ежиков, мисс Мислабурски открыла входную дверь и вышла на крыльцо. На ней был ярко-зеленый халат. А волосы были связаны ярко-красной косынкой. Она была похожа на рекламу рождества в аду.

— Что там происходит, мальчик? — резко спросила она.

— Точно не знаю. Думаю, что мистер и миссис Ежик ссорятся, — сказал Брайан, не останавливаясь. Я просто подъехал спросить, не нужно ли убирать им зимой дорогу от снега, но решил отложить это до следующего раза.

Мисс Мислабурски бросила недобрый взгляд на дом Ежиков. Из-за ограды ей был виден только второй этаж.

— На твоём месте, я бы не приезжала больше, — сказала она. — Эта женщина напоминает мне ту маленькую рыбку, которая плавает в Южной Америке, и которая целиком съедает корову.

— Рыба-пиранья, — сказал Брайан.

— Совершенно верно. Эту.

Брайан продолжал жать на педали. Он уже удалялся от женщины в зеленом халате и алой косынке.

В груди быстро колотилось сердце, но вовсе не оглушительно и не срывалось на бешеный ритм, ничего подобного. Какая-то часть его была в полной уверенности, что он спит. Он вовсе не ощущал себя самим собой — тем Брайаном Раском, который получал только лучшие отметки Эй и Би, Брайаном Раском, который был членом студенческого совета и Лиги Добропорядочных граждан средней школы, Брайаном Раском, у которого по поведению были одни единицы.

— На днях она кого-нибудь убьет, — закричала мисс Мислабурски вдогонку Брайану. — Помни мои слова!

На одном дыхании Брайан прошептал:

— Я нисколько не удивлюсь.

Весь остаток дня он действительно провел в постели. В обычных обстоятельствах это вызвало бы беспокойство Кору, возможно, она даже отправилась бы с ним к доктору. Сегодня, однако, она даже не заметила, что ее сыну нездоровится. И это благодаря чудесным солнцезащитным очкам, которые мистер Гаунт продал ей: она была просто очарована ими.

Брайан встал около шести часов, за пятнадцать минут до того, как папа вернулся с рыбалки на озере с двумя друзьями. Он достал из холодильника бутылку «Пепси» и, стоя у плиты, осушил ее. Он почувствовал себя немного лучше.

Он чувствовал, что выполнил последнюю часть сделки, которую заключил с мистером Гаунтом.

Он также решил, что мистер Гаунт действительно знает лучше.

8

Нэтти Кобб, нисколько не предчувствуя тот неприятный сюрприз, который поджидал ее дома, в чудесном настроении шла по Мэйн-стрит, направляясь к магазину «Необходимых вещей». Ей настойчиво подсказывала интуиция, что, несмотря на воскресное утро, магазин будет открыт.

— Мисс Кобб! — произнес Лиленд Гаунт, когда она вошла. — Очень приятно вас видеть!

— Мне также очень приятно вас видеть, мистер Гаунт, — сказала она...

Мистер Гаунт направился к ней, протягивая руку, но Нэтти спрятала руку. Поведение было омерзительное, такое невежливое, но она ничего не могла поделать с собой. И слава Богу мистер Гаунт, кажется, это понял. Он улыбнулся и, быстро изменив направление, открыл за собой дверь. Затем он повернул табличку с ОТКРЫТО на ЗАКРЫТО со скоростью профессионального игрока в карты, притягивающего козырную карту.

— Садитесь, мисс Кобб! Пожалуйста, садитесь!

— Ну, хорошо... но я только пришла вам сказать, что Полли... что Полли...

Она почувствовала себя как-то странно. Не плохо, нет, но странно. Головокружение. Она плюхнулась без всякой грации в одно из плюшевых кресел. Мистер Гаунт стоял рядом с ней, пожирая ее глазами, и, казалось, весь мир сосредоточился в нем и все разрастался, разрастался.

— Полли чувствует себя неважно, не так ли? — спросил мистер Гаунт.

— Так, — согласилась Нэтти с благодарностью. — Это руки... Вы знаете. У нее...

— Артрит, да, ужасно, такой стыд, дерьмо случается, жизнь — стерва, а потом ты умираешь, играешь в ящик. Я знаю, Нэтти. — И глаза мистера Гаунта снова стали расширяться. — Но мне вовсе не нужно звонить к ней... или заходить к ней из-за этого. Ее руки сейчас немного лучше.

— Правда?! — издали отозвалась Нэтти.

— Могу побиться об заклад! Они еще болят, и это хорошо, но не настолько, что она не может выйти, и это уже хорошо — ты согласна, Нэтти?

— Да, — ответила Нэтти, но она понятия не имела, с чем она соглашается.

— У тебя, — сказал мистер Гаунт самым тихим, самым добрым тоном, — у тебя впереди важный день, Нэтти!

— Да?

Это было новостью для нее, она собиралась провести день, сидя в своем любимом кресле в гостиной за вязанием и просмотром передач по телевизору, с Райдером, лежащим у ног.

— Да. Очень важный день. Я хочу, чтобы ты посидела здесь, пока я схожу кое-зачем. Хорошо?

— Да...

— Отлично. Закрой глаза. Почему ты не закрываешь? И хорошенько отдохни, Нэтти!

Нэтти покорно закрыла глаза. Спустя неопределенное количество времени мистер Гаунт разрешил их открыть. Она так и сделала и почувствовала боль разочарования. Когда люди просят закрыть тебя глаза, они обычно хотят дать тебе что-то милое. Подарок. Она надеялась, что, открыв глаза, она увидит, что мистер Гаунт держит какой-то другой абажур из флорентийского стекла, но он держал всего навсего блокнот. Его листочки были маленькие, розовые. На каждом красовался заголовок:

**«ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О НАРУШЕНИИ
ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ».**

— Ах, — произнесла она, — я думала, что это будет флорентийское стекло.

— Я думаю, что вам уже не нужны будут флорентийские стекла, Нэтти.

Она вновь почувствовала боль разочарования. Еще острее.

— Нет. Как это ни грустно, но это так. Все же, мне кажется, что вы помните, что обещали кое-что сделать для меня, — сказал мистер Гаунт, усаживаясь рядом с ней. — Вы действительно помните, не правда ли?

— Да, — ответила она. — Вы хотите, чтобы я сыграла шутку с Пиратом. Вы хотите, чтобы я расклеила какие-то бумаги по его дому?

— Верно, Нэтти, очень хорошо. У тебя сохранился ключ, который я дал тебе?

Медленно, словно женщина, танцующая в подводном балете, Нэтти вытащила ключ из правого кармана пальто и подержала его так, чтобы мистер Гаунт мог его видеть.

— Это очень хорошо! — сказал он довольным тоном. — Теперь спрячь его, Нэтти. Спрячь его в безопасное место.

Она спрятала.

— А теперь вот эти бумаги.

В одну ее руку он вложил розовый блокнот, в другую — рулончик клейкой ленты.

Где-то внутри если и зазвучали колокола тревоги, то они были очень далеко, едва слышны.

— Я надеюсь, что это не займет слишком много времени. Мне нужно скоро идти домой. Мне нужно покормить Райдера — мою маленькую собачку.

— Я знаю все о Райдере, — сказал мистер Гаунт, улыбаясь ей широкой улыбкой. — Но мне кажется, что у него сегодня плохой аппетит. Я думаю также, что тебе не стоит сидеть сгорбившись над ним на кухонном полу.

— Но...

Он прикоснулся к ее губам своим длинным пальцем, и она почувствовала внезапную боль в животе.

— Не надо, — простонала она, откидываясь в кресле. — Не надо, это ужасно.

— Все это мне говорят, — согласился мистер Гаунт. — Поэтому, если ты не хочешь это испытать, Нэтти, никогда не говори это противное маленькое слово.

— Какое слово?

— Нет. Я не одобряю это слово. Вернее, точнее будет сказать, я ненавижу это слово. В лучшем из всех возможных миров никогда не может быть этого маленького скулящего слова. Я хочу, чтобы ты сказала мне другое, Нэтти, я хочу, чтобы ты произнесла слова, которые я люблю. Слова, которые я просто обожаю.

— Какие слова?

— Мистеру Гаунту лучше знать — скажи.

— Мистер Гаунт лучше знает, — повторила она, и не успели слова сорваться с ее губ, как она почувствовала, насколько абсолютно верны они были.

— Мистеру Гаунту всегда лучше знать.

— Мистеру Гаунту всегда лучше знать.

— Верно! Словно Отче, — сказал мистер Гаунт, страшно посмеиваясь. Казалось, слышно было, как смещаются каменные глыбы глубоко под землей, а в это время глаза быстро меняли свой цвет. Они становились то голубыми, то зелеными, то карими, то черными.

— Теперь, Нэтти, слушай внимательно. Тебе нужно выполнить для меня одно маленькое поручение, и тогда ты сможешь идти домой. Ты понимаешь?

Нэтти поняла.

Она стала слушать очень внимательно.

Глава 10

1

Южный Париж — это маленький и грязный фабричный городок, который находится в восемнадцати милях на северо-восток от Кастл Рока. Это не единственный захолустный городишко штата Мэн, который носит название европейского города или страны; еще есть Мадрид, Швеция, Этна, Кэлей, Кембридж, Франкфурт. Может, кто-то и знает, почему здешние края изобилуют экзотическими названиями, но только не я.

Что я знаю, так это то, что двадцать лет тому назад один очень хороший француз шеф-повар решил покинуть Нью-Йорк и основать свой собственный ресторан в Районе Озер штата Мэн, и что затем подумал, что наилучшим местом для подобного предприятия будет некий городишко под названием Южный Париж. Даже зловоние местных кожаных фабрик не могло заставить его изменить свое решение. И вот в результате появилось заведение

под названием «У Мориса». Оно существует и по сей день, по 117-му шоссе возле железнодорожного пути, как раз напротив Мак-Дональда. Именно там, «У Мориса», 13 октября, в воскресенье, Дэнфорд (Пират) Китон обедал со своей женой.

Добрую половину этого воскресенья Миртл находилась в состоянии изумленности, граничащей с иступлением, и отнюдь не отличный обед «У Мориса» был тому причиной. Последние несколько месяцев, а если точнее, почти год, жизнь с Дэнфордом была просто мучением. Он почти полностью игнорировал ее, почти... за исключением тех моментов, когда он кричал на нее. Ее самолюбие, которое и до этого не поднималось слишком высоко, низвергалось в неизведанные доселе глубины. Как всякая женщина, она знала, что оскорбления не обязательно наносятся кулаками. Мужчины не хуже женщин умеют пользоваться языком, и Дэнфорд Китон владел этим оружием в совершенстве, за последний год он нанес ей тысячи невидимых ран жалом своего языка.

Она ничего не знала об азартных играх, она действительно верила, что он ходит на ипподром в основном понаблюдать. О растратах она также не знала. Знала она только, что несколько членов семьи Дэнфорда находились в шатком положении, но она не связывала это с поведением самого Дэнфорда. Он не напивался до крайности, по утрам не забывал перед выходом надевать на себя одежду, не разговаривал с людьми, которых не было поблизости, и поэтому она решила, что с ним все в порядке. Другими словами, она решила что это с ней что-то не в порядке. И в определенный момент он разлюбил ее именно из-за этого чего-то.

В последнее время, приблизительно полгода, она пыталась примириться с унылой перспективой жизни в течение тридцати, а то и сорока грядущих лет без любви с этим мужчиной, который был то зол, то холодно саркастичен, и вовсе не заботился о ней. Для Дэнфорда она стала еще одним предметом мебели... если, конечно, она не мешала ему. Если такое случалось — то ли ужин был еще не приготовлен, когда он уже был настроен на прием пищи, то ли пол в его кабинете казался ему грязным, то ли листы газеты были не в том порядке, когда он садился за стол завтракать, — тогда он называл ее тупицей. Он говорил ей, что если бы у нее отпала задница, она не знала бы где ее найти. Он говорил ей, что если бы мозги были черным порошком, она не смогла бы высморкаться без взрывчатого капсюля. Вначале она пыталась защищаться от подобных тирад, но он разваливал все ее попытки защиты, словно это были стены игрушечного картонного замка. Если она отвечала гневом, то он наводил на нее ужас безудержными вспышками ярости. И поэтому она оставила свой гнев и оказалась в полнейшем смятении.

Все эти дни она только беспомощно улыбалась перед лицом его гнева, обещала лучше со всем справляться, уходила в их комнату, ложилась на кровать, плакала и думала, что же с ней будет, дальше и страстно желала, чтобы у нее был друг, с которым она могла бы поговорить.

Вместо этого она разговаривала со своими куклами. Она стала собирать их в первые годы своей супружеской жизни и всегда

хранила их в коробках на чердаке. Но в последний год она перенесла их в швейную комнату и играла с ними. Они никогда не кричали. Они никогда не пренебрегали ею. Они никогда не спрашивали ее, почему она стала такой глупой, произошло ли это само собой или же она научилась этому.

А вчера, в новом магазине, она обнаружила самую замечательную из виденных когда-либо кукол.

И сегодня все изменилось.

Вернее, этим утром.

Ее рука тихонько поползла под стол, и она ущипнула себя (уже не в первый раз), чтобы просто убедиться, что это не сон. Но и после щипка она была все там же «У Мориса», сидела в полосе яркого октябрьского солнечного света, там же был и Дэнфорд, он сидел за столиком напротив нее и ел с завидным аппетитом, его лицо расплылось в улыбке, и эта улыбка показалась ей почти чужой, так давно она не появлялась на его лице.

Она не знала, что было причиной подобной перемены и боялась об этом спросить. Но она знала, что прошлым вечером он был на ипподроме в Льюинстоне, как практически и во все предыдущие вечера (по-видимому, оттого, что люди, которых он там встречал, были более интересны для него, чем те, которых он видит каждый день в Кастл Роке — к примеру, жена), и когда она проснулась этим утром, она ожидала, что его половина постели будет пустой (а то и не смятой, в том случае, если весь остаток ночи он продремал в своем кабинете в кресле), либо услышать его недовольное бормотание внизу.

Но он лежал в постели, рядом с ней, в полосатой красной пижаме, которую она подарила ему на прошлое Рождество. Впервые она увидела его в этой пижаме — и, насколько она поняла, эту пижаму впервые достали из подарочной упаковки.

Он не спал. Он повернулся на другой бок, лицом к ней; он улыбался. Вначале эта улыбка испугала ее. Она было подумала, что он собирается убить ее.

Затем он прикоснулся к ее груди и подмигнул.

— Ты хочешь, Миртл? Или для тебя еще слишком рано?

И они любили друг друга. За последние почти пять месяцев они первый раз любили друг друга, и он был просто великолепен, а теперь они здесь, обедают «У Мориса» воскресным днем, словно пара молодых влюбленных.

Она не знала и не хотела знать, что послужило толчком этой удивительной перемены в ее муже, и надеялась, что этот миг продлится.

— Все в порядке, Миртл? — спросил Китон, поднимая взгляд от тарелки, энергично вытирая лицо салфеткой.

Она робко протянула руку через стол и прикоснулась к его руке.

— Все прекрасно. Все просто... просто замечательно.

Она тотчас убрала руку, поспешно прикладывая салфетку к глазам.

Китон с большим аппетитом продолжал вгрызаться в boof borgnine, или как там его называет семейство лягушатников. Причина его счастья была довольно проста. Каждая лошадь, на которую он поставил вчера при помощи «Выигрышного Билета», принесла ему деньги. Даже Малабар, при ставках 30 к одному в десятом заезде. По дороге обратно в Кастл Рок он, казалось, не ехал, а летел по воздуху, карманы его пальто были набиты более чем восемнадцатью тысячами долларов. Его букмекер, наверное, до сих пор удивляется, куда он подевал все эти деньги. Китон знал, они были надежно запрятаны в нижней части шкафчика его кабинета. Они лежали в конверте. А конверт — в коробке из-под «Выигрышного Билета», вместе с самой игрой.

Впервые за последние месяцы он отлично выспался, а когда он проснулся, то забрезжила мысль о ревизии. Но забрезжила, конечно, ненадолго, и это было лучше, чем тот беспорядочный мрак, который с ревом проносился в его голове с тех пор, когда пришло то письмо. Казалось, единственное, что ему было нужно для спасения своего сознания от сумасшествия, так это один вечер везения на ипподроме.

Он, конечно, не мог внести всю сумму, прежде чем топор упадет, это было ясно. Ипподром в Льюинстоне был единственным местом, который работал каждый вечер в осенний период, это раз, да и все это были пустяки. Он мог объездить все местные ярмарки и сколотить на скачках несколько тысяч, но и этого было бы недостаточно. Не мог он рисковать несколько вечеров подряд, как и прошлый вечер, даже на беггах. Его букмекеру это надоело бы, и он вовсе отказался бы принимать ставки.

Но он верил, что может частично возместить, а тем самым и уменьшить размер махинаций. Он мог также сочинить сказку. Надежный проект развития, который не реализовался. Ужасная ошибка, всю ответственность за которую он возлагает на себя и за которую он сейчас расплачивается. Он мог бы также отметить, что по-настоящему беспринципный человек, окажись он в подобной ситуации, мог воспользоваться предоставленными днями отсрочки уплаты для того, чтобы основательно обчистить городскую казну, а затем сбежать в такое местечко (солнечное, со множеством пальм, белых пляжей и девочек в бикини на веревочках), откуда выдрать преступника было бы трудным, а то и просто невозможным предприятием.

Он мог бы принять мученический хриstopодобный облик и пригласить безгрешных бросить камень. Они сделали бы передышку. И если бы среди Них оказался достойный, который не запустил бы время от времени пальцы в государственный пирог, Китон бы его съел. Без соли.

Им пришлось бы дать ему время. Теперь, когда он мог прекратить истерику и глубоко продумать ситуацию, он был почти уверен, что Они думали бы. Ведь, кроме того, Они были и политиками. Они знали бы, что пресса и на их долю припасла немалую часть дегтя и перьев, на предполагаемых хранителей общественного доверия, после окончания расправы с Дэнфордом Китоном, Они знали бы

вопросы, которые всплыли бы в самом начале общественного расследования или даже (Боже упаси!) суда за растрату. Вопросы типа, на протяжении какого времени — за такие-то финансовые годы, будьте добры, господа, длилась маленькая операция мистера Китона? Вопросы типа, как получилось, что государственное налоговое бюро не очнулось и не почувствовало запах жареного до того? Такие вопросы, которые огорчили бы честолюбивых мужей.

Он верил, что выкрутится. Нет гарантии, но вполне возможно.

Все благодаря мистеру Лиленду Гаунту.

Господи, он любит Лиленда Гаунта.

— Дэнфорд? — робко спросила Миртл.

Он поднял глаза.

— Угу?

— Это лучший день за мои последние годы. Я просто хочу, чтобы ты это знал. Как благодарна я за этот чудесный день с тобой.

— О! — сказал он. Только что с ним произошла самая невероятная вещь: в течение какого-то мгновения он не мог вспомнить имя женщины, которая сидела напротив.

— Да, Миртл, мне тоже очень хорошо.

— Ты сегодня опять собираешься на скачки?

— Нет, — сказал он. — Думаю, что сегодня я останусь дома.

— Это чудесно, — сказала она. В самом деле она находила это столь чудесным, что ей вновь пришлось приложить платок к глазам.

Он улыбнулся ей — не той прежней приложей улыбкой, с которой он ухаживал за ней и которой покори́л ее с самого начала, но очень похожей на ту.

— Говори, Миртл! Хочешь десерт?

Она хихикнула и хлопнула его салфеткой:

— Ах, ты!

3

Дом Китонов представлял собою двухэтажное ранчо в Кастл Вью. Нэтти Кобб пришлось долго подниматься в гору, прежде чем она туда добралась. У нее устали ноги, ей было очень холодно. Она встретила только троих или четверых прохожих, никто из них даже не посмотрел на нее; все закутались в воротники пальто, чтобы защититься от порывов сильного ветра, который хлестал в лицо. Рекламное приложение «Санди Телегрэм» плясало на мостовой, затем, подобно неизвестной птице, вдруг взмыло в темно-синее небо в тот момент, когда она сворачивала на подъездную аллею Китонов. Мистер Гаунт предупредил ее, что Пирата и Миртл не будет дома, а уж мистер Гаунт знал наверняка. Дверь гаража была открыта, и того плавучего театра под названием «кадиллак», который водил Пират, не было.

Нэтти поднялась по дорожке, остановилась у парадной двери, достала блокнот и склеивающую ленту из левого кармана. Ей очень хотелось оказаться дома перед телевизором с воскресным суперфильмом и Райдером у ног. Там она и будет, как только закончит эту работу. Она даже не станет вязать. Она скорее всего будет просто сидеть с абажуром из флорентийского стекла на коленях. Она

оторвала первый листок и приклеила его на табличку у дверного звонка, на которой было написано выпуклыми буквами

«КИТОН. ПРОДАВЦАМ ПРОСЬБА НЕ БЕСПОКОИТЬ».

Она положила ленту и блокнот обратно в левый карман, затем достала ключ из правого и вставила его в скважину. Прежде чем повернуть его, она пробежала глазами розовую полоску бумаги, которую только что приклеила.

Несмотря на холод и усталость, она не могла не улыбнуться. Это в самом деле была хорошая шуточка, если еще учесть, как Пират водит машину. Просто чудо, что он никого не убил до сих пор. Все же ей не хотелось быть человеком, чье имя было бы написано в конце этой предупредительной записки. Пират временами был ужасным ворчуном. Даже в детстве он был не из тех, кто воспринимает шутки.

Она повернула ключ. Замок открылся без труда. Нэтти вошла.

4

— Еще кофе? — спросил Китон.

— Не для меня, — сказала Миртл, — напилась, как паук.

Она улыбнулась.

— Тогда поедем домой. Я еще хочу посмотреть Патриотов по телевизору.

Он взглянул на часы.

— Если мы поторопимся, то я думаю, что успею как раз к началу.

Миртл кивнула; никогда она не была еще так счастлива. Телевизор был в гостиной, и если Дэн собирался смотреть матч, это означало, что он не просидит сторбившись весь день в своем кабинете.

— Тогда давай поспешим, — сказала она.

Китон поднял палец, подзывая официанта.

— Принесите мне счет, пожалуйста.

5

Нэтти уже перехотелось спешить домой; ей нравилось быть в доме Пирата и Миртл.

Во-первых, там тепло. Во-вторых, будучи в этом доме, у нее неожиданно возникло ощущение своей власти — словно она подсматривала за кулисами за двумя реальными человеческими жизнями. Вначале она поднялась наверх и осмотрела все комнаты. Там их было много, даже слишком, если учесть, что у них нет детей, но, как ее матушка любила говаривать, воздастся тем, у кого они есть.

Она открыла комод Миртл и стала изучать ее нижнее белье. Некоторые вещи были из шелка, отличного качества, но все же большинство их показалось Нэтти старьем. То же относилось и к платьям, которые висели в ее половине шкафа. Нэтти прошла в ванную комнату, где тщательно осмотрела все пилюли в аптечке, а оттуда в швейную комнату — полюбовалась куклами. Хороший дом. Красивый дом. Плохо только, что человек, который в нем живет — кусок дерьма.

Нэтти посмотрела на часы и подумала, что пора расклеивать эти маленькие розовые полосочки. Ничего, успеет.

Вот только осмолрит первый этаж.

6

— Дэнфорд, не слишком ли быстро? — спросила Миртл, затаив дыхание, когда они пытались обогнуть громаду медленно двигающегося грузовика.

В это мгновение раздался резкий сигнал несущейся навстречу машины и Китон быстро дал задний ход.

— Я хочу успеть к началу, — сказал он, сворачивая на дорогу Кленового Сахара и проезжая табличку с надписью: «КАСТЛ РОК — 8 МИЛЬ».

7

Раздался щелчок, Нэтти включила телевизор, у Китонов был большой цветной «Мицубиси», и посмотрела кусочек воскресного суперфильма.

Играла Эва Гарднер, а также Грэгори Пэк. Казалось, Грэгори был влюблен в Эву, хотя кто их разберет; может, он любил другую женщину. Шла ядерная война. Грэгори Пэк вел подводную лодку. Все это нисколько не интересовало Нэтти, и она выключила телевизор, приклеила розовый листок к экрану и вышла в кухню. Она заглянула в кухонные шкафы (посуда «Корель», очень красивая, но не о кастрюлях же и сковородках писать домой), затем проверила содержимое холодильника. Она сморщила нос. Слишком много недоеденных остатков. Такое количество объедков — верный признак небрежности в ведении домашних дел. Но Пират об этом не догадывался, она готова была поспорить об этом на свои сапоги. Мужчины типа Пирата Китона не могут пройти по кухне без карты и собаки-поводыря.

Она вновь сверилась с часами и принялась за работу. Слишком много времени убила она, бродя по дому. Слишком много. И она стала быстро отрывать кусочки розовой бумаги и наклеивать их на вещи — на холодильник, на плиту, на телефон, висящий на кухонной стене у двери в гараж, на дверь, ведущую в столовую. И чем быстрее она работала, тем больше нервничала.

8

Нэтти только приступила к работе, когда красный «кадиллак» Китона пересек Оловянный Мост и по Уотермил Лэйн направился к Кастл Вью.

— Дэнфорд, — внезапно сказала Миртл. — Высади меня, пожалуйста, возле дома Аманды Уильямс. Я знаю, что это немножко не по пути, но у нее моя чудо-печь. Я подумала...

Робкая улыбка исчезла и вновь появилась на ее лице.

— Я подумала, что я могла бы приготовить тебе нан — маленькое угощение — за время футбольного матча. Ты не мог бы подбросить меня?

Он было открыл рот, чтобы сказать ей, что Уильямсы были ему совсем не по пути, что матч вот-вот начнется и что она могла бы забрать чертову чудо-печь завтра. Ему вовсе не нравится горячий, растекающийся повсюду сыр. В этой чепуховине, наверняка, полным-полно микробов.

Затем он подумал более рассудительно. Кроме него в горсовет входили два тупых ублюдка и одна сука. Этой сукой была Мэнди Уильямс.

Китону немало труда стоили встречи по пятницам с Биллом Фулertonом, городским парикмахером, и Гарри Сэмьюэлсом, единственным гробовщиком в Кастл Роке. Всегда была вероятность, что Совет по Налогообложению уже начал отправлять им письма. Он всегда успокаивал себя тем, что не отправляли — по крайней мере пока, но эта сука Уильямс не бывала в городе по пятницам.

— Хорошо, — сказал он, затем добавил: — Можешь спросить ее, какие городские дела привлекли ее внимание. Те, которые касаются и меня.

— Ах, милый, ты знаешь, что у меня это никогда толком не получается.

— Я знаю это, но ты ведь можешь спросить, не правда ли? У тебя ведь хватит мозгов спросить?

— Да, — сказала она поспешно, почти шепотом.

Он похлопал ее по руке.

— Извини.

Она изумленно посмотрела на него. Он перед ней извинился. Она подумала, что, возможно, предыдущие годы их супружеской жизни он изредка приносил свои извинения, но она не могла вспомнить когда.

— Просто спроси ее, не вызывает ли что-либо беспокойства чиновников последнее время, — сказал он, — соблюдение правил землепользования, проклятые сточные воды... возможно, налоги. Я бы и сам заехал и спросил, но уж очень мне хочется посмотреть начало этой игры.

— Хорошо, Дэн.

Дом Уильямсов находился на полпути к Кастл Вью. Китон стремительно вырулил «кадиллак» на подъездную аллею и припарковался за машиной, женской по дизайну. Конечно же, иностранной марки. Вольво. Китон подозревал, что Аманда была либо тайной коммунисткой, либо лесбиянкой, а то и тем и другим вместе.

Миртл открыла дверцу и вышла, вновь улыбнувшись ему робкой, слегка нервной улыбкой.

— Буду дома через полчаса.

— Отлично. Спроси ее, не знает ли она что-нибудь новенькое о городских делах, — сказал он. И если описание Миртл, уж наверняка искаженное, коснется хотя бы одного волоска на его, Китона, голове, то он лично нанесет ей визит... завтра. Но не сегодня. Этот день целиком принадлежал ему.

Он был в слишком хорошем настроении, чтобы даже просто смотреть на Аманду Уильямс, уж не говоря о том, чтобы болтать с ней.

Не успела Миртл закрыть дверцу, как он рванул задний ход и выехал на проезжую часть.

Нэтти только что наклеила последний листок розовой бумаги на дверь шкафчика в кабинете Китона, когда она услышала, что на аллею, ведущую к дому, въезжает машина. Сдавленный крик вырвался из ее горла. На какое-то мгновение она застыла на месте, оцепенев от страха.

«Поймана! — визжало ее сознание, когда она слышала хорошо приглушаемое бормотанье большого мотора «кадиллака». — Поймана! Всемиловитый Иисус Спаситель, я поймана! Он убьет меня!»

В ответ раздался голос мистера Гаунта. Сейчас в нем не было дружеских ноток, он был холодным и властным, казалось, он исходил из недр ее мозга.

— Возможно, он УБЬЕТ тебя, если конечно поймают, Нэтти. А если ты будешь паниковать, он поймают тебя наверняка. Ответ очень прост. Не паникуй. Выйди из комнаты. Немедленно. Не беги, но иди быстро. И как можно тише.

Она быстрыми шагами пересекла старый половик, который лежал на полу кабинета, переставляя неслышающиеся в коленях ноги, словно ходули, и нашептывая с мольбой в голосе: «Мистер Гаунт знает лучше!», вошла в гостиную. Со всех достигаемых поверхностей на нее глядели розовые прямоугольники бумаги. Один даже свисал со шнура люстры, прикрепленный длинным куском ленты.

Теперь машинный двигатель издавал пустой, отдающийся эхом, звук. Пират въехал в гараж.

— Уходи, Нэтти! Немедленно уходи! Это твой последний шанс.

Она стремительно пронеслась по комнате и вдруг зацепилась за половик и растянулась во весь рост. Она ударилась головой об пол и чуть не лишилась сознания, она несомненно потеряла бы сознание, если бы не половичок. Перед глазами поплыли ослепительно яркие круги. Она с трудом поднялась, отмечая краем сознания, что со лба сочится кровь, и стала шарить рукой в поисках дверной ручки, в это время двигатель в гараже заглох. Она бросила через плечо исполненный ужаса взгляд в направлении кухни. Она видела дверь, ведущую в гараж, через эту дверь он войдет. Один розовый кусочек бумаги был приклеен и к ней.

Дверная ручка повернулась под рукой, но дверь не открылась, она, казалось, была наглухо закрыта. Из гаража донесся тяжелый звук — «свуп, чанк» — Китон захлопнул дверку машины. Затем донесся лязг автоматически закрывающейся двери, которая начала скользить вдоль пазов. Пират насвистывал.

Обезумевший взгляд Нэтти, частично затуманенный кровью, сочившейся со лба, упал на болт задвижки. Он был повернут. Так вот почему она не могла открыть дверь. Она, наверное, сама повернула его, когда вошла, хотя и не могла вспомнить этого. Она шелкнула им, рывком открыла дверь и вышла наружу.

Через долю секунды дверь, ведущая из гаража в кухню, открылась. Дэнфорд Китон вошел, расстегивая пальто. Он остановился как вкопанный. Свист замер на его губах. Он так и стоял с руками, оцепеневшими в попытке расстегнуть нижние пуговицы пальто, со

сложенными в неслышимом свисте губами, и озирался вокруг. Его глаза округлялись.

Если бы он сразу подошел к окну в гостиной, он увидел бы Нэтти, бегущую в панике через лужайку, в незастегнутом пальто, вздымающемся подобно крыльям летучей мыши. Он мог бы не узнать ее, но увидел бы, что это была женщина, и это могло значительно повлиять на ход дальнейших событий. Однако вид всех тех розовых кусочков пригвоздил его к полу, и в шоке ему на ум прошло только одно слово, всего лишь одно слово. Оно вспыхивало и гасло в его голове, подобно огромной неоновой вывеске с кричаще-красными буквами:

«ПРЕСЛЕДОВАТЕЛИ!

ПРЕСЛЕДОВАТЕЛИ!

ПРЕСЛЕДОВАТЕЛИ!»

10

Нэтти добралась до тротуара и со всех ног пустилась бежать вниз по Кастр Вью. Каблуки ее туфель отбивали испуганную дробь, а ее уши убеждали, что слышно еще чьи-то шаги — Пират гнался за ней, преследовал ее, и когда поймает ее, он ей сделает больно... но это неважно. Это было неважно, потому что он мог сделать хуже, чем просто больно. Пират был важным человеком в их городе, и если он захочет, то сможет отправить ее обратно в клинику для душевнобольных, а там ее отправят... И Нэтти побежала еще быстрее. Кровь тонкой струйкой стекала на глаза и на очки, в какой-то миг она все увидела сквозь бледно-красные линзы, казалось на всех этих красивых домах на Вью стала выступать кровь. Она утерлась рукавом пальто и продолжала свой бег.

Подъездная дорожка была пустынна, большинство глаз внутри этих домов в этот ранний час воскресного дня были прикованы к игре между «Патриотами» и «Джетами». Один-единственный человек видел Нэтти.

Тэнси Уильямс, посвежевшая после двухдневной поездки в Портленд, где она со своей мамой навещала бабушку, смотрела в окно гостиной, посасывая леденец и держа под мышкой своего мишку Оуэна. Вдруг мимо, словно на крыльях, пронеслась Нэтти.

— Мама, только что женщина пробежала мимо, — доложила Тэнси.

Аманда Уильямс сидела в кухне вместе с Миртл Китон. У каждой было по чашке кофе. Между ними на столе стояла чудо-печка. Миртл только что задала вопрос, есть ли в городе какие-нибудь дела, о которых Дэнну следовало бы знать, и Аманда сочла этот вопрос чрезвычайно странным. Если Пират хотел о чем-либо узнать, почему он сам не пришел? Не говоря уже о том, к чему подобный вопрос в воскресенье днем?

— Милая, мама разговаривает с мисс Китон.

— На ней была кровь, — добавила Тэнси.

Аманда улыбнулась Миртл.

— Говорила же я Бадди, что нужно дождаться, когда Тэнси уснет, а уж затем посмотреть фильм «Роковое влечение».

Тем временем Нэтти все бежала, бежала. Когда она оказалась на пересечении Касл Вью и Лорэл, ей пришлось остановиться на минуту. Здесь находилось Общественная Библиотека, и лужайку перед ней полукругом огораживала каменная стена.

Нэтти прислонилась к стене, хватая ртом воздух, словно рыба, ветер с бешеной силой пронесился, пытаясь разорвать пальто. Она прижала руки к левому боку, на котором у нее был глубокий шов.

Она оглянулась назад и увидела, что улица пуста.

Пират, в общем, не гнался за ней, это было в ее воображении, через несколько секунд она смогла порыться у себя в карманах в поиске платка, чтобы вытереть с лица кровь. Она нашла один и попутно обнаружила, что ключа от дома Пирата там не было. Возможно, она выронила его, когда сбегала вниз по улице, но скорее всего, она оставила его в замке входной двери.

Ну и что из этого? Она выбралась прежде, чем Пират увидел ее, вот что было важно. Она благодарила Бога, что голос Гаунта обратился к ней как раз вовремя, забывая о том, что она никогда не оказалась бы в доме Пирата, если бы не мистер Гаунт.

Она посмотрела на пятна крови на платке и подумала, что рана ее не так уж опасна, — могло быть и хуже. Похоже, что струйка крови уже сворачивалась. Шов на боку также начал расходиться. Она оттолкнулась от стены и побрела, низко опустив голову, чтобы не было видно шрама.

Дом, вот о чем надо было думать. Дома у нее прекрасное флорентийское стекло. Дом и воскресный суперфильм. Дом и Райдер. Когда она окажется дома, с уже запертой дверью, с опущенными шторами, с выключенным телевизором и Райдером, спящим у ее ног, все это покажется ей страшным сном — из тех, которые ей снились в клинике для душевнобольных, после того как она убила мужу.

Дом — вот ее убежище.

И Нэтти прибавила шагу. Скоро она там будет.

11

После обедни Пит и Вилма Ежик пообедали с четой Пуласки, а затем Пит и Джейк Пуласки устроились перед телевизором, чтобы посмотреть, как «Патриоты» надерут задницу одним нью-йоркцам. Вилма плевать хотела на футбол, как, впрочем, и на бейсбол, баскетбол, а также хоккей. Единственный вид спорта, который ей нравился, была борьба и, хотя Пит об этом не знал, она в мгновение ока бросила бы его ради победителя Джея Стронгбоу.

Она помогла Фрэде убрать посуду, а затем сказала, что собирается домой посмотреть остаток воскресного сериала — шла серия «На пляже» с участием Грэгори Пэка. Она сказала Питу, что берет машину.

— Отлично, — сказал он, не отрываясь от экрана телевизора. — Можно и прогуляться.

— Черт возьми, сам гуляй, — насмешливо пробормотала она, выходя.

Вообще-то, Вилма была в хорошем настроении. И основная причина тому — Казино Найт. Отец Джон вовсе не делал отступлений на этот счет, хотя Вилма ожидала этого от него, и ей понравилось, как он выглядел во время проповеди, которая называлась «Пусть Каждый Из Нас Взрастит Наш Сад». Его тон, как всегда, был мягок, чего не было в его синих глазах и выдающемся подбородке.

И все его прекрасные садовые метафоры не могли одурачить ни Вилму, ни кого-либо другого на счет того, о чем он говорил. Пусть только баптисты попробуют сунуть свой коллективный нос на морковную грядку католиков, тогда они надерут им их коллективную задницу.

Мысль о том, что кто-то кому-то надирает задницу (особенно в таком масштабе), всегда приводила Вилму в прекрасное расположение духа.

И перспектива задонадирания была не единственным удовольствием этого воскресенья. Хоть раз ей не пришлось готовить плотный воскресный обед, и Пит благополучно припарковался у Джейка с Фрэдой. Если ей повезет, весь день он проведет там, наблюдая, как мужики срываю друг на друге злобу, она же будет мирно смотреть телевизор. Но вдруг она подумала, что может заехать к давней подруге Нэтти. Она подумала, что просто ошеломит Нэтти своим приездом, а это было очень хорошо для начала. Но только для начала. Нэтти по-прежнему приходилось расплачиваться за те грязные простыни, догадывалась она об этом или нет. Пришло время для наступления на мисс Душевная болезнь 1991. Имея подобную перспективу, лучше подождать, и она во весь дух укатила домой.

12

Словно во сне Дэнфорд Китон подошел к холодильнику и сорвал розовую полоску, которая была там приклеена. Вверху заглавными черными буквами было напечатано:

«ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О НАРУШЕНИИ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ»

Ниже следовало следующее послание:

Только ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ, но, пожалуйста, прочитайте и примите к сведению! Неоднократно Вы были замечены как нарушитель правил дорожного движения. На этот раз докладывающий офицер предпочел отпустить Вас с предупреждением, но он зафиксировал марку, модель и номерной знак вашего автомобиля, и в следующий раз Вам предъявят штраф. Пожалуйста, запомните, что правила дорожного движения относятся ко ВСЕМ.

Ведите машину безопасно!

Приезжайте живым.

Местное отделение полиции благодарит Вас!

Под этим напутствием был целый ряд пропусков, перед которыми значилось: «МОДЕЛЬ, МАРКА и НОМЕРНОЙ ЗНАК». Первые два пропуска были заполнены словами: «Кадиллак» и «Цевиль». После же номерного знака было аккуратно напечатано вот что:

«Пират номер один».

Большая часть первого листа была заполнена перечислением обычных дорожных нарушений, как-то: не был дан сигнал, не сделана остановка, парковка в неположенном месте. Здесь нигде не было конкретного штампа. Ниже следовало: «ДРУГИЕ НАРУШЕНИЯ» с двумя последующими строчками для заполнения. «ДРУГИЕ НАРУШЕНИЯ» были отмечены контрольным штампом. На эти строки, предназначенные для описания нарушений, было оставлено послание, аккуратно напечатанное маленькими заглавными буквами. Оно гласило:

«ГЛАВНЫЙ ПЕДЕРАСТ В КАСТЛ РОКЕ».

В самом конце была строка, под которой значилось — «ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО, НАКЛАДЫВАЮЩЕЕ ВЗЫСКАНИЕ». На ней стояла резиновая печать и подпись — «*Норрис Риджвик*».

Медленно, очень медленно, Китон сжимал листок в кулаке. Вот он хрустнул, смялся и исчез между костяшками пальцев Китона. Он стоял посреди кухни, озираясь на пестрящие вокруг розовые листки. В центре лба, надувшись, пульсировала вена, отмерая время.

— Я убью его, — прошептал Китон, — клянусь Господом Богом и всеми святыми, я убью этого худосочного маленького гавнюка.

13

Когда Нэтти пришла домой, было двадцать минут второго, но ей казалось, что прошли месяцы, а то и годы. Пока она поднималась по цементной дорожке к двери, она почувствовала, словно невидимые гири ее страхов соскальзывают с плеч. Голова еще болела от падения, но она подумала, что головная боль была слишком малой платой за то, что ей позволили вернуться в свой собственный маленький дом невредимой и незамеченной.

Ключ от дома был у нее, он лежал в кармане платья. Она достала его и вставила в замочную скважину.

— Райдер? — позвала она, поворачивая ключ. — Райдер, я дома! Она открыла дверь.

— Где мамочкин любимый мальчик, а? Где же он? Он проголодался?

В холле было темно и вначале она не увидела маленькую грудку, лежащую на полу. Она вытащила ключ и вошла.

— Маленький мальчик, наверное, ужасно голоден? Он просто тааак голоден...

Она наткнулась ногой на что-то упругое, и голос прервался на полуслове. Она опустила глаза и увидела Райдера.

Вначале она пыталась убедить себя, что не видит того, о чем говорили ее глаза, не видит, не видит, не видит. Это не Райдер лежал на полу с чем-то торчащим из его груди — разве такое может быть?

Она закрыла дверь и с бешеной силой ударила рукой по выключателю. Наконец свет затопил весь холл, и она увидела. Райдер лежал на полу. Он лежал на спине, как когда он обычно просил, чтобы его пощекотали, и из него торчало что-то красное, похожее на... похожее на...

С ее губ сорвался тонкий, пронзительный крик — он был настолько тонок, что прозвучал словно вой какого-то огромного комара — и бухнулась на колени рядом с собакой.

— Райдер! О, всемилостивый Иисус Спаситель! Боже мой, Райдер. Ты ведь не умер, нет? Ты не умер?

Ее рука — холодная, холодная рука — была по красной штучковине, торчащей из груди Райдера, точно так же несколькими секундами раньше она была по выключателю. Наконец она ухватила за нее и вытащила, вкладывая всю силу своего горя и ужаса. Штопор вытащился с жутким звуком распарываемой плоти, извлекая кусочки мяса, сгустки крови, куски шерсти. Он оставил рваную, темную дыру размером с жетон. Нэтти закричала. Она выронила окровавленный штопор и взяла на руки это маленькое, застывшее тельце.

— Райдер! — плакала она. — Моя маленькая собачка. О нет! Нет!

Она то прижимала его к груди, то вновь опускала, пытаясь вернуть к жизни своим теплом, но казалось, что у нее уже не было тепла, которое она могла бы дать. Она была холодна. Холодна.

Спустя какое-то время она вновь положила это тельце на пол в холле и стала шарить, шарить вокруг рукой, вот ее рука наткнулась на швейцарский армейский нож с торчащим из него смертоносным штопором.

Она тупо подняла его, но вдруг встрепенулась, увидев записку, наколотую на орудие убийцы. Она сняла ее онемевшими пальцами и поднесла ближе к глазам. Бумага тоже была залита кровью, но она смогла разобрать написанные на ней каракули:

«НИКТО НЕ ПОЛИВАЕТ ГРЯЗЬЮ

МОИ ЧИСТЫЕ ПРОСТЫНИ.

ТЫ ЗАБЫЛА МОИ СЛОВА?

Я ДО ТЕБЯ ДОБЕРУСЬ».

Постепенно в глазах Нэтти таяло выражение безысходного горя и ужаса. Словно отблески серебра, в них засверкали искорки мысли. Ее щеки, ставшие белыми словно полотно в момент, когда она поняла, что произошло здесь, стали ярко-пунцовыми. Губы медленно раскрылись, обнажая зубы. Она оскалилась, не отрывая взгляда от записки. Два грубых слова соскользнули с ее губ, обжигающих, хриплых, режущих слух:

— Ты... сука.

Она скомкала записку в кулаке и швырнула в стену. Бумажка отскочила и упала возле мертвого Райдера. Нэтти бросилась к ней, подняла, плюнула на нее. Затем вновь швырнула. Она поднялась и медленно побрела в кухню; ее руки то судорожно сжимались в кулаки, то размыкались, чтобы тут же резко сжаться снова.

Вилма Ежик уверенно вырулила свой маленький желтый ягуар на подъездную дорожку своего дома, вышла и энергичным шагом направилась к входной двери, роясь в сумочке в поисках ключа. Она тихо напевала «Любовь правит миром». Найдя ключ, она вставила

его в замочную скважину... И вдруг замерла, уловив краем глаза какое-то непонятное движение. Она посмотрела вправо, и при виде открывшегося ее взгляду зрелища, широко открыла рот.

Занавески, висевшие в гостиной, развевались снаружи на свежем полуденном ветру. И они развевались снаружи дома по той причине, что большое, украшенное рисунком окно было разбито, окно, за которое семье Клуниз пришлось заплатить четыреста долларов, когда этот идиот, их сынок, разбил его бейсбольным мячом три года тому назад. Длинные стрелы стекла были направлены острием к дыре, зияющей посередине.

— Какого черта? — вскрикнула Вилма и так резко повернула ключ, что чуть не сломала его.

Она вбежала в дом, хватаясь за дверь, чтобы хлопнуть ею за собой, как вдруг застыла на месте. Впервые за свою взрослую жизнь Вилма Вадловски Ежик была настолько поражена, что потеряла всякую способность двигаться.

Гостиная представляла собою место побоища, телевизор был разбит вдребезги, их прекрасный широкоэкранный телевизор, за который им еще предстояло сделать взнос одиннадцать раз. Его черные обуглившиеся внутренности еще дымились. Электронная трубка в виде тысячи мельчайших сверкающих осколков лежала на полу. А как раз напротив нее, в стене гостиной, была огромная дыра. Большой сверток, размерами напоминающий буханку хлеба, лежал под этой дырой. Другой сверток лежал на пороге в кухню.

Она закрыла дверь и приблизилась к тому, что лежало на пороге. Какая-то частичка ее не совсем ясного сознания подсказывала ей быть очень осторожной — это могла быть и бомба. Обходя телевизор, она уловила очень горячий и неприятный запах, вернее какую-то смесь запахов — обгоревшей изоляционной проводки и жареного бекона.

Она присела над свертком, лежащим на пороге, и увидела, что это был вовсе не сверток — по крайней мере, в привычном смысле этого слова. Это был камень, завернутый в разлинованную тетрадную бумагу, которую фиксировали резиновой ленточкой. Она сорвала бумагу и прочитала послание:

«ТЫ ЗАБЫЛА МОИ СЛОВА; ОСТАВЬ МЕНЯ В ПОКОЕ. ЭТО МОЕ ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ».

Прочитав это дважды, она взглянула на другой камень. Она подошла и сорвала прикрепленный к нему резинкой лист бумаги. Точно такая бумага, точно такое послание. Она стояла, держа помятому листу в руках, и переводила взгляд с одного на другой, словно болельщица на матче в пинг-понг, во время его высшего накала. Наконец, она произнесла три слова:

— Нэтти. Эта стерва.

Она вошла в кухню и вдруг с хрипом и свистом сквозь стиснутые зубы втянула воздух; она порезала руку о стеклянный осколок, вытаскивая камень из микроволновой печи, рассеяно вынула занозу из ладони, прежде чем снять прикрепленную к камню бумагу. На ней было то же послание.

Вилма быстро обошла остальные комнаты нижнего этажа, везде следы разрушения. Она собрала все записки. Они ничем не отлича-

лись друг от друга. Затем вернулась в кухню и вновь посмотрела на разбитое, не веря своим глазам.

— Нэтти, — повторила она.

Наконец айсберг шока, в котором она оказалась, начал подтаивать. Первым чувством, охватившим ее после шока, был не гнев, нет, а неспособность поверить своим глазам. «Бог мой, — подумала она, — эта женщина в самом деле сумасшедшая. Наверняка сумасшедшая, если она думает, что может сделать подобную пакость мне — мне! И продолжать жить, наблюдая восходы и закаты солнца. С кем, она думает, она имеет здесь дело, с Ребеккой с фермы Факибрук?»

Вилма судорожно сжала записки. Она наклонилась, энергично потерла смятую, окровавленную бумагу, торчащую из кулака о массивную заднюю часть своего тела.

— Я вытру свою задницу твоим последним предупреждением! — закричала она и отшвырнула бумагу.

Она вновь окинула кухню взглядом удивленного ребенка. Дыра в микроволновой печи, большая вмятина в холодильнике. Повсюду разбитое стекло. В другой комнате телевизор, который обошелся им почти в 1600 долларов, вонял, словно блюдо из горячего собачьего дерьма. Кто же все это сделал? Кто?

— Как кто? Это сделала Нэтти Кобб, вот кто. Мисс Душевная болезнь 1991 года. — Вилма улыбнулась.

Человек, который не знал Вилму, мог бы принять эту улыбку за кроткую, дружескую, добрую улыбку ангела. Ее глаза светились переполнявшим ее чувством, и кто-то опрометчиво мог бы принять это за чувство восторга. Но если бы Питер Ежик, который лучше всякого другого знал ее, увидел ее лицо в тот момент, он задал бы стрелача.

— Нет, — сказала Вилма мягким, почти ласкающим слух тоном. — О нет, моя детка. Ты не понимаешь. Ты не понимаешь, что значит трахнуть Вилму. Ты не имеешь ни малейшего представления о том, что значит трахнуть Вилму Ежик.

Ее лицо расплылось в улыбке.

— Но ты узнаешь!

Возле микроволновой печи в стену были вмонтированы две стальные рейки с магнитами. Большинство ножей, которые свисали с этих реек, упали, да и теперь ножи горкой лежали на стойке. Вилма выбрала самый длинный, нож Кингсфорд, для разделывания мяса, с белой костяной рукояткой и медленно провела им по раненой ладони, оставляя на лезвии кровь.

— Я тебе вобью в голову то, что пора уже знать.

С зажатым в кулаке ножом Вилма прошла через гостиную, раздавливая стекло разбитого окна и электронной трубки низкими каблуками своих черных туфель, в которых она обычно ходила в церковь. Она вышла из дома, не закрыв дверь, и пересекла лужайку. Она направлялась на Форд-стрит.

В то время, когда Вилма выбирала из лежащей на столе груды подходящий нож, Нэтти Кобб вытащила нож мясника из кухонного ящика. Она не сомневалась в том, что он был острый, потому что с месяц назад Билл Фулerton заточил его в своей парикмахерской.

Нэтти повернулась и не спеша направилась по коридору к входной двери. Она остановилась на какое-то мгновение, опустилась на колени рядом с Райдером, маленькой собачкой, которая никогда никому ничего не сделала плохого.

— Я предупреждала ее, — тихо сказала она, поглаживая Райдера по шерсти. — Я предупреждала эту сумасшедшую полячку. Она сама виновата. Сама. Моя бедная маленькая собачка. Подожди меня. Подожди, скоро я вернусь к тебе. Она поднялась и вышла из дома, не больше Вилмы заботясь о двери. В безопасности ли она — это ее уже не интересовало. Она постояла немного на крыльце, делая грудью глубокие вдохи, а затем стремительно пересекла лужайку. Она направлялась на Виллоу-стрит.

Дэнфорд Китон вбежал в свой кабинет и распахнул дверь шкафчика. Он с трудом добрался до задней стенки. Какую-то долю секунды он с ужасом думал, что все кончено, что этот проклятый преследующий его сосунок, помощник шерифа, уже все забрал, а вместе с этим и его будущее. Затем его руки нащупали коробку и сорвали с нее крышку. Оловянный ипподром на месте. Конверт по-прежнему под ним. Он согнул конверт, слушая, как хрустят банкноты, и затем положил на место.

Он торопливо подошел к окну и посмотрел, нет ли Миртл. Она не должна видеть эти розовые листки. Ему нужно их убрать, все до единого, до ее прихода, сколько их там? Сотня? Он окинул взглядом кабинет, они повсюду пестрели. Тысяча? Может быть, и тысяча. Не исключено, что и две тысячи. Ну если она доберется сюда прежде, чем он все уберет, ей придется подождать на крыльце, потому что он не собирается впускать ее, пока все эти чертовы бумажки не сгорят в печи. Каждая... чертова... бумажка.

Он сорвал листок, который болтался на шнуре люстры. Кусок ленты прилип к щеке, и он, шипя от злости, сдернул его. На этом листке, на той его строке, которую нужно заполнять, описывая другие нарушения, красовалось одно-единственное слово: «РАС-ТРАТА».

Он подбежал к настольной лампе, которая стояла возле его мягкого кресла. Сорвал листок с абажура:

«ДРУГИЕ НАРУШЕНИЯ:

НЕЗАКОННОЕ ПРИСВОЕНИЕ ГОРОДСКИХ ФОНДОВ».

К телевизору:

«ПУТАЕТСЯ С ЛОШАДЬМИ».

К камину, над которым возвышался кубок, — награда Достойному гражданину от Лионского клуба:

«ЗАГНАЛ В МОГИЛУ РОДНУЮ МАТЬ».

К кухонной двери:

«ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ СНЯТИЕ ДЕНЕГ СО СКАЧЕК
ЛЬЮИНСТОН».

К двери, ведущей в гараж:

«ПСИХИЧЕСКИЙ МУСОР — В ГОЛОВЕ — ПАРАНОЙЯ».

Он собирал их с бешеной скоростью, с испуганными глазами, вылезавшими из орбит, на его мясистом лице, уже редееющие волосы торчком стояли на голове. Он тяжело, с надрывом дышал, его щеки стали приобретать отвратительный ярко-пунцовый оттенок. Он был похож на толстого ребенка с лицом взрослого, занятого какой-то отчаянно важной охотой за богатствами.

Он сорвал еще одну с фарфорового унитаза:

«КРАЖА ИЗ ГОРОДСКОГО ПЕНСИОННОГО ФОНДА С
ЦЕЛЬЮ ИГРЫ НА ЛОШАДКАХ».

Китон ворвался в кабинет с кипой листиков, зажатых в кулаке, с хвостами липкой ленты, развевающимися по воздуху. Начал обрывать остальные листы. Те, что были здесь, с разящей точностью сводились к одному и тому же:

«РАСТРАТА. КРАЖА. ВОРОВСТВО.

РАСТРАТА. ОБМАН. НЕЗАКОННОЕ

ПРИСВОЕНИЕ. ПЛОХОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

РАСТРАТА».

Это слово, бросающееся в глаза, кричащее, обвиняющее — встречалось чаще всего.

Другие нарушения: «РАСТРАТА».

Ему показалось, что он услышал снаружи какой-то звук, и он подбежал к окну. Может, это Миртл. А может быть, это Норрис Риджвик пришел поторжествовать и посмеяться. Если он, то Китон возьмет ружье и пристрелит его. Но не в голову. Нет это была бы слишком легкая, слишком быстрая смерть для такого ублюдка, как Риджвик. Китон продырявит ему кишки и оставит подыхать на лужайке, визжащего словно свинья.

Но это был «Скаут» семейства Гарсонов, он покатила по Кастр Вью к центру.

Скотт Гарсон был самым крупным банкиром города. Иногда Китон с женой обедали у Гарсонов. Это были очень милые люди, а сам Гарсон был влиятельным политиком. Что бы он подумал, увидев эти листки? Что бы он подумал об этом слове: «РАСТРАТА», кричащем с бланков о нарушении, кричащем, словно женщина, которую насилуют глубокой ночью.

Тяжело дыша, он снова вбежал в столовую. Может, что-то пропустил? Скорее всего, нет. Он собрал все до единого, по крайней мере здесь...

Нет! Вот, один! Как раз на лестничной стойке перил! О Господи, что если бы он не заметил?

Он подбежал к нему, сорвал.

«Марка: ДЕРМОБИЛЬ.

Модель: СТАРЫЙ И ПОНОШЕННЫЙ.

Лицензионный знак: СТАРЫЙ ГАВНЮКС НОМЕР ОДИН.

Другие нарушения: ФИНАНСОВЫЕ СНОШЕНИЯ».

Еще? Может, еще где-то? Словно загнанный зверь, Китон носился по комнатам нижнего этажа, изрыгая проклятия. Рубашка выбилась из брюк, покрытый растительностью живот болтался над ремнем.

Больше не видно, по крайней мере здесь.

Бросив еще один безумный взгляд в окно и убедившись, что Миртл еще нет, с бешено колотящимся сердцем он ринулся наверх.

17

Вилма и Нэтти встретились на углу, где пересекаются улицы Виллоу и Форд. Они остановились, уставившись друг на друга, словно парни, которые умеют отлично всаживать пули, в боевиках. Ветер яростно развевал их пальто. Солнце то пряталось, то показывалось из-за облаков, их тени то появлялись, то исчезали, словно некие мистические гости.

На обеих улицах машин не было, тротуары также были пустынями. Этим осенним днем они оставались полноправными хозяйками этого маленького перекрестка.

— Ах ты, сука! Ты убила мою собаку.

— Ты разбила мой телевизор! Разбила мои окна! Разбила мою микроволновую печь, сумасшедшая стерва!

— Я тебя предупреждала!

— Заткни это свое предупреждение в свою задницу! Я сейчас убью тебя!

— Попробуй сделать хоть один шаг, и кое-кто здесь умрет, только не я.

Вилма произнесла эти слова с чувством нарастающей тревоги, к ней начал возвращаться рассудок; глядя на выражение лица Нэтти, она поняла, что обе вступят сейчас в нечто более серьезное, чем вырывание волос и разрывание одежды. Прежде всего, что здесь делала Нэтти? Что стало с ее рассудком? Почему события развивались с бешеной быстротой и достигли такого накала? В жилах Вилмы текла изрядная доля польской казачьей крови, которая делала подобные вопросы неуместными. Сейчас здесь будет битва, вот что было важно. Нэтти с поднятым ножом ринулась на нее. Ее зубы обнажились, и из горла вырвался протяжный вой.

Вилма сжалась, готовая к прыжку, держа нож наизготове, словно гигантский меч. И когда Нэтти приблизилась, нанесла им удар. Он проник глубоко в живот Нэтти и пополз вверх, распарывая его и выпуская струйку дурно пахнувшей кашицы. На какое-то мгновение при виде содеянного Вилму обуял безумный страх — неужели по другую сторону этой стали, погруженной в Нэтти, была она, Вилма Ежик, — и мышцы на ее руке расслабились. Нож прекратил свое движение вверх, не достигнув бешено колотящегося сердца Нэтти.

— Ах ты, суууука!, — закричала Нэтти и обрушила свой мясницкий нож. Он вошел в плечо Вилмы по самую рукоятку, с хрустом дробя ключицу.

Боль, дикая боль, вытеснила всякие остатки здоровой мысли из сознания Вилмы. Остался только беснующийся казак. Она выдернула нож.

Нэтти выдернула свой нож. Ей пришлось это сделать обеими руками, и когда ей наконец удалось вытащить его из кости, то из окровавленной дыры в ее платье стали вываливаться внутренности, повисая перед ней мокрым, блестящим узлом.

Обе женщины стали двигаться по кругу, отпечатывая следы своей собственной кровью. Тротуар и теперь напоминал некую дикую пляшущую диаграмму Артура Мюррея. У Нэтти перед глазами поплыли огромные пульсирующие круги — все окружающие вещи утратили свои цвета, глаза застлала белая пелена с неясным контуром предметов, но вот они стали наполняться цветом. В ушах громко отдавался стук сердца, тяжелыми размеренными глухими ударами грома. Она знала, что была ранена, но не ощущала боли. Она думала, что Вилма немного порезала ей бок, или что-то вроде этого. Вилма осознавала всю тяжесть своей раны, знала, что уже не сможет поднять правую руку и что платье на спине пропитано кровью. Однако у нее и в мыслях не было спастись бегством. Она ни разу в своей жизни еще не удирала, и не собиралась этого делать сейчас.

— Эй! — чей-то тонкий голос окликнул их с другой стороны улицы. — Эй! Что вы, женщины, там делаете? Немедленно прекратите это. Остановитесь сейчас же или я вызову полицию.

Вилма повернула голову в том направлении. В тот же момент, когда внимание Вилмы было отвлечено, Нэтти шагнула вперед и со всего размаха всадила нож. Он раскроил выступающую часть бедра Вилмы и со звоном врубился в тазовую кость. Кровь брызнула веером. Вилма вскрикнула и тяжело отступила назад, беспорядочно размахивая перед собой ножом. Ее ноги подогнулись и с глухим стуком она упала на тротуар.

— Эй! Эй! — Это кричала пожилая женщина, вцепившись в свою шаль мышинного цвета. Ее глаза, увеличенные линзами очков, казались огромными водянистыми колесами, исполненными ужаса. Теперь она закричала звонким пронзительным старушечьим голосом.

— На помощь! Полиция! Убийство! Убийствооо!

Женщины на перекрестке даже не услышали этот крик. Вилма упала в лужу крови возле дорожного знака остановки, а Нэтти, шатаясь, приближалась к ней. Вилма с усилием приняла сидячее положение, опершись о знак, прижав к себе нож острием вверх.

— Ну давай, с... — прорычала она. — Подойди ко мне, уж если ты идешь.

Нэтти подошла, беззвучно открывая рот. Узел кишок раскачивался перед ней, ударяясь о платье, напоминая собой недоношенный плод. Правой ногой она ударилась о вытянутую ногу Вилмы и упала навзничь. Нож вошел в ее тело под самой грудной костью. Из ее рта с кровью вырывались хрипы. Она подняла свое оружие и тяжело опустила его. Раздался единственный глухой звук — «чонк!», — и нож погрузился в тело Вилмы Ежик. Под тяжестью Нэтти тело Вилмы стало корчиться в судорогах. И с каждым этим движением нож входил в голову все глубже и глубже.

— Убила... мою... собачку, — задыхаясь, произнесла Нэтти, с каждым словом выплевывая на повернутое к ней лицо Вилмы

сгустки крови. Затем дрожь пробежала по ее телу, и она обмякла. Падая, она головой ударилась о дорожный знак.

Нога Вилмы, подергиваясь, съехала в канаву. Ее добротная черная туфля, из той пары, в которой она посещала церковь, упала на кучу листьев, нацелясь каблуком в клубящиеся в небе облака. Пальцы на ноге вытянулись раз... другой раз... и расслабились.

Две женщины лежали друг на друге словно любовники, окрашивая в алый цвет своей крови осенние палевые листья.

— УБИЙСТВОООО! — вновь раздался пронзительный крик пожилой женщины, которая, потеряв сознание, упала во весь рост спиной на пол своего коридора.

Люди в соседних домах стали выглядывать в окна, открывать двери, спрашивать друг у друга, что случилось, выходить на крыльцо, лужайки перед своими домами, вначале осторожно подходили к месту происшествия, а затем спешили прочь, зажав руками рты, увидев это кровавое месиво. Наконец кто-то позвонил шерифу.

18

Полли Чалмерс медленно шла по Мэйн-стрит к магазину «Необходимые вещи», спрятав свои большие руки в самые теплые в мире рукавицы, как вдруг она услышала сирену полицейской машины. Она остановилась и увидела, как одна из трех коричневых патрульных машин их округа пронеслась, оставляя позади перекресток улиц Мэйн и Лорэл, сверкая вращающимися сигнальными лампочками, выжимая все пятьдесят миль и еще набирая скорость. Вслед за ней промчалась другая патрульная машина.

Она смотрела, пока они не скрылись с ее глаз, и нахмурилась. Сирены и несущиеся на всех парах полицейские патрульные машины были редкостью в Кастл Роке.

Интересно, что случилось, наверное, что-либо посерьезнее, чем кошка на дереве, подумала она. Алан расскажет ей, когда придет вечером. Полли посмотрела вперед и увидела, что на пороге магазина стоит Лиленд Гаунт, также глядя вслед полицейским машинам, его лицо выражало умеренное удивление.

Она прошла дальше по улице, мистер Гаунт оглянулся и увидел ее. На его лице появилась улыбка.

— Мисс Чалмерс! Как хорошо, что вы оказались поблизости!

Она слабо улыбнулась. Боль, которая немного утихла утром, стала вновь подбираться, оплетая сетью тонкой колючей проволоки ее руки.

— Тогда, Полли. Загляните ко мне, чрезвычайно приятно видеть вас. Из-за чего вся эта суматоха?

— Не знаю, — сказала она. Он придержал дверь, пропуская ее в магазин. — Думаю, что кому-то сделали больно и кому-то нужно показаться к врачу. Медицинская служба работает ужасно плохо по выходным. Однако для чего диспетчеру понадобилось отправить две машины...

Мистер Гаунт закрыл за собой дверь. Звякнул колокольчик на входной двери. Дверь закрыта, солнце в это время дня уже не заглядывало сюда, и интерьер «Необходимых вещей» показался

мрачным, но... Полли подумала, если мрак мог быть приятен, то это относилось к этому магазину. Маленькая настольная лампа отбрасывала золотистый кружок на прилавок, на котором стоял старый кассовый аппарат. Там лежала открытая книга. Это был «Остров сокровищ» Роберта Льюиса Стивенсона.

Стоя рядом, мистер Гаунт, не отрываясь, смотрел на нее, и Полли вновь улыбнулась, заметив озабоченное выражение его взгляда.

— Последние дни мои руки чертовски болели, — сказала она. — Думаю, что сейчас я не очень похожа на Денни Мур.

— Вы похожи на очень уставшую женщину, испытывающую душевный дискомфорт, — ответил он.

Улыбка дрогнула на ее лице. В его голосе прозвучало понимание и глубокое сочувствие, Полли подумала, что вот-вот расплачется. Но поток ее слез сдерживала странная мысль: «Его руки. Если я заплачу, он попытается утешить меня. И прикоснется ко мне своими руками».

Усилием воли она удержала улыбку на лице.

— Ничего, выживу, и не то приходилось делать. Скажите — Нэтти Кобб, случайно, не заходила?

— Сегодня? — Он нахмурился. — Нет, сегодня нет. Если бы она зашла, то я бы показал ей новое флорентийское стекло, которое поступило вчера. Оно не такое красивое, как то, которое она купила на прошлой неделе, но, думаю, оно вызвало бы интерес. А почему вы спрашиваете?

— А... так просто, — сказала Полли. — Она говорила, что зайдет... но она всегда обо всем забывает.

— Она поражает меня как женщина с ужасно трудной жизнью, — сказал мистер Гаунт серьезным тоном.

— Да, да, это так. — Полли произнесла эти слова медленно, автоматически. Казалось, она не может оторвать своих глаз от его глаз. И вдруг рукой она задела угол стеклянного прилавка, и резко отвела глаза. У нее невольно вырвался тихий стон.

— С вами все в порядке?

— Да, все прекрасно, — сказала Полли, но это была ложь, ее состояние было прямо противоположно сказанному.

Мистер Гаунт это понял.

— Вам нехорошо, — решительным тоном сказал он. — Поэтому я избавлю вас от обязанности поддерживать беседу. Та вещь, о которой я вам писал, уже поступила. Я вам ее отдам, и вы отправитесь домой.

— Отдадите ее мне?

— Нет, я вам не предлагаю подарок, — сказал он, проходя мимо кассы. — Для этого мы едва знаем друг друга, не правда ли?

Она улыбнулась. Он явно был милым человеком, человеком, который хотел отплатить добром тому, кто первым в Кастл Роке оказал ему внимание. Но ей было невероятно трудно отвечать на его вопросы. Боль в руках была чудовишной. Она уже жалела, что пришла сюда, и доброта добротою, но она хотела только выбраться отсюда, прийти домой и принять болеутоляющее.

— Эта вещь из разряда тех, которые продавцу приходится давать на пробу, если он честен, конечно.

Он достал связку ключей, выбрал один и открыл ящик под кассой.

— Если вы, опробовав ее пару дней, поймете, что она вам не нужна, мне придется согласиться с вашим решением, — вы мне ее просто вернете. Если же вы, наоборот, обнаружите, что она вам приносит облегчение, тогда мы поговорим о цене.

Он улыбнулся ей.

— Для вас она будет очень низкой, я вас уверяю.

Она посмотрела на него озадаченно. Облегчение? О чем он говорит?

Гаунт вынул маленький белый коробочек и поставил его на прилавок. Затем открыл его своими странными руками с длинными пальцами и взял с ватиновой подушечки, которая была внутри, маленький серебряный предмет на красивой цепочке. Это было похоже на ожерелье, но вещица, висевшая на V-образно сложенных пальцах мистера Гаунта, была похожа на ложечку для заваривания чая или на очень большой наперсток.

— Это из Египта, Полли. Очень старинная вещь. Ну не такая старая, как пирамиды, — конечно, нет — но все же очень древняя. В ней что-то есть. Что-то типа травки, я думаю, но не совсем уверен.

Он покачал пальцами вверх-вниз, вверх-вниз. И чайная ложечка (если это была она) подпрыгивала на цепочке. Что-то внутри перемещалось, что-то издавало шуршащий звук пересыпаемого вещества. Полли этот звук показался не очень приятным.

— Это называется «азка», а может быть «азака», — сказал мистер Гаунт. — В любом случае, это амулет, который якобы ограждает от боли.

Полли сделала попытку улыбнуться. Ей хотелось быть вежливой, но на самом деле... она проделала весь этот путь ради этого? Это та вещица, которая не имела никакой эстетической ценности. Она была уродлива, чтобы не сказать хуже.

— Я не думаю, что...

— Так же и я, — сказал он.

— Но отчаянные ситуации иногда требуют отчаянных мер. Я уверяю вас, что это точно подлинная вещь, по крайней мере в том смысле, что не была сделана на Тайване. Это истинное египетское произведение искусства — не то чтобы реликвия, но, наверняка, произведение искусства периода Последнего Заката. Указывается даже происхождение, это орудие Бенк-Литис, или белой магии. Я хочу, чтобы вы это взяли и носили. Это, наверное, звучит глупо. Может, и так. Но в пространстве между небом и землей происходят и более странные вещи, о чем некоторые из нас могут только мечтать, даже в моменты самых необузданных философствований.

— Вы и в самом деле так думаете? — спросила Полли.

— Да. На своем веку я много раз видел, как исцеляющий медальон или амулет превращали в обыкновенную безделушку.

И на мгновение в его карих глазах блеснул огонек.

— Много подобных вещей. Есть необыкновенные места в нашем мире, Полли, где творятся невероятные вещи. Но о чем это мы; сейчас мы говорим о вас.

— Даже на днях, когда мне казалось, что боль не так сильна, как сейчас, мне пришла мысль, что вы в очень неприятном положе-

нии. Я подумал, что может быть и стоит попытаться поносить эту... маленькую вещицу во всяком случае, что вы теряете? Что бы вы ни пробовали, вам ничего не помогало, не так ли?

— Я ценю ваше отношение, мистер Гаунт, в самом деле, но...

— Лиленд, пожалуйста.

— Хорошо. Я ценю ваше отношение, Лиленд, но боюсь, что я не суеверна.

Она подняла глаза и увидела, как его карие глаза уставились на нее.

— Это не важно, суеверны вы, или нет, Полли... потому что важно это.

Он пошевелил пальцами. Азка слегка подпрыгивал на цепочке.

Она открыла было рот, но слова так и не прозвучали. Полли вдруг вспомнила один день прошлой весны. Нэтти, уходя домой, забыла свою газету «Внутренний взгляд». Полли от нечего делать перелистывала ее, бегло просматривая статьи о детях-оборотнях в Кливленде, о геологических образованиях на Луне, напоминающих лицо JFK, и наткнулась на рекламное объявление, предлагающее что-то типа подборки заклинаний древних людей. Это якобы излечивало боли в голове, в желудке, артрит.

В этом объявлении привлекал внимание черно-белый рисунок. На нем был изображен парень с длинной бородой и в шапке колдуна (или Нострадамус, или Гандальф, решила Полли), который держал в руке что-то типа детской игрушки — металлический гвоздь, согнутый в колесо, и держал его над человеком, сидящим в кресле-каталке. Это приспособление излучало на увечного конус света, и хотя в объявлении ничего толком не было сказано, но предполагаемый смысл был в том, что не пройдет и двух суток, как этот несчастный сможет танцевать вприсядку. Это, конечно, было смехотворной суеверной чепухой для людей, чей рассудок колебался или уже помутился под непрерывным натиском боли и своей ущербности, но все же... Она долго сидела, глядя на это объявление, и, как это ни было смешно, стала набирать номер 800, который указывался в конце страницы для желающих сделать заказ по телефону. Потому что рано или поздно...

— Рано или поздно человеку, который испытывает мучительные боли, приходится пробовать даже самые сомнительные средства, если они могут принести облегчение, — сказал мистер Гаунт, — не так ли?

— Я... я не...

— Холодотерапия... термоперчатки... облучение... ничто из этого вам не помогло, не правда ли?

— Откуда вы это знаете?

— Основное занятие хорошего торговца — знать потребности своих покупателей, — сказал мистер Гаунт тихим гипнотическим голосом. Он стал приближаться к ней, держа на растопыренных пальцах серебряную цепочку со свисающим амулетом. Она вздрогнула, когда эти длинные руки с твердыми ногтями коснулись ее.

— Не бойтесь, моя дорогая. Я не трону и волоска на вашей голове. Не трону, пока вы будете спокойны и не шелохнетесь.

И Полли в самом деле успокоилась. Она стояла не шелохнувшись. Она стояла со скромно скрещенными на груди руками и

позволила мистеру Гаунту надеть на себя через голову серебряную цепочку. Он же сделал это с нежностью отца, опускающего на лицо своей дочери свадебную вуаль. Она вдруг почувствовала, что находится далеко от мистера Гаунта, магазина «Необходимых вещей», от Кастл Рока, даже от себя. Она ощутила себя женщиной, стоящей посреди пыльной равнины под бездонным небом, а вокруг на сотни миль ни одной живой души.

Амулет соскользнул вниз, еле слышно звякнув о змейку ее кожаного пальто.

— Поместите это под пальто. А когда придете домой, то под блузку. Его нужно носить на теле, и тогда эффект будет очень сильный.

— Я не могу поместить его под пальто, — сказала Полли вялым, сонным голосом, — моя змейка. Я не могу расстегнуть змейку.

— Нет, попробуйте.

И Полли сняла одну перчатку и попыталась. К своему бесконечному удивлению, она убедилась, что большой и указательный пальцы на ее правой руке согнулись вполне достаточно, чтобы ухватиться за замок змейки и потянуть его вниз.

— Так, вот видите?

Маленький серебряный предмет упал на блузку. Он показался очень тяжелым и ощущать его прикосновение к телу было неприятно. Она смутно беспокоилась, что же в нем, что же издавало этот шуршащий звук пересыпаемого вещества. Он сказал, какая-то трава, но по звуку это вовсе не было похоже ни на листья, ни на порошок. Ей казалось, что что-то в нем перемешается само по себе.

Казалось, мистер Гаунт понял причину ее беспокойства.

— Вы привыкнете к этому. Даже скорее, чем вы думаете. Поверьте мне, вы привыкните.

Где-то далеко за тысячи миль отсюда она услышала звук сирен, словно потревоженных духов.

Мистер Гаунт отвернулся, и как только он перевел взгляд с ее лица на что-то другое, Полли почувствовала, что может вновь сосредоточиться. Она была немного смущена, но чувствовала себя хорошо, словно очнувшись после короткого освежающего сна. Смешанное чувство дискомфорта и беспокойства ушло.

— Мои руки еще болят, — сказала она, и это было так, но так ли сильно они болели? Ей показалось, что стало немного легче, но, может, это только казалось — у нее было такое ощущение, словно мистер Гаунт ввел ее в состояние гипноза, чтобы убедить ее принять амулет. А может, причиной этому была духота в магазине после холодного, пронизывающего ветра улицы.

— Я сомневаюсь в том, что обещанный эффект постоянен, — сухо сказал мистер Гаунт, — все же попробуйте? Вы это сделаете, Полли?

Она пожала плечами.

— Хорошо.

В конце концов, что она теряет? Амулет слишком мал и вряд ли будет проступать под блузой или свитером. Ей не придется отвечать на вопросы, если никто не будет знать, что у нее там, а это то, что ей нужно, — Розали Дрейк сгорела бы от любопытства, а Алан,

который был так же суеверен, как пень, наверняка нашел бы это забавным. Что же касается Нэтти... да, Нэтти, наверное, онемела бы от удивления, узнай она, что Полли носит самые настоящие волшебные чары, из разряда тех, которые продаются в ее излюбленном «Внутреннем взгляде».

— Не следует его снимать, даже под душем, — сказал мистер Гаунт. — Просто нет в этом нужды. Амулет сделан из чистого серебра — он не ржавеет.

— Но если я сниму?

Он кашлянул в руку, словно в смущении.

— Дело в том, что положительный эффект амулета словно накапливается. Его хозяин сегодня чувствует себя лучше, завтра еще лучше и т.п. Так, по крайней мере, мне сказали.

«Сказали? Кто?» — подумала она.

— Если его снять, то хозяин возвращается в свое болезненное состояние. Но не постепенно, а внезапно, а потом, надев амулет, приходится ждать дни и недели, прежде чем почувствуешь прежнее облегчение.

Полли засмеялась. Она не могла сдержаться, и ее смущение исчезло, когда Лиленд Гаунт тоже засмеялся.

— Я знаю, как это нелепо звучит, — сказал он, — но я просто хочу помочь всем чем могу. Вы мне верите?

— Да, — сказала она, — и благодарю вас.

Но как только он проводил ее из магазина, она стала искать ответы на множество вопросов. Например, она находилась в состоянии близком к трансу, когда он надевал ей через голову цепочку. Затем ей было очень неприятно, когда он прикасался к ней. Все это как-то не вязалось с чувствами дружбы, внимания и сочувствия, которые он представлял, словно почти осязаемую ауру.

А может быть, он все-таки загипнотизировал ее? Глупая мысль... не правда ли? Она попыталась вспомнить, что она чувствовала, когда они говорили об амулете, но не могла. Если он сделал это, то вовсе не случайно и с ее помощью. Но скорее всего, это было состояние полудремы, наступившее после слишком большого количества принятых таблеток перкодана, такое иногда бывает. И это ей больше всего не нравилось в таблетках. Хотя не только. Больше всего она ненавидела то, что они уже не оказывали нужного эффекта.

— Я бы подвез вас домой, если бы умел, — сказал мистер Гаунт, — но боюсь, что я так и не научился.

— Все отлично, — сказала Полли, — я очень ценю вашу доброту.

— Поблагодарите, когда вам поможет, — ответил он. — Желаю вам приятно провести день, Полли.

Еще громче завывали сирены. Они были где-то в восточной части города, там, где улицы Виллоу и Форд. Полли повернулась в том направлении, но было что-то такое в этом звуке сирен, а особенно в такой тихий день, что вызвало в сознании смутные мысли об угрозе — не образы — нависшего рока. Звук замирал, словно раскручивалась невидимая часовая пружина в залитом светом осеннем воздухе.

Она было повернулась, чтобы поделиться этим с мистером Гаунтом, но дверь была закрыта. Слегка раскачиваясь, на веревке

висела табличка ЗАКРЫТО между жалюзи и дверным стеклом. Когда она отвернулась, он зашел внутрь так тихо, что она даже не услышала.

Полли медленно пошла домой. Прежде чем она дошла до конца Мэйн-стрит, мимо нее пронеслась еще одна полицейская машина, на этот раз патруль полиции штата.

19

— Дэнфорд?

Миртл Китон переступила через порог и вошла в гостиную. Она пыталась удержать под рукой чудо-печку и одновременно вытащить из замка ключ, который был оставлен Дэнфордом.

— Дэнфорд, я дома!

Ответа не последовало, и телевизор не был включен. Это странно; он так хотел попасть домой к самому началу матча. Она быстро соображала, может, он куда-то поехал, например к Гарсонам, чтобы посмотреть матч, но дверь гаража была закрыта, что означало, что он убрал машину. Пешком же Дэнфорд никуда не ходил, он старался этого избегать, и уж тем более не по Вью, у нее был слишком крутой подъем.

— Дэнфорд? Ты здесь?

Ответа не было, в столовой валялся перевернутый стул. Первые нити беспокойства, тонкие, словно паутина, стали проникать в ее сознание. Она направилась к кабинету, который был заперт. Когда она подошла, то припала ухом к дереву двери и стала слушать. Она была почти уверена, что слышала потрескивание стула, стоявшего за письменным столом.

— Дэнфорд? Ты там?

Ответа нет... но ей показалось, что она услышала тихое покашливание. Беспокойство переросло в тревогу. Последнее время Дэнфорд испытывал сильное напряжение — он был единственным членом городского совета, который много работал и брал на себя слишком много — это могло повредить его здоровью. А вдруг у него сердечный приступ? А вдруг он лежит там на полу? А вдруг тот звук, который она приняла за покашливание, на самом деле был попыткой сделать вдох.

Чудесное утро, проведенная вместе первая половина дня, сделали эту мысль чрезвычайно правдоподобной: сладкое начало и горький конец. Она ухватила за дверную ручку кабинета... затем отдернула руку и стала нервно водить ею по шее. Ей хватило нескольких моментов, чтобы научиться не тревожить Дэнфорда в его кабинете без стука... никто никогда, никогда, никогда не входил в его святая святых без приглашения.

Да, но если у него сердечный приступ... или... или... Она вспомнила о перевернутом стуле, и вновь тревога уколола ее.

А что если он пришел домой и застал взломщика? А что если взломщик ударил его по голове, вырубил его и перетащил в кабинет?

Она отбивала дробь костяшками пальцев по двери.

— Дэнфорд? С тобой все в порядке?

Ответа нет, ни звука во всем доме, кроме тиканья больших часов на полу в гостиной и... да, теперь она уверена: поскрипывания стула в его кабинете. Ее рука вновь поползла к ручке.

— Дэнфорд, ты...

Она уже прикоснулась кончиками пальцев к ручке, как вдруг его голос обрушился на нее, заставив ее с криком отпрянуть от двери.

— Оставь меня в покое! Можешь ты оставить меня в покое, глупая сука!

Она застонала. Ее сердце бешено колотилось в груди. Она была напугана не внезапностью, а бешенством и несдерживаемой злобой, прозвучавшей в его голосе. После спокойного приятного утра, проведенного вместе он не мог причинить ей больше страданий, даже если бы погладил ее по щеке пригоршней бритвенных лезвий.

— Дэнфорд... Я думала тебе больно...

Ее голос был похож на еле уловимый выдох, вряд ли она слышала себя.

— Оставь меня в покое! — сейчас, судя по силе звука, он стоял как раз за дверью.

О, Господи, он так кричит, словно сошел с ума. Может такое быть? Что же случилось после того, как он завез меня к Аманде?

Но ответов на эти вопросы не было. Была только боль. Еле живая она сошла по лестнице, достала из шкафа швейной комнаты свою красивую новую куклу и пошла в спальню. Сняла туфли и с куклой в руках бросилась на свою половину кровати.

Где-то вдаль она слышала звучащие наперебой сирены. Она не обращала на них внимания. В это время дня их спальня, переполненная ярким светом, была очень красива. Миртл этого не замечала. Она видела только темноту. Она только чувствовала, как она несчастна, как она глубоко больна несчастьем, даже великолепная кукла не могла облегчить эту боль. Страдания, казалось, стояли в горле, мешали ей дышать. Как же она была счастлива сегодня — так счастлива. Он тоже был счастлив. Она была в этом уверена. А сейчас все было даже хуже, чем раньше. Намного хуже. Что же случилось? О, Господи, что же случилось и кто виноват? Миртл обняла куклу, подняла глаза к потолку, замерла и спустя мгновение стала плакать. Громкие, безысходные рыдания сотрясали все ее тело.

Глава 11

1

В четверть двенадцатого ночи того длинного, бесконечно длинного октябрьского воскресенья дверь в подвал государственного отделения больницы Кенебек Вэлли открылась, и вошел шериф Алан Пэннборн. Он шел медленно, с опущенной головой. Его ноги, обутые в прорезиненные больничные тапочки, шаркали о линолеум. На захлопнувшейся за спиной двери висела табличка:

«МОРГ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН».

В дальнем конце коридора сторож в серой рабочей одежде медленными, ленивыми движениями начищал пол при помощи специального приспособления. Алан направился к нему, на ходу снимая с головы больничную шапочку. Подняв полу надетого на него зеленого халата, он закинул шапочку в задний карман голубых джинсов, которые прикрывал халат. Тихое жужжание электрополотера нагоняло на него сон. Больница в Аугусте — вот уж где меньше всего ему хотелось быть этим вечером.

Сторож поднял глаза и, увидев приближающегося шерифа, выключил машину.

— Неважно выглядишь, старина, — приветствовал он Алана.

— Неудивительно, сигарета есть?

Сторож вытащил из нагрудного кармана пачку «Лаки Страйк» и вытряхнул одну для Алана.

— Здесь курить нельзя, — сказал он и кивнул головой на дверь в морг, — с доком Рьяном случится разрыв сердца.

Алан кивнул.

Сторож повел его в другой коридор, пересекающий этот под прямым углом, и указал пальцем на дверь, которая была примерно посредине.

— Она выходит на аллею, опоясывающую здание. Попробуйте ее чем-нибудь открыть, если нет, то придется обходить, чтобы войти туда с парадного крыльца. Спички есть?

Алан направился вниз по коридору.

— Посвечу зажигалкой. Спасибо за сигарету!

— Слышал, что там сегодня было два случая, — сказал вдогонку сторож.

— Совершенно верно, — сказал Алан, не поворачивая головы.

— Все эти проклятые вскрытия ничего не дают, верно?

— Да, — ответил Алан.

За его спиной возобновилось мерное жужжание полотера. Проклятые, это точно. Вскрытия Нэтти Кобб и Вилмы Ежик были двадцать третьими или двадцать четвертыми по счету за время его службы, и все они были жутким проклятием, но последние два были намного хуже предыдущих!

Дверь, на которую указал сторож, была снабжена чем-то типа задвижки без замка. Алан посмотрел, нет ли чего-нибудь поблизости, что помогло бы открыть ее, но ничего не нашел. Он стянул с себя халат, подбил им задвижку и открыл дверь. Влилась прохладная струя ночного воздуха, невероятно освежающая после затхлого запаха спирта, пропитавшего морг и комнату для вскрытия трупов. Алан положил скомканный халат у дверного косяка и вышел. Он осторожно прикрыл дверь и сразу же забыл об этом. Прислонился к стене из шлакоблока, рядом с выбивающейся из-за приоткрытой узенькой полоски света толщиной с карандаш, и закурил.

От первой же затяжки все поплыло перед глазами. Уже два года он пытался бросить курить, и ему это почти удавалось. Но обязательно что-то происходило, это было одновременно и проклятием, и благословением в работе полицейского; что-то всегда происходит.

Он посмотрел на звезды, которые всегда успокаивали его, и увидел совсем немного — их затмевали яркие фонари, кольцом

обступившие больницу. Он мог различить только Большую Медведицу, Орион и слабое красноватое пятнышко, наверное, Марс, и больше ничего.

«Марс, — подумал он. — Это он. Это, наверняка, он. Боги войны с Марса приземлились в полдень в Кастл Роке, и первыми людьми, которых они встретили, оказались Нэтти и эта сука Ежик. Боги войны укусили их, и те стали невменяемыми. Только так».

Он подумал зайти к Генри Райтану и сказать это ему, главному медэксперту штата Мэн. В этом деле не обошлось без вторжения извне. Дело закрыто. Вряд ли это рассмешит Райтана. Ему тоже предстояла длинная бессонная ночь.

Алан сделал глубокую затяжку. Ощущение было бесподобное, кружится голова или нет, ему теперь было понятно, почему курение тоже попало в разряд «Строжайше воспрещено» во всех больницах Америки. Датон Кэлвин был прав на все сто: ничто, отчего ты получаешь такой кайф, не может быть тебе полезным. И пожалуйста, убейте меня этим никотином, босс, раз от него такой кайф.

Он рассеянно подумал о том, что неплохо было бы купить блок этих «Лаки», оторвать обе боковины, а затем зажечь всю чертову штукосину паяльной лампой. Он подумал о том, как хорошо было бы напиться. Но тут же подумал, что время чертовски не подходящее для этого. Вот другое неизменное жизненное правило: когда тебе в самом деле нужно напиться, ты не можешь себе этого позволить. В голове промелькнула мысль, что алкоголики — единственные люди в мире, которые могут улаживать требования своего организма.

Узкая, словно карандаш, полоска света увеличилась, и теперь была шириной с доску. Алан оглянулся и увидел Норриса Риджвика. Норрис вышел и прислонился к стене рядом с Аланом. На нем все еще была надета зеленая шапочка, но теперь она сидела набекрень, и ленты завязки свисали на спину его халата. Лицо было того же цвета, что и шапочка.

— Господи Иисусе, Алан.

— Это первые за твою службу, да?

— Нет, я видел вскрытие раз, когда был в Северном Вирджинии. Смерть от удушья. Но эти... Господи Иисусе, Алан.

— Да, — сказал он, выпуская облачко дыма. — Господи Иисусе.

— Еще есть сигарета?

— Нет, извини. Я стрельнул эту у сторожа. — Он удивленно посмотрел на своего помощника. — Я не знал, что ты куришь, Норрис.

— Не курю. Думал, может начать.

Алан негромко засмеялся.

— Слушай, я не могу дождаться завтрашнего дня, чтобы уехать на рыбалку. Или выходных не будет, пока не распутаем это дело?

Алан задумался, затем покачал головой. Нет, это были не боги войны с Марса, все было совершенно ясно и понятно. На первый взгляд, вот что было ужасно. Он не видел повода лишать Норриса его выходных.

— Здорово, — сказал Норрис и добавил, — но я выйду, если ты хочешь, Алан. Нет проблем.

— Нет нужды, Норрис, — ответил он. — Джон и Клатт на связи со мной.

Клатт отправился с парнями из угро опросить Пита Ежика, а Джон с командой занялся разработкой версии Нэтти. Оба на связи. Все очень просто. Гадко, но просто.

Так оно и было... все же его это беспокоило. Где-то глубоко внутри его это беспокоило.

— Ладно, что произошло? Я имею в виду эту суку Ежик, она годами напрашивалась, я думал, что в один прекрасный день кто-то спровоцирует ее, и она закончит с фонарем под глазом или сломанной рукой... но не так.

— Может, она просто не на того напала?

— Думаю, что именно так, — сказал Алан.

— Вилма не могла выбрать более неподходящего человека в Кастл Роке, чтобы начать с ним вражду.

— Вражду?

— Прошлой весной Полли дала Нэтти щенка. Вначале тот скулил. Вилма бесилась из-за этого.

— На самом деле? Я не помню жалобы.

— Она подала однажды жалобу. Я не дал ей хода. Меня попросила об этом Полли. Она чувствовала себя немного ответственной за это, ведь это она дала Нэтти собаку. Нэтти пообещала держать собаку взаперти, этим все и кончилось, для меня.

— Собака уже не лаяла, но Вилма не прекратила беситься. Полли говорит, что Нэтти всегда переходила на другую сторону. Нэтти, за квартал завидев идущую навстречу Вилму, всегда переходила на другую сторону. Нэтти всячески пыталась избежать этого злобного взгляда на себе. И вот прошла неделя, она переступила через черту. Она пошла к Ежику, когда те были на работе, увидела, что на веревке висят простыни, и перепачкала их грязью из сада.

Норрис присвистнул.

— Мы не дали хода и этой жалобе, Алан?

Алан покачал головой. С того времени до сегодняшнего все было между ними.

— А что Пит Ежик?

— Ты знаешь Пита?

— Ну... — Норрис остановился. Подумал о Пите. Подумал о Вилме. Затем об обоих вместе и утвердительно кивнул головой.

— Он боялся, что Вилма съест его, если он попытается играть роль судьи... и он был в стороне. Да?

— Почти. Он на самом деле мог помешать этому, но ненадолго. Клатт передал, что Пит рассказал парням из угро. Как только Вилма увидела простыни, она сразу хотела пойти к Нэтти. Она приготовилась громить и крушить. Она даже позвонила Нэтти и сказала, что оторвет ей башку.

Норрис кивнул. В промежутке между двумя вскрытиями он позвонил диспетчеру в Кастл Рок и запросил досье жалоб, касающихся каждой из этих женщин. Список Нэтти был краток, всего один пункт: уколошила мужа. Конец истории. Никаких всплесков до или после того, включая и последние годы, которые она прожила в Кастл Роке. Вилма — совсем другое дело. Она никогда никого не

убивала, но список жалоб, предъявленных на нее и к ней, был длинным и восходил к тем временам, когда она еще училась в школе и засветила под глаз учителю, который пытался оставить ее после уроков. В двух случаях две напуганные женщины, которым повезло попасть в черные списки Вилмы, просили защиты у полиции. Были также три жалобы на нее за нападение. В конце концов все обвинения снимались, но не нужно было долго думать, чтобы уразуметь, что никто в здравом уме не отважится завести склоку с Вилмой Ежик.

— Они были плохим лекарством друг для друга, — пробормотал Норрис.

— Хуже не бывает.

— Ну и как, ответил Пит свою жену идти тогда в первый раз, когда она собиралась?

— И не пытался, зная, что это бесполезно. Он сказал Клатту, что подмешал в чай две таблетки ксанакса, и это понизило ее горячность. Вообще-то, Ежик говорит, подумал, что все кончено.

— А ты ему веришь, Алан?

— Да, настолько, насколько я могу верить человеку, с которым ни разу не говорил тет-а-тет, не больше.

— Что за дрянь он ей подмешал в чай? Снотворное?

— Транквилизатор. Ежик сказал угро, что пользовался этим приемом пару раз, когда она слишком распалялась, и это здорово сбивало жар. Подумал, что сработало и в этот раз.

— Но не сработало.

— Думаю, что вначале сработало. По крайней мере, Вилма не отправилась сразу жевать задницу Нэтти; но больше чем уверен, что продолжала изводить Нэтти; эту тактику она выбрала еще когда они грызлись из-за собаки. Звонила по телефону. Проезжала мимо и тому подобное. А Нэтти не из толстокожих. Подобная ерунда и в самом деле действовала на нее. Я свел Джона Ля Пуана и команду угро и отправил их к Полли около семи часов. Полли сказала, что уверена, что Нэтти была чем-то обеспокоена. В то утро она была у Полли и что-то говорила, но Полли тогда не поняла. Алан вздохнул.

— Думаю, сейчас жалеет, что не выслушала более внимательно.

— А как Полли восприняла это, Алан?

— Думаю, нормально.

Он дважды говорил с ней: раз из дома, возле места преступления, другой раз отсюда, из больницы, как только они с Норрисом сюда приехали. В обоих случаях она говорила спокойным сдержанным голосом, но он чувствовал слезы и смятение под тщательно оберегаемой маской. Он не был удивлен, когда, позвонив ей однажды, обнаружил, что она знает почти все о случившемся: новости, а в особенности плохие, быстро распространяются в маленьком городке.

— Из-за чего все началось?

Алан вскинул на Норриса удивленный взгляд, но потом понял, что он еще не знает. Во время перерыва между вскрытиями Алан получил более или менее полный отчет от Джона Ля Пуана, в это время Норрис был на другом телефоне, разговаривал с Шейлой Брайан и записывал списки жалоб, висевших на обеих женщинах.

— Одна из них решила ускорить события, — сказал он. — По-моему это была Вилма, но еще много неясного в картине. Очевидно, утром Вилма побывала у Нэтти, когда та посещала Полли. Нэтти, должно быть, ушла не заперев за собою дверь, даже не задвинув щеколду, и ветер распахнул дверь. Ты знаешь, какой сегодня был ветер?

— Да.

— Возможно, что именно это послужило началом. Когда Вилма увидела открытую дверь, она решила действовать. Возможно, что это было так.

— Что сделала Вилма? Устроила погром?

— Убила собаку Нэтти.

— Что?

— Ты же слышал?

— Боже, какая сука!

— Мы же знали, какая она.

— Да, но все-таки.

— У нее был швейцарский армейский нож. Она говорила, что расправится с Нэтти за простыни. После этого Нэтти пошла домой к Вилме. Она оставила записку, что это последнее предупреждение ей.

— Мать Божья, — произнес Норрис не без восхищения.

— Ежики ушли с обедни в пол-одиннадцатого, после этого они завтракали у Пуласки. Пит остался посмотреть матч «Патриотов» и Джейк Пуласк был с ним, поэтому на этот раз он никак не мог попытаться выпустить пары из Вилмы.

— А на углу они случайно встретились? — спросил Норрис.

— Сомневаюсь. Думаю, Вилма пришла домой, увидела погром и вызвала Нэтти.

— Как на дуэль?

— Именно так.

Норрис свистнул. Затем помолчал несколько секунд, глядя в темноту и сжимая руки за спиной.

— Алан, все так, и зачем нужно наше присутствие на этих чертовых вскрытиях? — наконец сказал он.

— Для протокола, думаю, — ответил Алан, но не только для этого... по крайней мере, для него. Если тебе не нравится что-либо в деле или ты чувствуешь, что что-то не так (а это дело ему не нравилось, и он чувствовал, что что-то не так), ты можешь увидеть нечто такое, что вырубит твои мозги из нейтрального ритма и переключит на бешеную скорость. Ты можешь увидеть крючок, на который можно повесить шляпу.

— Ну тогда, думаю, пора завести в округе должность офицера для протокола, — проворчал Норрис, Алан усмехнулся.

Хотя внутри он вовсе не смеялся, и не только потому, что раскрутка всего этого дела в последующие дни, наверняка, отразится на Полли. Что-то в этом деле было не так. Сверху поглядеть, так все вроде бы нормально, но только сверху, а внутри, где живет (или прячется) инстинкт, версия с марсианскими богами войны казалась более убедительной. По крайней мере, для Алана. Ну перестань же! Ты только что все разложил по полочкам Норрису, не успев даже за это время выкурить сигарету.

Да, разложил. Но это не все. Неужели две женщины, даже если одна полудурок, а другая сплошная язва, неужели две женщины встретились на углу улицы и разделали себя на кусочки, словно парочка накачанных наркоманов, из-за таких пустяков?

Алан не знал. И потому, что он не знал, он выбросил сигарету и стал шаг за шагом тщательно продумывать все происшедшее.

2

Для Алана все началось со звонка Энди Клаттербарка. Алан только что выключил матч между «Патриотами» и «Джетами» («Патриоты» ослабели, получив два гола, второму защитнику надо было родиться на три минуты раньше) и уже надевал пальто, как вдруг зазвонил телефон. Алан собирался пойти в магазин «Необходимые вещи» и посмотреть, на месте ли мистер Гаунт. Не исключено, что он там встретит Полли, кроме того, звонок Клатта все изменил.

Эдди Вобертон, как сказал Клатт, висел на телефоне, когда он, Клатт, вернулся после обеда.

— В дерево-уличной части города шла какая-то потасовка. То ли женщины дрались, то ли еще что-то. Было бы неплохо, как сказал Эдди, если бы Клатт позвонил шерифу и рассказал об этом происшествии.

— Какого дьявола Эдди Вобертон сидит в офисе шерифа и отвечает на телефонные звонки, — раздраженно сказал Алан.

— Ну я думаю, что так как в диспетчерской никого нет, он решил...

— Он знает прекрасно, как и все остальные, что если диспетчера нет, то пусть себе этот ублюдок звонит.

— Не знаю, почему он ответил на звонок, — сказал Клатт, с трудом скрывая нетерпение, — но я думаю, там что-то серьезное. Четыре минуты тому назад был второй звонок по этому же случаю, пока я разговаривал с Эдди. Какая-то пожилая женщина, имени не сказала — или она была очень расстроена, чтобы называться, или не хотела, — в общем, она говорит, что на углу Форд и Виллоу была какая-то серьезная драка. Участвовали две женщины. Говорит, они дрались ножами. Она говорит, что они еще там.

— Еще дерутся?

— Нет, лежат обе. Драка закончилась.

— Ладно, — мозг Алана стал щелкать все быстрее и быстрее, словно экспресс поезд, набирающий скорость.

— Звонок зарегистрировал Клатт?

— Разумеется.

— Хорошо. Сегодня дежурит Ситон, так? Отправляй его туда немедленно.

— Уже отправил.

— Слава Богу, теперь звони в государственную полицию.

— Вы хотите вызвать отделение угро?

— Пока нет. На данный момент просто сообщить о случившемся. Встретимся на месте, Клатт.

Когда он попал на место преступления и увидел размах побоища, Алан вызвал по радию государственную полицию и сказал:

— Немедленно прислать отделение угро... а если можно, то два отделения.

К тому времени Клатт и Ситон Томас с разведенными в сторону руками стояли перед расprostертыми женщинами и убеждали людей разойтись по своим домам. Затем приехал Норрис, окинул взглядом место происшествия и достал из багажника рулон желтой ленты с надписью «Место преступления. Не подходить». На ленте был толстый-толстый слой пыли, и, как сказал позже Норрис Алану, он не был уверен, что она приклеится, такая она была старая.

Но приклеилась. Норрис натянул ее между стволами дубов и вокруг двух женщин, лежавших в обнимку под дорожным знаком, образовывая большой треугольник. Зрители не разошлись, но отступили на лужайки перед своими домами. Их было около пятидесяти, но это число увеличивалось по мере того, как раздавались телефонные звонки и другие соседи спешили посмотреть на схватку. Энди Клаттербарк и Ситон Томас готовы были разорвать их на куски и начать палить из пистолета в воздух. Алан понимал, каково им было, и сочувствовал им.

В штате Мэн отдел уголовного расследования государственной полиции занимается расследованием убийств, и для мелкой рыбешки (то есть большинства полицейских) выпадает самое трудное время между раскрытием преступления и прибытием УГР. Как местная полиция, так и окружные власти знают, что именно в это время чаще всего рвется так называемая цепь улик. Большинство также знает, что то, чем они занимаются в течение этого времени, будет затем тщательно рассмотрено защитниками... утром в понедельник... — это большинство из судебной корпорации и Корпуса адвокатуры, которые верят, что эта мелкая рыбешка, даже ребята из округа, — это сборище заместителей собак с мясистыми ладонями и неловкими пальцами.

А молчавшие группки людей, стоящих на лужайках вдоль улицы, были дьявольски похожи на приведения. Они напоминали Алану зомби из «Рассвета мертвецов».

С заднего сиденья своей полицейской машины он достал рупор, еле работавший от электробатарейки, и сказал, что он хотел бы, чтобы они немедленно разошлись по домам. Началось движение. Затем он еще раз мысленно просмотрел протокол и вызвал по радио диспетчера. Эти обязанности исполняла Сандра Макклилан. Она не так надежна, как Шейла Бригхэм, но выбирать не приходится... и Алан подумал, что Шейла уже узнала бы о случившемся и намного раньше пришла бы на работу, если не из чувства долга, так из любопытства.

Алан сказал Сэнди, чтобы она нашла Рэй Ван Аллена. Рэй был медэкспертом округа Кастл, а также окружным коронером. Алан хотел, чтобы он, по возможности, был здесь, когда придет УГР.

— Роджер, шериф, — сказала Сэнди с апломбом, — на месте его нет.

Алан подошел к своим помощникам, на место преступления.

— Кто из вас удостоверился, что женщины мертвы?

Клатт и Сит Томас только переглянулись; в глазах было неприятное удивление, и Алан почувствовал, как его сердце замерло. Одно очко в пользу защитников. Понедельник, утро, а первое подразделение УГР еще не прибыло, хотя и были слышны приближающиеся сирены. Алан нырнул под ленту и подошел к дорожному знаку на цыпочках, словно ребенок, который пытается улизнуть из дома после комендантского часа.

Кровь в основном стояла лужицами между жертвами, но место было усеяно россыпями капель — то, что в судебной медицине называется остаточным вытекание — образующими подобие круга. Алан опустился на колено вне этого круга и понял, что если максимально наклониться вперед, вытянув для баланса другую руку, то он сможет дотянуться к трупам — в том, что это уже были трупы, он не сомневался.

Алан оглянулся на Сита, Норриса и Клатта. Они стояли, сбившись в кучу, и глядели на него широко открытыми глазами.

— Снимите меня, — сказал он.

Клатт и Ситон посмотрели на него так, словно он отдал команду на тарабарском языке, но Норрис побежал к машине Алана, покопался в багажнике, нашел старый «Поляроид», один из двух, которыми пользовались, когда фотографировали место преступления. На ближайшем заседании агитационного комитета, он собирался попросить хотя бы один фотоаппарат, но сегодня днем уже казалось неважным, будет это заседание или нет.

Норрис поспешно вернулся назад, взял фокус и шелкнул. Привод сработал.

— Щелкни еще раз на всякий случай, — сказал Алан, — и чтобы тела были в кадре. Не хочу, чтобы эти ребята сказали мне, что цепь улик прервана. Будь я проклят, если услышу это.

Он заметил в своем голосе ворчливые нотки, но ничего не подлаешь.

Норрис отснял еще один кадр, документирующий положение Алана вне круга улик и то, как тела лежат под дорожным знаком. Затем Алан осторожно наклонился вперед и прижал пальцы к запятнанной кровью шее лежавшей сверху женщины. Пульса, конечно же, не было, но секунду спустя ее голова откинулась, уже не опираясь более о столб знака, и повернулась лицом к тротуару. Алан тотчас узнал Нэтти и одновременно подумал о Полли.

«О, Боже», — подумал он со скорбью. Затем он проделал те же движения, чтобы пощупать пульс Вилмы, несмотря на торчащий из головы нож. Ее щеки и лоб были покрыты капельками крови, напоминающими языческую татуировку.

Алан встал и вернулся на место по ту сторону ленты, где стояли его ребята. Из головы не шла Полли, он знал, что это неправильно. Он знал, что если не прогонит ее из своих мыслей, то, наверняка, здесь напортачит. Интересно, узнал ли кто-нибудь из разинь Нэтти. Если да, то Полли узнает об этом прежде, чем он ей позвонит. Он молил Бога, чтобы она не пришла увидеть все своими глазами.

Не время об этом думать, убеждал он себя. В твоих руках двойное убийство, на первый взгляд.

— Доставай свою книгу, — сказал он Норрису, — ты секретарь в нашем клубе.

— Господи, Алан, ты же знаешь, как я паршиво пишу.

— Пиши.

Норрис передал «Поляроид» Клатту, достал свою тетрадь из заднего кармана, вместе с ней выпал блокнот с бланками дорожного предупреждения, в конце каждого стояла печать с его именем. Норрис наклонился, подобрал блокнот с тротуара и рассеянно записнул его обратно в карман.

— Запиши, что голова женщины, лежащей сверху, означенной жертвы номер один, покоилась на столбе дорожного знака, я нечаянно столкнул ее, проверяя пульс.

Как быстро переходишь на язык полицейских, подумал Алан, где машины становятся «автомобилями», а негодяи «нарушителями», мертвые горожане становятся «обозначенными жертвами». Язык полицейских, удивительный скользкий стеклянный барьер.

Он повернулся к Клатту, приказал отснять второе расположение тел и благодарил Бога за то, что Норрис запечатлел их первоначальное расположение до того, как он прикоснулся к женщинам.

Клатт отснял.

Алан повернулся к Норрису.

— Я хочу, чтобы ты еще записал, что, когда голова жертвы сместилась, я смог в ней опознать Нэтти Кобб.

Ситон присвистнул.

— Ты считаешь, что это Нэтти?

— Да, я так считаю.

Норрис записал информацию в свой блокнот.

— Что будем делать теперь, Алан?

— Ждать расследовательную группу из УГР и не ползать, как сонные мухи, когда они придут, — сказал Алан.

Не прошло и трех минут, как на двух машинах прибыло подразделение из отдела УГР, за ними по пятам ехал Рэй Ван Аллен в своем старом неисправном «Субару Брэт». Пятью минутами позже в голубом фургоне прибыла другая группа из Полиции Штата, группа по установлению личности. И все ребята из Полиции Штата сразу же закурили сигареты. Алан знал, что они это сделают. Трупы были свежие и еще на улице, но изменить этот ритуал с сигаретами они не могли.

Началась неприятная работа, которая на языке полицейских называется «сохранением места», она продолжалась и после наступления темноты. Алану уже не раз доводилось работать с Генри Пэйтоном, начальником из Оксфордских Казарм (таким образом, он фактически возглавлял это дело и ребят из подразделения УГР, которые были заняты в нем).

Он ни разу не заметил в нем и тени воображения. Этот человек был трудягой, сознательным, скрупулезным. Так как это дело поручено именно Генри, Алан знал, что может спокойно отлучиться на некоторое время и позвонить Полли.

Когда он вернулся, на руки пострадавших надевались целлофановые мешки. На Вилме Ежик не было одной туфли, и ногу в чулке подвергли той же процедуре. Затем приступила к работе группа по

установлению личности, она сделала почти 300 снимков. К тому времени прибыло подкрепление из Полиции Штата. Одни сдерживали натиск толпы, которая снова пыталась подобраться поближе, другие пытались направить прибывших людей из телевидения в здание муниципалитета. Полицейский-художник делал быстрый схематический набросок места преступления.

Наконец, настал черед позаботиться о самих трупах, но еще не была проделана последняя завершающая процедура. Пэйтон дал Алану пару одноразовых перчаток и целлофановый пакет.

— Топорик или нож?

— Я возьму топорик, — сказал Алан.

Хотя он и был более грязным из двух орудий убийства, по-прежнему перепачканный мозгами Вилмы Ежик, Алан не хотел прикасаться к Нэтти. Она ему нравилась.

Когда были взяты орудия убийства, на них повесили бирки, завернули в пакеты и отправили Аугусту, за работу принялись две группы подразделения УГР и стали обыскивать территорию вокруг этих тел, которые продолжали лежать в своем последнем объятии, кровь, стоявшая лужицами, начала густеть и превращаться в вещество, напоминающее эмаль.

Рэй Ван Аллену разрешили погрузить тела в фургон машины медицинской помощи; все место уже было залито светом мощных фар патрульных машин, и санитарам сперва нужно было разнять тела Вилмы и Нэтти. Всю эту сцену наблюдало прекрасное собрание Кастл Рока, словно превратившееся в каменных истуканов.

Уже под занавес этого в своем роде утонченного балета под названием «Расследование на месте преступления» Генри Пэйтон заговорил с Аланом.

— Чертовски паршивый способ проводить воскресный день, — сказал он.

Алан, соглашаясь с этим, кивнул головой.

— Жаль, что голова свалилась на тебя, не повезло.

Алан снова кивнул.

— Но я не думаю, что кто-то будет тебя за это дергать. Хорошо, что есть хоть один снимок первоначального расположения тел.

Он посмотрел на Норриса, который стоял в стороне и разговаривал с Клаттом и только что приехавшим Джоном Ля Пуаном.

— Тебе просто повезло, что тот старик не закрыл оптическое стекло пальцем.

— А, Норрис, молодчина. Всегда на месте... Вообще, похоже, что дело простое.

Алан согласился. В этом была вся беда; он знал это до того, как закончил свой воскресный дежурный вояж, стоя с Норрисом на аллее больницы Кэнебэк Вэлли. Дело было слишком простое, может и так.

— Собираетесь на вечеринку со вскрытием? — спросил Генри.

— Да, Райэн будет это делать.

— Насколько я понял, да.

— Наверное, прихвачу с собой Норриса. Трупы вначале повезут в Оксфорд, да?

— Угу, там мы их зарегистрируем.

— Если мы с Норрисом поедem сейчас, то мы, может, приедem до того, как их привезут.

Генри Пэйтон кивнул, соглашаясь.

— Почему бы и нет? Думаю, что здесь уже все в порядке.

— Я хотел бы отправить по одному из своих ребят с каждой группой УГР в качестве наблюдателей.

— Как, у вас есть с этим проблемы?

Пэйтон обдумывал предложение.

— Не-а, ну кто будет охранять спокойствие? Сит Томас?

Алан внезапно почувствовал вспышку чего-то, что вряд ли можно было назвать просто гневом, это было бы слишком мягким выражением. Этому дню не было конца, а он уже вдоволь наслаждался идиотских шуток Генри насчет своих помощников, довольно... но нельзя наживать врага в лице Генри, потому что надо, чтобы его допустили ко всему, что технически является делом Полиции Штата, и он придержал свой язык.

— Да ладно, Генри. Воскресенье, уже вечер. «Захмелевший Тигр» и тот закрыт.

— Чего тебе так не терпится во все влезть, Алан? Не догоняешь чего-нибудь? Я так понимаю, что эти две женщины были в плохих отношениях и что та, которая сверху, уже кого-то пристукнула. И не просто кого-нибудь, а своего мужа.

Алан задумался.

— Нет — все я догоняю. По крайней мере, пока. Просто...

— Не укладывается в голове?

— Похоже на то.

— О'кей. Поймут они что-нибудь, не поймут, твои люди просто будут слушать, но не более.

По губам Алана пробежала улыбка. Он подумал о том, что, скажи он Пэйтону о том, что дал инструкции Клатту и Джону Ля Пуану задавать вопросы, они бы, наверное, уже укатили по другой дороге и ни за что не допустили бы к делу.

— Они будут держать рот на замке, — сказал он, — можешь не волноваться.

3

И вот они здесь. Норрис Риджвик, после самого длинного в его памяти воскресенья, и для судебных Нэтти и Вилмы этот день был схожим в одном: он был последним.

— Ты не собираешься провести ночь в мотеле? — нерешительно спросил Норрис.

Алану не надо было быть телепатом, чтобы понять, о чем он думает, — о рыбалке, которая завтра не состоится.

— К черту, нет, — Алан наклонился, чтобы подобрать халат, которым он держал дверь открытой. — Давай сматываться.

— Отличная мысль, — сказал Норрис, и впервые с момента их встречи на месте преступления в его голосе прозвучали радостные нотки. Пятью минутами позже они уже ехали в Кастл Рок, по дороге номер 43, дырявя фарами своей патрульной машины темно-

ту, в которой завывал ветер. К тому времени, когда они вернулись в Кастл Рок, было уже почти три часа, как наступило утро понедельника.

4

Алан затормозил за зданием муниципалитета и вышел из своей патрульной машины. Его машина-многоместка была припаркована рядом со стареньким жужжащим BMW Норриса в дальнем конце стоянки.

— Направляешься сразу домой? — спросил он Норриса.

Норрис смущенно усмехнулся и быстро опустил глаза.

— Как только переоденусь в гражданское.

— Норрис, сколько раз я тебе говорил, чтобы ты переодевался в уборной.

— Ладно, Алан, я не всегда так делаю.

Однако они оба знали, что он так делает всегда.

Алан вздохнул.

— Не обращай внимания, у тебя чертовски длинный был день. Извини.

Норрис пожал плечами.

— Так это же убийство, а убийства здесь не часто случаются. Но когда они случаются, думаю, что все стараются держаться вместе.

— Пусть Сэнди или Шейла выпишут себе сверхурочные, если, конечно, там кто-нибудь еще есть.

— А заодно и Пирату что-нибудь, чтобы он побесился, — засмеялся Норрис не без горечи. — Думаю, что прорвусь. Он за мною, Алан?

— Опять подбрасывает тебе дерьмо?

За последнюю пару дней Алан совсем забыл о председателе городского управления.

— Нет. Он смотрит на меня таким колющим взглядом, когда я проезжаю по улице, если бы взгляды убивали, то я был бы уже мертв, как Нэтти и Вилма.

— Я сам выпишу тебе сверхурочные завтра утром.

— Если от твоего имени, то это здорово, — сказал Норрис, направляясь к двери с табличкой

«Служебный вход».

(Только для служащих муниципалитета.)

— Спокойной ночи, Алан.

— Желаю удачи на рыбалке.

Норрис мгновенно просиял.

— Спасибо, если бы ты видел удочку, которую я купил в новом магазине, Алан, — это просто блеск.

Алан усмехнулся.

— Держу пари, что это так. А я все собираюсь пойти к тому парню: кажется, для всех в городе у него что-нибудь припасено, может быть, есть что-нибудь и для меня?

— Почему бы и нет? — согласился Норрис.

— Чего у него только нет, это точно. Сам удивишься, когда увидишь.

— Спокойной ночи, Норрис. И еще раз, спасибо.

— Не за что.

Было видно, что Норрису очень приятно это слышать.

Алан сел в машину, задним ходом вырулил со стоянки и повернул на Мэйн-стрит. Он оглядывал дома по обе стороны улицы автоматически, не отдавая себе в этом отчета... тем не менее поток информации шел. Он не мог не заметить того, что над «Необходимыми вещами» в жилой части дома горел огонек. В такой ранний час обитатели маленького городка не встают. Неужели мистер Лиленд страдает бессонницей, подумал он, и вновь напомнил себе, что нужно туда зайти — но пока потерпит, он решил, что вначале сам разберется с этим грустным делом Нэтти и Вилмы.

Он доехал до угла, где Лорэл пересекает Мэйн-стрит, просигнализил левый поворот, затем остановился посреди перекрестка и вдруг повернул вправо. К черту дом. Это был холодный и пустой дом на Кэмп Код, в котором его единственный сын прожил жизнь со своим другом.

В этом доме слишком много закрытых дверей, за которыми таится слишком много воспоминаний. На противоположном конце города есть живая женщина, которая, может быть, именно в эту минуту отчаянно нуждается в ком-то. Может быть, так же отчаянно, как этот живой мужчина нуждается в ней.

Пятью минутами позже Алан потушил фары и тихо подъехал к дому Полли. Дверь, наверняка, закрыта, но он знал, куда под крыльцом заглянуть.

5

— И что ты здесь до сих пор делаешь, Сэнди? — войдя, спросил Норрис, ослабляя узел галстука.

Сандра Макмиллан, увядающая блондинка, которая по полдня почти двадцать лет работала диспетчером округа, надевала пальто. Она выглядела очень уставшей.

— У Шейлы билеты в Портленд, чтобы увидеть Билла Козби, — ответила она Норрису.

— Сказала мне, что останется здесь, но я заставила ее поехать, пришлось вытолкать ее за дверь. Ну скажите мне, часто Билл Козби приезжает в Мэн?

Как часто две женщины решаются изрезать друг дружку на кусочки из-за собаки, которую, наверное, и взяли-то из приюта животных округа Касл Рок, подумал Норрис... но не сказал вслух. «Не так уж и часто, я думаю».

— Не так уж часто, думаю. Почти никогда, — глубоко вздохнула Сэнди.

— Хотя, скажу тебе по секрету, теперь, когда все закончилось, я немножко жалею, что не сказала «нет», когда Шейла предложила остаться. Сегодня вечером был просто дурдом, наверное, каждая телевизионная станция штата позвонила не менее девяти раз, и все это длилось почти до одиннадцати часов, такое впечатление, что работаешь в универмаге накануне рождественской распродажи.

— Ладно, иди домой. Я тебе разрешаю. Ты подключила «Гибрид»?

«Гибридом» было устройство, которое переключало звонки Алану на дом, когда в участке не было дежурного диспетчера. Если у Алана никто не брал трубку после черырех звонков, то включался «Гибрид» и говорил, чтобы набирали номер Полиции Штата в Оксфорде. Это была аварийная система, которая никогда не работала бы в большом городе, но в округе Кастл Рок, с наименьшим населением из всех 16 округов штата Мэн, она действовала превосходно.

— Включен.

— Хорошо. У меня такое чувство, что Алан не сразу поехал домой.

Сэнди понимающе подняла брови.

— Что-нибудь было от лейтенанта Пэйтона? — спросил Норрис.

— Ничего, — она помедлила. — Это было ужасно, Норрис? Я имею в виду... тех двух женщин.

— Да, достаточно ужасно, — согласился он.

Его гражданское платье аккуратно висело на тремпеле. Он прищепил его на ручку кабинета, в котором хранилась картотека. Он снял одежду и направился в мужской туалет. За последние почти три года это уже стало его привычкой — переодеваться на работе, хотя редко приходилось переодеваться в такие ненормальные дни, как сегодня.

— Иди домой, Сэнди. Я закрою, когда переоденусь.

Он протиснулся в дверь ванной комнаты и повесил тремпель на дверь туалетной кабинки. Он уже расстегивал форменную рубашку, когда услышал легкий стук в дверь.

— Норрис? — позвала Сэнди.

— Думаю, что больше никого здесь нет, — ответил он.

— Чуть не забыла — кто-то оставил тебе подарок. Там, на столе.

Норрис перестал расстегивать пряжку на брюках.

— Подарок? От кого?

— Я не знаю, я тебе сказала, что это был настоящий дурдом. Но на нем есть карточка. Даже бант. Наверное, твоя тайная любовница.

— Моя тайная любовница, о которой я даже ничего не знаю, — ответил Норрис с сожалением.

Он снял брюки, повесил их на дверь кабинки и стал натягивать на себя джинсы. Стоя за дверью в ванную, Сэнди Макмиллан улыбнулась не без злорадства.

— Ближе к вечеру был мистер Китон, — сказала она, — может, это он оставил. Может, это что-то типа «поцелуй, тогда увидишь».

Норрис засмеялся.

— Вот это будет денек.

— Ладно, не забудь рассказать завтра — я умираю от любопытства. Такая красивая упаковка. Спокойной ночи, Норрис.

— Спокойной ночи.

— Кто мог оставить мне подарок? — удивлялся он, застегивая змейку на ширинке.

Сэнди вышла, на ходу поднимая воротник пальто — ночь была очень холодная, словно напоминала, что зима не за горами. Синти Роуз Мартин, жена юриста, была одной из множества людей, которых Сэнди видела тем вечером — Синти пришла в начале вечера. Однако Сэнди не собиралась говорить об этом Норрису; он не был вхож в те утонченные общественные и профессиональные кружки, в которых вращалась чета Мартин. Синти Роуз сказала, что ищет своего мужа, что не показалось Сэнди странным (вечер был таким суматошным, что Сэнди, наверное, не удивилась бы, если бы та сказала, что ищет Михаила Барышникова), так как Эльберт Мартин работает юристом при муниципалитете. Сэнди сказала, что не видела мистера Мартина в тот вечер, но если Синти пожелает, то может сама пройти наверх и посмотреть, нет ли его у мистера Китона. Синти Роуз сказала, что она так, наверное, и сделает, раз уже зашла. К тому времени коммутатор вновь сверкал, подобно рождественской елке, и Сэнди не видела, как Синти Роуз достала из своей большой сумочки прямоугольный сверток в яркой фольге с синим бархатным бантом и положила его на стол Норриса Риджвика. Когда она это делала, на ее милом личике зажглась улыбка, но сама улыбка была отнюдь не милой. На самом деле она была довольно жестокой.

Норрис услышал, как закрылась входная дверь, и еле различимый звук заводимой Сэнди машины. Он заправил рубашку в джинсы, надел туфли и аккуратно повесил на тремпель свою форму. Он понюхал рубашку подмышками и решил, что сдаст ее в прачечную в другой раз. Это хорошо: пенни сбереженное — все равно, что пенни заработанное.

Он вышел из уборной и повесил тремпель на ту же ручку шкафа с картотекой, он обязательно его увидит, когда будет выходить. Это тоже хорошо, потому что Алан чуть не описался, когда увидел, что забытые Норрисом шмотки развешаны по всему полицейскому участку.

Он сказал тогда, что участок был похож на прачечную. Он подошел к своему столу. Кто-то на самом деле оставил ему подарок — это была коробка, завернутая в голубую фольгу и перевязанная синей бархатной лентой, которая взрывалась наверху пушистым бантом. Под ленту был засунут квадратный белый конверт. Норрису стало очень любопытно, он достал конверт и торопливо разорвал его. Внутри была карточка. На ней большими, заглавными буквами было напечатано короткое загадочное послание:

«!!!!ПРОСТО НАПОМИНАНИЕ!!!!»

Он нахмурился. Единственными людьми, насколько он мог вспомнить, которые всегда о чем-то напоминали, были его мать и Алан, а его мать умерла 5 лет тому назад. Он поднял сверток, разорвал ленту и осторожно снял бант. Затем он развернул бумагу. Под ней оказался чисто белый картонный коробок. Он был около

фута в длину, четыре дюйма в ширину и четыре дюйма в высоту. Крышка была запечатана клейкой лентой.

Норрис разорвал ленту и открыл коробок. Предмет, лежащий внутри, прикрывал слой белой папиросной бумаги, достаточно тонкий, чтобы различить плоскую поверхность, покрытую множеством выступов по всей ее длине, но недостаточно толстый, чтобы увидеть, что же это такое. Он засунул палец, чтобы вытащить папиросную бумагу, и его большой палец наткнулся на что-то твердое — на торчащий металлический шип. Тяжелые металлические челюсти сомкнулись на папиросной бумаге, а также на трех пальцах Норриса Риджвика. Боль разодрала его руку. Он вскрикнул и отпрянул назад, хватаясь левой рукой за правое запястье. Белый коробок опрокинулся на пол, шурша папиросной бумагой.

Ах ты, сукин сын, как больно! Он схватил бумагу, свисающую жатой лентой, и разорвал ее. То, что он обнаружил, было большой крысоловкой. Кто-то ее настроил, зафиксировал в коробок, прикрыл сверху папиросной бумагой, чтобы не было видно, и замотал в красивую голубую бумагу. Теперь она защелкнулась на трех пальцах его правой руки. Он увидел, что она напрочь сорвала ноготь с указательного пальца; остался только кровоточащий полукруг свежего мяса.

— Блядь... — закричал Норрис. Сначала, в болевом шоке, вместо того чтобы отвести пластину, он ударил крысоловкой о бок стола Джона Ля Пуана. В добавление ко всему ушиб пальцы о металлический угол стола, и стрела новой боли пронзила его руку. Норрис снова вскрикнул, затем ухватился за металлическую пластинку и оттянул ее назад. Он освободил пальцы и уронил крысоловку, и, падая на пол, металлическая пластинка с лязгом захлопнулась.

На какое-то мгновение Норрис застыл на месте, дрожа всем телом, затем бросился в туалет, включил кран с холодной водой и сунул правую руку под воду. Она пульсировала, словно зажатый зуб мудрости. Он стоял с растянутыми в гримасе боли губами, глядя, как вместе со струей стекают в водосток тонкие нити крови, и вспоминая, слова Сэнди: «Приходил мистер Китон... может, это его подарок типа «поцелуй, тогда увидишь» — и карточку: «ПРОСТО НАПОМИНАНИЕ».

Конечно же, это был Пират. Он ни капли в этом не сомневался. Это было в духе Пирата.

— Ах ты, сукин сын, — простонал Норрис.

От холодной воды его пальцы онемели, пульсирующая боль притупилась, но он знал, что она будет терзать его с прежней силой, когда он вернется домой. Аспирин ее приглушит, но о всяком ночном сне позабудь. Кстати, и о завтрашней рыбалке.

— Ну уж нет — я поеду на рыбалку даже, если моя чертова рука отвалится ко всем чертям. Я так мечтал, я так ее ждал, и этот Дэнфорд, чертов Пират, не остановит меня.

Он выключил воду и осторожно промокнул руку бумажным полотенцем. Ни один из пальцев, побывавших в западне, не был сломан — по крайней мере, он так думал, но и холодная вода не могла спасти их, они уже начали распухать. Зубья крысоловки оставили между костяшками ряд красно-малиновых отметин. Мясо,

обнажившееся там, где когда-то был ноготь указательного пальца, было покрыто бусинками крови, и вновь возвращалась эта пульсирующая боль. Он вернулся в пустынный полицейский участок и посмотрел на крысоловку, валявшуюся на полу возле стола Джона. Он ее подобрал и подошел к своему столу. Затем уложил крысоловку в подарочный коробок и засунул его в верхний ящик стола. Из нижнего ящика он достал аспирин и вытряхнул три таблетки себе в рот. Собрал папиросную бумагу, оберточную ленту и бант и записнул все это в корзину для мусора, прикрыв сверху комками выброшенных бумажных листов. Он не скажет об этом отвратительном розыгрыше никому, ни Алану, ни кому-либо другому. Смеяться они не станут, но о чем они подумают, он знал... или думал, что знал: только Норрис Риджвик может влипнуть в подобную историю — вставить руку прямо в заряженную крысоловку, можете себе представить что-либо подобное? Наверное, это твоя тайная любовница... мистер Китон приходил в начале вечера... может быть, это подарок типа «поцелуй, тогда увидишь».

— Я сам об этом позабочусь, — сказал Норрис тихим, мрачным голосом, прижав раненую руку к груди. — По-своему и в свое время.

Вдруг его осенила новая мысль: а что, если Пират не удовлетворится одной крысоловкой, ведь она могла и не сработать? Что, если он отправится домой к Норрису? Ведь там была его удочка «Базун», и она не была заперта; он просто поставил ее в углу сарая рядом с корзиной для рыбы. Что, если Пират узнал о ней и решил разломать ее пополам?

— Если он это сделает я разломаю его пополам, — тихо, с яростью прорычал он, ни Генри Пэйтон, никто из многочисленных его коллег — правоохранителей, наверняка, не узнали бы его голос. Выходя из офиса, он напрочь забыл о том, что все надо закрыть. В этот миг он даже забыл о боли в руке. Его занимало только одно: побыстрее добраться домой. Добраться домой и убедиться, что с удочкой «Базун» все в порядке.

8

Когда Алан вошел в комнату, тело под одеялом лежало недвижимо, и он подумал, что Полли спит, наверное, приняла таблетку перкодана на ночь. Он тихо разделся, скользнул под одеяло и лег рядом с ней. Как только он коснулся головой подушки, то увидел, что ее глаза открыты и смотрят на него. Он даже вздрогнул от неожиданности.

— Что за незнакомец приходит в постель девушки? — тихо спросила она.

— Это я, — ответил он улыбаясь. — Приношу свои извинения за то, что разбудил вас, девушка.

— Я не спала, — сказала она и обвила руками его шею.

Он обнял ее за талию. Ему было приятно ощущать теплоту ее тела, словно камин, оно излучало тепло. На какое-то мгновение он почувствовал, как что-то твердое прикоснулось к его груди, и не успело его сознание объяснить это тем, что на ней нечто надето под тонкой ночной сорочкой, как это нечто перекатилось по чудесной

серебряной цепочке и теперь покоилось между ее левой грудью и подмышечной впадиной.

— С тобой все в порядке? — спросил он ее.

Она прижалась лицом к его щеке, держа его в объятиях, и он почувствовал, как ее руки сомкнулись сзади на его шее.

— Нет, — сказала она. Она выдохнула это слово дрожащим голосом и зарыдала.

Она все плакала, а он прижимал ее к себе, поглаживая ее волосы.

— Алан, почему она не рассказала мне о том, что вытворяла эта женщина, — наконец спросила она.

Полли немного подалась в сторону от него. Теперь его глаза освоились в темноте, и он увидел ее лицо: темные глаза, темные волосы, белоснежную кожу.

— Не знаю, — ответил он.

— Если бы она сказала, я бы попытался что-нибудь сделать.

— Я бы сама пошла к Вилме Ежик, и... и...

Не мог он в эту минуту сказать ей, что в этой игре Нэтти участвовала с не меньшим рвением и злобой. Не мог он в эту минуту сказать ей, что наступило такое мгновение во Вселенной, когда уже ничто не могло сдержать ни одну из них. Наступило такое мгновение, когда уже ни в чьих силах было что-то изменить.

— Уже половина четвертого утра, — сказал он. — Неподходящее время для разговора обо всем этом, если бы, да кабы. — Он смолк, не решаясь вновь заговорить. — Джон Ля Пуан говорит, что Нэтти тебе что-то сказала о Вилме сегодня утром, теперь уже вчера утром. Что она сказала?

Полли задумалась.

— Ну, я не знала, что речь идет о Вилме, тогда не знала. Нэтти принесла... У меня руки... руки сильно болели. Она это сразу поняла. Нэтти, наверное, могла — я не знаю — догадываться о некоторых вещах, но, конечно, руки я не могла спрятать от нее.

— Она очень тебя любила, — сказал печально Алан, и эти слова вызвали новую волну рыданий. Он знал, что она будет плакать, еще он знал, что слезы надо выплакать, чтобы они перестали клокотать и жечь изнутри.

Спустя некоторое время Полли успокоилась. Она заговорила, и ее руки вновь обвили его шею.

— Она достала эти дурацкие термоперчатки, на этот раз они действительно помогли, кризис, по-моему, миновал, в общем, а затем приготовила кофе. Я спросила, есть ли у нее дома работа, она ответила, что нет. Она сказала, что Райдер несет охрану, а затем что-то вдруг: «Я думаю, что она все-таки оставит меня в покое. Я не видела ее, или я не слышала о ней, она, наверное, наконец получила записку». Но это не точно, Алан, только приблизительно.

— Во сколько она зашла?

— Около четверти одиннадцатого. Может, немного раньше или позже, но ненамного. Но почему ты спрашиваешь, Алан? Это имеет значение?

Когда Алан проскользнул под простыни, он думал, что, как только его голова коснется подушки, он заснет, не пройдет и десяти секунд. Сейчас весь сон прошел, он был в глубоком раздумье.

— Нет, — сказал он, — не думаю, чтобы что-нибудь значило, кроме того, что Нэтти думала о Вилме.

— Я просто не могу в это поверить. Она казалась намного лучше, она была намного лучше. Ты помнишь, что я тебе рассказывала о том, как она набралась мужества, чтобы пойти одной в «Необходимые вещи» в прошлый четверг?

— Да.

Она выпустила его из объятий и резко откинулась на спину. В это время Алан услышал тончайшее металлическое позвякивание, но вновь не придал этому значения. Его мозг по-прежнему изучал то, о чем только что сказала ему Полли, поворачивая и так и этак, подобно тому, как ювелир изучает вызывающий сомнение камень.

— Мне придется подготовить все для похорон, — сказала она. — У Нэтти есть кто-то в Ярмуте, но они не хотели иметь никакого отношения к ней, когда она была жива, — и уж тем более не захотят иметь дело с ней, когда она мертва. Но утром мне нужно будет им всем позвонить. Алан, мне можно будет войти в дом Нэтти? Я думаю, что у нее была книга с адресами.

— Я тебе принесу. Ты не сможешь взять что-нибудь, по крайней мере, пока доктор Рэй не объявит о результатах вскрытия, но я не вижу ничего плохого в том, если ты перепишешь несколько телефонных номеров.

— Спасибо.

Внезапно ему в голову пришла мысль.

— Полли, во сколько Нэтти вышла отсюда?

— По-моему, без четверти одиннадцать. Я не думаю, что она была у меня целый час. Но почему ты спрашиваешь?

— Просто так, — ответил он.

Его внезапно осенило, если Нэтти долго была у Полли, у нее не хватило б времени, чтобы вернуться домой, обнаружить мертвую собаку, собирать камни, написать записки, прицепить их к камням, пойти к Вилме и разбить окна. Но если Нэтти ушла от Полли в четверть одиннадцатого, у нее было больше двух часов. Куча времени.

«Эй, Алан! — зазвучал голос с фальшивыми дружескими нотками, который обычно включался для беседы с Анни и Тодом. — Ну к чему ты пытаешься разобратся для себя в этом дерьме, парень?»

Но Алан и сам не знал. Было что-то такое, чего Алан не знал, взять хотя бы, как Нэтти перетащила весь этот груз камней к дому Ежиков? Водительских прав у нее не было, и она понятия не имела, как водить машину.

«Перестань заниматься ерундой, дружище, — посоветовал голос. — Она написала записки у себя дома, вероятно, сидя в своем холле, рядом с мертвой собакой, вытащила из кухонного ящика резиновые штучки. Ей не пришлось перетаскивать камни, за домом Вилмы, в саду, горы таких камней. Верно?»

Верно. Все же он не мог избавиться от мысли, что камни были принесены уже с приклеенными записками. У него не было явного повода так думать, просто ему так казалось... так бывает, когда ты знаешь, чего ожидать от ребенка или от кого-то, кто мыслил, как ребенок.

Кого-то наподобие Нэтти Кобб.

«Перестань... выбрось из головы!» — Но он не мог.

Полли прикоснулась к его щеке.

— Я очень рада, что ты пришел, Алан. У тебя тоже, наверное, был ужасный день.

— Бывали деньки и получше, но все позади. Ты тоже выбрось все из головы. Поспи хоть немного. У тебя завтра много работы. Хочешь, я тебе дам таблетку?

— Нет, руки уже не так болят, хоть это хорошо, Алан, — она запнулась и беспокойно заерзала под одеялом.

— Что?

— Ничего, — сказала она. — Это неважно. Думаю, что теперь, когда ты рядом, я могу уснуть. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, дорогая.

Она откинулась, натянула на себя одеяло и замерла. Он вдруг вспомнил, как она его обнимала: он чувствовал, что руки сомкнулись на его шее замком. Если она смогла настолько согнуть пальцы, чтобы сделать это, то она на самом деле чувствовала себя лучше. Это была хорошая новость, единственно хорошая новость с тех пор, как Клатт позвонил ему во время футбольного матча. Если бы хорошие новости не заслоняли плохие.

У Полли была немного нарушена перегородка в носу, и она стала похрапывать. Этот звук был чрезвычайно приятен уху Алана. Это хорошо — лежать в постели рядом с другим человеком, с живым человеком, который издает звуки, присущие живому... а иногда и стягивает с тебя одеяло. Он усмехнулся в темноту.

И вновь его сознание вернулось к убийствам, и улыбка сползла с лица.

Она, наверняка, оставит меня в покое. Я не видела ее, ничего не слышала о ней, думаю, что она наконец-то получила мою записку... Я не видела ее или ничего не слышала о ней. Думаю, что она наконец-то ее получила.

Дела, подобные этому, не требовали разбирательства, даже Сит Томас, бросив один-единственный взгляд сквозь трифокальные очки на место преступления, мог точно описать вам, что произошло. Разница лишь в том, что вместо пистолетов дуэлянтов на рассвете были кухонные принадлежности. А результат один и тот же: два тела в морге с Y-образными надрезами после проведенного вскрытия. Остается один вопрос: почему это произошло. Но еще до этого вопроса у него было несколько вопросов, несколько беспокоивших его моментов, но они, несомненно, рассеялись бы, если бы только он увидел Вилму и Нэтти до того, как они замерли на земле.

И сейчас эти беспокоящие его моменты стали еще назойливее, а некоторые из них

(Я думаю, она наконец-то получила мою записку) уже имели имена.

Для Алана уголовное дело было садом, окруженным высокой стеной. И тебе нужно войти в него, поэтому ты ищешь калитку. Иногда их было несколько, и в своей практике он всегда находил одну; одна должна быть наверняка. Если нет, то как же проник садовник, чтобы разбросать свои семена? Она может быть большой,

со стрелой-указателем и мигающим неоновым щитом «ВХОД ЗДЕСЬ», а может быть маленькой и так густо заплетенной плющом, что пройдет немало времени, чем твои поиски увенчаются успехом, но она есть всегда, и если ты ищешь достаточно долго и не боишься натрудить свои руки до волдырей, обрывая буйную растительность, ты обязательно найдешь ее.

Иногда такой калиткой является улика, найденная на месте преступления. Иногда — это свидетель. А иногда — предположение, твердо опирающееся на события и логику. В этом деле он сделал такие предположения: Вилма следовала своей давней традиции — изводить и изматывать, это во-первых, но в этот раз она выбрала неподходящего партнера для своих интеллектуальных игр, во-вторых, Нэтти снова сорвалась, как и тогда, когда убила своего мужа — это три. Но...

Я не видела ее или ничего не слышала о ней.

Если Нэтти на самом деле это сказала, то насколько это меняет картину? Сколько предположений — это одно-единственное разбивает в пух и прах. Алан не знал. Он глядел в темноту спальни Полли и думал, удастся ли ему найти эту калитку на этот раз. А что, если Полли не расслышала толком то, что сказала Нэтти.

Вообще-то, это было возможно, но Алан этому не верил. Все действия Нэтти, по крайней мере до определенного момента, подтверждали переданный Полли смысл. Нэтти не была на работе у Полли в пятницу — сказалась больной. Может, она и была больна, а может, она боялась Вилмы. И это объяснимо. Им известно от Пита Ежика, что Вилма, обнаружив перепачканные простыни, один угрожающий звонок сделала, это точно. Может, она угрожала по телефону и на следующий день, просто Пит об этом не знал.

Однако в воскресенье утром Нэтти пришла в гости к Полли с приготовленным ею блюдом. Смогла бы она это сделать, если бы Вилма по-прежнему раздувала огонь? Алан думал, что, скорее всего, нет. А еще эти камни, которыми были побиты окна Вилмы. На всех записках было одно и то же: «Я говорила тебе оставить меня в покое. Последний раз предупреждаю». Если кого-то предупреждают, то это обычно означает, что ей или ему дают какое-то время, чтобы изменить его или ее поведение. Но ни у Вилмы, ни у Нэтти времени на это не было. Они встретились на углу улиц, спустя два часа после того, как бросили камни. Ему показалось, что эту задачку он решит, если попытается. Когда Нэтти нашла собаку, она, наверное, была в ярости. Не говоря уже о Вилме, которая приехала домой и увидела все разрушения. Для того чтобы зажечь последнюю искру, было достаточно одного телефонного звонка. Одна из двух женщин сделала этот звонок... и бочка взорвалась. Алан повернулся на бок, жалея о старых, добрых временах, когда регистрировали все телефонные звонки. Если бы у него было свидетельство того, что Нэтти и Вилма говорили по телефону, прежде чем состоялась их последняя встреча, то он, Алан, чувствовал бы себя намного лучше. Все же — даже если взять телефонный звонок за данное — еще оставались записки.

Вот как, наверное, все происходило, размышлял он. Нэтти приходит домой от Полли и находит свою собаку мертвой на полу

в коридоре. Она читает записку на щитопоре. Затем она пишет подобное послание на четырнадцать или шестнадцать листах бумаги и кладет их в карман пальто. Она также берет резинки. Когда она приходит к дому Вилмы, то она идет на задний двор. Там она собирает четырнадцать или шестнадцать камней и прикрепляет к ним записки при помощи резинок. Она, должно быть, это сделала, прежде чем начать бросать камни. Если бы ей пришлось прерываться во время веселья, чтобы подсобирать еще камней и прикрепить к ним записку, то это бы отняло у нее слишком много времени. Сделав работу, она идет домой и продолжает оплакивать своего мертвого пса.

Он чувствовал, что все было не так. Все это никуда не годилось.

Все это предполагало цепочку мыслей и действий, которая просто не сочеталась с его образом Нэтти Кобб. Убийство ее мужа было результатом бесконечно повторяющихся оскорблений, но само по себе убийство было совершенным по импульсу преступлением женщины, тронувшейся умом.

Если записки, хранившиеся в картотеке Джорджа Баннермана, соответствовали действительности, то Нэтти никогда никаких предупредительных записок не писала.

Ему казалось, что все произошедшее было намного проще: Нэтти возвращается домой от Полли, находит собаку мертвой на пороге, берет топорик из кухонного ящика и идет прямо на улицу отрезать себе кусочек жирной задницы Вилмы.

Но если дело обстояло именно так, то кто же разбил окна Вилмы Ежик?

— И дикие настали времена, — пробормотал он и беспокойно повернулся на другой бок.

Весь день и вечер Джон Ля Пуан находился с группой УГР, выяснявшей все шаги Нэтти, которые та предприняла. Она пошла к Полли с ласагной. Сказала, что по пути домой зайдет в новый магазин «Необходимые вещи», если он будет открыт, и поговорит с хозяином Лилендом Гаунтом. Полли сказала, что мистер Гаунт пригласил ее прийти посмотреть на какую-то вещицу, и Нэтти собиралась сказать мистеру Гаунту, что Полли, по всей вероятности, зайдет, несмотря на то, что у нее сильно болят руки.

Если бы Нэтти зашла в магазин и провела там некоторое время, болтая о том о сем с новым хозяином, которого весь город находил таким милым человеком и с которым он до сих пор так и не удосужился встретиться, — то это сузило бы круг ее возможностей, и тогда вновь возник бы вопрос, кто же тот таинственный человек, швырнувший камни. Но она не зашла. Магазин был закрыт. Гаунт сказал об этом Полли, которая действительно зашла позже, и ребятам из УГР, что он не слышал ни сном, ни духом о Нэтти с тех пор, как она купила у него абажур из флорентийского стекла. Во всяком случае, все утро того дня он провел в подсобной комнате, слушая классическую музыку и составляя каталог вещей для продажи. Даже если кто-нибудь и постучался, он все равно не услышал бы. Поэтому Нэтти, должно быть, отправилась напрямик домой, и у нее оставалось достаточно времени, чтобы сделать все то, что он находил таким непохожим на нее.

Круг возможностей Вилмы Ежик был и того уже. У ее мужа в подвале было что-то типа столярной мастерской; и в воскресенье он там был с восьми до десяти часов утра. Увидев, что уже поздно, так он рассказывал, он закрыл свою мастерскую и пошел наверх переодеться к обедне, которая будет в одиннадцать часов. Когда он вошел в спальню, Вилма была в душе, так он сказал полицейским, и у Алана не было никаких оснований не доверять новоиспеченному двдцу.

Должно быть, дело было так: в девять тридцать пять или в девять сорок Вилма отправляется из дому, чтобы продефилировать на машине под окнами Нэтти, Пит в это время находится в подвале, занят сооружением своих скворечников или чего-то вроде этого, и даже не подозревает о том, что Вилмы дома нет. Вилма появляется у дома Нэтти приблизительно в девять пятнадцать, спустя несколько минут, после того как Нэтти отправилась к Полли, и видит открытую входную дверь. Лучшего способа пригласить Вилму войти и не надо. Она паркует машину, заходит в дом, убивает собаку и в том же порыве пишет записку и уходит восвояси. Никто из соседей не помнит, чтобы они видели ярко-желтую машину Вилмы — не совпадает, но вряд ли это может быть доказательством того, что она там не была. В любом случае, большинство соседей были либо в церкви, либо пошли в город навестить своих друзей.

Вилма возвращается домой, идет наверх, а в это время Пит закрывает мастерскую со своими строгальными станками или ажурной пилой, или чем-то другим, снимает рабочую одежду, и когда Пит заходит в ванную, чтобы смыть древесную пыль с рук, прежде чем надеть галстук и пиджак, Вилма только что вошла в душ; у нее, наверное, мокрый только один бок.

То, что Пит нашел свою жену в душе, было единственной здоровой мыслью во всей этой мешанине. Штопор, которым была убита собака, был особым смертоносным орудием, он был очень коротким. Ей, наверняка, нужно было смыть кровавые пятна с рук. С одной стороны, Вилма только что уходит от Нэтти, а с другой стороны — она только что вошла в ванную, перед носом своего мужа. Возможно ли это? Да, возможно, если сделать все на одном дыхании, то да, возможно.

«Да выбрось ты все из головы, Алан, выбрось и постарайся уснуть».

Но он не мог, потому что это засасывало. Это так засасывало. Алан снова лег на спину. Он услышал, как внизу часы мелодично пробили четыре. Все. Это ему ничего не давало. Но, казалось, что он просто не мог отключить свой мозг. Он пытался представить себе, как Нэтти сидит за своим кухонным столом и старательно выводит все эти: «В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ТЕБЯ ПРЕДУПРЕЖДАЮ». А в это время в трех шагах от нее лежит мертвой ее любимая маленькая собачка. Как он ни старался, он не мог себе этого представить. То, что казалось калиткой в этот сад, все больше и больше начинало походить на умелый рисунок этой калитки на высокой непреступной стене. Оптический обман.

Ходила ли Нэтти к дому Вилмы бить окна, он не знал. Но он знал точно, что особа Нэтти Кобб по-прежнему вызывала интерес в

Кастл Роке... Эта сумасшедшая женщина, которая убила своего мужа и провела столько лет в Джуненипер Хил. Стоило ей только изменить свой обычный маршрут, как все об этом знали. Если она шла крадучись по Желтой-стрит воскресным утром, наверняка бормоча себе что-то под нос и плача, то ее невозможно было не заметить.

Завтра Алан постучится в каждую дверь между этими двумя домами и всем задаст этот вопрос.

Наконец-то он начал медленно соскальзывать в сон. Его сопровождало не что иное, как образ груды камней, все до единого обернутые бумагой с надписью. И он снова подумал: если их бросила не Нэтти, то кто же?

9

В понедельник, в очень раннее время, когда утро только подбиралось к рассвету, чтобы начать новую интересную неделю, молодой человек по имени Рикки Биссонетт показался над оградой, окружавшей дом приходского баптистского священника. В это время Преподобный Вильям Роуз спал сном праведника в своем отделанном с иголки домике. Рикки, которому уже исполнилось девятнадцать лет и который не был перегружен мозгами, работая у Сунако в «Сони», все еще отирался в офисе хотя прошло несколько часов, как он закончил работу, поджидая то достаточно позднее (или достаточно раннее) время, чтобы сыграть свою шутку с Преп. Роузом.

В пятницу днем Рикки случайно остановился возле того нового магазина и завязал разговор с его владельцем, довольно интересным стариком. Слово за слово, и вдруг Рикки осознал, что выкладывает мистеру Гаунту свое самое потаенное желание. Он упомянул имя одной чрезвычайно юной манекенщицы — ну очень юной манекенщицы — и уже сказал мистеру Гаунту, что все отдал бы, чтобы заполучить фотографию этой юной женщины без одежды.

— Мне кажется, у меня есть кое-что, что могло бы вас заинтересовать, — сказал мистер Гаунт.

Он обежал взглядом магазин, словно хотел удостовериться, что в нем никого, кроме их двоих нет, затем быстро подошел к двери и перевернул табличку с ОТКРЫТО на ЗАКРЫТО. Он вернулся на свое прежнее место рядом с кассой, порылся под прилавком и вытащил оттуда чистый толстый конверт.

— Взгляните вот на это, мистер Биссонетт, — сказал он и вдруг подмигнул с видом распутника, повидавшего много на своем веку. — Думаю, что вы будете сильно удивлены. А может, даже придете в восторг.

Он был не просто потрясен. Это была та самая манекенщица, которую он так желал! И она была не просто обнаженной. На одних фотографиях она была с известным актером, на других она была с двумя известными актерами. Причем один из них годился ей в дедушки. А еще на других...

Но не успел он рассмотреть эти и другие (кажется, их было пятьдесят, а то и больше и все превосходного качества, цветные

снимки с глянцем размером восемь на десять дюймов (20х25 см)), как мистер Гаунт выхватил их у него из рук.

— Так это, — выпалил Рикки, называя имя, хорошо известное читателям лошенных бульварных газет и лошенных журналов.

— О нет, — сказал мистер Гаунт, в то время как его желтовато-зеленые глаза говорили, о да. — Уверен, что это не она... Сходство, действительно, замечательное, не правда ли? Продажа подобных открыток, конечно же, запрещена, ведь сексуальное содержание в сторону. Девиде нет и семнадцати, кто бы она ни была, но есть все же доводы, которые заставят меня изменить свое решение. Ведь кровь в моих жилах заражена не малярийной, а коммерческой лихорадкой. Итак! Поторгуемся?

Они поторговались, и закончилось тем, что Рикки Биссонетт купил семьдесят две порнографические фотографии за тридцать два доллара... и эту маленькую шутку.

Он быстро пересек лужайку перед домом пастора и, согнувшись пополам, на мгновение замер, спрятавшись в тени крыльца, чтобы убедиться, что за ним никто не следит, затем, крадучись, забрался на ступеньки. Он достал из заднего кармана шестую белую открытку, открыл щель для почты и вбросил туда открытку. Потом тихонько закрыл щель, придерживая кончиками пальцев медную крышку, чтобы, закрываясь, она не звякнула. Затем соскользнул по перилам с крыльца и что есть духу помчался по лужайке в обратном направлении.

У него были большие планы на те два или три часа утра понедельника, оставшиеся до рассвета; в них входили семьдесят две фотографии и большая бутылка лосьона для рук «Джоденс».

Открытка, подобно белому мотыльку, впорхнула сквозь щель и опустилась на ковровую дорожку в обширном холле пасторского дома. Она лежала написанным на ней посланием кверху: «Как поживаешь ты, тупой баптистский крысогреб? Мы тебе пишем, чтобы предупредить, ты лучше прекрати свой треп насчет нашего Казино Найт. Мы пока просто балуемся, мы пока не сделаем тебе больно. В общем, нашей компании верных католиков уже надоело твое баптистское дерьмо. Мы знаем, что все вы баптисты — сборище педерастов. Ты лучше обрати на это внимание, Преподобный — рулевой парохода. Если ты не уберешь свой грязный нос из нашего дела, то мы замочим и тебя, и всю твою братию с задницами вместо лиц так, что вы завоняетесь. Оставь нас в покое. Ты тупой баптистский крысогреб, или ты, сукин сын, пожалеешь».

Просто предупреждение от обеспокоенных католиков города Кастл Рок».

Преп. Роуз обнаружил эту записку, когда (в купальном халате) спустился в холл за утренними газетами. Его реакцию легче представить, чем описать.

Лиленд Гаунт стоял у окна той своей комнаты, которая выходила на улицу и находилась как раз над магазином; с заведенными за спину руками он смотрел на открывавшийся его взору город Кастл Рок. Четырехкомнатная квартира, которая была за его спиной,

вызывала удивление всего города, так как в ней не было ничего, ровным счетом ничего. Ни кровати, ни единого стула, ниши шкафов с распахнутыми дверками зияли пустотой. По полу, никогда не знавшему паласа, перекатывались несколько мусорных корзин в легком токе сквозняка, разгуливающего по квартире на уровне щиколоток. Единственным предметом домашней обстановки, и это было довольно откровенно, являлись оконные занавески, по-домашнему уютные клетчатые шторы. Это был единственный предмет домашней обстановки, который имел значение, так как именно оконные занавески были видны с улицы.

Город спал. Не горели огни в магазинах, не горели огни в домах, один лишь светофор на перекрестке Мэйн и Виллоу-стрит размеренно то зажигал, то выключал свой желтый свет. Он смотрел на город ласковым любящим взором. Пока он еще не принадлежал ему, но скоро будет. Он уже заработал свое право на этот город. Они еще не знали об этом, но они еще узнают. Они узнают.

Грандиозное открытие прошло очень хорошо, просто на редкость хорошо. Мистер Гаунт представлял себя электриком человеческих душ. В маленьком городке подобном Кастл Року все коробки электропередач были выстроены бок о бок, словно под шнурок. Нужно было лишь открыть коробки... и начать соединять их друг с другом проводами. Так, к примеру, под высоким напряжением вы подсоединяете некую Вилму Ежик к некой Нэтти Кобб, используя в свою очередь проводку из двух других коробок электропередач — некоего молодого человека по имени Брайан Раск и некоего пьяницу по имени Хью Прайст. Таким образом вы подсоединяете некоего Пирата Китона к некоему Норрису Риджвику, некоего Френка Джута к некоему Джорджу Нельсону, некую Салли Рэтклифф к некоему мистеру Пратту.

На каком-то этапе вы проверяете одно из своих фантастических переплетений, чтобы удостовериться, что сработано на совесть — так он сделал сегодня, а затем вы ложитесь и время от времени посылаете электрические импульсы по электропроводам, чтобы эта связь не ослабевала, а наоборот, приносила интересные результаты, неожиданные по своему накалу. Но большую часть времени вы просто лежите и ожидаете развязки... а затем вы пьете энергию.

Всю энергию.

Всю до капельки.

«Для этого требуется лишь знание человеческой природы, разумеется, в конечном счете это дело спроса и предложения», — предавался размышлениям Лиленд Гаунт, глядя на спящий город.

Но для чего? Но... просто так, действительно, просто так.

Люди всегда заботились о душе, и конечно, прежде чем он закроет свой магазинчик, он постарается взять как можно больше человеческих душ; Лиленд Гаунт относился к ним так, как охотник относится к своим трофеям, как рыбак относится к улову рыбы. Сами по себе они ровным счетом для него ничего сейчас не значили, в практическом смысле; но тем не менее он брал и брал столько, сколько мог «унести». На меньшее он не согласился бы, что бы ни подсказывало ему его собственное сознание. Он просто-напросто тогда не затевал бы всю эту игру.

И все же, в большей степени, его заставляло это делать наслаждение, которое он получал от своей работы. Истинное наслаждение. В конечном итоге, это единственная стоящая причина, потому что когда за плечами столько лет жизни, пытаешься развлечься, чем угодно.

Мистер Гаунт опустил руки, руки, которые заставляли бунтовать всякого, кто имел несчастье ощутить на себе их сухое пергаментное прикосновение — и снова крепко сцепил их так, что костяшки левой руки впились в правую ладонь, а костяшки правой руки — в левую ладонь. У него были длинные толстые желтые ногти. Они были также очень старые, и через какое-то мгновение они взрезали кожу на пальцах, освобождая темную струю густой крови.

Брайан Раск закричал во сне. Майра Эванс вложила пальцы в промежность и начала усиленную мастурбацию во сне, сам Король занялся любовью с ней.

Дэнфорду Китону приснилось, что он лежит распластавшись на финишной прямой ипподрома Льюинстон, закрыв лицо руками, а лошади обрушивают на него свои копыта.

Салли Рэтклифф приснилось, что она открывает дверь «мустанга» Лестера Пратта и видит, что он кишит змеями.

Хью Прайст вскрикнул и очнулся ото сна, в котором Генри Бьюфорд, бармен из «Захмелевшего Тигра», облил его лисий хвост зажигательной смесью и поджег его.

Эверет Франкел, ассистент врача Рэя Ван Аллена, увидел во сне, что он взял в рот свою новую трубку и вдруг обнаружил, что ее стержень превратился в лезвие, и он уже отрезал себе язык.

Полли Чалмерс начала тихо стонать, и внутри ее маленькой серебряной безделушки что-то зашевелилось, издавая звук, напоминающий шуршание множества маленьких сухих крылышек. Безделушка начала источать еле слышный, неопределенный аромат, словно то был букет дрожащих фиалок.

Лиленд Гаунт стал понемногу ослаблять свою хватку. Его большие кривые зубы оскалились в ухмылке, которая была и радостной и невероятно безобразной одновременно. И во всем Кастл Роке стали растворяться сны, и мечущиеся во сне жители вновь уснули спокойным крепким сном. На какое-то время.

Скоро взойдет солнце. И немного позже начнется новый день, несущий с собой новые неожиданности и удивительные происшествия. Он подумал, что пора нанимать себе помощника... и не то, чтобы помощник его будет обладать иммунитетом ко всему происходящему по его воле, Боже упаси, нет. Это испортит все удовольствие. Лиленд Гаунт стоял у окна и смотрел на город, распростершийся у его ног, беззащитный, окруженный мрачной красотой ночи.

Часть II РАСПРОДАЖА ВЕКА

Глава 12

1

Понедельник 14 октября, День Колумба, выдался в Кастл Роке ясным и жарким. Местные жители ворчали на жару, и если их собиралось несколько на Городской площади, на скамейках перед зданием муниципалитета, они говорили друг другу, что это неестественно. Возможно, это из-за чертовых нефтяных пожаров в Кувейте, говорили они, или, может, это из-за озоновой дыры, про которую постоянно болтают по телевизору. Некоторые старожилы заявляли, что в годы их молодости никогда в семь часов утра термометр не показывал семьдесят градусов по Фаренгейту во второй половине октября.

Это было, разумеется, неправдой, и большинство (если не все) знали это; каждые два или три года бабье лето отбивается от рук, и бывает четыре или пять дней, как в середине июля. Но однажды утром вы проснетесь и увидите, что лужайка перед домом схвачена инеем. Они знали все это, но в качестве темы для разговора погода была удобным поводом. Никто не хотел спорить, спорить, когда вдруг погода стала не по сезону жаркой. Люди становились раздражительны.

— Эти две бабы вызвали все это, — провозгласил старейший из городских жителей и главный сплетник Ленни Партридж, со ступеней Окружного Суда, который занимал западное крыло здания муниципалитета.

— Обе они сумасшедшие, как пара крыс в сортире. Эта Кобб, она же проткнула своего мужа вилкой для мяса. — Ленни подпернул свои мешковатые брюки.

— Проткнула его, как свинью, — сказал он. — Чертова жара. Эти бабы совсем одурели.

Он взглянул на небо и добавил:

— Такая вот жара всегда вызывает раздоры. Я уж видел это. Первым делом шериф Пэнгборн должен отдать приказ Генри Бьюфорду закрыть свой «Захмелевший Тигр», пока погода опять не станет нормальной.

— А мне все равно, старик, — сказал Чарли Фотэн. — Я наберу себе пива у Хемпфила на пару дней и смогу пить дома.

Это вызвало смех у собравшихся вокруг Ленни и свирепую гримасу самого мастера Партриджа. Группа распалась. Большинство этих людей должно было идти на работу независимо от праздника. Уже несколько рахитичных грузовичков, запаркованных перед Нансом, были раскрыты, подготовлены к погрузке в Шведен и Нодд Ридж.

2

Дэнфорд (Пират) Китон сидел в кабинете в одних кальсонах. Кальсоны были мокрые. Он не выходил из комнаты с вечера в воскресенье, когда ему пришлось прогуляться до здания муниципалитета. Он взял папку в Налоговом Управлении и принес ее домой. Глава Городского Управления Кастл Рока уже в третий раз смазывал свой револьвер. По некоторым причинам этим утром он собирался зарядить его. Затем он собирался убить свою жену. Затем он пойдет в муниципалитет, найдет этого сукиного сына Риджвика (он не подумал, что у Норриса сегодня выходной) и убьет его. Затем он запрется в офисе и застрелится. Он решил, что это — единственный способ навсегда избавиться от Преследователей. Он был слишком глуп, чтобы думать по-другому. Даже игра, которая волшебным образом выбирает победителей на ипподроме, не остановит Их. О, нет. Он вчера усвоил этот урок, когда пришел домой и обнаружил это ужасное розовое белье, разбросанное по всему дому.

Телефон на столике зазвонил. Вздрыгнув, Китон спустил курок кольта. Послышался сухой шелчок. Если бы револьвер был заряжен, пуля пробила бы дверь кабинета.

Он схватил телефон в охапку.

— Могут они оставить меня в покое хоть немного? — вскрикнул он сердито.

Раздавшийся тихий голос сразу заставил его замолчать. Это был голос мистера Гаунта, и он проник в истерзанную душу Китона как исцеляющий бальзам.

— Принесла ли вам удачу та игрушка, которую я вам продал, мистер Китон?

— Она работает! — ответил Китон. В его голосе слышалось ликование. Он забыл, по крайней мере, в этот момент, что он планировал для себя энергичное утро, ряд убийств и одно самоубийство. — Я собираю каждый забег, ей Богу!

— Что ж, это хорошо, — тепло сказал мистер Гаунт.

Лицо Китона вновь нахмурилось. Его голос понизился до шепота.

— Потом... вчера... когда я пришел домой... — он обнаружил, что не может продолжать. Секунду спустя он понял — с огромным удивлением и еще большим удовольствием, — что это и не нужно.

— Вы обнаружили, что Они были в вашем доме? — спросил мистер Гаунт.

— Да! Да! Но откуда вы зна...

— Они повсюду в этом городе, — сказал мистер Гаунт, — мы говорили с вами об этом, когда виделись в последний раз, не правда ли.

— Да! И... — Китон внезапно остановился. Его лицо перекосилось от страха. — Они могут подключиться к этой линии, вы понимаете это, мистер Гаунт? Они могут прямо сейчас подслушивать наш разговор!

Мистер Гаунт оставался спокоен:

— Могут, но не прослушивают. Пожалуйста, не думайте, что я наивен, мистер Китон. Я уже встречался с Ними. Много раз.

— Я уверен, что это так, — сказал Китон. Он обнаружил, что дикая радость, которую он ощущал, когда получил «Выигрышный Билет», была ничем по сравнению с этим: найти после столетий борьбы и темноты родственную душу.

— У меня к линии подключено маленькое электронное устройство, — продолжал мистер Гаунт своим спокойным и сочным голосом. — Если линия прослушивается, то загорается маленькая лампочка. Я сейчас смотрю на эту лампочку, мистер Китон, и она не горит. Она темна, как некоторые сердца в этом городе.

— Так вы это знаете, правда? — Дэнфорд Китон произнес это пылким, дрожащим голосом. Он чувствовал, что готов заплакать.

— Да. И я позвонил вам, чтобы сказать, что вы не должны предпринимать ничего опрометчивого, мистер Китон, — голос звучал мягко, убаюкивающе. Слушая его, Китон чувствовал, что его сознание начинает уплывать прочь, как наполненный гелием воздушный шарик. — Это намного облегчит Им жизнь. Вы понимаете, что случится, если вы погибнете?

— Нет, — пробормотал Китон. Он смотрел в окно. Его глаза были чистые и сонные.

— Они выиграют партию! — сказал мистер Гаунт. — Они просочились в офис шерифа Пэнгборна! Они пойдут на кладбище и будут мочиться на вашу могилу!

— Шериф Пэнгборн? — неопределенно произнес Китон.

— Вы же не считаете в самом деле, что такой бездельник, как заместитель Риджвик может действовать в подобном случае без приказа от вышестоящих, не правда ли.

— Нет, конечно нет. — Теперь многое для него прояснилось. Они, это всегда были Они — мучительные темные облака вокруг него, и когда вы хватаете их, вы остаетесь ни с чем. Они все же могут быть уязвимы. Знать это было огромным облегчением.

— Пэнгборн, Фулerton, Сэмьюэлс, жена Вильямса, ваша жена. Они все часть этого, мистер Китон, и я подозреваю, и весьма серьезно, что шериф Пэнгборн является Их главарем. Если это так, то его бы устроило, чтобы вы убили парочку его подопечных и затем устранили себя с его дороги. Да, я подозреваю, что это именно то, что он желает. Но вы одурачите его, мистер Китон, не так ли?

— Да! — с усилием выдохнул Китон. — Что я должен делать?

— Сегодня ничего. Ведите себя как обычно. Устройте вечером бега, если хотите, получите удовольствие от своего нового приобретения. Если вы будете вести себя по отношению к Ним так, как обычно, это выведет Их из равновесия. Это посеет замешательство и неуверенность в рядах противника.

— Замешательство и неуверенность, — Китон медленно произнес эти слова, пробуя их на вкус.

— Да. Я составил свой собственный план, и когда придет время, я изложу его вам.

— Вы обещаете?

— Да, конечно, мистер Китон. Вы для меня очень важны. На самом деле, я даже пойду дальше. Я скажу вам честно, что я не смогу обойтись без вас.

Мистер Гаунт положил трубку. Китон отложил револьвер. Затем встал, сбросил промасленную одежду в корзину для стирки, принял душ и оделся. Когда он спустился, Миртл вначале отшатнулась от него, но Китон мягко заговорил с ней и поцеловал в щеку. Миртл вздохнула свободнее. Если кризис и был, то, казалось, что он миновал.

3

Эверет Франкел был крупным рыжеволосым человеком, который выглядел чистокровным ирландцем, как Каунти Корк... Что, вообще, неудивительно, ибо он был из рода Корков. Он был ассистентом доктора Рэй Ван Аллена уже четыре года, после того как уволился из флота. Он появился в четверг восьмого утра в понедельник, и Нэнси Ромадж, старшая медсестра, попросила его съездить на ферму Бургмайер. Хелин Бургмайер утверждала, что у нее был этой ночью эпилептический припадок. Если обследование Эверета подтвердит это, ему придется захватить ее в город на своей машине в больницу для обследования.

В обычный день Эверет был бы недоволен, если бы его послали по домашнему вызову, да еще так далеко за город, но в такое не по сезону жаркое утро выехать за город — было одно удовольствие.

Кроме того, была еще курительная трубка.

Как только он уселся в плимут, он открыл секцию для перчаток и вынул ее. Это была трубка с глубокой и широкой головкой. На ней была мастерски выполненная резьба; птицы, цветы и виноградные гроздья были вырезаны вокруг головки так причудливо, что при рассматривании ее с разных сторон казалось, что они переливаются. Он оставил трубку в секции для перчаток не только потому, что курить в кабинете доктора было запрещено, но и потому, что ему не нравилась сама мысль, что кто-то другой (особенно кто-то назойливый, как Нэнси Ромадж) увидит ее. Первым делом они захотят узнать, где он ее достал. А потом захотят узнать, во сколько она ему обошлась.

А еще, чего доброго, захотят присвоить ее.

Он сунул мундштук между зубами и снова восхитился тому, как превосходно трубка сидит на своем месте. Он отклонил зеркальце заднего вида на себя и бросил в него взгляд лишь на мгновение. Он остался доволен тем, что увидел. Он подумал, что трубка делает его старше, мудрее, привлекательнее.

Он вел машину по Мэйн-стрит, намереваясь пересечь Оловянный мост между городом и предместьем, и затормозил, подъехав к «Необходимым вещам». Зеленый тент привлек его внимание. Ему показалось вдруг очень важным, просто необходимым, остановиться.

Он остановился, начал выходить из машины, затем вспомнил, что все еще сжимает в зубах трубку. Он вынул ее, чувствуя, что ему больно с ней расставаться, и опять запер в секции для перчаток. Затем вышел на тротуар и тщательно запер все четыре дверцы плимута. Когда имеешь такую прекрасную трубку, не стоит испытывать судьбу. Кто угодно может попытаться ее украсть. Кто угодно.

Он подошел к магазину и остановился, чувствуя разочарование. В витрине висела вывеска:

«ЗАКРЫТО. ДЕНЬ КОЛУМБА».

Эверет уже хотел уходить, когда дверь отворилась. В ней стоял мистер Гаунт, великолепно выглядящий и вполне добродушный в своем желтовато-коричневом пиджаке с заплатами на локтях и угольно-серых брюках.

— Заходите, мистер Франкел, — произнес он. — Я рад вас видеть.

— Спасибо, я как раз ехал из города — дела, знаете ли, и как раз решил остановиться, чтобы сказать вам, как мне нравится эта трубка. Я всегда хотел именно такую.

Лучезарно улыбаясь, мистер Гаунт произнес:

— Я знаю.

— Но я вижу, вы закрыты, и я не хотел бы беспокоить вас...

— Я никогда не закрыт для своих лучших клиентов, мистер Франкел, и я выделяю вас из многих. Из очень многих. Войдите. — И он сделал приглашающий жест.

Эверет отшатнулся от его руки. Лиленд Гаунт приветливо улыбнулся и отступил в сторону, давая проход молодому санитару.

— Мне, действительно, некогда... — начал Эверет, но почувствовал, что ноги сами несут его в сумрак магазина, как будто они лучше знают, что делать.

— Конечно, — произнес мистер Гаунт, — целитель должен выполнять свой долг, освобождая больного из оков, которые связывают тело и... — его насмешливые, слегка поднятые брови и сжатые, зубы быстро приблизились к Эверету, — ...и изгнать тех дьяволов, которые сковывают душу. Я прав?

— Думаю, что да, — сказал Эверет. Он ощущал беспокойство с тех пор, как мистер Гаунт закрыл дверь. Бывает, что машины грабят. Иногда это делают даже среди бела дня.

— С вашей трубкой все будет в порядке, — уверил его мистер Гаунт. Он достал из кармана простой конверт с написанным на нем поперек единственным словом. Это было слово «Люблю».

— Вы помните обещание выполнить мой небольшой каприз, доктор Франкел?

— Я не док...

Брови мистера Гаунта собрались в складку, заставив Эверета замолчать на полуслове. Он отступил на полшага.

— Так вы помните или нет? — резко спросил мистер Гаунт. — Ответьте мне быстрее, юноша, — я не так уверен в вашей трубке, как всего момент назад.

— Я помню! — торопливо ответил Эверет. Его голос был встревожен. — Салли Рэтклифф! Логопед!

Сомкнутый центр единой брови мистера Гаунта разгладился. Вместе с ним расслабился и Эверет Франкел.

— Правильно. И теперь пришло время выполнить это небольшое поручение. Возьмите.

Он протянул конверт. Эверет взял его, соблюдая осторожность, чтобы не прикоснуться при этом к пальцам мистера Гаунта.

— Сегодня в школе выходной, но юная мисс Рэтклифф находится в своем кабинете, приводя в порядок дела, — произнес мистер Гаунт. — Я знаю, что это вам не по пути к ферме Бургмейера.

— Откуда вы это знаете? — спросил Эверет с изумлением в голосе.

Мистер Гаунт не отреагировал на этот вопрос.

— Но вы можете найти время, чтобы заехать туда на обратном пути, не так ли?

— Я полагаю...

— А так как те, кто крутятся вокруг школы, когда в ней нет учеников, всегда вызывают подозрение, вы можете объяснить свое присутствие тем, что собираетесь заглянуть в кабинет школьной медсестры, так?

— Если она там, я думаю, что могу это сделать, — ответил Эверет. — Действительно, я должен заглянуть, потому что...

— Допустим, вы все еще не получили список на прививки, — закончил за него мистер Гаунт. — Вот и отлично. Правду говоря, ее там не будет, но вы-то этого не знаете, не так ли? Просто загляните в ее кабинет и уйдите. Но по дороге туда или обратно вы положите этот конверт в автомобиль мисс Рэтклифф, который она одолжила у своего молодого человека. Я хочу, чтобы вы положили его под сиденье... но не полностью, а оставили торчащий уголок.

Эверет прекрасно знал, кто этот «молодой человек мисс Рэтклифф» — инструктор физкультуры из колледжа. Если бы был выбор, Эверет предпочел бы сыграть шутку с Лестером Праттом, а не с его невестой. Пратт был крепкий молодой баптист, обычно одетый в голубую куртку без рукавов и голубые тренировочные брюки с белыми полосками, спускающимися вниз по бокам. Это был тип парня, для которых Иисус и тренировки одинаково дороги. Его интересовало, спит ли уже Лестер с Салли, — она была прямо-таки конфетка. Он решил, что, наверное, нет. Потом он подумал, что, если Лестер слишком сильно возбуждается после нежничанья с Салли на крыльце, наверное, придется послать его поприседать на задний двор или сделать несколько десятков кругов вокруг дома.

— Салли опять водит праттмобиль?

— Да, действительно, — сказал мистер Гаунт, слегка раздражаясь. — Вы пытаетесь острить, доктор Франкел?

— Конечно, — сказал тот. По правде говоря, он чувствовал на удивление большое облегчение. Сперва он беспокоился об этой «шутке», которую требовал выполнить мистер Гаунт. Теперь он видел, что его опасения были вздорными. Он ведь не требовал подложить в туфель девушки жабу или что-нибудь подобное. Какой вред может причинить конверт?

Улыбка мистера Гаунта, широкая и лучезарная, опять засветилась на его лице.

— Очень хорошо, — произнес он. Он направился к Эверету, который с ужасом подумал, не хочет ли тот обнять его.

Эверет судорожно отодвинулся. Мистер Гаунт раскрыл дверь.

— Наслаждайтесь трубкой, — сказал он. — Я говорил вам, что она когда-то принадлежала сэру Артуру Конан Дойлю, создателю великого Шерлока Холмса?

— Нет! — воскликнул Эверет.

— Конечно, нет, — сказал, усмехаясь, мистер Гаунт. — Это было бы ложью... а я никогда не лгу в вопросах бизнеса, доктор Франкел. Не забудьте о вашем маленьком поручении.

— Не забуду.

— Желаю вам счастливого дня.

— Того же и вам.

Но никого уже не было. Дверь со шторой уже закрылась за ним.

Одну секунду он смотрел на нее, затем медленно побрел назад к плимуту. Если бы его попросили дать отчет о том, что он говорил мистеру Гаунту и что тот говорил ему, это было бы бесполезной работой. Он ничего не мог вспомнить точно. Он чувствовал себя как человек, побывавший под легким наркозом.

Как только он опять очутился за баранкой, он отпер секцию для перчаток, положил в него конверт с надписью «Люблю» и вынул оттуда трубку. Единственное, что он помнил, это, что мистер Гаунт испытал его, сказав, что когда-то хозяином этой трубки был Конан Дойль. И он почти поверил в это. Как глупо! Нужно только взять ее в рот и сжать зубы на мундштуке, чтобы понять. Истинным хозяином этой трубки был Герман Геринг.

Эверет Франкел завел машину и медленно выехал из города. И на всем пути к ферме Бургмайера он только дважды бросил взгляд в зеркало, чтобы убедиться, как выигрывает его внешний вид от этой трубки.

4

Зубоврачебный кабинет Альберта Гендрона находился в Кастл Билдинг, некрасивом кирпичном строении, через дорогу от городского муниципалитета и маленького приземистого бетонного домишки, где размещалась Служба водоснабжения. В нем располагались трое из пяти юристов округа, несколько клерков по недвижимости, консультант по кредитам, женская консультация и мастерская по изготовлению рам. Полдюжины других офисов в здании пустовали.

Альберт, стойкий последователь Отца О'Нила, начал сдавать. Его изначально черные волосы приобрели цвет перца с солью, его широкие плечи обвисли, но все же он был импозантным мужчиной — шести футов и семи дюймов ростом при весе в двести восемьдесят фунтов — он был самым крупным человеком в городе, если не во всем округе.

Он поднимался по узкой лестнице на последний этаж медленно, останавливаясь на площадках, чтобы перевести дыхание, прислушиваясь к шумам в сердце, которые у него обнаружил доктор Ван Аллен. На половине последнего пролета он увидел бумажный листок

на двери своего кабинета, под вывеской: «АЛЬБЕРТ ГЕНДОРН. Зубной врач».

На этом листке он заметил приписку, и его сердце учащенно забилося от ярости:

«СЛУШАЙ ТЫ, ЛОВЕЦ МАКРЕЛИ!» — было написано вверху листа ярко-красными буквами.

Альберт сорвал записку с двери и быстро прочитал ее. Он дышал носом и делал это тяжело, с хрипом выдыхая и это было похоже на дыхание груженого вола.

«СЛУШАЙ ТЫ, ЛОВЕЦ МАКРЕЛИ!»

Мы пытались прийти с тобой к соглашению — «Имеющий уши да услышит», но это было бесполезно. Мы вынуждены были терпеть твоих Папских идолов и даже твой культ Вавилонской Блудницы. Но сейчас ты зашел слишком далеко. «НЕ ПОЗВОЛИТЕЛЬНО ИГРАТЬ В КОСТИ С ДЬЯВОЛОМ В КАСТЛ РОКЕ!»

Достойные христиане чувствуют запах Адского Пламени и Серы в Кастл Роке этой осенью. Если ты еще не чувствуешь его, то потому, что нос твой забит грехами. «ВНИМАЙ НАШЕМУ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ И ОСТЕРЕГАЙСЯ. ОСТАВЬ СВОИ ПЛАНЫ ПРЕВРАТИТЬ НАШ ГОРОД В ЛОГОВО ВОРОВ И АВАНТЮРИСТОВ, ИЛИ УЗНАЕШЬ НА СЕБЕ, ЧТО ТАКОЕ АДСКОЕ ПЛАМЯ».

«Грешники будут свергнуты в ад, и все народы, забывшие бога». Псалом 9:17.

«СЛУШАЙТЕ И ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ, ИЛИ ВАШИ МОЛЬБЫ И ПЛАЧ ЗАЗВУЧАТ ГРОМЧЕ.

ОБЩЕСТВО БАПТИСТОВ КАСТЛ РОКА».

— Дерьмо на палочке, — выругался Альберт и скомкал записку в кулаке размером со свиную голову. — Этот чертов баптист-сапожник в конце концов спят.

Войдя в кабинет он первым делом позвонил Отцу Джону и рассказал, что игра в Казино Найт может стать немного жестче.

— Не волнуйтесь, Альберт, — спокойно ответил Отец Бригхэм. — Если этот идиот боднет нас, он увидит, что ловец макрелей сумеет бодаться в ответ, ведь так?

— Воистину так, Отче, — сказал Альберт. Он все еще держал в руке скомканную бумажку. Затем вновь взглянул на нее, и неприятная улыбка прорезалась под его моржовыми усами. — Воистину так.

5

В четверть одиннадцатого этим утром цифровой термометр показал, что в Кастл Роке семьдесят семь градусов. На дальнем конце Тин Бридж не по сезону жаркое солнце отражалось яркими бликами. На горизонте появилась яркая точка, она двигалась по дороге 117 в сторону города. Алан Пэнгборн сидел в своем офисе, просматривая дело об убийстве Кобб и Ежик, и не заметил отблесков солнца от стекла и металла. Они не заинтересовали его — ведь это был всего лишь приближающийся автомобиль. Тем не менее, яркий блеск солнца на стекле и хроме, приближающийся к мосту на скорости

семьдесят миль в час, был глашатаем в судьбе Алана Пэнгборна... и всего города.

В витрине «Необходимых вещей» табличка

«ЗАКРЫТО. ДЕНЬ КОЛУМБА»

была заменена рукой с длинными пальцами, высунувшейся из рукава желтовато-коричневой куртки. Взамен рука установила дру- гую табличку. Она гласила:

«ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩНИК».

6

В зоне ограничения скорости до двадцати пяти автомобиль все еще шел со скоростью пятьдесят. Он пересек мост. Этот автомобиль, о котором ученики старших классов говорят с благоговением и завистью; «додж челленджер» был создан для быстрого движения. Сквозь дымчатые стекла можно было смутно рассмотреть панель управления, которая выгибалась дугой до перегородки между передним и задним сиденьями. Задняя часть была покрыта наклейками: «HEARST, FUELLY, FRAM, QUAKER STATE, GOOD YEAR WIDE OVALS, RAM CHANGER». Выхлопные трубы недовольно урчали, жирные от девяносто шестого бензина, которым можно заправиться только на магистрали Оксфорд Плейнз, к северу от Портленда.

Он немного притормозил на пересечении Мэйн и Лаурель, затем втиснулся в парковочную площадку перед Клип Джойнт, завизжав шинами. Посетителей не было. Оба парикмахера, Билл Фулerton и его помощник Генри Гендрон, сидели в креслах клиентов под старой рекламой кремов. Они обменивались газетными новостями. Когда машина затормозила, заставив выхлопные трубы трещать и стрелять, оба выглянули в окно.

— Машина-смертник, черт возьми, — сказал Генри. Билл кивнул и оттянул свою нижнюю губу большим и указательным пальцами правой руки.

— Угу.

Из темного нутра «челленджера» появилась стопа, обутая в стоптанный черный рабочий башмак. Через секунду водитель выбрался наружу, снял солнцезащитные очки, засунул их в карман брюк и посмотрел вокруг спокойно и презрительно.

— Ох-ох, — произнес Генри. — Смотри, какой фрукт к нам пожаловал!

Билл Фулerton уставился на явившийся призрак, положив на колени спортивную страницу газеты и слегка опустив челюсть.

— Это же Мерилл, по кличке Туз, — произнес он. — Чтоб я так жил.

— И какого черта ему здесь нужно? — негодуя спросил Генри.

— Да, — произнес Билл и опять оттянул нижнюю губу.

— Смотри! Серый, как крыса, и, наверное, такой же подлый! Сколько ему лет, Генри?

Генри пожал плечами.

— Больше сорока и меньше пятидесяти. Это все, что я знаю. Да кому какое дело, сколько ему лет? От него одни неприятности.

Как будто услышав их, Туз повернулся к витрине и поднял руку в медленном, саркастическом жесте. Оба вздрогнули и неприязненно поежились, как две старые девы, которые вдруг обнаружили, что наглый свист из дверей относится к ним.

Туз засунул руки в карманы своей куртки и направился прочь, олицетворяя портрет человека, который всегда и везде спокойно движется в знакомом ему пространстве.

— Как думаешь, не звякнуть ли шерифу Пэнгборну? — спросил Генри.

Билл Фулerton еще сильнее оттянул нижнюю губу.

— Он уже знает, что Туз вернулся в город, — ответил он. — Так что не надо звонить.

Они сидели и смотрели, как Туз шел по Мэйн-стрит, пока он не пропал из виду.

7

Никто, глядя на Туза Мерилла, праздно бредущего по Мэйн-стрит, не предположил бы, что этот человек в отчаянном положении. Туз задолжал кое-кому слишком много денег. Больше восьмидесяти тысяч долларов, если точнее. Если вскоре Туз не отдаст долг, скажем к первому ноября, кредиторы способны закопать его в землю.

Ребята, которых Туз Мерилл в свое время прижал — вроде Тедди Дичампа, Криса Чамберса, Верна Тесье, — сразу же узнали бы его, несмотря на седеющие волосы. Туз работал когда-то на местной текстильной фабрике (она была закрыта последние пять лет). В те дни его пороками были пиво и крупные кражи. Он имел большие проблемы с весом из-за первого, и с прежним шерифом Джорджем Баннерманом из-за второго. Затем Туз пристрастился к кокаину.

Он бросил работу на фабрике, сбросил пятнадцать фунтов и переучился на первостатейного взломщика. Его финансовое положение начало сильно колебаться вместе с положением на оружейном рынке и рынке наркотиков. Он мог начать месяц с нуля и закончить с пятьюдесятью или шестьюдесятью тысячами долларов, запрятанными под корнями старой засохшей яблони поблизости от Кронберри Бог Род. Сегодня он заказывает французский обед из семи блюд у Мориса; завтра это могут быть макароны с сыром у Крафта, в трайлере.

Через год или около этого уже другой Туз — длинный, поседевший, тощий, выросший из своего костюма, — встретил неких парней из Коннектикута. Эти ребята подрабатывали на огнестрельном оружии и порошке. Туз сразу же сошелся с ними. Братья Корсон предложили Тузу некоторое количество крупнокалиберного барахла для центральных районов, и Туз с радостью согласился. Это было более стоящее дело, чем кокаин. Если и было что-то в мире, что Туз любил больше автомобилей или кокаина, то это было оружие.

В один из моментов, когда он понял, что нуждается в финансировании, он посетил своего дядюшку, который ссужал деньги половине жителей города и пользовался репутацией Креза. Туз не видел причин, почему бы ему могли отказать в заеме: он молод (ну ладно...

сорок восемь... относительно молод), у него есть перспективы, и он полон сил.

Его дядя, однако, придерживался противоположного взгляда.

— Нет, — сказал ему Реджинальд Марион. — Я знаю, откуда приходят твои деньги — когда у тебя есть деньги, конечно. Они от белого дерьма.

— Да ну, дядя Реджинальд...

— Не называй меня дядя Реджинальд, — ответил Марион. — У тебя нос в белом порошке. Люди, которые покупают эту дрянь, всегда становятся легкомысленны и всегда заканчивают в ночлежке. И это если им повезет. А если нет, то они могут только удобрить кусок болота примерно на шесть футов в длину и три в глубину. Я не могу получить обратно свои деньги с людей, которые умерли или исчезли. Я не дам тебе даже капли пота с моей задницы, вот что я хочу сказать.

Такой разговор состоялся вскоре после того, как Алан Пэнгборн вступил в должность шерифа в округе Кастл. И первым крупным его успехом на этом поприще было то, что он застукал Туза и двух его друзей, когда они пытались вскрыть сейф в офисе Генри Бьюфорда в «Захмелевшем Тигре». Это был громкий успех, прямо как по учебнику, и Туз обнаружил, что сидит в тюрьме.

Обвинение в попытке ограбления было обжаловано, но Туз все же получил достаточно времени, чтобы передохнуть и осмыслить случившееся.

Он освободился весной 1989 года и отправился в «Механик Фаллз». Он должен был получить работу; магистраль Оксфорд Плайнз входила в государственную программу и Туз Мерилл получил место ремонтника.

Но большие деньги не давали ему покоя, и вскоре Туз вновь закутил дела.

Он держался за работу на магистрали, пока его срок официально не истек, затем бросил ее в тот день, когда он кончился. Ему позвонили от братьев Корсон, из Денбури, Коннектикут, и вскоре он опять имел дело со стреляющими железками и боливийским порошком.

Время ушло вперед, пока он был в передрягах. Это значило, что вместо пистолетов, ружей и карабинов сейчас он имел дело с автоматическим и полуавтоматическим оружием. Он достиг пика в июне этого года, когда продал ракету «воздух-земля» моряку с сильным южно-американским акцентом. Моряк забрал ракету и заплатил Тузу семнадцать тысяч долларов новенькими сотнями с не по порядку расположенными номерами.

— А что вы делаете с этими штуками? — спросил зачарованный Туз.

— Вам это ни к чему, сеньор, — ответил моряк без улыбки.

Затем, в июле, все рухнуло. Туз все еще не понимал, как это могло случиться. Конечно, было бы лучше, если бы торговля кокаином у братьев Корсон шла бы так же хорошо, как и оружием. Он перекупил два фунта колумбийского порошка у парня в Портленде, финансируя эту сделку при помощи братьев Майка и Дэвида Корсон. Они вложили в это около восьмидесяти пяти тысяч долларов.

Это количество могло стоить вдвое дороже — на пробу это был высший класс, «Хай блу».

Туз знал, что эти восемьдесят пять тысяч намного превышали его карманные расходы. В эти дни его руководящим девизом было «Нет проблем!» Теперь уж дела пойдут по-другому.

Перемены начались с того, что из Денбури позвонил Дэйв Корсон и спросил Туза, что он себе думает, пытаясь выдать соду за кокаин. Парень из Портленда подставил Туза (какой там «Хай блу»), и когда Дэйв Корсон понял это, его голос перестал звучать приятельски.

Туз понял свой прокол. Он собрал все свое самообладание, которого было не занимать, и поехал повидать братьев Корсон. Он представил им свою точку зрения на случившееся. Он давал свои объяснения в дорожном фургоне «доджа». В фургоне с кроватью, с печкой и зеркальным потолком. Он был очень убедителен. Он должен был быть очень убедительным, потому что фургон был запаркован в конце глухой грязной улочки в нескольких милях от Денбури, и черный парень по имени Слишком Длинный Тимми находился за баранкой, а оба брата Корсон, Майк и Дэйв, сидели по обе стороны от Туза с винтовками наготове.

По мере того как он рассказывал, Туз вспоминал то, что сказал ему раньше его дядя, перед налетом на «Захмелевшего Тигра».

Легкомысленные люди заканчивают в ночлежке. И это если повезет. А коли нет, то они идут на удобрение куска болота, шесть футов в длину и три в глубину. Что ж, он был прав в первой своей половине: Туз пытался напрячь все свои силы, чтобы избежать второй половины.

Он был очень убедителен. В определенный момент он сказал два магических слова: Дюки Морин.

— Ты купил кок у Дюки? — произнес Майк Корсон, и его налитые кровью глаза раскрылись шире. — Ты уверен, что это был он?

— Уверен, конечно уверен, — ответил Туз. — А что?

Братья Корсон посмотрели друг на друга и начали хохотать. Туз не знал, над чем они смеялись. Но он был рад этому. Это был хороший знак.

— Как он выглядел? — спросил Дэйв Корсон.

— Это тощий парень. Не такой высокий, как этот, — Туз ткнул большим пальцем в сторону шофера, который нацепил наушники и качался в такт музыке, которую он один и слышал, — но высокий. Канадец. Разговаривает дискантом. Носит маленькое золотое кольцо.

— Это старый лис Даффи Дюк, — согласился Майк Корсон.

— Сказать по правде, я удивлен, что еще никто его не пришил, — сказал Дэйв Корсон.

— Мне казалось, что все о'кей, — сказал Туз. — У Дюки все было в порядке.

— Но ты иногда отлучался, а? — спросил Майк Корсон.

— Ненадолго, в бар гостиницы, — сказал Дэйв Корсон.

— Ты должен был торчать внутри, когда Дюкман получил свободу действий, — сказал Майк. — Так он все это и сделал.

— Дюки проделал небольшой фокус, он это любит, — сказал Дэйв.

— Знаешь, что такое ловить на наживку, Туз?

Туз подумал. Затем мотнул головой.

— Да, знаешь, — сказал Дэйв. — Потому что это то самое дерьмо, в которое ты вляпался. Дюки показал тебе кучу мешочков с белым порошком. Один был действительно с чистым кокаином. Остальные с дерьмом. Как ты, Туз.

— Мы пробовали! — воскликнул Туз. — Мы выбрали пакет наудачу и проверили.

Майк и Дэйв переглянулись с мрачной усмешкой.

— Они пробовали, — повторил Дэйв Корсон.

— Он выбрал случайный пакет, — добавил Майк Корсон.

Они подняли глаза вверх и посмотрели друг на друга в зеркало на потолке.

— Ну? — спросил Туз, переводя взгляд с одного на другого. Он был счастлив, что они знают, кто такой Дюки, и еще более счастлив, что они верят, что это Дюк надул его. Но он все еще был не уверен в будущем. Они вели себя с ним, как с чурбаком, а Туз Мерилл никогда не был чурбаком.

— Что ну? — спросил Майк Корсон. — Тебя одурачили? Дюки фокусник. Он из раза в раз повторяет один и тот же карточный трюк. «Выберите карту, любую карту». Ты хоть слышал об этом, Очко в заднице?

Позабыв о винтовках, Туз возмутился.

— Не называй меня так!

— Мы можем называть тебя, как захотим, — сказал Дэйв. — Твой должок — восемьдесят пять штук, Туз, и мы собираемся получить эти деньги.

Братья обменялись взглядами. Между ними произошел немой разговор. Дэйв поднялся и тронул за плечо Слишком Длинного Тимми. Он передал водителю свою винтовку. Затем Дэйв и Майк вышли из фургона и отошли по грязной тропке к углу какого-то фермерского двора, разговаривая более серьезно. Туз не знал, что именно они говорили, но прекрасно понимал, о чем шла речь. Они решали, что с ним сделать.

Он сидел на краю кровати, потя, как свинья, ожидая их возвращения. Слишком Длинный Тимми, развалившись в капитанском кресле Майка Корсона, держал в руке винтовку, направленную на Туза и качал головой. Очень невнятно до Туза доносились голоса Марвина Гая и Тамми Терелла, которые звучали у него в наушниках. Марвин и Тамми, бывшие в те дни в большой моде, пели «Моя ошибка».

Майк и Дэйв вернулись.

— Мы хотим дать тебе три месяца, чтоб уладить дело, — сказал Майк. Туз почувствовал прилив облегчения. — Мы больше заинтересованы в том, чтоб вернуть деньги, чем в твоей шкуре. Но есть и еще кое-что.

— Мы хотим расквитаться с Дюком Морином, — сказал Дэйв. — Это дерьмо уже тянется слишком долго.

— Это чуело замарало наше честное имя, — добавил Майк.

— Мы полагаем, что ты найдешь его, — продолжил Дэйв.

— Не хочешь ничего добавить, Очко в заднице? — спросил Майк, обращаясь к Тузу.

Туз ничего не мог добавить. Он был счастлив, что сможет дожить до воскресенья.

— Первое ноября — крайний срок, — закончил Дэйв. — Ты принесешь нам первого ноября деньги, и потом мы вместе отправимся к Дюки, но если нет, мы посмотрим, сколько кусочков можно от тебя отрезать, пока ты не отдашь концы.

8

Когда дела шли хорошо, Тузу удавалось сбывать за один раз около дюжины разнообразных крупнокалиберных игрушек, автоматических и полуавтоматических. Он потратил большую часть отпущенного ему времени, пытаясь превратить это оружие в наличные.

Если это ему удастся, он переведет наличные в кокаин. Если нужно срочно получить большую сумму, нет ничего лучшего, чем кокаин.

Но рынок оружия временно был переполнен; он продал половину своей коллекции, но ни одной крупной пушки, и это все. На второй неделе сентября он получил выгодное предложение в пивной в Левистоне. Клиент был что надо — он соглашался купить от шести до десяти автоматов. Туз был уверен, что в конце туннеля забрезжил свет.

Туз зашел в туалет, чтобы привести себя в порядок. Он поставил маленькое зеркальце, которое носил в кармане брюк на туалетный бочок и насыпал на него кок, когда из ближайшей кабины раздался голос. Туз никогда не слышал этого голоса и не мог узнать его; он знал только, что обладатель голоса спас его от пятнадцати лет в Федеральной тюрьме.

— У человека, с которым ты договариваешься, в кармане ракия, — сказал голос из кабины, и Туз вышел из туалета через заднюю дверь.

9

После этого прокола (такого с ним никогда не бывало, и Туз размышлял, удивляясь, откуда взялся этот невидимый информатор) Туза охватил странный паралич. Он боялся заключать сделки и только покупал немного кокаина для собственного потребления. Он никогда раньше не имел такого ощущения мертвой точки. Он ненавидел это чувство, но не знал, что с ним поделать. Ежедневно он заглядывал в календарь. Уже подкатывал ноябрь.

Этим утром он проснулся раньше обычного с мыслью, которая маячила в его голове, как странный голубой свет: он должен поехать домой... даже если это окажется ошибкой, перемена обстановки поможет уничтожить странный ступор в его мозгу.

В «Механик Фаллз» он был просто Джоном Мериллом, экс-мощником, живущим в лачуге с пластиком на окнах и картоном на двери. В Кастл Роке он всегда был Туз Мерилл, монстр, который прошел через ночные кошмары целого поколения ребятишек. В «Механик Фаллз» он был белый оборванец, чучело, которое имеет

«додж» и не имеет гаража, чтобы его поставить. В Кастл Роке он будет, хоть ненадолго, в роли короля.

Итак, он вернулся, и был здесь, а что дальше?

Туз не знал, что будет дальше. Город выглядел меньше, серее, безлюднее, чем он его помнил. Он подозревал, что где-то рядом находится Пэнгборн, любимый преемник Билла Фулертонa, который обязательно подойдет поговорить с тем, кто вернулся в город. Пэнгборн найдет его и станет спрашивать, чем он собирается здесь заняться. Он спросит, не хочет ли Туз получить работу. Он не может, да и не смог бы даже сказать, что приехал к родственникам, потому что его дядя сгорел вместе со своим магазином. Ну хорошо, Туз, скажет Пэнгборн, а почему бы тебе в таком случае не прыгнуть в машину и не рвануть отсюда?

И что тогда на это ответить?

Туз не знал — он знал только, что вспышка темно-синего света, которую он почувствовал, просыпаясь, все еще горит где-то внутри него.

Он увидел, что место, где должен находиться Универсальный магазин, все еще свободно. Здесь не было ничего, кроме сорняков, нескольких обугленных досок и прочего мусора. Битое стекло слепило глаза и вышибало слезу своими зайчиками. Тут было не на что смотреть, но Туз хотел осмотреть все. Он пересек улицу и почти дошел до другого конца, когда его взгляд приковала к себе вывеска: «НЕОБХОДИМЫЕ ВЕЩИ».

Что за странное название для такого магазинчика? Туз подошел, чтоб присмотреться. Он хотел посмотреть на пустырь, где некогда его дядя поставил свою приманку для туристов. Но сейчас здесь стоял другой магазин.

Первое, что бросилось ему в глаза, было объявление:

«ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩНИК».

Он мельком взглянул на него. Он толком не знал, зачем он вернулся в Кастл Рок, но уж не затем, чтобы стать подсобным рабочим в магазине.

Тут было множество достаточно отлично выглядящих безделушек из тех, что были бы ему по карману, если бы он проделал небольшую ночную работу в доме какого-нибудь богатого пижона. Шахматные фигурки в виде диких животных и ожерелье из черного жемчуга понравились Тузу, но он подумал, что жемчуг, видимо, искусственный. Он знал, что ни один из здешних провинциалов не может позволить себе ожерелье из настоящего черного жемчуга. Однако, работа хорошая; оно выглядит как настоящее, по крайней мере, на его взгляд. И... Туз посмотрел на лежащую рядом с жемчугом книгу сузившимися глазами. Она лежала так, что обложка была хорошо видна в витрине. На ней были изображены силуэты двух мужчин, стоящих в лунном свете у ямы. Один держал заступ, другой лопату. Они копали яму. Название гласило: «Пропавшие и Закопанные Сокровища Новой Англии». Фамилия автора была набрана ниже рисунка мелкими белыми буквами.

Это был Реджинальд Мерилл, его дядя.

Туз подошел к двери и попытался постучать. Она легко отворилась. Над ним звякнул колокольчик. Туз Мерилл вошел в магазин.

— Нет, — сказал Туз, глядя на книгу, которую мистер Гаунт снял с витрины и подал ему. — Это не то, что я хотел. Вы дали мне не ту.

— Но в витрине только одна книга, уверяю вас, — ответил мистер Гаунт озадаченным голосом. — Можете взглянуть сами, если вы не верите...

Туз посмотрел на книгу в витрине и слегка кашлянул.

— Нет, все в порядке, — сказал он.

Книга, которую протянул ему владелец магазина, была «Остров Сокровищ» Роберта Льюиса Стивенсона. Теперь Туз понял, что произошло — он держал в голове своего дядю, и это привело к недоразумению. Однако самое большое недоразумение было вернуться в Кастл Рок. Какого черта, мать его, он сделал это?

— Послушайте, у вас очень интересный магазин, но я должен идти. Увидимся в другой раз, мистер...

— Гаунт, — подсказал хозяин, протягивая руку. — Лиленд Гаунт.

Туз протянул свою руку навстречу. Мощная гальванизирующая сила, казалось, пронзила его в момент контакта. Его мозг вновь наполнился тем самым странным темно-синим светом; огромное, всепожирающее пламя поглотило его.

Он отдернул руку, пораженный, его колени подогнулись.

— Что это? — прошептал он.

— Я думаю, это называется привлечением внимания, — сказал мистер Гаунт. Он говорил совершенно спокойно. — Вы можете уделить мне время, мистер Мерилл?

— Откуда вы знаете мое имя? Я вам его не называл.

— О, я знаю, кто вы, — сказал мистер Гаунт с легким смешком. — Я ждал вас.

— Как вы могли ждать меня? Я сам еще не знал, поеду ли, пока не сел в эту чертову машину.

— Извините, пожалуйста, я на секунду.

Гаунт отступил к витрине, наклонился и поднял табличку, прислоненную к стене, затем снял табличку

«ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩНИК»

и повесил

«ЗАКРЫТО. ДЕНЬ КОЛУМБА».

— Зачем вы делаете это? — Туз почувствовал себя как человек, который подошел к проволочной изгороди, через которую пропущен электрический ток.

— Как хозяин магазина, я должен убрать объявление о наборе рабочей силы после того, как вакансии заполнена, — сказал мистер Гаунт, немного выделяя слова. — Мои дела в Кастл Роке идут в гору, и теперь я нуждаюсь в крепкой спине и сильной паре рук. Я сильно устаю.

— Да, но я...

— Мне также нужен водитель, — добавил мистер Гаунт. — Я думаю, вождение — ваша главная специальность; вашей первой работой, Туз, будет поехать в Бостон. У меня есть автомобиль, он в гараже. Я обрадую вас, это «такер».

— «Такер»? — на минуту Туз забыл, что он приехал в город не для того, чтобы наниматься на работу посыльным... или даже шофером, если на то пошло. — Вы хотите сказать, что как в том фильме?

— Не совсем, — ответил мистер Гаунт. Он прошел мимо прилавка, на котором стояла его старомодная кассовая машинка, достал ключ и открыл ящик. Он достал оттуда два небольших конверта. Один он положил на прилавок. Второй протянул Тузу. — Пожалуйста, ключи.

— Эй, погодите! Я говорю вам...

Глаза мистера Гаунта имели странный цвет, который Туз не мог определить, они сначала потемнели, затем блеснули. Туз почувствовал, что его колени опять ослабли.

— Вы сейчас стеснены, Туз, но если вы будете вести себя, как страус, засовывая голову в песок, я думаю, что потеряю к вам всякий интерес. Помощников продавца — тьма тьмущая. Я знаю, поверьте. Я нанимал их сотни за эти годы. Даже тысячи. Так что хватит выделяться и берите ключи.

Туз взял маленький конверт. Как только кончики его пальцев коснулись пальцев мистера Гаунта, темный и тяжелый мрак заполнил его голову. Он застонал.

— Вы отведете свою машину по адресу, который я вам дам, — продолжал мистер Гаунт. — И оставите ее там, где стоит сейчас моя машина. Я думаю, что вы вернетесь самое позднее к полуночи. Я считаю, что хорошо бы это сделать пораньше.

— Моя машина ездит быстрее, чем кажется на первый взгляд.

Он усмехнулся, показав все свои зубы.

Туз попробовал снова:

— Слушайте, мистер...

— Гаунт.

Туз кивнул, его голова качнулась вверх и вниз, как голова марионетки, управляемой кукловодом-новичком, наконец он сказал:

— При других обстоятельствах я бы стал у вас работать. Вы интересный... — это было не то слово, которое он хотел сказать, но лучшее из всех, что вертелись у него на языке. — Но вы правы, — я действительно вляпался, и если не найду большую кучу наличных за следующие две недели, то...

— Хорошо, а как насчет книги? — спросил мистер Гаунт. Его тон был удивленным и порицающим. — Разве не за этим вы вошли?

— Это не то, что я...

Он увидел, что все еще держит в руках книгу, и опять посмотрел на нее. Рисунок был тот же, но название стало прежним, каким он его видел в витрине: «Пропавшие и Зарытые Сокровища Новой Англии», автор Реджинальд Мерилл.

— Что же это? — сдавленным голосом спросил он. Но неожиданно понял. Он не в Кастл Роке вообще; он дома в «Механик Фаллз», лежит на грязной постели, и все это ему снится.

— Это выглядит, как книга, — сказал мистер Гаунт. — А как звали вашего дядюшку, не Реджинальд Мерилл? Какое совпадение.

— Мой дядя никогда в жизни ничего не писал, кроме расписок и векселей, — сказал Туз все тем же сдавленным, сонным голосом. Он опять взглянул на Гаунта, и обнаружил, что не может отвести взгляда. Глаза Гаунта продолжали менять цвет. Синие... серые... карие... черные.

— Хорошо, — произнес мистер Гаунт, — предположим, что имя на обложке — псевдоним. Предположим, что это я написал эту книгу.

— Вы?

Мистер Гаунт уперся пальцем в подбородок.

— Может быть, это вообще не книга. Может быть, все вещи, которые я продаю, вовсе не то, чем они кажутся. Может быть, это некие серые вещи, которые обладают одним замечательным свойством — принимают форму тех предметов, о которых мечтают мужчины и женщины.

Он сделал паузу, а затем продолжал.

— Может быть, это — сами мечты.

— Я ничего не понял, — сказал Туз.

Мистер Гаунт улыбнулся.

— Я знаю. Это не важно. Если ваш дядя действительно написал книгу, то могла ли она быть о спрятанных сокровищах? Можете ли вы сказать, что сокровища, закопанные в земле или спрятанные у кого-нибудь в кармане, интересовали его больше всего?

— Он любил деньги, конечно, — ответил Туз.

— Хорошо, и что с ними стало? — воскликнул мистер Гаунт. — Он оставил их вам? Конечно, оставил; разве вы не единственный наследник?

— Да он ни цента драного мне не оставил, — яростно выкрикнул Туз. — Все в городе знали, что старый ублюдок имел кучу денег, он их всю жизнь копил. Но после смерти на его счету осталось меньше пятисот долларов. Все это пошло на его похороны и заупокойную мессу. А когда вскрыли его сейф, вы знаете, что там нашли?

— Да, — сказал мистер Гаунт, и хотя его губы сохраняли серьезное, даже сочувственное выражение, — его глаза смеялись. — Книгу с торговыми марками.

— Точно! — сказал Туз. Он смотрел круглыми глазами на «Потерянные и Зарытые Сокровища Новой Англии». Беспокойство на время оставило его, и он добавил: — И все думали, что он богат, как Скрудж-Мак-мать-его-Дак, но он умер нищим.

— Может быть, он не доверял свои деньги банкам, — сказал мистер Гаунт. — Может быть, он закопал свои сокровища. Вы не думаете, что это возможно, Туз?

Туз открыл рот. Закрыл его. Открыл снова. И опять закрыл.

— Прекратите это, — сказал мистер Гаунт. — Вы выглядите, как рыба в аквариуме.

Туз посмотрел на книгу в своей руке. Он положил ее на прилавок и перелистал страницы, покрытые мелким шрифтом. Вдруг что-то выпало. Это был большой оборванный по краям лист серой бумаги, неровно сложенный, и он сразу узнал его — он был из магазина «Хемпфил Маркет». Как часто маленьким мальчиком он видел, как дядя доставал листы серой бумаги, в точности как этот, из-под

кассового аппарата. Как часто он наблюдал, как тот наносит на него цифры... и выписывает векселя?

Он развернул лист трясущимися руками.

Это была карта, это ясно, но сперва он ничего не мог на ней понять — это был набор линий, крестиков, окружностей и кривых.

— Что за дрянь?

— Нужная для вас вещь, которая поможет сосредоточиться, — сказал мистер Гаунт. — Вам это может помочь.

Туз поднял глаза. Мистер Гаунт положил маленькое зеркальце в витиеватой серебряной рамке возле кассы. Затем он открыл другой конверт, который он достал из ящичка, и насыпал на поверхность зеркальца порционную порцию кокаина. Опытным взглядом Туз сразу определил, что он был отличного качества. Он понял это сразу.

— Господи, — нос Туза начал ощущать зуд нетерпения, — это колумбийский?

— Нет, это специальный гибрид, — сказал мистер Гаунт. — Он поступает из долин Ленга.

Он достал из внутреннего кармана пиджака позолоченный ножик для вскрытия писем и разделил насыпанную порцию кокаина на несколько полос.

— Где этот Ленг? — спросил Туз.

— Далеко отсюда, — ответил мистер Гаунт, не поднимая глаз. — Не задавайте вопросов, Туз. Человек, который много задолжал, должен просто радоваться хорошим людям, которые встречаются на его пути.

Он положил нож на место и достал короткую стеклянную соломинку из того же кармана. Он протянул ее Тузу.

— Будьте моим гостем.

Соломинка была на удивление тяжелой. Это не стекло, а скорее какой-то сорт камня или кристалла, подумал Туз. Он с сомнением посмотрел на зеркало. А если у этого старика СПИД, или что-нибудь в этом роде?

«Не задавайте вопросов, Туз. Человек, который много задолжал, должен просто радоваться хорошим людям на своем пути».

— Аминь, — вслух сказал Туз и втянул воздух. Его голова наполнилась чем-то бананово-лимонным на вкус, какой всегда имеет хороший кокаин. Он был мягким и в то же время резким. Он почувствовал, что его сердце начало учащенно биться. Одновременно его мысли резко сфокусировались и сосредоточились. Он вспомнил, что говорил ему один тип вскоре после того, как он пристрастился к этой дряни: «Вещи имеют много имен, когда ты напичкан кокаином. Очень много имен».

Он не понял это тогда. Но, кажется, понял сейчас.

Он предложил соломинку Гаунту, но тот покачал головой.

— Никогда раньше пяти, — сказал он. — Но ты наслаждайся, Туз.

— Спасибо, — ответил тот.

Он опять взглянул на карту и увидел, что может превосходно читать ее. Эти две линии и крестик между ними, конечно же, Тин Бридж, и как только он понял это, все стало на свои места.

Загогулина между линиями, пересекающая их до самой вершины листа, — это дорога 117. Маленький кружок с большим кругом вокруг — ферма Гавиньюкс: большой круг — коровник. Все приобрело смысл. Было ясно и четко, и искристо, как свежая кучка порошка, который этот непонятный хлыщ достал из маленького конвертика.

Туз вновь наклонился над зеркальцем.

— Стреляй, когда будешь готов, — пробормотал он и втянул в себя еще две полоски наркотика. Бах! Трах! — Боже, какая сильная дрянь, — сказал он.

— Да, недурна, — серьезно согласился мистер Гаунт.

Туз поднял глаза, неожиданно уверенный, что этот человек смеется над ним. Но лицо мистера Гаунта было серьезным и ясным.

Туз опять склонился над картой.

Теперь он увидел крестики. Их здесь было семь — нет, даже восемь. Один относился к заброшенной земле, принадлежавшей старому Треблехорну... После того как старик Треблехорн умер, прошло пять лет, и разве не было разговоров, что дядя Реджинальд должен заполучить большую часть земли в уплату за долги?

А вот еще один, на углу Нейче Консерванси, с другой стороны Кастл Вью, если он правильно ориентируется. Вот два крестика на дороге номер три возле кружка, означающего, видимо, местоположение фермы старого Джо Камбера. Еще два на земле, предположительно занимаемой Даймонд Матч, на запад от Кастл Лайк.

Туз смотрел на Гаунта дикими, налитыми кровью глазами.

— Он действительно зарыл свои деньги? Что означают эти крестики? Это, правда, места, где он зарыл деньги?

Мистер Гаунт грациозно поднял плечи.

— Уверяю вас, что я не знаю. Выглядит логично, но логика часто имеет мало общего с поведением людей.

— Но это должно быть так, — заявил Туз. Он был неистов и возбужден от переполнявшего его кокаина; он чувствовал, как стопка монет падает в его руку и звенит. Его желтоватое лицо, покрытое рубцами от угрей, потемнело от прилива крови.

— Это должно быть так! Все эти крестики, это... все это — его состояние! Вы видите? Он мог вложить это сюда в надежде, или как это там, мать его... что никто не купит ее...

Он втянул остаток кокаина с зеркала и наклонился над прилавком. Его расширенные, налитые кровью глаза сверкали на лице.

— Я буду больше чем просто дырка в заднице, — прошептал он низким, дрожащим голосом. — Я буду чертовски богат.

— Да, — сказал мистер Гаунт, — я думаю, что у вас есть хорошая возможность. Но помните вот об этом, Туз. — Он прижал большой палец к стене и указал на надпись:

**«РАСХОДЫ НЕ ВОЗМЕЩАЮТСЯ
И ТОВАР НЕ ОБМЕНИВАЕТСЯ».**

Туз посмотрел на табличку.

— Что это значит?

— Это значит, что вы не первый, кто думает, что он нашел ключ к великому богатству в старой книжке, — ответил мистер Гаунт. — Это также означает, что мне все еще нужен помощник и водитель.

Туз посмотрел на него испуганно. Затем рассмеялся.

— Вы дурачите меня? — он указал на карту. — А у меня полно работы.

Мистер Гаунт сделал сожаляющий жест, сложил листок серой бумаги, вновь вложил его в книгу и положил книгу в ящик под кассой. Он сделал это с непостижимой ловкостью.

— Эй! — крикнул Туз. — Что вы делаете?

— Я только что вспомнил, что один покупатель уже заказал у меня эту книгу, мистер Мерилл. Простите. И я, действительно, закрыт — сегодня ведь День Колумба, вы знаете.

— Минутку!

— Конечно, если бы вы хотели получить работу, я уверен, можно было бы помочь. Но я вижу, что вы очень заняты; вы, несомненно, должны привести свои дела в порядок, прежде чем братья Корсон отправят вас к праотцам.

Рот Туза опять начал открываться и закрываться. Он пытался припомнить, где находились маленькие крестики, и понял, что не может этого сделать. Все в памяти стерлось. В его мозгу все слилось в один большой крест, тот крест, который можно увидеть на кладбище.

— Хорошо! — закричал он. — Хорошо, я берусь за эту вашу дерьмовую работу!

— В таком случае, я думаю, что могу продать вам книгу, — сказал мистер Гаунт. Он вытащил ее из ящичка и проверил чек. — Она будет стоить полтора доллара. — Его редко посаженные зубы обнажились в широкой акульей улыбке. — Пожалуйста, доллар тридцать пять, со скидкой для работников магазина.

Туз вытащил бумажник из заднего кармана, выронил его, и чуть не ударился головой об угол стеклянного шкафа, пытаясь его поймать.

— Но я должен буду взять выходной.

— Разумеется.

— Потому, что мне предстоит некоторые земляные работы.

— Конечно.

— Времени мало.

— Вы очень умны, если понимаете это.

— А если это сделать после того, как я вернусь из Бостона?

— А вы не устанете?

— Мистер Гаунт, я не могу позволить себе устать.

— Я могу помочь вам в этом, — сказал мистер Гаунт. Его улыбка стала еще шире, так что зубы выступили вперед, как у черепа. — Я могу дать вам немного подъемных, вот что я имею в виду.

— Что? — переспросил Туз, раскрыв глаза. — Что вы сказали?

— Повторите, пожалуйста.

— Ничего, — ответил Туз. — Пустяки.

— Хорошо. Ключи, что я вам дал, у вас?

Туз был удивлен, обнаружив, что сунул конверт с ключами в свой задний карман.

— Отлично, — мистер Гаунт выбил 1.35 на старом кассовом аппарате, взял 5-долларовую бумажку, которую Туз положил на прилавок, отсчитал три доллара шестьдесят пять центов сдачи. Туз взял их, как во сне.

— Теперь, — продолжал мистер Гаунт, — разрешите дать вам кое-какие инструкции. И запомните то, что я вам скажу: я хочу, чтобы вы вернулись к полуночи. Если вы не вернетесь к этому времени, я буду огорчен. А когда я огорчен, я бываю не в настроении, и вам было бы неуютно находиться рядом со мной, если это случится.

— Вы начинаете угрожать? — спросил Туз посмеиваясь.

Мистер Гаунт посмотрел на него с насмешливой жестокостью, так что Туз отступил на шаг.

— Да, — ответил он. — Именно это я и делаю, Туз. Я угрожаю. Имейте это в виду.

Туз имел это в виду.

11

Было четверть одиннадцатого, и Алан как раз собирался спуститься к Нэни и быстренько перехватить чашку кофе, когда Шейла Бригхэм позвонила ему.

— Сонни Джекет на первой линии, — сказала она, — он хочет говорить только с Аланом, и ни с кем больше. Алан поднял трубку:

— Привет, Сонни, чем обязан?

— Привет, — сказал Сонни со своим протяжным акцентом. — Я не хочу доставлять беспокойство твоему ведомству после того, как ты помог мне вчера, но я думаю, что твой старый друг вернулся в город.

— Кто такой?

— Туз Мерилл. Я видел, как он запарковался выше по улице.

«О, черт! Что дальше», — подумал Алан.

— Ты его видел?

— Нет, но его автомобиль невозможно спутать. Ярko-зеленый «додж челленджер», такой, который детишки называют «Толкателем». Я видел его на площади.

— Хорошо, спасибо, Сонни.

— Не за что. Как ты думаешь, зачем этот тип вернулся в Кастр Рок, Алан?

— Не знаю, — ответил Алан и, вешая трубку, подумал: «Но, мне кажется, лучше это узнать».

12

Рядом с зеленым «челленджером» было свободное место. Алан установил номер первый рядом и вышел. Он увидел Фулертон и Генри Гендрона, которые смотрели на него через витрину парикмахерской раскрытыми от удивления глазами и махали руками. Алан кивнул и пересек улицу. Вилма Ежик и Нэтти Кобб убили друг друга на углу улицы, а тут на следующий день приезжает этот Туз, подумал он. Город превращается в цирк.

Когда он дошел до противоположного тротуара, он увидел, что Туз выходит прогулочным шагом из-под тени навеса над магазином «Необходимые вещи». Туз что-то нес в руке. Сначала Алан не понял

что это, а когда Туз приблизился, он не поверил своим глазам. Туз Мерилл не принадлежал к тому типу людей, которых можно увидеть с книгой в руках.

Они двигались навстречу друг другу.

— Привет, Туз! — сказал Алан.

Туз даже не выказал удивления, увидев его. Он достал защитные очки из кармана, раскрыл их одной рукой и нацепил на нос.

— Так, так, так! Как делишки, босс?

— Что ты делаешь в Кастл Роке? — спросил Алан.

Туз посмотрел на небо с преувеличенным интересом. Маленькие солнечные зайчики заплясали на линзах его очков.

— Хороший день для путешествий, — сказал он. — Солнечно.

— Прекрасный, — согласился Алан. — У тебя линзы в порядке, Туз?

Туз посмотрел на него укоризненно.

— А мог бы я водить, если нет? Это было бы незаконно, не так ли?

— Я думаю, это не ответ.

— Я проверялся, когда меня выпустили, — ответил Туз. — Я стерильно законен. Ну как, босс, а это ответ?

— Может быть, я проверю сам, — Алан протянул руку.

— Как я вижу, вы мне не верите! — воскликнул Туз. Он говорил все тем же шутливо-дразнящим тоном, но Алан почувствовал в нем гнев. — Скажем так, я из Миссури.

Туз переложил книжку в левую руку, чтобы правой достать бумажник из заднего кармана. Алан смог лучше разглядеть обложку. Это был «Остров сокровищ» Роберта Льюиса Стивенсона.

Он посмотрел права. Они были подписаны и действительны.

— Документы на машину в секции для перчаток, если хотите, перейдем улицу и посмотрим, — сказал Туз.

Алан услышал более отчетливый гнев в его голосе, а также прежнюю наглость.

— Я поверю тебе на этот раз, но почему ты не отвечаешь, зачем опять вернулся в город?

— Я вернулся посмотреть на это, — сказал Туз и указал рукой на пустырь. — Я сам не знаю зачем, но я сделал это. Сомневаюсь, что вы мне поверите, но в том то и дело, что это правда.

Как ни странно, Алан верил ему.

— Я вижу, ты купил книжку.

— Я умею читать, — сказал Туз. — Вы не верите?

— Хорошо, хорошо, — Алан засунул за пояс большие пальцы. — Ты сюда прикатил и книгу купил.

— Вы поэт, и не знаете этого.

— Хорошо, что подсказал мне это, Туз. А если теперь я попрошу тебя уехать из города?

— А если я не захочу? Вы не найдете ничего, чтобы пришить мне. В вашем словаре есть слово «реабилитация», шериф Пэнгборн?

— Да, — ответил Алан. — Но оно не относится к Тузу Мериллу.

— Не хотите ли вы выдворить меня?

— Пока нет. Когда захочу, ты узнаешь об этом.

Туз снял очки.

— Вы, легавые, никогда не успокоитесь, так? Вы никогда... вашу мать... не отцепитесь.

Алан ничего не ответил.

Через секунду Туз, казалось, снова обрел прежнюю уверенность. Он опять надел очки.

— Вы знаете, — сказал он, — я думаю, что я уеду. Я знаю, куда ехать и зачем ехать.

— Хорошо. Занятые руки — счастливые руки.

— Но если я захочу вернуться, я вернусь. Вы меня слышите?

— Я слышу тебя, Туз, и хочу сказать, что вряд ли это будет мудрое решение. Ты меня понял?

— Не надо меня пугать.

— Если не послушаешься меня, — сказал Алан, — то ты глупее, чем я думал.

Туз посмотрел на Алана сквозь темные стекла очков и засмеялся. Алан не ошибся в этом звуке, это был скрипучий смешок, странный и неискренний. Он стоял и смотрел, как Туз пересекает улицу, открывает дверцу машины и садится в нее. Секундой позже двигатель взревел, из выхлопных труб вырвался дым, и Туз рванул с места. Люди останавливались на улице, провожая его взглядами.

— У него неисправный глушитель, — подумал Алан, — придется ему напомнить об этом.

Но в чем же дело? Ему доводилось ловить и более крупную рыбу, чем Туз Мерила, который оставлял город. Он надеялся, что навсегда.

Он смотрел, как зеленый «челленджер» сделал запрещенный разворот на Мэйн-стрит, и направился к Кастр Стрим и к городской черте. Затем он повернулся и внимательно посмотрел на зеленую вывеску. Туз вернулся в свой старый город и купил книжку — «Остров сокровищ», если быть точным. Он купил ее в «Необходимых вещах».

«Я считал, что этот магазин сегодня закрыт, — подумал Алан. — Интересно, что там у них на вывеске?» Он перешел улицу, чтобы посмотреть. Он не ошибся насчет вывески, она гласила:

«ЗАКРЫТО. ДЕНЬ КОЛУМБА».

Если он встретился с Тузом, то, может быть, он встретится и со мной, подумал Алан и резко поднял руку, чтобы постучать. Но раньше чем он опустил ее, пуговица, зацепившись за ремень, отскочила. Алан нагнулся за пуговицей, а потом постоял перед дверью еще минуту... но он не знал, что собирается делать. Если ты адвокат или бизнесмен, то ты можешь проигнорировать отскочившую пуговицу, но если ты шериф округа, лицо выборное, а не назначаемое, тут уже не может быть вопросов.

Алан повернулся и пересек тротуар, затем остановился и быстро оглянулся назад. Он чувствовал себя как участник игры «Красный свет», целью которой является заставить другого игрока в движении, поворачиваясь к нему спиной. Чувство, что за ним следят, возросло и стало очень сильным. Он был уверен, что видел движение серой тени за дверью мистера Гаунта.

Но никого не было. Магазин просто сверкал под неестественно жарким октябрьским солнцем, и если бы он не видел выходящего

Туза своими собственными глазами, он мог бы поклясться, что там никого нет, несмотря на чувство слежки.

Он подошел к своему автомобилю, нагнулся, чтобы взять микрофон, и включил рацию.

— Звонил Генри Пэйтон, — сообщила ему Шейла. — Он уже получил предварительное заключение о Нэтти Кобб и Вилме Ежик от Генри Райана. Пока?

— Да, пока.

— Генри сказал, если он будет нужен, он будет у себя до обеда.

— Отлично. Я сейчас на Мэйн-стрит. Я еду прямо сейчас.

— О, Алан?

— Да?

— Генри еще спросил, получим ли мы факс до конца столетия, чтобы он просто мог послать копии этого дела, а не звонить постоянно и зачитывать их тебе?

— Скажи ему пусть напишет письмо председателю городского управления, — ответил Алан раздраженно. — Я не составляю бюджет, и он это прекрасно знает.

— Да, ладно, я просто передала то, что он мне сказал, и не нужно ворчать.

Алан подумал, что Шейла сама ворчит.

— Конец связи, — сказал он.

Он залез в машину и включил стартер. Взглянув в эту минуту на здание банка, он увидел, что цифровое табло показывает 10.50 и температуру 42. Боже, мы этого не перенесем, подумал он, весь город сойдет с ума от этой жары.

Алан в задумчивости повел машину к зданию муниципалитета. Он не мог отделаться от чувства, что в Кастл Роке что-то происходит, что-то такое, что может выйти из-под контроля. Это было безумно, конечно, чертовски безумно, но он не мог от этого отделаться.

Глава 13

1

Городские школы были закрыты на выходной, но Брайан Раск не смог бы выйти, даже если бы они были открыты.

Брайан был болен.

Это была не физическая болезнь, не корь и не куриная слепота, и даже не диарея, наиболее оскорбительная и изнурительная из всех. Не было это и психическим заболеванием, точнее, хотя его рассудок и был вовлечен, но казалось, что это был лишь побочный эффект. Та часть его существа, которая была больна, располагалась глубже, чем сознание; она была недоступна иглам докторов и микроскопам. Он всегда был веселым ребенком, но это веселье сейчас уходило, похороненное под тяжелыми слоями грозowych туч.

Тучи начали собираться в тот день, когда он бросил грязью в простыни Вилмы Ежик. Они сгустились, когда к нему во сне явился мистер Гаунт, одетый в форму джоджера, и сказал ему, что нужно

расплатиться за открытку Сэнди Коуфакса... Но тучи еще не полностью закрыли небо, когда он спустился к завтраку в это утро.

Его отец, одетый в серую робу, которую он носил, работая в компании «Дик Перри Сайдинг и Доор», в Южном Париже, сидел на табурете, раскрыв перед собой «Пресс-Геральд».

— Чертовы «Патриоты», — проворчал он через свою газетную баррикаду. — Когда, черт их возьми, они найдут себе нападающего, который сможет забрасывать эти idiotские мячи?

— Не ругайся при ребенке, — сказала Кора из-за стенки, но она говорила без своей обычной напористости, ее голос звучал отдаленно и озабоченно.

Брайн проскользнул на свой стул и полил молоком кукурузные хлопья в своей чашке.

— Эй, Брай! — весело сказал Шон. — Пойдем сегодня в город? Поиграем в видеоигры?

— Может быть, — ответил Брайан. — Я подумую.

И тут он увидел заголовок на первой странице газеты и замолчал.

«СМЕРТЕЛЬНАЯ СХВАТКА ДВУХ ЖЕНЩИН В КАСТЛ РОКЕ».

«Это была дуэль», утверждают источники, близкие к полиции штата».

Тут же были фотографии двух женщин. Брайан узнал обеих. Одна из них была Нэтти Кобб, которая жила за углом на Форд-стрит. Мама говорила, что она чокнутая, но к Брайану она всегда хорошо относилась. Он пару раз останавливался, чтобы погладить ее собаку, когда она выгуливала ее, при этом Нэтти выглядела довольно симпатично.

Вторая женщина была Вилма Ежик.

Он поковырял ложкой в своих хлопьях, но есть не стал. Когда отец ушел на работу, Брайан выбросил остывшие хлопья в мусорное ведро и поднялся в комнату. Он ждал, что мать придет к нему, чтобы поругать за хлопья, которые он выбросил, тогда как дети в Африке голодают. Она считала, что упоминание о голодающих детях улучшает аппетит. Но этого не случилось; казалось, она сама потерялась в своем собственном мире этим утром.

Шон, однако, был уже здесь, донимая его, как всегда.

— Ну что скажешь, Брай? Пойдем в город? Да? — он почти приплясывал, перескакивая с одной ноги на другую, в нетерпении. — Мы будем играть в видеоигры, может быть, заглянем в новый магазин с его витриной...

— Отстань от меня! — выкрикнул Брайан, и его маленький братишка остановился, глядя расстроено и обиженно.

— Ну, — сказал Брайан. — Извини. Но ты не должен ходить туда, Шон. Это место затягивает.

Нижняя губа Шона задрожала.

— А Кевин Пелки сказал...

— Кому ты веришь? Этому дурачку или собственному брату? Это плохо, Шон. Это... — Он облизал губы и затем добавил, как будто дошел до самого дна истины: — Это плохо.

— Да что с тобой? — спросил Шон. Его голос был дрожащим и плаксивым. — Ты все выходные ведешь себя как дурачок! И мама тоже!

— Я не очень хорошо себя чувствую, вот и все.

— Ладно, — решил Шон и улыбнулся. — А может, от видеоигры тебе станет лучше. Мы можем играть в «Авиарейс», Брай! У них появились «Авиарейс»! Ты сидишь внутри, а все качается, взад и вперед! Так здорово!

Брайан быстро оценил это предложение. Нет. Он не может представить себе, что выйдет в город, в видеозал. Только не сегодня; может быть, даже никогда больше. Все другие дети могут быть там — сегодня, скорее всего, будет очередь на хорошую игру Авиарейс, но он отныне не такой, как все, навсегда будет не таким.

Кроме всего прочего, у него есть открытка Сэнди Коуфакса за 1966 год.

Но он хотел сделать приятное Шону, что-нибудь такое, что могло хотя бы частично загладить то непоправимое зло, которое он причинил Вилме Ежик. Поэтому он сказал Шону, что они пойдут играть после обеда, но нужно взять немного денег. Брайан вытряхнул их из своей большой пластиковой бутылки.

— Ух, ты! — выдохнул Шон, округлив глаза. — Да здесь восемь... девять... десять четвертаков! Слушай, да ты, наверное, правда болен!

— Да, должно быть так. Радуйся, Шон. И не говори маме, а то она заставит тебя вернуть их.

— Она у себя в комнате, мурлычет что-то в своих черных очках, — сказал Шон, — она даже не знает, живы ли мы.

Он на секунду замолчал и добавил.

— Я не люблю ее темные очки. Они такие противные.

Он посмотрел на брата пристальнее.

— Ты, действительно, неважно выглядишь, Брай.

— Я плохо себя чувствую, — доверительно сказал Брайан. — Я думаю, мне лучше лечь.

— Ладно... Я подожду, пока тебе станет лучше, — Шон потряс монеты в пригоршне.

— Хорошо, — сказал Брайан и мягко закрыл дверь за своим маленьким братишкой.

Но он не почувствовал облегчения. Наступал день, а он начинал чувствовать себя хуже и хуже. Он думал о мистере Гаунте... Он думал о Сэнди Коуфаксе. Он думал об этом заголовке — «Смертельная схватка двух женщин в Кастл Роке». Он подумал об этих фотографиях, знакомых лицах, vyplывающих из набора черных точек.

Один раз он почти заснул, как вдруг в спальне родителей зазвучал магнитофон.

Мама опять завела любимого Элвиса-45.

Она это делала весь уик-энд.

Мысли закружились в голове Брайана, как частички пыли в циклоне.

«СМЕРТЕЛЬНАЯ СХВАТКА».

«Ты знаешь, говорят, что ты высший класс... но это попросту ложь».

Это была дуэль

СМЕРТЕЛЬНАЯ: Нэтти Кобб, дама с собакой.

«Ты даже не можешь поймать кролика...»

Если ты имеешь дело со мной, запомни две вещи

СХВАТКА: Вилма Ежик, дама с простынями.

Мистер Гаунт знает лучше...

«...Мы не друзья».

...И дуэль не состоится, пока мистер Гаунт не СКАЖЕТ, что она должна состояться.

В голове снова проносились эти мысли, вселяя ужас и растерянность, под звуки золотых хитов Элвиса Пресли. В полдень желудок Брайана сжали спазмы. Он сбежал вниз в ванную, в конце зала, на подгибающихся ногах, закрыл дверь и его вырвало в унитаз. Он старался не шуметь. Мать ничего не слышала. Она все еще была в своей комнате, где Элвис пел ей, что хочет быть ее медвежонком.

Когда Брайан медленно брел обратно в комнату, чувствуя себя еще более разбитым и уставшим, его вдруг пронзила ужасная мысль: открытка Сэнди Коуфакса пропала. Кто-то стащил ее прошлой ночью, когда он спал. Он из-за этой открытки стал соучастником убийства, и вот она пропала.

Он бросился бежать, чуть не поскользнулся на полу своей спальни и схватил альбом бейсбольных открыток со столика. Он быстро и лихорадочно листал страницы. Но открытка — та самая — была здесь; ее знакомое лицо смотрело на него из-под пластикового конверта последней страницы. Она еще здесь, и Брайан почувствовал, как его захватывает чувство полного расслабления.

Он вытащил открытку из конверта, вернулся к кровати и лег, держа ее в руке. Он не представлял себе, как сможет положить ее обратно. Это было та вещь, о которой он мечтал во сне. Единственная вещь. Он не мог поверить, что она была его собственностью. Если бы он мог вернуть к жизни Вилму Ежик и Нэтти Кобб, и для этого нужно было сжечь открытку, то он, конечно, сразу же побежал бы за спичками (по крайней мере, он так думал), но он не мог оживить их. Поэтому мысль о потере открытки казалась ему нестерпимой.

Так он держал открытку в руке и глядел на потолок, слушая приглушенный голос Элвиса, который запел «Деревянное сердце». Неудивительно, что Шон обратил внимание на то, что Брайан плохо выглядит. Его лицо было бледно, а глаза запали и были тусклыми и безжизненными. Но сердце его, действительно, одеревенело, так ему казалось.

Внезапно к нему пришла действительно ужасная мысль, которая прошла темноту его мозга пугающим, быстротечным блеском кометы: его видели!

Он сел на кровати, выпрямился и с ужасом уставился на свое отражение в зеркале на закрытой двери. Яркий зеленый плед! Яркий зеленый платок поверх бигудей! Мисс Мислабурски!

— Что там происходит, малыш?

— Я точно не знаю. Я думаю, что миссис и мистер Ежик ссорятся.

Брайан встал с кровати и подошел к окну, почти уверенный в том, что сейчас увидит шерифа Пэнгборна, который едет по улице на полицейской машине именно в эту минуту. Его еще нет, но он скоро будет. Потому что если две женщины убили друг друга в смертельной схватке, то должно быть расследование. Когда допросят

мисс Мислабурски, она скажет, что видела возле дома Ежик мальчишку. И этот мальчишка, скажет она шерифу, Брайан Раск.

Внизу зазвонил телефон. Мать не поднимет трубку, потому что она в спальне. Она как раз начала подпевать музыке. Наконец трубку взял Шон.

— Кто это?

Брайан хладнокровно подумал: «Он найдет меня. Я не умею лгать. Я даже не сумел соврать мисс Лерикс, когда разбил вазу в ее комнате. Они найдут меня и посадят в тюрьму за убийство».

Тут впервые Брайан подумал о самоубийстве. Эта мысль не была навеяна романтикой и не являлась плодом воспаленного мозга; она была спокойна и рациональна. Его отец держит в гараже ружье, и в этот момент ружье оказалось очень кстати. Ружье казалось правильным ответом на все вопросы.

— Брайа-а-ан! Телефон!

— Я не буду говорить со Стэном, — ответил он. — Скажи ему, что я приду завтра!

— Это не Стэн! — прокричал Шон. — Это кто-то взрослый!

Огромные ледяные щупальца сжали сердце Брайана. Это он — шериф Пэнгборн — у телефона.

«Брайан? Я хочу задать тебе несколько вопросов. Это очень серьезные вопросы. Я думаю, тебе придется на них ответить. Я приеду и заберу тебя. Я приеду на полицейской машине. Очень скоро твое имя будет в газетах, Брайан, и твою фотографию покажут по телевизору, и все твои друзья увидят ее. И твои родители увидят ее, и твой маленький братишка. А когда они увидят ее, человек из новостей скажет: «Это Брайан Раск, мальчик, который содействовал убийству Вилмы Ежик и Нэтти Кобб».

— К-к-то там? — спросил он слабым голосом.

— Не знаю! — раздраженно ответил Шон, потому что телефонный звонок оторвал его от телевизора. — Он сказал Кровфикс, или как-то так.

— Кровфикс?

Брайан стоял в дверном проеме, в висках у него стучало.

— Не Кровфикс.

— Коуфакс.

Ему звонил Сэнди Коуфакс. Брайан знал это. Он спустился по лестнице на подкосившихся ногах. Телефонная трубка весила, по крайней мере, фунтов пятьсот.

— Здравствуй, Брайан, — мягко сказал мистер Гаунт.

— Зд-дравствуйте, — ответил Брайан все тем же сдавленным голосом.

— Тебе не о чем волноваться, — сказал мистер Гаунт. — Когда мисс Мислабурски увидела тебя возле дома, она спросила тебя, что там происходит, правильно?

— Откуда вы это знаете? — Брайан был потрясен.

— Это неважно. Важно то, что ты все сделал правильно, Брайан. Ты сказал, что мистер и миссис Ежик сороятся. Если полиция найдет тебя, то они решат, что ты просто слышал, как кто-то кидал камнями. Они подумают, что ты не видел этого человека, так как он был с другой стороны дома.

Брайан посмотрел через дверь гостиной, не подслушивает ли Шон. Тот был занят: он сидел, скрестив ноги перед телевизором, с кульком жареного поп-корна.

— Я не умею врать! — прошептал он в трубку. — Всегда видно, когда я говорю неправду!

— Не в этот раз, Брайан, — успокоил его мистер Гаунт. — В этот раз ты будешь врать, как чемпион.

И самое ужасное было то, что Брайан понимал, что мистер Гаунт знает обо всем лучше него.

2

Пока старший сын размышлял о самоубийстве, а затем шептался тихим, расстроенным голосом по телефону с мистером Гаунтом, Кора Раск тихо танцевала в своей спальне в домашнем халате.

Только это была не спальня.

Когда она надевала темные очки, которые ей продал мистер Гаунт, она оказывалась в Благословенной Стране.

Она танцевала в сказочных залах, по которым распространялся запах духов, в залах, где единственными звуками были шум кондиционеров (в Благословенной Стране почти никто не открывал окон; они были забиты и заперты), шорох ее ног, обутых в мягкие ворсистые тапочки, и пленительный голос Элвиса, поющего «Моя Мечта Сбывается». Она танцевала вокруг огромных канделябров из французского хрусталя и в столовой, вокруг огромных стеклянных павлинов. Ее ноги скользили по ярко-голубым вельветовым коврам. Мебель была в стиле Французской Провинции. Стены были кроваво-красными.

Сцена менялась, как в замедленном кино, и Кора обнаруживала, что находится в подземной пещере. Тут были рогатые головы животных, висящие на одной стене, и стопки оправленных в золото грампластинок возле другой. На третьей мерцал чистый телеэкран. Вдоль длинной искривленной скамейки стояли полки, уставленные флаконами: апельсиновый, липовый, лимонный запахи.

Музыкальный автомат на старом портативном проигрывателе с портретом Короля тихо шелкнул. Опустился следующий диск. Элвис запел «Голубые Гавайи», и Кора закружилась в зале, где были джунгли с их сердитыми богами, вокруг кушетки с огромными подлокотниками, у зеркала в оправе, украшенной павлиньими перьями.

Она танцевала. В темных очках, купленных в «Необходимых вещах». Она танцевала в Благословенной Стране, в то время как ее сын поднялся наверх, лег в кровать и посмотрел на узкое лицо Сэнди Коуфакса. Он стал размышлять об алиби и об охотничьих ружьях.

3

Средняя школа Кастл Рока представляла собой красное кирпичное строение между почтамтом и библиотекой, построенное в то время, когда отцы города вдруг поняли, что не будут чувствовать себя комфортно, пока не соорудят школу, похожую на исправитель-

ное заведение для малолетних преступников. Здание было построено в 1926 г. и с успехом воплотило этот замысел. С каждым годом город все ближе подбирался к решению построить новое здание, в котором были бы настоящие окна вместо бойниц, площадка для игр, которая не напоминала бы площадку для прогулок в тюрьме, и настоящие классы, которые бы не вымерзали зимой.

Кабинет логопеда Салли Рэтклифф находился в подвальном помещении, зажатый между котельной и кладовкой, забитой стопками тетрадей, мелом, учебниками и бочонками с ароматными, рыжими опилками. Из-за ее стола и шести маленьких ученических парт в кабинете нельзя было повернуться, но Салли старалась сделать все возможное, чтобы он стал уютным. Она знала, что большинство ребятишек, которые попадают в кабинет логопеда, заикающиеся, шепелявящие, застенчивые, — это запуганные, несчастные создания. Они страдают из-за того, что их дразнят сверстники и третируют родители. Не нужно, чтобы помещение давило на них своей тяжестью.

К пыльному потолку были подвешены две подвижные фигуры, на стенах висели плакаты рок- и телезвезд, а на двери — огромный портрет Гарфилда. Слова на пузыре, вылетающем из губ Гарфилда, гласили: «Если уж я, такой толстый кот, могу произносить эту чушь, то вы и подавно сможете!».

Ее папки с записями были полны, несмотря на то, что занятия в школе начались только пять недель тому. Она собиралась провести весь день, пополняя их новыми данными, но в четверть второго Салли сгребла их все в охапку и засунула назад в шкаф, откуда утром с таким рвением доставала. Она говорила себе, что закончила так рано потому, что день слишком хорош, чтобы его остаток проводить в подвале. Однако это не было полной правдой — у нее были вполне определенные планы.

Она собиралась поехать домой, сесть в кресло у окна так, чтобы солнце падало на ее колени, и начать медитировать над этим невероятным кусочком дерева, который она купила в «Необходимых вещах».

Она все более и более убеждалась, что этот кусочек был ее собственным миражом, тем единственным маленьким, предсказанным сокровищем, которые Бог рассыпал по земле для своих истинных почитателей. Держать его — было равносильно погружению в прохладную воду в знойный полдень. Держать его — это то же, что, умирая от голода, получить кусок хлеба. Держать его — это то же, что...

Да, держать его — это было настоящим экстазом.

И в то же время ее что-то раздражало. Она держала этот кусочек в нижнем отделении своего шкафа, вместе с бельем. Уходя, она тщательно заперла дверь, но ее не оставляло ужасное, паническое чувство, что кто-нибудь может забраться в дом и украсть

(реликвию, святую реликвию)

эту щепку. Она понимала, что в этом нет смысла — какой грабитель соблазнится старой потемневшей щепкой, даже если наткнется на нее? Но грабитель может случайно коснуться ее... и если эти звуки и образы возникнут в его голове так же, как они

возникают у нее всякий раз, когда она сжимает щепку в своем кулачке... то...

Она пойдет домой, переоденется в шорты и около часа посидит спокойно размышляя и чувствуя, как пол под ее ногами превращается в качающуюся палубу, вслушиваясь в мычание, блеяние и другие звуки, издаваемые животными, ощущая свет совсем другого солнца, и ожидая волшебного момента — она была уверена, что он наступит, если она будет держать щепку достаточно долго, если будет сидеть очень тихо и прилежно молиться, тогда нос огромной, тяжелой лодки упрется с глухим скрежетом в подножие горы. Она не знала, почему Бог обратил на нее свою благосклонность, на нее одну из множества верующих, и подарил ей этот яркий и манящий мираж, но с тех пор как он сделал это, Салли хотела постичь его во всей полноте.

Салли вышла через боковую дверь и пересекла игровую площадку, направляясь к парковке. Она была высокая, привлекательная девушка, белокурая и длинноногая. В парикмахерской, куда обычно ходила Салли Рэтклифф, покачиваясь на низких каблучках, со своей сумочкой в одной руке и Библией в другой, было много разговоров о ее ногах.

— Бог ты мой, да у этой куколки ноги растут прямо от подбородка, — сказал однажды Бобби Дугас.

— Пусть они тебя не беспокоят, — ответил ему Чарли Фортэн. — Ты уж никогда не почувствуешь, как они обхватывают твою задницу. Она принадлежит Богу и Лестеру Пратту. Именно в этом порядке.

И парикмахерская наполнилась грубым смехом, когда Чарли произнес это. Кроме того, Салли Рэтклифф посещала вечерние курсы по изучению Библии по четвергам у преподобного Роуза, надежно защищенная своей невинностью и добродетелью.

Однако, когда в Клип Джоинт заглядывал Лестер Пратт (а он заглядывал туда по крайней мере каждые три недели, обновляя свою короткую стрижку), никто не мог себе позволить отпускать соленые шутки насчет ее ног или чего-нибудь еще. Большинству остряков не захотелось бы делать это в присутствии человека, который был сложен, как Лестер. Он был парень довольно любезный, но когда дело касалось Бога или Салли Рэтклифф, он становился непробиваемо серьезным. К тому же человек типа Лестера мог бы, если бы захотел, повыдергивать руки и ноги любого остролова, а затем повтыкать их обратно в другом порядке.

У него с Салли бывали горячие свидания, но никогда они не проходили весь Путь до Конца. Лестер всегда возвращался со свиданий вымотанный. Его мозг разрывался от радости, а его мошонка от напряжения, когда он мечтал о той ночи, теперь уже не очень далекой, когда не придется сдерживать себя. Он иногда думал, не лопнет ли она, когда он наконец сделает Это.

Салли мечтала о замужестве и об окончании разрушительной половой жизни, хотя в последние дни объятия Лестера казались ей менее и менее привлекательными. Она колебалась, говорить ли ему о кусочке земли Святой Земли, который она приобрела в «Необходимых вещах», и в конце концов не сказала. Она скажет ему, конечно, о

миражах. Этим ведь грех не поделиться. Но она удивилась, немного смутясь, чувству ревности, которое вырастало в ней каждый раз, когда она думала о том, показать ли Лестеру эту щепку и дать ли ему ее подержать.

— Нет! — воскликнул сердитый, ребяческий голос, когда она впервые об этом подумала. — Нет, это мое! Он не будет значить для него столько же, сколько для меня!

Придет день, когда она поделится с ним, но пока еще рано.

Этот жаркий октябрьский день принадлежал только ей.

На парковочной стоянке стояло всего несколько машин. «Мустанг» Лестера был среди них самым новым и шикарным. У нее что-то сломалось в машине — что-то там с приводом, но это не было серьезной проблемой. Когда она позвонила утром Лессу и спросила, можно ли взять его машину (она только вчера вернула ее после шестидневного пользования), он тут же согласился. Он может пробежаться домой трусцой, да к тому же они с командой собирались поиграть в футбол. Она сказала, что как только машина будет ему нужна, она сразу же ее отдаст, на том и порешили. Она была уверена — и это был тот случай, когда уверенность порождается не расчетом, а интуицией, — что Лесс прыгнет даже через горящий обруч, если она этого захочет. И она принимала это, как должное. Лесс обожал ее; и они оба обожали Бога; все было так, как должно быть; аминь.

Она проскользнула в «мустанг» и повернулась к панели управления. И тут на глаза ей попало что-то белое, торчащее из-под пассажирского сиденья. Это что-то выглядело, как краешек конверта.

Она наклонилась и потянула за кончик, думая о том, как странно найти такую вещь в «мустанге»: Лесс всегда ухаживал за «мустангом», как за своей собственной персоной. На конверте было всего одно слово, но при взгляде на это слово Салли слегка вздрогнула. Это было слово «Люблю», написанное легким быстрым почерком.

Женским почерком.

Она перевернула конверт. Сзади не было ничего, конверт был заклеен.

— Люблю? — Салли недоуменно смотрела на него и вдруг вспомнила, что сидит в машине Лестера с закрытыми окнами и изнывает от жары. Она завела мотор и опустила окно со своей стороны, а затем наклонилась над панелью, чтобы открыть второе окно.

Ей показалось, что она почувствовала при этом легкий запах духов. Но если так, то это не ее духи; она никогда не пользовалась ни духами, ни косметикой. Ее религия внушала ей, что грешно пользоваться всем этим (кроме того, ей это было не нужно).

Конечно, это не духи. Это просто медоносы, которые растут вокруг игровой площадки, — вот и все.

— Люблю? — повторила она снова, смотря на конверт.

Конверт молчал. Он просто был у нее в руке.

Она провела по нему пальцами, затем опять и опять. Там лежит кусок бумаги, подумала она, и еще что-то. Что-то вроде фотографии.

Она поднесла конверт к окну, но свет падал в противоположную сторону. После минутного колебания она выбралась из машины и поставила конверт против солнца. Она увидела только серый прямоугольник — должно быть письмо, и более темный прямоугольник, который мог быть вложенной фотографией от той,

(Люблю)

которая послала письмо Лессу.

Если не считать того, что письмо не было послано, во всяком случае не по почте. На нем не было ни штампа, ни адреса. Только одно беспокоящее слово. Однако, он не вскрыт, что означает... что? Что кто-то подsunул его в «мустанг» Лесса, когда Салли работала со своими папками?

Такое могло быть. Возможно также, что кто-то забрался в машину прошлой ночью — даже вчера, и Лестер не заметил. В конце концов, наружу торчал только уголок. Оно могло немного сползти с того места под сиденьем, куда его положили, пока она вела машину сегодня утром в школу.

— Привет, мисс Рэтклифф! — закричал кто-то.

Она опустила конверт вниз и закрыла его складками своей юбки. Ее сердце виновато стучало.

Это был маленький Билл Марчант, проходящий через площадку со скейтбордом под мышкой. Салли помахала ему рукой и быстро скользнула в машину. Ее лицо горело. Это было глупо — нет, безумно, но она вела себя так, будто Билли застал ее за каким-то постыдным занятием.

— Ну а теперь? Ты попытаешься прочитать письмо, которое написано не для тебя?

Она ощутила первый приступ ревности. Может быть, письмо адресовано ей; полгорода знает, что она водит автомобиль Лестера, как свой, на протяжении последних недель. Но даже если письмо не принадлежит ей, то ведь Лестер принадлежит. Не думала ли она только что с уверенностью, которая присуща только молодым и красивым христианкам, что он может ради нее прыгнуть через горящее кольцо?

— Люблю.

Никто не мог оставить этот конверт ей, в этом она была почти уверена. У нее не было подруг, которые бы называли ее Сладенькой, или Душечкой, или Любимой. Это письмо Лестеру. И значит...

Решение пришло к ней неожиданно, и она откинулась на ярко-голубое сиденье с чувством облегчения. Лестер преподает в колледже Кастр Рока физкультуру. Он тренирует, конечно же, только ребят, но множество девушек, молодых и впечатлительных, видят его ежедневно. А Лесс привлекательный молодой человек.

Какая-нибудь глупенькая девчушка из колледжа подsunула записку в его автомобиль. Вот и все. Она даже не смогла положить его на панель, чтобы он сразу его увидел.

— Он не будет сердиться, если я открою конверт, — сказала Салли вслух и оторвала от конверта узенькую полосочку, которую положила в пепельницу, где никогда не было окурков. — Мы посмеемся сегодня вечером над этим.

Она наклонила конверт, и в ее ладонь легла кодаковская фотография. Она взглянула на фото, и ее сердце остановилось. Затем она

охнула. Яркая краска залила ее щеки, а руки закрыли рот, принявший форму буквы «О» от негодования.

Салли никогда не была в баре «Захмелевший Тигр» и поэтому не знала, что фотография снята внутри его, но она не была совсем уж невеждой. Она достаточно часто смотрела телевизор, чтобы представить себе бар изнутри. На фото были мужчина и женщина, сидящие за столиком в углу большой комнаты (уютный уголок, подумала она). На столике стояли бокалы с пивом. На заднем плане была видна эстрада.

Мужчина и женщина целовались.

Она была одета в короткую майку, которая обнажала ее живот, и юбку, которая казалась просто белой полоской. Очень короткую юбку. Одна из рук мужчины свободно покоилась на ее открытой талии. Вторая была под юбкой. Салли видела очертания женских трусиков.

Маленькая дешевка, негодуяще подумала Салли.

На фотографии была видна только спина мужчины, и Салли был виден его подбородок и одно ухо, но она заметила, что он мускулист и его черные волосы коротко подстрижены. На нем были голубая тренировочная куртка, которую школьники называли рубашкой для мускулов, и голубые тренировочные брюки с белой полоской на боку.

Лестер.

Лестер, изучающий ландшафт под юбкой этой дешевки.

Нет! — панически запротестовал ее мозг. Это не может быть он! Лестер не ходит по барам! Он даже не пьет! И он никогда не целует других женщин, потому что он любит меня! Я знаю это, потому что...

— Потому что это он так сказал тебе. — Ее голос, глухой и безжизненный, отозвался в ее ушах. Она хотела смять и выбросить эту фотографию из машины, но сдержалась. Кто-нибудь может увидеть, как она это делает, и что тогда подумают?

Она снова посмотрела на фотографию, изучая ее ревнивым, придирчивым взглядом.

Мужское лицо почти полностью закрывало женское, но Салли видела линию ее бровей, корень ее носа, угол одного глаза, левую щеку, скулу. Еще важнее, она увидела, что черные волосы женщины коротко острижены и челка рассыпана по лбу.

У Джуди Либби черные волосы. И Джуди Либби стрижет их коротко, оставляя челку.

Ты не права. Более того — ты сумасшедшая. Лесс порвал с Джуди, когда она оставила церковь. А сейчас она уехала. В Портленд или в Бостон, или еще куда-нибудь. Тут что-то не так. Глупая шутка. Ты же знаешь, что Лестер никогда...

Но знает ли она? Знает ли она это наверняка?

Все ее прежние сомнения вдруг вновь вернулись к ней, и голос, которого она до сегодняшнего дня никогда не слышала, вдруг заговорил в глубине ее сердца: «Доверчивость невинности — самый верный инструмент лжеца».

Однако это не могла быть Джуди, и это не мог быть Лестер. И кроме того, невозможно ведь узнать, что это за люди, когда они

целуются. Даже в фильме, где играют звезды. Нужно подождать, пока они закончат поцелуй и снова посмотрят в камеру, чтобы узнать их.

«Это не фильм, — произнес новый голос. — Это реальная жизнь. И если это не они, то как этот конверт попал в машину?»

Теперь ее взгляд сосредоточился на правой руке женщины, которая покоилась на шее мужчины. У нее были длинные, правильной формы ногти, покрытые темным лаком. Такие ногти были у Джуди Либби. Салли вспомнила, что не удивилась, когда Джуди перестала ходить в церковь. Девушка, у которой такие ногти, вспомнила она свои рассуждения в то время, не может держать в своих мыслях только Всевышнего.

Все правильно, это действительно Джуди Либби. Но это не значит, что с ней Лестер. Это ее способ разлучить нас, поэтому Лестер и бросил ее, когда узнал, что она такой же христианин, как Иуда Искарот. И потом, ведь многие мужчины носят спортивные брюки с полосой на боку.

Затем она увидела кое-что еще, что наполнило ее сердце отвращением. На мужчине были цифровые электронные часы. Она узнала их, хотя они находились и не совсем в фокусе. Она не могла не узнать их. Разве не она сама подарила их Лестеру на день рождения в прошлом месяце?

Это может быть совпадением, сопротивлялось ее сознание. Это всего лишь «Сейка», вот и все. Такие часы может носить кто угодно. Но новый голос грубо рассмеялся. Новый голос хотел знать, кого она дурачит. Более того. Она не могла видеть кисть руки под женской юбкой (спасибо Богу хоть за это!), но она видела предплечье. На нем, прямо под локтем, были видны две родинки. Они почти соприкасались, образуя восьмерку.

Как часто ее рука любовно поглаживала точно такие же родинки, когда они с Лестером сидели на качелях? Сколько раз она любовно целовала их, когда он ласкал ее грудь и нашептывал на ухо слова верности и любви?

Это, конечно, был Лестер. Часы можно снять и надеть, но родинки не снимешь... Обрывки старого диско прозвучали в ее ушах: «Плохая девчонка... ту-ту... бип-бип...»

— Дешевка, дешевка, дешевка! — шипела она на фотографию с неожиданной злостью. Почему он вернулся к ней? Почему?

«Может быть, — сказал новый голос, — потому что она разрешала ему то, что не позволяла ты».

У нее перехватило дыхание. Воздух застрял в ее горле.

— Но они в баре! Лестер никогда...

Затем она поняла, что это второстепенные соображения. Если Лестер виделся с Джуди и лгал об этом, то солгать насчет того, пьет он пиво или нет, теперь совершенно не сложно, ведь так?

Салли отложила фотографию в сторону и трясущимися руками начала вытряхивать конверт, вытаскивая сложенный листок. Там был только один стандартный листок персикового цвета. Когда она достала листок, то почувствовала легкий и сладковатый запах. Салли поднесла листок к носу и глубоко вдохнула.

— Дешевка! — закричала она хриплым, агонизирующим голосом.

Если бы перед ней в этот момент оказалась Джуди Либби, Салли напала бы на нее, царапаясь ногтями, какими бы короткими они ни были. Она хотела, чтобы Джуди здесь оказалась. Она хотела, чтобы Лестер здесь оказался. Он долго не сможет играть в футбол после того, как она с ним побеседует. И довольно долго.

Она рассмотрела письмо. Оно было коротким и написано округлым ученическим почерком.

«Милый Лесс,

Фелиция сделала этот снимок, когда мы прошлой ночью были в «Захмелевшем Тигре». Она сказала, что теперь будет нас этим шантажировать! Но она просто дразнила. Она отдала мне эту фотографию, а я отдала ее тебе, как сувенир, на память о нашей БОЛЬШОЙ НОЧИ. Это было УЖАСНО НЕПРИСТОЙНО, когда ты засунул мне руку под юбку «прямо на публике», но мне стало ТАК ЖАРКО. Кроме того ты ТАКОЙ СИЛЬНЫЙ. Чем больше я смотрю на это фото, тем «жарче» мне становится. Если ты согласишься внимательно ты увидишь мое нижнее белье! Хорошо, что Фелиции не было рядом, когда его на мне уже не было!!! Увидимся позже. Держи у себя эту картинку «на память обо мне». Я буду вспоминать о тебе и твоей БОЛЬШОЙ ШТУКЕ. Лучше мне сейчас остановиться, пока я совсем не разогрелась и не занялась чем-то предосудительным. И пожалуйста, не беспокойся ТЫ ЗНАЕШЬ О КОМ. Она слишком занята Богом, чтобы думать о нас.

Твоя Джуди».

Салли сидела за баранкой «мустанга» Лестера почти полчаса, перечитывая снова и снова эти строки. Ее мозг и ее эмоции кипели от гнева, ревности и ненависти. В ее мыслях и чувствах был еще и налет сексуального возбуждения, но это было то, что она никогда не могла позволить никому, а тем более себе.

Эта тупая шлюха даже не умеет правильно писать, подумала она.

Ее взгляд остановился, выискивая фразы, на которых стоит остановиться. Большинство из них было выделено заглавными буквами.

*«Наша БОЛЬШАЯ НОЧЬ.
УЖАСНО НЕПРИСТОЙНО.
ТАК ЖАРКО.
ТАКОЙ СИЛЬНЫЙ.
Твоя БОЛЬШАЯ ШТУКА».*

Но фраза, к которой она постоянно возвращалась, фраза, которая вызывала ее наибольшую ярость, была богохульным извращением ритуала причастия:

...Держи эту картинку «на память обо мне».

Внезапно в сознании Салли всплыли непристойные образы. Рот Лестера закрывал один из сосков Джуди Либби, а она стонала: «Возьми меня, выпей меня всю, на «память обо мне». Лестер поставил колено между раскинутыми ногами Джуди, а она просила его взять ее, съесть ее «на память».

Она скомкала листок и бросила его на пол салона. Она выпрямилась за баранкой, тяжело дыша, с разметанными по вспотевшему лицу волосами (она теребила их свободной рукой, пока читала письмо). Затем она наклонилась, подняла письмо, разгладила его и вместе с фотографией вложила в конверт. Руки ее тряслись так сильно, что она не сразу смогла раскрыть конверт. Когда это ей наконец удалось, она наполовину разорвала его.

— Дешевка! — всхлипнула она и разрыдалась. Слезы были горячими. Они жгли, как кислота. — Стерва! А ты! Ты! Лживый ублюдок!

Она вставила ключ в замок. «Мустанг» проснулся с сердитым ревом. Она выжала сцепление и рванулась со стоянки в облаке голубого дыма, пронзительно визжа горящими покрывками.

Билли Марчант, который катался по площадке на своем скейтборде, удивленно посмотрел в ее сторону.

4

Через пятнадцать минут она была в своей спальне и рылась в нижнем белье, ища щепку и не находя ее. Ее гнев на Джуди и этого лживого ублюдка вытеснил всепоглощающий ужас — что, если она пропала? Что, если ее украли?

Салли захватила порванный конверт с собой и сжимала его в левой руке. Это замедляло поиски. Она отбросила его в сторону и вынула все свое белье из ящика, разбрасывая его вокруг. Когда она почувствовала, что вот-вот закричит от паники, ярости и расстройств, она наконец увидела щепку, которая соскользнула в задний левый угол ящика, когда она резко выдвинула его.

Она сжала щепку обеими руками и сразу же почувствовала мир и спокойствие вокруг. Затем она подняла конверт и свела перед собой обе руки, добро и зло, святое и грешное, альфу и омегу. Затем положила конверт в ящик и забросала его бельем.

Она села, скрестив ноги, и склонила голову над своим сокровищем. Она закрыла глаза, чтобы почувствовать, как пол мягко начнет колебаться, и ожидая, что умиротворение снизойдет к ней и она услышит голоса животных, бедных, славных животных, спасенных в тяжелую годину милостью Господа.

Вместо этого, она услышала голос человека, который продал ей щепку.

«Ты, действительно, должна с этим что-то сделать, ты знаешь, — говорил голос мистера Гаунта из глубины реликвии. — Ты должна покончить с этим делом... Этим грязным делом».

— Да, — ответила Салли Рэтклифф. — Да, я знаю.

Она сидела так до вечера в своей жаркой девичьей спальне, размышляя и предаваясь мечтам в темноте, образовавшейся вокруг щепки, которая была похожа на темноту в мешке с коброй.

«Посмотри, мой король весь в зеленом... он не мужчина, он машина для любви...»

Пока Салли Рэтклифф медитировала в темноте, Полли Чалмерс сидела в луче яркого солнечного света, льющегося из открытого окна. Она открыла окно, чтобы немного проветрить комнату в этот не по сезону теплый октябрьский полдень. Она вращала ручку своего «Зингера» и пела своим чистым и приятным контральто.

Вошла Розалия Дрейк и заметила:

— Я знаю кое-кого, кто чувствует себя лучше сегодня, судя по голосу.

Полли подняла глаза и одарила Розалию странной улыбкой.

— И да, и нет, — сказала она.

— А это значит, что ты чувствуешь себя хорошо, и ничего не можешь с этим поделать.

Полли подумала немного над этой фразой и кивнула головой в знак согласия. Это было не совсем верно, но сойдет и так.

Две женщины, которые вчера вместе умерли, сегодня были опять вместе в похоронном бюро Сэмьюэлса. Они будут похоронены разными церквями завтра утром, а после обеда Нэтти и Вилма опять будут соседками... на кладбище «Родная Земля». Полли считала себя частично ответственной за их смерть. В конце концов, Нэтти никогда не вернулась бы в Кастл Рок, если бы не Полли. Она написала необходимые письма, поговорила с нужными людьми, даже нашла жилье для Нэтти Кобб. А зачем? Черт побери, Полли теперь даже не помнила, было ли это актом христианского милосердия или последней данью старой семейной дружбе.

Она не считала это своей виной и не позволяла кому бы то ни было говорить об этом. Алан мудро даже не пытался этого делать. Но она не была уверена, что может изменить то, что было сделано. Причина безумия Нэтти не зависела от нее, но в любом случае та провела в Кастл Роке три счастливых года. Возможно, три таких года все же лучше, чем длинные серые дни, отдаляющие ее от старости или затяжной болезни. И если Полли пришлось в свое время подписаться под смертным приговором Вилмы Ежик, то разве Вилма не сама написала текст этого документа? И кроме всего прочего, ведь это Вилма, а не Полли заколола штопором милого и безобидного маленького песика Нэтти Кобб.

Здесь уже проявлялась другая, более простая часть ее существа, которая просто сожалела о смерти подруги и была удивлена тем, как могла Нэтти сделать такую вещь, когда, как казалось Полли, она пошла на поправку.

Она посвятила большую часть утра приготовлениям к похоронам и звонкам немногим из родственников Нэтти (все они сказали, что не будут на похоронах, другого Полли и не ожидала), и это занятие, т.е. документальное оформление смерти, помогло Полли забыть о собственном горе, что, собственно, и предполагает ритуал погребения.

Но были некоторые вещи, которые не оставляли ее в покое.

Например, ласагна — она все еще стояла в холодильнике, защищенная фольгой от высыхания. Она надеялась, что они с Аланом

съем ее сегодня на ужин, если, конечно, он придет. Она не будет есть это одна. Пусть лучше стоит так.

Она вспомнила, как быстро Нэтти заметила ее боль. Как точно она ее оценила и как она принесла ей теплоизолирующие перчатки, настаивая, что на этот раз они помогут. И конечно, последнее, что сказала ей Нэтти: «Я люблю тебя, Полли».

Розалия с Полли вместе вспоминали Нэтти, выполняя различные формальности, и вместе плакали в задней комнате, обмениваясь воспоминаниями. Теперь и Розалия казалась счастливой — просто потому, что слышала пение Полли.

«Или потому, что она не была полностью понятной для нас обеих, — подумала Полли. — Ее закрывала от нас плотная тень, и ее трудно было рассмотреть. Вот что делает наше горе таким хрупким».

— Я слышу тебя, — сказала Полли. — Я, действительно, чувствую себя лучше и ничего не могу поделать с этим, но я благодарна за это.

— Я не знаю, что поразило меня больше, когда я вернулась: твое пение или то, что ты опять крутишь машинку. Протяни руки.

Полли так и сделала. Ее руки нельзя было принять за руки прекрасной принцессы, ее узловатые и скрюченные пальцы, с гротескно удлиненными суставами, но Розалия увидела, что опухоль заметно спала по сравнению с пятницей, когда сильная боль заставила Полли уйти пораньше.

— Это ужасно! — сказала Розалия. — Они еще болят?

— Конечно, но все же меньше, чем месяц назад. Смотри.

Она медленно сжала пальцы в свободный кулак, затем так же осторожно разогнула их.

— Я целый месяц не могла сделать это.

На самом деле, Полли не могла сжимать пальцы в кулак еще с апреля или мая.

— Какой ужас!

— Так что я чувствую себя лучше, — сказала Полли. — Если бы теперь здесь была Нэтти, все было бы вообще прекрасно.

Дверь мастерской открылась.

— Пойди посмотри, кто это, — попросила Полли. — Я хочу закончить этот рукав.

— Будь уверена, — Розалия поднялась и направилась к двери. — Нэтти была бы рада, что тебе лучше.

Полли кивнула.

— Я знаю, — сказала она серьезно.

Розалия вышла, чтобы встретить клиента. Когда она выходила, левая рука Полли поднялась к груди и коснулась маленькой выпуклости не больше горошины, которая выделялась под ее розовым свитером между грудями.

«Азка» — какое чудесное слово», — подумала она и опять начала крутить швейную машинку, поворачивая ткань платья, первого ее платья с прошлого лета, под сверкающей иглой.

Она размышляла, сколько захочет мистер Гаунт получить за этот амулет. Все равно, сколько бы он ни запросил, сказала она себе, этого будет недостаточно. Я не хочу, я не могу думать так, когда подходит время торговаться, но это правда. Сколько бы он ни захотел за амулет, этого будет мало.

Члены городского управления Кастр Рока выбрали в качестве своего секретаря молодую девушку с экзотическим именем Ариадна Санта Клер. Это было счастливое юное создание, не обремененное интеллектом, но беззаботное и приятное на вид. У нее были большие груди, которые поднимались мягкими крутыми холмиками под свитером из ангорской шерсти, и прекрасная кожа. У нее также было очень плохое зрение. Ее глаза плавали, увеличенные толстыми линзами роговых очков. Она нравилась Пирату. Он решил, что она слишком глупа, чтобы быть одной из Них.

Голова Ариадны появилась в дверях его кабинета без четверти четыре.

— Там пришел Дейк Брэдфорд, мистер Китон. Ему нужна подпись на финансовом разрешении. Вы можете это сделать?

— Ладно, посмотрим, — откликнулся Пират, засовывая сегодняшнюю «Дейли Сан», перегнутую на программке бегов, в ящик стола.

Сегодня он чувствовал себя лучше; целеустремленнее и собраннее. Это ужасное розовое белье было сожжено в кухонной печке. Миртл перестала убегать, как нашкодивший кот, при его приближении (Миртл его больше не интересовала, но все же было утомительно жить с женщиной, которая считает тебя Бостонским Чужаком). Кроме того, он надеялся сегодня вечером прилично заработать на скачках. Сегодня выходной, и толпа (а также ставки) будет значительно больше.

Разумеется, он начал думать об удвоении и утроении ставок.

Что же касается заместителя Дикхеида, и шерифа Шитхэда, и остальной честной компании... что ж, он и мистер Гаунт знают о Них, и Пират верил, что они оба провалятся в преисподнюю вместе со всей компанией.

По этой причине он пригласил Ариадну в кабинет, сохраняя выдержку; он даже смог выдать из себя какую-то любезность и обратил внимание на то, как мягко колышутся ее груди вместе с удерживающей их сбруей.

Она положила финансовый запрос на стол. Пират взял его и откинулся на кресло, чтобы просмотреть.

Запрошенная сумма была помечена в квадратике наверху. Назначение: на реконструкцию и обустройство Левистона. В графе «Необходимые товары/работы» было написано: «16 ЯЩИКОВ ДИ-НАМИТА». Ниже в графе «Комментарии/пояснения» он прочел:

«Мы, наконец, подошли к этой гранитной скале на дороге номер пять, о которой нас предупреждали геологи в 1987 году (см. мой отчет). Конечно, предстоит много земляных работ, но мы хотим взорвать глыбы. Это необходимо сделать до холодов и зимних снегопадов. Если оставить земляные работы на зиму, то зимняя наценка сильно возрастет. Это можно сделать двумя или тремя взрывами, можно получить поддержку у Таггарт Хай-Импакт, я

проверял. Мы должны получить эту сумму завтра к обеду, чтобы начать взрывные работы к среде».

Под этим стояла подпись Дейка.

Пират дважды прочитал записку Дейка, задумчиво цокая языком. Ариадна стояла рядом. Наконец он наклонился к столу, внес изменения, добавил предложение и затем подписался ниже подписи Дейка. Затем, улыбаясь, подал листок Ариадне.

— Пожалуйста, — сказал он, — а еще говорят, что я скряга!

Ариадна посмотрела на листок. Пират изменил сумму с девятисот сорока долларов до тысячи четырехсот. Ниже пояснений Дейка он приписал: *«Лучше взять двадцать ящиков, если товар хорош»*.

— Не хотите ли посмотреть на карьер с гравием, мистер Китон?

— Нет, нет, не стоит, — Пират опять откинулся в кресле и заложил руки за голову. — Но попросите Дейка позвонить мне, когда товар прибудет. Там слишком много взрывчатки. Он же не захочет, чтобы она попала не в те руки, не так ли?

— Нет, конечно, — сказала Ариадна и вышла.

Она была рада уйти. В улыбке мистера Китона было что-то... да, что-то ползучее.

Пират между тем развернул свое кресло так, чтобы видеть Мэйн-стрит. Он чувствовал себя сейчас гораздо лучше, чем тогда, когда смотрел в окно в то безнадежное воскресное утро. С тех пор произошло многое, и он подумывал, что многое еще может произойти в следующие два-три дня. Да, с двадцатью ящиками динамита, запертыми на городском складе, от которого у него, разумеется были ключи, может случиться все, что угодно.

Все, что угодно.

2

Туз Мерилл пересек мост Тоббин Бридж и въехал в Бостон в четыре часа, но было уже за половину пятого, когда он, наконец, достиг цели. Это была странная, почти безлюдная Кембриджская трущоба, вблизи уличной развязки. Половина улиц была с односторонним движением, вторая половина заканчивалась тупиками. Полуразрушенные дома этого заброшенного квартала отбрасывали длинные тени на дорогу, когда Туз, наконец, остановился у приземистого одноэтажного строения из шлакоблоков на Виппл-стрит. Оно стояло в центре большого пустыря. Вокруг здания была ограда; но проблем войти не было, потому что ворота кто-то украл. Остались одни петли. Туз медленно проехал через проем ворот на своем «челленджере» и подкатил к шлакоблочному зданию.

Стены были ровными и без окон. Дорожка, по которой он ехал, вела к закрытой гаражной двери, смотрящей в сторону Ривер Чарльз. В гаражной двери тоже не было окошка. «Челленджер» недовольно ворчал, двигаясь по дорожке, которая когда-то была покрыта асфальтом. Он проехал мимо брошенной детской коляски, стоящей на куче битого стекла. Старая кукла с наполовину провалившимся лицом посмотрела на него единственным голубым глазом.

Он остановился перед дверью гаража. Какого черта он здесь делает? Этот шлакоблочный домишко, похоже, был брошен примерно в 1945 году.

Туз выбрался из машины. Достал из заднего кармана клочок бумаги. На ней был написан адрес, по которому находилась машина Гаунта. Он с сомнением посмотрел на адрес. Несколько минут он пытался убедиться, действительно ли это Виппл-стрит 85, но как можно в этом убедиться? В подобных местах никогда не найдешь номеров домов, и вокруг никого не было, чтобы спросить. Весь этот район города словно вымер — Тузу это не нравилось. Пустыри. Старые машины, каждая деталь которых и каждый сантиметр поверхности были залатаны проволочками. Узенькие переулки, заканчивающиеся грязными тупиками. У него ушел целый час только на то, чтобы отыскать эту Виппл-стрит, и теперь, кажется, он был почти уверен, что он заблудился. Это была часть города, где полицейские время от времени находят полуразложившиеся трупы в пустых мусорных ящиках или в выброшенных холодильниках.

Он прошелся мимо гаражной двери и поискал звонок. Такого не было. Он наклонился к металлической поверхности и прислушался, не раздастся ли какой-нибудь звук. Может, это что-то вроде склада для обмена товарами; такой тип, каким предстал перед ним этот мистер Гаунт, может знаться с ребятами, которые продают за наличные после захода солнца «порше» и «ламборини».

Он ничего не услышал.

А может быть, он вообще ошибся, мелькнуло у него в голове. Но это была, скорее всего, именно та улица, и это было единственное достаточно большое, и достаточно прочное здание, которое подходило для того, чтобы укрыть классный автомобиль. Может быть, он перепутал направление и заехал не в ту часть города. Эта мысль заставила его нервничать.

— Я хочу, чтобы вы вернулись в полночь, — сказал мистер Гаунт. — Если вы не вернетесь к полуночи, я буду несчастлив. Когда я несчастлив, я иногда теряю терпение.

«Успокойся, — сказал себе Туз, — он просто старый индюк со вставными зубами».

Но он не мог успокоиться, и на самом деле он не думал, что мистер Лиленд Гаунт просто старый индюк. Он также подумал, что это не стоит проверять.

Но сейчас дела обстояли так: скоро стемнеет, а Тузу не хотелось оставаться в этой части города после наступления темноты. Тут было что-то не то. Что-то, витало над этими развалинами с пустыми окнами, брошенным старым латаным автомобилем. Пока он ехал сюда, он не видел ни одного человека, который шел бы по тротуару, или стоял на остановке, или смотрел в окно... но его не оставляло чувство, что за ним следят, именно так. Оно и сейчас не оставляло его, он чувствовал это по шевелению волос на затылке.

Дело обстояло так, будто он был вообще не в Бостоне. Это место выглядело, как Сумеречная Зона.

«Если вы не вернетесь к полуночи, я буду несчастлив».

Туз поднял кулак и постучал по ржавой ровной поверхности гаражной двери.

— Эй! Есть там кто-нибудь?

Никакого ответа. На двери была ручка. Он подергал ее. Безрезультатно. Дверь даже не шелохнулась.

Туз втянул сквозь зубы воздух и нервно оглянулся. Его «челленджер» стоял рядом, и он еще никогда в жизни не хотел так сильно просто сесть в него и убраться. Но он не мог.

Он обошел вокруг дома, но не обнаружил ничего. Вообще ничего. Просто кладка из шлакоблоков, выкрашенная в неприятный грязно-серый цвет. На задней стенке гаража была старая надпись. Туз несколько секунд смотрел на нее, ничего не понимая.

«ПРАВИЛА ЙОГ-СОТХОТА»,

гласили выцветшие красные буквы.

Он опять вернулся к двери гаража и задумался. Что же теперь?

Так как ни о чем другом он думать не мог, он забрался в свой «челленджер» и просто сидел там, глядя на гаражную дверь. Наконец, он сложил руки в рожок и пронзительно затрубил.

Дверь гаража сразу же дрогнула и начала двигаться по направляющим рейкам.

Туз сидел, глядя на нее, открыв рот. Первой его мыслью было завести двигатель и просто рвануть, куда глаза глядят. Например, для начала в Мехико-Сити. Затем он снова подумал о мистере Гаунте и медленно вылез из машины. Когда дверь остановилась на уровне потолка, он подошел к воротам гаража.

Внутри гараж был залит светом от полудюжины двухсотваттных лампочек, висящих на проводах. Каждая лампочка была обернута конусом из тонкого материала, так что свет вырисовывал круги на полу. В задней части гаража стоял автомобиль, покрытый чехлом. Возле стены стоял столик с разложенным на нем инструментом. У другой стены стояли стопкой три ящика. На них лежал старомодный бобинный магнитофон.

Больше в гараже ничего не было.

— Кто открыл дверь? — спросил Туз слабым голосом. — Кто открыл эту чертову дверь?

Но ответа не было.

3

Он завел «челленджер» вовнутрь и припарковал у ближней стены — внутри было достаточно места. Затем подошел к двери, на ней был укреплен блок управления. Туз нажал кнопку ВНИЗ. На полу появились тени. Он занервничал, и у него опять появилось сильное желание убежать отсюда.

Дверь покатила вниз без скрипа или скрежета. Ожидая, пока она закроется, Туз осмотрелся, пытаясь найти микрофон, который сработал от звука его горна. Однако ничего не увидел. Впрочем, он должен где-то быть — ведь не могла же гаражная дверь открыться сама.

«Однако, — подумал он, — такое впечатление, что в городе что-то случилось, причем именно на Виппл-стрит».

Туз посмотрел на стопку ящиков с магнитофоном сверху. Его ноги шуршали по цементу. «Правила Йог-Сотхота», — подумал он

внезапно и усмехнулся. Он не знал, кто такой Йог-Сотхот, может быть, какой-нибудь ресторанный исполнитель регги, но Тузу не понравился звук этого имени, прозвучавший в его голове. Думать об этом имени в таком месте — это не очень хорошая мысль. Даже опасная.

На одной из бобин магнитофона была прикреплена записка, написанная большими буквами. Она состояла из двух слов «ВКЛЮЧИ МЕНЯ».

Туз откинул бумажку и нажал кнопку ПУСК. Бобина начала крутиться, и, когда раздался голос, Туз слегка подпрыгнул. Впрочем, чей голос он ожидал здесь услышать? Ричарда Никсона?

— Привет, Туз, — произнес записанный на магнитофон голос мистера Гаунта. — Добро пожаловать в Бостон. Пожалуйста, сними чехол с моего автомобиля и загрузи ящики. В них находится специальное оборудование, которое я надеюсь вскоре получить. Боюсь, тебе придется положить один ящик на заднее сиденье. В багажнике моего «такера» найдешь нужные вещи. Твой автомобиль будет здесь в полной сохранности до твоего возвращения. В дороге с тобой ничего не случится. И, пожалуйста, помни — чем раньше ты вернешься, тем раньше начнешь изучать свою карту. Приятного пути.

После сообщения пошла пустая лента, и был слышен только шум лентопротяжного механизма.

Туз еще минуту слушал магнитофон. Ничего. Ситуация была идиотской... и становилась все более идиотской с каждой минутой. Мистер Гаунт был здесь после обеда — должен был быть потому, что он упомянул карту, а Туз в глаза не видел ни карты, ни мистера Гаунта до сегодняшнего утра. Старый пердун должен был проделать все это, пока он, Туз, вел машину. Но как? И что, мать вашу, все это значит?

«Он не мог быть здесь, — подумал Туз, — Мне плевать, возможно это или нет, но он не мог быть здесь». Посмотрите только на этот магнитофон. Никто больше не пользуется такими магнитофонами. А пыль на бобине. И на записке пыль. Это сообщение уже долго его здесь ждет. Может быть, оно было здесь еще тогда, когда шериф Пэнгборн засадил его в тюрьму.

Да, но это сумасшествие.

Это просто дерьмо собачье.

Но где-то в глубине души он верил, что это правда. Мистер Гаунт не мог сегодня днем находиться в районе Бостона. Мистер Гаунт провел сегодняшний день в Кастл Роке, — Туз знал это — стоя рядом с витриной, глядя на прохожих, может быть, он даже снимал вывеску

«ЗАКРЫТО, ДЕНЬ КОЛУМБА».

И вешал на ее место другую:

«ОТКРЫТО»,

если видел, что появлялся подходящий клиент, с которым можно вести дела.

Но вот только какие дела?

Туз не был уверен, что хочет это знать. Но он хотел знать, что в этих ящиках. Если он должен везти их отсюда до самого Кастл

Рока, он, черт побери, имеет право знать. Он нажал клавишу СТОП на магнитофоне и снял его. Затем он взял со столика молоток и ломик, прислоненный к ближайшей стене. Он поднял ломик, загнал его под деревянную крышку ящика и нажал вниз. Гвозди поддались со скрипом. Он поднял крышку. Содержимое ящика закрывала промасленная тряпка. Он снял ее и чуть не задохнулся от того, что увидел.

Детонаторы.

Десятки детонаторов.

Может быть, сотни детонаторов, каждый в своем аккуратном гнездышке.

«Боже праведный, что он собирается делать? Начать третью мировую войну?»

Сердце тяжело стучало в его груди. Туз опять заколотил крышку и отложил ящик с детонаторами в сторону. Он открыл второй ящик, ожидая снова увидеть ровные ряды розоватых брикетов.

Но это был не динамит. Это было оружие.

Тут было, наверное, две дюжины мощных автоматических пистолетов. В нос ударил тяжелый запах оружейной смазки. Он не знал эту марку — наверное, немецкие — но он знал, что с ним будет, если его со всем этим поймают: от двадцати лет до пожизненного заключения, если его задержат в Массачусетсе. Обычно власти не любят, когда граждане имеют оружие, особенно автоматическое.

Этот ящик он отложил в сторону, не закрывая крышки. Затем открыл третий. Он был набит патронами к пистолетам.

Туз отступил назад, нервно потирая нос ладонью левой руки.

Детонаторы.

Автоматические пистолеты.

Боеприпасы.

И это называется товаром?

— Только не я, — произнес Туз низким голосом, качая головой. — Только не это. Ух, никоим образом.

Мехико Сити казался ему все более привлекательным городом. Может быть, даже Рио. Туз не знал, подставляет ли ему Гаунт новую мышеловку или электрический стул, но он в этом участвовать не будет ни при каких условиях. Он удерет, причем прямо сейчас.

Его взгляд остановился на ящике с автоматическими пистолетами.

«И еще я возьму с собой одного из этих малышей, — подумал он. — Хотя что-то за мои хлопоты. Назовем это сувениром».

Он подошел к ящику, но в этот самый момент магнитофон вдруг ожил, хотя ни одна из кнопок не была нажата.

— Даже не думай об этом, Туз, — холодно посоветовал голос мистера Гаунта, и Туз вскрикнул. — Не пытайся надуть меня. Если ты только попытаешься, то я с тобой разделаюсь так, что угрозы братьев Корсон будут казаться тебе отдыхом на курорте. Ты теперь мой, малыш. Слушайся меня, и все будет хорошо. Слушайся меня, и ты сможешь покататься в Кастл Роке со всеми, кто сделал тебе подлость... и кроме того, будешь богат. Пойдешь против меня — и будешь жалеть всю жизнь.

Магнитофон выключился.

Выпученные глаза Туза смотрели на шнур и штепсельную вилку магнитофона. Они лежали на полу, покрытые толстым слоем пыли. Кроме того, нигде не было видно розеток.

4

Туз внезапно почувствовал себя немного спокойнее, и это спокойствие не было таким уж странным, как могло показаться. Было две причины, которые успокоили его эмоциональный барометр.

Первая состояла в том, что Туз был прирожденный трус. Он мог бы превосходно чувствовать себя, если бы жил в первобытной пещере и таскал за волосы свою женщину в свободное от швыряния камней время. Он принадлежал к типу людей, чье поведение при столкновении с превосходящим противником или властью можно полностью предвидеть. Такие столкновения бывают редко, но, когда они все же происходят, эти люди склонны почти сразу же капитулировать перед силой. И хотя он сам этого не знал, это было основной чертой его характера, благодаря которой он, прежде всего, не пустился в бегство от братьев Корсон. У таких людей, как Туз Мерилл, единственная потребность, превосходящая желание доминировать, заключается в глубоко скрытом стремлении поддаваться и униженно подставлять свою не защищенную шею под клыки появившегося настоящего вожака стада.

Вторая причина была проще: он решил, что все это ему снится. Часть его сознания понимала, что это не так; но все же поверить в сон было проще, чем поверить в очевидность. Он не хотел даже допустить мысли, что в этом мире может существовать мистер Гаунт. Так было проще, безопаснее — перестать думать на какое-то время и просто идти к тому, чем все закончится. Когда это произойдет, он просто проснется и вернется к своей привычной жизни. Видит Бог, что в этом мире есть свои опасности, но он, по крайней мере, понимает их.

Он заколотил крышки обоих ящиков — с пистолетами и боеприпасами. Затем подошел к зачехленному автомобилю и развязал веревку чехла, который тоже был покрыт слоем пыли. Он откинул чехол... и на мгновение забыл обо всем, удивленный и восхищенный

Это был «такер», конечно же, и он был прекрасен.

Он был цвета желтой канарейки. Его обтекаемый корпус блестел от хрома, покрывающего его бока и нижнюю часть рифленого бампера. Третья фара сверкала в центре капота под серебряным орнаментом, придавая машине вид футуристического экспресса.

Туз медленно обошел вокруг машины, пожирая ее глазами.

По обе стороны задней части находились две хромированные решетки, назначение которых для него осталось загадкой. На задней стенке машины красовались хромированные буквы: «Такер-талисман». Туз никогда не слышал об этой модели. Он думал, что «торпеда» была единственной моделью, выпускаемой фирмой «Престон Такер».

«У тебя другая проблема, старина, — подумал Туз. — У тебя нет доверенности на эту штуковину. Ты будешь пытаться проехать весь

этот путь по штату Мэн на автомобиле, который торчит на дороге, как большой палец на ладони, на автомобиле без прав, на автомобиле, набитом оружием и взрывчаткой?

Да. Именно так. Это, конечно, плохая идея, очень плохая... но выбора нет, разве только попытаться надуть мистера Лиленда Гаунта, что может оказаться гораздо хуже. Кроме того, это ведь сон».

Он вынул из конверта ключ и обследовал автомобиль сзади, тщательно пытаясь найти щель для ключа от багажника. Через несколько секунд он вспомнил фильм с Джеффом Бриджем и понял, что, как у немецкого «ФВ битл» и у «чеви корвер», двигатель у «такера» находится сзади. Следовательно, багажник находится впереди.

Теперь он быстро нашел щель для ключа — непосредственно под этой странной третьей фарой. Он открыл багажник. Он был очень уютным и пустым. Только в углу находилось что-то. Это была маленькая бутылка с белым порошком и ложечкой, прикрепленной к крышке на цепочке. К цепочке был приклеен маленький клочок бумаги. Туз сорвал записку и прочитал два слова, написанные заглавными буквами:

«ПОНЮХАЙ МЕНЯ».

Туз последовал этому указанию.

5

Чувствуя себя значительно лучше после принятой дозы, Туз загрузил ящики с пистолетами и боеприпасами в багажник, а ящик с детонаторами засунул на заднее сидение. Затем на секунду остановился и перевел дыхание. Запах внутри салона был ни с чем не сравнимым (за исключением, возможно, половой щели) запахом, который бывает в совершенно новом автомобиле. Сев за баранку, он увидел, что машина действительно совершенно новая: на спидометре «такера-талисмана», владельцем которого был мистер Гаунт, красовались цифры 00000.0.

Туз вставил ключ зажигания и повернул его.

«Талисман» завелся с низким, горловым, приятным звуком. Интересно, сколько в нем лошадиных сил под капотом? Он не знал этого, но чувствовал, что под ним целый табун. В тюрьме была куча рекламко на автомобили, и он все их перечитал. «Такер-торпеда» имел шесть цилиндров, триста пятьдесят кубических дюймов, как у машин Форда, выпускавшихся между 1948 и 1952 годами. В нем было сто пятьдесят лошадиных сил.

Но тут было больше. Гораздо больше.

Туз захотел выйти из машины, поднять капот и посмотреть... но это было так же трудно, как произнести это сумасшедшее имя — Йог-как-там-его. В любом случае это была не очень удачная мысль. Зато отличной идеей казалось перегнать эту машину как можно быстрее назад в Кастл Рок.

Он попытался выйти из машины, чтобы включить управление дверью, но вместо этого опять сложил руки и протрубил, чтобы посмотреть, что получится. Кое-что получилось. Дверь бесшумно поднялась вверх.

— Где-то здесь находится микрофон, — сказал он себе, но он больше не верил в это. Он даже не пытался его найти. Он включил первую скорость, и «талисман» плавно выкатился из гаража. Он опять протрубил, проезжая мимо двери, и увидел в зеркало заднего вида, как в гараже погасли огни, и дверь начала опускаться. Он также увидел собственный «челленджер», стоящий носом к стенке, и скомканный чехол на полу возле него. У него было чувство, что он никогда больше этого не увидит. И в то же время он понял, что это его не слишком волнует.

6

«Талисман» не только летел вперед, как мечта; он, казалось, знал дорогу. Вдруг сами по себе загорались огоньки поворота. Когда это происходило, Туз просто поворачивал руль. Он очень быстро проехал весь этот квартал, где так долго блуждал до этого. Первыми выросли на фоне темнеющего неба очертания моста Тин Бридж.

Туз включил фары, и перед ним мгновенно вырос яркий веер света. Когда он поворачивал руль, веер света поворачивался вместе с ним. Средняя фара светилась, как адское пламя.

Он был примерно в тринадцать милях к северу от Бостона, когда заметил, что указатель топлива качается возле нуля. Он съехал на ближайшем повороте и остановил машину возле заправки. Заправщик развернул кепку козырьком назад, и восхищенно прошелся вокруг машины.

— Хороший аппарат! — присвистнул он. — Где достали?

Не задумываясь, Туз ответил:

— В долинах Ленга. Йог-Сотот Винтедж Моторз.

— О!

— Залей полный бак, малыш, — сказал Туз, — это тебе не вечер вопросов и ответов.

— Да, сэр — ответил заправщик, бросив еще один взгляд на Туза и мгновенно став раболепным. — Конечно, будьте уверены.

Он включил насос, но после того, как счетчик показал четырнадцать центов, насос сам отключился. Заправщик попытался запустить насос вручную, но бензин начал переливаться, стекая по желтому боку «талисмана» и капая на дорогу.

— Я думаю, что вам не нужен бензин, — растерянно сказал заправщик.

— А я думаю, что нужен.

— Может быть, у вас сломался указатель топлива?

— Вытри машину. Хочешь, чтобы краска слезла? Что с тобой?

Парень подскочил с тряпкой к машине, а Туз зашел в умывальник, чтобы прочистить нос, и увидел, что заправщик стоит на порядочном расстоянии от «талисмана» и нервно сжимает обеими руками тряпку.

— Он испугался, — подумал Туз. — Испугался кого? Меня?

Нет; парень даже не взглянул в его сторону. Он неотрывно смотрел на машину.

«Он попытался прикоснуться к машине», подумал Туз.

Эта догадка — да, по всей вероятности, так и было, — вызвала улыбку в углах его рта.

По-видимому, заправщик попытался прикоснуться к машине и что-то произошло. Что именно, не имеет значения. Он понял, что лучше к ней не прикасаться, вот что имело значение.

— Денег не нужно, — пробормотал служащий.

— Вот и отлично, — сказал Туз. Он сел за руль и быстро покатил по дороге. У него возникла новая идея по поводу «талисмана». С одной стороны, это была бредовая идея, но с другой — это была воистину великая мысль. Он подумал, что прибор всегда показывает пустой бак... но бак всегда заполнен.

7

Шлагбаум для проезжающих автомобилей в Нью-Хемпшире работает автоматически. Вы бросаете мелочь на сумму одного доллара (Пожалуйста, Без Мелкой Монеты) в корзинку, красный свет заменяется зеленым, и вы едете. Однако, когда он подкатил «такер-талисман» к корзинке, свет переключился сам по себе, и загорелся разрешающий сигнал.

«УПЛАЧЕНО, ПРОЕЗЖАЙТЕ»

— Что за черт, — пробормотал Туз, и покатил дальше.

К тому времени, как он оставил позади Портленд, он вел «талисман» со скоростью свыше восьмидесяти миль в час и наслаждался дорогой. Сразу же после выезда из Фалмауса, на подъеме, он увидел крышу полицейской машины, притаившейся возле магистрали. Из водительского окна торчала торпедоподобная морда радара.

«Дьявол, — подумал Туз. — Они меня сцапают. Чертова банда. Боже мой, почему я превысил скорость, когда у меня тут полно всего этого дерьма?»

Но он знал, почему он это сделал. Это не из-за кокаина, который он нюхал. Может быть, в другом случае это сыграло бы роль, но не сейчас. Это все «талисман». Это он хотел ехать быстрее. Он посмотрел на спидометр, снимая ногу с педали газа... и через несколько минут почувствовал, что опять на три четверти вдавил ее.

Он хотел оглянуться на полицейскую машину, которая сейчас должна появиться следом, сверкая синими огнями и завывая. Но этого не случилось. Туз шел за восемьдесят, но «Медведь» даже не тронулся с места.

Отлично, они, наверное, заснули.

Но Туз знал их слишком хорошо. Когда видишь, что из окна водителя высовывается радар, то это значит, что ребята в машине не спят и машина прогрета. Нет, случилось другое: полицейские штата не увидели «талисмана». Ярко-желтая машина с тремя мощными фарами оказалась невидимой для мощного радиолокатора и полиции.

Злорадно ухмыльнувшись, Туз до пола вдавил газ. На скорости в сто десять он доехал до Кастр Рока в четверть девятого, почти на четыре часа раньше срока.

Мистер Гаунт вышел из магазина и встал под тентом, наблюдая, как Туз паркует «талисман» на одной из трех стоянок перед «Необходимыми вещами».

— Ты быстро управился, Туз.

— Это отличная машина.

— Да, это вещь, — сказал мистер Гаунт и положил руку на гладкую блестящую переднюю панель «такера». — Ты захватил оборудование, которое я просил?

— Да. Мистер Гаунт, у меня есть идея. Несмотря на то, что ваша машина прекрасно себя вела не обратном пути, но все же, может, оформить на нее доверенность, или...

— В этом нет необходимости, — безразлично ответил мистер Гаунт. — Припаркуй ее в аллее за магазином, Туз. Я позабочусь о ней позже.

— Но почему? — Туз неожиданно обнаружил, что ему не хочется расставаться с «такером». И не просто потому, что он оставил свой автомобиль в Бостоне и ему нужны колеса для ночной работы; «талисман» был лучше, чем любая из машин, которые ему приходилось водить, включая «челленджер».

— Это, — сказал мистер Гаунт, — мое дело.

Он внушительно посмотрел на Туза.

— Ты увидишь, что твои дела пойдут намного лучше, если будешь смотреть на работу у меня, как на службу в армии. Для тебя теперь есть три способа выполнения поручений — правильный, неправильный и так, как сказал мистер Гаунт. Если ты всегда будешь выбирать третий способ, у тебя никогда не возникнет проблем. Ты меня понимаешь?

— Да. Так точно.

— Отлично. А теперь отведи машину к задней двери.

Туз отвел желтый автомобиль за угол и медленно въехал в узкий проезд, за офисами Мэйн-стрит. Задняя дверь магазина «Необходимые вещи» была открыта. Мистер Гаунт стоял, ожидая в прямоугольнике желтого света. Он не сделал ни малейшей попытки помочь Тузу, который, тяжело дыша, перетаскивал ящики в заднюю комнату магазина. Большая часть посетителей магазина была бы удивлена, увидев эту комнату. Они слышали, как мистер Гаунт здесь, за вельветовой занавеской, сдвигает ящики и перекладывает товар... но сейчас комната была пуста, пока Туз по указанию мистера Гаунта не сложил в одном углу привезенные ящики.

И все же здесь была одна вещь. В дальнем углу комнаты в большой викторианской крысоловке лежала под пружиной коричневая крыса. Ее шея была переломана, а передние зубы выставлены в смертельном оскале.

— Хорошая работа, — сказал мистер Гаунт, потирая руки и улыбаясь. — Ты превзошел мои ожидания, Туз.

— Благодарю, сэр. — Туз был удивлен. — Он никогда и никого еще не называл «сэр» до настоящего момента.

— Тут кое-что тебе за хлопоты, — мистер Гаунт протянул Тузу коричневый конверт.

Туз сжал его кончиками пальцев и почувствовал внутри щепотку порошка.

— Я считаю, что ты захочешь что-то исследовать сегодня ночью, не правда ли? Это добавит тебе энергии.

Туз вздрогнул.

— О, черт! Я оставил книгу — книгу с картой — в моей машине! Она же в Бостоне! Черт бы ее побрал! — Он ударил себя кулаком по бедру.

Мистер Гаунт улыбнулся.

— Я так не думаю, — ответил он. — Я думаю, что она в «талисмане».

— Да нет же, я...

— А почему бы тебе не проверить?

Туз так и сделал. Разумеется, книжка была здесь. Она лежала на панели, прижавшись к лобовому стеклу. «Потерянные и Зарытые Сокровища Новой Англии». Он открыл ее. Карта была внутри. Он посмотрел на мистера Гаунта с благодарностью.

— Я не нуждаюсь в твоих услугах до завтрашнего вечера, — произнес мистер Гаунт. — Я думаю, ты проведешь завтрашний день в «Механик Фаллз». Это будет лучше всего. Я думаю, ты поздно ляжешь спать, у тебя впереди трудная ночь, если я не ошибаюсь.

Туз подумал о маленьких крестиках на карте и кивнул головой.

— Кроме того, — добавил мистер Гаунт. — Для тебя лучше не встречаться с шерифом Пэнгборном в ближайшие дни. Потом, думаю, это уже не будет иметь значения.

Его губы растянулись, а зубы выдвинулись вперед в широком оскале.

— Я думаю, что к концу недели множество вещей, которые очень заботят горожан, перестанет иметь для них значение. Ты так не считаешь?

— Если вы так говорите, — ответил Туз.

Он опять впал в то странное состояние, когда не хотелось возражать.

— Однако я не знаю, как у меня пойдут дела.

— Все предусмотрено, — сказал мистер Гаунт. — Ты увидишь перед входом машину с ключами. Машина компании, так сказать. Я боюсь, что это всего лишь «шевроле» — совершенно обычный «шевроле» — в любом случае, эта машина будет для тебя надежным средством передвижения. Конечно, тебе больше понравился бы телефургон, но...

— Телефургон? Какой телефургон?

Мистер Гаунт предпочел не отвечать.

— Но «шевроле» удовлетворит все твои требования, уверяю тебя. Не пытайся на нем уйти от дорожной полиции. Здесь этот номер не пройдет. Только не на этой машине.

Туз услышал свои собственные слова:

— Я уверен, что предпочел бы иметь такой автомобиль, как ваш «талисман», мистер Гаунт, сэр. Он великолепен.

— Хорошо. Возможно, мы договоримся. Видишь ли, Туз, у меня очень простая политика в делах. Хочешь знать, какая?

— Конечно, — искренне ответил Туз.

— Все на продажу. Это моя философия. Все на продажу.

— Все на продажу, — мечтательно повторил Туз. — Ух! Круто!

— Правильно! Круто! А теперь, Туз, я считаю, что тебе нужно перекусить. Я тоже был сегодня слишком занят, несмотря на праздник. Я бы предложил тебе составить мне компанию, но...

— Нет, я, действительно, не могу.

— Да, конечно. Ты ведь знаешь, куда пойти и где остановиться? Я жду тебя завтра между восемью и девятью.

— Между восемью и девятью.

— Да, когда стемнеет.

— Когда никто не узнает и никто не увидит, — мечтательно сказал Туз.

— Возьми это и спокойной ночи, Туз!

Мистер Гаунт протянул руку. Туз потянул было свою руку... но вдруг увидел, что предлагал ему мистер Гаунт. Это была коричневая крыса из крысоловки. Туз отдернул руку с негромким возгласом. Он не имел ни малейшего понятия, зачем мистер Гаунт подобрал дохлую крысу. Или это другая?

Туз решил, что не имеет значения, какая это крыса. Он не собирался здороваться за руку с дохлой крысой, каким бы чудачком ни был мистер Гаунт.

Мистер Гаунт улыбаясь произнес:

— Извини меня. С каждым годом я становлюсь все забывчивее. Я, кажется, предложил тебе свой ужин!

— Ужин? — повторил Туз сдавленным голосом.

— Да, конечно.

Толстый, желтый ноготь большого пальца вонзился в белый мех на животе крысы. Через секунду ее внутренности вывалились в ладонь мистера Гаунта. Прежде чем Туз успел рассмотреть что-нибудь еще, мистер Гаунт повернулся к нему спиной и вышел, закрывая за собой дверь.

— Так куда я подевал этот сыр? — раздался из-за двери его голос.

Послышался тяжелый металлический щелчок, и дверь захлопнулась.

Туз согнулся, уверенный, что его сейчас вырвет. Он почувствовал спазмы в желудке, послышался гортанный звук... а затем он опустил вниз голову.

Он считал, что все это ему показалось.

— Это была шутка, — пробормотал он. — У него в кармане пиджака была резиновая крыса, или еще что-нибудь. Это была просто шутка. Была ли? А как насчет кишок, в таком случае? А желеобразная жижа вокруг них? Как насчет этого?

«Ты просто устал, — подумал он. — Это была резиновая крыса. А все остальное... Тьфу!»

Но на минуту все пережитое — брошенный гараж, «такер», сам выбирающий дорогу, это проклятое место, ПРАВИЛА ЙОГ-СОХОТА — вылилось у него в крик:

— Бежать отсюда! Бежать, пока еще есть время!

Но это была, действительно, сумасшедшая мысль. Этой ночью его ждали деньги. Может быть, много денег. Может быть, баснословное состояние.

Туз стоял несколько минут в темноте, как робот, у которого сели батареи. Мало-помалу к нему вернулось чувство реальности — вернулось ощущение себя — и он решил, что крыса не имеет значения. Как и «талисман». А карта и порошок мистера Гаунта имеют значение; он вспомнил, что у мистера Гаунта очень простая политика в делах, которая тоже имеет значение, а все остальное неважно.

Он прошел по проезду и завернул за угол. Магазин был закрыт и темен, как и все остальные здания на Мэйн-стрит. Перед магазином был припаркован «шевроле», как и было обещано. Туз попытался вспомнить, был ли он здесь, когда приехал на «талисмани», но не смог. Каждый раз, когда он пытался направить свои мысли на то, чтобы вспомнить события, происходившие до настоящего момента, его память блокировалась. Он помнил, как протянул руку мистеру Гаунту и увидел, что тот держит в руке большую дохлую крысу.

«Я считаю, что мне пора немножко поесть. Я бы пригласил тебя составить мне компанию, но...»

Хорошо, это был еще один факт, который не имел значения. Здесь был «шевроле», и это было все, что нужно. Туз открыл дверь, положил книгу с картой на сиденье, затем вытащил ключ из замка. Он обошел машину и открыл багажник. Он знал, что ему нужно найти, и не был разочарован. Заступ и лопата с коротким черенком лежали крест-накрест, в форме буквы «X». Туз посмотрел внимательнее и обнаружил даже пару грубых рабочих перчаток.

— Мистер Гаунт, вы обо всем позаботились, — сказал он и захлопнул багажник. Тут он увидел на заднем бампере наклейку и наклонился, чтобы прочитать ее.

«Я ЛЮБЛЮ АНТИКВАРНЫЕ ВЕЩИ».

Туз рассмеялся. Он все еще смеялся, проезжая Тин Бридж и направляясь к старому Треблхорну, где хотел начать первые раскопки. Проезжая мимо Пандерли Хилл, он повстречался с фургоном, направлявшимся в город. Фургон был набит молодыми людьми. Высокими голосами они пели «Мы Нашли Друга В Господе» в баптистском исполнении.

9

Одним из этих молодых людей был Лестер Айвенго Пратт. После футбольного матча они с командой поехали в Лейк-Аубурн, в двадцати пяти милях отсюда. Там проходили недельные моления, и Вик Тремпайн сказал, что в пять часов будет специальная служба, посвященная Дню Колумба, с распеванием псалмов. Так как автомобиль Лестера был у Салли, и они ничего не планировали на сегодняшний вечер — ни кино, ни ужина в Мак-Дональде, ему пришлось поехать с Виком и прочими добрыми христианами.

Разумеется, он знал, что именно всех привлекало в этой поездке — не религия, вернее, не только религия. На подобных собраниях всегда собиралось много хорошеньких девушек.

Лестер, у которого была своя девушка, поглядывал на остальных снисходительно, как старый женатый человек смотрит на забавы

холостяков. Он поехал только за компанию, и еще потому, что он любил послушать хорошую проповедь и хорошо попеть после напряженного дня, полного ударов по ногам и блоков корпусом. Он знал, что это лучший способ расслабиться.

Была хорошая проповедь, и огромное число людей захотело получить спасение после нее. В результате собрание затянулось дольше, чем хотелось бы Лестеру. Он собирался позвонить Салли и пригласить ее на мороженое с лимонадом к Вики. Девушкам иногда нравится такое времяпрепровождение.

Они пересекли Тин Бридж, и Вик высадил его на углу Мэйн-стрит и Набережной.

— Была отличная игра, Лесс! — крикнул Билл Макфорланд с заднего сиденья.

— Воистину так! — ответил Лестер. — До следующей субботы, может быть, я, наконец, сломаю тебе руку, а не растяну ее, как в этот раз.

Четверо парней в машине Вика дружным хохотом встретили эту остроту, и Вик тронулся. Звуки песни «Иисус — Друг Навсегда» затихли в ночном воздухе.

Лестер медленно брел к дому, чувствуя себя уставшим, но довольным. Каждый день прекрасен, когда посвящаешь сердце Иисусу, но бывают дни прекраснее остальных. Это был именно такой день, и все, чего он сейчас хотел, это подняться к себе, позвонить Салли и прыгнуть в постель.

Он смотрел на звезды, пытаясь найти созвездие Ориона, и свернул на проезжую часть. В результате он ударился в темноте пахом об угол своего собственного «мустанга».

— О-о-о-у! — взвыл Лестер Пратт. Он отступил назад, согнулся и схватился за ушибленное место. Через несколько секунд он смог поднять голову и посмотреть сквозь выступившие слезы на свой автомобиль. Однако кто делает здесь его автомобиль? «Хонда», принадлежащая Салли, выйдет из мастерской не раньше среды — а то и в конце недели.

Затем до него дошло. Салли в доме! Она приехала, пока его не было, и сейчас ждет его! Может быть, она решила, что сегодня именно та ночь! Разумеется, добрачный секс — это грех, но иногда надо разбить яйца, чтобы приготовить омлет. И он был согласен совершить этот грех, если она так решила.

— Парам-пам-пам! — восторженно вскричал Лестер — Маленькая, сладенькая Салли в праздничном наряде!

Он побежал к крыльцу маленькими крабьими шажками, все еще сжимая ушибленное место. Теперь, однако, оно ныло не только от боли, но и от возбуждения. Он достал из-под коврика ключ и вошел.

— Салли? — крикнул он. — Салли, ты здесь? Извини, я задержался, мы ездили в Лейк-Аубурн с ребятами и...

Он прислушался. Ответа не было, и это означало, что ее здесь нет. Если только..!

Он побежал вверх как можно быстрее, неожиданно уверенный, что она уснула в его постели. Она откроет глаза и сядет, простыня спадет с ее прекрасных груди (ему доводилось их чувствовать — да, но не видеть); она обнимет его, эти прекрасные сонные виль-

ково-голубые глаза откроются шире, и к тому времени, как часы пробьют десять, они лишатся невинности.

Но спальня была пуста, как кухня и гостиная. Простыни и одеяла валялись на полу, почти, как всегда. Лестер был из тех энергичных парней, которые не могут просто встать и убрать постель утром; он вскакивал и расшвыривал все вокруг.

Теперь, однако, он спускался вниз с нахмуренным лицом. Автомобиль был здесь, а Салли не было. Что это значит? Он не знал, но ему это не нравилось.

Он включил свет на крыльце и вышел, чтобы посмотреть на машину. Может быть, она оставила ему записку. Он дошел до ступенек, затем остановился. Да, записка была. Она была написана поперек лобового стекла ярко-красной нитроокраской, может быть, его собственной. Крупные заглавные буквы насмеялись над ним:

«ИДИ К ЧЕРТУ, ЛЖИВЫЙ УБЛЮДОК».

Лестер долго стоял на верхней ступеньке, снова и снова читая послание своей невесты. Молебное собрание? В чем дело? Может, она думает, что он поехал на проповедь в Лейк-Аубурн, чтобы встретиться с какой-то девушкой? В его потрясенном сознании это была единственная мысль, которая хоть что-то проясняла.

Он вернулся в дом и позвонил Салли. Он звонил раз двадцать, но никто не отвечал.

10

Салли знала, что он позвонит, поэтому попросилась переночевать у Ирэн Лютдженс. Ирэн очень удивилась, но, разумеется, согласилась. Салли была так потрясена чем-то, что ее едва можно было узнать. Ирэн не могла поверить своим глазам, но это было правдой.

Со своей стороны, Салли не имела желания рассказывать Ирэн или кому-нибудь другому, что произошло. Это было слишком ужасно, слишком постыдно. Она хотела хранить это в себе до конца дней. Поэтому она полчаса пыталась не отвечать на вопросы Ирэн. Затем вся история вылилась из нее вместе со слезами. Ирэн слушала ее, и ее глаза становились большими и круглыми.

— Все в порядке, — всхлипывала Ирэн, сжимая Салли в объятиях. — Все в порядке, Салли. Иисус любит тебя, даже если этот сукин сын обманул. Я тоже. И преподобный Роуз тоже. И ты правильно сделала, что оставила память о себе этому мускулистому дубине.

Салли кивнула, шмыгнув носом. Ирэн нежно погладила ее по голове и вздохнула. Ирэн не могла дожидаться завтрашнего дня, чтобы разнести эту новость подругам. Они не поверят! Ирэн чувствовала себя виноватой перед Салли, но она была отчасти счастлива, что это произошло. Салли была так прекрасна и так набожна. Была особая пикантность видеть ее несчастной.

«А Лестер — самый красивый мужчина в церкви. Если они с Салли действительно порвут, почему бы ему не обратить внимание на меня. Он иногда смотрит на меня так, как будто размышляет, какое на мне белье. И я думаю, что нет ничего невозможного...»

— Я чувствую себя так ужасно! — всхлипывала Салли. — Так грязно!

— Ну, конечно же, — успокаивала ее Ирэн, продолжая сжимать в объятиях и глядя по голове. — Эта фотография и письмо все еще у тебя?

— Я сожгла их! — Салли опять заплакала навзрыд, упав на грудь Ирэн. И ее опять закружил вихрь отчаяния и горя.

— Ну, конечно же, — пробормотала Ирэн, — именно так ты и должна была поступить.

«Все же ты могла подождать со сжиганием фотографии, по крайней мере, пока я не взглянула бы на нее», — подумала она.

Салли провела всю ночь в спальне Ирэн. Но она не смогла сомкнуть глаз. Ее рыдания постепенно утихали, и большую часть ночи она провела, глядя сухими глазами в темноту и погружаясь в такие черные и горькие мстительные фантазии, которые мог бы поддержать только жестоко обманутый любовник.

Глава 15

1

Первый покупатель «только по записи» появился у мистера Гаунта ровно в восемь, утром во вторник. Это была Люсиль Данхент, официантка. Люсиль была погружена в глубокий, безнадежный восторг при виде черного жемчуга, выставленного в витрине «Необходимых вещей». Она знала, что никогда не сможет даже надеяться приобрести такую драгоценную вещь, даже за миллион лет работы. Не за те деньги, что платит ей прижимистая владелица закусочной Нэни Робертс. Но когда мистер Гаунт предложил ей поговорить о них, то Люсиль проглотила приманку, как голодная рыба заглатывает сверкающую блесну.

Она вышла из магазина в восемь двадцать, с выражением мечтательного счастья на лице. Она приобрела черный жемчуг за смехотворную сумму в тридцать восемь долларов пятьдесят центов. Она также пообещала выполнить маленький каприз, совершенно безобидный, касающийся баптистского проповедника Вильяма Роуза. Это будет не работа, как поняла Люсиль, а чистое удовольствие. Этот почитатель Библии ни разу не давал ей на чай даже плохонького десятипенсовика. Люсиль слышала от него, что на небесах она получит вознаграждение за все. Она, однако, сомневалась, что он помнит слова Библии, где говорилось, что лучше давать, чем получать.

Что ж, она немного отплатит ему... и это будет совершенно безобидно. Так ей сказал мистер Гаунт.

Этот джентльмен смотрел на нее с приятной улыбкой, когда она уходила. Он запланировал себе исключительно напряженный день, назначив встречи через каждые полчаса или около того. Кроме того, ему нужно было сделать множество телефонных звонков. Карнавал был прекрасно организован — одно из важнейших дел было сделано.

И пришло время начинать. Как всегда, достигнув высшей точки, где бы это ни было — в Анкаре, в Ливане, в западных провинциях Канады, или в Хиксвилле США, он чувствовал, что ему не хватает двадцати четырех часов в сутки. И ему еще приходилось прикладывать все усилия к достижению одной цели, так как занятые руки — счастливые руки, а борьба сама по себе благородна и...

... и если его не обманывают стареющие глаза, то подходил второй назначенный на сегодня клиент Айветт Грендон.

— Трудный, трудный день, — пробормотал мистер Гаунт, и изобразил на лице широкую, добродушную улыбку.

2

Алан Пэнгборн появился в своем офисе в восемь тридцать. Возле телефона его уже ждало сообщение. В семь сорок пять звонил Генри Пэйтон из полиции штата. Он хотел, чтобы Алан перезвонил в АСАП. Алан уселся в кресло, прижал плечом трубку к уху и нажал кнопку автоматического вызова. Из верхнего ящика стола он достал четыре серебряных доллара.

— Привет, Алан, — сказал Генри. — Боюсь, что у меня плохие новости о твоём двойном убийстве.

— О, наконец, это мое двойное убийство, — сказал Алан.

Он взял четыре монеты, сжал их в кулаке и опять разжал руку. Теперь их было три. Он откинулся в кресле и положил ноги на стол.

— Это действительно должны быть плохие новости.

— Судя по голосу, ты не удивлен.

— Нет, — он опять сжал кулак и нажал пальцем на нижний серебряный доллар в стопке. Это была тонкая работа... Но Алан был более чем опытен. Серебряный доллар выскользнул из кулака и скользнул в рукав. Послышался слабый звон, когда он ударился о первую монету, и этот звон должен был заглушаться магическими восклицаниями во время реального показа этого фокуса. Алан снова разжал руку. Теперь в ней было только две монеты.

— Может быть, ты скажешь мне, почему? — сказал Генри.

Его голос звучал слегка удивленно.

— Да, последние два дня я думал об этом, — сказал Алан.

Это было даже не всей правдой. С того момента в субботу, когда он впервые увидел, что Нэтти Кобб — одна из тех женщин, которые лежат под стоп-сигналом, он больше ни о чем не думал. Ему даже приснилась эта сцена. Он чувствовал, что все то множество событий, которые последовали вскоре, приобретает какую-то определенность. Поэтому звонок Генри вызвал у него не досаду, а облегчение и избавил Алана от необходимости обращаться к нему.

Он сжал в кулаке два оставшихся доллара.

«Дзинь».

Теперь остался один.

— Что тебя беспокоит? — спросил Генри.

— Все, — спокойно сказал Алан. — Начиная с того, что это вообще случилось. Я думаю, что хуже всего то, как работает... или не работает график преступления. Я пытался представить себе, как

Нэтти Кобб нашла свою мертвую собаку и затем села, чтобы написать все эти записки. И знаешь что? Я не смог это сделать и до сих пор не могу это сделать. Я удивляюсь, что многое в этих дурацких событиях я не могу представить.

Алан с ожесточением сжал и разжал кулак. Он был пуст.

— Ну-ну. Так что мои плохие новости будут для тебя хорошими. Участвовал кто-то еще, Алан. Мы не знаем, кто убил собачку Кобб, но мы почти уверены, что это не Вилма Ежик.

Алан быстро снял ноги со стола. Монеты высыпались из его рукава и застучали по крышке серебряным дождем. Одна из них упала на ребро и покатилась к краю стола. Алан протянул руку и быстро поймал ее.

— Я думаю, лучше, чтобы ты рассказал мне, что вы выяснили, Генри.

— Фу-х! Давай начнем с собаки. Ее вскрывал Джон Пеллин, доктор ветеринарии из южного Портленда. Он знает животных, как Генри Райтан людей. Он сказал, что, так как штопор прошел сквозь сердце и пес умер почти мгновенно, он может точно определить время смерти.

— Это приятная неожиданность, — сказал Алан.

Он подумал о романах Агаты Кристи, которые Анни читала дюжинами. В них всегда присутствовал сельский врач, который охотно устанавливал время смерти между 4:30 и 4:45. После почти двадцати лет работы офицером полиции Алан знал, что наиболее реалистичным ответом на вопрос о времени смерти бывает: «Где-то на прошлой неделе. Наверное».

— Вот как? В любом случае этот доктор Пеллин заявил, что пес умер между десятью часами утра и полуднем. Питер Ежик показал, что, когда он пришел в спальню, чтобы подготовиться к церкви — сразу после десяти — его жена была в душе.

— Да, это твердо установлено, — согласился Алан.

Он был немного разочарован. Но этот парень Пеллин должен допускать возможность ошибки, потому что он не бог. У Вилмы Ежик было всего пятнадцать минут, чтобы привести себя в порядок и хорошо выглядеть.

— Да? И насколько хорошо она выглядит, по-твоему, Алан?

Он подумал над вопросом и затем тяжело сказал:

— Говоря по правде, старина, она выглядит не очень хорошо. И никогда не выглядела хорошо.

Алан заставил себя добавить:

— Опять то же самое, мы будем олухами, если не закроем это дело только из-за показаний какого-то собачьего доктора и интервала в пятнадцать минут.

— Хорошо, давай поговорим о записке на штопоре. Ты ее помнишь?

— «Никто не может пачкать мои чистые простыни. И я тебе это докажу».

— Именно так. Эксперт по почеркам в Аугусте все еще работает над этим, но Питер Ежик дал нам образцы почерка жены. Я получил ксерокопии — вот они, передо мной. Они не идентичны.

— Что ты такое говоришь!

— Я знаю, что говорю. Я думал тебя этим не удивишь.

— Я знал, что что-то здесь не так. Но эти камни с записками, я не мог выбросить их из головы. Последовательность во времени была нарушена, и это меня беспокоило. Но все выглядело так, будто это действительно сделала Вилма Ежик. Ты уверен, что она не изменила свой почерк?

Он не мог в это поверить — путешествовать инкогнито не было в стиле Вилмы Ежик, однако эту возможность нужно было проверить.

— Я? Я уверен. Но я не эксперт, и мое мнение нельзя представить в суде. Вот почему эти записки у графоаналитика.

— Когда этот парень даст свой отчет по почеркам?

— А кто его знает? В любом случае, даю тебе слово, Алан, эти почерки — как яблоки и апельсины — мало общего.

— Ну ладно, если Вилма не делала этого, то кто-то хотел, чтобы Нэтти поверила, что Вилма это сделала. Кто? И зачем? Зачем, черт побери?

— Ну, я не знаю, — это твой город. Кроме того, у меня еще две вещи для тебя.

— Давай, — Алан положил серебряные доллары обратно в ящик и пальцами сделал на стене тень высокого тощего человека в котелке. Затем котелок превратился в тросточку.

— Тот, кто убил собаку, оставил кровавые отпечатки пальцев на внутренней ручке входной двери — это первое.

— Горячо!

— Я бы скорее сказал, тепло. Они смазаны. Кто-то схватил дверную ручку, чтобы открыть дверь и выйти.

— Тогда ничего хорошего?

— Мы получили несколько фрагментов, которые могут помочь, но я не уверен, что их можно представить в суд. Я послал их в картотеку ФБР в Вирджинии. Они сейчас их обрабатывают. Но они работают медленно, я не уверен, что они закончат на этой неделе. Но я сам сравнил частичные отпечатки с отпечатками Ежик, которые взял вчера в отделе медицинской экспертизы.

— Они не совпадают?

— Да, это как и с записками. Частичные и полные отпечатки похожи, но если я попытаюсь представить их в суд, защита натянет мне их на задницу. Но пока мы сидим с тобой в глубокой яме, то могу сказать — ничего похожего. Например, размер. У Вилмы Ежик маленькие руки. А эти частичные отпечатки взяты с большой руки. Скажу даже с очень большой руки.

— Отпечатки мужчины?

— Да, я уверен. Но опять же, это не для суда.

— Кто же он? — на стене появилась тень домика, которая вдруг превратилась в пирамиду. Затем пирамида раскрылась, как цветок, и превратилась в гуся, летящего в солнечном свете. Алан попытался представить себе лицо мужчины, не Вилмы Ежик, а какого-то мужчины, который вошел в дом Нэтти, когда она ушла в то воскресное утро. Человека, который убил Райдера штопором и свалил все на Вилму. Он смотрел на лицо, но не видел ничего, кроме тени.

— Генри, кто же мог сделать что-нибудь подобное, если не Вилма?

— Не знаю. Но мы, кажется, нашли свидетеля инцидента с камнями.

— Что? Кто?

— Я сказал, кажется. Помни это.

— Я помню, не дразни меня. Кто это?

— Ребенок. Женщина, которая живет рядом с Ежик, услышала шум и вышла посмотреть, что происходит. Она сказала, что подумала, что «эта сука» — ее слова, наконец окончательно спятила и выбросила мужа из окна. Она говорит, что видела ребенка, удирающего от дома. Он выглядел испуганно. Она спросила его, что происходит. Он сказал, что подумал, не дерутся ли мистер и мисс Ежик. Да и она подумала то же самое. А когда шум прекратился, она больше не вспоминала о нем.

— Это, наверное, Джилиан Мислабурски, — сказал Алан. — Дом напротив Ежик свободен — он продается.

— Да. Джилиан Мислабурски. Так у нас записано.

— А кто этот малыш?

— Не знаю. Она узнала его, но имени не помнит. Она сказала, что он соседский, по крайней мере, из того же квартала. Мы найдем его.

— Сколько ему лет?

— Она говорит, от одиннадцати до четырнадцати.

— Генри? Разреши мне его найти. Хорошо?

— Да, — сразу же ответил Генри, и Алан расслабился. — Я вообще не знаю, почему мы ведем это расследование, если преступление произошло у вас. Портленд и Бангор сами занимаются своими делами, чем хуже Кастл Рок? Я даже не знал, как произносится имя этой женщины, пока ты не сказал!

— В Кастл Роке полно своей полиции, — задумчиво сказал Алан. Он перевернул календарик и написал: Джил Мислабурски и мальчик 11-14.

— Если мои идиоты найдут ребенка и он увидит трех верзил в форме, он так перепугается, что совсем потеряет голову, — сказал Генри. — Он, наверное, знает тебя? Ты не обходил школы?

— Да, я там рассказывал о правилах дорожного движения и о законах в День юстиции, — ответил Алан.

Он пытался вспомнить фамилии ребят, живущих в одном квартале с Ежик и Мислабурски. Он быстро набросал их на той же бумажке: Делоиз, Раск, Беллингейм. Может быть, были еще другие семьи с детьми этой возрастной группы, но с этих трех надо было начинать.

— Джил помнит, в котором часу она слышала шум и видела ребенка? — спросил Алан.

— Она не уверена, но думает, что после одиннадцати.

— Значит, это не Ежики дрались. Мистер Ежик был на мессе.

— Правильно.

— Значит, это был тот, кто швырял камни.

— Опять правильно.

— Он очень странный, Генри.

— Три раза подряд. Еще немного и ты выиграешь тостер.

— Интересно, видел ли его ребенок?

— Обычно я говорю: «Это слишком хорошо, чтобы быть правдой», но Мислабурски сказала, что он выглядел испуганным, так что, может быть, и видел. Если он его видел, я спорю на пиво с бутербродами, что это была не Нэтти Кобб. Я думаю, кто-то натравил их друг на друга, может быть, просто, чтобы развлечься. Просто ради шутки.

Но Алан, который знал город лучше, чем Генри, счел это фантастикой.

— Может быть, это сам ребенок, — сказал он. — Может быть, поэтому он и был испуган. Может, это был просто вандализм.

— В этом мире, где есть Майкл Джексон и такая задница, как Аксл Роуз, все возможно, конечно, — согласился Генри. — Но, по-моему, вандализм легче было бы допустить, если бы ребенку было шестнадцать или семнадцать.

— Да, — согласился Алан.

— Но зачем делать предположения, если ты можешь найти ребенка?

— Да, я в этом уверен. Но я лучше подожду, пока закончатся уроки. Я потом тебе позвоню. Ты прав — не стоит его пугать.

— У меня все хорошо, эти две дамы никуда не денутся. Тут куча репортеров, от них столько шума — они как навязчивые мухи.

Алан посмотрел в окно и успел увидеть, как мимо проехал фургон с надписью: «ВМТВ — ТВ».

— Да, здесь тоже их полно, — сказал он.

— Позвонишь мне в пять?

— В четыре. Спасибо, Генри.

— Не за что, — Генри положил трубку.

Первым импульсом Алана было встретиться с Норрисом Риджвиком, и все ему рассказать. Затем вспомнил, что Норрис, наверное, рыбачит на озере со своей новой удочкой.

Он поднялся. Он чувствовал себя уставшим и обеспокоенным. Ему не хотелось идти в квартал, где произошло убийство. Он мог вспомнить еще несколько семей с детьми этого возраста... И кто знает? Может быть, то, что сказал Генри о ребенке, может подойти к среднего возраста женщине, которая покупает платье у Лейн Брайан. Память Джил Мислабурски, возможно, немного улучшится, если ее расспросит какой-нибудь знакомый.

Он взял свою фуражку с вешалки возле двери, но потом повесил ее на место. Он решил, что сегодня будет лучше выглядеть полуофициально.

Он вышел из кабинета и изумленно остановился на пороге. Джон Ля Пуант превратил свой стол и пространство вокруг него в зону, требующую срочного вмешательства службы Красного Креста. Бумаги валялись повсюду. Ящики были сложены один на другой, образуя на столе Джона Вавилонскую башню. Казалось, они могут упасть в любую секунду. А Джон, обычно самый аккуратный из всех полицейских офицеров, стоял красный и страшно ругался.

— Я вымою тебе рот с мылом, Джони, — сказал Алан, нахмурившись.

Джон вздрогнул и обернулся. Увидев Алана, он смутился.

— Извини, Алан, я...

Вдруг Алан бросился вперед. Он пересек комнату с той неожиданной быстротой, которая так поразила Полли Чалмерс в пятницу вечером. Джон Ля Пуан застыл с раскрытым ртом. Затем он понял, зачем бросился Алан, два ящика на вершине пирамиды соскальзывали вниз.

Алан был достаточно быстр, чтобы удержать от падения нижний ящик, но верхний, увлекая за собой бумаги и скрепки, упал ему на ногу. Алан отодвинул оставшиеся ящики от края стола.

— Боже мой! Это было здорово! — воскликнул Джон.

— Спасибо, Джон, — сказал Алан с вымученной улыбкой. Ящики начали соскальзывать. Он зря их подвинул, это только нарушило равновесие на столе. Кроме того, он ушиб ногу.

— Оставь все комплименты при себе. Лучше убери этот чертов ящик с моей ноги.

— О! Черт! Конечно! Конечно! — Джон бросился на помощь. Поднимая ящик, он подтолкнул Алана, тот отпустил оставшиеся два ящика, которые придерживал. Они тоже приземлились на его ногу.

— О-у! — взвыл Алан и запрыгал на левой ноге. — Кретин!

— Господи! Алан, извини!

— А что ты тут ищешь? — спросил Алан, продолжая подпрыгивать. — Информацию о половине Кастл Рока?

— Я думал, что она здесь, — Джон виновато улыбнулся и начал складывать документы в ящики.

Его обычно привлекательное лицо горело от стыда. Он стоял на коленях, и, неловко повернувшись, задел стопку документов, которые тотчас же рассыпались по всему полу. Теперь все пространство в приемной офиса шерифа напоминало зону, пострадавшую от торнадо.

— Бардак! — сказал Джон.

— Бардак, — согласился Алан, сядя на стол Норриса и пытаясь промассировать ногу через тяжелый форменный башмак. — Бардак в чистом виде. Очень точное описание ситуации. Именно так я его всегда представлял.

— Извини! — опять сказал Джон, ползая на животе под столом и сгребая рассыпавшиеся скрепки обеими руками.

Алан не был уверен, хочет ли он смеяться или плакать. Ноги Джона равномерно двигались в такт с руками и еще дальше разбрасывали документы по полу.

— Джон, вылезай оттуда, — приказал Алан.

Он пытался не рассмеяться, но чувствовал, что сейчас не выдержит.

Ля Пуан дернулся под столом. Он ударил головой снизу по крышке стола, и еще одна стопка бумаг, на другом конце стола, разлетелась во все стороны. Большая их часть осела на полу, но некоторые продолжали медленно парить по всей комнате.

Казалось, это будет продолжаться долго. Может быть, неделю.

Тут Алан почувствовал, что не может больше сдерживаться. Он откинул голову и захохотал. Энди Клаттербарк, находящийся в диспетчерской, зашел посмотреть, что происходит.

— Шериф, — спросил он, — все в порядке?

— Да, — ответил Алан.

Он посмотрел на разбросанные отчеты и бланки и захохотал снова.

— Джон просто творчески обрабатывает документы, только и всего.

Джон, наконец, выбрался из-под стола. Он выглядел, как человек, сделавший сорок отжиманий от пола. Вся его обычно аккуратная форма спереди была покрыта пылью, и, несмотря на все свое веселье, Алан моментально заметил, что давненько Эдди Вобертон не заботился о чистоте пола. Затем он снова принялся хохотать. Он просто не мог ничего поделывать. Клатт переводил взгляд с Джона на Алана и обратно, ничего не понимая.

— Ну, ладно, — сказал Алан, приходя в себя. — Что ты искал, Джон? Святую чашу? Прошлую пятницу? Что?

— Мой бумажник, — ответил Джон, безрезультатно пытаюсь отряхнуть свою форму. — Я не могу найти мой бумажник.

— А ты осматривал машину?

— Обе машины, — ответил Джон.

Он бросил безнадежный взгляд на беспорядок, царящий вокруг.

— В патрульной, в которой я дежурил вчера ночью и в своем «понтаке». Но когда я бываю здесь, я вынимаю его из брюк и кладу в ящик стола, потому что он мне мешает сидеть. Поэтому я искал.

— Если ты будешь его так искать, то у тебя на это уйдет вся жизнь, Джон, — резонно заметил Энди Клаттербарк.

— Клатт, — сказал Алан. — Ты не хочешь пойти поиграть в дорожное движение?

— Что?

— Иди займись чем-нибудь. Мы с Джоном обо всем позаботимся. Мы здесь тренируемся в проведении обысков. Если поймем, что не справляемся, позовем тебя.

— Да, конечно, я просто пытался помочь. Я когда-то видел этот бумажник. Он выглядел так, как будто в нем хранится вся библиотека конгресса. Честно говоря...

— Спасибо за помощь, Клатт. Увидимся.

— Ну, ладно, — сказал Клатт. — Всегда рад помочь. Пока.

Алан округлил глаза. Он почувствовал, что опять готов засмеяться, но справился с собой. По несчастному выражению лица Джона он понял, что тому не до шуток. Алан сам раза два терял бумажник и знал, какое ощущение при этом возникает. Потеря денег и кредитных карточек — это не самое главное. Ты вспоминаешь все те справки и квитанции, которые ты затолкал в бумажник и которые другому показались бы просто мусором, но они незаменимы для тебя.

Джон опустился на корточки, собирая и сортируя бумаги. Он выглядел безутешным. Алан начал ему помогать.

— Ты сильно ушибся, Алан?

— Нет, ты же знаешь эти ботинки, они ж как колодки на ногах, сколько было в бумажнике, Джон?

— Да не больше двадцати баксов. Но я положил в него на прошлой неделе охотничью лицензию. И кредитка Мастер Кард

была там же. Мне придется позвонить в банк, чтобы аннулировали номер, если не найду этот чертов бумажник. Но что действительно жалко, так это фотографии. Мама, и папа, и сестры...

Но на самом деле, Джона заботили не фотографии мамы с папой или одной из сестер. Единственной важной вещью была фотография, где он снялся с Салли Рэтклифф. Клатт щелкнул их на ярмарке во Фрайбурге за три месяца до того, как Салли порвала с ним и увлеклась этим дубиной Лестером Праттом.

— Да, — сказал Алан, — я понимаю. Деньги и карточка считай пропали, но бумажник и фотографии найдутся. Они всегда находятся. Ты же знаешь.

— Хорошо бы, — сказал со вздохом Джон. — Я просто... черт! Я пытаюсь вспомнить, был ли он при мне, когда я шел сюда. И не могу.

— Да ладно, надеюсь, что найдешь. Сколько людей находят свои вещи в бюро находок, может, и тебе повезет?

— Будем надеяться. Ладно, я попытаюсь тут все убрать.

— Я думаю, ты справишься, Джон. Не расстраивайся.

И Алан отправился к автостоянке, качая головой.

3

Маленький серебряный колокольчик на двери «Необходимых вещей» звякнул, и в магазин робко вошла Бабс Миллер, член добропорядочного бридж-клуба на Аш-стрит.

— Миссис Миллер! — улыбнулся ей Лиленд Гаунт, сверяясь с листом бумаги возле кассового аппарата.

Он сделал на нем маленькую пометку.

— Как хорошо, что вы зашли! И как раз вовремя! Вы интересовались музыкальной шкатулкой, не так ли? Прелестная вещичка.

— Да, я хотела поговорить с вами о ней, — ответила Бабс. — Я надеюсь, она продается.

Ей трудно было представить себе, что такая прелестная вещь может не продаваться. Она чувствовала, что ее сердце разорвется, если это так. Мелодия, которую она играла... она знает эту мелодию. Она однажды танцевала под эту мелодию в павильоне на Олд Орчер Бич с капитаном футбольной команды, и позже, тем же вечером, она добровольно отдала ему свою невинность при свете яркой майской луны. Он подарил ей первый и последний оргазм в ее жизни. И воспоминание об этом все еще бурлило в ее крови. Эта мелодия обжигала ей мозг.

— Да, конечно, она здесь, — ответил мистер Гаунт.

Он достал шкатулку из стеклянного шкафчика, где она стояла за «поляроидом», и поставил на прилавок. Лицо Бабс Миллер засветилось при виде ее.

— Я боюсь, что она стоит больше того, что я могу себе позволить, — сказала Бабс. — По крайней мере сейчас, но она мне действительно нравится, мистер Гаунт. И если есть какая-нибудь возможность заплатить в рассрочку... вообще какая-нибудь возможность.

Мистер Гаунт улыбнулся. Это была приятная, милая улыбка.
— Я думаю, вы зря волнуетесь, — ответил он. — Вы будете удивлены, насколько приемлема цена этой прекрасной шкатулки. Сильно удивлены. Присаживайтесь. Давайте поговорим.

Она села.

Он придвинулся к ней.

Их глаза встретились.

Мелодия снова зазвучала в ее ушах.

И Бабс потерялась.

4

— Теперь я припоминаю, — сказала Алану Джилиан Мислабурски. — Это был мальчишка Расков. Билли, кажется, его зовут. Или, может быть, Брюс.

Они сидели в ее гостиной, которую украшали телевизор «Сони» и огромное распятие Христа на стене. Миссис Мислабурски предложила Алану чашку кофе, от которой он отказался.

— Брайан, — подсказал он.

— Да, правильно, — обрадовалась она, — Брайан!

На ней была широкая зеленая шаль. Вокруг ее головы как корона торчали кудри размером с картонные шпульки, на которые наматывают туалетную бумагу.

— Вы уверены, миссис Мислабурски?

— Да, я вспомнила это сегодня утром, когда проснулась. Его отец делал алюминиевую обшивку нашего дома два года назад. И мальчишка приходил помогать ему. Он показался мне хорошим мальчиком.

— Как вы думаете, что он мог там делать?

— Он сказал, что приходил спросить, не будут ли они нанимать кого-нибудь, чтобы расчистить участок перед домом этой зимой. Я думаю, так и было. Он сказал, что придет попозже, когда они перестанут драться. Бедняга казался перепуганным до смерти, и я не виню его. — Она мотнула головой. Ее кудряшки мягко подпрыгнули. — Мне жаль, что она умерла такой смертью... — Джил Мислабурски конфиденциально понизила голос. — Но я рада за Пита. Никто не мог понять, почему он женился на этой женщине. Никто.

Она задумчиво посмотрела на распятого Иисуса, затем опять взглянула на Алана.

— Так-так, — сказал Алан. — А вы не заметили чего-нибудь еще, что связано с домом, или с мальчиком, или с посторонними звуками.

Она прижала палец к носу и приподняла голову.

— Нет, ничего существенного. Мальчишка, Брайан Раск, у него был портативный холодильник на багажнике велосипеда. Я это помню, но не думаю, что это...

— Вот как, — сказал Алан, поднимая руку. На мгновение перед его мысленным взором мелькнул яркий свет. — Вы сказали холодильник?

— Да, вы знаете такой, как берут на пикник. Я помню это потому, что он был слишком большой для его багажника и неровно стоял. Я боялась, что он упадет.

— Спасибо, миссис Мислабурски, — медленно произнес Алан. — Большое спасибо.

— Это имеет какое-нибудь значение? Это важно?

— О, я сомневаюсь в этом.

Алан начал размышлять.

Легче было бы допустить возможность вандализма, если бы ребенку было шестнадцать или семнадцать, говорил Генри Пэйтон. Алан был согласен с этим, но... но он уже встречал двенадцатилетних вандалов, и сейчас думал о том, сколько камней может поместиться в холодильнике для пикника.

Внезапно он почувствовал, что ему будет очень интересно встретиться сегодня днем с Брайаном Раском.

5

Серебряный колокольчик на дверях «Необходимых вещей» мелодично зазвонил. На пороге появился Сонни Джекет. Он медленно вошел в магазин, держа шляпу в руках. У него были манеры человека, который знает, что может помимо своей воли раздобыть много дорогих вещей; на его лице было написано, что разбивать вещи для него — это не желание, а его карма.

— Мистер Джекет! — с заученной радостью приветствовал его Лиленд Гаунт и сделал еще одна пометку в своем списке. — Я так рад, что вы заглянули ко мне.

Сонни продвинулся вперед на три шага и остановился, встревоженно переводя взгляд со стеклянных шкафчиков на мистера Гаунта.

— Здравствуйте! — сказал он. — Вы знаете, я не захожу, чтобы покупать безделушки. Гарри Сэмьюэлс сказал, чтобы я зашел этим утром к вам. Он сказал, что у вас есть прекрасные наборы гаечных ключей. Я ищу такой, но ни в одном магазине пока не нашел то, что нужно.

— Да, я вас понимаю, — сказал мистер Гаунт, — И у меня есть прекрасный набор ключей с регулировкой под два стандарта.

— О, в самом деле? — Сонни поднял брови.

Он знал, что такие бывают, и с их помощью можно работать с иностранными и отечественными машинами без смены инструментов. Но он никогда такого не видел.

— Да, он у меня в задней комнате, мистер Джекет. Я принес его туда, когда узнал, что вы им заинтересовались. Обычно они расходятся мгновенно, а я хотел показать его вам прежде, чем выставить на витрину.

Сонни Джекет отреагировал на это с постоянной подозрительностью янки.

— А почему вы это сделали?

— Потому, что у меня образцовый автомобиль, и поэтому он требует частого ремонта. Мне сказали, что вы лучший механик в этих краях.

— Да, — Сонни расслабился, — может быть, и так. А какая у вас машина?

— «Такер».

Брови Сонни поднялись вверх, и он взглянул на мистера Гаунта с новым выражением. — А, торпеда! Прекрасная вещь!

— Нет. У меня «талисман».

— Как? Никогда не слышал о «такере-талисмани».

— Было только два экземпляра. Они были сделаны в 1953 году, когда мистер Такер уехал в Бразилию, где вскоре умер. — Мистер Гаунт улыбнулся. — Престон был прекрасным парнем, почти волшебником в области дизайна... но не бизнесменом.

— Неужели?

— Да. Но это было вчера, а мы живем сегодня. Перевернем страницу, мистер Джекет. Я всегда так говорю: бодро шагать в будущее и никогда не оглядываться!

Сонни посмотрел на мистера Гаунта с некоторым недоверием и ничего не ответил.

— Давайте я покажу вам набор инструментов.

Сонни согласился не сразу. Вместо этого он посмотрел подозрительно на содержимое стеклянных витрин.

— Не надо предлагать мне что-то слишком хорошее, потому что за этим всегда следует счет длиной в милю. Иногда я думаю, что мне лучше бросить свой бизнес к чертовой матери и податься в глубинку.

— Я знаю, что вы имеете в виду. Эти проклятые республиканцы.

Сонни кивнул. Его напряженное лицо сразу же успокоилось.

— Вы чертовски правы! — воскликнул он. — Джордж Буш почти развалил эту страну... с его проклятой войной! Как вы думаете, смогут ли демократы выставить кого-нибудь против него на выборах?

— Сомнительно, — сказал мистер Гаунт.

— Джесси Джексона, например, — ниггера.

Он свирепо посмотрел на мистера Гаунта, который слегка наклонил голову, как бы говоря: да, мой друг, выкладывай все, что наболело. Мы оба люди, которые не боятся назвать вещи своими именами.

Сонни Джекет еще больше расслабился, почувствовав себя свободно.

— Я не имею ничего против негра, вы понимаете. Но при мысли, что такое дерьмо может оказаться в Белом Доме! Белом Доме! Меня бросает в дрожь.

— Конечно, — согласился мистер Гаунт.

— А этот итальяшка из Нью-Йорка — Мар-и-о Ко-во-амо! И вы думаете, что парень с таким именем может победить этого придурка в Белом Доме?

— Нет, — сказал мистер Гаунт.

Он вытянул правую руку и раздвинул указательный и большой пальцы на четверть дюйма.

— Кроме того, я не доверяю людям с маленькими головами.

Сонни раскрыл на мгновение рот, а потом хлопнул себя по коленям и громко расхохотался: — Не доверяю людям с маленькими — ха-ха! Отлично сказано, мистер! Отлично!

Они улыбнулись друг другу.

Мистер Гаунт достал набор инструментов, который был в кожаном футляре, обтянутом черным вельветом, — лучший набор инструментов из хромового сплава, который Сонни когда-либо видел.

Они улыбались друг другу, склонившись над набором инструментов и скаля зубы как обезьяны перед дракой.

И, конечно же, Сонни купил набор. Цена была неожиданно низкой. Всего 170 долларов. Плюс пара действительно забавных шуток, которые надо будет сыграть с Доном Хэмпфилом и Преподобным Роузом. Сонни сказал мистеру Гаунту, что для него это просто удовольствие — подшутить над этим псаломщиком, да еще республиканцем.

Не переставая улыбаться, они обсуждали шутку, которую предстояло сыграть с этим надутым Вилли и Доном Хэмпфилом.

Сонни Джекет и Лиленд Гаунт были в этот момент самыми улыбчивыми людьми в мире.

Над дверью звякнул колокольчик.

6

Генри Бьюфорд, хозяин и управляющий «Захмелевшего Тигра», жил в домике, расположенном в четверти мили от его заведения. Майра Эванс запарковала автомобиль на пустой стоянке перед «Захмелевшим Тигром» — пустой из-за жаркого не по сезону солнца — и пошла пешком. Учитывая характер ее поручения, это было необходимой предосторожностью. Она не волновалась, «Захмелевший Тигр» не закрывается до часу ночи, и поэтому Генри редко поднимается до часу дня. Все шторы, вниз и вверх, были задернуты. Его автомобиль, исправно работающий «буревестник-60», который был его гордостью и радостью, стоял во дворе.

Майра была одета в джинсы и в голубую рабочую рубашку мужа. Полы рубашки доставали ей почти до колен. Под рубашкой скрывался пояс, на котором висели ножи. Чак Эванс собирал памятки второй мировой войны (и, хотя она не знала этого, он уже сделал свою покупку в новом магазине), и в ножнах был японский штык. Майра взяла его полчаса назад со стены в подвале их дома. Он тяжело ударял по ее правому бедру при каждом шаге. Она очень беспокоилась о завершении того дела, которое задумала, чтобы ей можно было вернуться к фотографии Элвиса. Она обнаружила, что, когда она держала эту фотографию, перед ней разворачивалась целая пьеса. Это была нереальная история, но в большинстве эпизодов, практически во всех, она казалась Майре лучше настоящей. Первым актом был концерт, в котором Король брал ее с собой на сцену и танцевал с ней. Акт II происходил в Зеленой Комнате После Шоу. Акт III был в «лимузине». Один из парней Элвиса вел машину, а Король даже не удосужился поднять черное стекло между водителем и ними, прежде чем начать самые неистовые и пикантные занятия с ней на черном заднем сиденье по дороге в аэропорт.

Акт IV был озаглавлен «В самолете». В этом акте они находились в самолете Элвиса «Лиза-Мария»... на большой двуспальной кровати в дальнем конце кабины, если точнее. Это был акт, которым Майра наслаждалась вчера и сегодня утром. Совершать круиз в тридцать две тысячи футов на «Лизе-Марии», путешествовать в постели с Королем. Она не возражала бы остаться с ним навсегда, но она знала, что не сможет. Они приближались к Акту V — Благословенная Страна. Как только они будут там, все будет хорошо.

Но сначала нужно было сделать это небольшое дело.

Она лежала этим утром после ухода мужа в кровати обнаженная, за исключением пояса для чулок (Король настаивал, чтобы Майра оставляла его), сжимая фотографию в руках, тихо стонала и корчилась на простынях. А затем внезапно двуспальная кровать исчезла. Смолк шум двигателей «Лизы-Марии». Пропал запах его куртки из английской кожи.

Вместо этого появилось лицо мистера Гаунта... Но он уже выглядел не так, как в магазине. Кожа на его лице казалась покрытой волдырями, вызванными каким-то магическим тайным огнем. Это лицо пульсировало и дрожало, как будто под ним сидело что-то, пытаясь вырваться. И когда он улыбался, его квадратные зубы превращались в двойной ряд клыков.

— Пора, Майра! — сказал мистер Гаунт.

— Я хочу быть с Элвисом, — заплакала она. — Я сделаю это, но не прямо сейчас. Пожалуйста, не сейчас.

— Нет, именно сейчас. Ты обещала. И ты должна выполнить свое обещание. Ты сильно пожалеешь, если не сдержишь слова.

Она услышала тихий треск. Она посмотрела вниз и увидела с ужасом, как трещины покрывают стекло поверх лица Короля.

— Нет! — закричала она. — Не делайте этого!

— А я и не делаю, — ответил мистер Гаунт со смехом. — Это делаешь ты. Ты делаешь это своей глупостью, маленькая ленивая потаскушка. Это Америка, Майра. Здесь только проститутки занимаются бизнесом в постели. В Америке уважаемые люди утром встают с кровати и зарабатывают то, что им нужно или теряют то, что имеют. Боюсь, ты забыла это. Конечно, я всегда найду кого-нибудь, чтобы сыграть эту маленькую шутку с мистером Бьюфордом, но что касается твоих прекрасных сердечных дел с Королем...

Появилась еще одна трещина, как будто серебряная морщина протянулась через стекло, покрывающее фотографию. И лицо под стеклом, к ее ужасу, начало стареть и покрываться морщинами, будто разъедающий воздух проник вовнутрь и обезобразил его.

— Нет! Я это сделаю! Прямо сейчас! Я уже встаю, видите? Только остановите это! **ОСТАНОВИТЕ ЭТО!**

Майра соскочила на пол со скоростью женщины, которая обнаружилась в кровати гнездо скорпионов.

— Выполняй свое обещание, Майра, — произнес мистер Гаунт. Теперь он говорил из глубокой пустоты ее мозга.

— Ты знаешь, что делать, правда?

— Да, я знаю!

Майра с отчаянием смотрела на фотографию старого больного человека, прошедшего через годы испытаний и лишений.

Рука, в которой Король держал микрофон, превратилась в хищную лапу.

— Когда ты вернешься, выполнив задание, — продолжил мистер Гаунт, — портрет опять будет в порядке. Если кто-нибудь увидит тебя, ты никогда больше не увидишь его.

— Никто, — пролепетала она. — Я клянусь, что никто!

И теперь, дойдя до дома Генри Бьюфорда, она вспомнила это предостережение. Она огляделась вокруг, чтобы убедиться, что на дороге никого нет. Дорога была пустынна в обоих направлениях. Только вороны сонно каркали в поле. Больше не было слышно ни звука. День пульсировал, как живое существо, а земля вокруг распласталась в изнеможении под палящими лучами солнца.

Майра шла по двору, одергивая полы голубой рубахи, чувствуя, что она поступила правильно, взяв с собой штык. Пот, липкий и едкий, струился по позвоночнику. Она сама не знала этого, да и не поверила бы, если бы ей сказали, что сейчас она очень красива. Ее бесцветное, невыразительное лицо наполнилось, по крайней мере в этот момент, глубокой целеустремленностью и решительностью, которых в ней раньше не было. Ее лицо слегка осунулось, и впервые со школьных времен проступили скулы. За последние четыре дня или около того, когда она увлеклась изощренным сексом с Королем, ей было не до еды. Ее волосы, обычно висящие космами по сторонам, были гладко зачесаны назад, в тугой конский хвост. Еще более замечательны были ее глаза — широкие, голубые, почти горящие. Это были глаза не Майры Эванс, а дикого животного, которое в любой момент может стать кровожадным.

Она подошла к машине Генри. Теперь что-то приближалось по 117-й — старый грузовик въезжал в город. Майра спряталась за машиной и затаилась, пока грузовик не проехал. Затем вынула из нагрудного кармана сложенный листик бумаги. Она раскрыла его, аккуратно расправила и подсунула под дворник, так, чтобы короткая записка хорошо читалась.

**«НЕ ВЫРУБАЙ МЕНЯ И
НЕ ЗАБИРАЙ КЛЮЧИ ОТ
МАШИНЫ, ПРОКЛЯТАЯ ЛЯГУШКА»**

гласила записка.

Теперь свое слово должен сказать штык.

Она бросила вокруг быстрый взгляд, но в горячем воздухе раздавался только один звук. Это было карканье вороны... возможно, той же самой. Она перелетела с телефонного столба прямо во двор и, казалось, наблюдала за ней.

Майра вынула штык, сжала его обеими руками и подняла перед собой. Секунду она стояла неподвижно. Затем всадила штык в шину со стороны водителя. Раздался шипящий звук — как будто человек тяжело выдыхает после тяжелой работы. Машина осела на левую сторону. Майра повернула штык, чтобы расширить прокол. Хорошо, что Чак держит свои инструменты остро наточенными.

Когда она разделалась с этим колесом, то перешла ко второму, с пассажирской стороны и проделала ту же операцию. Она все еще беспокоилась о своей фотографии, но вдруг почувствовала, что работа, которую она делает, доставляет ей такое же удовольствие

Это был вид экзальтации. Она подумала о том, какое лицо будет у Генри, когда он увидит, что случилось с его драгоценным «буревестником». Это даже забавляло ее. Она подумала, что когда они будут с Королем на «Лизе-Марии», она сможет показать ему пару новых любовных трюков.

Она подошла к задним колесам. Штык резал уже не так легко, но она возмещала это своим энтузиазмом, вкладывая энергию в каждый удар.

Когда задание было выполнено, когда все четыре шины были не только проколоты, но и выпотрошены, Майра отступила на шаг, чтобы посмотреть на свою работу. Она тяжело дышала и вытерла пот со лба быстрым мужским жестом. «Буревестник» Генри Бьюфорда осел на шесть дюймов, зевая всеми четырьмя распоротыми шинами. Вокруг были разбросаны куски разрезанной резины. Затем, хотя ее об этом никто не просил, она решила добавить дополнительный штрих. Майра приставила острое штыка к боку машины и провела глубокую царапину вдоль полированного борта.

Штык слабо заскрипел по металлу, и она оглянулась на дом. Внезапно к ней пришла уверенность, что Генри Бьюфорд все слышал и что сейчас откроется штора на окне в спальне и он выглянет наружу.

Этого не случилось, но она поняла, что пора уходить. Она злоупотребляет гостеприимством этого двора, и ей пора возвращаться домой, в свою спальню — Король заждался. Майра поспешила со двора, пряча штык в ножны под рубашкой. Прежде чем она дошла до «Захмелевшего Тигра», мимо нее проехала машина. Водитель мог видеть только ее затылок, и вряд ли стал бы ее пристально рассматривать в зеркале заднего вида.

Она села в свой автомобиль, сняла резинку с волос и рассыпала их в обычном беспорядке. Затем она поехала обратно в город. Она вела машину одной рукой. Вторая была занята, находясь ниже талии. Она помчалась к себе, перепрыгивая через две ступеньки. Фотография была на том же месте, где она ее оставила. Майра сбросила туфли, стянула джинсы, схватила портрет и прыгнула с ним в постель. Трещины на стекле исчезли, Король был все таким же молодым и красивым.

То же самое можно было сказать и о Майре... по крайней мере на некоторое время.

7

Серебряный колокольчик над дверью запел свою короткую мелодию.

— Здравствуйте, миссис Поттер! — приветливо сказал Лиленд Гаунт. Он сделал еще одну отметку в своем списке. — Я уже подумал, что вы не зайдете.

— Я действительно чуть не прошла мимо, — согласилась Ленора Поттер. Она выглядела разбитой и подавленной. Ее серебряные волосы, обычно тщательно ухоженные, лежали на голове небрежным комком. Нижняя рубашка на дюйм высывалась из-под юбки. Под

глазами были темные круги. Сами глаза были беспокойными, бегая с места на место с сердитой подозрительностью.

— Вы ведь хотели посмотреть говорящую куклу? Я помню, вы говорили, что у вас целая коллекция детских игрушек...

— Я даже не знаю, в состоянии ли я сегодня говорить о таких хрупких вещах, — ответила Ленора. Она была женой самого богатого адвоката в Кастл Роке и разговаривала тоном, присущим всем адвокатам. — Я исключительно в плохой форме сегодня. У меня сегодня пурпурная аура. Не просто красная, а пурпурная!

Мистер Гаунт обошел главную витрину и подошел к ней, выражая всем своим видом участие и сожаление.

— Что случилось, моя милая леди? Вы выглядите неважно!

— Конечно, я выгляжу ужасно! — вскрикнула она. — Нарушен обычный поток моей физической ауры — чудовищно нарушен! Вместо голубого, цвета спокойствия и уверенности, вдруг вся моя кальва стала ярко-красного цвета! И это все из-за той стервы на дороге! Этой дряни!

Мистер Гаунт сделал особый плавный жест, проводя рукой вокруг головы Леноры Поттер.

— И что же это за стерва, миссис Поттер? — спросил он, прекрасно зная ответ.

— Разумеется, это Бонсенд! Эта грязная лгунья Стэфани Бонсенд! Моя аура никогда раньше не была алого цвета! Несколько раз глубоко розовая, а однажды, когда я упала на улице Оксфорда, она на несколько минут стала красной. Но никогда не алой! Я просто не могу так жить!

— О, конечно, нет, — успокоительно произнес мистер Гаунт. — Никто и не ожидает от вас этого, моя дорогая.

Он, наконец, поймал ее взгляд. Это было не просто, потому, что глаза миссис Поттер блуждали, перескакивая с предмета на предмет. Но он смог это сделать. Как только это произошло, миссис Ленора почти мгновенно успокоилась. Глядя в глаза мистера Гаунта, она вдруг поняла, что это так же приятно, как вглядываться в собственную ауру, когда она не повреждена никакими стрессами. Это почти так же исцеляет ее ауру, как специальные упражнения, диета, медитация, которой она занималась один час утром и один час перед сном. Его глаза имели мягкий сиренево-голубой цвет чистого неба.

— Пойдемте сюда, — произнес он. Он подвел ее к ряду из трех обитых велветом кресел, в которых за последнюю неделю перебивало так много жителей города. И когда она села, предложил:

— Расскажите мне все.

— Она всегда меня ненавидела, — начала Ленора. — Она всегда считала, что ее муж не может подняться по служебной лестнице в фирме только потому, что мой муж его оттирает. Это женщина с очень маленьким мозгом и большой грудью, и с грязной серой аурой. Вы знаете этот тип людишек.

— Конечно, — согласился мистер Гаунт.

— Но вплоть до сегодняшнего дня я никогда не догадывалась, до какой степени она меня ненавидит! — Ленора Поттер опять начала возбуждаться, несмотря на успокаивающее влияние мистера Гаун-

та. — Я проснулась и... мои клумбы! Они были абсолютно уничтожены! Уничтожены! Все, что я вчера так любила, погибло! Все, что успокаивало мою ауру и выравнивало кальву, было убито! Этой стервой! Этой проклятой СТЕРВОЙ Бонсенд!

Руки Леноры сжались в кулаки, спрятав ее изящные ногти. Она стукнула ими по изогнутым подлокотникам кресла.

— Хризантемы, астры, бархатцы... эта стерва явилась ночью иковыдирила их из земли! Она расшвыряла их! Они были повсюду! Вы знаете, где была этим утром моя декоративная капуста?

— Нет, где же? — сочувственно спросил он, продолжая делать над ее головой успокаивающие пассы.

Вообще-то, он прекрасно знал, где и что находилось этим утром, и знал без тени сомнения, кто именно выполнил это его небольшое поручение, так расстроившее кальву миссис Поттер: это была Мелисса Клаттербарк. Ленора Поттер не могла заподозрить жену помощника шерифа Клаттербарка, она просто не знала ее — и Мелисса совершенно не была знакома с Ленорой, разве что здоровалась на улице. Со стороны Мелиссы не было никакого злого умысла (разумеется, подумал мистер Гаунт, кроме того обычного злорадства, которое испытывает любой человек, уничтожая что-либо, наиболее ценное для другого). Она выкорчевала цветник миссис Поттер, просто отбывая долг за полученный сервиз. «Это ей было приятно, — подумал мистер Гаунт, — но кто и когда сказал, что бизнес всегда должен быть тяжелой обязанностью?»

— Мои цветы валялись на улице! — всхлипывала Ленора. — У всех на виду. Она не пропустила ни одного цветка. Пропали африканские маргаритки... Все пропало.

— Вы ее видели?

— Мне не нужно было ее видеть! Только она могла сделать такое! Только меня она ненавидит настолько, а мои цветы она возненавидела еще больше. — О, мистер Гаунт, — задрожала она, — как только я закрываю глаза, все вокруг становится пурпурным! Что же мне делать?

Мистер Гаунт ничего не отвечал, он просто смотрел на нее прямым взглядом, пока она не успокоилась.

— Теперь вам лучше? — наконец спросил он.

— Да! — ответила она тихим голосом. — Мне кажется, я снова вижу голубое.

— Но вы настолько расстроены, что и думать не можете ни о каких покупках.

— Да.

— Из-за того, что сделала с вами эта стерва.

— Да...

— Она должна поплатиться.

— Да.

— Если она еще раз попытается сделать такое, она дорого заплатит.

— Да!

— Я сейчас принесу одну вещь. Посидите, миссис Поттер. Я на секунду. Вы пока думайте только о голубом.

— О голубом, — сонно сказала она.

Когда мистер Гаунт возвратился, в руках у него был один из тех автоматических пистолетов, которые Туз доставил из Кэмбриджа. Он вложил его в руку Леноры Пратт. Он был полностью заряжен и отливал черно-синим оттенком под светом люминесцентных ламп.

Ленора подняла оружие на уровень глаз. Она глядела на пистолет с глубоким удовлетворением. Он приносил ей успокоение.

— Я никогда, разумеется, не позволил бы одному человеку стрелять в другого, — произнес мистер Гаунт. — Никогда, по крайней мере без достаточно веских оснований. Но вы выглядите женщиной, у которой есть достаточно веские основания, миссис Поттер. Дело ведь не в цветах — мы оба знаем, что не это самое главное. Цветы — это следствие. Но ваша карма... ваша кальва... да что собственно, у нас всех еще есть в этой жизни? — И он горько рассмеялся.

— Больше ничего, — согласилась она и направила пистолет на стену. — Пух. Пух, пух, пух. Это тебе, маленькая лживая сучка. Я думаю, твой муж закончит свою карьеру сборщиком мусора. Вот чего вы оба заслуживаете.

— Видите здесь маленький рычажок, миссис Поттер? — указал он.

— Да, вижу.

— Это предохранитель. Если эта стерва еще раз покажется возле вашего дома, то сначала поднимите его. Вы понимаете?

— О, да, — сказала Ленора сонным голосом. — Я прекрасно понимаю. «Клац-клац».

— Никто не сможет обвинить вас. Кроме всего прочего, женщина должна защищать свою собственность. Женщина должна защищать свою карму. Возможно, что эта Бонсенд никогда не вернется. Но если она появится...

Он значительно посмотрел на нее.

— Если она появится, то это будет последний раз, — Ленора поднесла короткий ствол к губам и поцеловала.

— Теперь положите это в сумочку, — сказал мистер Гаунт, — и идите домой. Кто знает, может быть, она находится в вашем саду прямо сейчас. Она может быть даже в вашем доме.

Ленора встревоженно посмотрела на него. Ощущение пурпурного цвета опять начало кружить вокруг, прорываясь в ее голубую ауру. Она поднялась, засовывая оружие в сумочку. Мистер Гаунт отвел от нее свой взгляд, и она несколько раз растерянно моргнула.

— Прошу прощения, мистер Гаунт, — произнесла она. — Я посмотрю эту куклу в другой раз. Я думаю, мне лучше пойти домой. Кто знает, может быть, эта Бонсенд сейчас у меня в саду, пока я сижу здесь. Она, может быть, даже в моем доме!

— Какая чудовищная мысль, — произнес мистер Гаунт.

— Да, но собственность подразумевает ответственность, мистер Гаунт. Сколько я вам должна за... за... — но она не помнила, что же именно продал ей мистер Гаунт. Хотя знала, что это крайне необходимая вещь. Она потянулась к своей сумочке.

— С вас ничего. Сегодня особый день. Думайте, что это просто... — Он широко улыбнулся, — ...это просто подарок.

— Благодарю вас, — произнесла Ленора. — Я чувствую себя намного лучше.

— Как всегда, — ответил мистер Гаунт с легким поклоном, — я рад служить вам.

8

Норрис Риджвик не удил рыбу.

Норрис Риджвик заглядывал в окно спальни Хью Прайста.

Хью лежал в кровати, задрав подбородок к потолку. На нем были спортивные трусы. В своей огромной руке он сжимал что-то похожее на старый кусок меха. Точнее Норрис разглядеть не мог, окна были слишком грязными, но ему показалось, что это — побитый молю лисий хвост. Но это не имело значения. Важно было, что Хью спал.

Норрис отошел от окна и направился к собственному автомобилю, припаркованному рядом с «бьюиком» Хью. Он сел в машину с пассажирской стороны. Сачок для рыбы был на полу. Японская удочка лежала на заднем сиденье. Он чувствовал себя спокойнее, безопаснее, когда она была рядом.

Он еще не пользовался ею. Дело было в том, что он боялся ею пользоваться. Он взял ее вчера с собой на озеро Кастл Лейк, хотел опробовать... но заколебался.

«А что будет, если наживку схватит действительно большая рыба? — подумал он. — Смоки, например?»

«Смоки» здесь называли коричневую форель, о которой ходило множество легенд среди рыбаков Кастл Рока. Говорили, что он длиной более двух футов, хитрый, как ласка, сильный, как горноста́й. Если верить старожилам, то пасть Смоки блестела от оборванных крючков тех неудачников, которые подцепили его, но не смогли удержать.

— Что если он схватит удилище?

Невозможно поверить, что простая озерная форель, даже такая большая, как Смоки, сможет сломать его удилище, но Норрис полагал, что такое может случиться... и, если удача от него отвернется, то так и произойдет. Ему казалось, что он уже слышит треск и чувствовал агонию при мысли о том, как ломается пополам удилище, как одна половинка остается в лодке, а другая уплывает...

После всех этих раздумий он начал удить своей старой удочкой. К ужину он не поймал ни единой рыбки. Ночью ему приснился мистер Гаунт. Он был в рыбацкой одежде — ветровке и высоких сапогах. Он сидел в лодке, футах в тридцати от берега, а Норрис был рядом, в старой отцовской шляпе, сгоревшей десять лет назад. Он слушал, что говорит мистер Гаунт. Мистер Гаунт напомнил Норрису о его обещании. Норрис проснулся с чувством полной уверенности в своей правоте: он правильно сделал, что вчера не удил новой удочкой. Она слишком хороша, и было бы преступлением рисковать, пользуясь ею.

Полностью страхнув с себя сон, он вынул нож для разделки рыбы и двинулся к «бьюику» Хью.

— Никто не заслужил этого больше, чем этот пьянчуга, — твердил он себе, но что-то внутри твердило ему, что он совершает большую и непоправимую ошибку, но заглушал в себе этот голос. Он был полицейским, по долгу службы ему следовало арестовывать людей, которые совершают подобные поступки. Это был вандализм. А вандализм всегда был плохим делом.

— Вам решать, Норрис, — внезапно раздался в его голове голос мистера Гаунта. — Это ваша удочка. И у вас есть богом данное право выбора. Вам делать выбор. У вас всегда есть выбор, но...

Голос в голове Норриса не закончил предложения. Это было не нужно. Норрис и так знал продолжение. Он не мог вернуться. Если он вернется, то увидит, что японская удочка сломана. Потому, что каждый выбор имеет продолжение. Потому, что мы в Америке, где можешь иметь все, что пожелаешь, пока можешь платить за это. Если ты не можешь платить или отказываешься платить, ты должен навсегда расстаться с тем, что тебе необходимо.

«А вообще-то, я делаю это для себя, — успокоенно подумал Норрис. — И вовсе не за эту прекрасную удочку. Такой, как Хью Прайст, перережет горло собственной матери за бутылку «Старого Дюка».

Таким образом, он избавился от чувства вины. И когда что-то внутри опять запротестовало, он заставил этот голос замолчать. Затем наклонился над покрышками «бьюика». По мере работы его энтузиазм возрастал, как и у Майры. Чтобы внести дополнительный штрих в свою работу, он расколотил фары и сигнальные огни. Закончил он, прикрепив на ветровое стекло под стеклоочиститель с водительской стороны записку, гласившую:

«ПРОСТО ПРЕДУПРЕЖДАЮ.

Ты знаешь, что будет в следующий раз, Хьюберт. Чтоб я тебя больше не видел. Держись подальше от моего бара!»

Закончив дело, он снова заглянул в окно спальни. Сердце тяжело билось в его узкой груди. Хью Прайст все еще глубоко спал, сжимая в руке клочок меха.

— Кому, черт побери, нужен такой старый хлам? — удивился Норрис, — он сжимает его в руке, будто любимого плюшевого мишку.

Затем он вернулся к машине. Залез внутрь, нашел рычагом нейтраль и дал своему старому «битли» скатиться на проезжую часть. Он не включал двигатель, пока не оказался на дороге. Затем завел его и на максимальной скорости поехал прочь. Его мучило. Он внушал себе, что все это не имеет значения, что он чувствует себя прекрасно, чертовски прекрасно, даже превосходно.

Это не успокаивало. Тогда он наклонился между кресел к заднему сиденью и сжал в руке японскую удочку. Ему стало легче.

И всю дорогу домой Норрис вел машину одной рукой.

Зазвенел серебряный колокольчик.

В дверь «Необходимых вещей» вошел Слоппи Додд.

— Привет, Слоппи, — сказал мистер Гаунт.

— Зд-д-дравствуй-те, м-мис-тер Г-г-г...

— Ты не должен заикаться, когда видишь меня, — сказал ему мистер Гаунт. Он поднял руку, разведя два пальца. Затем он провел ими сверху вниз перед лицом Слорпи, и Слорпи почувствовал щелчок, прозвучавший где-то в мозгу. И наступило волшебное освобождение. Его рот открылся.

— Что вы делаете? — прошептал он. Звуки свободно слетали с его языка, как журчание ручейка.

— Это фокус, который с удовольствием освоила бы мисс Рэтклифф, — ответил мистер Гаунт. Он улыбнулся и заметил, какое впечатление произвело на Слорпи это имя. Старые часы, тикавшие в дальнем углу комнаты, показывали без четверти час. — Скажи, как тебе удалось так рано уйти из школы? Никто не заметил?

— Нет, — лицо Слорпи приняло удивленное выражение, и он, казалось, хотел посмотреть на свой рот, чтобы увидеть, каким образом ему удастся так свободно говорить. — Я сказал миссис Де Веез, что у меня болит живот, и она послала меня к медсестре. Там я сказал, что мне уже лучше, но живот еще крутит. Она спросила, смогу ли я сам дойти домой, и я сказал, что да. И она сказала, что иди. — Слорпи помолчал. — Я пришел потому, что вдруг заснул на уроке. И мне приснилось, что вы велели мне прийти.

— Так и было, — он уперся пальцем в подбородок и улыбнулся мальчику. — Скажи, твоей маме понравился тот оловянный чайничек, который ты ей купил?

На щеках Слорпи выступил румянец, окрасив их в цвет старого кирпича. Он хотел что-то сказать, но вместо этого стал разглядывать свои ноги.

— Ты ведь оставил его себе, не так ли? — сказал мистер Гаунт мягким, теплым голосом.

Слорпи кивнул, все еще глядя на свои ноги. Он чувствовал себя пристыженным и смущенным. Кроме того, он испытывал сильнейшее чувство потери и сожаления. Он был слишком смущен, чтобы говорить.

— Ну на что, скажи на милость, двенадцатилетнему мальчику оловянный чайничек?

Чуб Слорпи, который несколько секунд назад колебался вверх-вниз, начал теперь колебаться из стороны в сторону вслед за его головой. Он не знал, для чего двенадцатилетнему мальчику оловянный чайничек. Он просто знал, что ему хотелось иметь его. Он ему нравился. Он ему... ему... просто нравился.

— ...ощущается, — пробормотал он наконец.

— Что, что? — спросил мистер Гаунт, поднимая брови.

— Мне нравится, какой он на ощупь, я хотел сказать!

— Слорпи, Слорпи, — сказал мистер Гаунт, подходя к мальчику. Не надо объяснять мне. Я знаю все о том особом чувстве, которое люди называют «жаждой обладания». Это краеугольный камень моей карьеры.

Слорпи Додд в испуге отшатнулся от мистера Гаунта.

— Не дотрагивайтесь до меня!

— Слорпи, я и не думаю тебя трогать и не требую, чтобы ты отдал маме этот чайничек. Ты можешь делать с ним все, что захочешь. Ведь это твоя вещь. Фактически я приветствую твое решение оставить его у себя.

— Это... это правда?

— Конечно, Слoppi! Эгоисты очень счастливые люди. Я верю в это всем сердцем. Но Слoppi...

Слoppi поднял глаза и настороженно посмотрел на Лиленда Гаунта.

— Пришло время окончательно рассчитаться за покупку.

— О! — на лице Слoppi появилось облегченное выражение.

— Это и все, что вы от меня хотите? Я думаю, что...

Но он не закончил. Он не знал, чего захочет мистер Гаунт.

— Да. Ты помнишь, с кем ты обещал сыграть шутку?

— Конечно. Тренер Пратт.

— Правильно. Будет два задания, ты должен кое-что кое-куда положить и что-то сказать тренеру Пратту. И если ты оба задания выполнишь полностью, то эта вещь будет твоей навсегда.

— А я буду говорить, как сейчас? Я никогда теперь не буду заикаться?

Мистер Гаунт огорченно вздохнул.

— Боюсь, что ты опять станешь говорить, как всегда, как только покинешь мой магазин. Наверное, у меня на складе завалялось где-то противозаикательное устройство, но...

— Пожалуйста! Пожалуйста, мистер Гаунт! Я все сделаю. Я сделаю что угодно и кому угодно! Я не люблю заикаться!

— Да, я знаю, но не могу. Видишь ли, здесь небольшая проблема. Понимаешь, следующие несколько часов очень для меня важны. Когда дело сдвигается с места, то его уже нельзя остановить. Но эти несколько часов для меня очень важны. Если ты вдруг перестанешь заикаться, начнутся лишние вопросы. А это будет плохо. Шериф всегда задает вопросы, которые его не касаются. — Лицо его на мгновение потемнело, но затем на нем возникла угрюмая, насмешливая улыбка. — Но я позабочусь о нем, Слoppi.

— Вы имеете в виду шерифа Пэнгборна?

— Да шериф Пэнгборн. — Мистер Гаунт опять поднял два пальца и провел их вдоль лица Слoppi, от лба до подбородка. — Но ты никогда не слышал об этом.

— О чем?

— Отлично.

Лиленд Гаунт достал из кармана пиджака черный кожаный бумажник и протянул его Слoppi, который осторожно взял его, стараясь не коснуться руки мистера Гаунта.

— Ты знаешь машину мистера Пратта?

— «Мустанг»? Конечно.

— Положи это туда. Под пассажирское сиденье, но так, чтобы кончик выглядывал. Сейчас иди в школу — ты успеешь до звонка. Ты понял?

— Да.

— Затем подожди, пока он выйдет. И скажи ему...

Мистер Гаунт продолжил тихим шепотом, и Слoppi смотрел на него горящими глазами, постоянно кивая головой.

Через несколько минут Слoppi вышел на улицу, унося под рубашкой бумажник Джона Ля Пуана.

Нэтти лежала в простом сером гробу, который оплатила Полли Чалмерс. Алан просил ее разрешить ему участвовать в расходах, но она решительно отказалась, и он, подумав, уступил. Гроб стоял на стальной подставке вблизи места, где были похоронены все родственники Полли, на кладбище Хоумленд. Холмик земли рядом был покрыт ковром ярко-зеленой искусственной травы, сверкающей под жарким солнцем. Алану не нравилась искусственная трава. Было в ней что-то непристойное, что-то отвратительное. Она ему нравилась еще меньше, чем обычай наряжать покойников в лучшие одежды, как будто их готовили к деловой встрече в Бостоне, а не к длительному спокойному отдыху среди корней и червей.

Преподобный Том Киллингтон, методистский Пастырь, который проводил службу дважды в неделю на Юнипер Хилл и который хорошо знал Нэтти, согласился провести панихиду по просьбе Полли. Панихида была короткой, но теплой, полной воспоминаний о Нэтти, которую они знали.

— Когда я был маленьким, — говорил Том Киллингтон, — мама надоедала мне со своей любимой ирландской поговоркой. Она говорила: «Будь на небесах раньше, чем о твоей смерти узнает дьявол». У Нэтти Кобб была трудная жизнь, во многом тяжелая, но я верю, что они с дьяволом никогда не имели ничего общего. И несмотря на ее ужасную, безвременную смерть, мое сердце верит, что она отлетела от нас на небеса и дьявол все еще об этом не знает. — Киллингтон поднял руки в традиционном жесте «Давайте помолимся».

С дальнего конца кладбища, где в это же время хоронили Вилму Ежик, доносились звуки хора, которым дирижировал Отец Джон Бригхэм. Кроме того, там стояли автомобили, въехавшие через восточные ворота кладбища; люди приехали выразить свое сочувствие Питу Ежику, а не его погибшей жене. Там было только пятеро: Полли, Алан, Розалия Дрейк, старый Ленни Партридж (который принципиально посещал все похороны) и Норрис Риджвик. Норрис выглядел бледным и обеспокоенным.

— Наверное, нет клева, — подумал Алан.

— Пусть бог простит вас и сохранит навсегда память о Нэтти Кобб в ваших сердцах, — сказал Киллингтон, и Полли, стоящая рядом с Аланом, заплакала. Он обнял ее, и она слегка пожалала его руку.

— Пусть Господь обратит лик свой к тебе; пусть дарует тебе милость свою; пусть спасет душу твою и дарует тебе покой. Аминь.

Стояла более сильная жара, чем в День Колумба, и когда Алан поднял глаза, яркие блики на подставке для гроба ослепили его. Он провел рукой по лбу, покрытому тяжелым летним потом. Полли достала свежий платок и вытерла глаза.

— Дорогая, с тобой все в порядке? — спросил Алан.

— Да... но я плачу по ней, Алан. Бедная Нэтти. Бедная, бедная Нэтти. Почему это произошло? Почему? — и она опять начала всхлипывать.

Алан, который думал о том же, обнял ее. Через ее плечо он увидел, как Норрис направляется к автомобилям, стоящим на стоянке. Он выглядел как человек, который либо не знает, куда идет, либо еще не проснулся. Алан нахмурился. К Норрису подошла Розалия Дрейк и что-то сказала ему, и Норрис обнял ее.

Алан подумал: он тоже знал ее — он просто опечален, вот и все. Ты что-то много видишь теней в эти дни, а может быть, все дело в тебе самом.

Затем к Полли подошел Киллингтон, и Полли повернулась, чтобы поблагодарить его, Алан с изумлением увидел, как Полли безбоязненно дала пожать себе руку огромной руке пастыря. Он никогда не видел, чтобы Полли делала это так спокойно и не задумываясь подавала свою руку.

Ей теперь стало не просто лучше; ей стало намного лучше. Что же, черт возьми, произошло?

С другой стороны холма донесся голос Отца Джона Бригхема: «Пусть будет мир с тобой!»

— И с тобой! — ответил хор.

Алан посмотрел на простой серый гроб рядом с отвратительным клочком фальшивой травы и задумался. «Мир с тобой, Нэтти, — подумал он. — Отныне и навсегда».

2

Пока на кладбище шли двойные похороны, Эдди Вобертон остановился перед домом Полли. Он выскочил из машины и огляделся. Все казалось прекрасным; дорога была пустынна, как это бывает в начале августа.

Эдди быстро подошел к крыльцу и достал на ходу из кармана конверт официального вида, который дал ему мистер Гаунт. Мистер Гаунт позвонил ему всего пять минут назад и сказал, что пришло время заплатить за медальон, и вот он здесь... потому, что мистер Гаунт из тех людей, которому достаточно сказать «лягушка», и человек запрыгает.

Эдди поднялся по трем ступенькам крыльца. Легкий горячий ветерок наполнил навес, и он хлопнул. От этого естественного звука Эдди даже подпрыгнул. Он оглянулся вокруг, но никого не увидел. Затем опять взглянул на конверт. Адресат был: Мисс Патриция Чалмерс — вот это да! Эдди никогда даже не догадывался, что полное имя Полли было Патриция. Ему нужно было выполнить это маленькое поручение и катиться отсюда к черту.

Он опустил письмо в щель для почты. Оно легло сверху на остальную корреспонденцию: два каталога и программку кабельного телевидения. Обычный конверт, делового формата, с адресом и именем Полли, с почтовым штампом. Обратный адрес был:

«Отдел Заботы о Детях, Сан-Франциско

666 Гирли-стрит

Сан-Франциско, Калифорния 94112»

— Что случилось? — спросил Алан, когда они с Полли медленно шли вниз по направлению к машине Алана. Он хотел было перекинуться парой слов с Норрисом, но тот уже сел в свой «фолькс» и уехал. Наверное, на озеро, половить рыбку до захода солнца.

Полли посмотрела на него красными глазами, все еще бледная, но уже пытаясь улыбнуться.

— Что ты имеешь в виду?

— Твои руки. Что им помогло? Это кажется волшебством.

— Да, — ответила она и вытянула руки перед собой. Ее улыбка была теперь естественнее.

— Здорово, да?

Пальцы еще были скручены и расширены в суставах, но опухоль, которая покрывала их еще вечером в пятницу, почти полностью исчезла.

— Расскажи мне, пожалуйста.

— Я не уверена, что хочу говорить, — ответила она. — Я немного смущаюсь.

Они остановились и помахали Розалии, которая проехала мимо в своей старой голубой «тойоте».

— Ну же, попросил Алан. — Расскажи.

— Ладно, — согласилась она. — Кажется, я в конце концов нашла доктора, который мне был нужен. — На ее щеках разлился румянец.

— И кто же это?

— Доктор Гаунт, — ответила она с небольшим нервным смешком. — Доктор Лиленд Гаунт.

— Гаунт! — он взглянул на Полли с удивлением. — Что же он сделал с твоими руками.

— Подвези меня к его магазину, я расскажу тебе по дороге.

4

Через несколько минут (Алан иногда думал, что одним из самых больших преимуществ маленьких городков вроде Кастл Рока является то, что везде оказываешься через несколько минут) он въехал на парковочную стоянку возле «Необходимых вещей». На двери висела табличка, которую Алан уже видел ранее:

ВТОРНИК И ЧЕТВЕРГ ТОЛЬКО ПО ЗАПИСИ.

Алан вдруг подумал — до этого момента он никогда не думал об этой особенности нового магазина: быть закрытым и открываться только по заявке. Это весьма странный метод вести торговлю в маленьком городишке.

— Алан? — спросила Полли. — Ты выглядишь, как безумный.

— Нет-нет, все в порядке, — ответил он. — С чего бы мне сходить с ума? Но по правде говоря, я не знаю, что со мной. Шарлатанские средства? Это на тебя не похоже, Пол.

Ее губы сразу же напряглись и, когда она повернулась к нему, в глазах ее было предостережение.

— «Шарлатанское» — это не то слово, которое бы я употребила. Шарлатаны — это те, которые вызывают духов и видят внутренним зрением. Нельзя называть шарлатанской вещь, которая работает, Алан. Или ты думаешь, что я не права?

Он открыл рот — чтобы сказать, что был не прав — но она продолжила, прежде чем он мог что-то сказать.

— Посмотри на это, — она вытянула руки в солнечном свете, падающем сквозь окно, затем несколько раз без усилия разогнула и согнула пальцы.

— Да, ты права. Неправильный выбор слова. Я просто...

— Да, я так и сказала. Очень неправильный выбор.

— Прости.

Она повернулась к нему, сидя там, где часто сидела Анни, положила свои руки на руки Алана.

— Извини, я чувствую себя неловко. Мы ведь никогда не ссорились, и я не хочу начинать этого сейчас. Я сегодня похоронила лучшую подругу. Я не хочу ссориться со своим приятелем.

Его лицо омрачилось.

— Так кто я — всего лишь приятель?

— Нет... ты мой друг. Могу я, наконец, сказать это?

Он обнял ее, удивляясь тому, как близко они подошли к ссоре. И не потому, что ей стало хуже — потому, что ей стало лучше.

— Можешь говорить, что хочешь. Я люблю тебя больше всего.

— И давай не будем ссориться. Ни по каким поводам.

— Ни по каким поводам, — кивнул он.

— Потому, что я тебя тоже люблю, Алан.

Он поцеловал ее в щеку, затем отпустил.

— Разреши мне посмотреть на этот амулет, который он продал тебе.

— Он не продал мне его, а дал на время. Вот почему я здесь — чтобы купить его. Я тебе говорила. Я только надеюсь, что он не захочет за него луну и пару звезд в придачу.

Алан посмотрел на вывеску на двери и на тень, мелькающую за дверью. Он подумал: «Я тоже боюсь того, что именно он может захотеть».

Ему все это не нравилось. Он чувствовал, что ему было тяжело оторвать взгляд от рук Полли во время похорон — он видел, что она свободно сгибает их, без усилий берет кошелек, закрывает его кончиками пальцев, а не как обычно, неловко прижимая кошелек большими пальцами, — признак того, что это доставляет ей меньшую боль. Он видел, что рукам лучше, но вся эта история с волшебными украшениями — это его очень беспокоило. Это было похоже на темную игру.

ВТОРНИК И ЧЕТВЕРГ ТОЛЬКО ПО ЗАПИСИ.

Нет — нигде, кроме разве что самых модных ресторанов, вроде «У Мориса», он не видел заведения, которое работало бы только по заявкам. И даже к Морису можно зайти в любое время в девяти случаях из десяти... только не летом, разумеется, во время наплыва туристов.

ТОЛЬКО ПО ЗАПИСИ.

И тем не менее он заметил, что люди входят туда и выходят оттуда целую неделю не толпой, разумеется. Но способ ведения дел

мистером Гаунтом никак не вредит его бизнесу, как бы странен он ни был. Иногда его клиенты приходят маленькими группками, но в основном они ходят поодиночке... или это кажется так Алану сейчас, когда он оглядывается на предыдущую неделю. А не так ли работают мошенники? Запускает тебя, обхаживает и предлагает купить туннель Линкольна за очень низкую плату?

— Алан? — она стукнула кулачком по его лбу. — Алан, ты где? Он посмотрел на нее с улыбкой.

— Я здесь, Полли.

На похороны Нэтти она надела темно-голубой джемпер и подходящий к нему голубой галстук. Пока он размышлял, она сняла галстук и ловко расстегнула две верхние пуговицы белой блузы.

— Еще! — сказал он, хитро взглянув на нее. — Сделай клин побольше.

— Стоп, — сказала она чопорно, но с улыбкой. — Мы сидим посреди Мэйн-стрит, и сейчас два тридцать дня. Кроме того, мы только что с похорон, если ты не забыл.

— Действительно так поздно? — озабоченно спросил он.

— Неужели половина третьего поздно, — сказала она. — Ты иногда смотришь на ту штуку, что нацепил на руку?

Он посмотрел на часы и увидел, что уже не два тридцать, а два сорок. Уроки в школе заканчиваются в три. Если он хочет быть там, когда выйдет Брайан Раск, ему надо отправляться прямо сейчас.

— Покажи свой брелок, — попросил он.

Она вытащила тонкую серебряную цепочку с висящей на ней маленькой серебряной безделушкой. Она положила ее на ладонь... и вдруг закрыла ее, когда он захотел коснуться поверхности.

— О... Я не знаю, можно ли это делать, — она улыбалась, но движение, которое он сделал, почему-то было ей неприятно. — Это может нарушить тонкие вибрации или еще что-нибудь.

— Успокойся, Полли.

— Нет! — На ее щеках выступили яркие пятна. Часть ее гнева, как она поняла позже, исходила из очень простого источника: в воскресенье она чувствовала себя точно так же, как Алан сейчас. С тех пор что-то случилось. Что-то изменило ее мышление, и справиться с этим изменением было не просто.

— Эта вещь работает. Я знаю, что это сумасшествие, но она работает. В воскресенье утром, когда Нэтти покинула нас, я была в агонии, я начала думать, что единственным реальным решением моей проблемы будет двойная ампутация. Боль была так сильна, что я думала об этом с удивительным чувством. Да, конечно, — ампутация! Почему я не подумала об этом раньше? Это же так очевидно! А теперь, всего два дня спустя, я чувствую только то, что доктор Ван Аллен называет «беглые боли», и даже они, кажется, проходят. Я помню, что около года назад я провела неделю на диете с желтым рисом, потому что это могло помочь. Разве это не то же самое?

Пока она говорила, страх исчез из ее голоса, и она смотрела на него почти виновато.

— Я не знаю, Полли. Я действительно не знаю.

Она опять раскрыла ладонь и теперь держала эту вещь большим и указательным пальцами. Алан наклонился ближе, чтобы

рассмотреть, но не пытался сделать ни одного движения, чтобы коснуться. Это была маленькая серебряная вещичка, не совсем круглая. Маленькие дырочки, размером не больше черных точек на газетной фотографии, покрывали ее нижнюю половину. Она блестела в солнечном свете.

И пока Алан смотрел на нее, мощное иррациональное чувство захватывало его: это ему не нравилось. Это ему совершенно не нравилось. Он боролся с сильным желанием просто сорвать эту штуковину с шеи Полли и выбросить в открытое окошко.

«Да! Хорошая идея! Ты сделаешь это, а потом зубов не соберешь!»

— Иногда я почти чувствую, как что-то шевелится внутри него, — сказала Полли, улыбаясь. — Как мексиканский прыгающий боб. Это глупо?

— Я не знаю.

Он смотрел, как она прячет амулет обратно в блузу, с нехорошим предчувствием... Но только он увидел, как ее пальцы — ее изуродованные пальцы — начинают застегивать верхние пуговицы блузы, это предчувствие начало ослабевать. Не ослабевало только его растущее подозрение, что мистер Лиленд Гаунт втирается в доверие к женщине, которую он любит... И если так, она будет не единственной.

— А ты не думаешь, что это что-нибудь другое? — теперь он говорил с осторожностью человека, который переходит ревущий поток по скользким камням. — Помнишь, у тебя и раньше были ремиссии.

— Конечно, я помню, — ответила Полли раздраженно. — Ведь это мои руки.

— Полли, я просто пытаюсь...

— Я знаю, Алан, что ты реагируешь так, как привык реагировать. Факт достаточно прост: я знаю, как выглядит ремиссия артрита, и это не она. У меня было несколько случаев за последние пять или шесть лет, когда я чувствовала себя хорошо. Но мне никогда не было так хорошо даже при лучших из них. Это другое. Это как будто... — Она задумчиво остановилась, а затем сделала неопределенное движение плечом. — Это как будто снова выздороветь. Я не думаю, что ты правильно поймешь, что я имею в виду, но я не могу объяснить это лучше.

Он угрюмо кивнул. Он понимал, что она говорила, и понимал, что она имеет в виду. Возможно, амулет раскрывает какие-то дремлющие силы в ее сознании. Возможно ли это, если данная болезнь не психосоматическая? Он никогда не встречал слепого, который вернул бы себе зрение силой мысли, или раненого, который остановил бы кровотечение с помощью концентрации.

Он знал только: что-то в этой истории дурно пахло. Что-то в ней пахло так, какдохлая рыба, три дня пролежавшая на солнце.

— Давай положим этому конец, — сказала Полли, — давай ты пойдешь вместе со мной. И сам поговоришь с мистером Гаунтом. Тебе пора встретиться с ним. Может быть, он объяснит тебе лучше, что делает эта штука... и что она не делает.

Он опять посмотрел на часы. Без четырнадцати три. На секунду он решил поступить так, как она предлагает, и оставить Брайана

Раска на потом. Но встретить мальчика, когда он идет из школы, встретить его, пока он далеко от дома, — казалось правильнее. Он может дать лучшие ответы, если рядом не будет матери, которая охраняла бы его как львица, и, возможно, даже запретила бы сыну отвечать.

Не исключена возможность, что Брайан Раск окажется тем ключиком, который позволит раскрыть это двойное убийство.

— Я не могу, дорогая, — сказал он. — Может быть, сегодня чуть позже. Я должен поехать в школу и поговорить кое с кем. Я должен сделать это прямо сейчас.

— Это касается Нэтти?

— Это касается Вилмы Ежик... Но если мои предположения справедливы, то и Нэтти тоже. Если я что-нибудь узнаю, я тебе позвоню позже. А ты кое-что сделаешь для меня в это время?

— Алан, я все же куплю его! Это не твои руки!

— Нет, я думаю, что тебе нужно купить его. Я хочу, чтобы ты купила его и оплатила чек. Вот и все. Я не вижу причин, почему бы ему не сделать этого, если он порядочный бизнесмен, разумеется. Ты живешь в этом городе, и твой банк находится через дорогу. Но если что-нибудь случится, у тебя будет несколько дней, чтобы задержать выплату.

— Я понимаю, — сказала Полли. Голос ее был спокоен, но Алан осознал со щемящим чувством, что он промахнулся и не попал на один из скользких камней, и падает в поток.

— Ты думаешь, что он мошенник, ведь так, Алан? Ты думаешь, что он хочет заграбастать мои жалкие деньги и удрать под покровом ночи.

— Я не знаю, — сказал Алан ровно. — Я знаю только, что он всего неделю ведет дела в нашем городе. Так что чек кажется мне наиболее предпочтительным видом предосторожности.

Да, это было бы разумно. Полли понимала это. Это было то разумное, то рациональное, что в этот раз пробуждало в ней страх. Она почувствовала, что хочет ткнуть пальцами в его лицо, выкрикивая: «Ты ВИДИШЬ это, Алан? Или ты СЛЕПОЙ?». Утверждение Алана, что у мистера Гаунта не будет проблем с ее чеком, если у него все в порядке, вызывало в ней досаду.

«Будь осторожнее, — шептал ей голос, — Будь осторожна, не будь опрометчива, обдумай все прежде, чем давать волю своим словам. Помни, что ты любишь этого человека».

Но другой голос отвечал ему, более холодный голос, в котором она с трудом узнавала себя: «Так ли это? Так ли это на самом деле?»

— Хорошо, — сказала она и отодвинулась от него. — Спасибо тебе за то, что ты заботаешься о моих интересах, Алан. Иногда я забываю, как нужен мне кто-нибудь, кто заботился бы обо мне. Конечно, я выпишу ему чек.

— Полли...

— Нет, Алан, не надо больше говорить. Я не могу больше говорить с тобой, иначе я сойду с ума.

Она открыла дверь и выпрыгнула из машины одним движением. Так прыгает атлет, собрав все силы в одном толчке.

Он завел двигатель и поехал в свою сторону. Он хотел остановить ее, поговорить с ней, приласкать ее, показать ей, что он только

выполняет свой долг, заботясь о ней. Затем посмотрел на часы. Было без девяти минут три. Если он задержится, он упустит Брайана Раска.

— Мы поговорим сегодня вечером! — крикнул он в окно.

— Отлично, — ответила она. Она пошла прямо к двери под навесом, не оглядываясь. Алан услышал звяканье маленького серебряного колокольчика.

5

— Миссис Чалмерс! — радостно воскликнул мистер Гаунт и сделал маленькую отметку в своем реестре у кассового аппарата. Он был почти заполнен: имя Полли было предпоследним.

Мистер Гаунт приветливо улыбался. Она улыбнулась в ответ, но улыбка была принужденной. Как только она оказалась внутри, ей стало не по себе от того, как они расстались с Аланом. Она вдруг поняла, что борется со слезами, которые готовы брызнуть из глаз.

— Миссис Чалмерс? Полли? Вы плохо себя чувствуете? — мистер Гаунт вышел из-за прилавка. — Вы совсем бледны.

Его лицо выражало полнейшее сочувствие. «И этого человека Алан называл мошенником, — подумала Полли, — Если бы он только его сейчас видел...»

— Наверное, это из-за солнца, — сказала она слабым голосом. — На улице так жарко.

— Но здесь прохладно, — возразил он. — Пройдите, Полли. Проходите и садитесь.

Он провел своей рукой за ее спиной и подвел ее к красному вельветовому креслу.

— Я случайно смотрел в окно, — сказал он, садясь в кресло рядом с ней и положив свои длинные руки на подлокотники. — Я видел, как вы чуть не поссорились с шерифом.

— Нет, ничего, — ответила она, но в углу ее левого глаза выступила одинокая большая слеза и скатилась по щеке.

— Напротив, — возразил он. — Я думаю, что это очень важно.

Она удивленно взглянула на него... и его карие глаза встретились с ее глазами. Были ли они карими ранее? Она этого не помнила, во всяком случае, наверняка. Она знала только, что, глядя в них, она снимает с себя все напряжение этого дня — похороны Нэтти, а затем эта глупая ссора с Аланом — и начинает в них растворяться.

— Это... Это важно?

— Полли, — сказал он мягко. — Я думаю, что все будет хорошо, если вы поверите мне. Ну как? Вы верите мне?

— Да, — сказала Полли, хотя что-то внутри нее, что-то далекое и тонкое, отчаянно умоляло о внимании. — Я верю, несмотря на все, что говорил мне Алан. Я всем сердцем доверяю вам.

— Что ж, это хорошо, — сказал мистер Гаунт. Он подождал и взял Полли за руку. На секунду ее лицо искривилось от отвращения, но затем расслабилось и приняло прежнее чистое и мечтательное выражение. — Это прекрасно. И ваш друг шериф не должен волноваться, вы это знаете. Ваш личный чек будет для меня как чистое золото.

Алан увидел, что если он не хочет опоздать, то ему придется включить мигалку и сирену. Но он не стал этого делать. Он не хотел, чтобы Брайан Раск видел полицейскую машину. Он хотел, чтобы тот увидел обычный старый фургончик, какой, быть может, есть и у его отца.

Было слишком поздно ехать к школе, чтобы успеть до окончания уроков. Вместо этого Алан запарковался у перекрестка Майн и Скул-стрит. Это был наиболее логичный путь, которым должен возвращаться Брайан; Алану оставалось только надеяться, что логика сегодня хоть иногда будет работать.

Алан вышел из машины, оперся ногой о бампер фургона и почувствовал, что в кармане у него лежит пакетик жевательной резинки. Он как раз разворачивал его, когда услышал ровно в три часа школьный звонок, возвещавший окончание занятий.

Он решил побеседовать с мистером Лилендом Гаунтом об Эйкрене, штат Огайо, как только закончит с Брайаном Раском, несмотря на то, что он не включен в список мистера Гаунта... и вдруг внезапно переменял свое решение.

Он решил сначала позвонить в прокуратуру Аугусты и попросить проверить фамилию «Гаунт» в списке мошенников. Если они ничего не найдут, он пошлет эту фамилию в компьютерный центр «LAWS R&I» в Вашингтоне — по мнению Алана, эта компьютерная программа была одним из немногих добрых дел, которые совершила администрация Никсона.

К нему приближались первые ребяташки, возбужденные, кричащие, смеющиеся. У Алана внезапно возникла идея, и он снова открыл дверцу фургона. Перегнувшись через сиденье, он открыл отделение для перчаток. При этом на пол упала жестянка с орехами.

Алан почти уже собирался прекратить поиски, когда нашел то, что искал. Он взял это, и пятась выбрался из машины. В руке он держал маленький картонный конверт с надписью:

«ФОКУС СКЛАДЫВАНИЯ ЦВЕТКА

Мэйджик Ко.

19 Грин-стрит

Патерсон Н.Дж.».

Из этого пакета Алан достал еще меньший квадратик — из разноцветной плотной бумаги. Он засунул ее под часовую ремешок. Все фокусники имеют несколько «потайных карманов» на своей одежде, и у каждого есть свой любимый. У Алана он был под ремешком часов.

После этого Алан пошел назад, высматривая Брайана Раска. Он увидел мальчишку на велосипеде, носящегося возле тротуара, и насторожился. Но затем узнал одного из близнецов Хенлона, и успокоился.

— А ну-ка, давай помедленнее, а то заберу права, — прикрикнул на мальчугана Алан. Джай Хенлон вытаращился на него и от неожиданности чуть не врезался в дерево. Затем поехал дальше значительно медленнее.

Алан некоторое время весело смотрел ему вслед, затем опять повернулся по направлению к школе и снова начал высматривать Брайана Раска.

7

Салли Рэтклифф поднялась из своего маленького кабинета на первый этаж школы через пять минут после того, как прозвенел звонок, и прошла через главный холл в сторону канцелярии. Зал быстро опустел, как всегда, когда погода была теплой и ясной. Толпы ребятшек высыпали на улицу, где их поджидали автобусы номер два и три. Низкие каблучки Салли шелкали по полу. В руке она держала малиновый конверт. Имя на конверте, «Френк Джеветт», она держала повернутым к своей округлой груди.

Она остановилась у комнаты номер 6, рядом с канцелярией и посмотрела через стекло с проволоочной арматурой. Внутри мистер Джеветт беседовал с полудюжиной учителей, которые участвовали в мероприятиях по подготовке к зимним видам спорта. Френк Джеветт был толстеньким маленьким человечком, который всегда напоминал Салли мистера Вотерби, главного героя комиксов Арчи. Как и у мистера Вотерби, его очки постоянно сползали на самый кончик носа.

Справа от него сидела Алиса Таннер, школьный секретарь. Она вела протокол.

Мистер Джеветт посмотрел влево, увидел Салли, заглядывающую в окошко, и послал ей одну из своих маленьких улыбочек. Она приветственно подняла руку и заставила себя улыбнуться в ответ. Она должна будет запомнить день, когда к ней вернется способность улыбаться, улыбка — самая естественная вещь на земле.

Некоторые учителя тоже посмотрели в окошко, чтобы разглядеть, кому улыбается их руководитель. Это же сделала и Алиса Таннер. Алиса сложила колючком пальцы в приветственном знаке, улыбаясь сахарной улыбкой.

Они знают, подумала Салли. Они все знают, что произошло у нас с Лестером. Ирэна ночью была так добра... так участлива... и так заботливо желала ей счастья. Маленькая стерва.

Салли чувствовала, как застенчивая и полностью поддельная улыбка тронула ее губы. «Чтоб вас всех на обратной дороге задавил мусоровоз», — подумала она, и пока она шла, ее низкие каблучки возмущенно шелкали по полу.

Когда мистер Гаунт позвонил ей во время перерыва и предложил завершить оплату за чудесный кусочек дерева, она почувствовала энтузиазм и что-то вроде удовольствия. Она чувствовала, что «маленькая шутка», которую они собираются сыграть с мистером Джеветтом, это как раз то, что ей нужно. Именно так она себя сегодня чувствовала.

Она протянула руку к двери канцелярии и затем задумалась.

Что с тобой случилось, внезапно удивилась она. У тебя есть щепка... чудесная, священная щепка, с прекрасными видениями, скрытыми в ней. Разве такая вещь не может заставить человека

чувствовать себя лучше? Спокойнее? Ближе к Богу? Ты не чувствуешь себя спокойнее. Ты чувствуешь себя так, как будто голова твоя забита колючей проволокой.

— Да, но это не моя вина, и не вина «талисмана», — пробормотала Салли. — Это вина Лестера. Мистера Лестера Пратта «Большая Палка».

Маленькая девочка в очках и с тяжелыми косами отвернулась от плаката Пеп-Клуба и удивленно посмотрела на Салли.

— Чего ты ждешь, Ирвина? — спросила ее Салли.

— Нифево, мифф Рэт-Клифф, — прошепелявила та.

— Тогда иди смотреть куда-нибудь в другое место, — отрезала Салли. — Уроки уже окончились.

Ирвина бросилась бежать по коридору, бросая растерянные взгляды через плечо.

Салли открыла дверь в канцелярию и вошла. Конверт она нашла именно там, где и говорил мистер Гаунт, — за мусорным ящиком возле двери в кафетерий. Имя мистера Джеветта она написала на конверте своей рукой.

Она еще раз оглянулась, чтобы убедиться, что никто не вошел следом. Затем она открыла дверь во внутренний кабинет, перебежала через комнату и положила конверт на стол мистера Джеветта. Теперь оставалось еще одно дело.

Она открыла верхний ящик стола и достала оттуда тяжелые ножницы. Затем попыталась выдвинуть нижний левый ящик. Он был заперт. Мистер Гаунт сказал ей, что такое может случиться. Салли заглянула в приемную и убедилась, что та еще пуста. Хорошо. Отлично. Она вставила концы ножниц в щель над ящиком и с силой отогнула их вверх. Дерево затрещало, и Салли почувствовала, как ее соски вдруг странно, приятно затвердели. Это было вроде радости. Грешной, но радости.

Она переставила ножницы дальше и нажала еще раз. Замок щелкнул, и ящик выехал по направляющим, открывая свое содержимое. Рот Салли раскрылся от удивления. Затем она начала хихикать — звук этот скорее напоминал стон, чем смех.

— О, мистер Джеветт! Какой вы капризный мальчишка!

Тут лежала стопка журналов размером с дайджест, и «Капризный Мальчишка» было названием одного из верхних. На красочной обложке был изображен мальчишка лет девяти. На нем был старый мотоциклетный шлем 50-х годов и ничего больше.

Салли забралась в ящик и вытащила стопку журналов — их было около дюжины. «Счастливые Ребятишки», «Обнаженные Милашки», «Раздетые Ветром», «Ферма Бобби». Она заглянула в один из них и едва могла поверить тому, что видит. Откуда берутся такие вещи? Они ведь не могут продаваться открыто, даже в тех лавчонках, с которых Преподобный Роуз как-то молился в церкви, при этом у входа была повешена табличка:

«ПРИГЛАШАЕМ ВСЕХ СТАРШЕ 18-ТИ ЛЕТ».

Вдруг в ее голове раздался звук голоса, который она хорошо знала.

«Поторопись, Салли. Собрание почти закончено, а ты ведь не хочешь, чтобы тебя здесь застали?»

А затем она услышала еще один голос, женский голос, который Салли почти могла узнать. Слышно было, как по телефону, когда кто-то говорит на другом конце трубки из глубины комнаты.

«Более чем чудесно, — произнес этот второй голос. — Это кажется божественным».

Салли отключила голос и сделала то, что советовал мистер Гаунт: она разбросала эти грязные журналы по всей канцелярии мистера Джеветта. Затем положила на место ножницы и быстро выскочила из комнаты, прикрыв за собой дверь. Она открыла дверь приемной и выглянула... Никого. Но голоса в комнате номер 6 звучали громче, и люди смеялись. Они собирались заканчивать; это было необычно короткое собрание.

«Спасибо Богу за мистера Гаунта!» — подумала она и выскользнула в холл. Она почти дошла до выходной двери, когда услышала, как за ее спиной все выходят из комнаты. Салли не оглянулась. Оказалось, что за эти несколько минут она ни разу не вспомнила мистера Лестера Пратта «Большая Палка», и это было замечательно. Она подумала о том, что сейчас пойдет домой, приготовит прекрасную ванну с мыльной пеной, залезет в нее со своей прекрасной щепкой и проведет следующие два часа, не думая о мистере Лестере Пратте «Большая Палка», и как это будет здорово! Да, в самом деле! В самом деле...

«Что ты здесь делаешь? Что было в этом конверте? Кто положил его туда, рядом с кафетерием? Когда? И самое главное, Салли, что с тобой?»

Несколько секунд она стояла, чувствуя, как на ее лбу и висках выступают капли пота. Ее глаза стали широкими и замершими, как глаза испуганной оленихи. Затем они опять сузились, и она двинулась дальше. Она была одета в свободные брюки, и они заколебались на ней тем странным и приятным образом, который вызывали обычно мысли о предстоящем свидании с Лестером.

«Меня не волнует, что я сделала, — думала она. — И вообще, это надо было сделать. Он заслуживает такой шутки, потому что выглядит как мистер Вотерби, а сам держит в столе эти грязные журналы. Надеюсь, с ним будет припадок, когда он зайдет в канцелярию».

— Да, надеюсь с ним будет припадок, мать его так! — прошептала она. В ее жизни впервые случилось так, что она выругалась вслух, и ее соски опять напряглись и начали ныть. Салли пошла быстрее, немного игриво думая о том, что, находясь в ванной, можно будет сделать что-то еще. Ей вдруг показалось, что у нее возникли еще кое-какие потребности. Она еще не знала, как удовлетворить их... но у нее возникли кое-какие идеи.

В конце концов, Господь помогает тем, кто помогает себе сам.

8

— Это не кажется вам слишком высокой платой? — спросил у Полли мистер Гаунт.

Полли начала было отвечать, но остановилась. Внимание мистера Гаунта вдруг отвлеклось. Он уставился в пространство перед собой, и его губы беззвучно шевелились.

— Мистер Гаунт?

Он слегка вздрогнул. Затем снова посмотрел на нее и улыбнулся.

— Извините меня, Полли. Мои мысли иногда где-то блуждают.

— Цена кажется более чем умеренной, — ответила Полли. — Это удивительно.

Она вынула чековую книжку из сумочки и начала писать. В этот момент ей вдруг показалось странным, зачем она здесь и что делает, но тут она почувствовала, что глаза мистера Гаунта зовут ее. Она подняла голову, и все вопросы и сомнения рассеялись.

Она выписала чек на сорок шесть долларов. Мистер Гаунт взял его и положил в карман своего пиджака.

— Внимательно заполните корешок, — сказал он. — Ваш потенциальный друг, несомненно, захочет рассмотреть его.

— Он зайдет к вам, — сказала Полли, делая то, что посоветовал ей мистер Гаунт. — Он хочет поговорить с вами.

— У него множество мыслей и множество планов, — ответил мистер Гаунт, — но его планы изменятся, и его мысли улетучатся, как улетает туман в ветреное утро. Обещаю вам.

— Вы... но вы ничего не сделаете ему, нет?

— Я? Вы сильно во мне ошибаетесь, Патриция Чалмерс. Я пацифист — один из наибольших пацифистов в мире. Я не смогу поднять руку на шерифа. Я просто говорю, что у него будут дела сегодня после обеда по ту сторону моста. Он еще этого не знает, но это так.

— О!

— А теперь, Полли...

— Да?

— Ваш чек не исчерпывает полностью плату за амулет.

— Не исчерпывает?

— Нет.

Он держал в руке простой белый конверт. Полли не понимала, откуда он взялся, но он казался вполне обычным.

— Чтобы полностью завершить плату, вы должны помочь мне сыграть небольшую шутку кое с кем.

— Алан? — она вдруг испугалась, как дикий кролик, почувываящий в теплом полуденном воздухе запах дыма. — Вы имеете в виду Алана?

— Разумеется, нет, — сказал он. — Прося вас помочь мне сыграть шутку с кем-то, кого вы знаете, я для этого не мог бы выбрать того, кого вы, по вашему мнению, любите. Это было бы незтично, дорогая.

— Значит...

— Да... но я думаю, что вам стоит пересмотреть свои отношения с шерифом, Полли. Вы можете обнаружить, что у вас очень простой выбор: маленькая боль сейчас может избавить от большой боли позже. Выберите другой путь: те, кто женится в спешке, часто раскаиваются об этом позже.

— Я вас не понимаю.

— Я знаю. Но вы поймете меня лучше, когда просмотрите свою почту. Видите ли, я не единственный, кто сует во все свой любопытный нос. Ну, а теперь давайте поговорим о маленькой шутке,

которую вы проделаете. Объектом розыгрыша будет парень, которого я недавно нанял. Его зовут Мерилл.

— Туз Мерилл?

Его улыбка увяла.

— Не прерывайте меня, Полли. Никогда не прерывайте меня, когда я разговариваю. Не делайте этого, если не хотите, чтобы ваши руки опухли и стали как шары с ядовитым газом.

Она отшатнулась, и ее сонные, мечтательные глаза расширились.

— Я... простите.

— Хорошо. Ваше извинение принимается... на этот раз. Теперь слушайте меня. Слушайте внимательно.

9

Френк Джеветт и Брайан Мак Гинли, преподаватель географии и тренер по баскетболу, вышли из комнаты номер шесть следом за Алисой Таннер. Френк ухмылялся и рассказывал Брайану анекдот, который слышал утром от продавца книг. Он был о докторе, который не мог распознать, какая же у женщины болезнь — СПИД или простуда. На этом он и остановился.

— Тогда муж этой женщины отвел доктора в сторонку и говорит...

Френк направился к своей канцелярии. Алиса стояла за своим столиком, перекладывая небольшую стопку корреспонденции. Френк понизил голос. Алиса совершенно не переносила шуток, если они были хоть немного флигельными.

— Ну и? — спросил Брайан.

— Да, так вот. Он сильно расстроился. Он сказал: «Док, так что же мне все-таки делать, как определить, что у нее?»

Алиса отобрала два розовых конверта из стопки и направилась в кабинет директора. Она дошла до двери, переступила порог и вдруг остановилась, как будто налетела на невидимую каменную стену. Ни один из смеющихся мужчин ее не заметил.

— Ну, это просто — сказал доктор, — Завезите ее миль на двадцать пять в лес и оставьте там. И если она найдет дорогу обратно, не трахайте ее.

Мистер Мак Гинли глупо посмотрел на босса, и затем разразился хохотом. Директор Джеветт присоединился к нему. Оба смеялись так громко, что сначала не услышали, как Алиса назвала Френка по имени. Но во второй раз проблемы не было. Алиса почти выкрикнула его.

Френк быстро повернулся к ней.

— Алиса? Что...

И вдруг увидел, это что. Его язык прилип к горлу. Он почувствовал, как загудела его мошонка. Его яйца, казалось, хотят втянуться вовнутрь.

Вокруг лежали журналы.

Секретные журналы из нижнего ящика.

Они были раскиданы по всему полу, как чудовищное конфетти: мальчики в униформе, мальчики на сеновале, мальчики в широкополых шляпах, мальчики на пони.

— Бог мой, что это? — раздался справа от Френка голос, полный ужаса и отвращения. Он повернул голову и увидел Брайана, который пялился на журналы. Глаза его чуть не вылезали из орбит.

Шутка, пытался сказать он, это просто глупая шутка. Это не мои журналы. Вам нужно только посмотреть на меня, чтобы понять, что такие журналы не могут... представлять интереса для человека... для человека с моим... моим...

С чем его?

Он не знал, и это уже не имело значения. Потому что он утратил дар речи. Полностью.

Трое взрослых стояли в шокирующей тишине, разглядывая кабинет директора школы Френка Джеветта. Мягкий теплый ветерок перелистывал журнал, лежащий на краю кресла для посетителей. Затем журнал упал на пол. «Дерзкие Ребятишки» — гласила обложка.

«Да, шутка. Я скажу, что это чья-то шутка. Но поверят ли они мне? А если ящик стола взломан? Поверят ли они мне, если ящик взломан?»

— Миссис Таннер? — спросил за его спиной девичий голос.

Все трое — Джеветт, Таннер, Мак Гинли — виновато оглянулись. На пороге стояли две восьмиклассницы. Алиса Таннер и Брайан Мак Гинли почти одновременно подвинулись, чтобы закрыть вид в кабинете директора (сам Френк Джеветт, казалось, прирос к полу, превратившись в камень), но они немного опоздали. Глаза юных дам округлились. Одна из них — Дарлин Викери — прижала ладошки к своему розовому ротику и недоверчиво смотрела на Джеветта.

«Боже, — подумал Френк. — Завтра к обеду каждый ученик будет все знать. К завтрашнему вечеру это будет знать весь город».

— Выйдите, девочки, — сказала миссис Таннер. — Кто-то сыграл грязную шутку с мистером Джеветтом — очень грязную шутку — и вы никому не должны говорить об этом. Вы понимаете?

— Да, миссис Таннер, — ответила Эрин Маквой; через три минуты она расскажет своей лучшей подруге Доне Бьюли, что кабинет директора украшен картинками мальчиков, на которых надеты тяжелые металлические браслеты и ничего больше.

— Да, миссис Таннер, — ответила Дарлин Викери; через пять минут она будет рассказывать все своей лучшей подруге Натали Прист.

— Идите, — сказал Брайан Мак Гинли. Он пытался говорить строго, но голос его был подавленный. — Уходите.

И девочки убежали, хлопая юбками по крепким коленкам.

Брайан медленно повернулся к Френку. «Мне кажется...» — начал он, но Френк не обратил внимания. Он вошел в свой кабинет, двигаясь медленно, как во сне. Он закрыл дверь, украшенную надписью «ДИРЕКТОР», и начал собирать журналы.

«Почему бы тебе не дать им письменное объяснение?» — воскликнула часть его мозга.

Он игнорировал этот голос. Глубоко сидящий в нем примитивный инстинкт выживания твердил ему, что сейчас он наиболее уязвим и что, если он сейчас же начнет оправдываться, если он попытается

заговорить сейчас с Брайаном и Алисой, он выставит себя на посмеище.

Алиса постучала в дверь. Он оставил этот стук без ответа и продолжал сонно ходить по кабинету, поднимая с пола журналы, которые собирал последние девять лет. Он выписывал их по одному, и получал на почте в Гейтс Фолз, каждый раз ожидая, что полиция штата или почтовая инспекция навалятся на него, как тонна кирпича. Но всегда проносило. И вот...

«Они не поверят, что это твои, — сказал примитивный голос. — Они не посмеют поверить в это. Чтобы поверить в это, им придется перетрясти многие устои жизни маленького городка. Как только ты возьмешь себя в руки, ты убедишь их в этом. Но... кто все это сделал? Кто мог сделать все это?» (Френк никогда не спрашивал себя, что заставило его принести журналы сюда — сюда, именно на это место.)

Был только один человек, которого мог подозревать Френк Джеветт, — только один человек в Роке, который знал об этой секретной жизни, — Джордж Т.Нельсон, начальник мастерской из колледжа. Джордж Т.Нельсон, который выглядел, как чучело в старой отцовской шляпе. Джордж Т.Нельсон, вместе с которым Френк Джеветт однажды был на вечеринке в Бостоне, той вечеринке, где было множество среднего возраста мужчин и небольшая группка голеньких мальчиков. На той вечеринке, которая может привести в тюрьму на весь остаток жизни. На той вечеринке...

На столе лежал малиновый конверт. В центре конверта было написано его имя. Френк Джеветт почувствовал ужасное ощущение пустоты под ложечкой. Это было, как падение в оборвавшемся лифте. Он поднял глаза и увидел, что за ним, почти щека к щеке, наблюдают Алиса и Брайан. Глаза их были круглыми, рты раскрыты, и Френк подумал: «Теперь я знаю, как чувствует себя рыба в аквариуме».

Он махнул им рукой: уходите! Они не двинулись с места, и это его не удивило. Это был ночной кошмар, а в кошмарах все всегда идет не так, как хочется. Вот почему он становится кошмаром. Он испытывал чудовищное чувство потери и дезориентации... но, кроме того, к этому примешивался маленький голубой огонек гнева. Он взял стопку журналов и положил ее на пол. При этом он заметил, что нижний ящик, в котором они лежали, взломан. Как он и ожидал. Он вскрыл конверт и высыпал на стол содержимое. По большей части это были фотографии. Фотографии его и Джорджа Т.Нельсона на той вечеринке в Бостоне. Они были окружены красивыми голыми мальчиками. (Самому старшему из этих ребятшек вряд ли было двенадцать). И на каждой фотографии лицо Джорджа Т.Нельсона было затенено, но его лицо выступало кристально ясно.

Однако это не очень удивило Френка.

Кроме того, в конверте была записка. Он вынул ее и прочел.

«Привет, старина Френк.

Извини, но я вынужден покинуть город и не имею времени расшаркиваться. Мне нужно две тысячи долларов. Принеси мне их домой до семи вечера. Если ты можешь покупать все эти вещички,

то для такого ублюдка, как ты, это проблемы не составит. Спроси себя, захочешь ли ты видеть сотни этих пикантных голышей в каждой телефонной будке. Они вышвырнут тебя из города в два счета, дружище. Помни, 2000 у меня дома, не позже семи пятнадцати, или ты пожалеешь, что не родился без своего толстячка.

*Твой друг,
Джордж».*

Твой друг.

Твой друг!

Его глаза вернулись к этой последней строчке с недоверием, удивлением и ужасом.

Твой ублюдочный ДРУГ-Иуда!

Брайан Мак Гинли все еще барабанил в дверь, но когда Френк Джеветт, наконец, оторвал взгляд от того, что было разложено на его столе, Брайан остановился. Лицо директора было совершенно белым, с двумя яркими клоунскими пятнами на щеках.

Его губы растянулись в узкой улыбке.

Он уже не был похож на мистера Вотерби.

«Мой друг», — думал Френк. Он скомкал записку одной рукой и засунул фотографии в конверт другой. Теперь голубая искра гнева стала оранжевой. Материал для растопки был охвачен огнем.

— Я пойду туда, конечно. Я пойду, чтобы обсудить все вопросы с моим другом Джорджем Т.Нельсоном.

— Конечно, — произнес Френк Джеветт. — Конечно.

Он начал улыбаться.

10

Было уже четверть четвертого, Алан решил, что ошибся и Брайан Раск выбрал другую дорогу. Ручеек школьников, спешащих из школы, почти пересох. Когда он уже сунул руку в карман, чтобы достать ключи, он увидел одинокую фигуру на велосипеде, приближающуюся к нему по Скул-стрит. Мальчик ехал медленно, почти лежа на руле. Голова его была наклонена так низко, что Алан не мог видеть его лица.

Но он сразу узнал то, что было на багажнике велосипеда: холодильник «Плеймейт».

11

— Вы поняли? — спросил мистер Гаунт у Полли, которая держала конверт.

— Да, я... я поняла. Конечно, — но ее задумчивое лицо было обеспокоенным.

— Вы выглядите не слишком счастливой.

— Нет... я...

— Такие вещи, как этот амулет, не всегда работают у тех людей, которые не счастливы, — произнес мистер Гаунт. Он указал пальцем на небольшую выпуклость, где находился сереб-

ряный медальончик, и ей вновь показалось, что внутри него что-то странно зашевелилось. В тот же момент ее пронзила страшная боль, проникая в руки, как два стальных крюка. Полли громко застонала.

Мистер Гаунт согнул палец приглашающим жестом. Она опять, уже более явственно, почувствовала, как внутри что-то шевельнулось. В то же мгновение боль пропала.

— Вы же не хотите, чтобы это возвратилось, Полли? — спросил мистер Гаунт шелковистым голосом.

— Нет! — вскрикнула она. Ее грудь резко вздымалась. Она начала потирать руки как во время мытья. — Пожалуйста, нет!

— Потому, что все может пойти все хуже и хуже, не правда ли?

— Да! Да, конечно!

— И никто не поймет, ведь так? Даже шериф. Он ведь не знает, каково это — просыпаться в два часа ночи с адской болью в руках.

Она качнула головой и начала всхлипывать.

— Сделайте то, что я сказал, и вы никогда не будете чувствовать этого, Полли. И еще кое-что: если кто-нибудь в Кастл Роке и узнает про вашего сына, который сторел заживо, то не от меня.

Полли издала сдавленный крик — крик женщины, которой приснился кошмар.

Мистер Гаунт улыбнулся.

— Не правда ли, многовато всяких плохих вещей может случиться, Полли?

— Откуда вы о нем знаете? — прошептала Полли. — Я же никому про него не говорила. Даже Алану. Я сказала Алану...

— Я знаю, потому что знать — это мой бизнес. Но он подозревает вас, Полли — Алан никогда не верил в то, что вы ему рассказывали.

— Он говорил...

— Я уверен, что он все это говорил, но он никогда не верил вам. Ведь женщина, которую вы наняли сиделкой, была наркоманкой, не так ли? Это, разумеется, не ваша вина, но то, что привело к такой ситуации, — всецело ваша воля. Не так ли, Полли? Это ваш выбор. Молодая женщина, которую вы наняли, чтобы присматривать за Келтоном, уронила сигарету, хотя, может, и не она, ведь там был притон, в мусорный ящик. Это ее палец спустил курок, но ведь ружье зарядили вы, Полли. Это сделала ваша гордость, неспособность склонить голову перед вашими родителями и другими добрыми людьми Кастл Рока.

Полли начала всхлипывать сильнее.

— Но разве молодая женщина не может руководствоваться своей гордостью? — мягко спросил мистер Гаунт. — Если все остальное утеряно, разве она не может руководствоваться этим стержнем, без которого все ее существование становится пустым?

Полли подняла свое заплаканное лицо и сказала с вызовом:

— Я считала, что это мое дело, — сказала она. — И все еще так считаю. Если это гордость, так что?

— Да, — согласился он мягко. — Вы говорите как победитель. Но они могли вас принять, помните? Ваши родители? Это могло быть неприятно, конечно, но это было возможно.

— Да, но я бы каждый день пыталась вырваться из-под ногтя матери! — выкрикнула она яростным, гневным голосом, не имеющим ничего общего с ее нормальным тоном.

— Да, согласился мистер Гаунт своим обычным мягким тоном. — Так что вы остались там, где и были. У вас был Келтон, и у вас была гордость. А когда Келтон умер, у вас осталась ваша гордость... не так ли?

Полли вскрикнула от гнева и отчаяния и закрыла руками мокрое лицо.

— А ведь это ранит больше, чем ваши руки, не правда ли? — спросил мистер Гаунт. Он протянул свою уродливую руку над ее головой и произнес восхваляющим тоном: «Человечность! Как благородно! Как достойно принести в жертву другого!»

— Прекратите! — простонала она. — Вы можете прекратить?

— Это тайна, Патриция?

— Да.

Он коснулся ее лба. Полли издала стон, но не отшатнулась.

— Это та самая дверь в ад, которую вы хотите оставить закрытой?

Она кивнула, не отрывая рук от лица.

— Тогда делайте, как я сказал, Полли, — прошептал он. Он отнял одну ее руку от лица и начал гладить ее. — Делайте, что я скажу и держите рот закрытым. — Он внимательно посмотрел на ее мокрую щеку и плачущий глаз. Еле заметная гримаса отвращения мелькнула на его лице.

— Я не знаю, что вызывает во мне большую неприязнь — плачущая женщина или смеющийся мужчина. Вытрите свое лицо, Полли.

Медленно, сонно она достала из сумочки носовой платок и начала вытирать лицо.

— Хорошо, — сказал он и поднялся. — Теперь идите домой, Полли; у вас есть чем заняться. Но должен сказать, что мне доставило большое удовольствие иметь с вами дело. Я всегда получаю удовольствие от общения с женщинами, имеющими гордость.

12

— Эй, Брайан, хочешь посмотреть фокус?

Мальчишка на велосипеде так резко поднял голову, что волосы рассыпались по ветру, и Алан увидел на его лице выражение, в котором нельзя было ошибиться: обнаженный и неподдельный ужас.

— Фокус? — спросил он дрожащим голосом. — Какой фокус?

Алан не знал, чего испугался мальчишка, но он понял одно: его умение притягивать к себе мальчишек, как мороженщик, в этот раз не понадобится. Лучше показать фокус как можно быстрее и попытаться уйти с другой стороны.

Он вытянул левую руку, на которой были часы, и улыбнулся в бледное, напуганное, ожидающее лицо Брайана Раска. — Как видишь, в рукаве у меня ничего нет и моя рука растет прямо из плеча, как и обычно. Но сейчас...

Алан медленно провел открытой правой рукой вдоль левой и незаметно выдвинул большим пальцем маленький пакетик из-под ремешка для часов. Закрывая кулак, он сдвинул почти микроскопическую петельку, которая удерживала пакетик. Он щелкнул левой рукой над правой, и в тот момент, когда он убрал руку, в его руке возник большой букет ярких цветов, прямо в том месте, где не было до этого ничего, кроме чистого воздуха.

Алан проделывал этот фокус сотни раз, и ни разу он не удавался так здорово, как в этот теплый октябрьский день. Однако ожидаемой реакции удивления с последующим чувством, состоящим на одну треть из радости и на две трети из восхищения, на лице Брайана не возникло. Он удивленно смотрел на букет (казалось, что в этом коротком взгляде выразилось облегчение, потому что он ожидал фокуса с куда менее приятными последствиями), а затем взглянул на Алана.

— Здорово, правда? — спросил Алан. Он растянул губы в широкой улыбке, которая выглядела так же естественно, как и дедушкин зубной протез.

— Да, — сказал Брайан.

— У-х, а теперь уберем все это. — Алан свел руки вместе, складывая букет. Это было просто — слишком просто. Пора было покупать новый экземпляр фокуса. Они уже итак давно служат. Тонкие пружинки потеряли жесткость, бумага вот-вот порвется, да и краски уже выцвели.

Он развел руки, улыбаясь еще шире. Букет исчез. Он опять превратился в маленький бумажный пакетик под ремешком часов. Брайан Раск не улыбнулся в ответ; на его лице вообще не было никакого выражения. Остатки летнего загара не скрывали ни проступившей под ним бледности, ни цвета лица, характерного для возраста полового созревания: шрамчики от угрей на лбу, еще больший прыщ возле рта, множество угорьков на носу. Под глазами пролегли тени, показывая, что последняя спокойно проведенная ночь была очень давно.

«Малыш далеко не в порядке, — подумал Алан. — Что-то в нем разладилось, если не сломалось». Было две версии случившегося: либо Брайан Раск видел того, кто совершил акт вандализма в доме Ежик, либо это сделал он сам. Любой из этих вариантов был возможен, но во втором случае Алан вряд ли смог бы себе представить, какая тяжесть вины лежала на мальчугане.

— Это отличный фокус, шериф Пэнгборн, — сказал Брайан бесцветным, лишенным эмоций голосом. — В самом деле.

— Спасибо, я рад, что тебе понравилось. Ты знаешь, о чем я с тобой хочу поговорить, Брайан?

— Да... кажется, знаю, — сказал Брайан, и Алану вдруг показалось, что мальчик признается в том, что разбил окно. Вот прямо сейчас, на углу улицы, он признается, и Алан сможет сделать огромный шаг вперед в своем расследовании, что же случилось между Нэтти и Вилмой.

Но Брайан больше ничего не сказал, он просто смотрел на Алана уставшими, слегка покрасневшими глазами.

— Что случилось, сынок? — спросил Алан все тем же мягким голосом. — Что произошло, пока ты был у дома Ежик?

— Я не знаю, — ответил Брайан. Его голос был вялым. — Но мне это снилось вчера ночью. И в воскресенье ночью. Мне снилось, что я вхожу в этот дом, и только во сне я видел, что там произошло.

— И что это было, Брайан?

— Чудовище, — ответил Брайан.

Его голос не изменился, но в уголке глаза показалась большая слезинка, которая сбежала по щеке. Во сне я постучал в дверь вместо того, чтобы убежать, и дверь открылась и чудовище, оно... меня... съело. Слеза задрожала и съехала по щеке Брайана.

«Да, — подумал Алан, — это может быть испуг. Тот вид испуга, который испытывает маленький мальчик, когда в неурочное время открывает дверь спальни и видит, как папа с мамой трахаются. Только из-за того, что он слишком мал и не знает, что это такое, ему кажется, что они дерутся. А если они производят при этом много шума, ему кажется, что они пытаются убить друг дружку».

— Но...

Но это казалось неправильным. Это было слишком просто. Казалось, что мальчишка врет, хотя его взгляд говорил: «Я хочу рассказать все». Что это может означать? Алан не знал наверняка, но опыт подсказал ему наиболее вероятное решение — Брайан знал того, кто швырял камни. Может быть, он считал, что должен защитить того, кто это сделал. Или, может быть, тот, кто кидал камни, видел Брайана, и Брайан знал это. Может быть, Брайан боялся этого человека.

— Кто-то кидал камни в окно дома Ежик, — произнес Алан тихим и ласковым (он надеялся) голосом.

— Да, сэр, — ответил Брайан, почти что со вздохом. — Мне тоже так показалось. Мне показалось, что они дерутся, но может быть, кто-то бросил камень. Хрусть, бум, бах.

«Эта ритмическая группа принадлежит группе «Дип пепл», — подумал Алан, но ничего не сказал.

— Так ты подумал, они дрались?

— Да, сэр.

— Ты действительно так подумал?

— Да, сэр.

Алан вздохнул.

— Что ж, теперь ты знаешь, как все было. И ты ведь знаешь, что кидать камни в окна — очень серьезное дело, даже если это и не приводит ни к каким последствиям.

— Да, сэр.

— Но в этот раз это привело к серьезным последствиям. Ты знаешь это, Брайан?

— Да, сэр.

Но глаза, глядящие на него со спокойного, бледного лица, выдавали его. Алан начал понимать две вещи: этот мальчик хочет сказать ему, что же случилось, но в то же время не собирается этого сделать.

— Ты выглядишь очень скверно, Брайан.

— Да, сэр?

— Это твое «Да, сэр»... означает, что тебе действительно очень плохо?

Брайан кивнул, и еще две слезинки выступили на его глазах и потекли по щекам. Алан испытывал два чувства: глубокую жалость и дикое раздражение.

— Что тебя беспокоит, Брайан? Расскажи мне.

— Еще я видел очень хороший сон, — сказал Брайан почти неслышным голосом. — Он был глупый, но хороший. Он про мисс Рэтклифф, мою учительницу-логопеда. Теперь я знаю, что он был глупый. Теперь я знаю больше.

Его темные, ужасно грустные глаза опять поднялись и встретились с глазами Алана.

— Тот мой сон... тот, что про монстра, который кидал камнями... он меня напугал, шериф Пэнгборн... Но что мне грустно от того, что я знаю, как фокусник делает свои фокусы.

Он наклонил голову, и Брайан заметил, что он смотрит на ремешок его часов.

— Иногда лучше ничего не замечать. Теперь я это понимаю.

Алан положил руку на плечо мальчугана.

— Брайан, давай проколем нарыв, хорошо? Расскажи мне, что случилось. Расскажи, что ты видел и что ты делал.

— Я пришел спросить, не будут ли они нанимать кого-нибудь, чтобы убрать двор, — сказал мальчик механическим голосом, который сильно испугал Алана. Мальчишка выглядел, как любой американский мальчишка лет одиннадцати или двенадцати, туфли на резиновой подошве, джинсы, куртка с портретом Барт Симпсон, но голос его звучал, как у робота, который плохо запрограммирован и сейчас сгорит от перегрузки. Сначала Алан спросил, не видел ли Брайан того, кто бросал камни.

— Я слышал шум, — продолжал мальчик.

Он говорил теми короткими рублеными предложениями, которыми учат отвечать на суде полицейских.

— Там был шум. Стук, треск, вещи ломались. Так что я поехал назад, как только мог быстро. Леди из соседнего дома как раз вышла. Она спросила меня, что там происходит. Я думал, она тоже испугалась.

— Да, — сказал Алан. — Джилиан Мислабурски. — Я говорил с ней. — Он тронул криво сидящий на багажнике холодильник «Плеймейт». Он заметил, как дернулись губы Брайана, когда он это сделал.

— Этот холодильник был у тебя в то утро, Брайан?

— Да, сэр, — ответил Брайан. Он вытер щеку тыльной стороной ладони и осторожно посмотрел на Алана.

— Что в нем было?

Он ничего не ответил, но Алан заметил, что его губы дрогнули.

— Что в нем было, Брайан?

Брайан опять ничего не сказал.

— Он был с камнями?

Брайан медленно и напряженно помотал головой — нет.

— Что в нем было? — в третий раз спросил Алан.

— То же, что и сейчас, — прошептал Брайан.

— Можно мне открыть и посмотреть?

— Да, сэр, — прошептал Брайан своим безжизненным голосом. — Думаю, что да.

Алан откинул крышку и заглянул в холодильник.

Он был заполнен открытками со звездами бейсбола: Топпе, Флиир, Донрусо.

— Это для обмена. Я ношу его с собой почти всегда, — сказал Брайан.

— Ты... Повсюду их с собой носишь.

— Да, сэр.

— Почему, Брайан? Почему ты таскаешь с собой холодильник, наполненный бейсбольными открытками?

— Да я же говорю — это для обмена. Никогда ведь не знаешь, где удастся обменяться. Я сейчас ищу Джой Фой — он был в Импоcснбл Дрнм Тнм в 67-м году, и карточку Майка Грннвнла. А Гатор мой любимый игрок.

Теперь Алану показалось, что он видит слабую улыбку на губах мальчика. Он почти слышал телепатический голос, выкрикивающий: «Надули! Надули!». Но на самом деле это был его голос; просто разрушились его планы.

«Ну хорошо, а что ты хотел найти в этом холодильнике? Кучку камней, обернутых записками? Неужели ты в самом деле не думал, что он может сделать что-либо подобное в другом месте?»

«Да», — признался он себе. В мыслях он действительно думал, что это так. Брайан Раск, Маленький Террор в Кастл Роке. Сумасшедший Швыратель Камней. И что было хуже всего: он был уверен, что Брайан Раск может читать эти его мысли.

«Надули! Надули шерифа!»

— Брайан, пожалуйста, скажи, что происходит. Если ты знаешь, скажи мне, пожалуйста.

Брайан закрыл крышку холодильника и ничего не ответил. В теплом августовском воздухе раздался легкий шелчок.

— Не можешь говорить?

Брайан медленно кивнул, соглашаясь. Алан подумал, что он на правильном пути: он не может говорить.

— Скажи мне наконец: ты напуган? Ты боишься, Брайан?

Брайан опять кивнул, так же медленно.

— Скажи, что тебя напугало, сынок. Может быть, я смогу убрать это. — Он указал пальцем на значок, прицепленный на левой стороне его формы. — Я думаю, что мне платят за звезду, которую я ношу, потому что я иногда заставляю страх отступать.

— Я, — начал Брайан, но в этот момент полицейское радио, которое Алан установил в свой автомобиль три или четыре года назад, вдруг пробудилось к жизни.

— Номер Первый, Номер Первый, это база. Как слышите, прием.

Взгляд Брайана переметнулся с лица Алана на машину, из которой доносился голос Шейлы Бригхэм — голос власти, голос полиции. Алан заметил, что если мальчишка и хотел ему только что что-то сказать (хотя, может быть, это ему только показалось), то теперь он замолчал. Его лицо закрылось, как створки моллюска.

— Иди домой, Брайан. Мы еще поговорим об этом... об этих твоих снах... только позже. Хорошо?

— Да, сэр, — сказал Брайан. — Я тоже так думаю.

— А ты пока подумай о том, что я сказал: главное, о чем должен заботиться шериф, это устранять все то, что пугает людей.

— Мне надо сейчас ехать домой, шериф. Если я скоро не появлюсь дома, мама сойдет с ума из-за меня.

Алан кивнул.

— Отлично, нам обоим это не нужно. Езжай, Брайан.

Он посмотрел, как мальчик уезжает. С опущенной головой, как и прежде, он скорее тащился на своем велосипеде, чем быстро ехал. Что-то здесь было не так, причем настолько не так, что Алан подумал, что случившееся с Вилмой и Нэтти — это всего лишь следствие, которое должно помочь найти то, что вызывает такое усталое, загнанное выражение детского лица.

В конце концов женщины умерли и похоронены. Брайан все еще жив.

Он подошел к старенькому фургону, наклонился, взял микрофон и нажал кнопку.

— Да, Шейла, это Номер Первый. Я слушаю.

— Алан, тебе звонил Генри Пэйтон, — ответила Шейла. — Он сказал, что у него для тебя что-то срочное. Он сказал, чтобы я нашла тебя.

— Свяжись с ним, — сказал Алан. Он почувствовал, как его пульс участился.

— Это займет пару минут.

— Отлично, я буду здесь.

Он опять наклонился к автомобилю, чтобы попасть в тень, держа микрофон и ожидая чего-то срочного, что случилось в жизни Генри Пэйтона.

13

К тому времени, как Полли дошла домой, было двадцать минут четвертого. Она разрывалась между двумя совершенно различными решениями. С одной стороны, она чувствовала глубокую, насущную необходимость выполнить поручение, которое дал мистер Гаунт (ей не нравилось думать об этом в его терминах, как о шалости — Полли Чалмерс была далека от шуток), чтобы амулет в конце концов принадлежал ей. Концепция, что дело не будет сделано, пока мистер Гаунт не скажет, что оно сделано, не сильно отразилась на ее поведении.

С другой стороны, она чувствовала настоятельную потребность связаться с Аланом, рассказать ему, что случилось... или как можно больше из того, что она запомнила. Она точно помнила одну вещь, она чувствовала, как это наполняет ее низким стыдом и ужасом, но она помнила это: мистер Лиленд Гаунт ненавидит человека, которого любит Полли, и мистер Гаунт делает что-то — что-то, очень плохое. Алан должен знать. Даже если амулет перестанет работать, он должен знать.

Не надо обращать на это внимание.

Но, да, — часть ее существа знала это точно, — Лиленд Гаунт чем-то ее напугал. Хотя она не помнила чем, но он вверг ее в ужас.

«Ты хочешь вернуться опять в прошлое, Полли? Ты хочешь вернуться назад к паре рук, которые как бы набиты шрапнелью?»

Нет... но она не хотела и ранить Алана. Не хотела она и чтобы осуществились планы мистера Гаунта, если это было нечто (она подозревала, что это именно так), что может повредить городу. Не хотела она быть и частью какого-то плана и ехать для этого на старую ферму Камбера в конце дороги номер три, и играть в какую-то игру, которую она не понимает.

Таковы были эти стороны ее существа, каждая из них имела свой голос и приводила свои аргументы, противоборствуя в ней, пока она медленно шла домой.

Если мистер Гаунт загнипнотизировал ее каким-либо образом (она была уверена в этом, когда вышла из магазина, но постепенно уверенность эта все более и более уменьшалась), эффект уже проходил. (Полли искренне верила в это.) Ее нельзя было обвинить в нерешительности, и она всегда знала, что ей нужно делать дальше. Но в данной ситуации она чувствовала, что из ее мозга удален орган, который вырабатывает химические вещества, необходимые для принятия решений.

Наконец, она пришла домой, чтобы выполнить то, что советовал ей мистер Гаунт (хотя она уже не помнила его советов). Она решила проверить почту, а затем позвонить Алану и сообщить ему, чего добивается мистер Гаунт.

«Если ты это сделаешь, зловеще сказал внутренний голос, амулет действительно перестанет работать. И ты знаешь это».

Да, но здесь был вопрос правды и лжи. Это было так. Она позвонит Алану и извинится перед ним, а затем расскажет, чего хотел от нее мистер Гаунт. Возможно, она даже отдаст ему конверт, который отдал ей мистер Гаунт и который она должна положить в жестянку.

Возможно.

Чувствуя себя немного лучше, Полли вставила ключ в замочную скважину, опять удивляясь легкости этой операции, почти без усилий, и повернула его. Почта была на своем обычном месте, на коврике. Немного на сегодня. Обычно (после выходного на почтамте) ее больше. Она наклонилась и подняла ее. Брошюрка кабельного телевидения с улыбающимся Томом Крузом, невероятно красивое лицо. Один каталог из «Хорхов Коллекшн», второй из «Шейпер Имидж». А еще...

Полли увидела письмо, и страх холодным комком подкатил к горлу. «Патриции Чалмерс, Кастр Рок, из Сан-Франциско, Отдел Заботы о Детях... из «666 Гирли». Она хорошо помнила «666 Гирли», по трем своим визитам туда. Всего трем визитам. Три интервью с тремя бюрократами из Отдела Помощи Нуждающимся Детям. Два из них были мужчины, — мужчины, которые смотрели на нее, как на обертку.

1

Примерно в то же время, когда Алан ехал через весь город, чтобы арестовать Хью Прайста, Генри Бьюфорд стоял во дворе, глядя на своего «буревестника». Записку, которую он нашел под дворником машины, он держал в руке. Этот ублюдок сильно изуродовал шины, но их можно было заменить. Хуже было с царапиной вдоль правого борта машины.

Он опять посмотрел на записку и перечитал ее: *«Не вырубай меня и не забирай ключи от машины! Чертова лягушка»*.

Кого он вырубал в последнее время? О, множество народу. Вечер, когда бы он кого-нибудь не выбрасывал, был редкостью. Но выбросил и забрал ключи? И причем совершенно недавно. Был только один такой случай.

Только один.

— Мать твою, — сказал хозяин и управляющий «Захмелевшего Тигра» мягким задумчивым голосом. — Ты тупой, сумасшедший сукин сын, мать твою.

Он подумал о том, чтобы зайти в дом и взять свое охотничье ружье, но затем передумал. «Захмелевший Тигр» был, как раз по дороге, и под прилавком был специальный ящик. В нем находился двустольный дробовик. Он держал его там с тех пор, как этот проклятый Туз Мерилл попытался ограбить его несколько лет назад. Это было незаконное оружие, и Генри никогда им не пользовался.

Он подумал, что может использовать его сегодня.

Он коснулся уродливой царапины, которую Хью оставил на борту машины, затем скомкал бумажку и выбросил ее. Билли Тапер должен быть в баре, как раз сейчас, подметая пол и наводя порядок. Генри возьмет оружие, а затем одолжит у Билли его «понтяк».

Генри ногой поддел скомканную записку.

— Ты опять взялся за свои идиотские штучки, Хью, но больше тебе это не удастся, я гарантирую. — Он последний раз коснулся царапины. Гарри никогда не был так зол за всю свою жизнь. — Я гаран-мать-твою-тирую это.

Генри вышел на дорогу и быстро зашагал к «Захмелевшему Тигру».

2

При обыске с пристрастием в спальне Джорджа Т.Нельсона, Френк Джеветт обнаружил под матрасом двуспальной кровати пол-унции кокаина. Он спустил его в унитаз и, пока глядел на то, как его смывает, почувствовал внезапный спазм в желудке. Он начал расстегивать брюки, но затем опять вернулся в растерзанную спальню. Френк подозревал, что совершенно сошел с ума, но не сильно об этом беспокоился. Сумасшедшие не очень заботятся о будущем. Для сумасшедших будущее имеет очень низкий приоритет.

Одной из немногих вещей, оставшихся не поломанными в спальне Джорджа Т.Нельсона, был портрет на стене. Это был портрет

старой леди. Он был в дорогой золоченой раме, и Френк решил, что это портрет обожествляемой мамочки Джорджа Т.Нельсона. Спазм повторился. Френк снял картину со стены и положил ее на пол. Затем он расстегнул брюки, аккуратно присел на корточки над портретом и сделал то, что было естественно.

Это было кульминацией этого отвратительного дня.

3

Ленни Партридж, старейший житель Кастр Рока, ехал на одном из старейших автомобилей в городе. Это был «шевроле бел-эйр» 66 года, который когда-то был белым. Сейчас это был странный комбинированный цвет, — назовем его грязный-дорожный-серый. Он был не в очень хорошем состоянии. Заднее стекло несколько лет назад было заменено хлопающим куском пластика, днище настоянку проржавело, что Ленни мог видеть дорогу через сложную паутину ржавчины, и выхлопные трубы свисали, как высохшие руки человека, погибшего от жары. Кроме того, масляные прокладки давно прогорели. Когда Ленни вел «бел-эйр», тот оставлял за собой огромное облако голубого дыма. И поля, мимо которых он совершал свою ежедневную поездку в город, выглядели, как будто их только что опылили с самолета. «Шевроле» сжигал три (иногда четыре) кварты масла в день. Это вопиющее транжирство не беспокоило Ленни; он покупал переработанное масло у Сонни Джекета в пятилитровых галлонах, и Сонни делала скидку на десять процентов. А так как он никогда не вел свой «бел-эйр» со скоростью более тридцати пяти миль в час, уже по крайней мере десять лет, то могло случиться так, что его «шеви» продержится даже дольше, чем сам Ленни.

Когда Генри Бьюфорд шел по дороге к «Захмелевшему Тигру», на другой стороне Тин Бридж, почти в пяти милях, Ленни вел свой ржавый «бел-эйр» через вершину холма Кастр Хилл.

Посреди дороги стоял человек, подняв руку в повелительном знаке «Стоп». Человек был босой и с обнаженной грудью. На нем были только брюки цвета хаки с незастегнутой ширинкой, и вокруг его шеи была обернута изъеденная молью полоска меха.

Сердце Ленни сделало большой скачок в его костлявой груди, и он нажал обеими ногами, обутыми в разваливающиеся ботинки, на педаль тормоза. Она ушла почти до пола с нестерпимым скрипом, и «бел-эйр» наконец остановился менее чем в шаге от человека на дороге, в котором Ленни узнал Хью Прайста. Прайст даже не шелохнулся. Когда машина остановилась, он быстро обошел ее и подошел к Ленни, который сидел прижав руки к теплой нижней рубашке, пытаясь сдержать дыхание и удивляясь, как это еще его не хватил удар.

— Хью! — прохрипел он. — Ты что, к чертям собачьим, здесь делаешь? Я чуть не наехал на тебя! Я...

Хью открыл дверцу и наклонился вовнутрь. Меховой воротник, который был обернут вокруг его шеи, скользнул вперед, и Ленни отшатнулся. Он выглядел, как наполовину сгнивший лисий хвост с большой проплешиной на боку. От него исходил гнилой запах.

Хью сграбастал старика за отвороты комбинезона и вытащил из машины. Ленни вскрикнул от страха и оскорбления.

— Извини, старик, — сказал Хью отсутствующим голосом, как человек, у которого есть проблемы и поважнее. — Мне нужна твоя машина. Моя немного испортилась.

— Ты не смеешь...

Но Хью определенно посмел. Он швырнул Ленни через дорогу, как будто старик был всего лишь мешок с тряпьем. Когда Ленни приземлился, послышался хрустящий звук, и его всхлипывания превратились в завывающий вопль боли. Он сломал себе два ребра и ключицу.

Не обращая на него внимания, Хью сел за руль «шеви», захлопнул дверь и выжал акселератор. Двигатель издал крик удивления, и голубое облако масляного дыма вылетело из обвисших глушителей. Он уже ехал вниз по склону со скоростью миль пятьдесят в час, а Ленни Партридж, в это время, смог только перевернуться на спину.

4

Энди Клаттербарк въехал на Кастрл Хилл Род примерно в три тридцать пять. Он разминулся со старым автомобилем Ленни Партриджа, едущим в другом направлении, и даже не обратил на него внимания. Все мысли Клатта полностью занимал Хью Прайст. А старый ржавый «бел-эйр» не имел к нему никакого отношения.

Клатт совершенно не знал, почему или как Хью оказался связанным со смертью Вилмы и Нэтти, но эта проблема не волновала его: он был исполнителем, и все. «Почему» и «как» было заботой других. Он знал, что Хью был горьким пьяницей, которого уже ничто не исправит. «Подобный человек мог сделать все, что угодно... Особенно, если он под большим градусом. Хотя возможно, он сейчас на работе», — подумал Клатт. Но когда он приблизился к развалюхе, которую Хью называл домом, он растегнул кобуру пистолета. Секундой позже он увидел солнечные зайчики от стекла и хрома во дворе Хью, и его нервы натянулись. Автомобиль Хью был здесь, а если автомобиль человека дома, то и человек обычно находится там же. Это просто факт из сельской жизни.

Если Хью ушел со двора пешком, он должен повернуть направо, прочь от города, по направлению к вершине Кастрл Хилл. Если бы Клатт посмотрел в этом направлении, он бы увидел Ленни Партриджа, который лежит на дороге и оглядывается по сторонам, принимая пылевую ванну. Но он не посмотрел в ту сторону. Все его внимание было приковано к дому Хью. Тонкий, как у птицы, крик Ленни входил через одно ухо Клатта, не вызывая ни малейших изменений в мозгу, и выходил в другое.

Прежде чем вылезти из машины, Клатт вытащил пистолет.

5

Билли Тапперу было только девятнадцать, и он никогда не собирался стать Роденовским мыслителем. Но он был достаточно сообразительным, чтобы заметить странное поведение Генри, когда

тот явился в «Захмелевший Тигр» без двадцати минут четыре в последний день существования Кастл Рока. Он также был достаточно сообразительным, чтобы понять, что отказывать Генри в его просьбе получить ключи от «понтака» нельзя. Учитывая состояние Генри (который при обычных обстоятельствах был лучшим боссом, которого мог представить себе Билли), можно было с большой вероятностью предположить, что Билла собьют с ног и просто отберут ключи.

Так что в первый и, видимо, в последний раз Билли решил схитрить.

— Генри, — сказал он, — ты выглядишь так, будто тебе необходимо крепко выпить. Да и мне это не повредило бы. Почему бы тебе не выпить, пока ты не ушел?

Генри исчез под стойкой. Билли слышал, как он возится там, что-то переставляя и тяжело сопя. Наконец он опять появился, держа в руках маленький прямоугольный деревянный ящик с навесным замочком. Он поставил ящик на прилавок и начал подбирать ключ со связки, висевшей у него на поясе.

Он подумал о предложении Билли и начал было мотать головой, но затем передумал. Выпить было не такой уж плохой идеей — это немного успокоило бы его руки и нервы. Он наконец нашел нужный ключ, открыл замочек и положил его на стойку.

— Ладно, — сказал он. — Но если уж делать, так по правилам. Вот «Чивас». Одинарный тебе, двойной для меня, — он направил на Билли указательный палец. Билли испугался. Он внезапно подумал, что Генри добавит: «Но ты пойдешь со мной».

— Но не говори своей маме, что я позволяю тебе пить здесь крепкие ликеры, понял?

— Да сэр, — сказал Билли, расслабляясь. Он быстро бросился за бутылкой, пока Генри не передумал. — Я вас прекрасно понял.

6

Дик Брэдфорд, человек, который курировал в Кастл Роке самые крупные и дорогостоящие операции, общественные работы, был сильно раздражен.

— Нет, его здесь нет, — сказал он Алану, — и не было целый день. Но если увидишь его раньше меня, будь добр, сделай одолжение. Скажи ему, что он уволен.

— А почему ты держал его на работе так долго, Дик?

Они стояли под жарким полуденным солнцем возле городского склада номер один. Слева от них был задом припаркован грузовик. Трое мужчин разгружали с него небольшие, но тяжелые ящики. На каждом стояла метка — яркая красная полоса, обозначающая высокую взрывоопасность. Изнутри склада доносился шум кондиционеров. Было очень странно слышать гул кондиционеров в это время года, но в Кастл Роке вся эта неделя была очень странной.

— Я держал его дольше, чем положено, — сказал Дик и почесал затылок. — Потому что мне казалось, что где-то внутри него сидит хороший человек. — Дик был одним из тех низкорослых, коренастых людей — пожарный кран с ногами, — которые всегда выглядят

так свирепо, будто готовы любому надрать задницу. На самом деле это был самый мягкий и добрый человек из тех, кого знал Алан.

— Если он не слишком напивался, то никто в городе не работал так, как Хью. И было в его лице что-то такое, что отличало его от горьких пьяниц. Я думал, что может быть постоянная работа исправит его и заставит задуматься. Но эта последняя неделя...

— Так что произошло в последнюю неделю?

— Все полетело к черту. Он, как будто все время был чем-то страшно занят. И когда с ним кто-то разговаривал, он все время смотрел куда-то в сторону. А кроме того, он начал сам с собой разговаривать.

— О чем?

— А кто его знает? Я не люблю увольнять кого-либо, но я решил сделать это еще до того, как ты ко мне подошел. Я с ним расстаюсь.

— Извини, Дик, — Алан подошел к машине, вызвал Шейлу и сообщил, что Хью весь день не был на работе.

— Шейла, постарайся связаться с Клаттом и скажи ему, чтобы поберег свою задницу. И пошли Джона на подстраховку. — Он поколебался, зная что следующее предупреждение может вызвать ненужную стрельбу, но затем продолжил; это было необходимо, он должен заботиться о полевых офицерах. — Клатт и Джон должны считать, что Хью вооружен и опасен. Понятно?

— Вооружен и опасен. Приняла.

— Все. Конец связи.

Он положил микрофон и опять подошел к Дикю.

— Ты не знаешь, он не мог уехать из города?

— Он? — Дик наклонил голову и сплюнул. — Парни вроде него никогда не уезжают из города, пока есть хоть какая-то возможность. Многие из них вообще никогда не покидают город. Когда нужно вспомнить, какая дорога ведет из города, на них обычно нападает склероз.

Тут что-то привлекло внимание Дика, и он повернулся к мужчинам, разгружающим деревянные ящики.

— Эй, осторожнее с этим, ребята! Вас наняли разгружать, а не развлекаться!

— Много у тебя тут взрывчатки, Дик?

— Да уж — двадцать ящиков. Надо будет взрывать гранитные валуны на пятой дороге, но, по-моему, тут останется еще столько, что можно будет отправить Хью на Марс, если захочется.

— А зачем так много?

— Это не моя идея. Пират добавил еще к моему заказу, Бог знает почему, но я должен сказать, что он взбесится, когда увидит счет за электричество за этот месяц... хотя холода приближаются. Эти кондиционеры жрут электричество, как проклятые, но я не выключаю их, а то эти ящики вспотеют. Правда, говорят, что эта новая взрывчатка не боится жары, но лучше подстраховаться.

— Пират увеличил заказ? — удивился Алан.

— Да, на четыре или шесть ящиков, я точно не помню. В любом случае это странно, не так ли?

— Не знаю, Дик. Можно воспользоваться вашим телефоном?

— Чувствуй себя как дома.

Алан около минуты сидел за столом Дейка, покрывая темными пятнами пота подмышки форменной рубашки и слушая, как снова и снова звонит телефон в доме Полли. Наконец, он положил трубку.

Он медленно вышел из офиса, опустив голову. Дик запирает дверь склада с динамитом. Затем он повернулся к Алану. Его лицо было вытянутым и несчастным.

— Где-то в глубине Хью был хорошим человеком. Клянусь Богом. Много раз у него это проглядывалось. Много чаще, чем верит большинство людей. Но Хью... — он пожал плечами. — Да-а. Не понимаю.

Алан кивнул.

— С тобой все в порядке, Алан? Ты выглядишь, как не в своей тарелке.

— Да, все в порядке, — сказал Алан, слабо улыбаясь. Но это была неправда: ему было не по себе. И Полли. И Хью. И Брайан Раск. Казалось, что сегодня все не в своей тарелке.

— Как насчет стакана воды или холодного чаю? Я принесу.

— Спасибо, но я лучше пойду.

— Хорошо. Дашь мне знать, как все обернется.

Этого Алан обещать не мог. Но где-то внутри него вдруг начала крепнуть уверенность, что Дик скоро сам сможет прочесть об этом в газете через день или два. Или увидеть по телевизору.

7

Старый «шеви» Ленни Партриджа подрулил к парковочной стоянке возле «Необходимых вещей» около четырех часов, и из него вышел человек. Ширинка Хью все еще была расстегнута, и вокруг шеи по-прежнему был обернут старый лисий хвост. Он пересек тротуар, шлепая босыми ногами по горячему асфальту, и открыл дверь. Над его головой звякнул серебряный колокольчик.

Единственным человеком, который видел, как он вошел, был Чарли Фортэн. Он стоял в дверях «Вестерн Авто» и курил одну из своих вонючих самокруток.

— Старина Хью окончательно свихнулся, — сказал Чарли, ни к кому не обращаясь.

Внутри магазина мистер Гаунт посмотрел на Хью с приятной приглашающей улыбкой... как будто босоногие мужчины с обнаженным торсом, носящие проеденные молями лисьи хвосты вокруг шеи, были в числе его частых посетителей. Он сделал маленькую пометку в своем списке. Последнюю пометку.

— У меня проблемы, — сказал Хью, обращаясь к мистеру Гаунту. Его глаза прыгали из стороны в сторону в глазницах, как шарики в пинг-понге. — Я попал в передрагу.

— Я знаю, — мягким голосом ответил мистер Гаунт.

— Я как будто пришел именно туда, куда надо. Я не знаю, у меня был сон. Про вас. Я... я не знал, куда еще пойти.

— Вы пришли именно туда.

— Он порезал мои шины, — прошипел Хью. — Бьюфорд, этот ублюдок, который держит «Захмелевший Тигр». Он оставил записку. «Ты знаешь, что будет, если я приду в следующий раз». Я знаю

что это означает. — Грязной, длинной рукой Хью сжал свой паршивый мех, и на его лице появилось выражение обожания. — Мой любимый, прекрасный лисий хвост.

— Может быть, вы позаботитесь о нем сами, — сказал мистер Гаунт, — пока он не позаботился о вас. Я знаю, что это звучит немного... скажем... экстремально... но если вы считаете...

— Да! Да! Вот это мне и надо сделать!

— Я думаю, у меня есть как раз кое-что необходимое, — сказал мистер Гаунт. Он наклонился под прилавок, и когда выпрямился, у него в руке был автоматический пистолет. Он протянул его через стеклянную витрину. — Полностью заряжен.

Хью схватил оружие. Его замешательство улетучилось, как только увесистый пистолет перекочевал в его руку. От него пахло оружейной смазкой, тяжело и приятно.

— Я... оставил бумажник дома.

— О, не беспокойтесь об этом, — ответил мистер Гаунт. — В «Необходимых вещах» мы страхуем вещи, которые продаем. — Внезапно его лицо стало строгим. Губы раздвинулись, обнажив неровные зубы, и глаза сверкнули. — Иди убери его! — крикнул он низким, грубым голосом. — Убери этого ублюдка, который ломает то, что принадлежит тебе! Убери его, Хью! Защищай свою собственность!

Хью внезапно ухмыльнулся.

— Спасибо, мистер Гаунт. Большое спасибо.

— Не за что, — ответил мистер Гаунт, немедленно возвращаясь к нормальному голосу, и колокольчик отметил уход Хью. Хью вышел на улицу и засунул пистолет за пояс.

Мистер Гаунт подошел к окну и наблюдал, как он сел за руль старенького «шеви» и вывел его на дорогу.

Ехавший навстречу ему грузовик посигналил и резко свернул в сторону, чтобы не столкнуться.

— Убери его, Хью, — сказал мистер Гаунт низким голосом. Тонкие струйки дыма начали подниматься от его ушей и волос; более толстые струйки вились из ноздрей и от белых квадратных зубов. — Сделай все, что сможешь. Вечеринка заканчивается, парень.

Мистер Гаунт закинул голову назад и начал смеяться.

8

Джон Ля Пуан бросился к боковой двери офиса шерифа, которая была напротив стоянки муниципалитета. Он был возбужден. «Вооружен и опасен». Нечасто удастся помогать задерживать человека, который вооружен и опасен. Во всяком случае, в таком сонном городишке, как Кастл Рок. Он совершенно забыл о потерянном бумажнике (по крайней мере, на время), и даже Салли Рэтклифф не занимала сейчас его мысли.

Он как раз достиг двери, как вдруг она открылась и перед ним выросли двести фунтов обозленного преподавателя физкультуры.

— Как раз тот, кто мне нужен, — сказал Лестер Пратт своим новым, тихим и ласковым голосом. Он протянул Джону черный кожаный бумажник. — Ты что-то потерял, безбожный сукин сын?

Джон не имел ни малейшего понятия, что делает здесь Лестер Пратт и каким образом он нашел его потерянный бумажник. Он просто знал, что Клатту необходима помощь, и он должен бежать прямо сейчас.

— Что бы там ни было, мы поговорим позже, Лестер, — сказал Джон и потянулся за бумажником. Когда Лестер отвел бумажник назад и с силой шлепнул им по лицу Джона, то тот больше изумился, чем разозлился.

— О, нет, я не собираюсь говорить, — сказал Лестер своим новым голосом. — Я не собираюсь тратить время.

Он бросил бумажник, схватил Джона за плечо, поднял его и швырнул назад в офис шерифа. Ля Пуан пролетел по воздуху шесть футов и приземлился на стол Норриса Риджвика. Он скатился со стола, разбросав бумаги и опрокинул ногой корзину для корреспонденции. Затем с треском упал на спину.

Шейла Бригхэм смотрела через окно диспетчерской, широко раскрыв рот.

Джон начал подниматься. Он был шокирован и растерян, совершенно не понимая, что происходит.

Лестер приближался к нему, принимая боксерскую стойку. Он сложил руки в стойке Джона Л.Салливана, которая в другой ситуации показалась бы смешной. Но не сейчас.

— Я хочу дать тебе урок, — произнес Лестер своим шелковистым голосом. — Я хочу показать тебе, что случается с теми парнями-католиками, которые крадут девушек у парней-баптистов. Я хочу подробно тебе это объяснить, чтобы, когда я уйду, ты никогда уже этого не забыл.

Лестер Пратт приблизился на расстояние дальнего боя.

9

Билли Таппер никогда не был интеллектуалом, но он умел внимательно слушать, а это было сегодня лучшим лекарством для гнева Генри Бьюфорда. Генри пил и рассказывал Билли, что случилось... и, по мере того, как он рассказывал, он остывал. Ему вдруг стало ясно, что если он достанет дробовик и начнет палить, то это может закончиться для него тем, что сегодняшняя вечер он проведет не за стойкой, а в офисе шерифа. Он любил свою машину, но он начал сознавать, что не настолько ее любит, чтобы отправляться за решетку. Он заменит шины, царапину на борту тоже можно заделать. А что касается Хью Прайста, то пусть о нем позаботится закон.

Он закончил пить и поднялся.

— Вы все еще собираетесь к нему, мистер Бьюфорд? — поинтересовался Билли.

— Я не собираюсь тратить на это время, — сказал Генри, и Билли вздохнул с облегчением. — Пусть им поинтересуется Алан Пэнгборн. Вот таким образом я с ним рассчитываю, а, Билли?

— Я тоже так думаю, — Билли выглянул в окно и улыбнулся. Старый ржавый автомобиль, который когда-то был белым, но сейчас имел совершенно непередаваемую окраску — скажем, грязный-до-

рожный-серый, приближался к «Захмелевшему Тигру», отчаянно дымя выхлопами. — Смотри-ка! Это старый Ленни! Я уже тысячу лет его не видел!

— Ладно, ладно, скажи ему, что мы до пяти закрыты, — ответил Генри. Он зашел за стойку, чтобы позвонить. Ящик с дробовиком все еще стоял на стойке. «Кажется, я собирался воспользоваться им, — удивился Генри. — Кажется, я был готов это сделать. Что это вселилось в людей, как будто какой-то яд?»

Билли подошел к двери, когда старый автомобиль Ленни зарулил на стоянку.

10

— Лестер, — начал было Джон Ля Пуан, и в этот момент кулак размером примерно с банку тушенки, только значительно более твердый, угодил в центр его лица. Послышался негромкий хруст ломающейся переносицы, и Джон почувствовал ужасную боль. Его глаза закрылись, и наступившую темноту прорезал фонтан ярких искр. Он бросился бежать по комнате, размахивая руками, чтобы остаться на ногах. Кровь текла из носа и попадала в рот. Он схватился за доску объявлений и сорвал ее со стены.

Лестер опять начал приближаться. Его брови собрались в сплошную складку под растрепанной прической.

В комнате диспетчера Шейла схватила микрофон и начала вызывать Алана.

11

Френк уже собирался выйти из дома своего «друга» Джорджа Т.Нельсона, когда вдруг у него возникла мысль. Он подумал, что когда Джордж Т.Нельсон придет домой, обнаружит разгром в спальне, исчезновение кокаина и обгаженный портрет матушки, он может броситься на поиски своего старинного приятеля. Френк решил, что нехорошо уходить, не закончив того, что он так хорошо начал... надо уничтожить этого шантажиста, эту ублюдочную устрицу. Внизу была оружейная комната, и мысль, что разделаться с Джорджем Т.Нельсоном можно при помощи одного из его же ружей, показалась Френку Джейвettu просто вершиной правосудия. Если он не сможет вскрыть замок оружейной комнаты или взломать дверь, то он возьмет один из штыков своего старого приятеля и закончит работу им. Он станет за входной дверью, и когда Джордж Т.Нельсон войдет, то он либо разнесет эту ублюдочную устрицу выстрелом, либо схватит его за волосы и перережет горло. Ружье, конечно, было более надежным средством, но чем больше Френк думал о том, как кровь от удара штыком брызнет из шеи Джорджа Т.Нельсона на его руки, тем больше ему это нравилось. И ты, Джорджи. И ты, проклятый шантажист.

Френк вдруг вздрогнул, услышав голос длиннохвостого попугая Джорджа Т.Нельсона, Тамми Фэя, который вдруг в самый неподходящий момент в своей жизни начал петь. Френк слушал его пение, и на его лице все больше расцветала особая, очень мерзкая улыбка.

«Как это я сразу не заметил эту чертову птичку», — спросил он себя и направился в кухню.

Он нашел ящик, в котором лежали острые ножи, и провел минут пятнадцать, тыкая их сквозь прутья клетки Тамми Фэя, приводя птичку в ужасную панику, пока ему не надоела эта игра и он не проткнул Фэя. Потом он отправился вниз, чтобы посмотреть, что можно сделать с оружейной комнатой. Замок оказался простым, и когда Френк опять поднялся на первый этаж, он радостно распевал:

Ты лучше не дерись, ты лучше не плачь,

Санта Клаус придет и подарит нам мяч.

Френк устроился за дверь. Он был прекрасно снаряжен: у него был охотничий винчестер, прислоненный к стене, на поясе был автоматический пистолет, в руке он держал штык-нож. Со своего места он мог видеть пучок желтых перьев, оставшихся от Фэя. Легкая ухмылка скользила по губам, и его взгляд, совершенно безумный сейчас, странно блуждал под круглыми очками.

— Не дерись и не плачь, — напевал он. Он пропел эту строку еще несколько раз после того, как устроился поудобнее за дверь, скрестив ноги, прислонившись спиной к стене и положив оружие на колени.

Его настораживала напавшая сонливость. Казалось непонятным, что он почувствовал тягу ко сну в тот момент, когда собирался перерезать человеку горло, но факт оставался фактом. Он подумал, что читал где-то (наверное, на занятиях в университете, который он закончил абсолютно без всяких знаний), что сильное потрясение нервной системы может вызвать именно этот эффект... а он пережил действительно сильное потрясение, когда увидел эти раскиданные по кабинету журналы.

Френк решил, что неразумно не использовать эту возможность. Он отодвинул длинную софу Джорджа Т.Нельсона от стены, забрался за нее и лег на спину, прижав к себе левой рукой ружье. Правую руку со штыком он положил на грудь. Так намного лучше. У Джорджа Т.Нельсона очень удобная мебель.

— Не дерись и не плачь, — пропел Френк. Он напевал низким густым голосом еще десять минут и, наконец, уснул.

12

— Номер Первый! — раздался голос Шейлы из динамика, когда Алан пересекал Тин Бридж, направляясь в город. — Возвращайтесь, Номер Первый! Возвращайтесь немедленно!

Алан почувствовал легкий спазм в желудке. Клатт попал в западню в доме Хью Прайста на Кастл Хилл Род, он был в этом уверен. Почему он не приказал Клатту захватить с собой Джона раньше?

Ты знаешь почему, потому, что не все твоё внимание было сосредоточено на работе в то время, когда ты отдавал приказ. Если из-за этого теперь с Клаттом что-то случилось, то в этом будет и твоя вина. Но это будет позже. Теперь ты должен выполнять свою работу. Так что давай, Алан, забудь о Полли и делай свою проклятую работу.

Он схватил микрофон.

— Номер Первый! Возвращаться?

— Кто-то бьет Джона! — вскрикнула она. — Алан, возвращайся, он его очень сильно бьет!

Эта информация находилась в таком противоречии с тем, что ожидал услышать Алан, что он на секунду растерялся.

— Кто? Кого бьет?

— Алан, быстрее, он убьет его!

Все внезапно стало на свои места. Это был Хью Прайст, конечно. По каким-то причинам он забрался в офис шерифа, и появился там до того, как Джон выбрался в Кастрл Хилл, и начал буяннить. В опасности был не Клатт, а Ля Пуан.

Алан включил мигалку и закинул ее на крышу. Затем нажал на акселератор. Нарушая тишину, старый фургон помчался по улицам.

13

Клатт начал подозревать, что Хью нет дома, когда увидел распоротые шины «бьюика». Они были не просто проколоты, но порезаны на кусочки. Он уже собирался подойти к дому, как вдруг до него донеслись крики о помощи.

Он постоял секунду на месте, затем выбежал со двора. На этот раз он увидел Ленни, лежащего в пыли на дороге, и бегом поспешил к старику, хлопая кобурой.

— Помогите! Взвизгнул Ленни, когда Клатт склонился над ним. — Хью Прайст взбесился, он выбросил меня из машины!

— Где у вас болит, Ленни? — спросил Клатт. Он коснулся плеча старика. Тот издал пронзительный крик. Это был ответ не хуже любого другого. Клатт выпрямился, не зная что делать. Слишком много неясных мыслей теснилось в его мозгу. Четко он понимал лишь одно — это ему не нравилось.

— Не двигайтесь. Я сейчас вызову «скорую».

— А я и не собираюсь вскакивать и отправляться на танцы, дурак ты этакий, — ответил Ленни. Он вскрикивал и стонал от боли. Он был похож на старую собаку с перебитой ногой.

— Хорошо, — сказал Клатт. Он побежал обратно к машине, но затем вдруг опять обернулся к Ленни. — Так он забрал вашу машину?

— Нет! — фыркнул Ленни, прижимая руку к поломанным ребрам. — Он вышвырнул меня из машины и затем улетел на волшебном ковре-самолете! Почему, как ты думаешь, я здесь лежу? Загораю?

— Хорошо, — повторил Клатт и опять побежал по дороге. Из его кармана вылетела мелочь и рассыпалась маленькой блестящей дугой.

Он перегнулся через окно так быстро, что едва не стукнулся головой о раму, и схватил микрофон. Он должен сказать Шейле, чтобы прислали помощь старику, но это не самое важное. Алан и полиция Штата должны знать, что Хью Прайст сидит за рулем старого «шевроле». Клатт не знал точно, какого года эта машина, но никто не спутает эту машину с другой.

Но он не мог вызвать Шейлу. Он пытался три раза, и ни разу не получил ответа. Вообще никакого ответа.

Затем он услышал, как Ленни опять начал стонать, и вошел в дом Хью, чтобы позвонить в спасательную службу по телефону.

«Черт, хорошенькое время выбрала Шейла, чтобы пойти в туалет», — подумал он.

14

Генри Бьюфорд тоже пытался дозвониться до шерифа. Он стоял за стойкой, прижимая к плечу телефонную трубку, и снова, и снова набирал номер.

— Ну давай, проклятый телефон, звони, — говорил он. — Вы что, ребята, там делаете? В карты играете?

Билли Таппер вышел на улицу. Генри услышал, как он что-то выкрикнул. Следом последовал громкий хлопок. Генри сначала подумал, что у старого Ленни лопнула шина... но затем послышалось еще два хлопка.

Билли вернулся в «Захмелевший Тигр». Он шел очень медленно. Одну руку он прижимал к горлу, и сквозь его пальцы сочилась кровь.

— Генри! — произнес он слабым, сдавленным голосом. — Генри!

Он дошел до стены, секунду постоял, а затем внутри него как будто что-то сломалось, и он тяжело рухнул на пол.

Тень упала от ног, а затем появился и хозяин тени. Вокруг его шеи был обернут старый лисий хвост, а в руке он держал пистолет. Из ствола поднимался дымок. Тонкие струйки пота на груди катились в редких спутанных волосах между его сосками. Кожа под глазами была темная и морщинистая. Он перешагнул через Билли и вошел в полумрак бара.

— Привет, Генри, — сказал Хью Прайст.

15

Джон Ля Пуан не знал, что произошло, но он знал, что Лестер собирается убить его, если схватит, а Лестер, не останавливаясь и даже не замедляя ход, приближался. Он попытался проскользнуть вдоль стены мимо Лестера, но тот схватил его за куртку и швырнул обратно. Лестер дышал ровно. Его куртка даже не выдернулась из-под пояса тренировочных брюк.

— Ты куда, малыш Джони, — спросил Лестер и врезал вторым кулаком в губы Джона. Тот почувствовал, что от зубов отлетел кусочек. — Ну как теперь, помогают тебе твои усики?

Ничего не видя, Джони выпрямил ногу в сторону Лестера и изо всех сил толкнул. Лестер издал удивленный крик и пошатнулся, но успел схватиться за окровавленную куртку Джона и повалился с ним на пол. Они начали кататься по полу, пинаясь и тяжело дыша.

Они оба были слишком заняты, чтобы увидеть, как Шейла проскочила из диспетчерской в офис шерифа. Она схватила ружье, висящее на стене, подняла стволом вверх и выбежала в камеру предварительного заключения. Лестер сидел верхом на Джоне и старательно удрял его головой об пол.

Шейла знала, как обращаться с оружием. Она отлично стреляла с восьми лет. Она прижала приклад к плечу и выкрикнула:

— Подвинься, Джон! Дай мне в него попасть!

Лестер обернулся на звук ее голоса, сверкая глазами. Он оскалил зубы, как рассерженная горилла, и опять принялся колотить Джона головой об пол.

16

Когда Алан приблизился к муниципалитету, он увидел первую хорошую вещь за сегодняшний день: «фольксваген» Норриса Риджвика, который приближался с другой стороны. Норрис был в своей повседневной одежде; но Алана это не волновало. Он может пригодиться сегодня. Он может очень пригодиться.

Затем все полетело к чертям.

Огромный красный «кадиллак», зарегистрированный на Китона, внезапно появился из узкого переулка, примыкающего к стоянке муниципалитета. Алан видел, раскрыв рот, как Пират направил свой «кадиллак» в бок машины Норриса. «Кадиллак» двигался не очень быстро, но он был раза в четыре больше машины Норриса. Раздался скрежет металла, и «фольксваген» завалился на пассажирскую сторону, рассыпая разбитые стекла.

Алан выскочил из машины.

Пират вылез из «кадиллака».

Норрис смотрел через оконце с удивленным выражением на лице.

Пират начал двигаться в сторону Норриса, сжимая руки в кулаки. На его толстом круглом лице замерла ухмылка.

Алан взглянул на эту ухмылку и бросился бежать.

17

Первым выстрелом Хью разнес бутылку «Дикой индейки» в задней витрине. Вторым разбил стекло, под которым красовалась лицензия на торговлю спиртным, оставив большую дырку в бумаге. Третья пуля зацепила правую щеку Бьюфорда. Щека покрылась кровью, донесся запах горелого тела.

Генри вскрикнул, схватил ящик с дробовиком и скрылся под прилавком. Он чувствовал, что Хью его ранил, но не знал, насколько серьезно. Он просто чувствовал, что правая сторона лица вдруг стала горячеей, а затем по шее потекла теплая, мокрая и липкая кровь.

— Давай поговорим о машинах, Генри, — раздался голос приближающегося к стойке Хью. — А еще лучше, давай поговорим о моем лисьем хвосте, что ты о нем скажешь?

Генри открыл ящик. Он был отделан изнутри красным вельветом. Генри протянул негнувшиеся руки и вынул винчестер. Он хотел было зарядить его, но понял, что на это нет времени. Ему оставалось только надеяться, что оружие заряжено.

Он подобрал под себя ногу, готовясь распрямить ее и преподнести Хью (он искренне надеялся) большой сюрприз.

Шейла поняла, что Джон не сможет выбраться из-под огромного сумасшедшего человека, которого зовут Лестер Плат или Пратт... преподавателя гимнастики в колледже. Лестер прекратил стучать головой Джона об пол, но вместо этого сжал руки вокруг его шеи.

Шейла перехватила ружье и прижала приклад к плечу, как Тэд Вильямс. Затем раздался мощный выстрел.

Лестер повернул голову как раз вовремя, чтобы получить заряд размером с орех между глаз. Когда заряд пробил дыру в черепе, раздался ужасный треск. Звук был похож на тот, как будто кто-то очень тяжелый наступил на целую коробку поп-корна. Лестер умер еще до того, как упал на пол.

Шейла Бригхэм посмотрела на него и начала кричать.

— Ты думаешь, я не знаю, кто это был? — прохрюкал Пират Китон, подтягивая Норриса, который был ошеломлен, но не ранен, к остаткам стекла «фольксвагена». — Ты думаешь, я не знаю, если твое имя под всеми этими проклятыми листками? Это ты? Ты?

Он отвел назад кулак, чтобы ударить Норриса, но в этот момент Алан Пэнгборн перехватил его руку и зацепил наручник вокруг кисти.

— А! — воскликнул Пират с диким воем.

Внутри здания муниципалитета кто-то закричал.

Алан посмотрел в том направлении, а затем начал прикреплять свободный конец наручников к дверце собственного «кадиллака» Китона. Когда он делал это, Пират набросился на него. Алан несколько раз ударил его по плечам, не причинив особого вреда, и зацепил свободный конец за дверную ручку.

Когда он оглянулся, Норрис был рядом. У него было время заметить, что Норрис выглядит ужасно, и приписал это тому, что его протаранил председатель городского управления.

— Пойдем, — сказал он Норрису. — У нас проблемы.

Но Норрис не обратил на него внимания, по крайней мере, в эту минуту. Он прошел мимо Алана и ударил Китона в глаз. Пират издал вопль и упал возле дверцы. Она все еще была открыта и он своим весом захлопнул ее, зашемив в двери край своей белой куртки.

— Это тебе за крышоловку, толстое дерьмо! — сказал Норрис.

— Я тебя еще достану! — выкрикнул в ответ Пират. — Не думай, что тебе это сойдет! Я вас всех достану!

— Получи вот это, — прорычал Норрис. Он опять двинулся вперед, нацелив свой кулак в ребра Китона, когда Алан схватил его за руку.

— Прекрати! — сказал он Норрису. — У нас неприятности! Крупные неприятности!

В воздухе опять раздался крик. На тротуаре возле муниципалитета начали собираться зеваки. Норрис посмотрел на них, затем опять на Алана. Его глаза просветлели. Алан с облегчением понял, что он опять становится похож на себя. Более или менее.

— Что случилось, Алан? Что-нибудь будем делать с ним? — он кивнул подбородком в сторону «кадиллака». Пират стоял рядом, мрачно глядя на них и дергая за наручник на кисти свободной рукой. Он, казалось, совершенно не слышал крика.

— Нет, — сказал Алан. — Ты захватил оружие?

— Норрис покачал головой.

Алан отстегнул ремешок служебного пистолета и протянул его Норрису.

— А ты сам, Алан?

— Я хочу иметь свободные руки. Пошли. Хью Прайст в офисе, и он сошел с ума.

20

Хью Прайст действительно сошел с ума — это несомненно, но он был в трех милях от здания муниципалитета Кастл Рока.

— Давай поговорим о... — начал он, и в этот момент Генри Бьюфорд выскочил из-под стойки, как чертик из коробочки. Кровь сочилась из его правой щеки и заливала правую сторону куртки. В руках он держал дробовик.

Генри и Хью выстрелили одновременно. Треск автоматического пистолета затерялся в грохоте дробовика. Из обоих стволов вылетели дым и огонь. Хью подняло в воздух и протащило по комнате. Его ноги задрались вверх, грудь превратилась в неопределенное красное месиво. Пистолет вылетел из его руки. Концы лисьего хвоста загорелись.

Генри отбросило к задней стенке бара, пуля Хью пробила его правое легкое. Бутылки вокруг него попадали и зазвенели. Острая боль пронзила его грудь. Он бросил дробовик и потянулся к телефону. Воздух был пропитан отвратительным запахом: жженым порохом и горящей лисьей шерстью. Генри попытался вдохнуть, но, хотя его грудь поднялась, воздух, казалось, в нее не проходил. Дырка в груди выпускала воздух с тихим свистящим звуком.

Казалось, телефон весит тысячу фунтов. Но ему наконец удалось прижать трубку к уху и нажать кнопку автоматического вызова офиса шерифа.

«Дзинь... Дзинь... Дзинь...».

— Что, черт возьми, у вас там происходит? — раздраженно прошептал Генри. — Я тут умираю! Ответьте, наконец!

Но телефон продолжал звякать.

21

Норрис вместе с Аланом побежали по переулку и вместе подошли к парковочной площадке здания муниципалитета. Норрис держал служебный пистолет Алана, положив палец на предохранитель и подняв ствол в горячее октябрьское небо. «Сааб» Шейлы Бригхэм был на стоянке вместе с номером 4, машиной Джона Ля Пуана, но других машин не было. Алан удивился, почему нет машины Хью, и вдруг боковая дверь в офис шерифа распахнулась. Кто-то выходил с ружьем из офиса Алана с окровавленными руками и кричал.

Норрис опустил короткоствольный пистолет и положил палец на курок.

Алан одновременно увидел две вещи. Первое: Норрис собирался стрелять. Второе: кричащая личность с ружьем была не Хью Прайстом, а Шейлой Бригхэм.

Почти сверхъестественный рефлекс Алана Пэнгборна спас жизнь Шейлы, висевшую на волоске. Он не стал кричать или пытаться отвести ствол пистолета. В любом случае, он имел очень мало шансов на успех. Вместо этого он выдвинул вперед локоть и резко поднял его вверх, как во время танца под музыку Кантри. Он подтолкнул руку Норриса в тот самый момент, когда Норрис нажал курок, и ствол дернулся вверх. Звук выстрела пистолета усилился эхом на закрытом дворе. Окно на втором этаже зазвенело. Затем Шейла бросила ружье, которым она вышибла мозги из Лестера Пратта, и бросилась к ним, вскрикивая и всхлипывая на ходу.

— Боже, — сказал Норрис тихим потрясенным голосом. Его лицо было бледным, как бумага, когда он протянул пистолет ручкой к Алану. — Я чуть не застрелил Шейлу, Боже правый!

— Алан, — заплакала Шейла. — Слава Богу!

Она бросилась на него и чуть не сбила с ног. Он взял пистолет и сомкнул вокруг нее руки. Она дрожала как электрическая проволока под высоким напряжением. Алан подозревал, что он дрожит не меньше, кроме того, он чуть не намочил брюки. Она билась в истерику, охваченная паникой, и это было к лучшему: он не думал, что она даже заподозрила, как близко была к смерти.

— Что здесь случилось, Шейла? — спросил он. — Говори быстро.

В его ушах так звенело от выстрела и последовавшего эха, что он мог почти поклясться, что где-то звонит телефон.

22

Генри Бьюфорд чувствовал себя как снеговик, тающий на солнце. Его ноги подогнулись. Он медленно опустился на колени, все еще прижимая к себе звенящий, не отвечающий телефон к уху. Его голова кружилась от зловонной смеси пороха и горящего меха. К этому теперь добавлялся другой запах. Он подозревал, что это был Хью Прайст.

Он догадывался, что там что-то не работает, и нужно набрать другой номер, чтобы попросить о помощи. Но он уже понял, что не сможет этого сделать — вот и все. Он стоял на коленях за стойкой бара в растущей луже собственной крови, слушая свист воздуха сквозь дырку в груди и безнадежно рисуя себе последствия. «Захмелевший Тигр» не открывается еще целый час, Билли убит, и если никто вскоре не ответит на этот вызов, он тоже будет мертв к тому времени, когда в бар войдет первый клиент.

— Пожалуйста, — шептал Генри стонущим беззвучным голосом. — Пожалуйста, ответьте, хоть кто-нибудь.

Шейла Бригхэм начала понемногу приходить в себя, и Алан получил от нее первую сбивчивую информацию. Она обезвредила Хью этим ружьем. Никто не будет стрелять в них, когда они войдут в дверь.

Он на это надеялся.

— Ну, что ж, — сказал он Норрису. — Пошли.

— Алан... когда она вышла... я подумал...

— Я знаю, что ты подумал, но слава богу, обошлось. Забудь об этом, Норрис. Джон внутри. Пошли.

Они подошли к двери и стали по обе стороны от нее. Алан посмотрел на Норриса.

— Пригнись, — сказал он.

Норрис кивнул.

Алан схватил за дверную ручку и распахнул дверь, врываясь внутрь. Норрис поднырнул под него, согнувшись.

Джону удалось подняться на ноги и пройти большую часть пути до двери. Алан с Норрисом сняли его, как переднюю линию «Питтсбург Стиллерс», и Джон получил последний болезненный удар: собственные коллеги сбили его с ног и запустили по полу как шар в кегельбана. Он с глухим звуком ударился о противоположную стену и издал крик боли, который был одновременно криком удивления и усталости.

— Господи, это Джон, — вскрикнул Норрис.

— Помогите мне, — сказал Алан.

Они подбежали через комнату к Джону, который медленно пытался сесть. Его лицо превратилось в кровавую маску. Его нос был сильно свернут влево. Верхняя губа распухла как перекачанная автомобильная шина. Когда Алан с Норрисом подошли к нему, он поднес одну руку ко рту и выплюнул зуб.

— Он сошел с ума, — прошепелявил Джон. — Шейла жаштре-лила его иж ружжа. Кажетша, он мертв.

— Джон, с тобой все в порядке? — спросил Норрис.

— Не шовшем, — ответил Джон. Он наклонился вперед, и его вырвало между выпрямленных ног, что явилось убедительным доказательством его ответа.

Алан оглянулся вокруг. Теперь он был уверен, что с его ушами все в порядке, телефон действительно звонил. Но телефон был сейчас не самым важным. Он увидел Хью, лежащего у дальней стены и подошел к нему. Он наклонился и прижал ухо к спине, чтобы услышать сердце. Все, что он услышал, был звон в ушах. Эти чертовы телефоны звенели на каждом столе.

— Ответь на эту проклятую звонилку или выключи ее, — сказал он Норрису.

Норрис подошел к ближайшему телефону — это оказался его собственный, ткнул пальцем в кнопку и поднял трубку.

— Не беспокойте нас, — сказал он, — у нас тут экстремальная ситуация. Вам придется позвонить попозже.

Он повесил трубку, не дожидаясь ответа.

Генри Бьюфорд отнял телефонную трубку — тяжелую, тяжелую телефонную трубку — от уха и посмотрел на нее тусклым, не видящим взглядом.

— Что вы сказали? — прошептал он.

И вот оказалось, что он не может держать ее в руках, она была слишком тяжелой. Он уронил ее на пол, медленно повалился на бок и лежал, тяжело дыша.

25

Алан увидел, что Хью мертв. Он взял труп за плечо, перевернул... Это был совсем не Хью. Лицо было покрыто кровью, кусочками мозга и костей, поэтому трудно было его идентифицировать, но это был не Прайст.

— Что, черт побери, здесь происходит? — сказал он тихим удивленным голосом.

26

Дэнфорд Пират Китон стоял посреди улицы, прикованный наручниками к собственному «кадиллаку» и видел, как Они смотрели на него. Теперь, когда Главный Преследователь и Заместитель Преследователя ушли, им не на что было больше смотреть.

Он смотрел на Них и знал, чем Они были — все и каждый из Них. Билл Фулerton и Генри Гендрон стояли перед парикмахерской. Бобби Дугас стоял между ними с обернутой вокруг шеи простыней, как малыш-переросток во время завтрака. Чарли Фортэн стоял перед «Вестерн Авто». Скотт Гарсон и его друзья Альберт Мартэн и Говард Поттер стояли перед банком и, видимо, разговаривали о нем.

Глаза.

Проклятые глаза.

Глаза были повсюду.

Все смотрели на него.

— Я вижу вас! — выкрикнул Пират внезапно. — Я вижу вас всех! Вас Всех! И я знаю, что делать! Да! Будьте уверены!

Он открыл дверь «кадиллака» и попытался влезть внутрь. Он не смог этого сделать. Он был прикован к наружной ручке двери. Цепь была не настолько длинной.

Кто-то засмеялся.

Пират четко слышал смех.

Он оглянулся.

Многие жители Кастл Рока стояли перед своими дверьми на Мэйн-стрит, глядя на него черными глазами ученых крыс.

Все были здесь, кроме мистера Гаунта.

Однако мистер Гаунт все же был здесь; мистер Гаунт был внутри головы Пирата, рассказывая ему, что делать.

Пират прислушался... и улыбнулся.

В 4:01 на парковочную стоянку перед «Захмелевшим Тигром» въехал грузовик. Водитель вышел, подтянул штаны цвета хаки и направился к зданию. Он остановился в пяти футах от двери расширив глаза. Он увидел пару ног, торчащих из двери бара.

— Боже правый, ты в порядке, приятель?

До его ушей долетел слабый крик:

.....Помогите.....

Водитель вбежал внутрь и обнаружил Генри Бьюфорда, едва живого, лежащего за стойкой бара.

28

— Это Лештер Пратт, — прошамкал Ля Пуан. Поддерживаемый Шейлой с одной стороны и Норрисом с другой, он подошел к Алану, склонившемуся над телом.

— Кто? — переспросил Алан. Он вдруг почувствовал себя втянутым в какую-то безумную комедию «Рикки и Люси отправляются в ад». — Эй, Джон, ты должен кое-что объяснить.

— Лештер Пратт, — опять сказал Джон, кривясь от боли. — Преподаватель физкультуры в колледже.

— Что он здесь делал? — спросил Алан.

Джон Ля Пуан покачал головой.

— Не жнаю, Алан, он прошто вошел, он пошел ш ума.

— Погодите, дайте мне понять, — сказал Алан. — Где Хью П райст? Где Клатт? Что, черт побери, здесь происходит?

29

Джордж Т.Нельсон стоял в дверном проеме своей спальни и оглядывался вокруг, не веря своим глазам. Это место выглядело так, как будто какая-то панк-группа — «Секс Пистолс» или «Кремпис» — устроила здесь вечеринку вместе со всеми своими фанатами.

— Что, — начал он, но не смог досказать. Ему это и не было нужно. Он знал, что это. Это был кокаин. Должен был быть. Он имел с ним дело в колледже Кастл Рока последние шесть лет (не все учителя могли оценить то, что Туз иногда называл боливийским порошком, только те, кто обладал высокой квалификацией). Он оставил пол-унции почти чистого кокаина под матрасом. Это был налет, он был уверен. Кто-то навел, а кто-то залез. Джорджу показалось, что если он сейчас войдет в кухню, то увидит разбитое стекло.

Он пересек комнату и поднял матрас окоченевшими, негнушися руками. Ничего. Кок пропал. Кокаин почти на две тысячи долларов исчез. Он как во сне прошел в ванную, чтобы посмотреть, остался ли его собственный запас в бутылочке анацина на верхней полке в аптечке. Ему никогда не было это так нужно, как сейчас.

Он подошел к дверному проему и остановился, расширив глаза. Его остановил не беспорядок в комнате, хотя тут все было перевернуто вверх дном. Это был туалет. Сидение было опущено и покрыто белым порошком.

Джорджу пришло в голову, что этот белый порошок совсем не детская присыпка Джонсона.

Он прошел в туалет, смочил палец, коснулся им порошка и поднес его ко рту. Кончик языка почти сразу же занемел. На полу между унитазом и мусорным ведром лежал пустой пластиковый пакет. Картина была ясной. Безумной, но ясной. Кто-то пробрался в комнату, нашел кок... и спустил его в унитаз. Почему? Зачем? Он не знал, но решил, что кота найдет того, кто это сделал, то спросит. До того, как оторвет ему голову. Это будет не больно.

Его собственные три грамма запаса были на месте. Он вынес их из ванной и опять остановился. Новый шок поразил его. Он не видел этого по пути в спальню из холла, но отсюда этого не увидеть было невозможно.

Он стоял долго, расширив глаза от ужаса. Его горло конвульсивно сжималось. Сеть вен на его висках часто вздувалась, как крылья маленькой птички. Наконец, он смог произнести маленькое странное слово:

«.....мом.....!»

Внизу за софой Джорджа Т.Нельсона спал Френк Джевett.

30

Для стоящих на Ловер Мэйн, которых выманили на улицу крики и стрельба, представилось новое зрелище: председатель управления спасался бегством.

Пират наклонился, просунул в «кадиллак» как можно дальше и включил зажигание. Затем нажал кнопку, которая опускала стекло со стороны водителя. Потом он опять закрыл дверь и начал медленно протискиваться сквозь окно.

Он был все еще снаружи, а его колени свисали вниз. Его левая рука служила ему опорой, хоть и была прикована к рукоятке. В это время к нему подошел Скотт Гарсон.

— Эй, Дэнфорд, — сказал неуверенно банкир, — я не думаю, что нужно это делать. Мне кажется, ты арестован.

Пират посмотрел на него из-под правой подмышки и улыбнулся своей особой улыбкой, действительно очень пикантной, и увидел, что Гарсон стоит прямо за ним, очевидно, намереваясь вытащить Пирата из его автомобиля.

Пират поднял ноги как можно выше и затем лягнул ими назад, как можно сильнее. Каблуки его ботинок ударили Гарсона в лицо со звуком, который Пират расценил как удовлетворительный. Очки Гарсона в золотой оправе разлетелись. Он взвыл, пряча ослепшее лицо в руках, и упал навзничь на Мэйн-стрит.

— Ха! — усмехнулся Пират. — Ну, что, не ожидал? Совсем не ожидал, сукин сын?

Он полностью влез в автомобиль. Цепочка была достаточно длинной. Его плечевой сустав подозрительно хрустнул и повернулся, позволив ему пронырнуть под рукой и разместить свою задницу на сидении.

Теперь он сидел за баранкой, высунув прикованную руку в окно. Он тронулся с места.

ТАММИ ФЭЯ? ЭТОТ УБЛЮДОК УБИЛ ТАММИ ФЭЯ! Кто мог сделать это, Фрэд? Кто? Ты должен помочь мне!..

Опять последовала пауза. Джордж Т.Нельсон опять погрузился в размышления. Френк вдруг с возрастающей паникой понял, что скоро ему конец. Он внезапно понял, что ему нужно делать, — использовать автоматический пистолет и выстрелить через софу. Он может не убить Джорджа Т.Нельсона. Он может даже не задеть Джорджа Т.Нельсона, но он привлечет его внимание, и тот снимет свою толстую задницу с софы, прежде чем Френк задохнется здесь, уткнувшись носом в радиатор отопления. Френк разжал руку, державшую штык, и попытался дотянуться до пистолета, висевшего на поясе. Когда он понял, что не может этого сделать, его пронзил леденящий холод. Его пальцы не доставали полных два дюйма до рукоятки пистолета. Он попытался вложить всю силу, чтобы продвинуть руку дальше, но зажатое плечо не двигалось вообще. Огромная софа и значительный вес Джорджа Т.Нельсона накрепко прижали ее к стене. Он был заживо погребен.

Черные розы, предвестники приближающегося удушья, начали мелькать перед налитыми кровью глазами Френка.

Голос его старого «друга» донесся до него как бы издалека. Тот жаловался по телефону Фрэду Рубину, который, несомненно, был партнером Джорджа Т.Нельсона по делам с кокаином.

— О чем ты говоришь? Я тебе рассказываю, что над моим домом надругались, а ты предлагаешь мне пойти встретиться с каким-то новым парнем? Фрэд, мне нужно...

Он вскочил с софы и забегал по комнате с телефоном в руках. Собрав последние остатки сил, Френк смог отодвинуть софу от стены на несколько дюймов. Это было немного. Но он смог получить глоток непередаваемо чудесного воздуха.

— Что он продает? — выкрикнул Джордж Т.Нельсон. — О, Господи! Мой бог! Почему ты мне это сразу не сказал?

Опять тишина. Френк лежал за софой, как выброшенный на берег кит, и надеялся, что его ужасно раздувшаяся голова не разорвется. Через секунду он собирался подняться и разнести эту устрицу, своего старого «друга» Джорджа Т.Нельсона. Через секунду. Когда переведет дыхание. И когда эти черные цветы, все еще летающие перед глазами, обратятся в ничто. Через секунду. Самое большее, через две.

— Отлично, — сказал Джордж Т.Нельсон. — Я зайду к нему. Я сомневаюсь, что он такой волшебник, как ты думаешь. Я должен тебе что-то сказать. Я собираюсь найти того сукиного сына, который натворил все это. Это первое, что я должен сделать. И я собираюсь пригвоздить его к ближайшей стене. Ты меня понял?

«Я понял, — подумал Френк, — но кто кого пригвоздит, это мы еще посмотрим, дружище».

— Да, мне называли имя, — выкрикнул Джордж Т.Нельсон в телефон. — Гаунт, Гаунт, чертов Гаунт!

Он опустил трубку, а затем, видимо, бросил телефон через всю комнату — Френк услышал звон разбитого стекла. Через секунду Джордж Т.Нельсон выбежал из комнаты. Двигатель его «айкрок-зет» взревел. Френк услышал, как он выехал со двора, и медленно

отодвигал софу от стены. Снаружи завизжала резина, и старый «друг» Френка Джордж Т.Нельсон уехал.

Через две минуты из-за спинки софы показалась пара рук. А еще через секунду показалось лицо Френка М. Джеветта — белое и взбешенное, в очках мистера Вотерби, криво сидящих на его маленьком носу, с трещиной на одном стекле — оно оказалось зажатым между его руками. Спинка софы оставила красное мягое пятно на его щеке. Несколько паутинок прилипло к его волосам.

Медленно, как всплывающий со дна реки труп, на его лице появилась ухмылка. Он упустил своего старого «друга» Джорджа Т.Нельсона на этот раз, но Джордж Т.Нельсон не собирается покидать город. И его телефонный разговор показал это совершенно ясно. Френк найдет его сегодня до конца дня. Как можно разминуться в городе размером с Кастл Рок?

32

Шон Раск стоял в проеме кухонной двери своего дома, обеспокоенно глядя на гараж. Пять минут тому назад его старший брат вышел из дома — Шон как раз выглядывал из окна своей спальни и увидел его. Брайан что-то держал в руке. Шону не видно было, что именно, но ему и не нужно было видеть. Он знал. Это была новая бейсбольная открытка, которую Брайан постоянно вынимал, чтобы посмотреть. Брайан не догадывался, что Шон знает об открытке, но Шон знал. Он даже знал, что на ней написано, потому что пришел из школы значительно раньше, чем Брайан, и проскользнул в его комнату, чтобы посмотреть на нее. Он совершенно не понимал, почему Брайан так заботится об этой открытке. Она была старой, грязной, покусанной собаками и помятой. Кроме того, об этом игроке Шон никогда не слышал — подающий из «Лос-Анжелес доджерс» по имени Семи Кокард. Этот парень даже не продержался полный год в высшей лиге. Почему Брайан так беспокоится об этой бесполезной открытке?

Шон не знал этого. Он знал только две вещи: Брайан действительно с ней носился, и Брайан вел себя всю прошлую неделю очень странно. Это было, как те объявления, которые видишь по телевизору про наркоманов. Но Брайан не употреблял наркотики... ведь так?

Что-то в лице Брайана так сильно напугало Шона, и он побежал к матери. Он не знал точно, что сказать, но это оказалось неважно, потому что он не смог сказать ничего. Она напевала что-то в спальне, одетая в купальный халат, нацепив эти глупые защитные очки из нового магазина.

— Мам, Брайан... — начал он, и это все, что он смог сказать.

— Выйди, Шон. Мама сейчас занята.

— Но, мам...

— Уходи, я сказала!

И прежде, чем успел сделать это сам, он бесцеремонно был выставлен из спальни. Когда она выталкивала его, ее халат распахнулся, и, прежде чем он успел отвести взгляд, увидел, что под ним ничего нет. Никакого белья.

Она захлопнула за ним дверь и заперла ее.

Теперь он стоял в дверях кухни, беспокойно ожидая, когда Брайан выйдет из гаража... но Брайан не выходил.

Его беспокойство возрастало, пока не перешло в едва контролируемую панику. Шон вышел из двери, пересек двор и вошел в гараж.

Внутри было темно. Пахло маслом, и было невыносимо жарко. В первый момент он не увидел в темноте своего брата и подумал что тот вышел через заднюю дверь во двор. Затем глаза привыкли к темноте, и он тихо, сдвленно вскрикнул.

Брайан сидел у задней стены возле машины. Он держал папино ружье. Приклад опирался на пол, ствол был направлен в его лицо. Брайан держал ствол одной рукой, сжимая в другой старую бейсбольную открытку, которая так изменила его жизнь за последнюю неделю.

— Брайан! — вскрикнул Шон. — Что ты делаешь?

— Не подходи ближе, Шон, я могу тебя ранить.

— Брайан, не надо, — выкрикнул Шон, начиная всхлипать. — Не надо! Мне страшно...

— Я хочу, чтобы ты мне кое-что пообещал, — сказал Брайан. Он снял кроссовку и носок и теперь просовывал большой палец ноги в курковую скобу.

Шон почувствовал, как его штаны становятся мокрыми и теплыми. Он никогда в жизни не был так напуган.

— Брайан, пожалуйста! Ну, пожалуйста!

Шон сделала шаг к брату. Палец Брайана напрягся на курке ружья.

— Нет! — вскрикнул Шон, сразу же отступая назад. — Я хочу сказать, да! Да!

Брайан немного ослабил ногу, когда увидел, что брат отступает.

— Обещай мне.

— Да! Все, что захочешь! Только не делай этого! Только... Не пугай меня больше, Брай! Пошли посмотрим Трансформеров! Или... все, что захочешь! Даже Вапнера! Можешь смотреть его целую неделю! Целый месяц! И я с тобой! Только не пугай меня. Брайан! Пожалуйста, перестань меня пугать!

Казалось, Брайан Раск не слышит. Казалось, глаза замерли на его лице.

— Никогда не ходи туда, — сказал он, — в «Необходимые вещи» — это отравленное место, а мистер Гаунт опасный человек. Только он не человек на самом деле, Шон. Он не человек вообще. Поклянись мне, что ты никогда ничего не купишь из тех отравленных вещей, которые продает мистер Гаунт.

— Я клянусь! Клянусь! — пролепетал Шон. — Я клянусь маминым именем!

— Нет! Не делай этого, потому, что мама тоже в его руках. Клянись собственным именем, Шон.

— Клянусь! — выкрикнул Шон. Он протянул обе руки к брату. — Я клянусь, клянусь собственным именем. Только, пожалуйста, Брайан, опусти ружье...

— Я люблю тебя, братишка, — он бросил взгляд на бейсбольную открытку.

— Сэнди Коуфакс исчез, — заметил Брайан Раск и нажал на курок.

Крик ужаса Шона перекрыл выстрел, который тяжело и гулко раздался в душном и темном гараже.

33

Лиленд Гаунт остановился перед витриной магазина, глядя на Мэйн-стрит, и мягко улыбнулся. Звук выстрела с Форд-стрит прозвучал тихо, но его чуткий слух уловил его.

Его улыбка стала немного шире.

Он снял с витрины вывеску, которая гласила, что он открыт только по заявке, и заменил ее новой:

«ЗАКРЫТО ДО ДАЛЬНЕЙШИХ ОБЪЯВЛЕНИЙ».

— А теперь повеселимся, — сказал Лиленд Гаунт, ни к кому не обращаясь.

Глава 18

1

Полли Чалмерс ничего не знала о происходящем.

Пока Кастл Рок пожинал первые плоды трудов мистера Гаунта, она находилась в конце дороги номер три, на месте старой фермы Камбера. Она отправилась туда, как только закончила разговор с ним.

«Закончила? — подумала она. — О, мой Бог, это слишком цивилизованное слово. И это после того, как ты вешалась на него».

«Хорошо, — согласилась она. — После того, как я вешалась на него. Но он все делал за моей спиной. И когда я сказала ему про это, он все отрицал и лгал мне. Он лгал мне. Я считаю, что такое поведение заслуживает нецивилизованного ответа».

Что-то неясно шевелилось в ее мозгу, что-то невысказанное. Она не хотела спорить с внутренним голосом; не хотела обдумывать свой последний разговор с Аланом. Она просто хотела выполнить свое поручение здесь, в конце дороги номер три, и затем вернуться домой. Когда она вернется, то примет холодную ванну, и затем заснет часов на двенадцать или шестнадцать.

Ее внутренний голос пытался произнести всего несколько слов: «Но, Полли... подумай...»

Нет. Она подумает в свое время, но сейчас еще рано. Когда она начинала думать, опять возвращалась боль. Теперь она хотела только выполнить свое дело... и не думать вообще.

О ферме Камбера говорили... что она пользовалась репутацией дома с привидениями. Не так давно двое людей — маленький мальчик и шериф Джордж Баннерман — погибли во дворе этого дома. Еще двое, Гарри Первью и сам Джо Камбер, тоже нашли здесь свою смерть. Полли запарковала автомобиль на том самом месте, где в свое время, совершив фатальную ошибку, запарковала свой

«форд» женщина по имени Донна Трентон, и вышла. Когда она сделала это, амулет качнулся на ее груди.

Она беспокойно посмотрела вокруг: на сгнившее крыльцо, на неокрашенные стены с обвалившейся штукатуркой, на окна, которые почти все были разбиты и наблюдали за ней пустыми глазами. Кузнечики пели в траве свои глупые песни, и горячее солнце било сверху, как в тот ужасный день, когда Донна Трентон боролась здесь за свою жизнь и жизнь своего сына.

«Что я здесь делаю? — подумала Полли. — Боже мой, что я здесь делаю?»

Но она знала, что, и это не было связано ни с Аланом Пэнгборном, ни с Келтоном, ни с Отделом Помощи Детям в Сан-Франциско. Эта небольшая прогулка не была связана с любовью. Она была связана с болью... но этого было достаточно.

Что-то было внутри маленького серебряного украшения. Что-то живое. Если она не выполнит своего задания, которое ей поручил Лиленд Гаунт, она умрет. Она не знала, вернется ли опять та ужасная, пронизывающая боль, от которой она проснулась в воскресенье утром. Если ей придется всю жизнь ощущать такую боль, то она убьет себя.

— Это не Алан, — прошептала она, идя к сараю с прогнившим входом и провалившейся крышей. — Он сказал, что не поднимет на него руку.

— Но почему тебя это волнует? — прошептал навязчивый голос.

Ее волновало это потому, что она не хотела причинять боль Алану. Она была сердита на него, да, и даже очень, но она считала, что не должна опускаться до его уровня.

— Но, Полли... подумай...

— Нет. Нет!

Она собиралась сыграть шутку с Тузом Мериллом, он был ей совершенно безразличен, она даже никогда не видела его, только знала о его репутации. Шутка была над Тузом, но...

Но Алан, который засадил Туза Мерилла в тюрьму, тоже был причастен к этому. Так говорило ей сердце.

И сможет ли она вырваться из этого? Сможет ли, если даже захочет? Кроме того, был Келтон. Мистер Гаунт не сказал ей точно, что новости о ее сыне будут разглашены всему городу, если она не выполнит его задание... но он намекнул на это. Она не могла этого допустить.

Имеет ли право женщина на собственную гордость? Когда все пропало, может ли она оставить себе этот стержень, без которого все ее существование пусто.

Да. И еще раз да.

Мистер Гаунт сказал ей, что она найдет нужный инструмент в сарае; она медленно двинулась туда.

— Иди, куда тебе назначено, но иди туда живой, не будь привидением, — говорила ей тетушка Эвви.

Но теперь, входя в сарай Камбера через дверь на ржавых петлях, она чувствовала себя, как привидение. Она никогда не ощущала себя привидением сильнее, чем сейчас. Амулет двигался на ее груди... по собственной воле. Как живой. Ей не нравилось это; но еще меньше

удовольствия ей доставляла мысль о том, что может случиться, если амулет умрет.

Она сперва сделает то, что сказал ей мистер Гаунт. Затем она разорвет все связи с Аланом Пэнгборном (это было ошибкой с самого начала, теперь она ясно видела это) и оставит свое прошлое только для себя. Почему бы и нет?

В конце концов, это такая мелочь.

2

Лопата лежала именно на том месте, где он ей говорил, прислоненная к стене в пыльной полосе света. Она взялась за ее гладкий истертый черенок.

Внезапно ей показалось, что она слышит низкое глухое рычание из черной тени в глубине сарая, как будто бешеный сенбернар, который убил Большого Джорджа Баннермана и привел к смерти Тедди Трентона, все еще был здесь. Оживший и более злой, чем раньше. Руки Полли покрылись гусиной кожей, и она выбежала из сарая. Двор был не более гостеприимен, опустевший дом глядел на нее своими пустыми глазницами окон, но все же здесь было лучше, чем в сарае.

«Что я здесь делаю? — опять спросило ее сознание. — И ему ответил голос тетушки Эвви: «Становишься привидением. Вот что ты здесь делаешь. Ты становишься привидением».

Полли зажмурила глаза.

— Прекратите это! — яростно прошептала она. — Прекратите это!

— Все верно, — сказал Лиленд Гаунт. — И потом, не такое уж это большое дело! Это просто безобидная маленькая шутка. Но даже если из этого и выйдет что-нибудь серьезное — разумеется этого не будет, но просто предположим, — чья это будет вина?

— Это будет вина Алана, — прошептала она. Ее глаза нервно вращались в орбитах, руки судорожно сжимались. — Если бы он был здесь, чтобы поговорить... Если бы он не отрезал себя от меня, роясь в вещах, до которых ему нет дела...

Слабый голос попытался заговорить опять, но Лиленд Гаунт заглушил его, прежде чем он смог сказать хоть слово.

— И снова все верно, — сказал он. — А то, что ты делаешь сейчас, Полли, имеет простое объяснение: ты отдаешь долг. Вот и все, что ты делаешь. И запомни это, потому что существует простой принцип коммерции: как только за что-то заплачено, это принадлежит тебе. Ты ведь не ожидаешь, что такая чудесная вещь достанется тебе дешево, не так ли? Но когда ты отдашь долг, она твоя. А тебе нужна эта вещь. Ты будешь стоять здесь весь день, слушая эти старые испуганные голоса, или пойдешь делать то, для чего приехала?

Полли опять открыла глаза. Амулет неподвижно висел на конце цепочки. Если она и двигалась, а она не была больше в этом уверена, то теперь остановилась. Дом был просто домом, который слишком долго простоял пустым, и на нем появились следы разрушения. Окна были не глазами, а просто дырками, потерявшими стекла по вине

мальчишек. Если она слышала что-то в сарае, а она не была уверена, что так оно и было, то это, наверное, просто был скрип доски.

Ее родители умерли. Ее малыш тоже был мертв, и собака, которая хозяйничала на этом дворе одиннадцать лет назад, тоже была мертва.

Здесь не было привидений.

— Даже меня не было, — сказала она и обошла сарай.

3

— Когда вы обойдете вокруг сарая, — говорил мистер Гаунт. — Вы увидите остатки старого трейлера.

Она их увидела; «эйр-флоу», покрытый серебряной краской, стоял в окружении запоздалых подсолнухов.

— Вы увидите большой плоский камень слева за трейлером.

Она легко нашла его. Он был похож на камни для мощения садовых дорожек.

— Отодвиньте камень и копайте. На глубине примерно двух футов вы найдете консервную банку «Криско».

Она отодвинула камень в сторону и начала копать. Меньше чем через пять минут штык лопаты уткнулся в металл. Она отложила лопату и начала разгребать землю пальцами, разрывая легкую паутину корней. Через минуту она вынула жестянку. Она была ржавой, но целой. Наклейка размокла, и на задней стороне она смогла различить надпись: «Праздничный яблочный пирог» (список ингредиентов был почти полностью покрыт черным пятном плесени) и дату: 1969 год. Она подцепила пальцами крышку и открыла ее. Вырвавшийся оттуда запах заставил ее на секунду отпрянуть. Внутренний голос в последний раз попытался спросить ее, что она здесь делает, но она заставила его замолчать.

Она заглянула вовнутрь и увидела именно то, о чем говорил мистер Гаунт. Стопку купонов и несколько помятых фотографий женщины, вступающей в половую связь с собакой колли.

Она вытащила все это, сложила в задний карман, а затем вытерла пальцы о штанину джинсов. Она пообещала себе вымыть руки, как только будет возможно. Касаться вещей, которые долго пролежали под землей, было противно.

Из другого кармана она вынула обычный конверт. На нем было напечатано заглавными буквами:

**«ПОСЛАНИЕ НЕУСТРАШИМЫМ
ИСКАТЕЛЯМ СОКРОВИЩ».**

Полли положила конверт в жестянку, закрыла крышку и опустила его обратно в яму. Затем лопатой быстро и аккуратно закидала вырытую яму. Ей хотелось сейчас же убежать отсюда.

Закончив, она быстро пошла назад. Лопату она закинула в густой бурьян. Она не имела ни малейшего желания заносить ее обратно в сарай, независимо от того, как можно объяснить звук, который она слышала.

Когда она подошла к автомобилю, то сначала открыла пассажирскую дверцу, а затем отделение для перчаток. Пошарив внутри среди бумаг, она нашла старый коробок спичек. Только после

четвертой попытки она зажгла спичку. Боль в руках почти не чувствовалась, но они так сильно дрожали, что она сломала первые три спички, пытаясь зажечь.

Когда четвертая спичка, наконец, зажглась, она зажала ее в правой руке и вынула из кармана джинсов купоны и сомнительные фотографии. Она поднесла их к почти невидимому в дневном свете пламени и держала, пока не убедилась, что они занялись огнем. Затем она отбросила спичку в сторону и опустила бумаги, чтобы они лучше разгорелись. У женщины на фотографии была тощая фигура и пустые глаза. Пес был паршивым и неухоженным. Она с облегчением смотрела, как поверхность фотографий покрылась пузырями и посерела. Когда фотографии начали скручиваться, она бросила горящую бумагу в грязь, в том самом месте, где однажды женщина забила другую собаку, того самого сенбернара, бейсбольной битой.

Пламя разгоралось, маленькая стопка купонов и фотографий быстро превратилась в черный пепел. Пламя мигнуло и погасло...

И в этот самый момент неожиданный порыв ветра нарушил спокойствие дня, развеяв кучку пепла. Черные хлопья взвились и разлетелись. Полли наблюдала за ними глазами, которые внезапно стали большими и испуганными. Откуда взялся этот порыв ветра?

— О, пожалуйста! Можешь ты прекратить...

В этот самый момент раздался низкий рычащий звук, похожий на звук лодочного мотора. Он раздавался из горячей темной пустоты сарая. Это было не игрой воображения, или скрипом доски.

Это была собака.

Полли испуганно посмотрела в ту сторону и увидела два сияющих красных круга света, приближающихся из темноты. Она обежала вокруг машины, больно ударившись бедром о правый борт, запрыгнула в нее, подняла окна и заперла двери. Затем повернула ключ зажигания. Двигатель зарычал... но не завелся.

«Никто не знает, где я, — подумала она. — Никто, кроме мистера Гаунта... а он никому не скажет».

На секунду она представила, что поймана здесь в ловушку, так же, как Донна Трентон и ее сын. Затем двигатель внезапно завелся, и она задом выехала со двора настолько быстро, что чуть не опрокинула машину в придорожную канаву. Затем она на максимальной скорости поехала в город.

Она совершенно забыла о том, что хотела вымыть руки.

4

Туз Мерилл поднялся с кровати примерно в то же время, когда Брайан Раск выстрелил себе в голову в двадцати милях отсюда.

Он пошел в ванную, стягивая на ходу грязные трусы и мочился целый час. Он поднял руку и понюхал подмышку. Посмотрел на душ и решил обойтись. У него впереди большой день. Душ может обождать. Он вышел, не спустив за собой воду — если желтое, значит спелое, — это было составной частью философии Туза. Он пошел прямо к бюро, где на зеркале для бритья лежали остатки порошка мистера Гаунта. Это был отличный порошок. Легкий для носа, горячий для головы. Кроме того, он почти кончился. Как и

говорил мистер Гаунт, Тузу понадобилось много этого порошка прошлой ночью. Но он был уверен, что там, где он его взял, его еще много.

Туз разделил уголком водительских прав кучку на пару линий. Он втянул их через скатанную пятидолларовую бумажку, и в его голове как будто взлетела ракета.

— Бум! — выкрикнул Туз Мерилл голосом Уорнера Вулфа. — Пошли в видеотеку!

Он натянул линялые джинсы на голую задницу, затем надел тенниску с Харли Девидсом. Вот как одеваются в этом году приличные искатели сокровищ, подумал он и дико захохотал. Да, кок был хорош!

Он уже направился к двери, когда его взгляд упал на добытое прошлой ночью и он вспомнил, что хотел позвонить Нэтту Копеланду в Портсмут. Он вернулся в спальню, порывлся в белье, которое было как попало свалено поверх бюро, и, наконец, нашел потрепанную телефонную книгу. Затем вернулся в кухню, сел и набрал номер. Он сомневался, что сможет застать Нэтта, но попробовать стоило.

— Да? — спросил голос в его ухе, и Туз понял, что ему опять повезло.

— Нэтт! — крикнул он.

— Кто это, черт возьми?

— Это я, я!

— Туз? Это ты?

— Не иначе! Как дела, старина Нэтти?

— Бывало лучше, — голос Нэтта звучал так, будто он не слишком рад встрече со своим приятелем по тюрьме. — А как твои дела, Туз?

— Эй! Разве так разговаривают с друзьями? — Спросил Туз. Он зажал трубку между ухом и плечом и поставил перед собой пару ржавых жестянок.

Одну из них он достал из-под земли возле фермы старого Треблхорна, вторую — из подвала фермы старого Мастерса, которая начисто сгорела, когда Тузу было десять лет. Первая жестянка содержала только четыре книжечки зеленых карточек Эс-энд-Эйч, и несколько пачек купонов на сигареты Райли. Во второй находились несколько связок разных купонов и шесть цилиндриков с вложенными в них монетами. Только эти монеты выглядели не как обычные пенни.

Они были белыми.

— Может быть, я просто хочу поговорить, — продолжал Туз. — Узнать, как у тебя дела, как поживаешь. И все такое.

— Что тебе нужно, Туз? — раздраженно повторил Нэтт Копеланд.

Туз вытащил один цилиндрик из старой жестянки. Этикетка на нем поблекла от первоначального пурпурного до тускло-розового. Он вытряхнул пару пенни на руку и удивленно посмотрел на них. Если кто-нибудь знает, что это такое, так это Нэтт Копеланд.

Он когда-то был владельцем магазина в Киттери, который назывался «Монеты и коллекции Копеланда». Кроме того, у него была собственная коллекция монет — одна из десяти лучших в

Новой Англии, если верить его словам. Потом он открыл для себя прелести кокаина. За четыре или пять лет, последовавших за этим открытием, он одну за одной продал все свои монеты, превращая их в кокаин. В 1985 году полиция, выехав по сработавшей сигнализации в нумизматический магазин Длинного Джона Сильвера, обнаружила там Нэтта Копеланда в задней комнате, запикивающего серебряные доллары Леди Либерти в сумку. Вскоре после этого с ним в тюрьме познакомился Туз.

— Ладно, у меня есть к тебе вопрос, если ты это имеешь в виду.

— Вопрос? И это все?

— Абсолютно, старина.

— Хорошо, — голос Нэтта немного расслабился. — Тогда спрашивай. У меня немного времени.

— Правильно, — подтвердил Туз. — Дела, дела, дела. Куда пойти и кого съест, правильно, Нэтт? — Он рассмеялся сумасшедшим голосом. Это был не просто порошок; это была сказка. Он не оставлял работу до света, как держал его на ногах до десяти утра, несмотря на физические нагрузки, и он и сейчас чувствовал способность грызть стальные балки и перекусывать гвозди. А почему нет? Почему, черт подери, нет? Он стоял на гребне удачи. Он знал это, он чувствовал это каждой жилой.

— Туз, ты действительно хочешь что-то спросить или ты позволил просто, чтобы позлить меня?

— Нет, я не собирался тебя злить. Окажи мне услугу, Нэтт, и может быть, я тоже тебе помогу. Очень помогу.

— В самом деле? — голос Нэтта сразу утратил свою нагловасть. Он стал тихим, почти просительным. — Ты возьмешь меня в долю, Туз?

— Да, обязательно, — сказал Туз, совершенно не собираясь этого делать. Он выкатил три-четыре пенни из старого выцветшего пакета. — Но сначала сообщи мне кое-что.

— Насчет чего?

— Что ты знаешь о белых пенни?

...На другом конце линии возникло замешательство. Затем Нэтт удивленно спросил:

— Белые пенни? Ты имеешь в виду стальные пенни?

— Я не знаю, что я имею в виду. Это ты коллекционируешь монеты, а не я.

— Посмотри на даты. Они должны быть с 1941 по 1945 год.

Туз перевернул пенни. Одна была 1941 года, четыре — 1943 года и последняя 1944 года.

— Да, это они. Чего они стоят, Нэтт? — он пытался говорить так, чтобы тревога в его голосе не ощущалась.

— Не так много, если сами по себе. Но намного больше обычных. Может быть, два доллара за штуку. Три, если Н.О.

— Что это значит?

— Не были в обращении. В отличном состоянии. У тебя их много, Туз?

— Всего несколько, — ответил Туз, — совсем немного.

Но он был разочарован. У него было целых шесть цилиндриков. Триста штук. И те, что он держал в руке, были не в самом отличном

состоянии. Они, может быть, и не были долго в употреблении, но достаточно долго пролежали в земле и выглядели далеко не новыми. Шесть сотен долларов, максимум восемьсот. То, что называется большим кушем.

— Хорошо, приноси, посмотрим. Я дам тебе сверху, — Он поколебался и добавил, — и принеси с собой порошок.

— Я подумаю об этом, — ответил Туз.

— Эй, Туз! Не вешай трубку!

— Бывай, мать твою так, — ответил Туз и повесил трубку.

Он сидел какое-то время неподвижно, уставившись на монеты и две ржавые жестянки. Во всем этом было что-то очень странное. Бесполезные купоны и стальные пенни на шестьсот долларов. Что за это скрывается?

«Черт возьми, — подумал Туз. — За этим может скрываться все, что угодно. Что же тут такое? Где, черт побери, МНОГО ДЕНЕГ?»

Он встал со стула, перешел в спальню и втянул в себя остаток порошка, который положил ему мистер Гаунт. Выходя, он взял книгу с картой. Он чувствовал себя значительно лучше. Эта добавка была необходима. Теперь он мог соображать значительно лучше, он почувствовал это.

Кроме всего прочего, на карте осталось еще до черта крестиков. Он обнаружил, что в обоих случаях место, где, судя по крестикам, должны были что-то закопать, было помечено большим плоским камнем: «Крестик + Плоский камень = Закопанное Сокровище». Это должно было означать, что папа в старости был значительно слабее на голову, чем предполагали в городе, и мог без затруднений отличить мусор от бриллиантов, но ценности — золото, валюта, может быть, гарантийные обязательства — должны быть закопаны где-то под одним из этих больших плоских камней.

Он был уверен. Его дядюшка закопал ценности, а не только связки старых купонов. На ферме старого Мастера он нашел шесть цилиндриков со старыми пенни, которые стоят по крайней мере шесть сотен долларов. Немного... но это лишь первый знак.

— Это где-то здесь, — тихо сказал Туз. Его глаза безумно сверкнули. — Это все где-то здесь, в одной из этих семи ям. Или в двух. Или в трех.

Он знал это. Он взял карту, нанесенную на коричневой бумаге, и начал водить пальцем от одного крестика к другому, проверяя, не отличается ли чем-нибудь один из них. Его палец остановился на месте фермы старого Камбера. Это было единственное место, где рядом располагались два крестика. Его палец медленно начал перемещаться от одного к другому.

Джо Камбер погиб в трагедии, которая унесла еще три жизни. Его жена и сын в это время были в другом месте. На отдыхе. Обычно люди вроде Камбера не берут отпусков, но Чарли Камбер выиграл какую-то сумму в государственной лотерее, вспомнил Туз. Он пытался вспомнить подробности, но ничего не получалось.

Что сделала миссис Камбер, когда они с сыном вернулись из своего небольшого путешествия и узнали, что Джо — это первостатейное, по словам знакомых, дерьмо, — умер? Уехала из штата? А собственность? Может быть, она спешила избавиться от нее. А в

Кастл Роке есть только одно имя, которое называют, когда нужно срочно превратить собственность в деньги, — это Реджинальд Марион Мерилл. Она поехала повидаться с ним? Он мог предложить ей невыгодную сделку — это было в его стиле, — а она могла так спешить, что согласилась. Так что ко времени смерти дяди земля Камбера могла запросто принадлежать ему.

Это предположение превратилось в уверенность через несколько секунд после того, как пришло Тузу в голову.

— Это ферма Камбера, — сказал он. — Бьюсь об заклад, это именно там! Я знаю, что это там!

Тысячи долларов! Может быть, десятки тысяч! Вот это дело!

Он сложил карту и положил ее в книгу. Почти бегом он кинулся к «шеви», которое дал ему мистер Гаунт.

Оставался только один вопрос: если дядя действительно мог отличить мусор от бриллиантов, то зачем он вообще закапывал бессмысленные купоны?

Туз отбросил этот вопрос и выехал на дорогу, ведущую в Кастл Рок.

5

Дэнфорд Китон вернулся домой в Кастл Вью как раз в то время, когда Туз выехал. Пират все еще был прикован к дверной ручке «кадиллака», но он был в дикой эйфории. Два года он боролся с теньями, и тени побеждали. Подошел момент, когда он начал бояться, что может сойти с ума... И это, естественно, было то, что Они от него ожидали.

С вершины холма он видел несколько летающих тарелок по пути от Мэйн-стрит до дома. Он замечал их раньше и думал, что они являются частью того, что происходит в этом городе. Теперь он был уверен в этом. Это были совсем не летающие тарелки. Это были разрушители умов. Возможно, они были нацелены на его дом и на тех людей, которые, как и он, понимают, что вокруг происходит чудовишный заговор.

Пират остановился во дворе и открыл дверь с помощью дистанционного управления. Дверь начала открываться, но в тот же момент он почувствовал чудовищную головную боль. Он понял, что это часть все того же заговора.

Они заменили его настоящее устройство для отпирания гаражной двери чем-то другим, что посылает на него губительные лучи, как только он открывает дверь.

Он отключил пульт дистанционного управления и выбросил его в окно, прежде чем въехать в гараж.

Он заглушил мотор, открыл дверь и вышел. Наручники приковывали его к двери. На стене рядом был смонтирован стенд для инструментов, но он не мог до него дотянуться. Пират наклонился к машине и начал сигналить.

Миртл Китон, которая выполнила свое поручение сегодня после обеда, лежала на своей кровати в тревожной полудреме, когда раздался сигнал. Она села, в ужас мигая глазами.

— Я сделала это, — прошептала она. — Я сделала все, что вы мне сказали. Пожалуйста, оставьте меня.

Вдруг она поняла, что она спала, что мистера Гаунта нет, и протяжно вздохнула.

— БИИИИИИБ! БИИИИИИИИИИБ! БИИИИИИИИИИИИИИБ!

Это напоминало сигнал «кадиллака». Она схватила лежащую рядом куклу, прекрасную куклу, которую она приобрела в магазине мистера Гаунта, и устроила ее поудобнее. Она совершила сегодня поступок, который считала очень плохим. И теперь кукла была для нее намного дороже. Цена, мог сказать мистер Гаунт, всегда повышает ценность вещи, по крайней мере, в глазах покупателя.

— БИИИИИИИИИИИИИИИИИИИИИИИИИБ!

Это был сигнал «кадиллака». Почему Дэнфорд сидит в гараже и сигналист? Она решила, что лучше пойти посмотреть.

— Что бы он не нанес вреда моей кукле, — сказала она тихим голосом. Она аккуратно положила ее в тень на краю кровати.

— Пусть лучше этого не делает, потому, что это моя вещь.

Миртл была одной из тех многих, кто посетил в этот день «Необходимые вещи». Просто одно из имен в списке мистера Гаунта. Она пришла, как и многие другие, потому что мистер Гаунт сказал ей, чтобы она пришла. Она получила послание тем путем, который ее муж полностью понял бы: оно прозвучало в ее голове.

Мистер Гаунт сказал ей, что пришло время расплатиться за куклу... Разумеется, если она хочет сохранить ее. Она должна была взять металлический ящик и запечатанный конверт для Дочерей Изабеллы. Ящик имел маленькие дырочки на каждой стороне, кроме дна. Она пыталась заглянуть в одну из дырочек, но смогла увидеть только какой-то кубический предмет. По правде говоря, она особо не присматривалась. Казалось лучше, безопаснее не делать этого.

На стоянке перед маленьким церковным комплексом, куда Миртл пришла пешком, стояла всего одна машина. Церковный зал, однако, был пуст. Она посмотрела на доску объявлений и прочитала надпись:

«ДОЧЕРИ ИЗABELЛЫ

ВСТРЕЧА ВО ВТОРНИК В СЕМЬ ВЕЧЕРА

ПОМОГИТЕ НАМ ОРГАНИЗОВАТЬ КАЗИНО НАЙТ!»

Миртл проскользнула внутрь. Слева от нее у стены находилось несколько раскрашенных секций — здесь дети, занимающиеся днем, хранили завтраки, а дети воскресной школы хранили разные рисунки и эскизы. Миртл должна была положить свою ношу в одно из этих отделений, и она сделала это. Ящик как раз подходил по размерам. В противоположной стороне комнаты стоял стол председательницы с американским флагом слева и плакатом справа. Стол был подготовлен к вечернему собранию, на нем лежали ручки, карандаши, подписные листы Казино Найт, и в центре — повестка

— Где, черт поberi, эта сука?

Наконец дверь между гаражом и кухней открылась. Миртл просунула в нее голову. Ее глаза были большими и испуганными.

— Наконец-то, — сказал Пират, отпуская сигнал. — Я думал, что ты умерла на унитазе.

— Дэнфорд! Что случилось?

— Ничего. Дела идут лучше, чем за последние два года. Мне просто нужна небольшая помощь, только и всего.

Миртл не двигалась.

— Женщина, двигай сюда своим толстым задом!

Она не хотела, он пугал ее, но застарелая привычка подчиняться глубоко укоренилась в ней, и ее трудно было нарушить. Она подошла к открытой двери машины. Она шла медленно, шлепая тапками по бетонному полу, Пират сжал зубы.

Она увидела наручники, и глаза ее расширились.

— Дэнфорда! Что случилось?

— Ничего, что нельзя было бы поправить. Дай мне зубило, Миртл. Вон то, на стене. Впрочем не надо, зубило сейчас не нужно. Дай мне большую отвертку. И молоток. Она начала отступать от него, сжав руки перед грудью. Быстро, как змея, Пират схватил свободной рукой через открытое окно ее за волосы, пока она не успела отойти.

— Ой! — вскрикнула она, вцепившись в его кулак. — Дэнфорд! Ой!

Пират притянул ее к себе, его лицо исказилось в ужасной гримасе. На лбу пульсировали две большие вены. Он чувствовал ее руку на своем кулаке не больше, чем чувствовал бы птичье перышко.

— Делай, что я тебе говорю, — выкрикнул он и притянул ее к себе. Он ударил ее об открытую дверцу раз, другой, третий.

— Ты родилась идиоткой или выросла такой? Получай, получай, получай!

— Дэнфорд! Мне больно!

— Правильно! — сказал он. И еще раз ударил ее головой о дверцу «кадиллака», на этот раз сильнее. — Ты собираешься меня слушаться, женщина?

— Да! Да! Да!

— Хорошо! — он ослабил руку. — Теперь дай мне большую отвертку и молоток. И не пытайся шутить!

Она протянула правую руку к стене.

— Я не достаю!

Он наклонился вперед, вытягивая руку и позволяя ей сделать шаг к стене, на которой висели инструменты. При этом он крепко держал пальцами ее волосы. Маленькие капельки крови падали на ее тапки и между ними. Ее рука приблизилась к одному из инструментов, и Дэнфорд резко дернул ее, как терьер дергает мертвую крысу.

— Не это, дура! — сказал он. — Это сверло. Я просил сверло, а?

— Но, Дэнфорд. Ой! Я ничего не вижу!

— Я думаю, ты хочешь, чтобы я тебя отпустил. Тогда ты побежишь в дом и позовешь Их, не так ли?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь!

— Ну, конечно! Ты такой невинный, маленький ягненок. Ты просто случайно убрала меня в воскресенье с дороги, чтобы этот чертов заместитель мог раскидать свои лживые листки по всему дому. И ты хочешь, чтобы я поверил?

Она посмотрела на него сквозь паутину волос. Кровь затекла в ее глаза.

— Но... Но, Дэнфорд...? Ты сам просил меня идти в воскресенье... Ты сказал...

Он опять дернул ее за волосы. Миртл вскрикнула.

— Делай, что сказано. Мы обсудим это позже.

Она снова потянулась к стене, наклонив голову вниз. Волосы (кроме тех, что были у Пирата в кулаке) упали ей на лицо. Вытянутым пальцем она коснулась большой отвертки.

— Это, — сказал Пират. — Теперь найди второе.

Она поискала, и наконец ее палец наткнулся на кусок перфорированной резины, покрывающей ручку молотка.

— Хорошо, теперь давай их сюда.

Она вынула молоток из гнезда и передала ему. Пират отпустил ее волосы, готовый схватить ее опять, при первой попытке к бегству. Но Миртл не двигалась. Она была напугана. Она хотела только, чтобы ей позволили подняться к себе, где она может прижать к себе свою чудесную куклу и уснуть. — Она хотела уснуть навсегда.

Он взял инструмент из ее несопротивляющихся рук. Затем он приставил острие отвертки к ручке дверцы и несколько раз ударил молотком по отвертке. На четвертом ударе ручка отскочила. Пират вытянул ее из петли наручников и бросил отвертку вместе с ручкой на цементный пол. Первым делом он побежал к кнопке закрывания гаражной двери. Затем, когда она шумно начала опускаться, повернулся к Миртл с молотком в руке.

— Ты спишь с ним, Миртл? — спросил он мягко.

— Что? — она посмотрела на него тусклыми, апатичными глазами.

Пират начал постукивать молотком по ладони второй руки. Удары получались мягкими, сочными — тюк! тюк! тюк!

— Ты спала с ним после того, как вы вдвоем разбросали это проклятое розовое белье по всему дому?

Она тускло смотрела на него, ничего не понимая, но Пират и сам уже забыл, что она была вместе с ним и Моррисом, когда Риджвик вломился и все это натворил.

— Пират, о чем ты гово...

Он остановился, расширив глаза.

— Как ты меня назвала?

Апатия исчезла из ее глаз. Она начала отступать, выставив вперед руки. Гаражная дверь позади них закрылась. Теперь единственным звуком в гараже было шарканье их ног и тонкое звяканье наручников на его руке.

— Извини, — прошептала она. — Извини, Дэнфорд. — Затем она обернулась и бросилась к кухонной двери.

Он нагнал ее в трех шагах от двери, опять схватив за волосы и притянув к себе.

— Как ты назвала меня? — выкрикнул он и поднял молоток.

Ее глаза поднялись следом за его рукой.

— Дэнфорд, нет, пожалуйста!

— Как ты назвала меня? Как ты назвала меня?

Он снова и снова выкрикивал это, каждый раз подтверждая вопрос мягким, сочным звуком: Тюк! Тюк! Тюк!

8

В пять часов Туз въехал во двор фермы Камбера. Он засунул карту сокровищ в задний карман и затем открыл багажник. Он вынул заступ и лопату, которыми мистер Гаунт предусмотрительно снабдил его, и прошел по двору мимо дома. Затем он вынул из кармана карту и начал сверять ее с местностью. Краткосрочный эффект действия кокаина проходил, но сердце все еще бухало в его груди. Он понял, что поиск сокровищ тоже может быть стимулятором.

Он оглянулся на замусоренный двор, полуразрушенный сарай, заросли подсолнечника. Он решил, что это то самое место. То место, где он положит на обе лопатки братьев Корсон и станет богатым. Они здесь. Часть или даже все. Прямо здесь. Он чувствовал это.

Но это было не просто чувство. Он слышал, как сокровища тихо напевают ему. Напевают из-под земли, не десятки, а сотни тысяч. Может быть, почти миллион.

— Миллион долларов, — прошептал Туз, прерывающимся голосом и вернулся к карте.

Через пять минут он шел вдоль западной части дома Камбера. Вскоре он нашел то, что искал, — большой плоский камень. Он отбросил его в сторону и начал лихорадочно копать. Меньше чем через две минуты он услышал, как лезвие лопаты проткнуло ржавый металл. Он опустился на колени и начал рыться в грязи, как пес, откапывающий зарытую кость. И еще через минуту он держал в руках покрытую землей консервную банку.

Те, кто пользуется кокаином, обычно тщательно стригут ногти, и Туз не был исключением. У него не было ногтей, чтобы приподнять крышку жестянки. С нетерпением Туз достал свой перочинный ножик, раскрыл его и, открыв банку, заглянул внутрь.

Банкноты!

Пачки банкнот!

С криком он вытряхнул их из банки... и увидел, что ожидания обманули его. Это были опять бесполезные купоны. На этот раз купоны «Рэд Болл», которые использовались только к югу от Мезон Диксон... и только до 1964 года, когда компания распалась.

— Черт побери! — Выкрикнул Туз. Он отбросил ненужные бумажки, они рассыпались и начали плавно падать в светлом горячем воздухе. — Подлец! Сукин сын! Ублюдок! Сволочь!

Он заглянул в банку, даже перевернул ее, чтобы посмотреть, не прилипло ли что-нибудь ко дну. Но внутри не было ничего. Он швырнул банку на землю, какую-то секунду смотрел на нее, затем подбежал и изо всех сил поддал ногой.

Он опять вытащил из кармана карту. На секунду его охватила паника, он испугался, что его карта пропала. Но она была на месте. Он устоял в нее. Второй крестик находился за сараем... И внезапно на ум Тузу пришла замечательная мысль, осветившая хмурую темноту его мозга.

Жестянка, которую он только что откопал, была маскировкой! Дядя мог подумать, что кто-то догадается, что он отметил тайники плоскими камнями. Таким образом, он сделал здесь фальшивый тайник. Просто для безопасности. Если кто-то найдет бесполезные бумажки, он никогда не подумает, что рядом находится еще один тайник, точно такой же, но чуть ценнее...

— Если у него нет карты, — прошептал Туз.

Он схватил заступ и лопату и пошел к сараю, расширив глаза, потный, с растрепанными волосами.

9

Он увидел старый трейлер «эйр-флоу» и направился к нему. Он почти подошел к нему, когда его нога наткнулась на что-то, и он удивленно посмотрел на землю. Этот предмет. Он сразу же увидел его.

Это была лопата. Лопата со свежей землей на лезвии.

Плохие предчувствия начали накатывать на Туза; очень плохие предчувствия. Это нехорошее чувство начиналось в животе, а затем распространялось вверх к груди и вниз к мошонке. Его губы растянулись, медленно обнажая зубы в уродливой гримасе.

Он наклонился и увидел камень, лежащий рядом грязной стороной вверх. Кто-то был здесь раньше... и не так давно. Кто-то опередил его.

— Нет, — прошептал он. Слово слетело с его рта, как капля крови. — Нет!

Недалеко от отброшенной лопаты и перевернутого камня Туз увидел разбросанную землю, часть которой была заброшена обратно в яму. Забыв о своих собственных инструментах и лопате, лежащей рядом, Туз опустился на колени и начал разгребать землю руками. Очень быстро он нашел еще одну консервную коробку.

Он выхватил ее и отогнул крышку.

Там не было ничего, кроме белого конверта. В нем было две вещи: кусок сложенной бумаги и маленький конвертик. Туз на время отложил конвертик и развернул бумагу. Письмо было напечатано на машинке. Его челюсть отвисла, когда он увидел сверху листа собственное имя.

Дорогой Туз,

Я не уверен, что ты найдешь это послание, но никакие законы не запрещают надеяться. Послать тебя на отсидку в тюрьму было хорошим делом. Но эта затея значительно лучше. Хотел бы я видеть твое лицо, когда ты закончишь читать!

Вскоре после того, как я тебя засадил, я пошел провести твоего дядюшку. Мы с ним виделись довольно часто, раз в месяц. У нас было соглашение: он давал мне сотню в месяц, а я позволял ему делать незаконные делишки. Все очень цивилизованно. Во

время нашей встречи он извинился и пошел в туалет — «Что-то съел», как он объяснил Ха-ха! И я имел возможность заглянуть в его стол, который он оставил незапертым. Такая неаккуратность не в его стиле, но, видимо, он боялся, что наложит в штаны, если не повидается со своим унитазом. Ха! Я нашел только одну интересную вещь, но она того стоила. Она выглядела как карта. На ней было множество крестиков, но один из них — тот, который отмечал этот камень, был обведен красным. Я положил карту на место до того как он вернулся. Он даже не догадался, что я видел ее. Я наведалься сюда сразу же после его смерти, и выкопал эту жестянку. В ней было больше двухсот тысяч долларов. Однако не волнуясь, я решил поделиться, и поделиться честно, так что я оставил тебе ровно столько, сколько ты заслуживаешь.

Добро пожаловать обратно в город, дырка в заднице!

Искренне твой

Алан Пэнгборн

шериф округа Кастл.

Р.С. Кстати, Туз, прекрати свои поиски и забудь обо всем этом. Ты знаешь старую поговорку: кто ищет, тот найдет. Если ты попытаешься приставать ко мне насчет дядюшкиных денег, я сделаю тебе новую дырку в заднице и засуну туда твою голову.

Можешь мне верить.

А.П.

Туз выпустил из одеревеневших пальцев листок бумаги и открыл второй конверт.

В ней была однодолларовая бумажка.

«Я решил поделиться, и поделиться честно, и я оставляю тебе ровно столько, сколько ты заслуживаешь».

— Ах ты, проклятый ублюдок, — прошептал Туз и вынул долларовую бумажку трясущимися руками.

«Добро пожаловать в город, Дырка-в-заднице!»

— Ах ты СУКИН СЫН! — выкрикнул Туз так громко, что почувствовал, как что-то в его горле скрипнуло и чуть не порвалось. Эхо глухо ответило: ...сын... сын... сын...

Он начал было рвать доллар, затем заставил свои пальцы расслабиться.

— О, нет. Не так.

Он сохранил это. Этот сукин сын захотел заполучить деньги дядюшки, не так ли? Он украл то, что по праву принадлежит его последним живым родственникам. Что ж, хорошо. Но шериф получит сполна. И Туз проследит, чтобы именно так и было. Так что после того, как он отрежет яйца шерифа своим перочинным ножиком, он затолкает этот доллар в кровавую дырку, туда, где они находились.

— Ты хочешь денежек, малыш? — спросил Туз тихим ласковым голосом. — Хорошо. Отлично. Нет проблем. Нет... мать их ...проблем.

Он вскочил на ноги и пошел к машине быстрым шагом, переходя на бег.

Часть III ПУСКАЙ ВСЕ КРУТИТСЯ

Глава 19

1

Без четверти шесть над Кастл Роком начали сгущаться роковые сумерки. Тучи собирались над южным горизонтом. Оттуда разносились над лесами и полями глухие раскаты грома. Тучи надвигались на город, разрастаясь по мере приближения. Огни на улицах, управляемые фотоэлементом, зажглись на полчаса раньше чем обычно в это время года.

Нижняя Мэйн-стрит была запружена людьми. Она была переполнена полицейскими машинами и телевизионными фургонами. Радиовывозы трещали и гулко разносились в горячем неподвижном воздухе. Телевизионные техники растягивали кабели и покрикивали на окружающих, преимущественно детей, которые наступали на провода. Фотографы из четырех ежедневных газет стояли за баррикадами, возведенными перед зданием муниципалитета, и снимали виды для первых полос. Несколько местных зевак — на удивление их было мало — глазели по сторонам. Телевизионный корреспондент стоял в ярком свете мощной лампы и делал репортаж на фоне здания муниципалитета.

— Бессмысленная волна насилия прокатилась через Кастл Рок сегодня, — начал он, а затем остановился.

— Прокатилась? — спросил он сам себя задумчиво.

— Черт, все с самого начала.

Слева телевизионный репортер другой компании наблюдал за бешеной подготовкой к тому, что меньше чем через двадцать минут дойдет в прямой эфир. Внимание зевак было приковано к знакомым лицам телевизионных ведущих, а не к баррикадам, потому что после того, как увезли злополучного Лестера Пратта в черном пластиковом мешке, там смотреть было не на что.

Верхняя Мэйн-стрит, удаленная от голубых вспышек полицейских машин и яркого света телевизионных ламп, была почти пуста.

Почти.

Снова и снова машины и фургончики парковались на свободном участке перед «Необходимыми вещами». Снова и снова к новому магазину подходили пешеходы, хотя витринные лампы были пога-

шены, и тент отбрасывал глубокую тень на дверь. Снова и снова один человек отделялся от толпы зевак и шел вверх по улице мимо пустьера, где когда-нибудь будет стоять новый супермаркет, по направлению к новому магазину.

Никто не замечал этого ручейка посетителей — ни полиция, ни толпы репортеров, ни телевизионные бригады, ни большинство рядом стоящих. Все они смотрели на место преступления, и все они повернулись спиной к месту, удаленному менее чем на триста ярдов, где преступление все еще совершалось.

Если бы кто-нибудь из наблюдателей бросил бы взгляд на «Необходимые вещи», он или она поняли бы картину происходящего. Посетители подходили. Посетители видели в витрине объявление, гласящее:

«ЗАКРЫТО ДО ДАЛЬНЕЙШИХ ОБЪЯВЛЕНИЙ».

Посетители отступали назад, и на их лицах появлялось одинаковое выражение разочарования — они выглядели как наркоманы, которые спешили на встречу и вдруг обнаружили, что поставщик не появился там, где обещал. «Что же нам теперь делать?» — говорили их лица. Многие опять подходили ближе, чтобы перечитать объявление, как будто второе более внимательное чтение может изменить надпись.

Некоторые сажались в машины и уезжали или же расстроенные и разочарованные шли к зданию муниципалитета, чтобы посмотреть на бесплатное представление. Однако на лицах большинства возникало внезапное выражение понимания. Они выглядели как люди, внезапно постигшие элементарную истину, — как, например, построить грамматически простое предложение или привести дроби к общему знаменателю.

Эти люди заворачивали за угол в служебный переулок, с тыльной стороны заведений на Мэйн-стрит — в тот переулок, где Туз припарковал прошлой ночью «такер-талисман».

Из открытой двери падала полоса желтого света. По мере того, как день угасал, этот свет становился ярче. В центре полосы находилась тень, похожая на силуэт, вырезанный из черного крепя. Тень принадлежала, разумеется, мистеру Гаунту.

Он поставил в дверном проеме стол. На нем стоял ящик для сигар. Деньги, которые давали ему покупатели, он спускал в этот ящик и оттуда извлекал сдачу. Его клиенты приближались неуверенно, иногда даже со страхом. Но их объединяло одно: это были обозленные люди, имевшие на кого-то зуб. Некоторые — немногие уходили, не дойдя до самодельного прилавка мистера Гаунта. Некоторые бежали, широко раскрыв глаза от испуга, однако большинство оставалось для того, чтобы довести свое дело до конца. И когда мистер Гаунт рассчитывался с ними, проводя свою странную коммерцию через заднюю дверь, как будто бы отдыхая от длинного трудового дня, они расслаблялись.

Мистеру Гаунту нравился его магазин, он никогда не чувствовал себя так удобно за стеклянными прилавками и под крышей, как здесь, на свежем воздухе, когда первый бриз надвигающейся грозы трепал его волосы. В магазине с его яркими огнями от закрепленных на потолке ламп было уютно... но здесь было лучше. Здесь всегда было лучше.

Он начал свой бизнес много лет назад, как путешествующий коробейник на дорогах дальних стран, коробейник, который носит свой товар за спиной. Коробейник, который всегда появляется с наступлением темноты и всегда уходит на следующее утро, оставляя за собой кровь, ужас и несчастья. Спустя годы, когда в Европе свирепствовала чума и катились катафалки, он переезжал из города в город, из страны в страну на тележке, влекомой тощей белой лошастью с ужасающими горящими глазами и языком черным, как сердце убийцы. Он продавал свой товар с задка повозки... и исчезал до того, как его покупатели, которые платили мизерную цену, а иногда и отделялись бартером, наконец, понимали, что за товар они приобрели.

Менялись времена, менялись методы, лица тоже менялись. Но когда в лицах возникала необходимость, они всегда были одними и теми же: лица овец, которые потеряли своего пастуха. Это был тот вид коммерции, в котором он чувствовал себя как рыба в воде, почти как странствующий коробейник старых времен, который стоял не за блестящим прилавком рядом со шведским кассовым аппаратом, а за грубо сколоченным деревянным столом, доставая сдачу из коробки для сигар и снова, и снова продавая им одну и ту же вещь. Товары, которые так привлекали местных жителей Кастр Рока — черный жемчуг, святые реликвии, карнавальные очки, трубки, старые комиксы, бейсбольные открытки, античные калейдоскопы — кончились.

Мистер Гаунт занимался своим истинным бизнесом, и в конце концов этот истинный бизнес был одним и тем же. Вид продаваемой вещи с годами менялся, как и все остальное, но это было поверхностным изменением, чтобы подсластить ту самую горькую пилюлю.

Но в конце мистер Гаунт продавал всегда им оружие... и они его всегда покупали.

— О, спасибо, мистер Вобертон, — говорил мистер Гаунт, беря пятидолларовую купюру у чернокожего дворника. Он протягивал ему обратно один доллар и один из автоматических пистолетов, которые Туз привез из Бостона.

— Спасибо, мисс Милликен! — Он брал десять долларов и протягивал обратно восемь.

Он брал с них столько, сколько они могли предложить — ни пенни больше и ни пенни меньше. Каждый расплачивался так, как хотел мистер Гаунт. Потому что все его вещи были нужными. Каждому в соответствии с его возможностями — было девизом мистера Гаунта, — а не в соответствии с его потребностями, потому что все его товары были нужными вещами и он пришел сюда, чтобы дать им то, о чем они мечтали.

— Рад вас видеть, мистер Эммарсон!

Да, это было очень приятно — вести торговлю по старинке. И торговля никогда не шла лучше.

Алана Пэнгборна не было в Кастл Роке. Пока репортеры и полицейские собирались в одном конце Мэйн-стрит, а Лиленд Гаунт на склоне холма занимался торговлей, Алан сидел в комнате медсестры в отделении больницы Северного Камберленда в Бридж-тоне.

Отделение было небольшое — всего четырнадцать палат, но недостаток места компенсировался цветом стен. Они были раскрашены яркими тонами. С потолка свисали яркие фигуры птичек, кивающих и вращающихся вокруг оси.

Алан сидел перед огромной фреской, которая представляла собой попури на стихи Матушки Гусыни. Одна часть картины представляла собой человека, склонившегося над столом и протягивающего руку мальчику, который смотрел на него испуганно и восхищенно. Что-то в этом рисунке поразило Алана, и ему вспомнились забытые детские стишки.

Руки Алана покрылись гусяней кожей — маленькими бугорочками, похожими на капли холодного пота. Никогда в своей жизни он не чувствовал себя таким потрясенным, потерянным и глубоко шокированным, как сейчас. В Кастл Роке случилось что-то, что совершенно выходило за рамки его понимания. Явно это проявилось только сегодня после обеда, когда показалось, что все в одно мгновение взлетело в небо, но началось это несколько дней тому назад. Он не знал, что это, но был уверен, что Нэтти Кобб и Вилма Ежик были только первым звонком.

И он с ужасом думал, что все эти события продолжают развиваться как раз в тот момент, когда он сидит здесь и вспоминает детские стишки.

Медсестра мисс Хендри, как гласил значок на ее груди, шла по коридору на слегка поскрипывающих каучуковых подошвах, грациозно обходя разбросанные по всему полу игрушки. Когда Алан пришел, полдюжины ребятишек, которые с руками в гипсе или на подвязках, играли в холле, меняясь игрушками и невообразимо шумя. Сейчас было время ужина и они разошлись по своим комнатам.

— Как он? — спросил Алан у мисс Хендри.

— Никаких изменений, — она посмотрела на Алана с холодным, почти враждебным выражением. — Спит. Он должен спать. Он перенес сильный шок.

— Что слышно о его родителях?

— Мы позвонили на место работы его отца в Южный Париж. У него сегодня была работа в Нью Хемпшире. Он уехал домой, как я поняла. Ему сообщат, когда он приедет. Я думаю, что он будет здесь около девяти, точно сказать не могу.

— А что с его матерью?

— Я не знаю, — ответила мисс Хендри.

Теперь враждебность ее ощущалась более явно, но она была уже направлена не на Алана.

— Звонила не я. Я знаю только, что вижу — ее здесь нет. Этот маленький мальчик видел, как его брат застрелился. А теперь, извините меня, я должна разложить лекарства.

— Разумеется, — пробормотал Алан.

Он посмотрел, как она уходит, а затем поднялся с кресла.

— Мисс Хендри?

Она обернулась. Ее взгляд был еще спокоен, но поднятые брови выдавали раздражение.

— Мисс Хендри, мне действительно необходимо поговорить с Шоном Раском. Мне очень нужно поговорить с ним.

— Да? — Ее голос был холоден.

— Что-то... — внезапно Алан подумал о Полли, и его голос дрогнул. Он откашлялся и начал снова.

— Что-то происходит у нас в городе. Я уверен, что самоубийство Брайана Раска составляет только часть этого. Я также уверен, что Шон Раск может дать ключ ко всему остальному.

— Шериф Пэнгборн, Шону Раску семь лет. И если он действительно что-то знает, почему здесь нет других полицейских?

«Других полицейских, — подумал он. — Она очевидно имеет в виду настоящих полицейских. Полицейских, которые не допрашивают двенадцатилетних мальчиков прямо на улице, а после этого не посылают их домой, чтобы они совершили самоубийство в гараже».

— Потому, что у них по горло своих дел, — ответил Алан, — и потому, что они не знают город так как я.

— Понятно. — Она повернулась, чтобы уйти.

— Мисс Хендри.

— Шериф, я очень занята сегодня, и поэтому...

— Брайан Раск не единственный, кто погиб сегодня в Кастл Роке. Есть еще трое. Хозяин местной таверны доставлен в больницу в Норвее с огнестрельными ранениями. Он должен выжить, но с ним можно будет поговорить по меньшей мере через тридцать шесть часов. И у меня есть подозрение, что убийства на этом не прекратятся.

Ему, наконец, удалось переломить ее отношение.

— И вы считаете, что Шон Раск знает что-нибудь об этом?

— Он может знать, почему его брат совершил самоубийство. Если это так, это может объяснить и все остальное. Так вы скажете мне, когда он проснется?

Она поколебалась, затем ответила:

— Это зависит от состояния мальчика. Я не могу позволить вам довести его до истерики. Независимо от того, что происходит в вашем городе.

— Я понимаю.

— В самом деле? Хорошо.

Она окинула его взглядом, говорящим: тогда просто сидите здесь и не беспокойте меня, а затем опять вернулась за свой столик. Она села — он слышал, как она переставляет бутылочки и коробочки на медный чайный тележке.

Алан встал, подошел к таксофону в холле и опять набрал номер Полли. И снова не мог дозвониться. Он позвонил в швейную мастерскую, услышал автоответчик и повесил трубку. Потом вернулся в свое кресло и опять уставился на фреску.

«Вы забыли задать мне один вопрос, мисс Хендри, — подумал Алан. — Вы забыли спросить меня, почему я здесь, если так много

работы в той части округа, которую я обязан охранять и защищать. Вы забыли спросить меня, почему я не веду расследование в то время, как здесь мог бы сидеть какой-нибудь менее значительный чин, например, Сит Томас, и дожидаться, когда проснется Шон Раск. Вы забыли спросить меня об этом, мисс Хендри, а я знаю секрет. Я рад, что вы забыли. Вот в чем секрет».

Причина была проста и унизительна. За исключением Портленда и Бангора, расследование убийств является прерогативой не шерифа, а полиции штата. Генри Пэйтон смотрел сквозь пальцы на случай Нэтти и Вилмы. Но в этом случае он смотреть сквозь пальцы не мог. Он не мог себе это позволить. Представители всех газет и телестанций южной части Мэна находились сейчас либо в Кастл Роке, либо на пути к нему. Вскоре к ним присоединятся их коллеги со всего штата... А если, как предполагал Алан, происшествия на этом не закончились, то скоро к ним присоединятся представители масмедии с юга.

Такова была реальная ситуация, но это не изменяло чувств Алана. Он чувствовал себя как нападающий, который не может выполнить хороший удар и которого тренер отослал в раздевалку. Это было непередаваемо плохое ощущение. Он сидел перед детскими картинками и снова и снова анализировал потери.

Лестер Пратт мертв. Он явился в приступе ревности и напал на Джона Ля Пуана. Это было, видимо, связано с его девушкой, хотя до того как приехала «скорая помощь», Джон говорил Алану, что не встречался с Салли больше года.

— Я только ош-тан-ав-лиал-ся ш ней на улице, штобы по-ждоровать-ся, и даше тогда она не замешала меня. Она решила, што я иж тех, кто отправитшя в ад. — Он коснулся своего сломанного носа и вздрогнул. — Я шей-ша-ш шам чув-штвую шебя, как отправляющий-ся в ад.

Сейчас Джон находился в Норвее со сломанным носом, сдвинутой челюстью и, возможно, с повреждениями внутренних органов.

Шейла Бригхэм также лежала в больнице.

Хью Прайст и Билли Таппер — оба мертвы. Эта новость пришла как раз в тот момент, когда отправляли Шейлу в больницу. Звонок поступил от поставщика пива, у которого хватило здравого смысла позвонить сперва в «скорую помощь», а потом в офис шерифа. Этот человек почти в такой же истерике, как Шейла Бригхэм. И Алан не осуждал его. К тому времени он сам был почти в истерике.

Генри Бьюфорд сейчас в критическом состоянии в результате нескольких огнестрельных ранений.

Норрис Риджвик пропал... и это почему-то ранило больше всего.

Алан начал искать его после того, как поступил звонок от продавца пива, но Норрис уже ушел. Сперва Алан предположил, что он, видимо, отправился, чтобы формально арестовать Дэнфорда, и вскоре появится, ведя на буксире председателя городского управления. Но скоро обнаружил, что никто не арестовывал Китона. Алан подумал, что его арестовала полиция штата, когда наткнулась на него в ходе других линий расследования, но этого тоже не случилось. У них были более важные дела. Норрис просто ушел. Где бы он ни

был, он ушел пешком; когда Алан покидал город, «фольксваген» Норриса все еще лежал на боку в центре нижней Мэйн-стрит.

Очевидцы показали, что Пират пролез в «кадиллак» через окошко и просто удрал. Единственный человек, который пытался остановить его, сильно за это поплатился. Скотт Гарсон был госпитализирован в северном Камберленде со сломанной челюстью, сдвинутой скулой, переломом кисти и трех пальцев. Могло быть и хуже; очевидцы показали, что Пират сознательно пытался переехать его, когда тот лежал на дороге.

У Ленни Партриджа сломана ключица и бог знает сколько переломов. Он тоже был здесь. Энди Клаттербарк как раз вошел с этим новым известием, когда Алан пытался осознать тот факт, что председатель городского управления сбежал от правосудия, будучи прикованным к большому красному «кадиллаку». Хью Прайст остановил Ленни, вышвырнул на дорогу и уехал на автомобиле старика. Алан подумал, что они могут найти автомобиль Ленни на стоянке перед «Захмелевшим Тигром», так как Хью закончил свой путь именно там.

И, разумеется, был еще Брайан Раск, который проглотил пулю в возрасте двенадцати лет. Клатт едва начал рассказывать свою историю, как опять зазвонил телефон. К тому времени Шейлы уже не было и Алану пришлось услышать голос кричащего, плачущего ребенка — Шона Раска, который набрал номер на ярко-оранжевом кухонном телефоне.

Одна за другой в Кастл Рок прибывали машины скорой помощи и из службы риска из четырех различных городов.

Теперь, сидя спиной к фреске и наблюдая за пластиковыми птичками, которые кивали, вращаясь вокруг своей оси, Алан вновь и вновь возвращался к Хью и Ленни Партриджу. Их стычка не была самой крупной из тех, что произошли сегодня в Кастл Роке, но одной из самых загадочных, и Алан чувствовал, что ключ ко всему делу нужно искать в самой этой загадочности.

— Почему, черт подери, Хью не воспользовался своим собственным автомобилем, если он был зол на Генри Бьюфорда? — спросил Алан Клатта, ероша рукой волосы, которые и без того были в диком беспорядке. — Зачем ему нужно было возиться с этим куском дерма?

— Потому что его «бьюик» стоял на четырех спущенных шинах. Это выглядело так, как будто кто-то проколол шины, — заметил Клатт, беспокойно глядя на разгром, учиненный в офисе шерифа. — Может быть, он подумал, что это сделал Генри Бьюфорд.

Да, думал Алан, сейчас, может быть, это и так. Это сумасшествие, но разве меньше сумасшествия в том, что Вилма Ежик решила, что именно Нэтти Кобб сперва забрызгала грязью ее простыни, а затем бросала камни в ее окна? А как объяснить то, что Нэтти приписала Вилме убийство своей собаки?

Раньше, чем ему удалось подробнее расспросить Клатта, вошел Генри Пэйтон и сказал Алану, насколько мог мягко, что берет расследование на себя. Алан кивнул.

— Генри, есть одна вещь, которую ты должен выяснить как можно быстрее.

— Что именно Алан? — Спросил Генри с наигранным интересом, но Алан увидел, что Генри неохотно слушает его. Его старый друг, первый настоящий друг, которого Алан приобрел среди представителей закона после того, как получил должность шерифа, и как оказалось, очень ценный друг, уже сосредоточился на других проблемах, главная из которых состояла, вероятно, в том, как развернуть силы при наличии такого большого количества инцидентов.

— Ты должен выяснить, был ли Генри Бьюфорд так же зол на Хью Прайста, как Хью на него. Я понимаю, что сейчас его нельзя допрашивать, потому что он без сознания, но когда он очнется...

— Обязательно сделаем, — ответил Генри и похлопал Алана по плечу. — Сделаем.

Затем повышая голос:

— Брукс! Моррисон! Все сюда!

Алан смотрел, как он уходит, и думал о том, что нужно пойти за ним, что нужно остановить его и заставить слушать. Он не сделал этого, потому что Генри и Хью, Лестер и Джон, даже Вилма и Нэтти начали утрачивать для него реальную значимость. Мертвые были мертвыми, раненые под присмотром, преступления продолжали совершаться.

Однако у Алана было ужасное змеиное предчувствие, что настоящее преступление все еще впереди.

Когда Генри ушел, чтобы проинструктировать своих людей, Алан опять вызвал Клатта. Заместитель явился, засунув руки в карманы, с угрюмым выражением лица.

— Нас сместили, Алан, — сказал он. — Нас вывели из игры. Черт побери!

— Не полностью, — возразил Алан, надеясь, что его голос прозвучит именно так, как он этого хочет. — Ты будешь моим связным, Клатт.

— Куда ты направляешься?

— В дом Расков.

Но когда он пришел туда, Брайана и Шона Раска уже не было. Карета скорой помощи, которая позаботилась о незадачливом Скотте Гарсоне, захватила с собой и Шона. Они были на пути в госпиталь Северного Камберленда. Вторая машина Гарри Сэмьюэлса, старый «линкольн» с открытым верхом, захватила Брайана Раска и повезла его в Оксфорд на аутопсию. Лучший автомобиль Гарри — тот, который он называл «Автомобиль компании», — уже уехал туда же, увозя Хью и Билли Тапера.

Алан подумал, что трупы будут сложены в маленьком морге штабелем.

Когда Алан дошел до дома Раска, он осознал, насколько полно их вывели из игры. Двое парней Генри уже побывали здесь раньше него, и они дали ясно понять, что Алан может находиться сколько угодно в одной лодке только до тех пор, пока он не будет хвататься за весла и помогать им грести. Он стоял в проеме кухонной двери несколько секунд, наблюдая за ними и чувствуя себя настолько же полезным, как третье колесо в мотороллере. Кора Раск отвечала медленно, будто находилась под действием наркотиков.

Алан подумал, что это, видимо, шок или, может быть, результат действия врачей, которые, перевоза в больницу ее сына, оказали ей профилактическую помощь. Он вспомнил взгляд Норриса, который он бросил через окно перевернутого «фольксвагена». Но было ли это действие транквилизаторов или просто шока, — в любом случае детективы не могли добиться от нее ничего ценного. Она совершенно не была заплаканной, но она явно была не способна сосредоточиться на их вопросах, чтобы дать какие-либо полезные сведения. Она отвечала, что ничего не знает. Она была наверху и вздремнула. «Бедный Брайан», — постоянно говорила она. «Бедный, бедный Брайан». Но она произносила все эти сентенции тоном, который показался Алану пугающим, и постоянно крутила в руках защитные очки. Одна из дужек была обмотана липкой лентой, одно из стекол треснуло.

Алан покинул дом Расков и поехал в больницу.

Он поднялся и направился к телефону. Он снова попытался получить ответ от Полли, но не дозвонился. Затем он позвонил в офис шерифа.

— Полиция штата, — прорычало из трубки, и Алан почувствовал, как его охватывает волна детской ревности. Он представился и попросил Клатта. Продав почти пять минут, он услышал его голос.

— Извини, Алан. Они просто положили трубку на стол. Хорошо, что я пришел проверить, иначе ты бы все еще дожидался. Они совершенно нас игнорируют.

— Не переживай, Клатт. Кто-нибудь уже задержал Китона?

— Ну... я не знаю, как тебе сказать об этом, Алан, но...

Алан почувствовал, как у него засосало под ложечкой. Он оказался прав: на этом не закончилось.

— Ты просто скажи мне, — ответил он. — И не заботься о протоколе.

— Пират, — я хотел сказать, Китон — поехал домой и с помощью отвертки отбил ручку «кадиллака». Ты знаешь, он был к ней прикован.

— Я знаю, — подтвердил Алан. Его глаза были закрыты.

— Так вот... он убил свою жену. Молотком. Ее обнаружили не копы штата, они вообще заинтересовались Пиратом всего двадцать минут назад. Это Сит Томас. Он заехал в дом к Китону, чтобы проверить, что там. Он сообщил, что он там обнаружил, и вернулся пять минут назад. Он говорит, что у него ноет в груди, я не удивлен. Он сказал мне, что там повсюду валяются ее волосы и кусочки кожи. Теперь на холме около взвода голубых курток Пэйтона. Я отправил Сита в твой офис. Пусть лучше посидит, чем упадет.

— Боже мой, Клатт, пошли его к Рэй Ван Аллену, и быстро. Ему же шестьдесят два, и он всю свою чертову жизнь курит «Кэмел».

— Рэй уехал в Оксфорд, Алан. Он пытается помочь докторам вытащить Генри Бьюфорда.

— Тогда к его помощнику — как его там? Франкел. Эверет Франкел.

— Его нигде нет. Я пытался позвонить домой и на работу.

— А что говорит его жена?

— Эв холостяк, Алан.

— Ах, да, черт.

Кто-то нацарапал над телефоном на стенке «Не волнуйтесь, будьте счастливы». Алан угрюмо посмотрел на надпись.

— Я могу сам доставить его в больницу, — предложил Клатт.

— Ты мне нужен там, где ты есть, — отрезал Алан. — У вас появились репортеры и телевизионщики?

— Да. Город ими переполнен.

— Ладно, посмотри, как будет себя чувствовать Сит. Если ему не станет лучше, то сделай вот что: выгляни на улицу, захвати первого попавшегося репортера, какого увидишь, и заставь его отвезти Сит сюда, в Северный Камберленд.

— Ладно, — Клатт поколебался немного, затем выпалил: — Я хотел зайти посмотреть, что произошло у Китона, но полиция штата... Они даже не пустили меня на место преступления! Как тебе это нравится, Алан? Эти засранцы не пустили заместителя шерифа округа на место преступления!

— Я понимаю, как ты себя чувствуешь. Мне тоже совершенно не нравится. Но они же делают свое дело. Ты видишь Сита с того места, где стоишь, Клатт?

— Да.

— Ну и как? Он жив?

— Он сидит за твоим столом, курит и рассматривает «Претворение в жизнь законов в сельской местности».

— Отлично, — ответил Алан. Он чувствовал себя так, будто ему хочется или смеяться, или плакать, или то и другое вместе.

— С этим ясно. Полли не звонила?

— Подожди секунду, тут есть журнал. Я думал он исчез. Она звонила примерно в три тридцать.

Алан скривился.

— Об этом звонке я знаю. А позже не звонила?

— Насколько я знаю, нет. Но после того, как уехала Шейла и вокруг эти медведи из штата, разве можно что-то знать наверняка?

— Спасибо, Клатт, есть еще что-то, что необходимо мне знать?

— Да, еще пара вещей.

— Выкладывай.

— Они взяли на исследование пистолет, из которого Хью застрелил Генри, но Фридман из полиции штата заявил, что не знает, какой он системы. Какой-то вид автоматического пистолета, но он сказал, что никогда с таким не сталкивался.

— Ты уверен, что это был Дэвид Фридман? — Переспросил Алан.

— Фридман, точно, — так зовут этого парня.

— Но он должен знать. Дэйв Фридман — это ходячая Библия стрелкового оружия.

— И тем не менее он не знает. Я был здесь, когда он разговаривал с твоим приятелем Пэйтоном. Говорит, что это похоже на германский маузер, но отсутствует обычная маскировка и подвижные части немного не такие. Я думаю, они послали его в Аугусту вместе с тонной других улик.

— Что еще?

— Они нашли анонимную записку во дворе Генри Бьюфорда, — сказал Клатт. — Она была скомкана и лежала возле машины Генри — ты знаешь его классический «буревестник»? Он тоже был изуродован. Как и машина Хью.

Алан почувствовал, как большая и мягкая рука ударила его по лицу.

— Что было в этой записке, Клатт?

— Минутку. — послышался легкий шелестящий звук, с которым Клатт перелистывал блокнот. — *«Не вырубай меня и не забирай ключи от машины, проклятая лягушка».*

— Лягушка?

— Так и было написано. — Клатт нервно хихикнул. — Слово «лягушка» было подчеркнуто.

— И ты сказал, что автомобиль был испорчен?

— Совершенно верно. Шины порезаны, как у Хью. И огромная царапина с пассажирской стороны.

— Отлично, — сказал Алан. — Для тебя есть еще работа. Сходи в парикмахерскую, а потом, если нужно, в бильярдную. Выясни, кого Генри вышвыривал из бара на этой или прошлой неделе.

— Но полиция штата...

— К черту полицию штата, — эмоционально выкрикнул Алан. — Это наш город. Мы знаем, кого нужно спросить и где кого найти. Может быть, ты мне скажешь, что не сможешь найти нужного человека за пять минут?

— Конечно смогу, — ответил Клатт. — Я видел Чарли Фортэна, когда он проходил со стороны холма и поздоровался с двумя парнями перед «Вестерн Авто». Если Генри пободался с кем-нибудь, то Чарли должен знать, кто это. Ведь «Тигр» — это второй родной дом Чарли.

— Правильно. А полиция штата допрашивала его?

— Ну... нет.

— Нет. Так что пойди и расспроси его. Но я знаю, что мы оба уже знаем ответ, не так ли?

— Хью Прайст, — подтвердил Клатт.

— Я в этом ни секунды не сомневаюсь, — сказал Алан. Он подумал, что, несомненно, это же выяснит и Генри Пэйтон.

— Хорошо, Алан. Я этим займусь.

— И перезвони мне в ту же минуту, когда узнаешь. В ту же секунду.

Он назвал Клатту свой номер, затем заставил повторить его, чтобы проверить, что тот правильно записал.

— Я займусь, — сказал Клатт, потом вдруг яростно взорвался, что происходит, Алан? Черт подери, что здесь происходит?

— Я не знаю.

Алан чувствовал себя очень старым, очень усталым... и злым. Он злился уже не на Пэйтона, который занял его место, а на того, кто устроил этот чудовищный фейерверк. И он все более и более уверял себя, что, доискавшись до сути, они найдут тот единственный источник, который все это вызвал. Вилма и Нэтти. Генри и Хью. Лестер и Джон. Кто-то сводит их вместе, как пакетики со взрывчаткой.

— Я не знаю, Клатт, но мы выясним это.

Он повесил трубку и опять набрал номер Полли. Чувство, что ему срочно необходимо поговорить с ней, чтобы все исправить, чтобы понять, что именно привело ее в такую ярость, поблекло. Его начало замещать другое чувство, которое даже более беспокоило его: глубокий, беспричинный ужас, все более усиливающееся ощущение, что она в опасности.

Дзинь, дзинь, дзинь... ответа не было.

Полли я люблю тебя и нам необходимо поговорить. Пожалуйста, возьми трубку. Полли, я люблю тебя и нам надо поговорить. Полли, возьми трубку. Полли, я люблю тебя...

Заунывной молитвой снова и снова всплывали эти слова в его голове. Он хотел позвонить Клатту и попросить немедленно проверить, что с ней, но не стал. Нельзя было допустить, чтобы в городе оказались другие пакеты взрывчатки.

Да... но если Полли один из них? Эта мысль разбудила какие-то глубокие ассоциации, но он не мог ухватиться за них, и они уплыли.

Алан медленно повесил трубку, опустив ее на рычаг на середине звонка.

3

Полли не могла больше этого переносить. Она перекаtilась на бок, потянулась к звонившему телефону... но он вдруг замолчал на середине звонка.

«Хорошо, — подумала она. — Но так ли это было».

Она лежала на кровати, прислушиваясь к звуку приближающейся грозы. На втором этаже было жарко, как в середине июля, но открыть окна было нельзя, потому что она еще неделю назад попросила Дэйва Филипса, одного из местных мастеров-умельцев, поставить вторые рамы и утеплить дверь. Она сняла старые куртку и джинсы, которые она надевала для поездок за город, и аккуратно сложила их на стул у двери. Теперь она лежала в одном белье на кровати, чтобы немного вздремнуть перед душем, но заснуть не могла.

Отчасти это было из-за звуков сирен, но отчасти и из-за Алана, из-за того, что сделал Алан. Она не могла осмыслить это нелепое предательство всего, что она любила и чему она доверяла. Ее сознание воспринимало и другое (например — эти сирены, которые гудят, будто наступил конец света), а затем снова в ее сознании появлялся он: он действует за ее спиной, он выслеживает. Как будто ее ткнули обломанным куском доски в нежное и потайное место.

— О, Алан, как ты мог? — спрашивала она его снова и снова.

Голос, который ей ответил, удивил ее. Это был голос тетушки Эвви. И при всей сухости этого голоса, Полли чувствовала беспокойство и сильный гнев.

«Если бы ты сказала ему правду с самого начала, девочка, ему бы никогда не пришлось этого делать».

Полли быстро села. Этот голос взволновал ее, конечно, но еще больше взволновал ее тот факт, что это был ее собственный голос. Тетушка Эвви давно мертва. Это ее подсознание использовало голос

тетушки Эвви, чтобы выразить свой гнев таким образом, каким чревовещатель использует свою куклу, чтобы попросить у девушки о свидании, но...

Остановись, девочка, не говорила ли я тебе однажды, что этот город полон привидений? Может быть, это я, может быть.

Полли вскрикнула и, боясь заплакать, прижала руку ко рту.

А, может быть, и нет. В конце концов кого это волнует, не так ли? Вопрос звучит так, Триша: кто первым согрешил? Кто первым солгал? Кто первым скрыл? Кто бросил первый камень?

— Это не честно! — выкрикнула Полли в горячее пространство и затем посмотрела на свое испуганное, с округлившимися глазами отражение в зеркале спальни. Она ждала, что голос тетушки Эвви вернется, и, не услышав его, медленно легла обратно.

Может быть, она действительно согрешила первой, если скрыть часть правды и добавить немного белой лжи было грехом. Может быть, она первой скрыла. Но это не дает Алану права подвергать ее расследованию, может офицер вести расследование против знакомого ему лица, дает ли это ему право посылать ее имя по какому-то специальному телеграфу... или писать на нее запрос, или как они там называют... или... или...

«Не волнуйся, Полли, — прошептал голос, знакомый ей голос. — Не терзай себя тем, что является частью твоего собственного поведения. Ты же чувствуешь вину в его голосе».

— Да! — Яростно пробормотала она в подушку. — Это так, так! Как насчет этого, тетя Эвви?

Ответа не было... Только странное легкое напряжение

(вопрос в том, Триша)

в ее подсознании. Как будто она забыла что-то, не учла чего-то

(тебе нравится сладкое, Триша)

в уравнении.

Полли беспокойно перевернулась на другой бок и азка соскользнула по округлости ее груди. Она услышала, как что-то тихонько скребется в серебре о стены своей темницы.

«Нет, — подумала Полли, — это просто что-то скользит. Что-то инертное. Эта мысль о том, что что-то живое действительно есть там... это просто воображение».

«Скряб-скряб-скряб».

Серебряный шарик легонько позванивал между белой хлопковой чашечкой ее бюстгалтера и покрывалом кровати.

«Скряб-скряб-скряб».

— Эта вещь живая, Триша, — сказала тетя Эвви. — Эта вещь живая, и ты знаешь это.

— Не будь глупой, — сказала ей Полли, отдергиваясь в другую сторону. — Как может жить там какое-либо существо? Конечно, оно может дышать через эти маленькие дырочки, но что же оно ест?

— Может быть, — ответила тетя Эвви с мягкой непреклонностью, — оно ест ТЕБЯ, Триша.

— Полли, — пробормотала она, — меня зовут Полли.

В этот раз напряжение в ее подсознании было сильнее — что-то пугающее, и на секунду она почти смогла ухватить его. Вдруг опять начал звонить телефон. Она перевела дыхание и села, сохраняя на

лице выражение усталого испуга. Гордость и влечение боролись в ней.

— Поговори с ним, Триша, чему это повредит? Лучше просто послушать его. Ведь ты так часто делала это раньше.

— Я не хочу говорить с ним. Особенно после того, что он сделал.

— Но ты все еще любишь его.

Да, это была правда. Но только сейчас она ненавидела его.

Голос тети Эвви возник еще раз, взорвавшись гневом в ее сознании.

— Ты хочешь оставаться приведением всю свою жизнь, Триша? Что с тобой, девочка?

Полли потянулась к телефону, смеясь над своей нерешительностью. Ее рука, свободная, не чувствующая боли рука, остановилась возле самой трубки. Потому что, возможно, это не Алан. Возможно, это мистер Гаунт хочет сказать ей, что он еще не покончил с ней, что она не погасила свой долг.

Она сделала еще одно движение к телефону — на этот раз кончики ее пальцев действительно коснулись пластикового покрытия — и затем отдернула руку. Она схватила ее другой рукой и нервно прижала к животу. Она боялась того, что мистер Гаунт (или Алан) расскажет всему городу о ее мертвом сыне. Боялась того воя сирен и мчащихся автомобилей.

Но больше всего, казалось, она боится самого Лиленда Гаунта. Она чувствовала себя так, как будто кто-то привязал ее к языку огромного колокола, колокола, который одновременно оглушит ее, сведет ее с ума и сотрет в порошок, если начнет звонить.

Телефон замолчал.

Снаружи начала выть еще одна сирена, и как только она начала стихать в направлении к Тин Бридж, опять загредел гром. На этот раз значительно ближе.

— Сорви его, — шептал голос тети Эвви. — Сорви его, дорогая. Ты можешь это сделать — его сила в необходимости, не в воле. Сорви его. Пусть он не владеет тобой.

Но она смотрела на телефон и вспоминала ту ночь — ведь это было меньше недели назад? Когда она дотянулась до него и коснулась пальцами, столкнув на пол. Она вспомнила боль, которая сжимала ее руки, как голодная крыса с поломанными зубами. Она не может вернуться к этому. Просто не может.

Не может?

— Что-то грязное происходит сегодня в Кастл Роке, — сказала тетя Эвви. — Ты хочешь проснуться завтра и обнаружить, как много в этом ТВОЕЙ грязи? Это та цена, которую ты согласна заплатить, Триша?

— Ты не понимаешь, — простила она. — Это не касалось Алана, это касалось Туза! Туза Мерилла! И он заслуживает того, что получил!

Неумолимый голос тети Эвви повторил: — в таком случае ты сделала это, дорогая. Ты сделала это.

В двадцать минут седьмого вечером во вторник, когда приближались грозовые тучи и вместо сумерек наступила темнота, офицер полиции штата, который заменил в диспетчерской Шейлу Бригхэм, зашел в офис шерифа. Он обошел огромную площадку, обведенную красными линиями и обозначенную как «МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ», и подошел к Генри Пэйтону.

Пэйтон выглядел взъерошенным и несчастным. Предыдущие пять минут он провел, беседуя с леди и джентльменами из прессы и как будто его облили патокой и заставили валяться в куче гниющего дерьма, кишашего муравьями. Его заявление не было должным образом подготовлено, то есть не было так неприступно и запутанно, как бы ему хотелось. Ребята из телевидения выкручивали ему руки. Они хотели вставить свои сообщения, они должны были вставить их, в выпуск местных новостей, которые выходят с шести до половины седьмого. Если бы он не бросил им какую-нибудь кость, они бы распяли его в одиннадцать. Они были близки к тому, чтобы распять его и сейчас. Как никогда за всю свою карьеру, он был близок к тому, что у него нет ключа к раскрытию преступления. Он не покинул эту импровизированную пресс-конференцию; он просто удрал с нее.

Пэйтон поймал себя на мысли, что ему более внимательно нужно было прислушаться к тому, что говорил ему Алан. Когда он прибыл, то ему казалось, что его работой будет расследование происшествия. Теперь он сомневался в этом, потому что за время, пока он занимался расследованием, произошло еще одно убийство. Женщина по имени Китон мертва. Ее мужа еще не нашли, может быть, он был где-то за холмами, а может быть, галопировал вокруг этого тихого маленького городка. Человек, который убил свою жену молотком.

Проблема была в том, что он не знал этих людей. Алан и его помощник их знали, но Алана и Риджвика не было. Ля Пуан был в больнице, возможно, надеясь, что врачам удастся выправить его нос. Он оглянулся в поисках Клаттербарка и был почти не удивлен, что тот тоже растворился.

«Ты хотел этого, Генри?» — слышал он голос Алана где-то в глубине своей головы. — «Отлично. Получи. А если тебе нужны подозреваемые, почему бы тебе не заглянуть в телефонную книгу?»

— Лейтенант Пэйтон! Лейтенант Пэйтон! — Это был офицер из диспетчерской.

— Что? — Генри вздрогнул.

— Доктор Ван Аллен. Он хочет поговорить с вами.

— О чем?

— Он не говорит. Он только настаивает, что должен поговорить с вами.

Генри Пэйтон прошел в диспетчерскую как мальчик, который катится по крутому склону на велосипеде со сломанными тормозами. С одной стороны у него каменная стена, с другой — провал, а сзади за ним гонится стая волков с лицами репортеров.

Он взял микрофон.

— Пэйтон, я слушаю.

— Лейтенант Пэйтон, это доктор Ван Аллен. Медицинский эксперт округа.

Голос был глухим и удаленным, и его внезапно прерывали сильные статические разряды. Это, видимо, было из-за приближающейся грозы.

— Да, я знаю, кто вы, — сказал Генри. — Вы доставили в Оксфорд мистера Бьюфорда. Как он, пришел в себя?

— Он.

— Крак-крак, бзз, чшшш...

— У нас помехи, доктор Ван Аллен, — сказал Генри, пытаясь говорить как можно разборчивее. — У нас приближается гроза.

— Пожалуйста, повторите.

— Умер! — прокричал через статические разряды Ван Аллен. — Он умер в больнице, но мы не считаем, что причина его смерти была огнестрельная рана. Вы понимаете? Мы не считаем, что пациент умер в результате огнестрельного ранения. Сперва его мозг подвергся типичной эндеме, и затем погиб. Наиболее вероятный диагноз — воздействие какой-то токсической субстанции, исключительно токсической, которая была внедрена в его кровь при выстреле. Действие той же субстанции через некоторое время буквально разорвало его сердце. Пожалуйста, подтвердите прием.

«О, боже», — подумал Генри Пэйтон. Он оттянул галстук, растегнул верхнюю пуговицу. Затем он опять нажал кнопку передатчика.

— Подтверждаю прием, доктор Ван Аллен, но черт меня раздери, если я понимаю, что это значит.

— Токсин скорее всего был в пулях оружия, которое его ранило. Инфекция распространяется сначала медленно, а затем набирает скорость. У нас две явно очерченные области внедрения — рана щеки и ранение в грудь. Это очень важно для...

— Крак-крак, бзз, шшшр.

— Было. Принято?

— Повторите, доктор Ван Аллен, — Генри взмолился, чтобы человек на том конце просто не бросил трубку. — Повторите, пожалуйста, последнюю фразу.

— У кого сейчас оружие? — прокричал Ван Аллен.

— Дэвид Фридман. Баллистик. Он отвез его в Аугусту.

— Он предварительно разрядил его?

— Да. Это стандартная процедура.

— Это был револьвер или автоматический пистолет? Сейчас это крайне важно.

— Автоматический пистолет.

— Разряжал ли он обойму?

— Он должен сделать это в Аугусте, — Пэйтон тяжело опустился в диспетчерское кресло. Неожиданно ему понадобилось глубоко вздохнуть.

— Нет! Нет, ни в коем случае! Ни в коем случае нельзя этого делать, — вы приняли?

— Я принял, — ответил Генри. — Я отправлю ему сообщение в баллистическую лабораторию, чтобы он оставил эти проклятые пули

в этой проклятой обойме, пока мы не получим дальнейшие данные обо всем.

Он почувствовал детскую радость от сознания того, что это все идет по радио... и он подумал о том, сколько репортеров слушают сейчас его переговоры.

— Послушайте, доктор Ван Аллен, мы не можем обсуждать такие вещи по радио.

— Не беспокойтесь о том, что это станет достоянием гласности, — резко прервал его Ван Аллен. — Мы сейчас говорим о человеческой жизни, лейтенант Пэйтон. Я пытался связаться с вами по телефону, но не смог пробиться. Передайте вашему Фридману, чтобы он внимательно осмотрел свои руки на предмет заусенец, ранок и даже царапин. Если у него есть малейшее повреждение кожи на руках, пусть немедленно обращается в ближайшую больницу. Я не знаю, заражена ли только пуля, или же вся обойма. И это не те вещи, где можно оставлять хоть малейший шанс. Эта дрянь смертельна. Приняли?

— Я подтверждаю, — услышал Генри собственный голос. Он обнаружил, что ему хотелось быть где угодно, но не здесь, а так как он был здесь, он хотел, чтобы Алан Пэнгборн был с ним. С того времени, как он прибыл в Кастл Рок, он все больше и больше чувствовал себя как Кролик Брер, пойманный в Тар Бэби. — Что такое?

— Мы еще не знаем. Это не кураре, потому что до самого конца паралича не было. Кроме того, кураре относительно безболезненно, а мистер Бьюфорд ощущал сильную боль. Все, что мы сейчас знаем, это только то, что он начинает действовать медленно, а затем набирает скорость курьерского поезда.

— Это все?

— Бог мой! — воскликнул Ван Аллен. — Этого недостаточно?

— Да, думаю, что недостаточно.

— Радуйтесь еще...

— Крак-крак, бзз, шшшр.

— Повторите еще, доктор Ван Аллен. Повторите снова.

Сквозь океан разбушевавшегося электричества он услышал, как Ван Аллен повторил:

— Радуйтесь еще, что вы арестовали это оружие. Поэтому оно не смогло нанести большого ущерба.

— Тут вы правы, старина. Конец связи.

5

Кора Раск свернула на Мэйн-стрит и медленно побрела к «Необходимым вещам». Она прошла мимо ярко-желтого фургона «форд-эконолин» с надписью на борту «Канал номер пять: НОВОСТИ», но не заметила Дэнфорда Китона, который смотрел на нее через окно водителя немигающим взглядом. Хотя, вероятно, она не узнала бы его в любом случае. Пират стал, образно говоря, новым человеком. Но если бы она увидела и узнала его, то это бы не имело для нее никакого значения. У нее было много собственных бед и

проблем. Более того, она была в гневе. Но это не касалось ее погибшего сына.

Кора Раск держала в руке разбитые солнечные очки.

Ей казалось, что полиция собирается допрашивать ее без конца... или, по крайней мере, до тех пор, пока она не сойдет с ума. «Уходите!» — хотела она закричать им. — «Прекратите мне задавать эти глупые вопросы о Брайане! Оставьте меня в покое с Королем, и я не могу заставить его ждать!»

Однажды она увидела, как в дверном проеме между кухней и задним входом появился шериф Пэнгборн, скрестив на груди руки. И она чуть было не проговорила ему, подумав, что он должен понять. Он был не таким, как эти остальные, — он был из города, он должен знать о «Необходимых вещах», Алан, наверное, и сам приобрел там что-то особенное для себя, он поймет.

Но вдруг в ее мозгу заговорил мистер Гаунт, спокойно, убедительно, как всегда. «Нет, Кора, не говори с ним. Он не поймет. Он не такой, как ты. Он не добропорядочный покупатель. Скажи им, что ты хочешь отправиться в госпиталь и повидать второго твоего сына. Так ты избавишься от них, по крайней мере, на время. А потом это не будет иметь значения».

Она так им и сказала, и это подействовало, как волшебство. Ей даже удалось выдать при этом одну или две слезы, однако думала она в этот момент не о Брайане, а о том, как должен чувствовать себя Элвис, странствуя по Благословенной Стране без нее. Бедный, брошенный Король!

Они ушли, но два или три из них остались в гараже. Кора не знала, что они там делают, но ей было все равно. Она схватила свои магические очки со столика и бросилась вверх. Как только она зашла в свою комнату, она сбросила с себя халат, легла в кровать и надела очки.

И сразу же оказалась в Благословенной Стране. Облегчение, ожидание и изумительная приподнятость переполняли ее.

Она поднялась по винтовой лестнице в верхний зал, нагая и холодная. Зал был освещен гобеленами с изображением джунглей и был широк почти как проезжая часть дороги. Она шла к закрытой двойной двери в дальнем конце зала, утопая голыми ногами в лежащем на полу ковре. Она увидела, как ее пальцы дотянулись до дверной ручки и схватили ее. Она распахнула дверь, входя в спальню Короля, которая вся была выкрашена в белый и черный — черные стены, белый лохматый ковер, черные драпировки на окнах, белая отделка на черном покрывале кровати — кроме потолка, который был окрашен в темно-синий цвет ночного неба с тысячами мерцающих электрических звезд.

Затем она взглянула на кровать, и увиденное было для нее кошмарным ударом.

Король был в кровати, и он был не один.

На нем сидела, гарцуя, как на пони, Майра Эванс. Когда дверь открылась, она обернулась и уставилась на Кору. Король смотрел только на Майру, мигая своими прекрасными, чуть сонными глазами.

— Майра! — воскликнула Кора. — Что ты делаешь здесь?

— Ну, — самодовольно сказала Майра, — не полы мою.

Дыхание Кору перехватило, она остановилась ошеломленная.

— Хорошо же... хорошо... я покончу с тобой! — выкрикнула она, когда к ней вернулось дыхание.

— Тогда иди и сделай это, — сказала Майра, еще быстрее заработав бедрами, — иними эти глупые очки, когда будешь делать это. Они выглядят по-идиотски. Уходи отсюда. Уходи в Кастл Рок. Мы заняты... правда, Эл?

— Да, моя сладкая, — ответил Король, — заняты, как два праздных клопа на ковре.

Ужас перешел в ярость, и паралич Кору сменился внезапным приступом ярости. Она набросилась на свою так называемую подругу, чтобы выцарапать ей глаза. Как только она подняла скрюченную руку, чтобы сделать это, Майра протянула к ней руку, не пропуская ни одного такта в движении бедрами, и сбила солнечные очки с лица Кору.

Кора от удивления закрыла глаза... и когда она открыла их, она опять лежала в своей собственной кровати. Солнечные очки лежали на полу с разбитыми стеклами.

— Нет, — простонала Кора, склоняясь с кровати. Она хотела закричать, но какой-то внутренний голос, не ее собственный, предостерег ее, что полицейские в гараже могут услышать и сбежаться.

— Нет, пожалуйста, пожалуйста, пожаааалуйста...

Она попыталась вставить кусочки разбитых стекол обратно в золотую оправу, но это было невозможно. Очки были сломаны. Сломаны этой злой неряшливой шлюхой. Сломаны ее подругой, Майрой Эванс. Ее подругой, которая нашла каким-то образом свой собственный путь в Благословенную Страну, ее подругой, которая даже сейчас, когда Кора пыталась собрать вместе кусочки артефакта, который был безнадежно сломан, занималась любовью с Королем.

Кора подняла глаза. Они стали неподвижными, словно блестящие черные щелки.

— Я прирежу ее, — произнесла она грубым тоном. — Клянусь, что я это сделаю.

6

Она прочитала надпись в витрине «Необходимых вещей», на секунду остановилась, а затем прошла в служебный подъезд. Она столкнулась с Френсин Пелеттер, которая на ходу засовывала что-то в косметичку. Кора едва взглянула на нее.

На середине дороги она увидела, что мистер Гаунт стоит за деревянным столом, который стоит поперек открытой задней двери магазина, как баррикада.

— А, Кора! — воскликнул он. — Я рад, что вы пришли.

— Эта стерва! — выпалила Кора. — Эта чертова, маленькая, неряшливая стерва!

— Простите, Кора, — вежливо сказал мистер Гаунт, — но мне кажется, что вы потеряли несколько пуговиц.

Он указал одним из своих странных длинных пальцев на ее платье.

Кора нацепила на себя первое, что смогла найти в гардеробе, на голое тело и смогла застегнуть только верхнюю пуговицу. Ниже платье было расстегнуто вплоть до кудрявых лобковых волос. Ее живот, округлившийся от слишком большого количества сладостей, вишен в шоколаде, которые она съедала во время просмотра «Санта-Барбары» (и прочих шоу), гладко выпирал вперед.

— Кому до этого дело? — огрызнулась Кора.

— Только не мне, — спокойно согласился мистер Гаунт. — Чем я могу вам помочь?

— Эта сука трахала Короля. Она разбила мои очки. Я хочу убить ее.

— В самом деле? — спросил мистер Гаунт, подняв брови. — Что ж, я не могу сказать, что не сочувствую вам, Кора. Это было бы неправдой. Может ли, чтобы женщина, которая похитила у другой мужчину, была прощена? Я не очень-то разбираюсь в этих делах, я всю свою жизнь был бизнесменом, и очень немного могу подсказать в сердечных делах. Но женщина, которая намеренно уложила в постель самое дорогое сокровище другой женщины... да, это действительно более серьезное дело. Вы согласны.

Она начала улыбаться. Это была тяжелая улыбка. Эта была безжалостная улыбка. Улыбка, лишенная здравомыслия.

— Это даже слишком правильно, — сказала Кора Раск.

Мистер Гаунт на мгновение обернулся. Когда он опять повернулся к Коре, в руке у него был автоматический пистолет.

— Может быть, вы ищете что-нибудь вроде этого? — спросил он.

Глава 20

1

После того, как Пират расправился с Миртл, он впал в состояние глубокой депрессии. Казалось, что он утратил всякий интерес к жизни. Он думал о Них, о городе, полностью занятом Ими, но вместо чистого, справедливого гнева, который он чувствовал всего за минуту до этого, сейчас ощущал только усталость и подавленность. Кроме того, у него болела голова. А спина и руки гудели от работы с молотком.

Он посмотрел вниз и увидел, что все еще сжимает в руке молоток. Он разжал руку и выронил его на кухонный линолеум. Большое кровавое пятно расплылось по полу. Целую минуту он стоял и смотрел на это пятно с идиотским вниманием. Оно казалось ему наброском лица его отца, выполненным кровью.

Он прошлепал сквозь гостиную и прошел в кабинет, потирая плечи и предплечья. Цепь наручников раздражающе звенела. Он открыл дверь чуланчика, опустился на колени, порывшись в одежде и вытащил ящик с изображенными на нем иноходцами. Потом неуклюже попятился (свободная петля наручников захватила одну из

туфель Миртл, и он забросил ее обратно, хмуро ругаясь). Он поставил ящик на стол и присел перед ним. Но вместо возбуждения он чувствовал только досаду. Конечно, «Выигрышный Билет» был чудесной вещью, но что он мог теперь с ним делать? Теперь не имело значение, получит он деньги назад или нет. Он убил свою жену. Несомненно, она заслуживала этого, но Они посмотрят на это по-другому. Они с удовольствием засунут его в самую глубокую темную камеру, которую найдут. А потом Они выбросят ключи.

Он увидел, что оставляет на крышке ящика большие кровавые пятна, и посмотрел на себя. Впервые он заметил, что весь покрыт кровью. Его мясистые предплечья выглядели так, будто он весь день проработал мясником на Чикагской бойне. Депрессия снова захлестнула его мягкой черной волной. Они победили его... Ладно. Теперь Они избавятся от него. Он избавится от Них точно так же.

Он встал, уставший до последней степени души, и медленно поднялся вверх. На ходу он раздевался, сбросив туфли посреди комнаты, оставив брюки на ступенях лестницы, затем он полуприсял, чтобы стянуть носки. Даже они были пропитаны кровью. Труднее всего пришлось с курткой. Снять куртку, когда на руке болтаются наручники, оказалось чертовски сложной задачей.

Между убийством миссис Китон и тем моментом, когда Пират принял душ, прошло почти двадцать минут. В любую секунду его могли арестовать без всяких проблем... но на Ловер Мэйн-стрит вовсю шла смена власти, офис шерифа был в полном беспорядке, и вопрос о том, где находится Дэнфорд Пират Китон, казался не столь важным.

Вытеревшись насухо, он натянул чистые брюки и рубашку без рукавов, у него не было сил опять бороться с длинными рукавами, и вернулся в кабинет. Пират опять сел в кресло и устался на «Выигрышный Билет», надеясь, что его депрессия исчезнет, как нечто эфемерное, и вернется часть его былой радости. Но рисунки на коробке выглядели поблекшими и тусклыми. Самым ярким цветом были пятна крови Миртл на боку у пары лошадей.

Он поднял крышку и заглянул внутрь. Он был потрясен, увидев, что маленькие лошадки стоят наклоненными как попало. Краски на них тоже поблекли. Из отверстия для ключика торчал кусок сломанной пружины.

«Кто-то здесь был!» — мысленно вскрикнул он. — «Кто-то доставал ее! Один из Них! Им недостаточно было сломать меня! Они сломали и мою игру!»

Но внутренний голос, может быть поблекший голос здорового смысла, прошептал, что это неправда. «Это было с самого начала», — прошептал голос. — «Ты просто не видел этого».

Он отправился обратно к чулану, вспоминая, где он положил пистолет. Было как раз время воспользоваться им. Он как раз искал его, когда зазвонил телефон. Пират очень медленно поднял трубку, уже зная, кто на другом конце линии.

И не ошибся.

— Привет, Дан, — сказал мистер Гаунт. — Как вы себя чувствуете в такой прекрасный вечер?

— Ужасно, — медленно ответил Пират мрачным голосом. — Мир превратился в кошмар. Я собираюсь покончить с собой.

— Да? — голос мистера Гаунта звучал немного разочарованно, не более.

— Ничего хорошего. Даже игра, которую вы мне продали, сломана.

— О, я сильно сомневаюсь в этом, — сказал мистер Гаунт с жесткими нотками в голосе. — Я очень тщательно проверяю свой товар, мистер Китон. Очень тщательно. Почему бы вам не посмотреть снова?

Пират так и сделал, и увиденное поразило его. Лошадки опять стояли в своих ячееках прямо. Каждая казалась свежеокрашенной и блестела. Казалось даже, что их глаза мечут искры. Маленький ипподром был весь окрашен ярко-зелеными и по-летнему яркими красками. Гонка будет быстрой, подумал он мечтательно, и его взгляд перескочил на крышку ящичка.

Либо его глаза, замутненные глубокой депрессией, подшутили над ним, либо цвета вдруг стали значительно ярче за несколько секунд, прошедших с тех пор, как зазвонил телефон. Теперь пятна крови Миртл едва можно было различить. Они высохли и стали кирпично-коричневыми.

— Бог мой! — прошептал он.

— Ну как? — спросил мистер Гаунт. — Ну как, Дан? Я прав? Если я прав, вы должны отложить самоубийство, по крайней мере, до тех пор, пока мы полностью не рассчитаемся. Я всегда защищаю свой товар. Мне приходится делать это, вы же знаете. Я должен защищать свою репутацию, и я очень серьезно отношусь к этому в мире, где миллиарды Их и только один я.

— Нет... Нет! — проговорил Бустер. — Она... Она прекрасна!

— Следовательно, вы ошибались, — настаивал мистер Гаунт.

— Да... Я думаю, что так и было.

— Вы признаете, что вы ошибались?

— Я... да.

— Отлично, — сказал мистер Гаунт. Его голос утратил свою жесткость. — Теперь, если вам хочется, можете покончить с собой. Хотя должен сказать, что я разочарован. Я наконец встретил человека, который был способен помочь мне надрать Им задницу. Я считаю, что вы просто болтун, как и все остальные.

Мистер Гаунт вздохнул. Это был вздох человека, который осознал, что ему не удалось увидеть свет в конце туннеля.

С Пиратом Китоном произошла странная вещь. Он вновь ощутил радость жизни. Цвета его собственного внутреннего мира опять стали ярче и интенсивнее.

— Вы считаете, что еще не поздно?

— Вы, наверное, пропустили Стих 110 «Никогда не поздно искать что-либо в этом мире». Особенно, если вы человек со стержнем. Что ж, я все поставил на вас, мистер Китон. Вы видите, я рассчитываю на вас.

— Обращение Дан нравится мне больше, — ответил Пират.

— Хорошо, Дан. Вы все еще настаиваете на том, чтобы осуществить этот трусливый уход из жизни?

— Нет, — выкрикнул Пират. — Я просто... я думал, что пользы? В мире слишком много Их.

— Три добрых человека могут совершить много дел, Дан.

— Три? Вы сказали — три?

— Да... есть еще один из нас. Еще один, который видит опасность, кто понимает, кто Они такие.

— Кто? — порывисто спросил Пират. — Кто?

— В свое время, — ответил мистер Гаунт. — Но сейчас время дорого. Они идут за вами.

Пират посмотрел в окно кабинета, прищурившись как хорек, почувствовавший в воздухе запах опасности. Улица была пуста. Но только сейчас. Он чувствовал Их, как Они собираются против него.

— Что мне делать?

— Так вы в моей команде? — спросил мистер Гаунт. — Я могу рассчитывать на вас во всем?

— Да!

— Во всем?

— Да. Пока ад не вымерзнет или вы не скажете назад!

— Очень хорошо, — сказал мистер Гаунт. — Слушайте внимательно, Дэн.

И мистер Гаунт начал говорить, а Пират слушал, едва способный думать в том гипнотическом состоянии, которое мог по своей воле вызывать мистер Гаунт. Первые раскаты приближающейся бури начали раздаваться в воздухе.

3

Через пять минут Пират вышел из дома. Он натянул поверх безрукавки легкий жакет и засунул руки глубоко в карманы. За полквартала он обнаружил фургон, запаркованный возле тротуара именно там, где сказал мистер Гаунт. Он был ярко-желтого цвета. Это гарантировало, что большинство прохожих будут обращать внимание на окраску, а не на водителя. В нем почти не было окон, и обе стороны были покрыты логотипами Портлендской телестанции.

Пират быстро, но внимательно, осмотрелся в обоих направлениях, а затем забрался вовнутрь. Мистер Гаунт сказал ему, что ключи будут под сиденьем. Так оно и было. На пассажирском сиденье стоял бумажный пакет. В нем Пират нашел белокурый парик, очки в проволочной оправе и маленькую стеклянную бутылочку.

Пират натянул парик с некоторым отвращением — длинный и косматый, он выглядел как скальп мертвой рок-звезды, но, поглядев на себя в зеркало, поразился, как идет ему этот парик: он делал его моложе. Много моложе. Линзы очков были из обычного стекла, но они меняли его внешний вид (по крайней мере на взгляд Пирата) даже больше, чем парик. Они делали его элегантным, как Гаррисон Форд в «Берегу москитов». Он зачарованно смотрел на себя. Прежде всего он выглядел на тридцать с хвостиком вместо пятидесяти двух,

как раз, как человек, который запросто может работать на телевидении. Не как корреспондент, конечно, — он был не настолько обаятельным, но, может быть, как оператор или даже продюсер.

Он открутил крышку бутылочки и скривился. Содержимое ее пахло как кислотный тракторный аккумулятор. Из горлышка бутылки поднимался легкий дымок. «Надо быть аккуратным с этим дерьмом, — подумал Пират. — Надо быть очень аккуратным».

Он положил свободное звено наручников под правое бедро и натянул цепь. Затем капнул несколько капель из бутылки на цепь немного ниже кольца на руке, очень осторожно, чтобы не пролить ни капли темной вязкой жидкости на кожу. Сталь сразу же начала дымиться и покрылась пузырьками. Несколько капель попало на резиновый коврик, и он тоже начал пузыриться. Появился дым и неприятный запах. Через несколько секунд Пират вытащил из-под бедра свободное кольцо, просунул в него пальцы и резко рванул. Цепь разорвалась, как бумажная, и он швырнул ее на пол. На нем все еще был браслет, но с этим он прожить сможет; цепь с болтающимся пустым кольцом сильно раздражала его. Он вставил ключ в зажигание, завел двигатель и поехал.

Менее чем через три минуты Сит Томас на машине шерифа округа Кастл въехал во двор дома Китона, и старый Сит обнаружил Миртл Китон распростертой в дверном проеме между гаражом и кухней. Вскоре к нему присоединились четыре автомобиля полиции штата. Полицейские обыскали дом снизу доверху, ища либо Пирата, либо какой-нибудь знак, указывающий, куда он мог деться. Ни один из них не обратил внимания на игру, стоящую на столе в кабинете. Она была старой, грязной и явно сломанной. Она не выглядела как вещь, которая может относиться к происходящему.

4

Эдди Вобертон, привратник здания муниципалитета, уже два года был зол на Сонни Джекета. Но за последние два дня его злоба превратилась в слепое бешенство.

Когда у маленькой «хонды цивик», принадлежащей Эдди, летом 1989 года полетела трансмиссия, Эдди не захотел обратиться в ближайшее отделение «Хонды». Это могло повлечь большие расходы. Кроме того, машина могла опять сломаться через три недели после окончания гарантии. Так что он сперва обратился к Сонни Джекету и спросил его, может ли он работать с зарубежными машинами.

Сонни сказал, что может. Он говорил тем покровительственным тоном, каким большинство янки говорили с Эдди. У нас нет предрассудков, говорил этот тон. Здесь у нас север. Мы не поддерживаем этих южных придурков. РАЗУМЕЕТСЯ, ты нигтер. Это видно всякому. Но это не имеет для нас никакого значения. Черные, желтые, белые или зеленые — мы надует любого из них, кто бы он ни был.

Сонни починил трансмиссию «хонды», но счет оказался на сотню долларов больше, чем они договаривались, и дело чуть было не дошло до кулачной потасовки однажды вечером в «Захмелевшем Тигре». Затем адвокат Сонни (Эдди Вобертон знал по опыту, что все белое, янки или нет, имеют адвокатов) вызвал Эдди и сказал, что Сонни

собирается вызвать его в суд. Закончилось все тем, что он содрал с Эдди пятьдесят баксов и через пять месяцев в электрической системе «хонды» произошло возгорание. Автомобиль был запаркован на стоянке здания муниципалитета. Кто-то позвал Эдди, но к тому времени, как он выбежал с огнетушителем, внутренность автомобиля представляла собой пляшущую массу желтого пламени. Автомобиль полностью выгорел.

Он и раньше подозревал, что это Сонни устроил пожар. Опытный следователь сказал ему, что такой *Voпа fide* несчастный случай может быть вызван коротким замыканием... с вероятностью один на миллион. Но что следователь мог знать? Может быть, ничего. И кроме того, это были не его деньги. Да и страховка была недостаточна, чтобы покрыть затраты Эдди.

А теперь Эдди знал. Знал наверняка.

Сегодня утром он получил маленький пакет по почте. Содержимое пакета все проясняло: несколько зажимов-аллигаторов с почерневшими концами, старая фотография и записка.

Зажимы были того типа, которые можно использовать, чтобы устроить электрическую искру. Нужно только снять изоляцию с пары нужных проводов в нужном месте, соединить проводники, и вуаля.

На фотографии был Сонни и несколько его белобородых друзей. Из тех, которые всегда бездельничают на табуретах заправочной станции. Это было не Суночо, принадлежащая Сонни, это был Джанк-ярд Робичу на Таун Род номер пять. Они стояли перед выгоревшим цивиком Эдди, пили пиво, смеялись... и ели арбуз.

Записка была короткой и понятной: *«Дорогой Ниггер: шутить со мной было большой ошибкой»*

Сперва Эдди удивился, почему Сонни послал ему эту записку (он уже забыл о том письме, которое сам опустил в почтовый ящик Полли Чалмерс по повелению мистера Гаунта). Это потому, решил он, что Сонни даже глупее и самонадеяннее большинства белых. И все же, если это все сделал Сонни, почему он ждал так долго, прежде чем выдать себя? Но чем больше он размышлял над тем, что случилось, (*Дорогой Ниггер:*)

тем меньше значил этот вопрос. Записка, зажимы с почерневшими концами и старая фотография кружились в его голове, жужжа как туча голодных moskitov.

Рано вечером он купил у мистера Гаунта пистолет.

Флуоресцентные лампы на станции Суноча отбрасывали белые полосы на грунтовое покрытие, когда Эдди подъехал на старом олдсе, который заменил цивик. Он вышел из машины, держа одну руку на рукоятке пистолета в кармане.

Минуто он стоял снаружи, заглядывая вовнутрь. Сонни сидел возле кассовой машины в пластиковом кресле, откинувшись назад. Эдди мог рассмотреть только верх шляпы Сонни над открытой газетой. Читает газету. Ну, разумеется. У белых людей всегда есть адвокаты и, проведя целый день, обманывая таких черных парней, как Эдди, они всегда сидят в своих офисах, откинувшись на спинку стула и читая газету.

Проклятые белые с их проклятыми газетами. Эдди вытащил пистолет и зашел. Внезапно в нем проснулся ранее крепко спящий

внутренний голос и тревожно выкрикнул, что он не должен этого делать, что это ошибка. Но этот голос не имел значения. Он не имел значения потому, что Эдди внезапно увидел себя со стороны: ему казалось, что он дух, сидящий на своих собственных плечах, наблюдая за происходящим. Злой чертенок управлял им.

— У меня для тебя кое-что есть, сукин сын, — услышал Эдди свой собственный голос и увидел, как его собственный палец нажимает на спусковой крючок. В заголовке газеты появились две маленькие черные дырочки. Сонни Джекет вскрикнул и опрокинулся на спинку. Задние ножки стула скользнули, и Сонни упал на пол, истекая кровью, сочащейся из-под комбинезона... но только имя, обозначенное на комбинезоне золотыми буквами, было «РИККИ». Это был не Сонни, а Рикки Биссонетт.

— Ах, черт! — вскрикнул Эдди. — Я застрелил не того гуся!

— Привет, Эдди! — голос Сонни Джекет раздался за его спиной. — Мне повезло, что я как раз был в сортире, не правда ли?

Эдди стал поворачиваться. Три пули, выпущенные из автоматического пистолета, которые сегодня купил Сонни у мистера Гаунта, попали ему в спину, прежде чем он повернулся наполовину.

Расширенными и удивленными глазами он смотрел, как Сонни наклоняется над ним. Ствол пистолета, который держал Сонни, был огромен, как вход в туннель, и черен, как вечность. Лицо Сонни над ним было белым и неподвижным. На одной его щеке был потек масла.

— То, что ты хотел стащить мой набор инструментов, было не ошибкой, — и прижал ствол к центру лба Эдди Вобертон. — Но зачем ты написал и предупредил меня... Вот твоя ошибка.

Яркая белая вспышка — вспышка понимания — внезапно осветила сознание Эдди. Теперь он вспомнил то письмо, которое подкинул Полли Чалмерс. И почувствовал, что может собрать частицы головоломки вместе с запиской, которую получил, и той, о которой говорит Сонни.

— Послушай, — прошептал он, — ты должен выслушать меня, Джекет. — Мы попались на крючок, оба. Мы...

— Прощай, черный, — сказал Сонни и нажал на курок.

Сонни пристально смотрел на то, что осталось от Эдди Вобертон, почти целую минуту и размышлял, нужно ли было послушать то, что собирался рассказать Эдди. Он решил, что ответ будет отрицательным. Если парень настолько глуп, что посылает подобную записку, что он может сказать такого, что стоило бы послушать?

Сонни поднялся, зашел в офис и переступил через ноги Рикки Биссонетта. Он открыл сейф и вынул набор хромированных инструментов, которые продал ему мистер Гаунт. Он все еще рассматривал их, вынимая по одному и любовно держа в руках, а затем положил обратно в ящик, когда полиция штата явилась арестовывать его.

5

— Запаркуйтесь на углу Бич и Мэйн, — говорил по телефону Пирату мистер Гаунт, — и просто ждите. Я пришлю вам кое-кого.

Пират выполнил эти инструкции с точностью до буквы. С этой точки он видел, как множество народу шло по служебной аллее:

почти все его друзья и соседи, как ему показалось. Десять минут назад туда прошла Раск в расстегнутом платье. Она выглядела как видение из кошмарного сна.

Затем, меньше чем через пять минут, она прошла обратно, кладя что-то в карман платья (оно было все еще не застегнуто, и можно было увидеть многое, но Пират сомневался, что здравомыслящий человек захочет это видеть). Из дальнего конца Мэйн-стрит раздавалось несколько пистолетных выстрелов. Пират не мог сказать наверняка, но ему показалось, что они доносятся со станции Суночо.

Полицейская машина промчалась по Мэйн от здания муниципалитета, мигая своими синими огнями и распугивая репортеров, как голубей. Какова бы ни была маскировка, Пират предпочел спрятаться в глубине фургона на некоторое время.

Полицейская машина промчалась мимо, осветив мигающими синими огнями нечто, стоящее у задней двери фургона. Это была зеленая хозяйственная сумка. Удивленный Пират развязал узел на сумке, раскрыл ее и заглянул вовнутрь.

Сверху лежал ящичек. Пират вынул его и увидел, что остальное пространство сумки забито таймерами. Их было, наверное, дюжины две. Их гладкие белые поверхности глядели на него, как глаза кукол племянницы Анни. Держа в руках ящик, он открыл его и увидел, что он доверху забит контактами типа аллигатор, теми самыми, которые используют электрики для быстрого соединения.

Пират нахмурился... и внезапно в его мозгу всплыло видение документа — если быть точным, финансового запроса Кастл Рок. В графе «Товары и/или услуги» были слова: «ШЕСТНАДЦАТЬ ЯЩИКОВ ДИНАМИТА».

Сидя в глубине фургона, Пират ухмыльнулся. Затем засмеялся. Снаружи слышались раскаты грома. Языки молний высовывались из нависающих животов туч и опускались на Кастл-стрит.

Пират продолжал смеяться. Он смеялся, пока фургон не начал трестись.

— Они! — выкрикивал он, смеясь. — О, да! Мы много чего можем сделать для Них!

6

Генри Пэйтон, который приехал в Кастл Рок, чтобы вытащить из огня шерифа Пэнгборна, стоял в дверном проеме офиса станции Суночо с открытым ртом. Они получили еще двоих. Один белый и один черный, но оба мертвы.

Третий человек, хозяин станции, если судить по имени на его комбинезоне, сидел возле открытого сейфа, держа в руках грязный стальной ящик и обнимая его обеими руками, как младенца. Рядом с ним на полу валялся автоматический пистолет. Глядя на него, Генри почувствовал, как кривая его удачи ползет вниз. Это был близнец того, который использовал Хью Прайст, чтобы застрелить Генри Бьюфорда.

— Посмотри, — сказал один из офицеров рядом с Генри тихим голосом. — Вот еще один.

Генри повернул голову и услышал хруст своих шейных позвонков. Еще один пистолет — третий автоматический пистолет — лежал рядом с вытянутой рукой черного парня.

— Не прикасайтесь к оружию, — приказал он офицерам. — Даже не подходите к нему близко.

Он переступил через лужу крови, поднял Сонни Джекета за лямки комбинезона и поставил на ноги. Сонни не сопротивлялся, но еще крепче прижимал стальной ящик к груди.

— Что здесь происходит? — прокричал Генри ему в лицо. — Что, черт возьми, здесь происходит?

Сонни локтем указал на Энди Вобертонa, не выпуская из рук свой ящик.

— Он вошел. У него был пистолет. Он сумасшедший. Вы видите, что он сумасшедший; посмотрите, что он сделал с Рикки. Он думал, что Рикки — это я. Он хотел украсть мои инструменты. Смотрите.

Сонни улыбнулся и протянул Генри железный ящик, чтобы он смог увидеть внутри кучу ржавых железок.

— Я не мог ему позволить сделать это. Я считаю... это мое. Я заплтал за него, и это мое.

Генри открыл рот, чтобы что-то сказать. Он понятия не имел, что он скажет, но не успел этого сделать. Прежде чем он смог произнести первое слово, опять раздался выстрелы. На этот раз с Кастл Вью.

7

Ленора Поттер стояла над телом Стэфани Бонсенд, держа в руке дымящийся пистолет. Тело лежало на цветнике за домом. Эта злая мстительная стерва пропустила его в предыдущие два визита.

— Ты не должна была возвращаться, — сказала Ленора.

Она раньше никогда не стреляла из пистолета и теперь она убила женщину... но единственное чувство, которое она сейчас испытывала, — равнодушие. Женщина находилась на ее собственности, уничтожая ее сад (Ленора ждала, пока эта стерва умрет окончательно — ее груди перестали вздыматься). Она была права. Абсолютно права.

— Ленора! — позвал ее муж.

Он выглядывал из окна ванной наверху. Его лицо было покрыто мыльной пеной. Голос его звучал встревоженно.

— Ленора, что произошло?

— Я застрелила злоумышленника, — холодно сказала Ленора, не оглядываясь. Она ногой поддела тяжелое тело и перевернула его. Чувство того, что ее носок погрузился в несопротивляющийся бок этой стервы, Бонсенд доставило ей неожиданное удовольствие. Это Стэфани Бон...

Тело перевернулось. Это была не Стэфани Бонсенд. Это была хорошенькая жена заместителя шерифа.

Это была Мелисса Клаттербарк.

Внезапно рука Леноры Поттер из голубой стала алой, затем пурпурной... Она стала угольно-черной.

Алан Пэнгборн сидел в кресле, глядя на свои руки сквозь темноту настолько плотную, что он едва мог ощущать их. Ему казалось, что сегодня он может потерять Полли, и не на время — пока сотрется это недоразумение — а навсегда. И это оставит его наедине с тридцатью пятью годами смерти.

Он услышал легкое поскрипывание и поднял глаза. Это была мисс Хендри. Она выглядела взволнованной, но что-то в ее виде показывало, что она приняла решение.

— Мальчик Расков зашевелился, — сказала она. — Он еще не проснулся, потому что ему ввели транквилизатор, и он еще некоторое время не проснется, но он забеспокоился.

— Он...? — быстро переспросил Алан, остановился в ожидании.

Мисс Хендри поджала губы.

— Да. Я бы разрешила вам встретиться с ним, шериф Пэнгборн, но я не могу этого сделать. Вы меня понимаете? Хотя я знаю, что у вас возникли проблемы в вашем городе, но мальчику всего семь лет.

— Да.

— Я сейчас собираюсь спуститься вниз выпить чашечку чаю. Миссис Эванс опаздывает — она всегда опаздывает, но она будет здесь с минуты на минуту. Если вы войдете в палату Шона Раска — палата девять — сразу же после того как я вас оставлю, она даже не будет знать, что вы у него были. Вы понимаете?

— Да, — благодарно сказал Алан.

— Обход бывает не раньше восьми, так что они, возможно, даже не заметят, что вы были в этой комнате. Конечно, если она вас заметит, вам придется сказать, что я, следуя правилам больницы, запретила вам входить. И что вы воспользовались моментом, пока за столом временно никого не было. Ведь так?

— Да, — подтвердил Алан. — Я вам это обещаю.

— Вы сможете выйти потом по лестнице в дальнем конце коридора. Если вы зайдете в комнату Шона Раска. Чего я вам, разумеется, не разрешаю.

Алан поднялся и импульсивно поцеловал ее в щеку.

— Спасибо, — сказал он.

— За что? Я ничего не сделала. Сейчас я просто иду выпить чаю. Пожалуйста, шериф, сидите на месте, пока я не уйду.

Алан послушно сел. Он сидел в кресле, его голова располагалась между Простакон Симон и пирожником, пока за мисс Хендри не закрылась двойная дверь в холл. Затем он поднялся и быстро направился по ярко окрашенному коридору к палате девять, обходя валяющиеся на полу игрушки.

Шон Раск полностью проснулся.

Это была педиатрическая палата, и койка, на которой он лежал, была маленькой, но все равно казалось, что он потерялся на ней. Его тело казалось всего лишь маленьким горбиком под покрывалом, что придавало ему вид отрезанной головы, лежащей на белых подушках.

Его лицо было бледным. Под его глазами были темные пятна, похожие на синяки. Он глядел на Алана спокойно и без удивления. Колечко темных кудряшек лежало на его лбу, как запятая.

Алан взял стул, стоящий возле окна, и пододвинул его к краю кровати, вдоль которой были установлены барьерчики, чтобы не дать Шону скатиться. Шон не повернул головы, но следил за Аланом взглядом.

— Здравствуй, Шон, — приветливо сказал Алан. — Как ты себя чувствуешь?

— Я хочу пить, — ответил Шон хриплым шепотом.

На столике рядом с кроватью стоял графин с водой и два стакана. Алан наполнил один стакан и нагнулся с ним над кроватью.

Шон попытался сесть и не смог этого сделать. Он упал обратно на подушки с легким стоном, который больно резанул Алана по сердцу. Перед его мысленным взором предстал его собственный сын — бедный погибший Тод. Когда он подставил руку под голову Шона и приподнял его, он отчетливо все вспомнил. Он вспомнил, как Тод стоял в тот день, отвечая на прощальный жест Алана и в его памяти вокруг головы Тода возник перламутровый свет, освещающая каждую любимую линию и черточку.

Его рука дрогнула. Немного воды пролилось на госпитальный халат, в который был одет Шон.

— Извини.

— Ничего, — ответил Шон своим хриплым шепотом и жадно начал пить. Он выпил почти весь стакан.

Алан осторожно опустил его голову на подушки. Теперь Шон выглядел немного живее, но в его глазах совершенно не было огонька. Алан подумал, что ему никогда еще не приходилось видеть маленького мальчика, который бы выглядел так одиноко, и в его сознании опять возник прощальный образ Тоди.

Он прогнал его. У него было много работы. Это была неприятная и чертовски щекотливая работа, но он все более и более сознавал, что это крайне необходимая работа. Независимо от того, что происходит в Кастл Роке сейчас, он был твердо уверен в том, что некоторые ответы находятся здесь, за бледным лбом и грустными, лишенными блеска глазами. Он оглянулся и выдавил улыбку.

— Мрачная комната, — произнес он.

— Да, — ответил Шон тихим хриплым голосом. — Очень мрачная.

— Может быть, цветы оживят ее, — сказал Алан и сделал пас правой рукой над левым предплечьем, незаметно вынимая сложенный букет из-под ремешка часов.

Он знал, что испытывает судьбу, но решил попытаться, чтобы разрядить обстановку. Он был почти сконфужен. Бумажные цветы порвались в двух местах, когда букет раскрылся. Он услышал, как пружины устало загудели. Это, несомненно, было последнее представление с этим букетом... но Алан чувствовал, что должен был его сделать. Шон, в противоположность своему брату, был искренне изумлен и очарован, несмотря на свое состояние.

— Ух, ты! Как вы это сделали?

— Просто немного магии... Хочешь? — и он протянул руку, чтобы поставить бумажный букет в графин с водой.

— А. Они просто бумажные. И порвались в нескольких местах. — Шон не хотел быть неблагодарным. Он добавил:

— Все равно хороший фокус. А вы можете сделать, чтобы они исчезли?

«Сомневаюсь, сынок», — подумал Алан. Вслух же он произнес:

— Сейчас попробую.

Он взял букет так, чтобы Шон смог отчетливо его видеть, затем охватил правой рукой и потянул вниз. Он выполнил это движение значительно медленнее, чем обычно, вопреки тому, что советует Мак Гуффини и даже сам удивился результату. Вместо того, чтобы сложиться и пропасть, как обычно, букет как бы растворился в его руке, как дым. Он почувствовал, как сопротивляются ослабевшие, усталые пружины, но ему удалось в последний раз справиться с фокусом.

— Действительно, замечательно, — почтительно сказал Шон, и Алан согласился с ним. Это было чудесным изменением фокуса, которым он уже годы развлекал школьников, но удастся ли это с новым набором из Складывающихся Цветов. Новые пружины сделают такой медленный, как во сне, пас невозможным.

— Спасибо, — сказал он и в последний раз заложил складывающийся букет за ремешок часов. — Если тебе не нужны цветы, то как насчет двадцати пяти центов для автомата?

Он наклонился к кровати и достал монетку из носа Шона. Мальчик улыбнулся.

— О, я совсем забыл, сейчас это стоит семьдесят пять, правда? Инфляция. Что ж, нет проблем.

Он вытащил вторую монету изо рта Шона и обнаружил третью в его ухе. Но затем улыбка Шона немного поблекла и Алан решил, что нужно быстрее переходить к делу. Он сложил три четвертака на низенький столик возле кровати.

— Так ты будешь чувствовать себя лучше, — сказал он.

— Да, мистер.

— Ты поправишься, Шон.

— Где мой папа? — спросил Шон. Теперь его голос звучал громче.

Этот вопрос поразил Алана своей странностью. Он ожидал, что Шон прежде всего спросит о матери. В конце концов мальчику всего семь лет.

— Он скоро здесь будет, Шон.

— Я надеюсь на это. Я жду его.

— Я это знаю. — Алан помолчал и затем добавил: — Скоро будет и твоя мама.

Шон задумался, затем медленно покачал головой. При этом наволочка подушки тихонько зашуршала.

— Нет, она не придет. Она слишком занята.

— Слишком занята, чтобы прийти к тебе? — переспросил Алан.

— Да. Она очень занята. Она встречается с Королем. Поэтому я никогда не мог войти в ее комнату. Она запирает дверь, надевает солнечные очки и встречается с Королем.

Алан видел, как миссис Раск отвечала на вопросы полиции штата. Ее голос был медленным и отрешенным. На столике рядом с ней лежали солнечные очки. Казалось, она не может оставить их в покое.

Почти постоянно она трогала их одной рукой. Она отдергивала руку, как бы опасаясь, что кто-то заметит это, и затем через несколько секунд опять возвращалась к ним. Тогда он подумал, что она в шоке или под воздействием транквилизаторов. Теперь он в этом сомневался. Он думал, расспрашивать ли Шона о Брайане или пойти по этой новой тропинке. Или это одна и та же тропинка?

— Вы на самом деле не фокусник, — сказал Шон. — Вы полицейский, да?

— Угу.

— А вы из полиции штата, у которых синие машины, которые ездят очень быстро?

— Нет, я шериф округа. Обычно у меня коричневая машина со звездой на боку, и она ездит достаточно быстро. Но сегодня я на своем старом автомобиле, который забыл заменить, — Алан усмехнулся. — А он ездит вообще очень медленно.

Это вызвало некоторый интерес.

— А почему вы не на своей коричневой машине?

Потому что мне нужно было поговорить с Джил Мислабурски и твоим братом, подумал Алан. Не знаю, как насчет Джил, но в случае с Брайаном это не очень помогло.

— Я на самом деле не помню, — сказал он. — У меня был такой длинный день.

— А вы такой шериф, как в «Молодых Пистолетах»?

— Ну, примерно такой. Мне так кажется.

— Мы с Брайаном брали смотреть этот фильм. Это было вообще здорово. Мы хотели пойти посмотреть «Молодые Пистолеты-2», когда он шел в Маджик Латерн в Бриджтоне, но мама не разрешила, потому что это был фильм для взрослых. Хотя папа иногда разрешал нам смотреть такие фильмы дома по видеку. Нам с Брайаном нравились «Молодые Пистолеты». — Шон замолчал, и его глаза потемнели. — Но это было до того, как у Брайана появилась открытка.

— Какая открытка?

В первый раз на лице Шона появилась реальная эмоция. Это был ужас.

— Бейсбольная открытка. Очень особенная бейсбольная открытка.

— Да? — Алан вспомнил холодильник «Плеймейт» и бейсбольные карточки в нем. — Брайан любил бейсбольные открытки, Шон?

— Да. И именно так он поймал его. Наверное, у него разные вещи для разных людей.

Алан подался вперед.

— Кто, Шон? Кто поймал его?

— Брайан сам себя убил. Я видел это. Он был в гараже.

— Я знаю. Мне очень жаль.

— Из его головы вылетело что-то. Не просто кровь. Что-то. Это было желтое.

Алан ничего не мог сказать. Сердце медленно и тяжело стучало в его груди. Во рту было сухо, как в пустыне, и он чувствовал, как у него сосет под ложечкой. Имя его сына звучало в его мозгу, как похоронный колокол, звенящий в руках идиота посреди ночи.

— Я не хотел, чтобы он это делал, — сказал Шон со странной констатирующей интонацией, но в уголках его глаз показались и

стекли по его щекам слезинки. — Мы не посмотрим вместе «Молодые Пистолеты-2» по видику. Мне придется смотреть их одному, и мне не будет так интересно, потому что Брайан не будет отпускать свои глупые шутки. Этого не будет.

— Ты любил своего брата? — хрипло спросил Алан. Он перегнулся через поручни кровати. Рука Шона Раска вздрогнула в его руке и вдруг крепко сжала ее. Она была горячая. И маленькая. Очень маленькая.

— Да. Брайан хотел пойти в «Ред Сокс» нападающим, когда вырастет. Он хотел научиться бросать кривую «мертвую рыбу», как Майк Боддикер. Теперь он не сможет. Он сказал, чтобы я не подходил ближе, чтобы я не поранился. Я плакал. Мне было страшно. Это было совсем не как в кино. Это было просто в гараже.

— Я знаю, — сказал Алан. Он вспомнил автомобиль Анни. Разбитые стекла. Кровь, большие черные пятна на сиденьях. Это тоже было не как в кино. Алан тоже начал плакать. — Я знаю, сынок.

— Он просил, чтобы я пообещал, и я пообещал ему. И я сдержу свое обещание. Я сдержу его на всю жизнь.

— Что ты пообещал, Шон?

Алан вытер свободной рукой лицо, но слезы не переставали катиться. Перед ним лежал мальчик. Его кожа была почти такой же белой, как подушка, на которой лежала его голова. Мальчик видел, как его брат совершил самоубийство в гараже, видел, как его мозг разлетелся по стенам гаража, как сопли, и где его мать? Она встречается с Королем, сказал он. Она запирает дверь, надевает солнечные очки и встречается с Королем.

— Что ты пообещал, сынок?

— Я хотел поклясться именем моей мамы, но Брайан не позволил мне этого. Он сказал, чтобы я поклялся своим собственным именем. Потому что он захватил ее тоже. Брайан сказал, что он захватывает каждого, кто клянется именем другого. И я поклялся своим собственным именем, как он хотел. Но Брайан все равно выстрелил.

Теперь Шон плакал еще сильнее, но он серьезно смотрел сквозь слезы на Алана.

— Это была не просто кровь, мистер шериф. — Это было что-то. Что-то желтое.

Алан сжал его руку.

— Я знаю, Шон. Что твой брат хотел, чтобы ты пообещал?

— А может быть, Брайан не попадет на небеса, если я скажу.

— Он попадет. Я обещаю. А я шериф.

— А шерифы никогда не нарушают своих обещаний?

— Они никогда не нарушают их, когда дают маленьким мальчикам в больнице, — сказал Алан. — Шериф не может нарушить своих обещаний таким мальчикам.

— Они отправятся в ад, если это случится?

— Да, — сказал Алан. — Это так. Они отправятся в ад, если нарушат обещание.

— Вы поклянетесь, что Брайан попадет на небеса, даже если я скажу? Вы поклянетесь своим собственным именем?

— Моим собственным именем, — ответил Алан.

— Хорошо, — сказал Шон. — Он хотел, чтобы я пообещал, что никогда не пойду в новый магазин, в котором он купил свою особенную открытку. Он думал, что на ней Сэнди Коуфакс, но это было не так. Это был какой-то другой игрок. Она была старой и грязной, но я думаю, что Брайан не видел этого.

Шон помолчал, задумавшись, затем продолжил своим жутким спокойным голосом:

— Однажды он пришел домой, когда его руки были запачканы грязью. Он помыл руки, а потом я слышал, как он плачет в своей комнате.

«Простыни, — подумал Алан. — Простыни Вилмы. Это был Брайан».

— Брайан сказал, что «Необходимые вещи» — отравленное место и что он — отравленный человек, и чтобы я никогда не ходил туда.

— Брайан сказал это? Он сказал «Необходимые вещи»?

— Да.

— Шон... — Он остановился, задумавшись. Электрические искорки вспыхивали в его мозгу, загораясь голубыми огоньками.

— А... а твоя мать тоже приобрела свои очки в «Необходимых вещах»?

— Да.

— Она сказала тебе, что она это сделала?

— Нет. Но я знаю. Она надевает очки и так встречается с Королем.

— Каким Королем, Шон? Ты знаешь?

Шон посмотрел на Алана, как на сумасшедшего.

— Элвис. Это он Король.

— Элвис, — прошептал Алан. — Ты уверен?

— Я хочу увидеть папу.

— Я знаю, дорогой. Еще несколько вопросов и я оставлю тебя одного. Ты уснешь и когда проснешься, папа уже будет здесь. — Он надеялся на это. — Шон, а Брайан сказал, кто этот отравленный человек?

— Да. Мистер Гаунт. Человек, который управляет магазином. Это он отравленный человек.

Теперь внезапно Алан подумал о Полли — Полли после похорон, как она сказала: «Теперь, кажется, я встретила правильного доктора... Доктора Гаунта. Доктора Лиленда Гаунта».

Он увидел, как она держит маленький серебряный амулет, купленный в «Необходимых вещах», чтобы он мог его видеть... но как она сжала его в кулачке, когда он протянул руку, чтобы коснуться его. На ее лице в этот момент было выражение, так не свойственное Полли. Выражение подозрительности и стяжательства. А потом, когда она говорила резким, плачущим голосом, который тоже был ей не свойствен: «Тяжело обнаружить, что лицо, которое ты любила, всего лишь маска... Как мог ты делать это за моей спиной?.. Как ты мог?»

— Что ты сказал ей? — прошептал он. Он не замечал, что сжал в руке покрывало больничной кровати и медленно вращает его в кулаке.

— Мистер шериф? С вами все в порядке?

Алан заставил себя разжать кулак.

— Да, спасибо. Ты уверен, что Брайан назвал мистера Гаунта?

— Да.

— Спасибо, — сказал Алан. Он наклонился через поручень, взял руку Шона в свою и поцеловал мальчика в холодную бледную щеку.

— Спасибо, что ты поговорил со мной.

Он отпустил руку мальчика и поднялся.

За последнюю неделю он не нашел времени, чтобы сделать одно маленькое дело — визит вежливости к новому бизнесмену Кастл Рока. Не такое уж большое дело: просто дружески поздороваться, и сказать, как поступать, если возникнут какие-либо проблемы. Он собирался это сделать, собирался с самого начала, но так и не нашел времени. И сегодня, когда поведение Полли внушило ему какие-то подозрения по поводу мистера Гаунта, ему опять это не удалось. И сейчас он находится здесь, более чем в двадцати милях.

Сама идея показалась бы ему странной, но здесь, в этой тихой затемненной комнате, она совершенно не казалась ему странной.

— Мистер шериф?

Алан взглянул на мальчика.

— Брайан сказал мне что-то еще, — сказал Шон.

— Что же? — спросил Алан. — Что еще, Шон?

— Брайан сказал, что мистер Гаунт на самом деле не человек вообще.

10

Алан прошел через холл к двери надписью «ВЫХОД», ожидая, что его в любой момент может остановить окрик с места сменщицы мисс Хендри. Но единственной, кто заговорил с ним, была маленькая девочка. Она стояла в двери своей комнаты, ее белокурые волосы были заплетены в косички, которые лежали спереди на ее розовой фланелевой пижаме. Она держала в руках одеяло. Она была боса, ленточки на концах ее косичек висели криво. Огромные глаза выделялись на ее изможденном личике. Ее лицо знало боль лучше, чем положено детскому лицу.

— У тебя есть пистолет, — заявила она.

— Да.

— У моего папы тоже есть пистолет.

— В самом деле?

— Да. И больше, чем у тебя. Он самый большой в мире. Ты злой волшебник?

— Нет, дорогая, — ответил он и подумал: может быть, злой волшебник сейчас находится в моем городе.

Он толкнул дверь в конце коридора, сбежал вниз и, толкнув еще одну дверь, выбежал в сумерки, душные, будто ночь середины лета. Он поспешил к стоянке чуть не бегом. Звуки грозы доносились с запада, со стороны Кастл Рока.

Он отпер водительскую дверцу, забрался в автомобиль и взял микрофон.

— Номер Первый вызывает базу, прием.

Единственным ответом были атмосферные разряды.

Чертова гроза.

Может быть, разбойник специально заказал ее, прошептал внутренний голос. Алан улыбнулся сжатыми губами.

Он попытался связаться снова, опять с тем же результатом, затем попытался вызвать полицию Оксфорда. На этот раз голос звучал громко и четко. Диспетчер сообщил ему, что в направлении Кастрл Рока движется гроза и поэтому связь испорчена. Кажется, что даже телефоны работают, только когда хотят.

— Хорошо, свяжитесь с Генри Пэйтоном и сообщите ему, что необходимо арестовать человека по имени Лиленд Гаунт. По материалам, которые получены от свидетеля. Имя Гаунт. Первая Г, как Георг. Вы приняли? Прием.

— Я принял, шериф. Гаунт, первая Г, как Георг.

— Скажите ему, что я уверен в том, что Гаунт виновен в смерти Нэтти Кобб и Вилмы Ежик.

— Принято.

— Конец связи.

Он положил микрофон на место, завел машину и направился в Кастрл Рок. В предместье Бриджтона он свернул на парковку возле магазина «Красное Яблоко» и попытался связаться с офисом по телефону. Он услышал два щелчка и записанный на ленту голос сообщил ему, что номер временно не работает.

Алан повесил трубку и вернулся к машине. На этот раз он действительно бежал. Прежде чем выехать со стоянки и въехать на Роуд 117, он выкинул на крышу мигалку. Через полмили он уже выжимал из дрожащего, протестующего авто семьдесят пять миль в час.

11

Туз Мерилл и полная тьма вернулись в Кастрл Рок одновременно.

Он вел «шеви челебрити» через Кастрл-стрит Бридж, над его головой тяжело грохотало и молнии резали незащищенные глаза. Он вел машину, не закрывая окон, дождя еще не было, и воздух был густым, как сироп.

Он был грязным, уставшим и обозленным. Он нашел еще три места, помеченных крестиками на карте, но не мог поверить в то, что произошло. Он не мог поверить, что такое может произойти. Образно говоря, он не мог поверить, что его туз бит. В каждом из этих мест он обнаружил плоский камень и зарытую жестянку. В двух были бессмысленные купоны. В последней, которая была закопана на ферме Страута, не было ничего, кроме старой шариковой ручки. На ручке была изображена женщина с прической в стиле сороковых. На ней был купальный костюм стиля тех же сороковых. Когда вы переворачивали ручку, костюм исчезал.

Все же какое-то сокровище.

Туз вел машину в Кастрл Рок на предельной скорости. Его глаза были безумны. Джинсы на коленях выпачканы землей. Он вел машину с единственной мыслью: убить Алана Пэнгборна. Затем он просто скроется на западном побережье — ему нужно было сделать

это раньше. Может быть, он выбьет из Пэнгборна какие-нибудь деньги; может быть, и нет. В любом случае, все было ясно — этот сукин сын должен умереть. И он должен умереть в муках.

Еще за три мили от моста он понял, что у него нет оружия. Он как раз собирался взять один из этих пистолетов из того ящика в гараже в Кембридже, когда вдруг включился этот проклятый магнитофон, испугав его до смерти. Но он знал, где взять оружие.

Да, он знал.

Он пересек мост... и остановился на пересечении Мэйн-стрит и Ватермилл Лайн, хотя ему нужно было ехать дальше.

— Что за черт? — пробормотал он.

Ловер Мэйн была забита машинами полиции штата, мигающими синими огнями, телевизионными фургонами и прохожими. Все они собрались вокруг здания муниципалитета. Казалось, что отцы города решили организовать уличный карнавал.

Туза не волновало, что там произошло. Но ему нужен Пэнгборн, он должен сорвать его вонючий скальп и повесить его себе на пояс, а как это сделать, если вся полиция штата собралась в офисе шерифа?

Ответ пришел внезапно. Мистер Гаунт знает. У мистера Гаунта есть оружие, и он может дать ответ, что делать. Поезжай к мистеру Гаунту.

Он посмотрел в зеркало и увидел приближение голубых огней с другой стороны моста. Черт, что же здесь такое стряслось сегодня? опять подумал он, но на этот вопрос можно было получить ответ в любое другое время... или вообще никогда, это как повернется дело. Кроме того, у него есть свои собственные заботы, и надо убираться с дороги, пока прибывшая полиция не заинтересовалась им.

Туз повернул влево, в Ватермилл Лайн, затем направо, на Чедар-стрит, срезая угол, чтобы снова вернуться на Мэйн-стрит. На секунду он остановился у светофора, наблюдая за кучкой голубых огней у подножия холма. Затем запарковался перед «Необходимыми вещами».

Он вылез из машины; пересек улицу и прочитал объявление на витрине. На секунду он остановился в разочаровании — не только из-за необходимого ему пистолета, но и из-за порошка мистера Гаунта, а затем вспомнил про служебный вход со стороны аллеи. Он зашел за угол, не обратив внимание на ярко-желтый фургон, запаркованный в двадцати или тридцати ярдах, и человека (теперь Пират перебрался на пассажирское сиденье), наблюдающего за ним из фургона.

Едва войдя в аллею, он столкнулся с человеком в надвинутой глубоко на лоб твидовой шляпе.

— Эй, смотри, куда идешь, малыш, — сказал Туз.

Человек в твидовой шляпе поднял глаза, оскалил зубы и зарычал. В ту же секунду он выхватил из кармана автоматический пистолет и направил его на Туза.

— Не надо со мной шутить, дружок, если не хочешь, чтобы я подшутил немного.

Туз поднял обе руки и отступил на шаг. Он не слишком испугался; он был скорее сильно поражен.

— Что вы, мистер Нельсон, — произнес он. — Я и не собирался.

— Хорошо, — сказал человек в твидовой шляпе. — Ты не видел этого кокаинового вора Джеветта?

— Э... того, что из школы?

— Да, из средней школы, а что есть в городе другие Джеветты? Говори быстро!

— Я только что приехал, — осторожно сказал Туз, — я в самом деле еще никого не видел, мистер Нельсон.

— Ладно, я найду его и у него будет очень жалкий вид, когда я сделаю это. Он убил моего попугая и нагадил на мою мать, — Джордж Т. Нельсон сузил глаза. — Сегодня вечером лучше не стоять у меня на пути.

Туз не стал возражать.

Мистер Нельсон опустил свой пистолет в карман и исчез за углом, шагая целеустремленно, как человек, который очень спешит. Туз постоял несколько секунд на месте, все еще держа руки поднятыми. Мистер Нельсон руководил в колледже столярной и слесарной мастерской. Туз всегда считал, что это один из тех парней, у которого не хватит духу даже убить навозную муху, которая сядет ему на глаз. Но сейчас он подумал, что ему придется изменить свое мнение. Кроме того, Туз узнал пистолет. Он не мог его не узнать: это был один из тех, целый ящик которых он доставил из Бостона прошлой ночью.

12

— Туз, — сказал мистер Гаунт, — ты как раз вовремя.

— Мне нужна пушка, — сказал Туз. — И немного вашего порошка, если есть.

— Да, да... в свое время. Всему свое время. Помоги мне отнести этот стол, Туз.

— Мне нужно убить Пэнгборна, — заявил Туз. — Он стащил мои чертовы сокровища и я должен убить его.

Мистер Гаунт посмотрел на Туза тусклым желтым взглядом кота, поймавшего мышь... и в этот момент Туз действительно почувствовал себя мышью.

— Не трать мое время, рассказывая мне вещи, которые я уже знаю, — сказал он. — Если тебе нужна моя помощь, помоги мне.

Туз взялся за одну сторону стола, и они вместе перенесли его в заднюю комнату. Мистер Гаунт наклонился и поднял прислоненную к стене табличку:

«НА ЭТОТ РАЗ Я ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЗАКРЫТ»

Он приставил табличку и запер дверь. Он уже поворачивал запирающую ручку, когда Туз вдруг понял, что на двери не было ничего, что могло бы удерживать табличку на месте. Ни гвоздика, ни клейкой ленты, ничего вообще. Но тем не менее она держалась.

Затем его взгляд упал на ящики, в которых находились автоматические пистолеты и обоймы к ним. В них оставалось только три пистолета и три обоймы.

— Бог мой! Куда все подевалось?

— Этим вечером был замечательный бизнес, Туз, — сказал мистер Гаунт, потирая свои длиннопалые руки. — Исключительно замечательный. И он будет еще лучше. У меня есть для тебя работа.

— Я говорю вам, что шериф украл мои...

Лиленд Гаунт оказался перед Тузом раньше, чем тот успел заметить его движение. Его длинные уродливые руки ухватили его за отвороты куртки и подняли в воздух, как будто он был набит перьями. Из его рта вырвался испуганный крик. Руки, которые держали его, казалось, были сделаны из железа. Мистер Гаунт поднял его над собой, и Туз внезапно обнаружил, что он смотрит сверху вниз в страшное адское лицо, совершенно не понимая, как он оказался здесь. Несмотря на свой внезапный испуг, он заметил дымок — или это был пар, — который исходил из ушей и ноздрей мистера Гаунта. Он был похож на человекообразного дракона.

— Ты не можешь мне сказать НИЧЕГО! — прокричал мистер Гаунт, глядя на него снизу. Его язык высунулся сквозь острые квадратные зубы, и Туз увидел, что он раздвоен на конце, как язык змеи.

— А я скажу тебе ВСЕ! Заткнись, когда ты находишься в обществе старших и лучших, Туз! Заткнись и слушай! Заткнись и слушай! ЗАТКНИСЬ И СЛУШАЙ!

Он пару раз прокрутил Туза над головой, как карнавальная силач, поймав своего противника на мельницу, и бросил его на дальнюю стену. Голова Туза ударилась о пластик. Огромный фейерверк расцвел в середине его мозга. Когда его взгляд опять прояснился, он опять увидел склонившегося над собой Лиленда Гаунта. Его лицо вызывало ужас своими глазами, зубами и дымящимся дыханием.

— Нет, — выкрикнул Туз. — Нет, мистер Гаунт, пожалуйста! НЕТ!

Пальцы превратились в когти. Ногти мгновенно удлиннились и заострились... А может быть они всегда были такими? пронеслось в мозгу Туза. Может быть они всегда были такими, а ты просто не мог этого видеть.

Когти проткнули ткань на куртке Туза, как бритвы, и он опять взглянул в дымящееся лицо.

— Ты готов слушать, Туз? — спросил мистер Гаунт.

Горячее дыхание касалось щек и губ Туза с каждым словом.

— Ты готов или я должен оторвать твои выступающие части и иметь дело с ними?

— Да, — пролепетал Туз, — то есть нет! Я буду слушать.

— Готов ты быть маленьким послушным мальчиком и выполнять приказы.

— Да!

— Ты понимаешь, что случится, если ты не сделаешь этого?

— Да! Да! Да!

— Ты отвратителен Туз, — сказал мистер Гаунт, — мне нравится это в людях.

Он прислонил Туза к стене. Тот опять сполз и опустился на колени, хватая ртом воздух и всхлипывая. Он смотрел вниз на пол. Он боялся прямо взглянуть в лицо монстра.

— Если ты даже подумаешь поступить против моей воли, Туз, я устрою тебе грандиозный тур в ад. Ты получишь шерифа, не волнуясь. Но сейчас его нет в городе. Встань.

Туз медленно поднялся на ноги. Его голова дрожала. От куртки остались одни лохмотья.

— Позволь мне кое-что спросить у тебя. — Мистер Гаунт опять был спокоен и улыбался, каждая волосинка была аккуратно уложена. — Тебе нравится этот маленький городок? Ты любишь его? Висит ли у тебя на стене твоей жалкой лачуги его фотография, чтобы напоминать тебе ржавое очарование тех дней, когда пчелы жалили и собаки кусались?

— К черту, нет, — сказал Туз срывающимся голосом. Его голос падал и поднимался вместе с ударами его сердца. Только с огромным усилием ему удавалось устоять на ногах. Ноги казались сделанными из спагетти. Он стоял, прислонясь спиной к стене, осторожно наблюдая за мистером Гаунтом.

— Будешь ты расстроен, если я прикажу тебе стереть этот маленький городишко с карты, пока ты дожидаясь возвращения шерифа?

— Я... я не понимаю, что означают ваши слова, — нервно сказал Туз.

— Я не удивлен. Но я думаю, что ты понял, что я имею в виду. Не так ли?

Туз вспомнил. Он вспомнил тот случай, происшедший много лет назад, когда четверо сопляков надули его и его друзей (у Туза в те времена действительно были друзья или, по крайней мере, что-то близкое к этому). Потом они поймали одного из этих сопляков — Горди Ла Чанс — и выбили из него весь ливер, но это не имело значения. Сейчас Горди Ла Чанс известный писатель, живет в другом конце штата и, наверное, заклеивает свою задницу десятидолларовыми банкнотами. Иногда сопляки побеждают, но с тех пор удача начала отворачиваться от Туза. Двери, которые были раньше для него открыты, одна за другой закрывались. Мало-помалу он начал осознать, что он не король и Кастл Рок не королевство. Если это когда-то и было правдой, то эти дни стали уходить с того дня, когда ему было шестнадцать, когда эти сопляки отняли у него и его друзей, то, что по праву принадлежало им. К тому времени, когда Туз стал достаточно взрослым, чтобы легально пить в «Тигре», он превратился из короля в солдата без формы, крадущегося по вражеской территории.

— Я ненавижу этот чертов сортир, — ответил он мистеру Лиленду Гаунту.

— Хорошо, — сказал мистер Гаунт. — Очень хорошо. У меня есть друг — он припарковался выше по улице, который может помочь тебе кое в чем в этом деле. Ты хочешь получить шерифа... Ты получишь в придачу целый город. Это звучит неплохо?

Он взглянул в глаза Туза. Туз, стоящий перед ним в свисающих лохмотьях своей куртки, робко улыбнулся. Он больше не сомневался.

— Да, — сказал он. — Это звучит абсолютно прекрасно.

Мистер Гаунт засунул руку в карман своего пальто и вытянул пластиковый пакет для сэндвичей, заполненный белым порошком. Он протянул его Тузу.

— У тебя много работы, Туз, — сказал он.

Туз взял пакет, но он все еще смотрел в глаза мистера Гаунта.

— Хорошо, — сказал он, — я готов.

Пират увидел, как последний человек, которого он видел входящим в служебную аллею, возвращается. Куртка этого парня висела лохмотьями, и он тащил на себе ящик. За пояс его голубых джинсов были заткнуты два автоматических пистолета.

Пират отпрянул с внезапной тревогой, когда человек, в котором он узнал Туза Мерилла, направился прямо к фургону, опуская ящик.

Туз постучал в стекло.

— Открой заднюю дверь, малыш, — сказал он. — У нас есть работа.

Пират опустил окно.

— Убирайся отсюда! — прокричал он. — Убирайся отсюда, головорез! Или я позову полицию.

— Ну-ну, успехов, — проворчал Туз.

Он вытащил один из пистолетов из-за пояса. Пират оцепенел, но Туз протянул пистолет через окно ручкой вперед. Пират ошеломленно взглянул на него.

— Возьми это, — сказал Туз нетерпеливо. — И открой заднюю дверь. Если ты не знаешь, кто меня послал, то ты глупее, чем выглядишь.

Он протянул вторую руку и пощупал парик.

— У тебя прекрасные волосы, — сказал он с легкой ухмылкой. — Просто чудесные.

— Прекрати это, — сказал Пират, но страх и отвращение исчезли из его голоса. «Три добрых человека могут много чего сделать», — говорил мистер Гаунт. — «Я пошлю вам кое-кого».

Но Туз? Туз Мерилл? Он же уголовник.

— Посмотри, — сказал Туз. — Если ты хочешь обсудить этот вопрос с мистером Гаунтом, то я думаю, что он все еще внутри. Но как видишь, — он продел свои руки сквозь длинные разрезы в своей куртке на груди и животе, — он немного не в настроении.

— Ты можешь помочь мне избавиться от Них? — спросил Пират.

— Точно, — сказал Туз. — Мы превратим этот городишко в небольшой костерок.

Он подхватил ящик.

— Хотя я не знаю, как мы можем что-то сделать просто с помощью ящика детонаторов. Он сказал, что ты знаешь ответ на этот вопрос...

Пират ухмыльнулся. Он поднялся, прошел к задней двери фургона и открыл ее.

— Кажется, я знаю, — сказал он. — Вползайте, мистер Мерилл. Мы получили приказ отправляться.

— Куда?

— Сначала на городской склад, — сказал Пират.

Он все еще ухмылялся.

Преподобный Вильям Роуз, который впервые взошел на кафедру Объединенной баптистской церкви в Кастл Роке в мае 1983 года, был проповедником чистейшей воды — в этом никто не сомневался. К несчастью, он был еще и энергичен, иногда остроумен, в старой жестокой манере и чрезвычайно популярен среди своей паствы. Его первая проповедь в качестве лидера баптистов была предвестницей того, что следовало ожидать. Она называлась «Почему католикам уготован ад?» И с тех пор он продолжал в том же духе, что особенно нравилось его прихожанам. Католики, учил он их, являются заблудшими богохульниками, которые чтят не Иисуса, а ту женщину, которая произвела его на свет. Разве удивительно после этого, что они столь склонны к заблуждениям и в других вопросах веры?

Он объяснял своим прихожанам, что католики усовершенствовали до предела науку пыток во время Инквизиции; что Инквизиторы сжигали действительно праведных на, как он это называл, дымных кострищах вплоть до конца девятнадцатого века, когда героические протестанты (в основном баптисты) заставили их прекратить это; что на протяжении истории сорок Римских Пап жили со своими собственными матерями и сестрами и даже со своими незаконнорожденными дочерьми (он уверял также, что Ватикан был построен на золото протестантских мучеников и разграбленных народов).

Подобного рода невежественная болтовня совсем не была неожиданностью для Католической церкви, которой на протяжении веков приходилось жить в условиях подобных еретических нападков. Многие католические священники преодолели это легко, считая это даже забавным. Но Отец Джон Бригхэм был не тем человеком, чтобы легко к этому относиться. Как раз наоборот. Вспыльчивый, кривоногий ирландец, Бригхэм был одним из тех лишенных юмора людей, которые не могут выносить дураков, особенно таких надутых дураков, как Преподобный мистер Роуз.

Он переваривал резкие антикатолические выпады мистера Роуза почти целый год в молчании, прежде чем нанести ответный удар со своей собственной кафедры. Его проповедь, в которой даже не было грубых оскорблений, называлась «Грехи Преподобного Вилли». В ней он характеризовал баптистского священника как распевającego псалмы осла, который думает, что он сидит по правую руку Всемогущего Господа Бога.

В это же воскресенье Преподобный мистер Роуз и четыре его главных дьякона нанесли визит Отцу Бригхэму. Они заявили, что были шокированы и возмущены ложью Отца Бригхэма.

— У вас хватает наглости требовать, чтобы я сменил тон, — ответил Отец Бригхэм, — после того, как вы все время объявляете верующим, что я служу Вавилонской блуднице.

Кровь мгновенно прилила к обычно бледным щекам Преподобного мистера Роуза и разошлась по его преимущественно лысому черепу. Он никогда не говорил ничего о Вавилонской блуднице, заявил он Отцу Бригхэму, хотя и упоминал несколько раз Римскую Блудницу,

и если Отцу Бригхэму подходит это сравнение, то пусть он остается с ним.

Отец Бригхэм сжал кулаки и сделал шаг из двери своего пасторского жилища.

— Если вы хотите обсудить это здесь, на тротуаре, — сказал он, — то пусть твоя гестаповская команда постоит в стороне, а мы обсудим все, что вы хотите.

Преподобный Роуз, который был на три дюйма выше Отца Бригхэма, но, возможно, на двадцать фунтов легче, отступил назад с презрительной усмешкой на лице.

— Я не буду пачкать руки, — сказал он.

Одним из дьяконов был Дон Хэмфил. Он был и выше и тяжелее воинственного пастора.

— Я обсужу это с вами, если вы хотите, — сказал он. — Я вымету тротуар твоей ирландской задницей, которая так любит Папу Римского.

Двое других дьяконов, которые не сомневались, что Дон был способен на это, остановили его как раз в последний момент, но после этого обмена любезностями громовые раскаты услышали все в городе.

До октября все развивалось подспудно: этнические шутки и язвительные сплетни в группах женщин и мужчин двух приходов, передразнивание на школьном дворе детей двух конфессий и, более всего, риторические бомбежки одной кафедры с другой по воскресеньям. А именно в воскресенье, как учит история, начиналось большинство войн. Время от времени происходили неприятные инциденты. То летели яйца в танцующих в приходской зале во время танцев, организованных Союзом молодых баптистов, то бросили камень в окно гостиной пасторского дома, но в основном это была война слов.

Как и все войны, она имела свои периоды накала и затишья, но со дня, когда Дочери Изабеллы объявили о своих планах относительно Казино Найт, война стала набирать все большее ожесточение. Ко времени, когда Преподобный мистер Роуз получил оскорбительную карточку «Баптистский любовник крыс», было уже невозможно. Хворост был уложен. Все, что оставалось сделать — это поднести горящую спичку, чтобы костер вспыхнул.

Если кто-нибудь фатальным образом и недооценил горячесть атмосферы, так это был Отец Бригхэм. Он знал, что его противник не будет рад идее создания Казино Найт, но он не понимал, как глубоко возмутило и покорило баптистского священника намерение подкрепить авторитетом церкви замысел о создании игорного заведения. Он не знал, что Отец Вилли был страстным игроком, который много раз бросал свою семью, когда азартный жар нападал на него и, что в конце концов чуть не застрелился в задних комнатах танцевального зала после проигрышной ночи.

Преподобный мистер Роуз мобилизовал свои силы. Баптисты начали с кампании посылки писем против Казино Найт в газету «Колл» (Ванда Хэмфил, жена Дона, писала большинство из них), затем последовали письма с заголовками «Игральные кости и дьявол». Бэтси Виг, председатель Казино Найт и Главный Регент местного отделения Дочерей Изабеллы, организовала контрудар. В

течение предыдущих трех недель газета «Колл» разрослась до шестнадцати страниц, чтобы отразить последовавшую дискуссию (хотя скорее это было соревнование на перекрик, а не разумное высказывание различных точек зрения). Редакционная статья, призывавшая к сдержанности обе стороны, была проигнорирована. Некоторые из приверженцев и той и другой группы забавлялись. Считалось своего рода хорошим тоном быть вовлеченным в участие в этой буре в стакане воды. Но по мере того, как дело продвигалось к развязке, «Пароходу» Вильяму и Отцу Бригхэму становилось все больше не до забавы.

— Я ненавижу этот кусок самоправедного дерьма, — вспылил Бригхэм перед ошарашенным Альбертом Джендроном в тот день, когда Альберт принес ему оскорбительное письмо «Послушай ты, макрелевый траглодит», которое Альберт нашел на двери своего зубоврачебного кабинета.

— Вообразите, что этот сукин сын обвиняет баптистов в таких вещах! — плевался Преподобный мистер Роуз перед также ошарашенными Норманом Таппером и Доном Хэмфилом. Это случилось в День Колумба, после звонка Отца Бригхэма. Он пытался прочитать Преподобному мистеру Роузу письмо про ловца макрели, но Преподобный мистер Роуз отказался слушать (и довольно правильно, потому что присутствовали его дьяконы).

Норман Таппер, который перевешивал Альберта Джендрона на двадцать фунтов и был примерно такого же роста, почувствовал смущение, что не услышал что-либо пронзительное почти с истеричными нотками в голосе мистера Роуза, но, однако, он умолчал об этом.

— Я знаю, что это такое, — гремел его голос. — Старик ирландец спятил из-за той карточки, которую вы доставили в его дом, Билл.

— Ну, этого мало! — голос мистера Роуза стал пронзительнее, чем когда-либо.

Его голос раскололся на последнем слове. Его руки импульсивно сжимались и разжимались. Норман и Дон обменялись быстрыми смущенными взглядами. Они как раз обсуждали такое поведение Преподобного мистера Роуза, которое становилось у него все более обычным в последние несколько недель. Это дело с Казино Найт просто разрывало Билла. Норман и Дон опасались, что с Роузом может произойти какой-нибудь нервный срыв еще до того, как ситуация будет окончательно улажена.

— Не расстраивайся, — сказал Дон утешающе. — Мы знаем действительное положение вещей, Билл.

— Да! — вскричал Преподобный Роуз, окидывая Дона и Нормана своим дрожащим, влажным взглядом. — Да! Вы знаете — вы двое. И я — я знаю, кто он такой! Но что с остальным городом? Они знают?

Ни Норман, ни Дон не могли ничего ответить на это.

— Я надеюсь, что кто-нибудь доведет этого лживого идолопоклонника до перекладыни! — кричал Вильям Роуз, сжимая кулаки и бессильно сотрясая ими. — На перекладыню! Я заплачу, чтобы увидеть это! Я хорошо заплачу!

Позже, в понедельник, Отец Бригхэм стал обзванивать жителей города, приглашая тех, кто заинтересован разобраться в «текущей

ситуации религиозного гонения в Кастл Роке», зайти к нему в дом для короткой встречи вечером. Людей появилось так много, что встречу пришлось перенести в зал Рыцарей Колумба.

Бригхэм начал с письма, которое Альберт Джендрон нашел на своей двери, письма, которое, как подразумевалось, было от обеспокоенных баптистов из Кастл Рока, а потом сообщил о своем неудавшемся телефонном разговоре с Преподобным мистером Роузом. Когда он сказал собравшимся, что Роуз заявил, будто бы он получил бесстыдную записку, которая, как считает, была от обеспокоенных Католиков из Кастл Рока, толпа глухо заурчала, сначала от удивления, потом уже со злостью.

— Он проклятый лжец, — кто-то крикнул из глубины зала.

Отец Бригхэм кивал и тряс головой одновременно.

— Может быть, Сем, но не в этом дело. Дело в том, что он сошел с ума.

Задумчивое, обеспокоенное молчание было ответом на это, но Отец Бригхэм почувствовал почти осязаемое облегчение даже и на такую реакцию.

— Сумасшедший, — в первый раз он произнес это слово, хотя оно кружилось в его голове по крайней мере три последних года. — Я не потерплю, чтобы нас остановил какой-то религиозный безумец, — продолжал Отец Бригхэм. — Наше Казино Найт безобидное, и только, чтобы Преподобный Вилли ни думал о нем. Но я считаю, что, поскольку он становится все менее уравновешенным и все более наглым, мы должны провести голосование. Если вы за то, чтобы отказаться от Казино Найт, подаваясь давлению, то вы должны сказать это.

Голосование в поддержку Казино Найт, как и планировалось, было единогласным.

Отец Бригхэм кивнул головой, очень довольный. Потом он посмотрел на Бэтси Виг:

— Вы собираетесь завтра вечером провести заседание по планированию Казино, не так ли, Бэтси?

— Да, Отец!

— Тогда я хотел бы предложить, чтобы мы, мужчины, встретились здесь, в зале Рыцарей Колумба, точно в это же время.

Альберт Джендрон, крупный мужчина, который быстро приходил в ярость и медленно остывал, стал не торопясь подниматься во весь свой рост. Головы повернулись, следя за этой фигурой.

— Вы предполагаете, Отец, что эти баптистские придурки могут помешать нашему Эдди.

— Нет, нет, вовсе нет, — успокоил Отец Бригхэм. — Но я думаю, что было бы разумным обсудить некоторые планы, чтобы дело с самим Казино Найт шло у нас беспрепятственно.

— Охрана? — кто-то еще спросил с энтузиазмом. — Охрана, Отец?

— Ну... глаза и уши, — сказал Отец Бригхэм, не оставляя никакого сомнения, что он имел в виду охрану. — И если мы встретимся во вторник вечером, когда собираются дамы, мы будем как раз на месте, если будут какие-нибудь беспорядки.

Итак, в то время, как Дочери Изабеллы собрались у здания по одну сторону автостоянки, мужчины-католики — собрались по дру-

гую. А на другом конце города Преподобный мистер Вильям Роуз организовал собрание, чтобы обсудить самые последние лживые обвинения католиков. И планы по организации пикетчиков у Казино Найт и создание своих опознавательных знаков.

Движение, волнение и шум в Роке этим ранним вечером не повлияли непосредственно на эти собрания. Большинство ротозеев, слонявшихся возле здания муниципалитета, когда приближалась буря, были людьми нейтральными к великому спору о Казино Найт. Что касается католиков и баптистов, действительно впутанных в это представление, то пара убийств и в подметки не годилась предстоящей перспективе настоящей священной войны. Потому что другим событиям пришлось потесниться, в конце концов речь шла о вопросах религии.

2

Более семидесяти человек пришли на четвертый митинг тех, кого Преподобный мистер Роуз окрестил противозартными христианскими солдатами баптистов из Кастрл Рока. Это было широкое участие; число участников резко упало на последнем митинге, но слухи о бесстыдной карточке, брошенной в щель для писем в двери пасторского дома, подхлестнули страсти. Большая аудитория успокоила Преподобного мистера Роуза. Он был разочарован и озадачен, когда выяснилось, что Дон Хэмфилл отсутствует. Дон обещал, что будет, и он был его сильной правой рукой. Мистер Роуз посмотрел на свои часы и увидел, что было уже пять минут восьмого. Времени звонить на рынок и узнать, не забыл ли Дон, не было. Каждый из собравшихся был уже на месте, и он хотел завладеть ими, пока их воображение и любопытство было на подъеме. Он дал Хэмфиллу еще одну минуту. Затем поднялся на кафедру и воздел свои тощие руки в знак приветствия. Его приход, одетый сегодня в основном в рабочие одежды, цепочкой заполнял скамьи из простого дерева.

— Давайте начнем это предприятие, как начинаются все великие дела, — сказал мистер Роуз спокойно. — Давайте же склоним наши головы в молитве.

Головы опустились, и именно в этот момент входная дверь позади них с грохотом открылась, будто пробитая пулей из ружья. Несколько женщин вскрикнули, а некоторые мужчины вскочили на ноги.

Это был Дон. Он выглядел настоящим мясником. На нем все еще был его запятнанный кровью фартук. Лицо его было красным, как помидор для бифштекса. Его дикие глаза изливали воду. Потoki соплей сохли на его носу, его верхней губе и морщинах вокруг его рта. И от него также воняло. Дон вонял, как выводок скунсов, которых сначала прогнали через бочку серы, потом обрызгали свежим коровьим навозом и, наконец, выпустили, чтобы они метались по закрытой комнате в надежде найти выход. Вонь опережала его, и она следовала за ним; но в основном вонь висела вокруг него тлетворным облаком. Женщины бросались подальше от прохода и хватались за носовые платки, когда он, спотыкаясь, продвигался мимо них с хлопающим фартуком спереди и хлопающей незаправленной белой рубашкой сзади. Несколько присутствовавших детей

начали плакать. У мужчин вырывались крики отвращения, смешанного с удивлением.

— Дон! — удивленно вскричал мистер Роуз своим визгливым голосом.

Его руки еще были подняты, когда Дон Хэмфил приблизился к кафедре. Но Роуз опустил их, бессознательно закрыв одной рукой свой нос и рот. Он подумал, что его может стошнить. Это была невероятная вонь, бьющая в нос. Такой он еще не нюхал.

— Что? Что случилось?

— Случилось? — загремел голос Хэмфила. — Случилось? Я скажу вам, что случилось! Я скажу вам всем, что случилось!

Он повернулся к прихожанам, и, несмотря на вонь, которая окружала его и шла от него, они все притихли под его яростным взбешенным взглядом, направленным на них.

— Эти сукины сыны забросали вонючими бомбами мой магазин, — вот что случилось. Не более, чем с полудюжины людей было там, потому что я повесил вывеску, что я рано закрываюсь, и спасибо Господу за это, но весь запас испорчен! Весь! Стоит сорок тысяч долларов! Пропал! Я не знаю, что они использовали, но оно будет вонять еще много дней!

— Кто? — спросил Преподобный мистер Роуз робко. — Кто сделал это, Дон?

Дон полез в карман своего фартука. Он вытащил мятую черную ленту с белой меткой и пачку листовок. Лента оказалась римским воротником. Он поднял ее, чтобы все могли видеть.

— Кто, черт возьми, вы думаете? — закричал он. — Мой магазин! Мои запасы! Все к черту, и кто вы думаете?

Он бросил листовки в ошеломленных противозартных христианских баптистских солдат. Они разлетелись в воздухе и стали падать, вертясь, как конфетти. Некоторые из присутствующих хватали их. Они все были одинаковыми. На каждом была изображена толпа смеющихся мужчин и женщин, стоящих вокруг стола с рулеткой.

«Просто для удовольствия!» — было написано над картинкой, а ниже: *«Присоединяйтесь к нам за Казино Найт в зале Рыцарей Колумба 31 октября 1991 года, чтобы поддержать католический фонд строителей».*

— Где вы нашли эти памфлеты, Дон? — Лен Лилликен спросил жутким громким голосом. — И этот воротничок?

— Кто-то положил их за входную дверь, — сказал Дон, — как раз перед тем, как все пошло к черту.

Дверь в вестибюле снова хлопнула и заставила всех вздрогнуть. Но на этот раз она не открывалась, а закрывалась.

— Надеюсь, вам понравился запах, вы баптистский хворост для костра! — крикнул кто-то.

За этим последовал взрыв визгливого, отвратительного смеха.

Прихожане смотрели на Преподобного Вильяма Роуза испуганными глазами. Он ответил взглядом таких же испуганных глаз. И как раз в этот момент запрятанный на хорах ящик неожиданно начал свистеть. Как и ящик, помещенный в зале Дочерей Изабеллы покойной Миртл Китон, он (установленный Сонни Джекетом, ныне тоже покойным) имел реле времени, которое тикало весь день.

Облако невероятно мощной вони стало выливаться из-за решеток по бокам ящика. В церкви Объединенных Баптистов в Кастл Роке забава началась только тогда.

3

Вепс Миллер кралась вдоль стены зала Дочерей Изабеллы, застывая на месте каждый раз, когда бело-голубая молния разрывала дымное небо. У нее в одной руке был лом, а в другой один из автоматических пистолетов мистера Гаунта. Музыкальную шкатулку, купленную в «Необходимых вещах», она засунула в карман мужского пальто, которое было на ней, и если кто-нибудь попробовал бы украсть ее, ему пришлось бы проглотить примерно унцию свинца.

Кто бы захотел сделать такую подлую отвратительную пакость? Кто бы захотел украсть музыкальную шкатулку прежде чем Вепс смогла узнать, что за мелодию она играет. Ну, думала она, давайте скажем это так — надеюсь Синти Роуз Мартин не выставит свою физиономию перед моей сегодня вечером. Если она это сделает, то она ее уже нигде не покажет. Во всяком случае не по эту сторону ада. Что она думает, я что — дурочка?

Между тем ей нужно было выполнить одно поручение. Так, шалость. По просьбе мистера Гаунта, конечно.

— Ты знаешь Бэтси Виг? — спросил ее тогда мистер Гаунт. — Не правда ли?

Конечно, она знала. Она знала Бэтси с начальной школы, когда они часто вместе бывали старшими по общежитию и неразлучными подругами.

— Хорошо, наблюдайте за ней через окно, она сядет, она возьмет лист бумаги и увидит что-то под ним.

— Что? — спросила Вепс, любопытничая.

— Не важно что, если ты хочешь найти когда-либо ключ, которым открываешь музыкальную шкатулку, тебе просто лучше закрыть свой рот и открыть уши — ты понимаешь, дорогая?

Она поняла. Она поняла кое-что еще. Мистер Гаунт был временами трусоват. Очень трусоват.

— Она возьмет вещь, — продолжил мистер Гаунт, — которую она нашла. Она будет рассматривать ее. Она может открывать ее, но ты тогда должна быть у входной двери. Подожди, когда каждый обернется к левой задней части зала.

Вепс хотела спросить, почему они все будут делать это, но решила, что надежнее не спрашивать.

— Когда они обернутся посмотреть, ты подсунешь расщепленный конец лома под дверную ручку. Другой конец упи в землю. Крепко упри. А потом нужно, чтобы ты закричала.

— Когда мне кричать? — спросила Вепс.

— Ты узнаешь. Они все будут выглядеть так, как если бы кто-нибудь вставил ружья, заряженные красным перцем, в их зады. Ты помнишь, что тебе нужно кричать, Вепс?

Она помнила. Это казалось неким злым трюком по отношению к Бэтси Виг, с которой она прыгала рука об руку в школе, но трюком безобидным. Ну... достаточно безобидным. И они уже не дети, она и

маленькая девочка, которую она почему-то всегда называла Бэтси Ла-ла; все это было уже давно. И как указал мистер Гаунт, никто никогда не свяжет все это с ней. Да и почему бы? Вепс и ее отец были в конце концов адвентистами седьмого дня, и насколько это ее касается, пусть получают по заслугам, включая Бэтси Ла-ла.

Сверкнула молния, Вепс затаилась, затем подбежала к окну ближе к двери и убедилась, что Бэтси еще не села за главный стол, а первые неуверенные капли этой великой бури начали шлепать вокруг нее.

4

Сильная вонь, которая начала заполнять баптистскую церковь, была похожа на вонь, которая неотступно следовала за Доном Хэмфилом... но в тысячу раз сильнее.

— О, дерьмо! — гремел Дон. Он совершенно забыл, где он находился, а если бы и помнил, это не повлияло бы на него. — Они установили одну здесь, такую же! Бегите! Бегите! Все выбегайте!

— Шевелитесь! — Нэни Робертс рычала своим баритоном, как в часы обеденных пиков. — Шевелитесь!

Все могли видеть, откуда шла эта вонь. Плотные клубы беловато-желтого тумана вырывались через парпет высотой до талии и отверстия в форме бриллиантов в нижних панелях. Боковая дверь была как раз под хоровым балконом. Но никто и не думал бежать в этом направлении. Вонь валила с ног. Противоазартные, христианские, баптистские солдаты стали в течение пяти секунд армией на марше. Они броском двинулись к вестибюлю в задней части церкви, взвизгивая и зажимая носы. Одна из скамеек перевернулась и ударилась о пол с громким шумом. Нога Деборы Джоунстон оказалась придавленной ею, и Норман Таппер отшвырнул ее в сторону, когда она пыталась вытащить ногу.

Дебора упала, и раздался громкий треск ломающейся лодыжки. Она завизжала от боли. Но на ее крики никто не обратил внимание — крики неслись отовсюду. Преподобный мистер Роуз находился ближе всех к хорам, и вонь сомкнулась над его головой, как большая вонючая маска. Это запах католиков, горящих в аду, подумал он неуверенно, и прыгнул с кафедры. Он попал точно на диафрагму Деборы Джоунстон своими обеими ногами, и ее крики превратились в длинный заглушенный стон, который уходил в ничто по мере того, как ее жизнь кончалась. Преподобный мистер Роуз не осознавал, что он только что выбил сознание из одной самой приверженной прихожанки, прорывал себе путь к пыльной части церкви. Те, кто первым добрался до двери в вестибюль, обнаружили, что этим путем не спастись: дверь была каким-то образом плотно закрыта. Прежде чем они могли повернуть обратно, этих первопроходцев предполагаемого исхода следующие за ними так прижали к запертым дверям, что они стали словно плоские.

Крики испуга, ярости и бешеная ругань заполнили воздух. Снаружи начинался дождь, а в стенах церкви всех тошнило.

Бэтси Виг заняла свое место за председательским столом возле американского флага. Она постучала костяшками пальцев, чтобы призвать всех к порядку, и все женщины (а их было примерно сорок человек) начали занимать свои места. За стенами гром разрывал небо. Послышались подавленные вскрикивания и нервный смех.

— Я объявляю наше собрание Дочерей Изабеллы открытым, — сказала Бэтси и взяла листок с программой собрания. — Мы начнем, как обычно, с чтения...

Она остановилась. На столе перед ней лежал белый конверт делового письма. Он был под программой. Она смотрела на напечатанные на нем слова, не веря своим глазам.

«Прочти это немедленно, Блудница Папы Римского».

«Это Они, — подумала она, — эти баптисты, эти противные, отвратительные, узколобые люди».

— Бэтси? — спросила Наоми Джессап. — Что-нибудь случилось?

— Я не знаю, — сказала она. — Кажется, да.

Она открыла конверт. Листок бумаги выскользнул из него. На нем было напечатано следующее:

Это вонь от Католических ублюдков.

Неожиданно свистящий звук послышался с левого заднего угла залы. Звук, напоминающий тот, что издает перегруженная паровая труба. Несколько женщин вскрикнули, и все повернулись на звук. Гром прогреготал у них над головами, восклицания стали более обеспокоенными.

Беловато-желтый пар стал выползать из одного угла зала. И сразу же это небольшое в одно помещение здание заполнилось крайне отвратительной вонью. Бэтси поднялась, стуча по своему столу. Она только открыла рот, чтобы хоть что-то сказать, как женский голос за стеной дома крикнул:

— Это вам за Казино Найт, вы, суки! Кайтесь! Кайтесь!

Облако зловонного дыма распространилось по всему помещению.

Дочери Изабеллы заматались вперед и назад, как взбесившиеся овцы. Когда Антонину Биссет оттолкнули назад, и она сломала себе шею о стальную кромку председательского стола, никто этого не услышал и не заметил. А за стенами здания громыхал гром и сверкала молния.

Мужчины-католики в зале Рыцарей Колумба образовали живое кольцо вокруг Альберта Джендрона. Размахивая запиской, которую он нашел на двери своего кабинета, как своего рода отправной точкой, он осыпал бранью злонамеренных католиков.

Альберт прервал его неожиданно и стал прислушиваться.

— Что это такое? — спросил он.

— Гром, — ответил Джейк Пуласки, — собирается большая гроза.

— Нет — это, — сказал Альберт и поднялся. — Похоже кричат.

В перерыве между раскатами грома все услышали: женщины. Кричали женщины.

Они повернулись к Отцу Бригхэму, который поднялся на ноги.

— Пойдемте, мужчины, — сказал он, — надо посмотреть.

Затем послышалось шипение, и вонь повалила с конца зала к тому месту, где собрались мужчины. Зазвенело оконное стекло, на пол полетел брошенный с улицы камень. Мужчины загалдели. Камень проскользнул до противоположной стены, подскочил еще раз и остановился.

— Ньюайте адскую вонь! — кто-то крикнул за стенами здания. — Никаких азартных игр в Кастл Роке! Всем скажите, монашеские кобели!

Дверь в фойе залы Рыцарей Колумба также была подперта ломом. Мужчины собрались у нее и попробовали вышибить.

— Нет! — заорал Отец Бригхэм. Он пробирался сквозь все усиливающуюся вонь к малой боковой двери. — Сюда! Сюда!

Сначала его никто не услышал. Они панически продолжали собираться у несдвигаемой передней двери зала. Тогда Альберт Джэндрон вытянул свои большие руки и призвал всех следовать за ним.

— Делайте, что вам говорит Отец! — ревел он. — Они убивают женщин!

Альберт силой протаранил себе путь, и другие стали следовать за ним. Они продвигались неровной спотыкающейся цепочкой сквозь все прибывающий вонючий туман, кашляя и бранясь. Мид Росиньел не мог больше сдерживать свои внутренности. Он открыл рот и вылил суп на широкую спину Альберта Джэндрона. Альберт едва заметил это. Отец Бригхэм пробирался к лестнице, которая вела к автостоянке и залу Дочерей Изабеллы. Время от времени он останавливался, и его сильно тошнило. Вонь прилипала к нему, как липкая бумага для мух. Мужчины следовали за ним жуткой процессией, не замечая дождя, который начал идти сильнее.

Когда Отец Бригхэм был на половине короткой лестницы, он увидел при вспышке молнии лом, который подпирал двери залы Дочерей Изабеллы. Секундой позже одно из окон на правой стороне здания было со звоном выбито, и женщины начали выбрасываться из него, вываливаясь на лужайку.

7

Преподобный мистер Роуз никогда бы не добрался до вестибюля: слишком плотной была толпа перед ним. Он повернулся, закрывая нос, и пошел обратно в церковь. Он пытался кричать, но когда он открывал свой рот, то из него била струя рвоты. Его ноги заплетались, он упал, сильно ударившись головой о спинку стула. Он попытался подняться, но не смог. Затем чьи-то большие руки подхватили его.

— Через окно, Преподобный, — кричала Нэни Робертс... — быстрее!

— Стекло.

— К черту стекло! Мы здесь задохнемся!

Она вытолкнула его в окно, и у Преподобного мистера Роуза как раз хватило времени закрыть глаза перед тем, как он пробил себе путь через мозаичное стекло, изображающее Христа, ведущего своих

овец вниз по холму. Он пролетел по воздуху, ударился о лужайку, его верхняя вставная челюсть вылетела из рта, и он замычал.

Потом он сел, выпрямившись и внезапно ощутив окружающее: темноту, дождь... и благословил запах свежего воздуха. Но у него не было времени наслаждаться им: Нэни Робертс схватила его за волосы и подняла на ноги.

— Пошли, Преподобный! — закричала она. Ее лицо, освещенное бело-голубым светом молнии, было похоже на искаженное лицо Гарпии.

Преподобный мистер Роуз, спотыкаясь, шел рядом с ней низко опустив голову. Он хотел, чтобы она выпустила его волосы, но каждый раз, когда он пытался сказать ей об этом, раскаты грома заглушали его слова. Несколько человек последовали за ним через разбитое окно. Но большинство застряло по другую сторону двери вестибюля. Два лома подпирали дверь под ручкой. Нэни вышибла их ногой, и в этот момент молния поразила Гаун Коммон, превратив помост для оркестра в горящие щепки.

Ветер начал дуть сильнее, выметая темное небо с мчащимися облаками верхушками деревьев. В момент, когда Нэни выбила лом, дверь была сорвана с петель и упала на цветочную клумбу с левой стороны ступеней. Поток баптистов с выпученными глазами вырвался наружу, они спотыкались и падали друг на друга, когда пытались спуститься по ступенькам. Они кашляли и рвали. И все были взбешенными, как черти в аду.

8

Рыцари Колумба под предводительством Отца Бригхэма, и Дочери Изабеллы, ведомые Бэтси Виг, встретились в центре стоянки как раз тогда, когда небеса разверзлись, и дождь начал лить как из ведра. Бэтси прижалась к Отцу Бригхэму. Из ее глаз лились потоки слез, а волосы превратились в мокрую блестящую шапку, прилипшую к голове.

— Другие еще внутри! — кричала она. — Наоми Джессап... Тони Биссет... Я не знаю, сколько их еще!

— Кто это сделал? — рычал Альберт Джендрон. — Кто, черт возьми, сделал это?

— Ох, это были баптисты, конечно, это они! — прокричала Бэтси и начала плакать, а молния снова прорезала небо, подобно накаленной до бела вольфрамовой нити.

— Они обзывали меня Папской проституткой! Это были баптисты! Это были проклятые богом баптисты!

Отец Бригхэм между тем освободился от Бэтси и побежал к двери залы Дочерей Изабеллы. Ногой он отшвырнул лом, и дверь, треща, отворилась. Три опьяненных, изрыгающих рвоту женщины, и облако вонючего дыма выползли наружу. Сквозь этот дым он увидел Антонию Биссет, симпатичную Тони, которая так ловко и быстро владела иглой и всегда была готова помочь в любом новом церковном начинании. Она лежала на полу около стола председателя, наполовину сокрытая опрокинутым флагом. Наоми Джессап сидела на коленях около нее и причитала. Голова Тони была вывернута невозможным образом. Ее неподвижные глаза смотрели в потолок.

Вонь уже не беспокоила Антонию Биссет, которая так и не купила ни одной вещи у мистера Гаунта и не приняла участия ни в одной из его маленьких шуток. Наоми увидела, что Отец Бригхэм стоит в дверях. Поднялась на ноги и приблизилась к нему. Глубина потрясения ее была так велика, что она уже не замечала вонь.

— Отец! — закричала она. — Отец, почему? Почему они это сделали? Мы же предполагали только поразвлечься... Это все, что мы хотели. Почему?

— Потому что они сумасшедшие, — сказал Отец Бригхэм.

Он обнял Наоми. Рядом с ним Альберт Джендрон голосом хриплым и жестоким как смерть произнес:

— Пошли за ними.

9

Противоазартные христианские баптистские солдаты брели под проливным дождем по улице Харингтона от баптистской церкви с Доном Хэмфигом, Нэни Робертс, Норманом Хартером и Вильямом Роузом во главе. Их глаза были красными. Они вываливались из болезненных раздраженных орбит. Вонь тухлых яиц отставала от них, несмотря на проливной дождь.

Машина полиции штата остановилась на перекрестке улицы Харингтон и авеню Кастл, которая через полмили становилась Кастл Вью. Полицейский вышел из машины и, раскрыв рот от удивления, смотрел на них.

— Эй! — закричал он. — Куда это вы собрались?

— Мы идем надрать задницы Папским сосункам. А ты лучше катись к черту подальше! — прокричала ему Нэни Робертс.

Неожиданно Дэн Хэмфиг раскрыл свой рот и начал петь громким сочным баритоном.

— «Вперед, христианские солдаты, мы маршируем, как на войну...»

Другие подхватили песню. Затем вся паства присоединилась к поющим, и все начали двигаться быстрее, не просто шагая, но и маршируя под ритм. Лица их были бледны и озлоблены. А головы совершенно лишены мыслей. Они не пели, а выкрикивали слова. Преподобный мистер Роуз пел вместе со всеми, хотя это было больше похоже на шепот, ибо ему не доставало верхней вставной челюсти.

«Христос, владыка королей, веди нас на врага. Вперед, в сражение, смотри как вьются знамена!»

Они уже почти бежали.

10

Рядовой Норрис стоял около двери полицейской машины с микрофоном в руке, не отводя глаз с удалявшейся толпы. Вода лилась с его плащевой накидки на поля его шляпы.

— Слушаю вас, подразделение семнадцать, — затрещал голос Генри Пэйтона.

— Лучше прислать сюда людей, немедленно! — крикнул Норрис взволнованным и испуганным голосом.

Он служил рядовым в полиции штата менее одного года.

— Что-то здесь происходит! Что-то нехорошее! Толпа примерно в семьдесят человек только что прошла мимо меня! 10-4!

— Так что же они делали? — спросил Пэйтон. — 10-4!

— Они пели «Вперед, христианские солдаты!», 10-4!

— Это вы, Норрис? 10-4.

— Да, сэр, 10-4!

— Но, насколько я знаю, пока закон не запрещает распевание гимнов, даже под проливным дождем. Я считаю это глупым делом, но не противозаконным. И я хочу сказать вот что: у меня четыре разных донесения, а я не знаю, где шериф или его чертовы заместители. И я не хочу отвлекаться на такие тривиальные вещи. Вы поняли? 10-4.

Рядовой Норрис с трудом проглотил слюну.

— Да, сэр, я понял, конечно же так, но кто-то из толпы, это была женщина, мне кажется, сказала, что они идут, э-э-э... набить Палские задницы, так она сказала. Я знаю, это чепуха, но мне это не понравилось. — Затем Норрис робко добавил. — 10-4!

Молчание длилось так долго, что Норрис уже собирался снова вызвать Пэйтона — электрические разряды в воздухе сделали невозможным связь по радио на дальние дистанции и трудными даже переговоры внутри города, но вдруг снова послышался голос Пэйтона, на этот раз испуганный:

— Ох, ох, Господи, что там происходит?

— Ну, женщина сказала, что они собираются...

— Я слышал вас первый раз! — заорал Пэйтон так громко, что его голос исказился и сломался. — Поезжайте в католическую церковь! Если что-нибудь случится, постарайтесь помешать, но берегите себя. Я повторяю, берегите себя. Я пришлю подкрепление как только смогу, — если есть еще люди. Выполняйте немедленно! 10-4!

— Э-э-э... лейтенант Пэйтон! Где католическая церковь в этом городе?

— Откуда, к черту, я должен знать! — закричал Пэйтон. — Я не молюсь там. Езжайте просто за ними! 10-4, конец связи!

Норрис положил микрофон. Он не мог более видеть толпу. Но он еще мог слышать их между раскатами грома. Он завел двигатель и последовал за пением.

11

Дорожка, которая вела к двери дома Майры Эванс, была посыпана песком. Кора Раск подняла камень и подбросила, пытаясь определить его вес. Она дернула дверь. Она была закрыта на замок, впрочем, как она и ожидала. Она бросила камень в стекло и стала стволом пистолета очищать раму от оставшихся в ней осколков стекла. Потом она просунула руку, отперла дверь и вошла вовнутрь. Ее волосы мокрыми завитушками и колечками прилипли к щекам. Платье ее все еще было не застегнуто, и капельки дождевой воды стекали по ее груди.

Чака Эванса не было дома, только Гарфилд, — ангорский кот Чака и Майры. Он прибежал, подпрыгивая в кухню, замыкал, надеясь получить что-нибудь поесть, и Кора угостила его пулей. Кот улетел прочь в облаке крови и шерсти.

— Скушай это, Гарфилд, — сказала Кора.

Она прошла сквозь хлопья дыма от выстрела в холл, начала подниматься по лестнице. Она знала, где она найдет эту суку. Она найдет ее в постели. Кора знала это так же верно, как свое собственное имя.

Кора улыбалась.

12

Отец Бригхэм и Альберт Джендрон вели свой батальон католиков по авеню Кастл к улице Харингтона. На полпути они услышали пение и тоже переглянулись.

— Как вы думаете, Альберт, мы могли бы научить их другой мелодии? — мягко спросил Отец Бригхэм.

— Мы их научим петь «Я бежал всю дорогу к дому!». Очень хорошая песня, Отец! Я думаю, что даже такое дерьмо, как они, смогли бы выучить ее.

Молния прорезала небо. Она ярко высветила Кастл-стрит, и оба мужчины увидели небольшую толпу, поднимавшуюся по холму. Их белые глаза пусто блестели в свете молнии, как глаза статуй.

— Вот они! — закричал кто-то.

А какая-то женщина прокричала:

— Проучим поганых Римских сукиных сынов!

— Давайте покажем этой дряни, — Отец Джон Бригхэм с упоением втянул воздух и бросился на баптистов.

— Аминь, Отец! — сказал Альберт, присоединившись к нему.

И тогда они побежали.

Когда рядовой Норрис завернул за угол, небо прорезала очередная молния, которая свалила один из старых вязов у реки Кастл. В ее блеске он увидел две толпы, бегущие навстречу друг другу. Одна толпа бежала вверх по склону, другая — вниз. И обе жаждали крови. Рядовой Норрис пожалел, что не сказался больным на сегодняшний день.

13

Кора открыла дверь спальни Чака и Майры и увидела как раз то, что она ожидала увидеть. Эта сука лежала обнаженная на смятой двойной кровати, которая выглядела так, как будто на ней провели не одну бурную ночь. Одна ее рука была за спиной, под подушкой. В другой она держала фотографию в рамке, поместив ее между своих бедер. Казалось, она наслаждается. Глаза ее были полузакрыты, а лицо выражало экстаз.

— О-о-о, э-э-э, — стонала она. — О-о-о, э-э-э, ох, э-э-э!

У Кору перехватило дыхание от ревности. Она подступала к горлу. Она почувствовала ее горький вкус во рту.

— Ах ты навозная мышь, — выдохнула она и вынула автоматический пистолет.

В этот момент Майра посмотрела на нее, при этом на ее лице появилась улыбка. Она вытащила руку из-под подушки, в ней был пистолет.

— Мистер Гаунт сказал, что ты придешь, Кора, — сказала она и выстрелила.

Кора почувствовала, как пуля прошла по воздуху около ее щеки, услышала, как пуля впилась в стенку с левой стороны двери. Она тоже выстрелила. Пуля попала в фотографию между ног Майры. Разнесла на кусочки рамку и зарылась в бедре Майры.

Пуля также оставила дырочку посредине лба Элвиса Пресли.

— Что ты наделала? — вскричала Майра. — Ты выстрелила в Короля, глупая дрянь!

Она три раза выстрелила в Кору. Две пули прошли мимо, но третья попала Коре в горло, отбросила ее назад к стене, которая покрылась брызгами крови. Когда Кора падала, то выстрелила еще раз. Пуля пробила коленную чашечку Майры и вышибла ее из кровати. Кора упала лицом на пол, пистолет выпал из ее руки.

— Я иду к тебе, Элвис, — пыталась она сказать, но что-то ужасно мешало. Казалось осталась только темнота, и никого кроме нее в этой темноте.

14

Баптисты из Кастр Рока во главе с Преподобным Вильямом Роузом и католики под предводительством Отца Джона Бригхэма сошлись у подножия холма Кастр Хилл. Никто не собирался придерживаться правил вежливого кулачного боя. Они сошлись, чтобы выдрать глаза и вырвать носы друг у друга. И, весьма вероятно, чтобы убивать.

Альберт Джондрон, огромный зубной врач, в котором злость разгоралась медленно, но разгоревшись, была ужасной. Он схватил Нормана Таппера за уши и притянул к себе его голову. Их черепа ударились со звуком, напоминавшим треск скал при землетрясении. Норман закачался, потеряв сознание. Альберт отбросил его в сторону, как мешок с бельем, и схватил Билли Майерса, который продавал инструменты в «Вестерн-авто». Билл увернулся от удара и ударил кулаком, который пришелся по лицу Альберта. Альберт выплюнул зуб, схватил Билла медвежьей хваткой и сжимал его до тех пор, пока не услышал треск ребер. Билл кричал. Альберт швырнул его на противоположную сторону улицы, где вовремя остановился от наезда на него рядовой Норрис. Вся картина представляла собой борющиеся, бьющиеся и вырывающие друг другу глаза фигуры. Они сбивали друг друга с ног, поскользывались под дождем, вставали, снова били наотмашь и получали удары. Яркие вспышки молнии освещали какой-то дикий танец, в котором все смешалось в кровавое месиво.

Нэни Робертс схватила Бэтси Виг за платье со спины, когда та оставляла своими ногтями татуировку на щеках Люсиль Данхент. Нэни подтащила Бэтси ближе к себе, развернула к себе и залезла своими пальцами в нос Бэтси. Бэтси издала истошный крик, когда Нэни стала с энтузиазмом таскать ее за нос.

Фрэда Пуласки нанесла Нэни удар ниже пояса своей книгой. Нэни пришлось опуститься на колени. Когда она попыталась подняться, Бэтси ударила ее ногой по лицу, и та отлетела на середину улицы. Бэтси визжала:

— Ты, сука!

Она попыталась надавить ногой на живот Нэни. Но та схватила ее ногу, вывернула ее и свалила Бэтси, которую когда-то звали Бэтси Ла-ла, лицом на мостовую. Нэни подползла к ней. Бэтси ждала, секундой позже они обе катились, схватившись, по улице, кусаясь и царапаясь.

— Прекратить! — орал рядовой Норрис. Но его голос потонул в раскатах грома, который потряс всю улицу. Он вытащил свой револьвер, поднял его вверх, но прежде чем он выстрелил, кто-то — только Бог знает кто, — выстрелил ему в пах из специального товарного ассортимента Лиленда Гаунта. Рядовой Норрис упал на капот своей машины и сполз на землю, зажав остатки своего сексуального инструмента.

Невозможно было сказать, сколько людей принесли с собой оружие, купленное у мистера Гаунта. Немногие. И некоторые из тех в тот день, кто был вооружен, потерял свои пистолеты в бегстве. Но, по крайней мере, еще четыре выстрела были произведены в частой последовательности, которые в основном были не замечены в шуме криков и грохочущего грома.

Лен Милликен увидела, как Джейк Пуласки прицеливался в Нэни, которая выпустила Бэтси и пыталась в тот момент задушить Мида Расиньела. Лен схватила кисть Джейка и направила пистолет в небо за секунду до того, как пистолет выстрелил. Потом она с силой вывернула кисть Джейка и резко дернула. Джейк взвыл. Лен крикнула ему:

— Это научит тебя, как... — Она не успела договорить, потому что кто-то выбрал именно этот момент, чтобы погрузить лезвие своего ножа в ее шею.

Появились полицейские машины. Голубые лучи и фары метались неистово по вымытой дождем темноте. Однако дерущиеся не обращали внимания на призывы через мегафоны прекратить драку. Когда полицейские попытались вмешаться, они сами были втянуты в драку.

Нэни Робертс увидела Отца Бригхэма. Его черная рубашка была разорвана. Одной рукой он держал Преподобного мистера Роуза за шею. Другая рука была сжата в крепкий кулак, и он лупил им Преподобного мистера Роуза в нос. Такой кулак мог бы развалить дом. Рука, держащая шею Роуза, каждый раз отодвигала Преподобного мистера Роуза в положение, удобное для следующего удара. Не обращая внимания на полицейских штата, которые говорили ей, почти умоляли остановиться, и причем немедленно, Нэни отбросила Мида Расиньела и набросилась на Отца Бригхэма.

Глава 22

1

Разразившаяся буря заставила Алана почти ползти, несмотря на все растущее желание не потерять время. Если он не возвратится в ближайшее время в Кастл Рок, то ему будет уже все равно. Большая часть информации, которая действительно была ему необходима, казалось, давно была у него в голове, запертая за толстой дверью.

Эта дверь имела и название, аккуратно напечатанное на ней, но не такое, как «Кабинет президента или Комната совета», или даже «Посторонним не входить». Название, напечатанное на двери, в его голове гласило: «Бессмыслица». Все, что ему было нужно для того, чтобы открыть ее, — это подходящий ключ... ключ, который Шок Раск дал ему. А что же было за дверь?

Ясно: «Необходимые вещи» и их владелец мистер Лиленд Гаунт.

Брайан Раск купил бейсбольную карточку в «Необходимых вещах», и Брайан умер. Нэтти Кобб купила абажур в «Необходимых вещах», и она была мертва тоже. Как много других в Кастл Роке ходили к этому колодцу и покупали отравленную воду у ядовитого хозяина. Норрис тоже — удочку. Полли — магический амулет. Мать Брайана Раска — пару дешевых темных очков, которые что-то имели общее с Элвисом Пресли. Даже Туз Мерилл купил старую книгу. Он готов был поспорить, что Хью Прайст также купил что-то... и Дэнфорд Китон... Сколько других? Сколько?

Он подъехал к дальней стороне моста как раз, когда сверкнула молния в небе и снесла один из старых вязов на противоположной стороне реки Кастл. Был слышен громкий электрический разряд, и жутко сверкнуло. Алан заслонил рукой глаза, но в них запечатлелась женщина в ярком голубом свете. Радио выдало громкий разряд статического электричества, а вяз величаво перевернулся и грохнулся в реку.

Алан опустил руку, потом вскрикнул, когда прямо над ним ударил гром с такой силой, что, казалось, мог расколоть весь мир. Сначала его глаза не могли различить ничего, и он опасался, что дерево могло упасть на мост и заблокировать дорогу в город. Потом он увидел, что вяз лежит выше по течению реки, около старой ржавой конструкции, погруженной в воду. Алан выключил передатчик и переехал мост. Когда он ехал по мосту, он слышал завывание ветра, который перерастал в бурю, свистел в подпорках и решетках моста. Это был какой-то пронзительный звук одиночества.

Дождь лупил по лобовому стеклу «лимузина», превращая вид за окном в размытые галлюцинации. Когда Алан переехал мост и повернул на улицу Мэйн-стрит, дождь застучал с такой силой, что стеклоочистители стали бесполезными. Он опустил стекло сбоку, высунул голову и вел машину. Только так он мог различить дорогу.

Мгновенно он промок до костей.

Площадка у здания муниципалитета была забита полицейскими машинами и фургонами репортеров, но выглядела как-то отвратно, неестественно опустошенно, как если бы все люди с этих машин внезапно были перенесены на ракету «Нептун» злобными пришельцами из космоса. Алан увидел несколько репортеров, выглядывающих из фургонов, и одного полицейского штата, бегущего по аллее к автостоянке и разбрызгивающего лужи своими ботинками.

Через три квартала патрульная машина полиции штата проскочила на большой скорости в направлении на запад по улице Лаурел. Секундой позже другая машина пересекла улицу Мэйн-стрит. Она ехала по улице Берч в противоположном направлении. Это происходило так быстро — «зип, зип», — что напоминало Алану комедийный фильм о полицейских-формалистах «Смокки и бандит». Алан, одна-

ко, не видел ничего забавного в этом. Эта картина вызывала в нем впечатление действия без всякой цели, какого-то панического бессмысленного движения. Внезапно в нем появилась уверенность, что Генри Пэйтон потерял контроль над тем, что происходило сегодня вечером в Кастр Роке... если у него только было что-либо, кроме иллюзии контроля.

Ему показалось, что он слышит слабые крики со стороны Кастр Хилл. При этом ливне, громе и воющем ветре трудно было утверждать наверняка, что были крики, а не игра воображения. Как бы в подтверждение этого, машина полиции штата с ревом выехала из переулка, рядом со зданием муниципалитета. Сверкающие лучи ее фар осветили серебряные потоки дождя. Она помчалась как раз в том направлении. Она чуть не задела фургон с репортерами.

Алану вспомнилось чувство, возникшее у него в начале недели, что что-то было крайне не в порядке в этом городе, что какие-то процессы, о которых он не знал, шли не так, как надо, и Кастр Рок был на краю какой-то невообразимой беды. И вот беда пришла, и она была спланирована этим человеком (Брайан сказал, что мистер Гаунт не был вовсе человеком). Алану никогда не удавалось еще в этом разобраться.

Крик разорвал ночь, громкий и пронизывающий душу. За ним последовал звук разбитого стекла... а потом откуда-то еще выстрел и взрыв неестественного идиотского смеха. Гром ударил с неба со звуком сброшенных досок.

«Но теперь у меня есть время, — думал Алан. — Да. Много времени. Мистер Гаунт, я думаю, нам бы следовало сказать «Хелло» друг другу, и я думаю, уже пора вам узнать, что бывает с людьми, которые насилуют мой город».

Не обращая внимание на хаос и взрывы, звуки которых он слышал через открытое окно, игнорируя здание муниципалитета, где Генри Пэйтон, вероятно, координировал действия сил порядка и закона или пытался это сделать, Алан поехал по улице Мэйн к «Необходимым вещам».

В это время сильная бело-пурпурная молния прорезала небо, сопровождаемая канонадой раскатистого грома, ревела у него над головой. Все освещение в Кастр Роке вышло из строя.

2

Помощник Норрис Риджвик, одетый в форму, которую он старательно использовал для парадов и других торжественных случаев, был в сарайчике, пристроенном к маленькому домику, в котором он жил с матерью до тех пор, пока она не умерла от сердечного приступа осенью 1986 года, и где он с тех пор жил один. Он стоял на табуретке. Тяжелая веревка свисала с одной из верхних балок. Норрис продевал голову в одну из петель, которыми была снабжена веревка, и как раз протягивал ее за правым ухом, когда сверкнула молния и две электрические лампочки, освещавшие сарайчик, погасли. Но он еще мог видеть удочку «Базун», прислоненную к стене около двери, которая вела на кухню. Он так хотел эту удочку и всегда верил, что

досталась она ему дешево, но в конце концов цена оказалась высокой. Слишком высокой для Норриса, чтобы он мог заплатить.

Его дом был на верхней стороне улицы Уоттер-Милл Лейн, где она поворачивала к Кастл Хилл и Вью. Ветер был справа, и он мог слышать звуки драки, которая еще продолжалась там — крики, вопли и время от времени выстрелы. «Я виноват в этом, — думал он. — Не полностью, нет, черт возьми, но частично. Я участвовал. Я — причина того, что Генри Вобертон ранен или уже умирает, может быть уже мертв в Оксфорде. Я причина того, что Хью Прайст в морге. Я — парень, который всегда хотел быть полицейским и помогать людям, парень, который всегда хотел оставаться ребенком. Глупый, смешной, неповоротливый старик Норрис Риджвик, который думал, что ему нужна удочка «Базун», и он может купить ее дешево».

— Я сожалею о том, что я сделал, — сказал Норрис. — Это не исправит дело, и я действительно сожалею.

Он приготовился откинуть табуретку, и тут неожиданно другой голос заговорил в его голове.

— Так почему же ты не хочешь поправить дело, ты, дерьмовый трус?

— Я не могу, — сказал Норрис.

Сверкнула молния. Ее тень бешено скользнула по стене сарая, как будто она уже отплясывала свой танец в воздухе.

— Слишком поздно.

— Тогда посмотри хотя бы на это, — настаивал сердитый голос. — Ты можешь сделать это, так же? Посмотри! Посмотри хорошенько!

Снова сверкнула молния. Норрис смотрел на удочку «Базун»... и издал крик удивления и агонии. Он дернулся, почти упал с табуретки, чуть не повесив себя случайно.

Тоненькая «Базун», такая гибкая и крепкая... ее там не было. Вместо нее стояла грязная, расщепленная удочка из бамбука, всего-навсего палка с детской катушкой «Зебко», прикрепленной к ней ржавым винтом.

— Кто-то украл ее, — крикнул Норрис. Вся его горькая зависть и параноидальная скрытность мгновенно вернулись к нему, и он почувствовал, что нужно бежать на улицу и искать вора. Он должен убить их всех, всех в городе, если так нужно, но добраться до этого подлеца, мужчина он или женщина.

— Кто-то украл мой «Базун»! — Завыл он снова, переминаясь на табуретке.

— Нет, — ответил сердитый голос. — Именно так было всегда. Все, что у тебя украли, — это твои шоры на глазах, те самые, которые ты одел сам, по своей воле.

— Нет!

Чудовищные руки, казалось, схватили его голову с обеих сторон, потом начали сжимать.

— Нет, нет, нет!

Снова сверкнула молния, осветив ему грязную бамбуковую удочку, где стоял его «Базун» лишь минуту тому назад. Он поместил ее там, чтобы она была последней вещью, которую он увидит, когда он

откинет ногой табуретку. Никого не было здесь, никто не прикасался к ней, следовательно, и голос был прав.

— Именно так было всегда, — настаивал сердитый голос. — Остается лишь один вопрос: ты собираешься что-то делать с этим или хочешь скрыться в темноте.

Он начал нащупывать петлю, и в этот момент почувствовал, что он был не один в сарае. Он различил запах табака, кофе и легкого одеколона — «Южно-немецкий», возможно, все это запахи мистера Гаунта.

То ли он потерял равновесие, то ли злые невидимые руки столкнули его с табуретки. Одна нога зацепилась, когда он качнулся вперед и свалила табуретку.

Крик Норриса был заглушен сжимающейся петлей. Одна рука схватилась за верхнюю балку, расслабляя петлю на шее. Другой рукой он вцепился в петлю, он чувствовал, как пенька щипала его горло.

— Нет — так надо! — услышал он злобный крик мистера Гаунта. — Нет, это как раз то, что надо, проклятый валлиец.

Его там в действительности не было. Норрис знал, что его не столкнули. Он был все-таки уверен, что часть мистера Гаунта была там, и мистер Гаунт был недоволен, потому что предполагалось, что все пройдет не так. Соседкам не полагалось что-либо видеть. По крайней мере, до того, когда это переставало играть роль.

Он дернулся вверх и потянул петлю, но впечатление было такое, будто бы она была опущена в бетон. Рука, на которой он держался, дико дрожала. Его ноги ногами качались в трех футах над полом. Он не мог дольше держать вверх свой подбородок. Удивительно, как ему вообще удалось поддерживать петлю чуть расслабленной.

Наконец, ему удалось продеть два пальца под петлю и, потянув ее, частично расширить. Он вытряс свою голову из нее как раз тогда, когда его руку охватила жуткая судорога, и она онемела. Он мешком повалился на пол. Сверкнула молния, и слюна на его обнаженных зубах превратилась в маленькие пурпурные блики света. Сознание его помутилось... на сколько долго, он не знал. Когда он пришел в себя, дождь еще стучал, и молния еще сверкала. Он с трудом поднялся на ноги и поплелся к удочке, все еще поддерживая свою руку. Судорога отпустила руку, но Норрис все еще тяжело дышал. Он взял удочку и сердито начал ее рассматривать. Бамбук. Грязный, гнилой бамбук. Она не стояла всего, она ничего не стояла.

Тошная грудь Норриса дернулась, и он издал крик стыда и ярости. Он тут же поднял свое колено и переломил бамбук. Он сложил куски вдвое и переломил еще раз. Его руки с отвращением держали их, как заразу. Они были и на ощупь обманом. Он отшвырнул их в сторону, и они полетели до опрокинутой табуретки, где и остановились. Теперь они были такие же, как и многие другие бесполезные палки.

— Вот! — кричал он. — Вот! Вот! Вот!

Мысли Норриса обратились к мистеру Гаунту. Этот мистер Гаунт со своей седой головой и своей голодной, кривой улыбкой.

— Я доберусь до тебя, — прошипел Норрис Риджвик. — Я не знаю, что будет потом, но я обязательно доберусь до тебя.

Он подошел к двери, толчком открыл ее и вышел на проливной дождь. Машина отделения номер два стояла на дорожке. Норрис согнулся и подошел к ней.

— Я не знаю, кто ты, — сказал он, — но я приду к тебе, лживый, коварный осел.

Он забрался в машину, отъехал задом по дорожке. Унижение, нищета и злость боролись на его лице. У начала дорожки он повернул влево и помчался к «Необходимым вещам» с такой скоростью, на которую он только осмелился.

3

Полли Чалмерс снился сон.

В этом сне она вошла в «Необходимые вещи», но за прилавком был не Лиленд Гаунт, это была тетушка Эвви Чалмерс. На тетушке Эвви было ее лучшее голубое платье и голубая шаль, та, которая с красной каемкой. Своими большими и невероятно ровными зубами она сжимала Херберта Теаритона.

— Тетушка Эвви! — кричала Полли во сне. Огромное восхищение и еще большее облегчение — то облегчение, которое мы испытываем только в счастливых снах и в тот момент, когда просыпаемся, когда оставляем позади жуткие сны, наполнили ее светом.

— Тетушка Эвви, ты жива?

Но тетушка Эвви ничем не дала понять, что она ее узнала.

— Покупайте, что хотите, миссис, — сказала тетушка Эвви. — Между прочим, ваше имя Полли или Патриция? Я как-то позабыла.

— Тетушка Эвви, ты знаешь мое имя, — я Триша. Я всегда была для тебя Тришей.

Тетушка Эвви на обращала на это никакого внимания.

— Как бы ни было ваше имя, сегодня вы выберете себе особый подарок.

— Тетушка Эвви, что ты здесь делаешь?

— Я принадлежу этому месту, — сказала тетушка Эвви. — Каждый человек в городе принадлежит этому месту, мисс Два Имени. В действительности, каждый человек в мире принадлежит этому месту, потому что каждый хочет заключить выгодную сделку. Каждый любит получать что-то за бесценнок... даже если это много стоит.

Счастливое чувство внезапно исчезло. Ему на смену пришел страх. Полли посмотрела на стеклянные шкафы и увидела бутылки с черной жидкостью, обозначенные «Электрический тоник мистера Гаунта». Там еще были топорные заводные игрушки, которые могли обнажать свои зубы и выплевывать свои пружины, стоило их завести только раз. Были тут также грубые сексуальные игрушки. Были и маленькие бутылки, наполненные чем-то, напоминающим коктейль, на них была надпись «Порошок для потенции Кикалоо доктора Гаунта». Масса дешевого товара: пластмассовые мешочки для рвоты, порошок для икоты, много сигарет, звенящие побрякушки. Была там также и пара рентгеновских очков, с которыми, как предполагалось, можно было видеть через закрытые двери, и женские платья, но в действительности они ничего не показывали, оставляя лишь круги вокруг глаз. Там были пластмассовые цветы и бумажные игральные

карты, и бутылочки дешевых духов с наклейкой «Любовная порция доктора Гаунта превращает расслабленность в похоть». Ящик, содержащий целый перечень вещей без времени, вкуса и пользы.

— Вы что-нибудь хотите, мисс Два Имени? — спросила тетушка Эвви. — Ты не узнаешь меня? Все вещи имеют гарантию. Единственная вещь, с абсолютной гарантией — это вы.

Теперь она смотрела прямо на Полли, и Полли была поражена жутким ужасом. Она видела сочувствие в глазах тетушки Эвви, но это было жуткое, безжалостное сочувствие.

— Как твое имя, ребенок? Мне кажется, что я когда-то знала тебя.

Во сне (и в своей кровати) Полли начала плакать.

— Кто-нибудь еще помнит ваше имя? — спросила тетушка Эвви. — Интересно.

— Тетушка Эвви! Ты пугаешь меня!

— Ты пугаешь себя сама, деточка! — ответила тетушка Эвви, взглянув на Полли. — Просто нужно помнить, что когда ты покупаешь здесь, ты в то же время и продаешь.

— Но мне же нужно это! — вскричала Полли. Она начала плакать еще сильнее.

— Мои руки!

— Да, мисс Полли Фриско, — сказала тетушка Эвви и вытащила одну из бутылок, помеченных «Электрический тоник доктора Гаунта». Она поставила ее на прилавок, эту маленькую, пузатую бутылочку, наполненную чем-то, что напоминало жидкую грязь.

— Оно не сможет облегчить боль, конечно, — ничто не может этого сделать, но оно может перенести тебя в другой мир.

— Что ты имеешь в виду? Почему ты пугаешь меня?

— Оно изменит местоположение твоего артрита, мисс Два Имени — вместо рук, болезнь окопается в сердце.

— НЕТ!

— ДА!

— Нет! Нет! Нет!

— Да, конечно же, и в твоей душе тоже. Но у тебя будет гордость. Она, по крайней мере, останется. И разве женщине не полагается иметь свою гордость? Когда все остальное потеряно: сердце, душа, даже мужчина, которого вы любите, — она будет иметь ее, моя маленькая Мисс Полли Фриско, не правда ли? Вы будете иметь эту единственную монету, без которой ваш кошелек будет пустым. Пусть это будет вашим черным и горьким утешением на оставшуюся жизнь. Пусть оно послужит, оно может послужить, потому что если вы пойдете и дальше по пути, по которому идете сейчас, то наверняка другого у вас не будет.

4

— Прекратите, — пробормотала она во сне. — Пожалуйста, прекратите. Пожалуйста.

Она перевернулась на другой бок. Амулет тихонько звенел на цепочке. Молния расколола небо, озаряя верхушки вязов у ручья, отражаясь от поверхности воды, когда Алан Пэнгборн сидел за рулем своего фургона, ослепленный вспышкой.

Последовавший за этим раскат грома разбудил Полли. Она открыла глаза и сразу же потянулась руками к амулету, как бы защищая его. Рука двигалась проворно, суставы сгибались мягко, как подшпипники, хорошо смазанные маслом.

Мисс Двойное Имя... маленькая мисс Полли Фриско.

Что? Голос у нее звучал слабо, но голова была ясной, как будто и не спала вовсе, но она была ошеломлена этой мыслью чуть ли не до транс. Что-то огромное вырисовывалось в ее сознании. На улице бушевала гроза, разрывая небо яркими, неправдоподобными вспышками.

Кто-нибудь еще забыл твое имя?.. Похоже, что так.

Она дотянулась до ночного столика и включила лампу.

Рядом с телефоном с увеличенными дырочками на диске, телефоном, в котором она больше не нуждалась, лежал конверт, который она обнаружила в прихожей среди другой корреспонденции, когда вернулась домой. Она отодвинула это страшное письмо и спрятала его.

Где-то ночью, в промежутках между залпами грома, ей показалось, что она услышала крики. Полли не обратила на них внимания; она думала о кукушке, которая откладывает яйца в чужие гнезда, пока хозяин гнезда отсутствует.

Интересно, когда возвращается хозяйка, замечает ли она, что прибавилось что-то новое? Конечно, нет. Она просто принимает их за свои собственные. Именно так Полли восприняла это проклятое письмо просто потому, что оно лежало на полу коридора вместе с двумя каталогами и программкой местного кабельного телевидения.

Она просто приняла его... но любой мог подкинуть письмо в щелку двери, ведь так?

— Мисс Двойное Имя, — расстроено прошептала она. — Маленькая мисс Полли Фриско. В том-то и дело, правда? То, что ее подсознание запомнило из сказанного тетушкой Эвви. Она была мисс Полли Фриско.

Давным-давно, но была.

Она потянулась к конверту.

— Нет! — приказал ей голос. Этот голос она знала очень хорошо. — Не трогай его, Полли, ни в коем случае!

Боль, такая же темная и сильная как кофе, простоявший целый день на плите, пронзила ей руки.

Это не может снять твою боль... но это сможет облегчить... ее.

Огромное существо всплывало в ее сознании. Голос мистера Гаунта не мог остановить его; ничто не могло помешать ему.

— Ты можешь остановить его, Полли, — сказал мистер Гаунт. — Поверь мне, ты должна.

Ее рука отдернулась прежде чем она дотронулась до письма. Рука потянулась к амулету, защищая его. Она почувствовала что-то внутри его, то, что было согрето ее сердцем, неистово зашевелилось внутри серебряного амулета, и внезапное отвращение наполнило ее. В желудке у нее похолодело и заурчало.

Она снова потянулась к письму.

— Последнее предупреждение, Полли, — говорил ей голос мистера Гаунта.

— Да, — возражал голос тетушки Эвви. — Да, я думаю, что это так, Триша. Его всегда забавляли женщины, которые носят со своей гордостью. Но знаешь, что? Я не думаю, что для него много пользы в тех, которые решили пойти до конца. Я думаю, что для тебя настало время решить раз и навсегда, какое же твое настоящее имя.

Она раскрыла конверт, не обращая внимания на еще одно предупреждение и взглянула на аккуратно отпечатанный адрес. Это письмо было адресовано мисс Патриции Чалмерс.

— Нет, — прошептала она. — Неправильно. Это не то имя.

Она сжала письмо в руке и смяла его. Тупая боль растеклась по ладони, но Полли не обращала на нее внимания. Ее глаза лихорадочно блестели.

— Я всегда была Полли из Сан-Франциско... я была Полли для всех, даже для детского фонда!

Это была одна из составляющих ее попытки вычеркнуть прошлое из своей жизни, прошлое, которое, как она считала, так жестоко обошлось с ней. Даже самыми темными ночами она не разрешала себе признаваться, что многие раны она нанесла себе сама. В Сан-Франциско не было Триши или Патриции — только Полли. Она даже записала это имя в прошениях на пособие.

Если Алан действительно написал в Детскую Благотворительную Организацию в Сан-Франциско, она надеялась, что он, возможно, назвал ее Патрицией, и ее не найдут в тех списках. Конечно, нет. Даже адрес был неправильным, потому что в графе «АДРЕС ПОСТОЯННОГО МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА» — она написала адрес своих родителей, а их дом находился в другой части города.

А вдруг Алан написал оба имени? Полли и Патриция?

А вдруг? Она достаточно хорошо знала о работе служебной бюрократии, чтобы верить, что не имело значения, сколько имен Алан сообщил им; тогда, отвечая ей, они прислали бы ответ на адрес, написанный на папке. У Полли была подруга в Оксфорде, которой приходили письма из Университета на девичью фамилию, хотя она была замужем уже двадцать лет.

Но это письмо было адресовано Патриции Чалмерс. А кто в Кастл Роке сейчас называет ее Патрицией?

Тот же самый человек, который знал, что Нэтти Кобб на самом деле звали Нэттиция. Ее хороший друг Лиленд Гаунт.

— Насчет этих имен, конечно, интересно, — неожиданно сказала тетушка Эвви. — Но это не так уж и важно. Важен мужчина — твой мужчина. Он действительно твой, даже теперь. Ты знаешь, что он никогда не будет действовать за твоей спиной, как об этом написано в письме. Не имеет значения, какое имя написано на конверте. Или как обвиняюще это выглядит, ты знаешь это, ведь правда?

— Да, — прошептала она. — Я знаю.

Неужели она хоть капельку поверила в это? Или, может быть, это абсурдное, неправдоподобное письмо зародило в ней сомнение только потому, что она испугалась, что Алан может узнать ужасную правду об амулете и силе, заставившей ее сделать выбор между ним и Аланом?

— Нет, это слишком просто, — прошептала она. — Ты просто поверила в это. Только на полдня, но ты поверила. О, Господи, что же я наделала?

Она швырнула смятое письмо на стол с выражением отвращения, как женщина, только что осознавшая, что она держит крысу в руках.

— Я не рассказала ему, почему я злилась, не дала ему возможности объясниться; просто... просто поверила тому. Почему? Господи, почему?

Конечно, она знала. Этот неожиданный, постыдный страх, что ее ложь о причине смерти Келтона выйдет наружу, годы бесстыдных скитаний в Сан-Франциско, ее вина в смерти собственного ребенка... И все это во имя единственного в мире человека, в чьем хорошем мнении она нуждалась и чем дорожила.

Но и это было не все. Это было даже не самое главное. Главным была гордость — раненая, оскорбленная, трепещущая, стонущая, злобная гордость. Гордость — монета, без которой ее кошелек был бы абсолютно пуст. Она поверила потому, что ей стало стыдно. Стыд родился из гордости.

«Мне всегда нравились гордые женщины».

Ужасная волна боли разлилась по ее рукам. Полли застонала и прижала руки к груди.

— Еще не поздно, Полли, — мягко нашептывал мистер Гаунт. — Еще не слишком поздно, даже теперь.

— О, эта дурацкая гордость! — пронзительно выкрикнула Полли в темноту заставленной вещами спальни и сорвала амулет с шеи. Она держала его зажатым в высоко поднятой руке, серебряная цепочка дико раскачивалась из стороны в сторону, и она почувствовала, что ее очарование этой вещицей разлетелась под ее рукой как яичная скорлупа. — **ДУРАЦКАЯ ГОРДОСТЬ!**

Боль вонзалась ей в руки как маленький голодный звереныш... но даже сейчас она знала, что боль не так сильна, как она опасалась. Она знала это, как и то, что Алан никогда не писал в Детский Благотворительный Фонд в Сан-Франциско, посылая запрос о ней.

— **ДУРАЦКАЯ ГОРДОСТЬ! ЧЕРТ ЕЕ ПОБЕРИ! ПОБЕРИ!** — завопила она и швырнула амулет через комнату.

Он ударился о стену, отскочил на пол и раскололся. Сверкнула молния, и она увидела две тоненькие лапки, выглядывающие из трещины. Трещина расширилась, и то, что выползло наружу, оказалось маленьким пауком. Он пустился наутек, ища спасения в ванной комнате. Снова сверкнула молния, отпечатывая удлиненную тень на полу как электрическую наколку.

Полли спрыгнула с кровати и погналась за ним. Она должна убить его, и быстро... потому что паук увеличивался в объеме. Он питался ядами, высасывая их из ее тела, и теперь, когда он освободился, неизвестно, каких размеров он мог достичь.

Она включила в ванной лампочку и увидела паука, спешащего к унитазу. Когда он пересекал дверь, то был не больше сверчка. Теперь же он достиг размеров мыши.

Когда она вошла, он повернулся и кинулся к ней — его лапки устрашающе цокали по кафелю. Он был у меня на груди, он лежал **РЯДОМ** со мной все это время, пронеслось у нее в голове.

Его тело отливало черно-коричневым. Тоненькие волоски оцетинились вокруг лапок. Глаза, тусклые, как фальшивые рубины,

установились на нее... и она увидела, что два клыка вырастают из его пасти, как искривленные зубы вампира. С них капала какая-то прозрачная жидкость. Там, где капли падали на кафель, они оставляли маленькие дымящиеся ямки.

Полли вскрикнула и схватила квач, стоявший рядом с унитазом. Ее руки заныли, но она все же крепко зажала его в руках и ударила паука. Он отбежал, одна его лапка была сломана и теперь беспомощно болталась. Полли снова погналась за ним.

Раненый, но он все равно продолжал расти. Теперь он был похож на крысу. Его жирное брюхо волочилося по кафелю, но он очень проворно вскарабкался по занавеске.

Полли перехватила квач как теннисную ракетку и снова ударила чудовище. Резиновая чашечка захватывала большую площадь, но, к сожалению, была не слишком эффективна, т.к. внутри была полая. Занавеска качнулась, и паук шлепнулся в раковину.

В это время погас свет.

Полли стояла в темноте, сжимая в руках квач и прислушиваясь к шуршанию паука. Когда свет снова вспыхнул, она увидела торчащий из раковины горб его спины. Чудовище, которое выбралось из маленького медальона, сейчас было размером с kota — чудовище, которое она носила у своего сердца, даже если оно и высасывало боль из ее рук.

«Конверт, который я оставила в доме старого Камбера, вот что это было?»

С «талисманом», который уже не висел на ее шее, с болью, проснувшейся и грызущей ее руки, она не могла уже больше сказать себе, что Алан ей не нужен.

Паучьи лапки скреблись по фаянсовому краю раковины. Его остекленевшие глаза пристально смотрели на нее поверх раковины.

«Слишком поздно», — казалось говорили эти глаза. — «Слишком поздно для Алана, слишком поздно для тебя. Слишком поздно для всех».

Полли бросилась на него.

— Что ты заставил меня сделать? — вопила она. — Что ты заставил меня сделать? Ты, чудовище. ЧТО ТЫ ЗАСТАВИЛ МЕНЯ СДЕЛАТЬ?

И паук поднял свои лапы, цепляясь за занавеску, чтобы отразить ее нападение.

5

Туз Мерилл начал немного уважать старого прохвоста, когда Китон сделал ключ, который открывал закрытый сарай с красной надписью огромными буквами «ОЧЕНЬ ВЗРЫВООПАСНО» на двери. Он начал уважать его еще больше, когда ощутил прохладный воздух, услышал тихий шум работающего кондиционера и увидел брикеты динамита. Динамит. Очень много динамита. Конечно, это не то же самое, что и обладание арсеналом, набитым ракетами «Стингер», но и этого вполне хватало. О, да.

Здесь был мощный восьмисекционный электрический фонарь в переносном чемоданчике вместе с другими нужными инструментами,

сейчас, пока Алан рыскал на своем автомобиле по Кастр Року, когда Норрис Риджвик сидел на кухне, когда сон Полли Чалмерс о тетушке Эвви подходил к концу, — Туз освещал то один тюк, то другой ярким светом, исходящим от фонаря. Ливень был настолько сильный, что Тузу показалось, будто он снова в тюремной душевой.

— Давай закончим с этим, — прохрипел Пират.

— Секундочку, папаша, — сказал Туз. — Обеденный перерыв.

Он передал Китону фонарь и вытащил пластмассовую коробочку, которую ему дал мистер Гаунт. Он вытащил маленькую щепоточку кокаина и быстро втянул ее носом.

— Что это? — подозрительно спросил Китон.

— Южноамериканский порошок «Бинго», очень классный.

— А, — Китон вздохнул. — Кокаин. Они продают кокаин.

Туз не спросил, кто такие Они. Старый прохвост ни о чем больше не говорил по дороге сюда.

— Неправда, папаша, — сказал ему Туз. — Они не продают. Они единственные, кто хочет все для Себя.

Он вытащил еще немного порошка и протянул руку.

— Попробуй, и скажи, разве я не прав.

Китон взглянул на него с подозрением, с сомнением и озадаченностью.

— Почему ты назвал меня папаша? Я еще не так стар, чтобы быть твоим отцом.

— Вообще-то я сомневаюсь, чтобы ты когда-нибудь читал комиксы, но там есть один герой по имени Эр Крамб, — ответил Туз. Кокаин начал действовать. — Он появлялся в комиксах о Зиппи. И, по-моему, ты похож на папашу этого Зиппи.

— Это хорошо? — подозрительно спросил Пират.

— В какой-то мере, — заверил его Туз. — Но я могу называть вас мистер Китон, если хотите.

Он замолчал, а потом задумчиво добавил:

— Так, как это делают Они.

— Нет, — сразу сказал Пират. — Лучше так. А это не смертельно?

— Возьми, — ответил Туз. — Давай, попробуй. Немного этого дерьма, и ты будешь петь «Хэй-хо, хэй-хо».

Пират еще раз подозрительно взглянул на него, затем вдохнул кокаин, предложенный Тузом, закашлялся, зачихал, затем схватился за нос. Его повлажневшие глаза тупо уставились на Туза.

— Печет!

— Только в первый раз, — счастливо заверил его Туз.

— В любом случае, я ничего не чувствую. Давай прекращать заниматься чепухой и начнем перекладывать динамит в тележку.

— Ты прав, папаша.

Десять минут им потребовалось, чтобы переложить пакеты с динамитом. Когда они уложили последний, Пират сказал:

— Это твое снадобье все таки на что-то годно. Можно мне еще немного.

— Конечно, папаша, — Туз ухмыльнулся. — Я присоединюсь к тебе.

Они поехали в город. Пират вел машину. Теперь он уже был похож не на папашу Зиппи, а на мистера Тода в диснеевской «Зима

в ивах». Новый бешеный свет появился в глазах председателя городского управления. Поразительно, как быстро сумятица ушла из его мыслей: он чувствовал, что сейчас он может разобраться во всем. Он мог осуществить все — любой план, любые козни, любую интригу. Он рассказал об этом Тузу, когда Туз сидел позади, скрестив ноги и подсоединяя таймер к детонатору. На какое-то время Пират совершенно забыл об Алане Пэнгборне, который был Их предводителем. Он был поглощен идеей взорвать Кастл Рок.

Уважение Туза переросло в восхищение. Старый козел просто чокнутый, а Туз любил сумасшедших всегда. С ними он чувствовал себя как дома. И как у большинства людей, впервые понюхавших кокаин, ум старого папашки улетел на другие планеты. Он никак не мог заткнуться. Все, что требовалось от Туза, так это произносить «Ага» и «Правильно, папашка».

Несколько раз он чуть не назвал Китона мистер Тод вместо папаша. А называть этого приятеля мистером Тодом не стоило.

Они проехали Оловянный мост, когда Алан был всего в трех милях от него, и выбрались под проливным дождем из машины. Туз нашел одеяло под одним из сидений фургона и расстелил его сверху тюков с динамитом и детонаторов.

— Тебе помочь? — нервно спросил Пират.

— Лучше позволь мне самому сесть за руль, папаша. А то ты заедешь в грязь и я напрасно потеряю столько времени, вылавливая тебя. Смотри в оба, хорошо?

— Слушай, Туз... почему бы нам не вдохнуть немножко кокаина?

— Не сейчас, — бесстрастно ответил Туз и похлопал по жирной руке Пирата. — Это дерьмо абсолютно без примесей. Ты что, хочешь взорваться?

— Нет, — сказал Пират. — Что угодно, только не это.

Он дико рассмеялся. Туз присоединился к нему.

— Развлечемся сегодня немного вечером, а, папашка?

Пират был удивлен, когда понял, что эта депрессия, наступившая у него после... несчастного случая с Миртл, сейчас казалась такой далекой.

Туз скользил по мокрому берегу к мосту с завернутым в одеяло динамитом, прижимая его к животу.

Под мостом было относительно сухо; но не то, чтобы это имело какое-то значение, — динамит и детонатор были водонепроницаемы. Туз положил сверток на выступ, образованный двумя стойками, потом присоединил детонатор к динамиту. Он повернул большую белую стрелку таймера на 40. Послышалось тихое тиканье.

Он выполз и вскарабкался на скользкий берег.

— Ну? — взволнованно спросил Пират. — Как ты думаешь, это взорвется?

— Взорвется, — уверенно ответил Туз и забрался в фургон.

Он промок до нитки, но не обращал на это внимания.

— А что если Они найдут его? Что если Они рассоединят прежде чем...

— Папаша, — сказал Туз. — Послушай минутку. Высунь свою голову из машины, и послушай.

Пират повиновался. В перерывах между раскатами грома ему показалось, что он слышит стоны. Затем он четко услышал пистолетный выстрел.

— Мистер Гаунт задал работы Им, — сказал Туз. — Этот хитрый сучий сын.

Он снова поднес кокаин к ноздре и вдохнул. Потом протянул кокаин Пирату:

— Вот, папаша, время настало.

Пират нагнул голову и вдохнул.

Они отъехали от моста на семь минут раньше, чем Алан Пэнгборн пересек его. Внизу, под мостом, черная отметка стояла на тридцати.

6

Туз Мерилл и Дэнфорд Китон — он же Пират, он же папаша Зиппи, он же Тод, — медленно ехали по Мэйн-стрит под проливным дождем, оставляя там и сям маленькие свертки. Полицейские машины дважды проезжали мимо них, но не проявляли ни малейшего интереса к передвижному телевизионному фургону. Как и говорил Туз, мистер Гаунт задал Им работы. Они оставили часовой механизм и пять пакетиков со взрывчаткой у входной двери Похоронного агентства Сэмьюэлса. Рядом была парикмахерская. Туз обернул кусок одеяла вокруг ладони и кулаком разбил стекло входной двери. Он очень сомневался, что в парикмахерской установлена сигнализация... или что полиция побеспокоится, даже если это и так. Пират передал ему только что приготовленную бомбу — они использовали проволоку для соединения часового механизма, взрывного устройства и динамита — и Туз продел ее через дыру в двери. Они увидели, как она упала возле ножки стула. Отсчет начался с двадцати пяти.

— Никто не сможет бриться здесь еще очень долго, папаша, — выдохнул Туз, а Пират беззвучно рассмеялся.

Затем они разделились. Туз оставил свой сверток у «Галаксии», а Пират устроил другой у подножия банковского автомата по выдаче денег в ночное время. Когда они вернулись к фургону, зарево осветило небо. Они постояли на тротуаре, напряженно всматриваясь в темноту. Оба они подумали, что динамит под мостом взорвался минут на двадцать раньше времени.

— Я думаю, что это молния, — сказал Туз. — Возможно, она попала в дерево. Пошли.

Теперь машину вел Туз. Когда фургон Алана проехал мимо них, под таким дождем ни один из водителей не узнал друг друга.

Они подъехали к «У Нэни». Туз разбил стекло, и они оставили здесь свое устройство со стрелкой на двадцати. Когда они уходили, неправдоподобно яркая вспышка молнии прорезала небо, и все фонари на улице погасли.

— Это подстанция! — весело заорал Китон. — Вырубили свет! Давай к зданию муниципалитета! Давай поднимем его на воздух!

— Папаша, это место просто кишит полицейскими, разве ты не знаешь.

— Они охотятся за своей собственной тенью, — спокойно произнес Пират. — А когда что-то происходит, они бегают за ней вдвое

быстрее. Кроме того, сейчас темно, и мы сможем подойти к зданию с другой стороны. Отмычка открывает эту дверь тоже.

— У тебя львиный аппетит, ты знаешь это, папаша?

Пират ухмыльнулся.

— Как и у тебя.

7

Алан подъехал к пустырю перед «Необходимыми вещами», заглушил мотор и немного посидел, разглядывая магазин мистера Гаунта.

В этот раз на табличке можно было прочесть:

ВЫ ГОВОРИТЕ: «ПРИВЕТ». Я ГОВОРЮ: «ДО СВИДАНИЯ, ДО СВИДАНИЯ, ДО СВИДАНИЯ. Я НЕ ЗНАЮ, ПОЧЕМУ ВЫ ГОВОРИТЕ ПРИВЕТ, Я ГОВОРЮ ДО СВИДАНИЯ».

Вспышки молний сверкали, как неон, придавая окнам вид пустых глазниц.

Но внутреннее чутье подсказывало ему, что хотя «Необходимые вещи» закрыты и тихи, но внутри, возможно, не так тихо. Конечно, при такой суматохе мистер Гаунт мог и покинуть город — в такую грозу, когда полицейские бегают, как цыплята с отрезанными головами, сделать это было проще простого. Но образ мистера Гаунта, который созрел у него в уме во время долгой дикой езды из госпиталя в Бриджтоне, походил на Бэтмена. У Алана возникло впечатление, что он имеет дело с человеком, способным подключить ток высокого напряжения к унитазу своего друга, шутки ради. Может ли нравиться человек, способный подложить вам кнопку на стул или воткнуть горящую спичку под стельку вашего ботинка, чтобы подшутить. Какой уж тут смех.

«Я думаю, что ты еще здесь, — думал Алан. — Кажется, что ты хочешь посмотреть на свои проделки. Не так ли, сукин сын?»

Он сидел спокойно, глядя на магазин с зеленым навесом, пытаясь понять образ мыслей человека, устроившего все эти гнусности. Он был слишком сосредоточен на своих размышлениях, чтобы заметить, что машина, стоящая слева от него, была достаточно старая, но обтекаемая, почти аэродинамической конструкции. Это был «талисман» мистера Гаунта.

«Как ты это сделал? Мне бы очень хотелось знать, но только одна вещь была важна сегодня. Как смог ты это сделать? Как ты смог так быстро узнать о нас так много?»

Брайан сказал, что мистер Гаунт вовсе не человек.

Днем Алан посмеялся бы над этой мыслью. Но ночью, схваченный сумасшедшей рукой бури, глядя на витрину, которая превратилась в пустую глазницу, эта мысль возымела свою неоспоримую силу. Он вспомнил день, когда пришел в «Необходимые вещи» с намерением встретиться с мистером Гаунтом, и вспомнил странное чувство, охватившее его, когда он заглядывал в окно, сведя руки козырьком. Ему показалось, что за ним наблюдают, хотя магазин был пуст. И не только это; он почувствовал, что наблюдающий ненавидит его. Чувство было настолько сильным в тот момент, что он даже увидел

в своем собственном отражении неприятное (полупрозрачное) лицо другого человека.

Каким сильным было это чувство... Каким сильным.

Алан вспомнил еще кое-что — то, о чем говорила его бабушка, когда он был совсем маленьким: «Голос дьявола сладкий, как мед».

И как же мистер Гаунт получил свои знания? И почему, Господи, он тратит свое время в таком диком захолустье, как Кастрл Рок?

Брайан сказал, что мистер Гаунт вовсе не человек.

Внезапно Алан склонился и пересел на место пассажира. Ему показалось, что он потерял очень важную вещь, что она выпала из машины, когда дверца была открыта. Затем его пальцы нащупали металлический изгиб. Она просто закатилась за сидение, вот и все. Он вытянул ее, поднял... и голос, отсутствующий с того самого момента, когда он ушел из палаты Шона Раска (а может быть, он был просто слишком занят, чтобы прислушиваться к нему), громко заговорил.

«Привет, Алан! Я уходил, извини, но я уже вернулся. Хорошо? что ты здесь делаешь? Коробка из-под орехов? Нет, она только похожа на коробку, но она не то, что есть на самом деле. Эта последняя шутка, которую Тод купил в магазине «Занимательная Новинка», правильно? Фальшивая баночка с надписью «Очень Вкусные Орехи» и зеленой эмеей внутри — гофрированная бумага, обернутая вокруг пружинки. И когда он с сияющими глазами и улыбкой принес ее тебе, ты велел ему отнести эту глупую вещь обратно, так ведь? А когда его лицо омрачилось, ты сделал вид, что не замечаешь — ты сказал ему... подожди. Что ты сказал ему?»

— Что дурак и деньги не совместимы, — глухо ответил Алан. Он снова и снова вертел банку в руках, глядя на нее и вспоминая лицо Тода. — Вот что я ему сказал.

— Праааааавильно, — согласился голос. — Как я могу забыть об этом? Хорошую вещь ты мне напомнил! Ты напомнил нам ОБОИМ. Ведь так? И только Анни спасла положение — она попросила разрешить ему оставить игрушку. Она сказала... подожди. Что же она СКАЗАЛА?

— Она сказала, что это забавно, что Тод совсем как я и что детство бывает лишь однажды, — голос Алана был хриплым и дрожащим. Он снова заплакал, а почему бы и нет? Старая боль вернулась, оборачиваясь вокруг его сердца как грязная тряпка.

— Больно? — голос депрессии — этот виноватый, самоненавидящий голос, спросивший Алана с сочувствием (остальную часть Алана), был подозрительно поддельным. — Слишком больно, почти как в песне о несчастной любви или о хороших детках, которые умерли. Закинь банку снова в бардачок, приятель. Забудь о ней. На следующей неделе, когда закончится это сумасшествие, ты сможешь продать этот фургон вместе с фальшивой банкой из-под орехов. Почему бы и нет? Это просто дешевый трюк, на который может пойматься только ребенок или человек, подобный Гаунту. Забудь об этом. Забудь...

Алан моментально оборвал голос. Он не знал, что он может сделать до этого момента, и это было ценным знанием, знанием, которое могло пригодиться в будущем.

«...если у него было будущее».

Он посмотрел на банку еще пристальнее, поворачивая ее и так и сяк, впервые действительно разглядывая ее, видя в ней не столько глупую шутку его потерянного сына, но и вполне подходящее приспособление для его собственных фокусов, с волшебной палочкой в руке в высокой шелковой шляпе с двойным дном.

Магия — вот что это все значило. Это было грязная, подлая магия; волшебство, рассчитанное не на то, чтобы люди смеялись и веселились, но на превращение их в злобное, обвиняющее друг друга стадо, а это тоже была магия. А что было основой всего волшебства? Обман. Это было пять фунтов змеи, спрятанной в баночку из-под орехов... или, он вспомнил о Полли, выздоровлением, похожим на обман.

Он открыл дверь машины и, выйдя под проливной дождь, все так же держал банку из-под орехов в левой руке.

Теперь, отойдя немного от опасного соблазна сентиментализма, он с удивлением вспомнил о своем отношении к этой покупке. Всю свою жизнь он был захвачен волшебством, и, конечно же, он был бы просто в диком восторге от старой змеи в банке из-под орехов, когда он был ребенком. Так почему же он разговаривал с Тодом так не дружелюбно, когда мальчик купил ее, и он не показывал виду, что заметил его боль? Может, это была ревность к юности и восторженности Тода? Неспособность помнить радость простых вещей? Что? Что именно?

Он не мог ответить на этот вопрос. Он только знал, что это именно тот вид шутки, которую сможет понять мистер Гаунт, и он хотел проделать ее над ним прямо сейчас.

Алан снова вернулся к машине, вытащил электрический фонарик из маленького ящичка с инструментами, который лежал под сиденьем, потом прошел мимо «талисмана» мистера Гаунта (все еще не замечая его) и вошел под зеленый навес «Необходимых вещей».

8

Наконец-то я здесь.

Сердце Алана яростно, но равномерно билось в груди. В его сознании лица его сына, жены и Шона Раска совместились. Он снова посмотрел на табличку в витрине и подергал дверь. Она была закрытой. Над головой матерчатый балдахин рвался и хлопал под порывами ветра.

Он положил баночку «Очень Вкусных Орехов» в карман рубашки. Теперь он прикасался к ней правой рукой и, казалось, она его успокаивала.

— Ну, вот, — бормотал он. — Вот я и пришел, готов ты или нет?

Он повернул фонарик и рукояткой разбил стекло. Он прислушался, не сработает ли сигнализация, но ничего не было слышно. Или Гаунт не включил ее, или просто не было сигнализации. Он просунул руку в дыру и подергал за ручку изнутри. Она повернулась и впервые Алан Пэнборн вошел в «Необходимые вещи».

Запах ударил ему в нос: затхлый, пыльный. Это не был запах нового магазина, но дома, в котором не жили месяцы или даже годы. Держа пистолет в правой руке, левой он посветил фонариком вокруг.

Ящики были пусты. Товара не было. Все было припорошено густым слоем пыли, на которой не было ни единого отпечатка.

Очень долго здесь никого не было.

Но как такое возможно, когда он видел входящих и выходящих людей в течение всей недели.

«Потому что он вовсе не человек. Потому что голос дьявола сладок, как мед».

Он сделал еще два шага, фонариком освещая комнату, вдыхая едкую музейную пыль, летающую в воздухе. Он оглянулся и увидел в ярком пятне света свои собственные следы в пыли, опять направил луч света в магазин, провел им справа налево вдоль витрины, которая служила мистеру Гаунту прилавком... и остановился.

На прилавке стоял видеомагнитофон и рядом с ним переносной телевизор «Сони» — щегольская модель, не квадратная, а скорее круглая, с корпусом красным, как пожарная машина. Вокруг телевизора был обмотан шнур. На видеомагнитофоне лежало еще что-то. При этом освещении оно выглядело, как книга, но Алан сомневался в этом.

Он подошел и направил луч света на телевизор. Тот был покрыт толстым слоем пыли, как и пол, и стеклянные шкафы. Провод, обернутый вокруг него, был коротким куском коаксиального кабеля со штекером на обоих концах. Алан направил свет фонаря на предмет, лежащий на видеомагнитофоне. Это была не книга, а видеокассета в черном футляре без маркировки.

Рядом с ней лежал пыльный конверт делового формата. На нем было написано:

«ВНИМАНИЕ ШЕРИФ АЛАН ПЭНГБОРН»

Он положил пистолет и фонарик на стеклянный прилавок, взял конверт, открыл его и вытащил единственный лист бумаги. Затем он вновь поднял фонарик и направил его свет на короткое, отпечатанное на машинке сообщение.

Уважаемый шериф Пэнгборн!

Вы уже поняли, что я отношусь к достаточно особому типу бизнесменов — тому редкому типу, который действительно пытается продать «Что-то каждому». Мне очень жаль, что мы ни разу не смогли встретиться с глазу на глаз, но я думаю, что Вы понимаете, что подобная встреча была бы очень неразумной — по крайней мере, с моей точки зрения. Ха-ха! Во всяком случае, я оставляю для вас кое-что, что несомненно заинтересует Вас. Это не подарок — как Вы понимаете, я вовсе не принадлежу к категории Санта Клаусов — но каждый в этом городе уверял меня, что Вы человек честный, и я верю, что Вы заплатите ту цену, которую я попрошу. Эта цена состоит в одной небольшой услуге... услуге, которая в Вашем случае более приемлема, чем какая-нибудь шутка. Я знаю, что Вы согласитесь со мной, сэр.

Я знаю, что Вы долго и основательно интересовались, что же произошло в последние секунды жизни Вашей жены и сына. Я верю, что вскоре Вы получите ответы на эти вопросы.

*Поверьте, что я желаю Вам только самого лучшего и остаюсь
Ваш преданный и покорный слуга
Лиленд Гаунт.*

Алан медленно опустил лист.

— Ублюдок! — пробормотал он.

Он посветил вокруг фонарем и увидел, что шнур видеомангитона тянется к дальнему концу витрин и заканчивается штекером, который лежит на полу в нескольких футах от ближайшей розетки. Что было, впрочем, все равно, так как напряжения не было.

«Но знаешь что? — подумал Алан. — Вряд ли это имеет хоть малейшее значение. Если я соединю телевизор с магнитофоном и вставлю кассету, то все заработает. Потому, что невозможно делать то, что он делает и знать то, что он знает... Невозможно, если он человек. Сладко слышать голос дьявола, Алан, и что бы ты не делал, ты не должен смотреть то, что он тебе предлагает».

И все же он опять положил фонарь и взял кабель. Секунду он рассматривал его, затем вставил штекер в соответствующее гнездо телевизора. Когда он делал это, из кармана его рубашки начала выскальзывать коробочка. Алан проворно подхватил ее на лету и положил ее на стеклянную витрину возле видеомангитона.

9

Норрис Риджвик был на полпути к «Необходимым вещам», когда внезапно решил, что сошел с ума, что это еще более безумно, чем все, что он делал раньше, захватить Лиленда Гаунта в одиночку.

Он взял микрофон.

— Номер второй вызывает Базу, — сказал он. — Это Норрис, ответьте.

Он отпустил клавишу. Не было слышно ничего, кроме ужасного треска электрических разрядов. Центр грозы было сейчас прямо над Кастр Роком.

— Черт подери, — произнес он и повернул к муниципалитету.

Алан может быть там. Если же нет, кто-нибудь скажет ему, где Алан. Алан знает, что делать... и даже если не знает, то должен выслушать его признание: это он порезал шины Хью Прайста и послал человека на смерть только потому, что он, Норрис Риджвик, захотел обладать японской удочкой такой, какая была у его отца.

Он подъехал к зданию муниципалитета, когда таймер под мостом показывал пять, и запарковался прямо за ярко-желтым фургоном. Судя по всему, фургоном телевизионщиков.

Норрис вышел под дождь и вбежал в офис шерифа, чтобы найти Алана.

10

Полли ткнула резиновой чашечкой квача в пятящегося паука, но на этот раз он не отскочил. Его щетинистые передние лапы схватились за древко, и резкая боль пронзила руки Полли. Ее захват ослабел, квач задрожал и неожиданно паук вскарабкался по рукоятке, как толстяк по канату.

Она набрала воздуха, чтобы крикнуть, но вдруг передние лапы паука опустились на ее плечи, как руки какого-то развязного

партнера в танце. Безразличные рубиновые глаза паука смотрели в ее глаза. Его ядовитая пасть открылась, и она почувствовала запах его дыхания, вонь горьких специй и гнилого мяса.

Она открыла рот, чтобы закричать. Одна из лап полезла к ней в рот. Грубые, отвратительные щетинки царапали ее десны и язык. Паук нетерпеливо замыкал.

Полли подавила в себе первое желание — выплюнуть противную, пульсирующую мерзость. Она выпустила ручку квача и схватила паучью лапу. Одновременно она изо всех сил укусила ее. Что-то хрустнуло, как будто она набрала полный рот крекера, и рот ее заполнил горький привкус. Паук издал крик боли и попытался отскочить. Щетинки больно оцарапали кулаки Полли, но она крепко сжала ноющими руками лапы чудовища, пока он не успел вырваться... и повернула их, как женщина, которая отрывает ножку у жареной индейки. Послышался резкий хруст. Паук опять издал жалобный крик. Он опять попытался отпрыгнуть. Выплюнув горькую темную жидкость, которая наполняла ее рот и, чувствуя, что очень не скоро она сможет избавиться от этого вкуса, Полли опять схватила его. Какая-то глубинная часть ее сознания удивилась этой ее силе, но была и другая часть, которая прекрасно все понимала. Она чувствовала страх, отвращение... но более всего — гнев.

«Меня использовали, — думала она бессвязно. — Я заплатила жизнью Алана за Это! За это чудовище!»

Паук попытался достать ее своими ядовитыми зубами, но его задние лапы вдруг утратили опору, и он бы упал... если бы Полли допустила это.

Но она этого не сделала. Она схватила его горячее разбухшее тело предплечьями и сжала его. Она подняла его над собой, паук извивался, его лапы скребли и хлестали по ее запрокинутому лицу. Сок и черная кровь начали сочиться из его тела и текли по ее рукам жгучими ручейками.

— Никогда! — выкрикнула Полли. — НИКОГДА! НИКОГДА! НИКОГДА!

Она с силой бросила паука. Он ударился о кафельную стенку за ванной и прилип к ней на комке слизи. Секунду он висел так, приклеившись собственными внутренностями, затем с глухим шлепком упал в ванну.

Полли схватила квач и подскочила к нему. Она била его, как женщина бьет веником мышь, но безрезультатно. Паук только вздрагивал и пытался отползти. Его лапы скребли по резиновому коврику душа, покрытому желтыми маргаритками. Полли перевернула квач и изо всей силы ткнула им, используя ручку, как копьё.

Она нащупала жизненный центр мерзкого создания и пронзила его. Послышался хрустящий звук, и внутренности паука расплзлись по коврику в луже вонючей крови. Он вздрогнул, обхватил лапами древко, которым она пронзила его сердце, и, наконец, замер.

Полли отступила, закрыла глаза и почувствовала, что мир вокруг нее плывет. Она начала терять сознание, когда вдруг в ее мозгу вспыхнуло имя Алана. Она сжала кулаки и стукнула ими одним по другому, сильно, косточки о косточки. Боль была резкой, внезапной и необъятной. Мир опять обрел устойчивость.

Она открыла глаза, подошла к ванной и посмотрела в нее. Сперва ей показалось, что там вообще ничего нет. Затем она рассмотрела рядом с резиновой чашечкой квача паучка. Он был размером не больше ее ногтя. И совершенно мертв.

«Этого никогда не было. Это все — твое воображение».

— Черт поberi, это было, — произнесла Полли тихим, дрожащим голосом.

Но паук не имел значения. Имел значение Алан — он был в ужасной опасности. Ему угрожала реальная опасность, и это было из-за нее. Она должна найти его, пока не поздно.

Если еще не поздно.

Она поедет в офис шерифа. Кто-нибудь там скажет ей, где...

— Нет, — произнес в ее мозгу голос тетюшки Эвви. — Не туда. Если ты пойдешь туда, будет действительно слишком поздно. Ты знаешь, куда идти. Ты знаешь, где он.

— Да.

Да, конечно, она знает.

Полли подбежала к двери. Одна мысль трепетала в ее мозгу, как крылышко мотылька: «Господи, не позволь ему купить что-либо. Господи, пожалуйста, пожалуйста, не позволь ему купить что-либо».

Глава 23

1

Таймер под мостом Стрим Бридж, который жители города называли Оловянным с незапамятных времен, показывал ноль в семь тридцать восемь вечера во вторник 15 октября, 1991 от Рождества Христова. Слабенький электрический ток, который должен был заставить зазвенеть звонок, проскочил по проводам, которые Туз подсоединил к выводам девятивольтовой батарейки, которая питала эту безделушку. Звонок действительно зазвенел, но он — вместе с остатками таймера — разлетелся на куски через секунду в вспышке света, когда электричество заставило сработать детонатор, а детонатор подорвал динамит.

Немного в Кастл Роке перепутали взрыв динамита с раскатами грома. Гром был тяжелой артиллерией неба; этот же был выстрелом из гигантского ружья. Южный край старого моста, который был сделан из старого ржавого железа, поднялся в воздух на огненном шаре. Он поднялся примерно на десять футов, элегантно изогнувшись, а затем упал вниз, под скрип раскрошенного цемента и скрежет ломающегося металла. Северный конец моста искривился, а затем вся конструкция рухнула в Кастл-стрит.

На Кастл-стрит, где католики, баптисты и примерно дюжина полицейских штата все еще были заняты усиленными дебатами, драка приостановилась. Все сражающиеся оглянулись на огненный цветок, расцветший на краю города, над Кастл-стрит. Альберт Джендрон и Фил Бургмайер, которые неистово сражались всего секунду назад, теперь стояли рядом, смотря на зарево. По левой

щеке Альберта стекала кровь из раны на виске, куртка была разодрана.

Рядом с ними Нэни Робертс присела над Отцом Бригхэмом, как очень большой и снежно-белый гриф. Она поднимала за волосы голову Отца и резко ударяла ею о мостовую. Преподобный Роуз лежал рядом без сознания в результате «богослужения» Отца Бригхэма.

Генри Пэйтон, который с момента его появления здесь лишился зуба (не говоря уже о иллюзиях, которые он питал относительно религиозной гармонии в Америке), замер, пытаясь оттащить Тони Мислабурски от баптистского дьякона Фрэда Меллона.

В этот момент все они замерли, как дети, играющие в игру «Замри».

— Боже правый, это был мост, — пробормотал Дон Хэмфил.

Генри Пэйтон решил использовать преимущества ситуации. Он оттолкнул Тони Мислабурски в сторону, сложил руки рупором вокруг разбитого рта и выкрикнул:

— Все, слушайте сюда! Полиция! Я приказываю вам...

Тут Нэни Робертс повысила голос. Многие годы она провела, отдавая приказы на кухне, и они были слышны независимо от того, какой бы шум и тарарам там не стоял. Ее голос легко перекрыл голос Пэйтона:

— ПРОКЛЯТЫЕ КАТОЛИКИ ВЗЯЛИСЬ ЗА ДИНАМИТ! — протрубила она.

Теперь участников поединка было меньше, но убыль в количестве с лихвой восполнялась энтузиазмом.

Через секунду после возгласа Нэни потасовка возобновилась во всю ширину вымокшего под дождем проспекта.

2

Норрис Риджвик ворвался в офис шерифа за секунду до взрыва моста, выкрикнув во всю мощь своих легких:

— Где шериф Пэнгборн? Мне необходимо найти шерифа Пэнг...

Он остановился. Кроме Ситона Томаса и одного из полицейских штата, который не выглядел достаточно взрослым, чтобы даже пить пиво, офис был пуст.

— Где же, черт побери, все?

На площадке перед зданием стояло, кажется, сотен шесть машин полиции и прочих. Среди них был и его «фольксваген». Он все еще лежал на боку на том самом месте, где в него врезался Пират.

— Господи! — вскрикнул Норрис. — Где все?

Полицейский, который казался недостаточно взрослым, что бы даже пить пиво, уставился на форму Норриса и произнес:

— Там, где вверх по улице происходит драка — Христиане против Каннибалов, или что-то в этом роде. Меня оставили в диспетчерской, но я совершенно ничего не могу ни принять, ни передать.

Затем он мрачно добавил.

— А вы кто?

— Помощник шерифа Риджвик.

— А я Джо Прайст. Что тут у вас за город? Все как с ума посходили.

Норрис, не обращая на него внимания, подошел к Ситу Томасу. У Сита был грязно-серый цвет лица, и он дышал с большим трудом. Одну руку он прижимал к груди.

— Сит, где Алан?

— Не знаю, — сказал Сит и посмотрел на Норриса тусклым, испуганным взглядом. — Случилось что-то ужасное, Норрис. На самом деле ужасное. Со всем городом. Телефоны не работают, хотя этого не может быть, потому что большинство линий проходит под землей. Но ты знаешь? Я рад, что они не работают. Я рад, потому что я не хочу ничего знать.

— Тебе нужно в больницу, — сказал Норрис, с участием глядя на старика.

— Мне нужно в Канзас, — ответил Сит печально. — И тем не менее, я хочу сидеть здесь и ждать, когда все закончится. Я не...

В этот момент взлетел в воздух мост, прервав Сита — звук чудовищного взрыва разорвал тишину ночи.

— Боже! — выкрикнули в унисон Норрис и Джо Прайст.

— Да, — произнес Сит Томас своим усталым, испуганным, ворчливым, но не удивленным голосом. — Я думаю, они решили взорвать город. К этому и шло.

Внезапно старик заплакал.

— Где Генри Пэйтон? — спросил Норрис Прайста.

Тот проигнорировал вопрос. Он бежал к двери, чтобы посмотреть, что взорвалось.

Норрис бросил взгляд на Ситона Томаса, но Сит уныло смотрел в пространство перед собой, по его щекам катились слезы, руку он все еще прижимал к сердцу.

Норрис последовал за Джо Прайстом и нашел его на стоянке перед муниципалитетом, где тысячу лет тому Норрис видел красный «кадиллак» Пирата Китона. В дождливой тьме ночи ясно были видны языки пламени, и в его отблесках оба они могли видеть, что мост Стрим Бридж исчез.

— Мать Божья, — проговорил Джо Прайст испуганным голосом. — Какое счастье, что это не мой город.

Пламя плясало на его щеках и отсвечивало в глазах искорками.

Норрис почувствовал, что ему нужно срочно найти Алана. Он решил, что лучше опять сесть в машину и сначала попытаться найти Генри Пэйтона — если где-то происходит крупная ссора, то это будет не так сложно. Алан тоже может быть там.

Он уже почти пересек тротуар, когда вдруг вспышка выхватила из тьмы двух мужчин, которые появились из-за угла муниципалитета. Они, похоже, направлялись к ярко-желтому фургону. Одного из них он не узнал, но во второй фигуре — тучной и немного кривой — ошибиться было невозможно. Это был Дэнфорд Китон.

Норрис Риджвик сделал шаг вправо и прижался спиной к кирпичной стене. Он вытащил пистолет. Затем поднял его на уровень плеча, направив стволом в дождливое небо, и выкрикнул: «СТОЙ!» во всю силу легких

Полли вывела машину со двора, включила дворники и повернула налево. Боль в кистях соединилась с глубоким, тяжелым жжением в предплечьях, на которые попала грязь, сочившаяся из паука. Он отравил ее каким-то образом, и этот яд уже начал действовать. Но у нее не было времени думать об этом.

Она приближалась к перекрестку Лаурель и Мэйн, когда мост взлетел на воздух.

Она вздрогнула от звука взрыва и минуту смотрела на пламя, поднимающееся от Кастл-стрит. На мгновение она увидела силуэт самого моста и черных ангелов в яростном свете, а затем он провалился в пламя.

Она опять повернула влево на Мэйн, в направлении «Необходимых вещей».

В свое время Алан Пэнгборн был страстным любителем домашних фильмов. Он не понимал, как он до смерти утомлял домашних своими дергающимися картинками, проектируемыми на простыни на стене гостиной. Эти картинки говорили о том, как дети бегают по комнате, как Анни готовит ванну, о днях рождения, семейных торжествах. Во всех этих фильмах люди размахивали руками и кривлялись перед камерой. Это было как какой-то неписанный закон: когда кто-то направляет на тебя камеру, ты должен махать руками или кривляться, или то и другое вместе. Если ты не сделаешь этого, тебя арестуют по обвинению в преступлении второй степени и посадят в тюрьму сроком до десяти лет, и все это время заставят смотреть бесконечные дергающиеся домашние фильмы.

Пять лет назад он переключился на видео, это было дешевле и проще... вместо того, чтобы доставать людей в течение десяти—пятнадцати минут, что составляет время просмотра трех-четырех склеенных роликов восьмимиллиметровой пленки, можно было делать это часами, даже не вставляя новую кассету.

Он достал из футляра кассету и осмотрел ее. На ней не было никаких пометок.

«Ладно, — подумал он. — Отлично. Я сам могу решить, смотреть мне ее или нет».

Его рука потянулась к кнопке включения видеомэгнитофона... и замерла.

Композиция, составленная из лиц Тода, Шона и жены внезапно опять возвратилась; ее сменило бледное, напуганное лицо Брайана Раска, каким сегодня после обеда видел его Алан.

— Ты выглядишь несчастным, Брайан.

— Да, сэр.

— Это означает, что ты **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** несчастен?

— Да, сэр — и если Вы нажмете эту кнопку, то тоже будете несчастны. Он хочет, чтобы Вы посмотрели ее, но не для того, чтобы оказать вам любезность. Мистер Гаунт не оказывает любезностей. Он хочет отравить вас, вот и все. Как он отравил всех остальных.

И все же он должен посмотреть.

Его палец коснулся кнопки, ощутил ее гладкую поверхность. Он остановился и оглянулся. Да, мистер Гаунт все еще был здесь. Где-то здесь. Алан ощущал его тяжелое присутствие, одновременно угрожающее и льстивое. Он подумал о записке, которую оставил мистер Гаунт. «Я знаю, что Вы долго и основательно интересовались, что же произошло в последние секунды жизни Вашей жены и сына...»

— Не делайте этого, шериф, — прошептал Брайан Раск.

Алан посмотрел на это бледное обиженное лицо будущего самоубийцы, глядящее на него из-за холодильника на багажнике велосипеда. Холодильника, заполненного бейсбольными открытками. Пусть прошлое спит. Это будет лучше. И он лжет; ты ЗНАЕШЬ, что он лжет.

Да, он знал. Он знал это.

И все же он должен посмотреть.

Палец Алана нажал на кнопку.

Сразу же загорелся зеленый огонек. Видеомагнитофон работал, хотя и не был включен в сеть, как и подозревал Алан. На экране появилось сексуальная Рыжая Соня, потом ее сменил знак Канала 3.

Алан нажал кнопку извлечения, и видеокассета выползла из щели.

— Не делайте этого, — опять прошептал голос Брайана Раска, но Алан не слушал.

Он перевернул кассету, опять вставил ее и прислушался к тихому механическому щелчку головки. Затем глубоко вдохнул, нажал кнопку воспроизведения. Ярко-белое мерцание экрана сменила чернота. Через секунду экран стал салатно-зеленым и начали появляться цифры: 8... 7... 6... 5... 4... 3... 2... X.

Затем появилась проселочная дорога. На переднем плане, слегка не в фокусе, показался знак с цифрой 117, но Алану это было не нужно. Он много раз ездил там и хорошо знал это место. Он узнал основную рощицу как раз у поворота — ту рощицу, где разбился Скаут, и его передок охватил самое большое дерево в последнем объятии.

Но деревья на экране были не повреждены, хотя и до этого времени раны на них можно было рассмотреть, если проезжать мимо (как много раз делал это он). Удивление и страх пронзили Алана до мозга костей, когда он осознал это. Не по неповрежденной поверхности деревьев или повороту дороги, но по каждой черточке ландшафта и интуиции своего сердца — что видеопленка была снята в день смерти Анни и Тода.

Он увидит, что случилось. Это было невозможно, но это было так. Он увидит собственными глазами, как разбились его жена и сын.

— Выключи его! — выкрикнул Брайан. — Выключи, он отравленный человек и продает отравленные вещи! Выключи, пока не стало слишком поздно!

Но Алан не смог этого сделать точно так же, как не мог заставить свое сердце перестать биться. Он был заморожен, пойман.

Теперь камера была направлена влево, на дорогу. Мгновение на экране не происходило ничего, затем появился солнечный зайчик.

Это был скаут. Он приближался. Скаут приближался к соснам, где он и сидящие в нем люди закончат свой путь навсегда. Скаут приближался к своему конечному пункту на земле. Он двигался не слишком быстро; он двигался спокойно. Не было никаких признаков того, что Анни не справляется с управлением или что она может утратить его.

Алан наклонился над гудящим видеомэгнитофоном. Пот катился по его щекам, кровь тяжело стучала в висках. Он чувствовал, как в нем нарастает ярость.

Это не настоящее. Это подделка.

Он это как-то подделал. Это не они: это, наверное, актриса и юный актер, которые выдают себя за них, но не они. Этого не может быть.

Но он знал, что это они. Что еще можно увидеть по видеомэгнитофону, подключенному к телевизору, которые не включены в сеть, но все равно работают? Что, кроме правды?

— Ложь! — выкрикнул голос Брайана Раска. Но он был далеко, и от него можно было отмахнуться. — Ложь, шериф, ложь! ЛОЖЬ!

Теперь он мог видеть номерной знак приближающегося скаута. «24912 V». Номерной знак Анни.

Снаружи раздался чудовищный взрыв. Это взлетел на воздух Тин Бридж. Алан даже не глянул в этом направлении, даже не слышал его. Все его внимание было направлено на экран красного «Сони», где Анни и Тод приближались к деревьям, которые стояли между ними и остальной жизнью.

Автомобиль, который следовал за ними, ехал со скоростью семьдесят или восемьдесят миль в час. Когда скаут приблизился к оператору, этот второй автомобиль, о котором раньше никто не сообщал, приблизился. Анни заметила его. Она тоже добавила газу, но только немного. И слишком поздно.

Второй автомобиль был «додж челленджер» цвета «липа», который с носа до конца был приспособлен для движения. Сквозь дымчатые стекла можно было видеть панель управления, которая выгибалась дугой до крыши между передним и задним сиденьями. Задняя часть была покрыта надписями: «NEARST, FUELLY, FRAM, QUAKUR STATE...» Хотя пленка была без звука, Алан почти мог слышать звук его выхлопов.

— Туз! — выкрикнул он — Туз! Туз Мерилл! Месть! Конечно! Почему я не подумал об этом раньше!

Скаут промчался перед камерой, которая развернулась следом за ним вправо. Алан на мгновение смог заглянуть вовнутрь; там действительно была Анни. Шотландский шарф, который она надела в тот день, был на ее волосах. Тод был в своей куртке — Звезда Трека. Тод оглянулся на машину, которая преследовала их; Анни смотрела на нее в зеркало. Он не мог видеть ее лица, но ее корпус был выпрямлен и напряженно наклонен вперед. Он только мельком увидел их — жену и сына — и какая-то часть его осознала, что не хочет видеть этого, так как не может изменить результата. Он не хотел видеть ужаса их последней секунды.

Но он не мог этого сделать.

Челленджер подтолкнул скаута. Не сильно, но этого было достаточно. Анни набирала скорость. Скаут не вписался в поворот и слетел

с дороги в направлении сосновой рощицы, где его ждала огромная сосна.

— Нет! — воскликнул Алан.

Скаут попал в кювет и вылетел из него. Он поднялся на два колеса, затем опять опустился и беззвучно врезался в ствол сосны. Шотландский шарф выпал из окна и повис на нижних ветках.

Зеленый «челленджер» остановился у обочины.

Дверца водителя отворилась.

Туз Мерилл выбрался из машины.

Он посмотрел на место аварии, едва видимое теперь из-за пара, вырывающегося из радиатора, и засмеялся.

— Нет! — воскликнул Алан и обеими руками спихнул магнитофон с прилавка. Тот ударился об пол, но кабель не выдернулся, только по экрану пошли помехи.

Алан увидел, как Туз, все еще смеясь, забрался обратно в машину. Он схватил красный телевизор, поднял его над головой и швырнул в стену. Вспыхнул яркий свет, раздался глухой взрыв. Теперь не было слышно ничего, кроме жужжания видеомэгнитофона. Алан пнул его ногой, и он замолчал.

«Убей его. Он живет в «Механик Фаллз».

Это был новый голос. Он был холодным и безумным, но в нем была безжалостная расчетливость. Голос Брайана Раска исчез; теперь звучал только этот единственный голос, снова и снова повторяя лишь эти две фразы.

«Убей его. Он живет в «Механик Фаллз». Убей его. Он живет в «Механик Фаллз». Убей его. Убей его. Убей его».

Через дорогу прозвучало еще два взрыва. Взлетели на воздух парикмахерская и похоронное бюро Сэмьюэлса. По дороге рассыпалось осколками стекла и в небо взмыли языки пламени. Алан не заметил этого.

«Убей его. Он живет в «Механик Фаллз».

Алан опять взял жестянку. Он взял ее только потому, что должен был что-то взять. Он пошел к двери, наступая на свои следы и покинул «Необходимые вещи». Взрывы ничего для него не значили. Кастл Рок и люди, которые в нем живут, и среди них Полли Чалмерс ничего для него не значили. Он должен был отправиться в «Механик Фаллз» за тридцать миль. Это кое-что значило. По сути, это было все, что имело для него значение.

Алан подошел к дверце машины. Он положил жестянку, пистолет и фонарик на сиденье. Мысленно он уже сомкнул руки на шее Туза Мерилла и начал сжимать их.

5

— Стой! — опять выкрикнул Норрис. — Не двигаться!

Он подумал, что это невероятная удача. Он был менее чем в шестидесяти ярдах от камеры, где запрет Дэна Китона. А насчет второго... Ладно, это будет зависеть от того, как они себя поведут. Они не походили на людей, которые собрались провести больных родственников.

Прайст переводил взгляд с Норриса на мужчин, стоящих перед старомодной вывеской «СУД ОКРУГА КАСТЛ». Затем он опять посмотрел на Норриса.

Туз с Пиратом переглянулись. Оба потянулись к рукояткам пистолетов, заткнутых за поясами брюк.

Норрис направил ствол вверх, как его учили действовать в подобной ситуации. Затем охватил правую кисть левой и опустил револьвер на уровень плеч. Если учебник не ошибается, то сейчас каждый из них подумает, что на мушке именно он, хотя он целится точно между ними.

— Бросай оружие, ребята. Живо!

Пират и его компаньон обменялись еще одним взглядом и опустили руки.

Норрис взглянул на стоящего рядом полисмена.

— Эй, — сказал он. — Прайст, хочешь мне помочь? Если, конечно, не очень устал.

— Что вы делаете? — спросил Прайст. Его голос показывал, что он напуган и не хочет вмешиваться. Эта ночная деятельность и грохот взорванного моста привели его в такое состояние, что он хотел остаться в стороне. События развивались слишком быстро и круто.

— Арестовываю этих двух бандитов, приятель, — фыркнул Норрис. — А на что это еще похоже?

— Арестуй вот это, — сказал Туз и присвистнул. Пират разразился смехом.

Прайст нервно посмотрел на них и оглянулся на Норриса.

— А... по какому обвинению? — спросил Пират.

Напарник Пирата рассмеялся.

Норрис опять оглянулся на двух мужчин и с тревогой увидел, что их взаимное положение изменилось. Если раньше они стояли чуть ли не плечом к плечу, то теперь они были уже в пяти футах друг от друга и продолжали расходиться.

— Стоять! — прорычал он. Они остановились и опять обменялись взглядами.

— А ну, назад!

Они просто стояли под проливным дождем, глядя на него.

— Я арестую их по обвинению в незаконном ношении оружия! — яростно крикнул Норрис Джо Прайсту. — Вынь палец из носа и помоги мне!

Это заставило Прайста двигаться. Он попытался вынуть револьвер из кобуры и обнаружил, что строп запутался. Он начал с ним возиться. Он все еще возился с ним, когда парикмахерская и похоронное бюро взлетели на воздух.

Пират, Норрис и Прайст посмотрели в конец улицы. Туз как раз ожидал этого золотого момента. Он вытащил автоматический револьвер из-за пояса со скоростью киноартиста из вестерна и выстрелил. Пуля попала Норрису в верхнюю часть правого плеча, задев легкое и раздробив ключицу. Норрис отступил на один шаг от кирпичной стены и заметил, что два других отступили, и он был «прижат к стене». Туз выстрелил еще раз. Пуля прошла в дюйме от уха Норриса и, выбив кратер в кирпиче, отскочила в сторону.

При этом она издала звук, очень похожий на звук большого и очень сердитого насекомого.

— О, Боже! — завопил Прайст и стал еще с большим энтузиазмом освобождать предохранительный ремень на прикладе своего оружия.

— Сожги этого парня, папаша! — Кричал Туз.

Он улыбался. Он снова выстрелил в Норриса, и эта третья пуля оставила горячую борозду в тощем левом боку помощника, и тот рухнул на колени. Над головой вспыхнула молния. Невероятно, но Норрис все еще слышал, как на улицу падали кирпичи и куски дерева, поднятые в воздух последними взрывами.

Прайст наконец-то сумел снять предохранительный ремень со своего пистолета. Он стал уже его вытягивать, когда пуля из автоматического револьвера Китона снесла ему верхнюю часть головы выше бровей. Прайст был сбит с ног и брошен на кирпичную стену. Норрис снова поднял свою пушку. Казалось, она весила добрую сотню фунтов. Держа ее в обеих руках, он прицелился в Китона. Пират был более крупная цель, чем его друг. И что особенно важно, Пират только что убил полицейского и скорее всего весть об этом еще не дошла до Кастр Рока. Это были лохи, но не варвары. Норрис взвел курок, как раз в то время, когда Туз пытался выстрелить в него еще раз. Из-за отдачи своего револьвера Норрис отпрянул назад. Пуля просвистела в том месте, где полсекунды назад была голова Норриса. Пират Китон также отлетел назад, схватившись руками за живот. Сквозь его пальцы сочилась кровь.

Норрис лежал у кирпичной стены, рядом с Прайстом, тяжело дыша. Одной рукой он держался за раненое плечо. «Боже, ну и паршивый выпал денек», — подумал он.

Туз направил на него свой автомат. Затем решил, что он может еще подождать. Он подошел к Пирату и опустился рядом с ним на колени. К северу от них бушевало пламя пожара, и взрывался гранит. Горел банк. Туз даже не посмотрел в этом направлении. Он подвинул руки папаша, чтобы лучше рассмотреть рану. Ему было жаль, что это произошло. Он здорово привязался к старику папе.

Пират закричал:

— Больно! Больно!

«И это было естественно, — подумал Туз. — Ведь Папаша схлопотал пулю калибра 0,45 дюйма в верхнюю часть живота. Входное отверстие было отверстием с головку болта. И даже не переворачивая его, Туз знал, что выходное отверстие имеет размер кофейной чашки, вероятно с осколками, торчащими как окровавленные леденцы».

— Больно! Б-о-о-о-льно! — орал Пират, лежа под дождем.

— Да. — Туз приложил дуло своего автомата к виску Пирата. — Тебе дьявольски повезло, папаша. Я тебе дам обезболивающее.

Он три раза нажал на курок. Тело Пирата подпрыгнуло и осталось неподвижным.

Туз вскочил на ноги, намереваясь прикончить этого чертового помощника — если он еще не сдох — как вдруг прогремел выстрел, и пуля рассекла воздух менее чем в футах над его головой. Туз поднял голову и увидел еще одного полицейского, стоящего у двери конторы шерифа, выходящей на автостоянку. Он выглядел совсем дряхлым.

Одной рукой он целился в Туза, а другую прижимал к груди выше сердца.

Вторая пуля Сита Томаса пропахала землю рядом с Тузом, забрызгав его ботинки грязью. Этот болван совершенно не умел стрелять, но Туз неожиданно сообразил, что ему все равно нужно рвать отсюда когти. Они вложили столько динамита под здание суда, что оно может взлететь до небес, и поставили таймер на пять минут, а он все еще был здесь, рядом с этим зданием, а тут еще этот чертов старикашка.

Пусть динамит позаботится о них обоих. Наступило время навестить мистера Гаунта.

Туз вскочил и выбежал на улицу. Заместитель снова выстрелил, но этот выстрел был совсем неточным. Туз бежал за желтым микроавтобусом газетчика, но не пытался впрыгнуть в него. У магазина «Необходимые вещи» стоял «шевроле» Селебрити. Он идеально подходил для того, чтобы смыться. Но сначала он решил найти мистера Гаунта и расквитаться с ним. Несомненно, тот что-то получил и, несомненно, мистер Гаунт даст ему это что-то.

Кроме того, ему нужно было найти этого проклятого шерифа.

— У, ублюдок, — пробормотал Туз и пробежал по Мэйн-стрит к магазину «Необходимые вещи».

6

Френк Джеветт стоял на ступеньках здания суда, когда он вдруг увидел человека, которого искал. Френк находился там уже некоторое время, и все, что происходило этой ночью в Кастл Роке, для него не имело значения. Ни вопли, ни крики со стороны Кастл Хилл, ни сбегавшие по ступенькам здания суда пять минут назад Дэнфорд Китон и еще какой-то старик, ни взрывы, ни недавний грохот выстрелов рядом за углом, у конторы шерифа. У Френка были другие цели. У него был весь компромат на его старого «друга» Джорджа Т.Нельсона.

И, черт возьми! Наконец сам Джордж Т.Нельсон шагал по тротуару у входной лестницы здания суда! Если бы не автоматический пистолет, засунутый за пояс его синтетических брюк, и не сильный ливень, то можно было бы подумать, что человек направлялся на пикник.

Под дождем шел месье Джордж Т.Нельсон, шел прямо перед ним, а что же было написано в записке в конторе Френка? Ах, да: «Не забудьте принести две тысячи долларов к моему дому не позднее, чем к семи пятнадцати, или я тебе яйца оторву». Френк взглянул на часы и увидев, что уже ближе к восьми, чем к семи пятнадцати, решил, что это уже не важно.

Он поднял испанский пистолет «Лама» на Джорджа Т.Нельсона, прицелился в голову сына учителя, который заварил эту кашу.

— НЕЛЬСОН! — закричал он. — ДЖОРДЖ НЕЛЬСОН! ПОВЕРНИСЬ И ПОСМОТРИ НА МЕНЯ, ТЫ, ЧЛЕН!

Джордж Т.Нельсон обернулся. Его рука потянулась было к прикладу его автомата, но тут же он понял, что опоздал. Он положил

руки на бедра и смотрел на Френка Джеветта, стоящего на ступенях здания суда, по носу и подбородку которого стекал дождь, и на дуло украденного у него оружия.

— Ты меня хочешь застрелить? — спросил Джордж Т.Нельсон.

— Ты чертовски догадлив, — огрызнулся Френк.

— Просто так взять и пристрелить как собаку?

— А почему бы и нет? Ты это заслуживаешь!

К удивлению Френка, Джордж Т.Нельсон улыбался в ответ и кивал головой.

— Ну, ну, — сказал он. — Что еще можно ожидать от подонка, который врывается в дом друга и убивает беззащитную маленькую птичку. А ну, давай, ты, трусливое дерьмо. Убей меня и покончим с этим.

Над головой погромел гром, но Френк его не слышал. Через десять секунд взорвался банк, но и это он вряд ли услышал, он был слишком занят борьбой со своим гневом и со своим удивлением. Он был поражен наглостью, откровенной наглостью месье Джорджа Т.Нельсона.

Наконец к Френку вернулся дар речи.

— Так говоришь, убил твою птицу? Насрал на эту идиотскую фотографию твоей мамочки? Да, ты прав! А что же сделал ты? Что ты сделал кроме того, чтобы позаботиться о том, что бы я потерял работу и больше никогда не преподавал? Господи, я буду рад, если не кончу тюрьмой! — он увидел полную несправедливость всего этого; этим он лишь подливал масла в огонь. — Почему ты не пришел и попросил? Мы вместе обязательно бы что-нибудь придумали, ты, придурок!

— Я не знаю, о чем ты говоришь! — прокричал в ответ Джордж Т.Нельсон. — Я лишь знаю, что ты достаточно смелый, чтобы убивать крошечных невинных попугаев, но у тебя кишка тонка вступить со мною в честном бою!

— Так ты не знаешь... Не знаешь, о чем я говорю? — вспыхнул Френк. Дуло «Лама» слегка покачивалось взад и вперед. Он не мог поверить в то, что этот человек, стоящий внизу, на тротуаре, мог быть таким наглым, просто не мог поверить. Стоять одной ногой на тротуаре, а другой уже практически в вечности и, как ни в чем не бывало, продолжать врать...

— Нет! Не знаю! Не имею не малейшего понятия!

Будучи уже вне себя от гнева, Френк Джеветт опустился до детского ответа на такое наглое прямое отрицание!

— А вот и врешь! А вот и врешь!

— Трус! — ответил ему Джордж Т.Нельсон.

— Трусиска! Убийца попугаев!

— Шантажист!

— Ты, чокнутый! Убери-ка пушку! Давай честно сразимся!

Френк усмехнулся:

— Честно, говоришь? Сразиться с тобой честно? А что ты знаешь о чести?

Джордж Т.Нельсон поднял прямые руки и пошевелил пальцами.

— Похоже, больше, чем ты.

Френк открыл было рот, чтобы ответить, но не смог ничего из себя выдать. Он лишь смотрел на пустые руки Джорджа Т.Нельсона.

— А ну-ка, — сказал Джордж Т.Нельсон. — Отложи пушку. Давай-ка поступим, как в вестернах, если у тебя смелости хватит, конечно. Выиграет быстрейший.

Френк подумал: «А почему бы и нет? Почему бы, черт возьми, и нет?»

У него больше не было особых причин оставаться живым, и единственное, что он мог еще успеть сделать, это показать своему старому «другу», что он не трус.

— О'кей, — сказал он и засунул «Ламу» за пояс своих брюк. Он вытянул руки вперед, готовый схватиться за оружие. — И как мы это сделаем, Джорджик-Порджик?

Джордж Т.Нельсон улыбался.

— Ты спустишься со ступенек, — сказал он. — А я поднимусь. Как только в следующий раз прогремит гром...

— Хорошо, — сказал Френк, — я согласен. Поехали.

Он сошел со ступенек, а Джордж Т.Нельсон поднялся вверх.

7

Проехав похоронное бюро и парикмахерскую, Полли заметила впереди зеленый навес магазина «Необходимые вещи». Неожиданно возникла огромная вспышка света, и послышались ужасные раскаты. Она увидела, как из центра взрыва летят осколки, как астероиды в научно-фантастическом фильме, и инстинктивно пригнулась. Она это сделала вовремя; несколько кусков дерева и рычаг из нержавеющей стали из боковой части стула номер два, стула Генри Гендрона, влетели сквозь лобовое стекло ее «тойоты». Пролетая сквозь машину, рычаг разбил заднее стекло и издал жуткий, голодный, жужжащий звук. Разбитое стекло вылетело в воздух в виде расширяющегося облака пыли.

«Тойота», оставшись без водителя, ударилась о бордюр и, наскочив на пожарный гидрант, остановилась.

Полли сидела, моргая глазами и смотрела сквозь дырку лобового стекла. Она увидела, как кто-то вышел из магазина «Необходимые вещи» и направился к одной из трех машин, стоящих перед магазином. При ярком свете пожара она легко узнала Алана.

— Алан! — закричала она, что было сил, но Алан не повернул головы. Он целенаправленно двигался, совсем как робот.

Полли открыла дверцу своей машины и подбежала к нему, продолжая выкрикивать его имя. Из дальней части улицы послышался быстрый рокот автоматной стрельбы. Алан не посмотрел и туда, не посмотрел он и на пламя, возвышавшееся там, где лишь несколько мгновений назад были похоронное бюро и парикмахерская. Казалось, он был поглощен лишь своей внутренней программой действий, и Полли неожиданно поняла, что было уже слишком поздно. Лиленд Гаунт овладел им. Он все-таки что-то купил и, если она не успеет добежать до его машины прежде чем он отправится на выполнение той сумасбродной затеи, на которую его послал Гаунт, то он просто уедет, и одному лишь Богу известно, к чему это может привести.

Она побежала быстрее.

— Помоги мне, — сказал Норрис Ситону Томасу и, обхватив рукой шею Сита, с трудом поднялся на ноги.

— Думаю, я его ранил, — сказал Ситон.

Он тяжело дышал, но бледность его пропала.

— Хорошо, — сказал Норрис. Его плечо жгло как огнем... и, казалось, боль все время погружалась глубже, в его плоть, как будто ища сердце. — А теперь помоги-ка мне.

— Ты поправишься, — сказал Ситон. Волнуясь о Норрисе, Сит совершенно забыл свои страхи о том, что он, по его словам, был на грани сердечного приступа. — Еще немного и ты будешь дома...

— Нет, — с трудом сказал Норрис. — В машину!

— Что?

Норрис повернулся к Томасу и посмотрел на него бешеными, наполненными болью глазами.

— Посади меня в мою машину! Мне нужно поехать в магазин «Необходимые вещи».

Да. В тот момент, когда слова сорвались с его уст, казалось, все вернулось на свои места. «Необходимые вещи» — это было место, где он купил японскую удочку. Магазин находился в том направлении, в котором побежал человек, стрелявший в него. «Необходимые вещи» был тем местом, где все началось и там же все должно закончиться.

Взорвалась «Галаксия», наполнив Мэйн-стрит новым сиянием. Из руин вылетела машина «Двойной дракон», дважды перевернулась в воздухе и со скрежетом приземлилась на улице вверх тормашками.

— Норрис, в тебя стреляли...

— Конечно, в меня стреляли! — закричал Норрис. С его губ стекала кровавая пена. — Помоги мне залезть в машину!

— Это плохая мысль, Норрис...

— Нет, — мрачно ответил Норрис. Он отвернулся и сплюнул кровь. — Это единственный вариант. А ну-ка, помоги мне.

Сит Томас повел его к номеру два.

Если бы Алан не посмотрел в зеркало заднего вида, прежде чем сдаться задним ходом на улицу, он бы сбил Полли, завершив таким образом вечер убийством любимой женщины задними колесами своего старого автомобиля. Он ее не узнал, он лишь увидел тень позади автомобиля, лишь тень в форме женщины на фоне огромного пламени на другой стороне улицы. Он резко нажал на тормоза, и секунду спустя она уже колотила ему в окно.

Не обращая на нее внимания, Алан снова стал сдавать назад. Этим вечером у него не было времени заниматься проблемами города; у него были собственные проблемы. Пусть они убивают друг друга как глупые животные, если им это нравится.

Он ехал в «Механик Фоллз». Он хотел найти человека, который убил его жену и сына в отместку за то, что отмотал четыре года в тюрьме.

Полли схватила за ручку двери, и машина ее полуповолокла, полупотопила на улицу, заброшенную осколками взрыва. Она нажала на кнопку на ручке, еле перенося боль в руке, и дверь открылась. Она судорожно держалась за ручку, а ноги ее беспомощно волочились по улице, когда Алан начал разворачиваться. Нос автомобиля был направлен на Мэйн-стрит. В пылу гнева и печали Алан совершенно забыл, что моста, по которому можно было туда проехать, больше нет.

— Алан, — закричала она. — Алан! Стой!

Он услышал ее. Он ее услышал, несмотря на дождь, гром, ветер и резкий голодный треск огня. Несмотря на свою навязчивую идею.

Он посмотрел на нее, и у Полли сжалось сердце при виде выражения его глаз. У Алана был взгляд человека, витающего в кошмарном сне.

— Полли? — спросил он отстраненно.

— Алан, ты должен остановиться!

Она хотела отпустить ручку — ее пальцы дико болели, — но она боялась, что он просто уедет и оставит ее одну посреди Мэйн-стрит.

Нет... Она не боялась, она знала.

— Полли, мне нужно ехать. Мне жаль, что ты на меня сердишься, что ты думаешь, что я что-то сделал, но мы потом с этим разберемся, а сейчас мне надо е...

— Я на тебя больше не сержусь, ведь я знаю, это был не ты, это он... это он играет нами и направляет друг на друга. Как он это уже сделал почти со всеми в Кастл Роке, потому что именно это он и делает. Ты понимаешь, Алан? Ты меня слышишь? Потому что именно это он и делает! А теперь стой! Заглуши этот чертов двигатель и слушай меня!

— Мне надо ехать, Полли, — сказал он.

Казалось, что голос исходил не из него, а откуда-то издалека, как из радиоприемника.

— Но я вер...

— Нет, ты не вернешься, — закричала она. Вдруг она рассердилась на него — она рассердилась на всех этих жадных, перепуганных, злых, страстных к накоплению людей этого города, а также на себя. — Нет, ты не поедешь. Потому что если ты сейчас поедешь, то тебе будет просто некуда возвращаться!

Взорвалось заведение с видеоиграми. Осколки взрыва закружились вокруг машины Алана, стоящей посреди Мэйн-стрит. Алан незаметно взял своей правой рукой жестянку из-под орехов и положил ее к себе на колени.

Полли не обратила внимание на новый взрыв. Она смотрела упорно на Алана своими темными, наполненными болью глазами.

— Полли...

— Смотри! — неожиданно выкрикнула она и разорвала переднюю часть блузки. Дождевая вода ударяла по полушариям ее груди и отсвечивалась в выемке ее горла.

— Смотри, я его сняла — амулет! Его нет! Теперьними свой, Алан! Если ты мужчина, сними свой амулет!

Он с трудом понимал ее из глубин того кошмара, который овладел им, кошмара, в который мистер Гаунт обернул его как в ядовитый кокон.

И вдруг она поняла, что это за кошмар.

— Он тебе не сообщил, что произошло с Анни и Тодом? — спросила она тихо.

Его голова откинулась назад, как будто она его ударила, и Полли поняла, что она попала в цель.

— Конечно, рассказывал. Что это за вещь, единственная во всем мире, совершенно бесполезная вещь, которую тебе так страшно хочется, что тебе кажется, что она тебе нужна? Это твой амулет, Алан, — это то, что он повесил тебе на шею. — Она отпустила ручку двери и тут же просунула обе руки в машину. Вспышка молнии осветила их. Ее кожа была темной, цвета запекшейся крови, ее руки так распухли.

— Во мне сидел паук, — сказала она тихо. — Знаешь, как в детском стишке: Хинки-пинки паучок, взбирается по водосточной трубе, пошел дождь и смыл паучка. Это был маленький паучок, но он рос. Он питался моей болью и рос, и он это делал, пока я его не убила и не вернула себе мою боль. Мне так хотелось избавиться от боли, Алан. Именно этого мне больше всего хотелось, но пойми, мне этого не нужно. Я могу любить тебя, любить жизнь и терпеть боль, все одновременно. Мне даже кажется, что от боли все остальное станет лучше, как хорошая оправа украшает бриллиант.

— Полли...

— Конечно, он меня отравил, — продолжила она задумчиво, — и мне кажется, этот яд может меня убить, если не предпринять чего-нибудь. Но почему бы и нет? Ведь это справедливо. Жестоко, но справедливо. Купив амулет, я купила яд. Он продал кучу амулетов в этом своем отвратительном магазинчике на прошлой неделе. Негодяй работает быстро, этого у него не отнимешь. Хинки-пинки паучок взбирается по водосточной трубе... Вот что было в моем амулете. А что в твоём? Анни и Тод? Ведь, правда? Ведь, правда?!

— Полли, Туз Мерилл убил мою жену, он убил Тода! Он...

— Нет! — закричала она и зажала его лицо своими дрожащими руками.

— Слушай меня! Попытайся понять меня! Алан, ведь дело не только в твоей жизни, как ты этого не поймешь? Он заставляет тебя купить твою собственную боль, а затем ты платишь ему дважды! Разве ты этого до сих пор не понял? Разве это не очевидно?

Он смотрел на нее разинув рот... а затем медленно его рот закрылся. На его лице появилось выражение озадаченности.

— Постой-ка — здесь что-то не так, что-то на той пленке, которую он мне оставил. Я не могу...

— Ты можешь, Алан! Что бы этот негодяй тебе не продал, там всегда что-то не так! Имя на письме, которое он мне оставил, было неправильным.

Алан слышал об этом письме впервые.

— Что за письмо?

— Сейчас это неважно. Если у нас будет «потом», я тебе расскажу об этом. Дело в том, что он переходит границы. Я думаю, что он всегда переходит границы. Он настолько переполнен гордыней, что мне не понятно, почему он еще не взорвался.

— Алан, пожалуйста, попытайся понять: Анни мертва, Тод мертв, и если ты отправишься в погоню за Тузом Мериллом, когда весь город летит к дьяволу...

На плечо Полли опустилась чья-то рука. Рука обхватила ее шею и резко дернула назад. За ней стоял Туз Мерилл, прижимая ее к себе, направив на нее револьвер и улыбался Алану через ее плечо.

— Говорите о дьяволе, леди, — сказал Туз.

А в это время в небе...

10

...грянул гром.

Френк Джеветт и его добрый старый «друг» Джордж Т.Нельсон стояли друг напротив друга на ступеньках дома суда уже почти четыре минуты, как опытные стрелки, у которых отняли очки. Их нервы были натянуты, как скрипичные струны, настроенные на высшую октаву. Рука Френка мгновенно выхватила автоматический пистолет.

Джордж Т.Нельсон выхватил свой пистолет. Они приближались друг к другу с одинаковыми лихорадочными улыбками, напоминавшими громкий беззвучный крик. Их пальцы нажали на курки. Два выстрела прозвучали как один. Сверкнула молния, и две пули вылетели и, столкнувшись друг с другом в воздухе отклонились в достаточной степени, чтобы изменить траекторию и не попасть в верную цель.

Френки Джеветт почувствовал дуновение ветерка у левого виска.

Джордж Т.Нельсон ощутил укус пчелы с правой стороны шеи. Они недоверчиво уставились друг на друга.

— Хм... — сказал Джордж Т.Нельсон.

— Хм, — сказал Френк Джеветт.

Они улыбнулись друг другу одинаковыми удивленными улыбками. Джордж Т.Нельсон поспешно шагнул к Френку. Френк поспешно шагнул к Джорджу. В следующее мгновение они бы уже сцепились в рукопашную — их вражда уменьшилась благодаря двум дуновениям вечности — но тут муниципальное здание взлетело в воздух с грохотом, от которого мир, казалось, должен расколоться надвое, мгновенно уничтожив обоих.

11

Последний взрыв превзошел все остальные. Туз и Пират подложили под муниципальное здание сорок зарядов динамита в виде двух кластеров по двадцать зарядов каждый. Одна из этих бомб была оставлена в кресле судьи в зале суда, вторую бомбу, но настоянию Пирата, заложили в письменном столе Аманды Уильямс в крыле членов городского управления.

— Женщине все равно нечего делать в политике, — объяснил Пират Тузу.

От звука взрыва все содрогнулось и на некоторое время каждое из окон самого крупного в городе здания наполнилось сверхъестест-

венным фиолетово-оранжевым светом. Затем через окна, двери, через люки и решетки, подобно безжалостным мускулистым рукам, вырывался огонь. Шиферная крыша, как страшный двускатный космический корабль, не разрушившись, взлетела в воздух, повисла на огненной подушке, а затем разлетелась на тысячу мелких осколков.

В следующее мгновение само здание взорвалось, осыпав нижнюю часть Мэйн-стрит градом кирпича и стекла так, что ни одна живая душа крупнее таракана не смогла бы выжить. Во взрыве погибло девятнадцать мужчин и женщин, пятеро из них были корреспондентами, которые приехали готовить репортажи о всерастущей загадочности Кастл Рока, но вместо этого сами стали жертвами событий.

Полицейские машины и автобусы журналистов взлетели в воздух как воздушные шарики. Желтый микроавтобус, которым мистер Гаунт снабдил Туза и Пирата, безмятежно парил над Мэйн-стрит в девяти футах над землей, колеса его продолжали вращаться. Дверцы машины болтались на искалеченных петлях. Инструменты и таймеры сыпались на землю.

Он наклонился на левый бок, захваченный горячим потоком урагана, и с силой рухнул на переднюю часть конторы страхового агентства «Дости», протаранил своим радиатором пишущие машинки и ящики с документами. По земле пронеслась дрожь, как при землетрясении. По всему городу вылетели стекла из окон. Флюгеры, которые были направлены строго на северо-запад, в направлении постоянного ветра урагана, начали бешено вращаться. Некоторые из них были просто оторваны, и один из них на следующий день был найден глубоко вонзившимся в дверь баптистской церкви, как индейская стрела.

На Каст авеню, где исход битвы был явно в пользу католиков, сражение прекратилось. Генри Пэйтон стоял у своей машины, пистолет его болтался у правого колена, и смотрел на огненный шар в южном направлении. По его щекам, как слезы, текла кровь. Преподобный Вильям Роуз сел и, увидев чудовищное сияние на горизонте, заподозрил наступление конца света. Отец Джон Бригхэм шел к нему неуверенно и шатаясь, как пьяный. Его нос был сильно смещен влево, а вместо рта была кровавая масса. Он хотел было ударить ногой по голове Преподобного Роуза, как по футбольному мячу, но вместо этого помог встать ему на ноги.

В Кастл Вью Энди Клаттербарк даже не поднял головы, он сидел на ступеньках дома Поттер, плача и держа в руках тело мертвой жены. Прошло всего два года с тех пор, как он в пьяном виде провалился под лед озера Кастл, от чего мог погибнуть, но сейчас был конец последнего трезвого дня его жизни.

На Деллз Лейн Салли Рэтклифф находилась в шкафу своей спальни, по боковому шву ее платья двигалась колонна насекомых. Она услышала, что случилось с Лестером и поняла, что она тут замешана (или подумала, что поняла, хотя в конце концов это в общем одно и то же), и повесилась на поясе своего халата. Одна ее рука была глубоко засунута в карман платья. В этой руке была зажата деревянная щепка, она была черная от возраста и насквозь прогнившая. Паразиты, населявшие эту щепку, покидали ее в по-

исках более надежного дома. Они уже достигли края платья Салли и направились к полу по одной из ее свисающих ног.

Кирпичи свистели в воздухе, превращая здания, находящиеся на некотором расстоянии от эпицентра взрыва, в здания, прошедшие через артобстрел. Те, которые находились ближе, были полуразрушены или разрушены до основания.

Ночь ревела, как лев с отравленной стрелой в горле.

12

Сит Томас, сидевший за рулем автомобиля, которым они воспользовались по настоянию Норриса Риджвика, увидел, как задняя часть автомобиля слегка поднялась, как будто зацепленная рукой невидимого великана. А мгновением позже машина была поглощена в водовороте кирпичей. Два или три кирпича пронзили багажник. Один упал на крышу. Еще один в потоке кирпичной пыли цвета свернувшейся крови упал на капот и соскользнул на землю.

— Боже, Норрис, весь город взлетает на воздух! — пронзительно заорал Сит.

— Поехали, — сказал Норрис. Ему казалось, что он сейчас изжарится; на его розовом, раскрасневшемся лице выступили крупные капли пота. Он подозревал, что Туз ранил его не смертельно, что он лишь задел его оба раза. Но что-то здесь было не так. Он чувствовал, как по всему телу разливается слабость, а перед глазами все плыло. Норрис пытался во что бы то ни стало сохранить сознание. По мере нарастания лихорадочного состояния он все более и более убеждался в том, что он нужен Алану, и что, если ему очень повезет, и он проявит смелость, то он сможет еще искупить тот страшный грех, который начался с того, что он порезал покрышки Хью.

Он увидел небольшую группу людей перед собой на улице у зеленого навеса магазина «Необходимые вещи». Огненный столб, поднимавшийся из руин муниципального здания, осветил эти фигуры, как актеров на сцене. Он увидел автомобиль-универсал Алана и самого Алана, выходящего из него. Лицом к нему, а спиной к автомобилю, к которому приближались Норрис и Ситон Томас, стоял человек с оружием. Перед собой, как щит, он держал женщину. Норрис не мог рассмотреть, кто это была. На мужчине, который держал ее как заложницу, были изорваны остатки футболки фирмы «Харлей-Девидсон». Это был тот самый человек, который пытался убить Норриса в муниципалитете, человек, который вышиб мозги Пирата Китона. И хотя он его никогда не встречал, Норрис был совершенно уверен, что он напал на городского бандита Туза Мерилла.

— Черт возьми, Норрис, это же Алан! Что происходит?

Норрис подумал, что кем бы ни был этот парень, он не может слышать, как они подъезжают, не может из-за всего этого шума, если только Алан не посмотрит в их сторону. Служебный револьвер Норриса лежал у него на коленях. Он опустил стекло и поднял револьвер, который и раньше был тяжелый как собака, а сейчас весил еще больше.

— Поезжай медленно, Сит, как можно медленнее. И когда я наступлю тебе на ногу, останови машину. Не раздумывая.

— Наступишь на ногу! Что ты имеешь в виду, наступишь на...

— Заткнись, Сит, — сказал Норрис мягким уставшим голосом. — Будешь делать то, что я тебе сказал.

Норрис повернулся в сторону, высунул голову и плечи из окна и схватился за перекладину, на которой были установлены мигалки на крыше автомобиля. Медленно и с усилием он подтянулся вверх и уселся на окно. Его плечо ныло от агонии, и через рубашку стала сочиться свежая кровь. Они уже были меньше, чем в тридцати ярдах от трех людей, стоявших на улице, и он мог точно прицелиться, опираясь на крышу, в человека, держащего женщину. Он не мог стрелять по крайней мере сейчас, потому что была большая вероятность того, что он мог бы задеть и ее. Но вот если кто-то из них пошевелится...

Ближе Норрис подъехать не решался.

Он наступил на ногу Ситу, и тот плавно остановил свой автомобиль посреди забросанной кирпичами и мусором улицы.

Пошевелитесь, умолял Норрис. Хоть один из вас, пошевелитесь. Мне не важно кто. Пусть хоть чуть-чуть, но, пожалуйста, шевельнитесь.

Он не заметил, как дверь магазина «Необходимые вещи» открылась. Его внимание было приковано к человеку с оружием. Он также не видел, как мистер Лиленд Гаунт вышел из магазина и остановился под зеленым навесом.

13

— Это были мои деньги, ты, сволочь! — закричал Туз на Алана, — и если ты хочешь получить эту суку назад, то лучше скажи мне, куда ты их дел.

Алан вышел из машины.

— Туз, я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Врешь! — завизжал Туз. — Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю! Деньги моего дяди! В жестянках. Если хочешь получить свою суку, скажи мне, куда ты их дел. Мое предложение действует только ограниченное время. Ты, придурок!

Краем глаза Алан заметил какое-то движение на Мэйн-стрит. Это был полицейский автомобиль, скорее всего из округа, но он не решился посмотреть внимательнее. Если Туз узнает, что кто-то есть сбоку, он убьет Полли. И сделает это прежде чем он успеет моргнуть глазом.

Поэтому он решил не поворачивать голову и посмотрел прямо в лицо Полли. Ее темные глаза были измождены и наполнены болью... но в них не было страха.

Алан ощутил, что к нему снова возвращается здравый смысл. Интересная это штука, здравый смысл. Когда он исчезает, то этого не замечаешь. Замечаешь, лишь когда он возвращается, как редкая птица, которая жила и пела в тебе, не по приказу, а по велению сердца.

— Он неправильно понял, — сказал он тихо Полли. — Гаунт подsunул ему туфту.

— О чем, черт возьми, вы говорите? — Голос Туза был неровным на взводе. Он прижал дуло автомата к виску Полли. Из всех троих лишь Алан заметил, что дверь «Необходимых вещей» была осторожно приоткрыта; он бы и этого не заметил, если бы не пытался настойчиво отвести свой взгляд от патрульной машины, ползущей по улице. Один лишь Алан увидел нечетко, краешком глаза — высокую фигуру, которая вышла из магазина, фигуру, одетую не в спортивную куртку, а в черное длинное пальто.

Дорожное пальто.

В одной руке мистер Гаунт держал старомодную сумку, в которой коммивояжеры в давние времена носили образцы своих товаров. Она была сделана из кожи гиены и она не была неподвижна, она пыхтела и расширялась, пыхтела и пульсировала под длинными тонкими пальцами, державшими ее за ручку. А изнутри доносились слабые крики, похожие на звук далекого ветра или призрачный звук, который можно услышать в высоковольтных проводах. Алан не слышал этот беспокойный звук своими ушами; он, пожалуй, слышал его своим сердцем и умом.

Гаунт стоял под навесом, откуда ему был виден приближающийся патрульный автомобиль. На его лице появилось выражение растущего раздражения... или, возможно даже, озабоченности.

«А он даже не знает, что я его увидел», — подумал Алан. — «Я в этом почти уверен. Боже, вразуми меня».

14

Алан не отвечал Тузу. Он продолжал разговаривать с Полли, сжимая при этом руками жестянку Тода. Туз, казалось, даже не замечал эту банку, скорее всего потому, что Алан абсолютно не пытался ее прятать.

— Анни не пристегнула в тот день ремни безопасности, — сказал Алан Полли. — Я тебе об этом говорил?

— Я... не помню, Алан.

За спиной Туза Норрис Риджвик с трудом высовывался из окна патрульной машины.

— Вот почему она вылетела через лобовое стекло. — Алан подумал, что у него осталось лишь одно мгновение, чтобы сделать выбор. Туз или мистер Гаунт. Кого выбрать? — Я всегда об этом думал: почему ее ремень не был пристегнут. Ведь она об этом даже не думала. Она всегда пристегивала его автоматически, но в тот день она этого не сделала.

— Последний шанс, легавый, — завопил Туз. — Деньги или сука! Выбирай!

Алан продолжал его игнорировать.

— А на пленке ее ремень был пристегнут, — сказал Алан, — и неожиданно он понял. Понимание возникло в нем мгновенно, как чистое, серебряное пламя. — Он был пристегнут, вот тут ты дал промах, мистер Гаунт!

Алан метнулся к высокой фигуре, стоявшей под зеленым навесом в восьми фунтах от него. Он схватился рукой за крышку жестянки, сделав один большой шаг к новому коммивояжеру Кастл Рока и прежде чем Гаунт успел что-либо предпринять — даже прежде чем его глаза успели расшириться, — Алан открыл крышку последней игрушки Тода, той самой, которую Анни позволила ему иметь, потому что детство бывает лишь раз в жизни.

Из нее выпрыгнула змея, и на этот раз это была не шутка.

На этот раз она была настоящей. Она была настоящей лишь несколько секунд. И Алан не знал, заметил ли кто-нибудь это, но Гаунт заметил; и в этом он был абсолютно уверен. Она была длинной — гораздо длиннее, чем змея из гофрированной бумаги, которая вылетела из этой жестянки где-то неделю назад, когда он снял с нее крышку на стоянке у муниципалитета, после его долгого возвращения из Портленда. Ее кожа сияла переливающимся светом, ее тело было испещрено черными и красными бриллиантами, как шкура какой-нибудь сказочной гремучей змеи.

Ее челюсти раскрылись, когда она прыгнула на плечо Лиленда Гаунта, и, увидев ее ослепительные, сверкающие как хром, клыки, Алан прищурился. Он увидел, как страшная треугольная голова отпрянула назад, но тут же снова бросилась к шее мистера Гаунта. Он увидел, как Гаунт пытался ее схватить, но прежде чем он это сделал, клыки змеи впились в его плоть, и не один, а несколько раз. Треугольная голова ходила вверх и вниз как челнок в швейной машинке.

Гаунт закричал — был это крик боли, гнева, или того и другого, Алан не знал и бросил сумку, чтобы схватить змею обеими руками. Алан понял, что это был его шанс и бросился вперед. А Гаунт тем временем оторвал от себя вцепившуюся змею и бросил ее на тротуар, под ноги. Когда она упала, она снова стала тем, чем была раньше — дешевой игрушкой — пять футов спирали, обернутой в цветную зеленую гофрированную бумагу, безделушкой, которую только такой ребенок, как Тод мог действительно любить, и только такое создание, как Гаунт могло действительно ценить.

По шее Гаунта из трех пар ранок крошечными капельками стекала кровь. Он отстраненно вытер ее своей странной рукой с длинными пальцами и нагнулся, чтобы поднять сумку... и неожиданно замер, застыв в этой позе, с длинными изогнутыми ногами и длинными вытянутыми руками, — он был похож на деревянное изваяние журавля. Но того, что он хотел взять, на месте не оказалось.

Эта сумка из кожи гиены с его отвратительными раздувающимися боками стоял теперь на мостовой между ногами Алана. Он схватил ее, когда мистер Гаунт боролся со змеей и, наконец, покончил с ней.

Выражение лица Гаунта было в этот момент зловещим — грозное сочетание ярости, ненависти и невероятного удивления исказили его. Верхняя губа оттянулась вверх в собачьем оскале, обнажив два ряда хищных зубов. Теперь все эти зубы были заостренными, как будто их специально обработали напильником.

Он вытянул свои кривые руки и зашипел:

— Дай сюда. Это мое.

Алан не знал, что Лиленд Гаунт уверял всех жителей Кастл Рока, от Хью Прайста до Слоппи Додда, что его совершенно не интересуют человеческие души, как бы бедны, исковерканы, мелки они ни были. Если бы Алан знал это, он бы рассмеялся и сказал, что все основные товары мистера Гаунта были фальшивыми. О, он знал хорошо — это жужжание, похожее на гул линии электропередачи на ветру, и дыхание, какое бывает у испуганного старого человека на смертном одре, он знал это очень хорошо.

Губы мистера Гаунта оттянулись от зубов в угрожающей гримасе. Его ужасающие руки потянулись к Алану.

— Я предупреждаю вас, шериф. Не играйте со мной. Я не тот человек. Эта сумка моя, говорю вам еще раз.

— Я не считаю так, мистер Гаунт, и предполагаю, что в сумке находится украденная собственность. Думаю вам лучше...

Туз с раскрытым ртом наблюдал за тем, как Гаунт медленно, но верно превращается из бизнесмена в монстра. Его руки, сжимающие шею Полли, немного ослабли и у нее появилась надежда. Она повернула голову, впилась зубами в руку Туза. Туз инстинктивно отбросил ее, и Полли оказалась на улице. Туз направил на нее пистолет.

— Сука, — закричал он.

15

— Ну, вот, — довольно пробормотал Норрис Риджвик.

Он зафиксировал поворотный барабан своего служебного револьвера, перевел дыхание, закусил нижнюю губу и нажал на спуск. Туза Мерилла отшвырнуло в сторону, и он упал на Полли Чалмерс, а голова Норриса покачивалась из стороны в сторону.

Ему вдруг стало очень плохо, но он также чувствовал себя очень, очень несчастным.

16

Алан не обратил внимания на смерть Туза.

Лиленд Гаунт тоже не обратил внимания. Они смотрели друг на друга, Гаунт был на тротуаре. Алан стоял возле своего фургона на улице с этой ужасающей, дышащей сумкой между ногами.

Гаунт глубоко вдохнул и закрыл глаза. По его лицу пробежала дрожь. Когда он снова открыл глаза, к нему вернулось подобие того Лиленда Гаунта, который одурачил столько людей в Кастл Роке — это был уже обаятельный и приветливый мистер Гаунт.

Он взглянул вниз на бумажную змею на тротуаре, сморщился от отвращения и сбросил ее ногой в сточную яму. Затем он снова посмотрел на Алана и протянул руку.

— Пожалуйста, шериф. Не будем спорить. Время позднее, и я устал. Вы хотите, чтобы я уехал из города, я тоже этого хочу. И я уеду, если вы отдадите то, что принадлежит мне. Это мое, уверяю вас.

— Уверяешь, что хорош, а я не верю ни на грош.

Гаунт смотрел на Алана с нетерпением и злостью.

— Эта сумка и ее содержимое принадлежит мне! Вы не верите в свободное предпринимательство, шериф Пэнгборн? Вы что, коммунист? В этой сумке вещи для мелкой торговли! Я приобрел их честно. Если вы считаете, что я должен вознаградить вас за находку, или дать комиссионные, или что-то в этом духе, я согласен и с удовольствием вам уплачу. Но вы должны понять, что это бизнес, а не криминальное дело.

— Вы обманывали, — прокричала Полли, — вы надували.

Гаунт бросил на нее уничтожающий взгляд, потом перевел его на Алана.

— Я не делал этого, вы же знаете. Я всегда показываю людям то, что хочу продать или предоставляю им возможность самим сделать свой выбор.

— Я думаю, пусть она будет у меня, — сказал Алан ровным голосом, и улыбнулся холодной, почти ледяной улыбкой. — Давайте будем называть эту сумку вещественным доказательством. Хорошо?

— Боюсь, вы не имеете на это права, шериф, — Гаунт сошел с тротуара на мостовую. В его глазах горели красные огоньки. — Вы умрете, но не присвоите мою собственность.

Он начал приближаться к Алану, красные огоньки в его глазах становились ярче. Алан почувствовал, что его живот втягивается вовнутрь, но стоял без движения, опершись руками на верхнюю фару своего фургона. Он сделал вращательные движения в запястьях, отбрасывая на мостовую тень.

«Воробышки снова летают, мистер Гаунт», — подумал он.

Большая тень в виде ястреба, промелькнула мимо фальшивого фасада «Необходимых вещей». Гаунт заметил ее краем глаза, повернулся к ней, затем к Алану.

— Уходите из города, мой друг, — сказал Алан.

Он изменил положение рук, и образовалась новая тень — собака наподобие сенбернара пронеслась мимо швейной мастерской «Шьем для Вас». А где-то рядом, возможно по совпадению, а возможно и нет, залаяла собака, судя по звуку, большая собака. Гаунт повернул голову на этот лай. Он выглядел несколько суетливым и неуравновешенным.

— Вам повезло, что я вас отпускаю, — продолжал Алан, — в чем я могу вас обвинить? Кража человеческих душ, возможно, и карается у священников, но в уголовном кодексе, боюсь, этого нет. Поэтому я советовал бы вам покинуть город, пока вы в состоянии это сделать.

— Отдайте мою сумку!

Алан смотрел на него, стараясь иметь презрительное выражение лица, но его сердце дико стучало в груди.

— Вы еще не поняли. Вы проиграли.

Гаунт молча смотрел на Алана, потом кивнул головой.

— Я правильно делал, что избегал вас, — сказал он. Казалось, что он говорил сам с собой, — я это хорошо понял, вы победили.

Он повернулся и начал удаляться. Алан облегченно вздохнул.

— Я пошел.

Он снова поворотно, как змея, повернулся к Алану и в этот момент лишился человеческого облика, теперь это было лицо демона с

запавшими щеками и опустошенными глазами, горящими оранжевым огнем.

— **НО БЕЗ МОЕЙ СОБСТВЕННОСТИ!** — воскликнул он и прыгнул к сумке.

Откуда-то раздался голос Полли:

— Берегись, Алан!

Но у Алана уже не было времени. Демон, от которого исходил запах серы и паленой кожаной обуви, набросился на Алана. Алану оставалось только действовать, иначе ему угрожала смерть. Алан взялся правой рукой за запястье левой и коснулся резиновой петли под рукавом, которую он использовал для показа фокусов ребятам в школе. Часть его сознания говорила ему, что на этот раз трюк не удастся, и некогда чудесное превращение не поможет ему, потому что фокус со складыванием цветка исчерпал себя. Его большой палец, наконец, скользнул в петлю. Крошечный бумажный пакет треснул. Алан выбросил руку вперед, отпустил петлю в последний раз.

— **АБРАКАДАБРА, ТЫ ЛЕТАЮЩЕЕ ДЕРЬМО!** — закричал он, и в его руке раскрылся не букет цветов, а засверкал яркий сноп света, осветивший верхнюю часть главной улицы разноцветным и подвижным сиянием. Он понял, что все цветы, исходящие из его кулака, — это один цвет, как в радуге или призме. Алан почувствовал прилив силы и огромной радости. Он воскликнул:

— Это белый свет! Поток белого света!

Гаунт зарывал от боли, ярости и страха... но не отступил. Очевидно, как и предполагал Алан, он столько раз выигрывал, что разучился проигрывать. Он пытался уклониться от пучка белого света, пригибаясь, и едва не схватил своими длинными пальцами за ручки сумки между ногами Алана.

Внезапно на руку Гаунта наступила нога в ночном шлепанце. Это была нога Полли.

— Не трогайте, — закричала она.

Гаунт поднял лицо, недовольно ворча, и Алан направил на него пучок белого света. Гаунт издал продолжительный шипящий звук от боли и страха и отпрянул назад, в его волосах плясали голубые огоньки. Длинные белые пальцы сделали еще одну попытку схватить сумку, на этот раз Алан наступил на них всей своей тяжестью.

— Я вам последний раз советую убраться отсюда, — сказал он и сам удивился своему голосу, который стал сильным, уверенным и энергичным. Он понимал, что, возможно, ему не удастся положить конец этому существу, которое судорожно изгибается перед ним, закрываясь одной рукой от света, а другой пытаясь схватить сумку, но он может заставить его уйти отсюда. В этот вечер, когда вся эта световая мощь принадлежит ему... если он отважится выстоять и быть правдивым.

— И я вам говорю последний раз, что вы уйдете отсюда без этого.

— Они умрут без меня, — застонало существо, называющееся когда-то мистером Гаунтом.

Теперь его руки свисали далеко вниз и болтались между ногами, длинные клыки неоправданно торчали изо рта.

— Каждая из них умрет без меня, как растение без воды в пустыне. Вы этого хотите?

Полли стояла рядом с Аланом.

— Да, — сказала она холодно, — лучше пусть они умрут здесь и теперь, раз это должно случиться, чем продолжать жить с вами. Они — точнее мы — сделали несколько подлых вещей, но такая цена слишком высока.

Гаунт-существо зашипело и погрозило им клыками.

Алан поднял сумку и пошел медленно по улице вместе с Полли. Он направил фонтан света так, чтобы он освещал мистера Гаунта и его «такер-талисман». Он вздохнул полной грудью и когда он заговорил, слова лились из него мощным рокочущим потоком:

УХОДИ ОТСЮДА, ДЕМОН! МЫ ТЕБЯ ВЫБРОСИМ ИЗ ЭТОГО ГОРОДА!

Гаунт-существо закричало, как ошпаренное. Зеленый тент над «Необходимыми вещами» загорелся, витринное стекло лопнуло и рассыпалось мелкими бриллиантами. Из поднятой вверх, зажатой в кулак руки Алана выходили лучи блистательного сияния — синие, красные, зеленые, оранжевые, темно-фиолетовые — и во всех направлениях. На мгновение показалось, что на его кулаке покачивается крошечная яркая звезда.

Сумка из кожи гиены лопнула с гнилым треском и заключенные в ней стонущие голоса превратились в пар, который никто не увидел, но все почувствовали — Алан, Полли, Норрис, Ситон.

Полли обнаружила, что горячий, всепроникающий яд на ее груди и руках исчез.

Норрис почувствовал, что его сердце уже не ЖЖЕТ.

Люди во всем Кастл Роке побросали на землю свои ружья и дубинки и смотрели друг на друга удивленными глазами, как будто пробудились от страшного сна.

И дождь перестал идти.

17

Все еще повизгивая, существо, которое когда-то было Лилендом Гаунтом, подпрыгивая по тротуару, направлялось к «такеру». Оно открыло дверцу машины и уселось за руль. Мотор взревел. Но это не был рев мотора, сделанного человеческими руками. Из выхлопной трубы вылетело оранжевое пламя. Горели задние огни, но это были не красные огни фонарей, а уродливые маленькие глаза — глаза жестоких чертей.

Полли Чалмерс, всхлипывая, спрятала свое лицо на плече Алана, но Алан не сворачивал с дороги. Он предавался размышлениям о жизни, которая проходила перед его глазами, о ярких ночных чудесах: бумажной змее, которая в мгновение ока стала настоящей, бумажных цветах, превратившихся в сноп света, об источниках энергии, которую он ощутил.

Темноту прорезал свет фар. «Такер» выехал на улицу, с дымящимися колесами и с визгом сделал крутой правый поворот. И хотя фургон Алана не был задет, его накренило на бок, как под воздействием мощного магнита. Передняя часть «такера» начала тлеть белым огнем, что, по-видимому, предвещало новые превращения.

Автомобиль с воем помчался к тому кипящему аду, который был когда-то зданием муниципалитета со скоплением искореженных машин и фургонов, которые уже не соединял мост над ревущим потоком. Двигатель перешел на опасные обороты, освобожденные души дико и неистово завывали и туманное сияние начало обволакивать автомобиль.

На одно мгновение Гаунт-существо бросило взгляд на Алана, который сидел в своей машине. Существо, очевидно, намеревалось последний раз посмотреть на Алана своими красными глазами. Затем «такер» укатил. Он начал набирать скорость на склоне. Превращения тоже ускорились. Автомобиль расплавился и преобразился. Крыша съехала назад, колпаки на колесах превратились в спицы, колеса стали тоньше и выше. Расплавленный металл продавливался через установленные по бокам решетки. Машина превратилась в черную лошадь с красными как у мистера Гаунта глазами; лошадь, охваченную матовым сиянием; лошадь, выбивающую копытами огонь из мостовой и оставляющую дымящиеся следы. Салон машины превратился в открытую платформу, где на месте водителя восседал горбатый карлик и упирался своими туфлями в доску. Загнутые концы этих туфель были охвачены огнем.

Но изменения все еще продолжались. На пронсящейся по Мэйн-стрит открытой платформе стали расти боковые стенки, под ней появилась деревянная крыша, а сбоку — окно. На спицах колес заиграли разноцветные блики — и лошадиные подковы исчезли.

«Такер» превратился в открытую платформу, а платформа теперь превратилась в аптечный фургон, который можно было увидеть на дорогах страны сотню лет назад. На боку фургона красовалась надпись и Алан смог прочесть ее:

«ПРОВЕРЯЙТЕ КАЧЕСТВО ТОВАРОВ, НЕ ОТХОДЯ ОТ ПРИЛАВКА! (CAVEAT EMPTOR)»,

— гласила она.

Паря на высоте пятнадцати футов над землей и все еще поднимаясь, фургон пролетел над дымящимся пепелищем на месте муниципалитета. Копыта черной лошади, галопирующей по невидимой небесной дороге, все еще выбивали оранжевые и бриллиантовые искры. Фургон завис над поверженным мостом, который лежал в реке, как скелет динозавра.

Затем по Мэйн-стрит понесся плотный столб дыма от горящего здания муниципалитета. Когда дым рассеялся, Лиленд Гаунт исчез со своим адским фургоном.

18

Алан провел Полли к полицейской машине, на которой Норрис и Ситон приехали от здания муниципалитета. Норрис сидел у окна, прислонившись к раме. Он был слишком слаб, чтобы выйти из машины.

Алан обхватил его и помог встать на ноги.

— Норрис?

— Что, Алан? — всхлипнул Норрис.

— С этого момента ты будешь менять свое белье у Крамера в любое время, когда захочешь, — сказал Алан, — хорошо?

Норрис, казалось, не слышал.

Алан видел, что рубашка его помощника пропиталась кровью.

— Ты тяжело ранен?

— Не очень, по крайней мере я так не думаю. Но все это, — он указал рукой на город с его руинами и пепелищам — это моя вина. Моя!

— Ошибаетесь, — сказала Полли.

— Вы не поняли! — Лицо Норриса искривилось от жалости и стыда, — я, тот, кто порезал шины на машине Хью Прайста! Это я с ним сыграл такую шутку.

— Да, — задумчиво произнесла Полли, — возможно. И вам придется жить с этим. Я тоже сыграла злую шутку с Тузом Мериллом, и мне придется жить с моей виной.

Она указала на то место, где происходила схватка между католиками и баптистами при молчаливом наблюдении изумленных полицейских. Некоторые из борцов возвращались поодиночке, некоторые группами. Отец Бригхэм шел, поддерживая Преподобного Роуза, а Нэни Робертс обхватила за пояс Генри Пэйтона.

— Но кто всех их подставил? И Вилму и Нэтти? И всех остальных? Если вы это сами сделали, Норрис, то вы настоящий гигант.

Норрис громко разрыдался.

— Мне так тяжело, — простонал он.

— Мне тоже, — сказала Полли, — у меня разрывается сердце.

Алан быстро взглянул на Полли и Норриса, а потом склонился над машиной Сита.

— Как чувствуешь себя, старина?

— Довольно бодро, — сказал Сит.

И действительно он выглядел возбужденным, хотя и был в некотором замешательстве.

— Я думаю, нам надо доставить Норриса в больницу, Сит, если в твоей машине найдется место.

— Конечно, Алан. Забирайтесь ко мне. Какая больница?

— Северный Камберленд, — ответил Алан. — Там есть один мальчик, которого я хочу увидеть. Хочу убедиться, что отец нашел его.

— Алан, действительно ли случилось то, что я видел. Машина этого парня врезалась в фургон, а потом взмыла в небо?

— Не знаю, Сит, — сказал Алан, — и, клянусь богом, не хочу знать.

Подошел Генри Пэйтон и тронул Алана за плечо. В его глазах был странный блеск. Он имел вид человека, стоящего на пороге крутого изменения своей судьбы.

— Что случилось, Алан? — спросил он. — Что на самом деле произошло в этом проклятом городишке?

На этот вопрос ответить решила Полли.

— Здесь шла распродажа, самая крупная распродажа, какие только бывают... но под конец кое-кто из нас решил больше не участвовать в ней.

Алан открыл дверцу машины и помог Норрису сесть на переднее сиденье. Он тронул Полли за плечо.

— Поехали, — сказал он. — Норрис потерял много крови.

— Эй! — крикнул Генри. — У меня много вопросов и...

— Оставь их при себе. — Алан сел в машину вслед за Полли и закрыл дверцу: — Поговорим завтра. Сейчас я не на службе. Думаю, что теперь в этом городе я не работаю. Будь доволен, что все уже позади. Все, что случилось с Кастл Роком.

— Но...

Алан откинулся назад и дотронулся до костлявой спины Сита.

— Поехали, — сказал он. — И не жалея бензин.

Сит начал выруливать на Мэйн-стрит в северном направлении. Машина повернула влево на развилке и покатила вверх по склону Кастл Хилл по направлению к Кастл Вью. На вершине холма Алан и Полли обернулись и посмотрели на город, охваченный рубиновым огнем. Алан испытывал чувство горечи и поражения, и странной обманутой печали.

«Мой город, — подумал он. — Это был мой город. Но его больше нет и никогда не будет».

Они повернули головы, чтобы посмотреть вперед на дорогу, но в тот же момент посмотрели друг другу в глаза.

— Ты никогда не узнаешь, — мягко сказала она, — что в действительности произошло с Анни и Тодом в тот день, никогда.

— Я уже не хочу этого знать, — сказал Алан Пэнгборн. Он нежно поцеловал ее в щеку. — Это окутано темнотой. Пусть темнота и уносит это с собой.

Они поднялись на вершину холма, поехали под уклон по дороге номер 119. Кастл Рок скрылся из вида; темнота унесла его с собой тоже.

КОНЕЦ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вы здесь когда-то были.

Уверен, что вы здесь были. Я никогда не забываю лица. Подойдите сюда, позвольте пожать вашу руку и кое-что вам сказать: я сразу узнала вас по походке, даже не рассмотрев лица. Вы не могли выбрать лучшего дня, чтобы прибыть в наш Джанин Сити, самый прекрасный городок Айовы, по крайней мере, в этой части страны. Ну что же, можете посмеяться: это была шутка.

Вы можете побыть со мной какое-то время? Вот здесь на этой скамье у Военного мемориала. Погода стоит теплая и отсюда виден почти весь город. Вы хотите напомнить об окаменевших древних щепках, найденных при раскопках, ну что же; эта скамейка стоит здесь с тех пор, когда Гектор был еще щенком. А теперь посмотрите сюда. Нет — чуть-чуть правее. На здание, окна которого замазаны мылом. Раньше здесь был офис Сема Пибзла — человека с высоким положением в обществе и чертовски хорошего парня. Потом он женился на Наоми Хиггинс из города и они уехали, как все молодые люди уезжают в эти дни.

Его офис пустовал больше года — экономика здесь пришла в упадок после начала ближневосточных операций, но теперь кто-то, наконец, приобрел это здание. Об этом было много разговоров и вы знаете, как это бывает в таких городках, как наш, где жизнь течет замедленно и без перемен: открытие нового магазина — всегда большая сенсация. Не хочу утомлять вас подробностями. Последние рабочие, занимавшиеся реставрацией старого здания, собрали свои инструменты и покинули наш город в прошлую пятницу. Теперь я думаю:

Кто?

И это она! Это Ирма Скиллз. Она была директором средней школы в нашем городе — первая женщина директор в этой части штата. Я слышала, что два года назад она ушла на пенсию и, кажется, отреклась от всего — от Восточной Звезды, от Дочерей Американской революции, от команды нашего города. Она даже оставила церковный хор. Я понимаю ее. Я представляю, насколько болезненный ее ревматизм — она сейчас ужасно плоха. Вы видели, как она опирается на свою тросточку? И в таком положении люди, естественно, делают все, чтобы облегчить свои страдания. Как тяжело ей было смотреть на все это! Наблюдать, как открыли новый магазин. Ну что ж. Она, может быть, постарела, но ни в коем случае не умерла. Между

прочим, вы знаете пословицу «любопытство убило кошку», но удовлетворение любопытства вернуло ее к жизни. Могу ли я прочесть табличку на дверях магазина? Будьте уверены, могу. Два года назад мне прописали очки, но они для близкой работы; мое же зрение вдаль никогда не было таким хорошим. Табличка гласит: «СКОРО ОТКРЫТИЕ», а под этой строчкой — другая: «НОВЫЙ ТИП МАГАЗИНА». А последняя строчка, погодите минуту, она набрана мелким шрифтом: «Вы не поверите своим глазам». Хотя я, наверное, поверю. В Экклезиасте сказано, что нет ничего нового под солнцем, и я вполне с этим согласна. Но Ирма вернется. Хотя бы для того, чтобы посмотреть на того человека, который повесил этот великолепный ярко-зеленый тент над старым зданием! Я даже взглянула вглубь себя. И думаю, что большинству жителей нашего города следует поступить также, прежде чем что-то сказать и что-то сделать. У нового магазина интересное название, не правда ли?

«Оправдывающиеся надежды». Интересно, какие товары он предлагает. И все же, даже с таким названием он может оказаться ничем. Совсем ничем.

24 октября 1988 г. 28 января 1991 г.

С о д е р ж а н и е

Предисловие 6

Часть I

Торжественное открытие 11

Часть II

Распродажа века 245

Часть III

Пускай все крутится 389

Послесловие 493

Литературно-художественное издание

Стивен Кинг

НЕОБХОДИМЫЕ ВЕЩИ

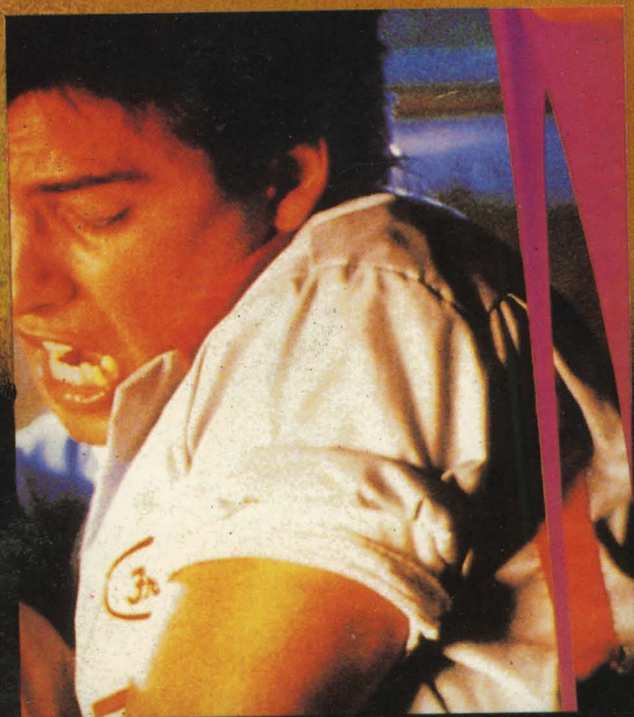
Выпуск 29

**Сдано в набор 16.05.95. Подписано в печать 18.06.95 г.
60×88 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага книжно-журнальная.
Объем 31 п.л. Печать офсетная. Тираж 10 000 экз.**

Издательство Сигма, Львов, а/я 25

**Отпечатано с готовых диапозитивов
на Львовской книжной фабрике "АТЛАС"
290005, г. Львов, ул. Зеленая, 20**

СТИВЕН КИНГ

Прекрасный роман Стивена Кинга
погружает читателя в атмосферу
любимого автором городка Кастл Рок.
В этом городе открывается магазин
«Необходимые вещи»,
что становится причиной
ужасных и загадочных событий.